

ИСКУШЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

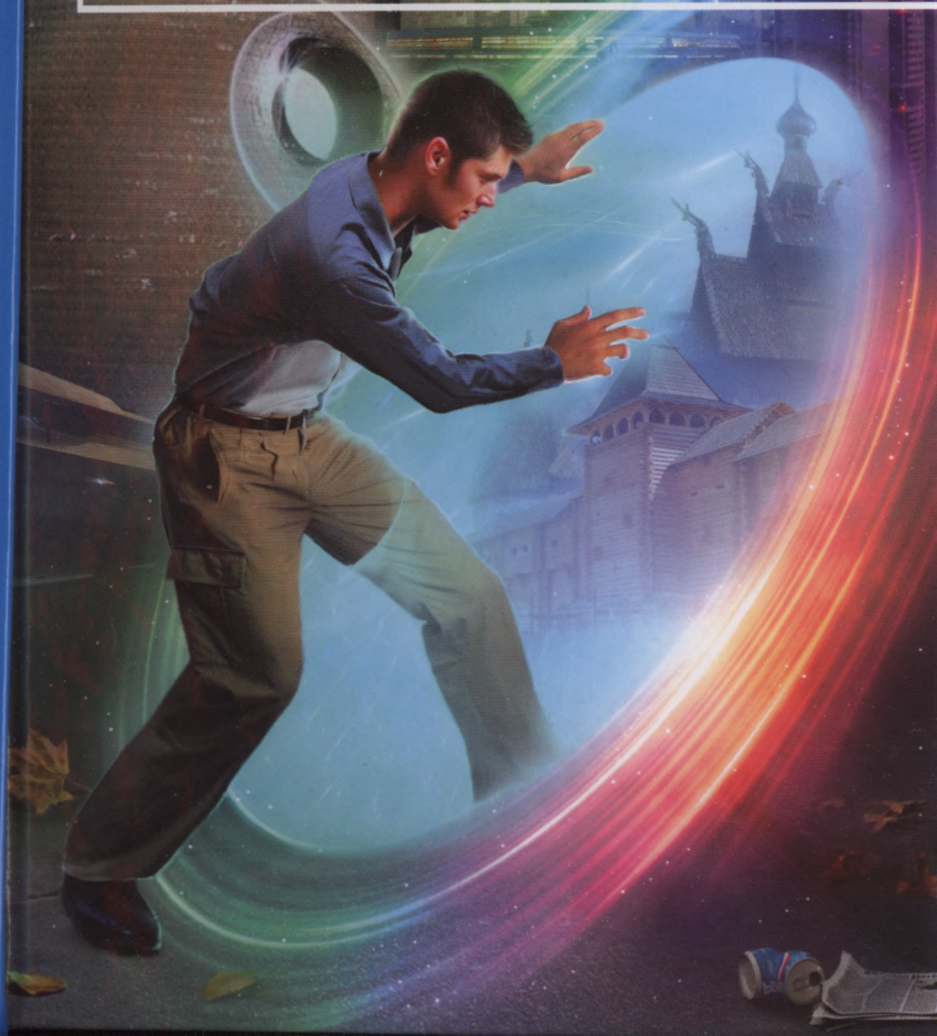
КИР БУЛЫЧЕВ
АРЕНЕВ • БАТХЕН • ВОЛКОВ • ГЕЛПРИН
ГИНЗБУРГ • КАЛИНИЧЕНКО • ПАНЧЕНКО
ХОРСУН • ЩЕРБАК-ЖУКОВ

ИСКУШЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

АРЕНЕВ • БАТХЕН • ВОЛКОВ • ГЕЛПРИН •
ГИНЗБУРГ • КАЛИНИЧЕНКО • ПАНЧЕНКО
ХОРСУН • ЩЕРБАК-ЖУКОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ИСКУШЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

КИР БУЛЫЧЕВ
АЛЕКСЕЙ ВОЛКОВ
ИРИНА СКИДНЕВСКАЯ
НИКА БАТХЕН
ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО
ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ
МАКСИМ ХОРСУН
ВЛАДИМИР АРЕНЕВ
НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО
МАЙК ГЕЛПРИН
МАРИЯ ГИНЗБУРГ
АНДРЕЙ ЩЕРБАК-ЖУКОВ
и другие

ИСКУШЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

ЭКСМО

МОСКВА

2013

Составитель сборника *И. Минаков*
Серийное оформление художника *Е. Савченко*
Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Серия основана в 2003 году

И 86. Искушение чародея : фантастические повести и рассказы / Кир Булычев и др. — М. : Эксмо, 2013. — 832 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-68097-9

Трудно поверить, но прошло уже десять лет, как ушел от нас Кир Булычев...

На его добрых и мудрых книгах выросло и возмужало несколько поколений читателей. Истории о госте из будущего Алисе Селезневой, космическом докторе Павлыше, простоватых, но поразительно везучих жителях русского городка Великий Гуслирь сопровождают нас всю жизнь — от младенчества до весьма зрелого возраста. Но время идет, любимые книги читаны-перечитаны, а ведь так хочется узнать, что было с их героями дальше...

Этот сборник дарит читателям уникальную возможность заглянуть за пределы, казалось бы, давно завершенных историй. Алиса и доктор Павлыш, неунывающие гуслирцы и обитатели Поселка, затерянного на далекой, суровой планете, возвращаются!

В сборник включены произведения Кира Булычева, найденные в архиве писателя, а также повести и рассказы, написанные по мотивам его книг другими известными авторами!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Н. Анискова, В. Арнев, Н. Батхен, Б. Богданов, К. Булычев, В. Венгловский, И. Вереснев, А. Волков, М. Гелприн, М. Гинзбург, А. Голиков, С. Звонарев, Н. Калининченко, Н. Караванова, К. Каримова, В. Копернин, Ю. Мальт, А. Марченко, В. Марышев, С. Пальцун, Г. Панченко, О. Пелипейченко, А. Рябоконь, И. Самохина, И. Скидневская, С. Удалин, Е. Халь, И. Халь, М. Хорсун, А. Щербак-Жуков, Ю. Южная, М. Ясинская, 2013

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-68097-9

*Великому русскому писателю Киру Булычеву,
виртуозному мастеру и светлому человеку,
посвящается*

АНДРЕЙ РЯБОКОНЬ

КИР БУЛЫЧЕВ:
И В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ*биография на основе
высказываний самого писателя*

Критерием цивилизованности мира должно служить чувство юмора: здесь [на дикой планете] ничего смешного просто не бывает. Если зазеваться, решишь посмеяться — тебя скушают.

Кир Булычев. Космический доктор

Нало сказать, что Кир Булычев — писатель из числа самых-самых (братьев Стругацких, Станислава Лема, Айзека Азимова). Зачем кривить душой, ведь он на самом деле великий мастер слова, знаток человечества вообще и человека в частности. Книги его интересны всем, а тех, кто по каким-то причинам читать стесняется (например, плохо владеет иностранными языками вместе с родным. Помните шуточку? «Вы иностранными языками владеете?» — «Да я и по-русски не очень...»), тех притягивают, как магнит, фильмы и даже мультфильмы по его книгам и сценариям. Добрые, хорошие, чуть-чуть грустные.

Кир Булычев — целая эпоха. Грех не познакомить читателя с тем, как все начиналось.

Настоящее имя писателя — Игорь Всеволодович Можейко. Родился он 18 октября 1934 года вблизи Чистых прудов и при первой же возможности переехал на романтический Арбат. Школьные годы (пощутил как-то Игорь Можейко) помнил плохо, потому

что был средним учеником, зато все летние каникулы глубоко западали в память. И, когда оканчивал школу, был уверен, что выучится на палеонтолога, однако волею судьбы попал на переводческий факультет Института иностранных языков. А пока учился там и ходил в турпоходы, умер Сталин, наступила новая эра и «оказалось», что за границей есть другие страны.

В 1957 году, когда Игорь Можейко успешно окончил с высшим образованием, появилась нужда в переводчиках во всех отдаленных уголках Земли. И тогда тех выпускников, которые успели к тому времени жениться, разослали в отдаленные страны. Наш герой попал на строительство в экзотическую Бирму. (Собственно, экзотической была только Бирма, но не само строительство.) «... Оказалось, что наша страна совсем не одинока на Земле, а есть еще много государств, с которыми можно не только враждовать, но и дружить. Развелось немало свободолобивых, трудолюбивых и прогрессивных бывших колоний, которым не мешало бы помогать... Мы строим в Бирме Технологический институт, современный отель, госпиталь в горах, в Таунджи. А Бирма дарит нам в ответ соответствующее количество риса».

В Бирме было жарко и пыльно. И очень влажно. Скоро будущий писатель начал понимать, что ему не нравится работать переводчиком. Года через два, возвратившись домой, он узнал о существовании Института востоковедения и поступил в аспирантуру, в отдел Юго-Восточной Азии. По специальности «История Бирмы». Особенно занимало его существовавшее в долине реки Иравади в XI—XIII веках великолепнейшее государство Паган.

Денег в аспирантуре платили, как водится, мало, зато, и поэтому (а также, возможно, и по другим причинам) молодой аспирант стал наведываться в журнал «Вокруг света», который в 60-е был чудесным изданием, и работали там замечательные люди. Кстати,

именно здесь в 1960 году увидел свет первый очерк способного аспиранта о Бирме. Спустя пять лет в этом же чудесном журнале был опубликован рассказ Игоря Можейко «Долг гостеприимства», официально именовавшийся переводом с бирманского языка, и автором значился некто Маун Сейнджи.

(Кстати, по словам знающих людей, Кир Булычев первой своей серьезной художественной повестью — повестью для детей — считал «Меч генерала Бандулы». Действие этой истории разворачивается в той же Бирме — Бирме середины прошлого века, то есть в почти современной Бирме.)

В начале 1960-х Игорь Можейко, будучи уже вполне дипломированным историком-востоковедом, поработал в Ираке и западноафриканской Гане, омываемой водами Гвинейского залива.

Будущий писатель на полтора года возвращался в Бирму, где дописывал диссертацию (которую в 1966-м успешно защитил), и к середине 60-х годов, достигнув возраста Христа, надолго пережив Лермонтова, ничего кардинального — как ему казалось — не создал. Он был увлеченным читателем фантастики, но пока не писателем. И вот в 1965 году Игорь Можейко создал первые сказочные истории о девочке Алисе из XXI века. Цель — найти пути к детской литературе, адекватной поколениям, вырвавшимся у экрана телевизора, а затем компьютера — была достигнута. Добавим, что и путь к детским сердцам был найден.

А вот первое взрослое произведение появилось случайно. В журнале «Искатель» (приложение к упомянутому ранее «Вокруг света») в 1967 году случилась беда: цензура «зарезала» американский переводной рассказ. «Во мраке веков» сокрылось, что же это был за рассказ, но к нему тиражом 300 тысяч экземпляров была уже напечатана цветная (что недешево и по нынешним временам, высокотехнологичным и где-то ин-

фляционным!) обложка. Конечно, это была катастрофа... Тогда собрались все и решили — надо написать за ночь рассказ по обложке.

Задача совсем не простая. Посудите сами — нарисован стул, на стуле большая банка, а в ней — динозавр. Что делать? Кир Булычев провел бессонную ночь (ну, может быть, две ночи от силы), и... скоро в журнале появилась история: в одной из редакций получают телеграмму — пойман динозавр! Живьем. Начинается суматоха, на железнодорожной платформе сооружается клетка. А тем временем появляется фотокорреспондент, отправивший телеграмму. Появляется с банкой в руках. В банке — живой бронтозавр, чуть крупнее некрупной ящерицы. Нет, не вымерли допотопные динозавры! Но сильно измельчали...

Рассказ напечатали. Трудно поверить, но факт, свидетельствующий о глубокой скромности писателя, заключается в том, что до 1982 года в институте, за исключением двух-трех друзей, никто не знал о «грехе писательства» научного сотрудника. А в 1982 году Кир Булычев получил Госпремию за сценарий к полюбоившимся зрителям фильмам «Тайна третьей планеты» и «Через тернии к звездам». В газетах был предательски раскрыт псевдоним, собранный из имен членов семьи. Тайна раскрылась, и начальники, узнав истину (прошу не путать с формулой «познав истину»!), побежали к директору института требовать «принятия мер». К счастью, у директора имелось достаточно развитое чувство юмора (и чувство совести, и, наверное, множество иных очень хороших качеств), поэтому он произнес историческую фразу: «План выполняет? Выполняет. Вот пусть выполняет его и дальше». С тех пор Кир Булычев продолжал выполнять план и создавать чудесные книги.

Кстати, кроме фильмов «Через тернии к звездам» и «Комета», были — в сотрудничестве с режиссерами Ричардом Викторовым и Романом Кочановым — соз-

даны замечательные мультфильмы (любимые не только детьми, но и взрослыми, которые есть, по секрету, не что иное как выросшие дети) «Два билета в Индию» и «Тайна третьей планеты». Позже писателю удалось поработать с такими хорошими режиссерами, как Г. Данелия, П. Арсенов, Ю. Мороз, В. Тарасов и другими. Всего были написаны сценарии к двадцати фильмам, включая короткометражки. Но в последние годы Кир Булычев отошел от кино — то ли темп жизни так изменился, то ли фильмы стали сниматься иные...

Вот мы и возвращаемся к прозе. От прозы жизни — к просто хорошей прозе. Вскоре после фантастических рассказов был написан и роман «Последняя война», в котором появился первый относительно постоянный герой, что автор позволял себе крайне редко. Предыстория такова: в 1967 году журнал «Вокруг света» отправил писателя в «круиз» по весьма прохладному Северо-морскому пути на сухогрузе «Сегежа». В Карском море корабль сломал винт и, выбившись из графика и всех сроков, притащился к Диксону, где и застрял весьма надолго. Рейс был внутренний, спокойный. Работники спецслужб (например, КГБ и т. д.) в подобных «круизах» не доставали. Кир Булычев делил каюту, предназначенную для какой-то важной персоны, с художником, командированным в Арктику, чтобы запечатлеть доблестный труд советских моряков, и оказавшимся человеком скучным. Иные моряки были чудесными ребятами, но уж очень пьющими, порой чрезмерно — и по поводу холодов, и по поводу сломанного винта. Булычев подружился с корабельным врачом Славой Павлышем. Этому способствовали неспешные беседы во время исследования пустынных окрестностей Диксона и Хатанги. И вот ощущение арктических просторов, дающих мало шансов выжить человеку, ощу-

щение сплоченной корабельной команды, характера моряков, ситуаций на борту перетекло в первый фантастический роман как-то само собой.

Другая «постоянная тема» писателя — городок Великий Гусляр, тоже имеющий свой прототип, географический. И тоже на уровне ассоциаций, не более.

Как-то поехал Кир Булычев с друзьями в Вологду, а оттуда в Великий Устюг, который произвел на писателя просто неизгладимое впечатление. Городок буквально очаровал писателя. И надо же такому случиться, на одной из улиц (именно в момент пребывания писателя в городе) произошел провал — кусок мостовой «ушел» вниз, в какой-то древний ход. И Булычеву пригрезился Великий Гусляр... Зеленый дворик, окруженный двухэтажными домишками; за могучим столбом люди в майках «забивают козла» (кстати, в 68 рассказах и повестях о Великом Гусляре его персонажи тоже частенько играют в домино), провизор в аптеке, странный лохматый веселый гражданин с воздушным змеем под мышкой, старик, с которым писатель разговаривал в столовой и который утверждал, что в Устюге под каждой улицей подземные ходы и клады... Так родился центр действия. И так начали складываться вымышленные биографии жителей. А написан первый гуслярский рассказ был в Болгарии, в городке Боровец, под звон колокольчиков возвращающихся с альпийских лугов овец. Булычев, находившийся в горах по приглашению друзей, сочинил фантастический рассказ для журнала «Космос». Так что первая гуслярская история увидела свет на болгарском языке!

Кстати, имена персонажей Кир Булычев извлек из «Адресной книги города Вологды» за 1913 год, подаренной ему умнейшей и обаятельной Еленой Сергеевной, бывшим директором вологодского музея. Так «родились» Корнелий Удалов вместе с женой Ксенией, старик Ложкин, Саша Грубин и профессор Минц.

Псевдоним писателя появился примерно в ту самую «динозавровую» пору, почти одновременно с первым фантастическим рассказом «Когда вымерли динозавры», опубликованным в журнале «Искатель».

Обратимся к первоисточнику, приводя шутливую цитату автора об обстоятельствах, в окружении которых рождался псевдоним:

«Ну, выйдет фантастический рассказ. Прочтут его в институте. И выяснится, что младший научный сотрудник, лишь вчера защитившийся, про которого известно, что он сбежал из колхоза, прогулял овощную базу... еще и фантастику пишет!.. В общем, я испугался. И в одну минуту придумал себе псевдоним: Кир — от имени жены, а Булычев — от фамилии мамы».

Вспомним и слова Игоря Всеволодовича о постепенном возникновении идеи сказочного цикла о девочке из будущего Алисе Селезневой; добрая сотня сказок этого цикла вышла в свет полутора десятками замечательных книг — замечательных и обожаемых детьми, а также их родителями:

«... В нашей семье родилась дочка. Ее называли Алисой. Алиса росла, и вот она научилась читать. И тогда я подумал: а что же она будет читать?..

Нашим детям жить в двадцать первом веке, летать к звездам, открывать новые планеты, но что они будут читать, когда узнают все про Бабу-ягу и Кощея? Может, они ничего не будут читать? Будут смотреть видео, жевать «Сникерс» и обойдутся без книжек? С этим я не согласился и решил попробовать написать повести для детей, которые станут взрослыми в будущем веке». Будущий век наступил. Дети выросли — талантливые, смелые, вполне образованные, большей частью честные и справедливые — и не в последнюю очередь благодаря чудесным историям Кира Булычева. Жаль только, что космического братства, да и са-

мих полетов в космос, почти не сложилось. Наоборот, многое хорошее из того, что было, благополучно развалилось вместе с не очень хорошим. Что-то взрослые с этим «... до основания разрушим, а потом...» то ли перебрали, то ли перестарались. И вместо «потом» выходит вполне «сейчас» — но временами черт знает что выходит. Предупреждаем сразу: вины великого писателя здесь нет. Он-то свое дело делал как следует, не в пример некоторым.

Итак, третье тысячелетие наступило. И новые поколения детей, конечно же, будут с увлечением читать и перечитывать чудесные книги о космических приключениях отважной девочки Алисы — читать с увлечением, так же как читали их мамы и папы, только собираясь вырастать, но уже устремляясь к звездам!..

И снова буквально два слова об ученом-историке.

Книги по истории, написанные Игорем Всеволодовичем, — «Пираты, корсары, рейдеры» (издательство «Вече»), «Соперницы Медеи (женщины-убийцы)», «Награды», «Загадка 1185 года. Русь — Восток — Запад» и другие, — увлекательнейшее чтение (популярное слово «чтиво» кажется мне здесь неуместным) и для студентов-историков, и просто для студентов, и вообще для многих взрослых людей, считающих себя (хотя бы в душе) молодыми. Отметим особо, что тема «Соперниц Медеи» перекликается с четырьмя книгами из увлекательнейшего цикла об агенте 003 ИнтерГалактической полиции Коре Орват и особенно с фантастическим романом «Покушение на Тесея» (кстати, в одной из этих книг есть «привязка» к той самой «гуслярской» серии; например, мама девочки Кору оказывается имела фамилию Удалова — видимо, правнучка «гуслярского» Корнелия).

...Динамика, шквал событий получше модного голливудского «экшен», ирония, бьющая наповал —

а временами смех сквозь слезы и то самое, настоящее, что присуще только высокой литературе, славянской, восточной или западной, без разницы (истина — она и есть истина, ей границы между государствами — не преграда) — все это может воплотиться в будущем (слово — за мастерами киноиндустрии) в потрясающие сценарии чудесных кинофильмов, которые могут стать в ряду «Дозоров» и «Властелинов колец». А быть может, и потеснить их!

Надо сказать, что Кир Булычев долгие годы имел репутацию оптимиста. Наверное, хотелось верить, что наша жизнь все же изменится к лучшему и свет в конце туннеля как бы не зря (один сатирик возмущенно говорил: «Почему же туннель, с... никак не кончается?»)... Скептики и всевозможные борцы за свободу иногда укоряли его, навешивая ярлычок «писателя застоя» (лучше бы попробовали сами создать хоть один настоящий рассказ, хоть что-нибудь стоящее). Напрасно. Каждому — свое. Кир Булычев оказался в итоге прав. На все сто. А скептики, покинув ряды диссидентов, органично влились в другие ряды, заняли руководящие посты и принялись бороться с оппозицией. Столь же жаростно. Их бы энергию да в мирное русло. Да, очень по-разному люди понимают свободу. Часто наезжая своей личной свободой на свободу других людей — близких и далеких.

И вот в этот момент, когда быть оптимистом не возбранялось, писатель предложил читателям ряд пессимистичных произведений. Если бы он был больше похож на тех скептиков, то напечатал бы все это давным-давно в «свободной демократической прессе» и приезжал бы оттуда советовать интеллигенции (заодно и всем остальным), как следует жить. Вспоминается фраза из талантливого фильма, произнесенная

талантливым актером: «Я вас заставляю быть счастливыми!!!»

Кир Булычев не из тех, кто заставлял.

Скинув, образно говоря, маску оптимиста, под которой оказалось лицо оптимиста, писатель надел маску фаталиста. Ему хотелось еще пожить в свободном обществе (свободном теперь от многого и, к сожалению, иногда от чести, совести и других полезных свойств), но он не был уверен, что судьба предоставит ему такую возможность на долгое время. А времени оставалось все меньше и меньше. Времени и сил, отнимаемых подступающей старостью и болезнями. Это отражалось в его последних произведениях, пронизанных пронзительной печалью и стремлением открыть нам истину — пусть и с помощью приемов фантастики. Булычев с 1989 года работал над большим романом, который должен был состоять из многих частей, многих томов. Название романа символично — «Река Хронос».

За свою жизнь он успел очень многое. Хотя сколько осталось в планах, в мыслях?..

Кир Булычев умер в начале сентября 2003 года (утром, 5-го числа), накануне открытия международного фестиваля фантастики «Звездный мост», где его ждали, надеялись еще раз увидеть...

Наверное, разумнее прислушиваться не к скептикам или критикам, а к почитателям таланта Мастера. Ведь что ни говори, а в армии поклонников сказочно добрых, душевных, искренних — настоящих — историй Кира Булычева, в этой армии дезертиров не бывает.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

ПЛЕННИКИ ДОЛГА

1

диночество не пугало Павлыша. Одиночество редко пугает, если оно добровольное, если знаешь, когда и как оно кончится.

Кораблик Павлыша был тесен. Планетарный катер должен садиться на планеты, и потому большая его часть отведена под топливо для посадочных двигателей, а почти все остальное пространство занято измерительной и контрольной аппаратурой. Так что каютки и пульт управления невелики. Кораблик звался «Оводом». Сначала Павлыш решил, что виной тому литературные реминисценции, но на пятый день полез от нечего делать в регистр и обнаружил, что в Дальнем флоте кто-то окрестил именами кусачих насекомых всю серию обтекаемых и остроносых планетарных катеров. К «Пушкину» был приписан «Комар», к «Надежде» «Москит» и так далее.

После преувеличенной грандиозности «Титана», который мог позволить себе быть грандиозным, потому что ни разу за свою жизнь не спускался ни на одну планету, а гордо парил в открытом космосе, оставляя черную работу на долю челноков и катеров, после его громадных шаров, замысловато соединенных жилами переходов, «Овод» показался Павлышу уютным, словно избушка, огонек которой поманил путника в дремучем лесу.

Видно, те, кому до Павлыша приходилось проводить здесь недели, также относились к «Оводу» как к избушке. И оставили будущему путнику нужные вещи. Павлыш обнаружил в миниатюрной душевой замечательный яблочный шампунь, в ящике стола потрепанную колоду пасьянсных карт, а в камбузе дюжину банок пива.

Утром, позавтракав, Павлыш брал диктофон, включал экран, гонял микрофильмы, наговаривал статью, которую уже второй год собирался написать. Он много читал, несколько раз выбирался наружу, просто так, погулять. Можно было убедить себя, что сидишь у порога избушки и любишь звезды.

Двенадцать дней пути. Две недели на Хроносе. Еще двенадцать дней пути до randevу с «Титаном». Такой выдался Павлышу отпуск, который официально называется инспекционной поездкой.

Павлыш ощутил беду за два дня по посадки на Хронос. Вообще-то следовало осознать это раньше, но Павлыш, не будучи профессиональным навигатором, слишком доверялся автоматике. «Овод», умный корабль, должен был доставить его на Хронос без подсказок со стороны несовершенного человеческого мозга.

Планета должна была появиться не только на экране радара, но и в иллюминаторе прямого видения. Планеты не было.

Когда Павлыш убедился в этом, он спросил компьютер корабля, что произошло. Может, неверен курс?

Компьютер сообщил, что курс совершенно верен и что планета требуемой массы, находящаяся на требуемом расстоянии, теоретически существует, однако реально ее нет.

Если бы Павлыш мог допустить, что у компьютеров бывает чувство юмора, он бы засмеялся.

К сожалению, он не мог запросить инструкций с «Титана». Тот шел с околосветовой скоростью, и сигнал достигнет его не скоро.

Милое ощущение безмятежности мгновенно покинуло Павлыша. Одиночество, что обрушилось на него в тот момент, когда пропала планета, было одиночеством особого рода. Оно понятно альпинистам и космонавтам. Ты вдруг превращаешься в беспомощную песчинку, окруженную равнодушным безмолвием, масштабы которого настолько превышают способности человеческих ощущений, что бороться с ним невозможно. А покориться страшно, потому что потеряешь эту песчинку — себя.

Павлыш заподозрил компьютер в логической уловке. С планетой, к которой он подлетал, случилось нечто, выходящее за пределы понимания компьютера. Либо за пределы понимания человека. И тогда, дабы довести свою растерянность до человека, компьютер постарался выразить ее в языковых категориях. И, разумеется, не смог.

Положение усугублялось тем, что Хронос — бродячая планета. Миллионы лет назад в результате неизвестного катаклизма она потеряла свою звезду и стала системой «в себе». Она двигалась в витке Галактики по тем же путям, что и ближайшие к ней звезды. Именно поэтому Хронос был избран для экспериментов Варнавского.

Берем пустую, безжизненную или почти безжизненную планету, события на которой никак не могут отразиться на судьбе других планет, и забрасываем туда группу Варнавского с ее оборудованием. В крайнем случае планетой можно пожертвовать — возможные результаты окупят подобную потерю...

В ходе подготовки к эксперименту планета лишилась стандартного цифрового кода и получила название «Хронос». И это было понятно, потому что Варнавский занимался временем.

Путешествия во времени всегда были излюбленной темой фантастов и утопистов. Темой, выдержав-

шей испытания научным прогрессом. Фантастика постепенно отступала, теряя позиции и покорно отводя свои легионы. Когда-то давно оказалось, что из пушки на Луну летать не следует, потому что есть другие реальные способы добраться до Луны. Затем Венера потеряла очарование утренней зари, а марсианские каналы и извечная мудрость древних марсиан испарились с первыми же марсианскими станциями. И так шаг за шагом... Везде фантасты отступали, кроме темы времени. И чем упорнее ученые доказывали невозможность хроноэффетов, тем упорнее фантасты описывали машину времени, как будто надеялись изобрести ее сами. Какое бесчисленное множество парадоксов рождали эти сюжеты! Какие философские глубины открывались перед смелыми путешественниками! И даже окончательный вердикт науки, доказавший, что просто теоретическое допущение перемещения во времени вызовет катаклизмы в масштабе всей планеты, ничему писателей не научил. Чем невозможнее была задача, тем сладостней она становилась для литературы. В конце концов, все было логично (логика эта была невыгодна фантастам и потому отбрасывалась): вы не можете изменить объективный ход времени для какой-то части системы (несмотря на то что время — физическая величина, тесно связанная со всеми иными физическими реалиями), не сдвинув во времени всю систему. Не может один человек отправиться в прошлое, не отправив туда всю Землю, а также и всю Солнечную систему, представляющую собой именно физическую систему, единство гравитационного характера.

Но, ударив с размаху по писателям и мечтателям, ученые оставили открытой любопытную сторону проблемы: а если мы отыщем тело, не связанное гравитационно с прочими галактическими телами либо связанное настолько слабо, что для удобства экспе-

римента мы можем этими связями пренебречь. Что тогда? Вопрос был скорее абстрактным, чем практическим, но весьма любопытным.

Группа Варнавского теоретически обосновала модель перемещения во времени для изолированного тела. Варнавский повторил и во многом развил теории, существовавшие и раньше. Но модель стала называться именно парадоксом Варнавского. Случилось то, что было в свое время с паровозом. Его изобретали множество раз, но так как нужды особой в нем не было, то образцы самоходных колясок увенчивали собой свалки, а их изобретатели — списки великих неудачников. Зато когда паровоз понадобился, все лавры достались Стефенсону.

Варнавский также получил свою долю лавров. Скорее авансом. Но возможности галактического человечества уже были таковы, что оно могло отыскать нужное для экспериментов изолированное тело — планету, получившую название Хронос, доставить туда группу Варнавского, а также отправить туда приборы и устройства, с помощью которых Варнавский (в случае если был прав) мог доказать свой парадокс. Варнавский попросту вовремя родился.

Теперь же доктор Павлыш, должный проверить санитарное состояние станции на Хроносе и выяснить, как себя чувствуют сотрудники Варнавского, обнаружил, что Хроноса нет.

У Павлыша было достаточно времени, чтобы рассуждать. И он принялся за дело. И довольно скоро пришел к простому выводу: отсутствие планеты вернее всего означает успех Варнавского. Если она существует потенциально, но ее не видно, то, весьма возможно, она сдвинулась во времени... И тут Павлыш прервал ход своих рассуждений. Ведь в каком угодно времени — вчера, сегодня, завтра — планета как таковая все равно реально существует. Разу-

меется, можно допустить, что несколько миллионов лет назад ее не существовало в том виде, в каком она есть. Но насколько Павлыш был знаком с теорией Варнавского, возможности перемещения во времени исчислялись часами, может, днями. Перемещение такой массы, как масса планеты, на год вызвало бы катастрофу во Вселенной. И было невозможно даже теоретически.

Поэтому, пока суд да дело, Павлыш решил не менять курса. В худшем случае, если Варнавский со своей планетой не объявится, можно будет не спеша направиться к точке randеву с «Титаном» и там подождать, пока корабль его подберет.

И в этот момент планета появилась яркой точкой на экране радара и с опозданием на восемь секунд — в иллюминаторе. Павлыш дал максимальное увеличение и успел разглядеть изъеденное кратерами, схожее с земной Луной, тело планеты в инфракрасной зоне спектра. Не совсем погасшее нутро планеты согревало ее оболочку. В абсолютных цифрах разогрев был невелик — до восемнадцати градусов по шкале Кельвина, но этого было достаточно, чтобы ее можно было увидеть на экранах.

Над пультом заплясали огоньки, сообщая Павлышу, что его «Овод» решил начать торможение, достаточно плавное, чтобы можно было не встегиваться в кресло, но вернувшее Павлыша в мир тяжести, направление которой, правда, было не очень удобным. В этом недостаток катера, который не может развернуть жилые отсеки так, чтобы пол оставался полом.

Павлыш включил канал связи с базой на Хроносе, но услышал лишь сухие разряды и занудный вой. Его передатчик работал нормально, сигнал к Хроносу шел непрерывно, и, даже если они там не любили заглядывать в радиорубку, запись сигналов «Овода» должна была дойти до слуха робинзонов. Павлышу

так и не удалось добиться связи со станцией, и постепенное накопление странностей начало раздражать его. Он стал уставать от тайн и загадок. Когда едешь в инспекторскую поездку, чем меньше странностей, тем лучше для дела.

К тому же приборы регистрировали непонятное мерцание планеты, словно ей не терпелось вновь исчезнуть с экранов, чего Павлыш совсем не хотел. Оставалась теоретическая возможность, а может, и невозможность, что, преуспев в своих экспериментах, Варнавский решил пойти дальше, и планета, а может, и само время вышли из-под контроля. А что случается с планетами, на которых выходит из-под контроля время, Павлыш не знал. Но вряд ли это приводит к хорошему.

Воображению Павлыша уже стали представляться нерадостные картины, навеянные литературой, — возвращаться в мир динозавров не хотелось, перелететь на миллион лет в будущее также не казалось желательным. Не исключено было и то, что в ходе этих прыжков люди могли умирать от старости. Вообразите (а Павлыш это вообразил), что в считанные минуты он превращается в немощного старичка и рассыпается в прах.

И вот тогда приборы «Овода» довели до сведения Павлыша, что планета не хочет их принимать.

В те минуты Павлыш как раз глядел на экран, тщетно стараясь разглядеть в кратере точку станции. По каким-то своим причинам преобразователи «Овода» развернули планету во весь экран, раскрасив ее в различные оттенки фиолетового цвета. Зрелище было не очень приятным.

Если верить показаниям приборов, то «Овод», который, гася скорость, приближался к Хроносу, в самом деле к Хроносу не приближался, а оставлял его справа по борту на значительном расстоянии. У Пав-

лыша был большой соблазн скорректировать курс, но благоразумие удержало его от того, чтобы перейти на ручное управление. Вернее всего, кораблик лучше него знает, куда и как лететь, и причина недоумения не в «Оводе», а в чертовой планете.

В последующие часы планета с экранов не исчезала, однако приборы «Овода» упорно показывали изменения в ее массе, причем изменения многократные, которые не сопровождались, как ни парадоксально, изменением гравитационного поля Хроноса.

Три попытки снизиться закончились примерно одинаково. Планета постепенно вырастала на экране, приближаясь и ничем не показывая, что готовит Павлышу подвох. Затем, на это, правда, уходили часы напряженного ожидания, диск начинал смещаться к краям экранов, а приборы «Овода» продолжали сообщать, что сближение происходит нормально. На расстоянии примерно сорока тысяч километров от поверхности планеты, на границе, крайне разреженной, уловимой лишь приборами, атмосферы Хроноса, планета окончательно пропадала с передних экранов, и обнаружить ее можно было лишь на боковых. То есть получалось, что, летя к ней, «Овод» неизбежно промахивался. Именно на этом расстоянии от планеты компьютер «Овода» доводил до сведения Павлыша, что планеты по курсу нет. Это Павлыш знал и без компьютера.

После третьей безуспешной попытки прорваться к планете, установив, что предел приближения сорок тысяч километров, Павлыш впервые вмешался в действия компьютера и перевел корабль на круговую орбиту. Павлыш надеялся обмануть планету и войти в ее атмосферу по касательной. Что ему также не удалось.

Тогда он пошел еще на одну уловку. Пройдя примерно половину орбиты на том пределе, до которо-

го планета допускала корабль, он взял управление на себя и резко повел корабль вниз. Если можно проводить поверхностные, а потому сомнительные аналогии, «Овод» вел себя как прыгун в воду. В первые мгновения, когда ты врезаешься в нее, она будто и не оказывает сопротивления, но чем дальше, тем упрямее вода тормозит движение, и вдруг ты замечаешь — а момент этот условен, — что ты уже не идешь вглубь, а несешься все быстрее к поверхности.

Через двадцать минут после начала маневра Павлыш понял, что «Овод» удаляется от Хроноса, хотя силу, оттолкнувшую корабль от планеты, приборы не регистрировали — они обратили внимание лишь на ее следствие. Павлыш даже не смог установить, насколько ему удалось приблизиться к планете. Если верить компьютеру, то он не сходил с орбиты.

Еще один оборот вокруг Хроноса помог убить время, но не привел ни к какому решению. Планета не желала пропустить Павлыша, связи с лабораторией Варнавского по-прежнему не было. Оставалось лишь сделать вид, что ты и не намеревался сюда спуститься, и возвращаться к «Титану». Но, так как возвращаться было рано, Павлыш решил не отступать.

В общем, его гипотеза по поводу этой загадки сводилась к следующему: Варнавскому удалось добиться практических результатов. Планета в данный момент подвержена хронофлюктуациям. В таком случае она как физическая система отрезана от остальной галактики временным барьером. Существовая для глаз Павлыша, ибо она будет существовать и завтра, и послезавтра, в самом деле она существует в другом временном отрезке. И то, что видит Павлыш, может быть планетой сегодняшней, а может быть и вчерашней. Или завтрашней. Следовательно, отказ приборов понять, с чем они столкнулись, объясняется просто: все они привыкли иметь дело с величинами, не учи-

тивавшими времени как изменяемой произвольно функции. А что из этого следует? Из этого следует только одно: Павлыш не потерял шансов увидеть Варнавского, в случае если его эксперимент проходит успешно. И как только планета вернется в точку времени, в которой находится «Овод», она станет доступной. Об ином исходе эксперимента думать не хотелось. Предел же ушедшей в иное время системы — верхняя граница атмосферы планеты. И пусть на такой высоте атмосфера состоит из долек разброшенных атомов — практически и не существует — все это часть системы. В любом случае Павлыш решил не прекращать попыток в надежде на то, что эксперимент Варнавского займет не очень много времени. В распоряжении Павлыша оставалось еще несколько дней. В конце концов, его попытки должны представлять интерес для Варнавского. Он — тот, нужный в любом опыте, посторонний наблюдатель, который может фиксировать последствия опыта с точки, для остальных экспериментаторов недоступной.

Следующие три дня, наиболее драматические для тех, кто был внизу, на планете, о чем Павлыш тогда не подозревал, он провел на орбите вокруг Хроноса, занимаясь съемками планеты, измерениями, которые он мог сделать с высоты в сорок тысяч километров, и в периодических попытках войти в атмосферу Хроноса.

Каждый раз повторялся эффект ныряльщика, и Павлыш уже привык к нему и заставил привыкнуть к нему компьютер, который, будучи в определенных отношениях куда умнее, логичнее и образованней доктора Павлыша, внес свою лепту в эти попытки, варьируя угол снижения, скорость и ускорение.

Можно сказать, что Павлыш в своем планомерном упрямстве себя перехитрил и убаюкал. Он ны-

рял, словно выполняя занудную, обязательную работу, которая будет продолжаться еще несколько дней. Если он спал, или готовил пищу, или зачитывался книгой, то прыжки в воду совершал за него компьютер, и Павлыш даже во сне отмечал их, а проснувшись, знал, сколько раз «Овод» пытался прорваться к Варнавскому.

Но когда пятьдесят первая попытка удалась, Павлыш оказался к этому не готов.

Он просто ничего не успел понять. Начало попытки он заметил, потому что в этот момент стоял у плиты и раздумывал, хочется ли ему супа из консервированных шампиньонов или этот суп ему бесконечно надоел. Решив, что суп надоел, но не бесконечно, Павлыш вскрыл пакет и опрокинул его над кастрюлей.

Он ощутил начало ускорения и даже услышал сигнал на пульте, которым «Овод» предупреждал своего хозяина, что начинается снижение. Но так как Павлыш знал, что в его распоряжении еще минуты две, чтобы загерметизировать все в камбузе, то и продолжал сыпать порошок, жалея, что не отменил попытку, потому что сейчас придется уйти от плиты.

И тут ускорение начало нарастать куда быстрее привычного.

Павлыш автоматически закрыл кастрюлю, включил колпак, который изолировал плиту, но больше ничего сделать не успел, потому что его отбросило на стену, и в последующие две или три минуты все мысли Павлыша были заняты лишь одним: как доползти до акселерационного кресла и притом не сломать шею.

До кресла он не дополз и потерял сознание от перегрузок, к которым не был готов, за несколько секунд до того, как «Оводу» удалось с ними справиться. И когда потом старался вспомнить, что же было в те минуты, пока он лежал, скорчившись, в углу

штурманской, ему казалось, что со все нарастающей частотой «Овод» ныряет в атмосферу Хроноса и вылетает обратно... Что, впрочем, было недалеко от действительности, так как вторжение «Овода» в мир временного сумасшествия проходило не последовательным движением, а отдельными толчками, и корабль Павлыша старался и прорваться, по ступенькам, по километрам, проваливаясь, как самолет, в воздушные ямы, и в то же время удержаться, не разогнаться до смертельной скорости и не врезаться в планету. Если бы у обитателей планеты была возможность увидеть «Овод» в эти минуты, им показалось бы, что корабль, подобно былинке в бешеном горном потоке, выполняет замысловатый танец, сверхфигуры высшего пилотажа.

Но люди на планете ничего не видели. Потому что их в то время не существовало — они рвались сквозь время вместе с планетой и ее атмосферой, но не вперед, а назад. Ибо движение вперед вряд ли возможно: вперед — это значит туда, в мир, которого еще не было.

2

— Ваш прорыв к нам, — сказал Варнавский за чаем, — парадокс, который потребует серьезного изучения. В принципе, он подтверждает спиральность времени. В какое-то мгновение нашего движения назад по хронооси, а вернее, хроноспирали, физические характеристики внешнего мира и нашей системы совпали настолько, что образовался канал, по которому вы снизились.

Людмила Варнавская еле дождалась, пока ее брат кончит фразу.

— Вот именно, — сказала она. — Значит, в этот момент можно и покинуть систему. Понимаешь?

— Это не решает наших проблем. — Заместитель Варнавского, полный, мягкий, добрый Штромбергер, отложил в сторону листочек, на котором только что быстро писал. Вся станция была завалена его листочками, исписанными так мелко и непонятно, что строчки казались орнаментом, который рука выводит в задумчивости.

— Карл, — сказала Людмила. — Мы обязаны попробовать. У нас появился новый шанс.

— Теория этого не допускает, — сказал Штромбергер виновато. — Можно построить модель вторжения инородного тела, но избавиться от него таким способом мы не сможем. Там, снаружи, время уже ушло.

— Но мы попробуем, правда попробуем? — в голосе Людмилы была нервная настойчивость. — Ведь никто не верил, что к нам можно проникнуть. Даже не думали об этом.

Людмила Варнавская Павлышу не понравилась. В первую очередь как врачу. Она производила впечатление человека, не спавшего несколько суток и находящегося на грани нервного срыва. Правда, и в этом состоянии она была хороша, может, даже красивее, чем обычно, — отчаянной красотой истерики — ты видишь горящие, синие глаза, а все лицо, кроме заостренного, четкого носа, куда-то впало, исчезло, чтобы не мешать глазам сверкать в лихорадке.

Остальные выглядели очень уставшими. Настолько, что перестали прибирать станцию. Как будто станция была обиталищем беспечных холостяков. Немытая посуда забыта на столе, клочки бумаги на полу... Павлышу казалось, что на станции пыльно, хотя пыли здесь неоткуда взяться.

Варнавский был похож на сестру. Его главной чертой, как ее сформулировал для себя Павлыш, была пропорциональность. Анатомический идеал, натуращик, о котором мечтают художественные училища.

И он знал о своей атлетичности, подчеркивал ее одеждой. Он был в шортах и обтягивающей мышцы фуфайке, темные волосы до плеч и такие же синие, как у сестры, глаза. Но если у той они горели, сжигая все вокруг, в глазах Варнавского была настороженность, ожидание; порой Павлышу казалось, что он не слушает, что говорят вокруг, а смотрит внутрь себя, будто ждет сигнала оттуда.

— Я, разумеется, буду считать, — сказал Штромбергер и начал шарить по карманам мешковатого комбинезона. Вытащил один блокнотик, поглядел на него, сунул обратно, нашел еще один, поменьше, этот его устроил. Штромбергер оторвал листочек, наклонил голову и стал быстро покрывать его миниатюрными значками.

Четвертая обитательница базы, Светлана Цава, принесла поднос с гренками, тихо села у края стола. «Она тоже устала», — подумал Павлыш. Иначе, чем остальные, но устала. Движения ее были четкими, маленькие крепкие руки с коротко стриженными, ухоженными ногтями бессильно легли на стол. Она закрыла глаза на несколько секунд, а когда открыла их, то заметила взгляд Павлыша и робко улыбнулась, словно тот поймал ее врасплох, увидел то, чего она не хотела показывать.

— Значит, вы должны нас инспектировать, — сказал Варнавский. — Что ж, вам и карты в руки. И боюсь, вам будет что делать.

— Павел, — сказала Варнавская. — Мы не можем тратить ни минуты на экивоки. Павлыш медик, его опыт нам поможет.

— Может, отложим разговор на завтра? — спросил Штромбергер. — Павлыш устал, ему надо поспать.

— Я не устал, — сказал Павлыш.

— С каждым разом у нас все меньше времени! — сказала Варнавская. — На этот раз четыре дня. Мо-

жет, три с половиной! Я вообще не понимаю, как можно гонять чай... — она резко отодвинула недопитую чашку, чай плеснул на стол.

— Надо поспать, — сказал Штромбергер. — Все равно надо поспать. Поглядите, какую чепуху я пишу, — он подвинул Павлышу листок, на котором Павлыш ничего не мог разобрать, но вежливо кивнул.

— Вот так, — сказал Варнавский, — после чая всем спать. И тебе, Людмила, в первую очередь. Ты напиčkана лекарствами.

— Не говори глупостей.

— Это приказ.

— Сомневаюсь, что ты можешь приказывать! — Вдруг Людмила захохотала. — Ты не можешь! Уже не можешь! — причитала она, и ее пальцы стали суетливо отбивать дробь по скатерти. — Не можешь! — она ударила по столу кулаком, чашки подскочили.

Цава наклонилась к ней.

— Люда, — сказала она, — Людочка, возьми себя в руки. Всем трудно... надо поспать...

— Простите, — сказал Варнавский. — Она не виновата. Это я во всем виноват.

— Никто не виноват, Павел, — сказал Штромбергер. — Ну как можно кого-то винить! Все стараются.

— Надо ли? — Варнавский поднялся и первым вышел из комнаты.

— Я отведу Люду? — Светлана Цава обернулась к Штромбергеру.

— Конечно, конечно...

И Павлыш остался вдвоем с толстым математиком.

— Я не хочу! — донесся из коридора голос Людмилы. В ответ невнятно загудел низкий голос Варнавского.

— Вот видите, — сказал Штромбергер. — Так неудачно вы прилетели.

Павлыш хотел продолжить разговор, но глаза слепались. После всех пертурбаций со спуском он по-

тратил еще часа четыре, пока снова поднял «Овод» и отыскал базу — при посадке кораблик промахнулся на полторы тысячи километров.

— Вы отдохайте, я вам покажу вашу каюту. Она не очень уютная, там никто не жил, но Светлана принесла вам белье, так что отдыхайте, — сказал Штромбергер.

Каютка оказалась и в самом деле неудобной. В ней раньше хранили какое-то экспедиционное добро. Ящики отодвинули в сторону, накрыли одеялом. Осталось только место для койки.

Но Павлыш и не рассматривал каюту. Он разложил простыни, затем вышел в коридор, к туалету. Пока мылся — вода текла тонкой струйкой, на станции воду экономили, ведь ее приходилось регенерировать, — казалось, что вокруг царит тишина. Но потом, выключив воду, Павлыш услышал доносящиеся сквозь стены голоса. Казалось, что никто на станции не спит. Все говорят... говорят... говорят...

Потом Павлыш вернулся к себе и с наслаждением вытянулся на узкой койке. И заснул.

3

Проснулся он в середине интересного сна, потому что его звали. Сначала ему показалось, что зовут там, во сне, и он уже поспешил к голосу, но голос настойчиво тащил его из сна, и, просыпаясь и еще цепляясь за сон, Павлыш уже понимал, что он на станции, что его зовут.

— Кто здесь? — спросил он, открывая глаза. Было темно.

— Это я, Людмила, — послышалось в ответ. — Тихо, все спят.

— Да? — Павлыш сразу сел на постели, натягивая одеяло на плечи. В тишине было слышно, как Людмила водит руками по стене, приближаясь.

— Я сяду на край, — сказала она. Койка скрипнула. — Вы лежите, лежите. Я ненадолго. Мне надо сказать несколько слов.

— Сколько времени?

— Третий час, вы уже четыре часа поспали. Я раньше не стала вас будить. Но вы поспали четыре часа.

Голос срывался, был быстрым, нервным. Павлышу показалось, что он видит, как в темноте лихорадочно горят глаза Людмилы. Голос Людмилы отражался от близких стенок каюты. Павлышу стало душно от горячих толчков этого голоса, он хотел зажечь свет, но не помнил, где выключатель. Забыл, хотя перед сном тушил свет.

— Зажгите свет, — попросил он.

— Не надо. Брат увидит. Он не спит. Он все будет преуменьшать. У вас создается ложное представление, а каждая минута на счету.

— Что же случилось? — Павлыш понял, что тоже говорит шепотом.

— Павел скоро умрет, вы понимаете, он болен, только не показывает вам. И болен безнадежно.

— Почему вы так решили?

— Не надо. Только не надо успокаивать. Я лучше знаю. Это случилось не здесь, а когда мы искали площадку. В прошлом году.

— Вирус Власса?

Павлыш не хотел произносить этих слов. Редкость болезни не уменьшала ее известности. Большинство вирусов и микробов космоса безвредны для людей — уж очень различен метаболизм существ, населяющих другие планеты. Но были и исключения. Вирус Власса — самый коварный и опасный из них. Онтогенез его не был до конца ясен. Почему он попал на безжизненные миры, разбросанные по всей Галактике, какова его первоначальная среда обитания, по-

чему он так редок и в то же время вездесущ? В литературе было описано сорок с небольшим случаев поражения. Описал симптомы и ход заболевания доктор Власс. На базе, где он работал, была лаборатория. Так что у доктора Власса до того дня, когда он умер, была возможность заниматься исследованием вируса. Ему удалось выделить его и даже определить инкубационный период. Правда, впоследствии его пришлось уточнить. Доктор Власс умер через восемь месяцев и шесть дней после заражения (заболел он за шесть дней до смерти), в других случаях инкубационный период затягивался до года. А на станции Проект-4 два гидролога умерли через четыре месяца после заражения. Видно, вирусу, чтобы начать разрушительную деятельность, требовалось приспособиться к приютившему его организму. Затем он брался за дело. Пока что противодействия ему не было найдено. И причиной тому не только его удивительная стойкость и изворотливость, но и тот факт, что в Солнечной системе он еще не встречался, и активный период его деятельности начинался всего за неделю до гибели человека. Раньше угадать, что человек уже болен, заражен, обречен, было практически невозможно. Когда же маленькие синие пятна, словно брызги чернил, появлялись на шее и в нижней части живота жертвы, больному оставались считанные дни. Даже довести его до Земли или планеты, где находился бы большой госпиталь, не удавалось. Павлыш знал, что с следующего года все, улетающие в дальний космос, станут проходить тест на вирус Власса. Но это будет нелегко сделать — ведь тысячи и тысячи специалистов годами не бывают на Земле...

— Вирус Власса, — прошептала Людмила. — Вы заметили брызги?

— Я ничего не заметил, — сказал Павлыш. — Предположил. Методом исключения.

— Он умрет, — сказала Людмила. — Вы должны помочь.

— Как?

— Вы врач! Вы не имеете права спать. Я все время в лаборатории. Мы должны найти противоядие. У нас еще три или четыре дня.

— Когда появились брызги?

— Появляются каждый раз, — сказала Людмила, — и каждый раз все быстрее.

— Не понял.

— Одевайтесь, только тихо. Я вас жду в коридоре.

4

Лаборатория на базе была маленькой, чуть больше каюты. Да и приборы там были только самые необходимые, что положены в комплекте. В стандартном контейнере, который включает в себя сам купол станции, хозяйственное барахло, регенерационные установки... При виде лаборатории Павлыш понял, что ничего путного они здесь не добьются. Большие институты на Земле и на Кроне пытались расколоть тайну вируса Власса, сотни ученых охотились за вирусом во всех концах Галактики, а Павлыш глядел на несколько мензурок, маленький микроскоп, чайные стаканы и массу хозяйственных сосудов и банок, словно кто-то перетащил сюда все что можно из камбуза и столовой.

— Бедность, да? — агрессивно спросила Варнавская. — Руки опускаются? Я не могу вам предложить института. И, в конце концов, это все неважно — у меня живая культура вируса, понимаете? Вот здесь.

Она показала на серое пятнышко на предметном стекле под микроскопом. Разумеется, в этот микроскоп не увидишь вирус.

— Я не понял, — сказал Павлыш. — И если это живая культура, как вы говорите, разве можно с ней так работать? Как вы неосторожны...

— Испугались? Он не заразный. Я читала.

— Испугался, в первую очередь за вас, — сказал Павлыш.

В лаборатории было очень светло. В трех пробирках — свернувшаяся кровь. Что эта дура увидит в свой детский микроскоп? Павлыш заметил, что у Людмилы дрожат руки.

— За себя, за себя, — упрямо сказала Варнавская и закусила нижнюю губу, чтобы не заплакать. — Но вы не имеете права бояться! Вы должны быть готовы пожертвовать жизнью ради Павла. Как медик и как человек. Неужели вы не понимаете, что все мы ничего не стоим рядом с ним? Пальца его не стоим! Пускай мы умрем — не сейчас же — мы-то сможем долететь до Земли. А он — нет! Если вы так боитесь, надевайте скафандр — ничего с вами не случится. Ну идите, надевайте!

Сейчас она захохочет, подумал Павлыш. Начнется истерика.

— Людмила, прекрати! — в двери лаборатории стоял Варнавский. — Прекрати истерику.

— Но ведь осталось три дня!

— Павлыш, — сказал Варнавский, не глядя на Людмилу. — Пойдемте ко мне.

— Я его не отдам! — закричала Людмила. — Он медик, он поможет.

— Он тебе не поможет, — сказал Варнавский. — Пойдемте, Павлыш.

Каюта Варнавского была такая же, как у Павлыша.

Койка не заправлена. На столике исписанные листы бумаги, рядом диктофон и куча кассет.

Варнавский сел на койку. Павлыш увидел синие брызги на его шее. Варнавский перехватил его взгляд.

— Никаких сомнений, — улыбнулся он. — Даже не надо квалифицированных подтверждений диагноза. Я все знаю.

Павлыш отвел глаза от шеи Варнавского. На столике, рядом с диктофоном, валялись полоски из-под таблеток. Большею частью использованные. Павлыш по цвету понял — обезболивающие. Сильные обезболивающие. Почему он их принимает? Сейчас он еще ничего не должен чувствовать. Кроме страха. Восемнадцать полосок и там еще двенадцать... Боли начинаются за тридцать часов до конца. Это, к сожалению, установлено совершенно точно. Взгляд Павлыша скользнул дальше. К стене был прикреплен аппаратик для переливания плазмы. Павлыш подумал было, что Людмила заранее приготовила его. Переливания облегчали состояние и продлевали мучения. На часы. Не больше. Но аппаратик уже использовали — баллон почти пуст. Зачем они делают это заранее? Отчаяние Людмилы? Варнавский, кажется, держит себя в руках.

Варнавский накрыл ладонью пустые полоски, смахнул их со стола.

Павлыш ничего не сказал.

— Простите Людмилу, — сказал Варнавский. — Она вам не дала выспаться. Мне надо было догадаться, что не даст.

— Ничего, — сказал Павлыш. — Я не знал, что вы больны.

— Очень обидно, — сказал Варнавский. — Но я стараюсь не терять времени даром, — он показал на стол. — Знаете, все как-то откладывал. Думал, вернемся на Землю и займусь обобщениями. А вот пришлось сейчас.

«Он тоже устал, все они устали», — думал Павлыш. Даже удивительно. По виду брызг можно предположить, что они догадались, чем болен Варнавский, самое большее два дня назад. Может, меньше. Да,

меньше, сутки назад. Как они успели довести себя до такого состояния?

— Вы видели так называемую лабораторию, — сказал Варнавский. — Там Людмила колдует. Даже стаканы отобрала. Компот не из чего пить. Но ведь у нее ничего не получится? Правда? Она же его даже увидеть не сможет?

Варнавский все понимал, но хотел, чтобы его разубедили. Чтобы именно Павлыш разубедил. Это не имеет отношения к разуму или образованию. Если бы сейчас на станцию прилетел колдун или экстрасенс, любой шарлатан — на него бы тоже смотрели с надеждой. Это неизбежно.

— Трудно что-нибудь сказать, — ответил Павлыш осторожно. — Я не успел посмотреть...

— Ясно. И не надо, — сказал Варнавский. Словно рассердился на Павлыша. — Знаете, что самое грустное — я не успею дописать общую теорию. Я понимаю, пройдет еще год-два, на наших же материалах или на своих, но кто-то обязательно напишет ее. Она вот здесь, рядом... Если бы я не боялся, я бы успел. Но я очень боюсь.

— Но известны случаи, — соврал Павлыш, — регрессии...

— Не известны, — отрезал Варнавский. — Я все прочел. Без стука вошел Штромбергер.

— Простите, — сказал он, — я все равно не спал. А вы разговариваете. Я считал. — Он показал им листочек бумаги, положил на стол. — Ничего не выходит. Но можно попробовать.

— Ты о чем, Карл? — спросил Варнавский.

— Попытаться вырваться с планеты.

— Ты думаешь, мне приятнее умереть в открытом космосе?

— Если вырвемся и выйдем на randevу с «Титаном»... там же хорошая лаборатория, да?

— На «Титане» нет специальной лаборатории, — сказал правду Павлыш.

— Но там другие врачи... У нас кончилась плазма.

Вдруг Павлышу показалось — нелепая мысль, — что Варнавский не единственный больной на станции. Кто-то был болен раньше, кто-то раньше занимал эту каюту, кому-то были нужны обезболивающие и плазма. И он уже умер. Но этого быть не могло, потому что по спискам на станции четыре человека. И всех Павлыш видел.

— Я могу поднять «Овод», — сказал Павлыш. — Но «Титана» здесь нет. Он улетел.

— Понятно, — сокрушенно произнес Штромбергер.

Павлыш заметил, что он смотрит на шею Варнавского. Непроизвольно.

Синее пятнышко появилось на лбу Варнавского. Может, Павлыш не заметил его раньше?

— Тогда идите, — сказал Варнавский. — Я немного посплю. А потом буду наговаривать на диктофон. Мне некогда. На этот раз я хочу успеть...

— Надо считать, — сказал Штромбергер. — Я займу компьютер. Он тебе не понадобится?

— Посплю часа два-три, — сказал Варнавский.

— Я управлюсь.

В коридоре Штромбергер прижал Павлыша к стене животом.

— Вы были в лаборатории? — прошептал он. Все здесь шептали. Все таились. Все устали.

Павлыш кивнул.

— Она же даже не сможет его увидеть, — шептал Штромбергер. — Это какое-то сумасшествие.

— Но ее можно понять, — сказал Павлыш.

— Я все понимаю, иначе не согласился бы. Вы не представляете, какой он человек. Я имею в виду Павла. Но сколько это будет продолжаться?

— Вы думаете, мы сможем подняться?

— Но вы не верите, что это что-то изменит?

— Я только знаю, что перегрузки на «Оводе» ему вредны. Ход болезни ускорится.

— Но мы еще посчитаем? Главное, чтобы брезжила надежда. Врачи ведь не говорят: «Вы умрете». Они говорят: «Положение серьезно». Мы все теряем связь с действительностью. Вы же понимаете, что магнитные записи стираются. А он говорит в диктофон. Значит, верит?

«Надо бы спросить, при чем тут магнитная запись», — подумал Павлыш, но Штромбергер быстро ушел.

В лаборатории с Людмилой работала Светлана Цава. Цава была у микроскопа.

— Вернулись? — Людмила обрадовалась. — Только вы его не слушайте. Он пал духом. Нельзя падать духом. Мы обязательно что-нибудь сделаем. Вы думаете — я наивная дура? Я как троглодит, который старается камнем разбить радиоприемник, чтобы он заработал. Но сколько открытий в истории медицины было сделано случайно!

— Расскажите, что вы делаете, — сказал Павлыш.

— Очень просто, — Цава оторвалась от микроскопа. — Мы не видим вирус Власса, но видим последствия его деятельности. Изменения в структуре лейкоцитов и костного мозга. И мы ищем и ищем те средства, которые могли бы остановить процесс.

— Я согласна испытать все, что есть на станции. Даже чай, даже серную кислоту, — сказала Людмила.

— Вот эту кровь мы взяли у него сегодня, — сказала Цава. — Я воздействую на нее щелочами.

Павлыш внутренне вздохнул. Когда-то Свифт об этом писал. Вроде бы в описании лапутянской академии. Те академики складывали все слова языка в надежде, что когда-нибудь случайно возникнет гениальная фраза.

— Дайте мне записи ваших опытов, — сказал Павлыш. — Я погляжу, что вы сделали за вчерашний день.

— Вот, — Людмила бросилась к шкафу, вытащила пачку листов. — У меня все зарегистрировано. Каждый эксперимент. Вот вчерашние, вот позавчерашние... — Быстрыми пальцами она разбирала стопку записей на тонкие стопочки и раскладывала перед Павлышем. — Смотрите, вот это мы пробовали — начинали с лекарств, которые есть в аптечке... Это еще на той неделе. А это в позапрошлый раз.

Павлыш в растерянности глядел на стопки листов.

— Когда Варнавский заболел? — спросил он.

— В позапрошлый раз, — сказала Людмила нетерпеливо.

— Но вы же говорили...

— Ах, это неважно!

— Людмила, прекрати! — закричала вдруг Цава. Павлыш и не предполагал, что Светлана может так кричать. — Что теперь от этого изменится? У нас же есть оправдание! Сколько угодно оправданий!

— Я ничего не скрываю. Просто, если я сейчас буду объяснять, мы потеряем время. Неужели ты не видишь, как оно убегает?

Светлана поднялась, подошла к Людмиле. Словно не кричала только что. Людмила беззвучно рыдала. Маленькая Светлана обняла Людмилу за плечи.

— Вы только поймите нас, — сказала Светлана. — Наверное, тогда не будет ничего странного. У нас не было выхода. Павел заболел не вчера. И в то же время вчера. Людмила, сядь, успокойся. Павлыш, дайте ей воды. Вон там чистый стакан.

Светлана усадила Людмилу на стул, накапала в стакан из желтой бутылочки.

— Только чтобы я не заснула. Я тебе никогда не прощу, — говорила быстро Людмила. — Я не засну?

— Нет, не заснешь.

Светлана смотрела, как Людмила выпила лекарство.

— Посиди спокойно, — сказала она. И тут же продолжала, глядя на Павлыша: — В общем, какое-то время назад, я потом объясню... Какое-то время назад Людмила увидела на шее Павла голубые точки. Она сначала подумала, что он просто испачкался. А точки не отмывались. И тогда Карл — он ходячая энциклопедия — отозвал меня и сказал, что это похоже на вирус Власса. Все о нем слышали. Всякие драматические истории. Но разве можно было подумать, что это коснется и нас?

— Нет, — согласился Павлыш.

— Я тоже думала, что случайное совпадение. Ведь бывают совпадения. Пигментация, совершенно безвредная пигментация...

— Светлана, перестань, — сказала Варнавская.

— А Павел сам догадался. Тогда же, ночью. Он пришел к Карлу и спросил, не кажется ли ему, что это вирус Власса?

Светлана, говоря, все время оглядывалась на Людмилу, словно ища подтверждения своим словам.

— Мы очень испугались, — продолжала Светлана. — Потому что мы далеко, совсем в стороне, и нет даже маленького кораблика, ничего нет. И связь, сами понимаете, сколько надо ждать ответа. Значит, остались только мы. И вот эта лаборатория... Павел очень хорошо держался...

— Светлана, не надо, — сказала Людмила.

— А почему? Павлыш может сам проверить. Но вы поймите, если бы это было на Земле, то можно уйти, я честно говорю, а тут нас всего четверо, это больше, чем семья, это как будто ты сам. И мы все поняли, что через неделю, может, меньше, Павла не будет. Вот он еще говорит и как будто здоров, а его не будет.

Людмила поднялась, налила себе воды, выпила, не глядя на Светлану.

— Мы все старались что-то сделать. Буквально не спали все эти дни. А Павел думал только о том, чтобы надиктовать общую теорию. Я его понимаю. Наверное, на его месте я вела бы себя так же. Мы все хотим жить не зря...

— Павел жил не зря! — сказала Людмила. — Мы все вместе не стоим его мизинца.

— Не в этом дело, ты же понимаешь, что не в этом дело. А если бы это случилось с Карлом, ты бы думала иначе?

— Я бы тоже все сделала. Но Павел особенный человек. И Карл жив, здоров, и он даже спит. Он вообще не переживает. Он был бы рад, чтобы все закончилось.

— Ты не права, — сказала Цава. — И давай не будем сейчас...

— Молчи!

Людмила выбежала из лаборатории, хлопнула дверью.

— Вернется, — сказала Цава. — Вы поймите ее. Помимо всего, она безумно любит брата.

— И что было дальше? — спросил Павлыш.

— Прошло три дня. Я бы сказала, что мне страшно вспоминать о них. Но не могу, потому что все продолжается... Павлу стало хуже. Вы знаете, синие пятна стали больше, кровь начала перерождаться. Очень сильные боли...

Павлыш подумал, что понял, почему на столике у Варнавского было столько пустых полосок. Они были использованы тогда... когда?

— Штротмберггер сказал, что положение Варнавского безнадежно. Вот если бы можно повернуть время вспять... И тут он схватился за свои листочки и стал писать, считать. Он всегда достает листоч-

ки, а потом их теряет. У нас есть программа: изучение малых сдвигов. До часа. Даже на изолированной системе это может грозить катаклизмами. А Штромбергер подсчитал, что наших ресурсов хватит, чтобы увеличить сдвиг. Этого еще никогда никто не делал. И не должен был делать. Мы понимали, что нельзя, но если есть шанс, понимаете, если есть шанс, то мы должны были его использовать. И мы вернули время, повернули вспять. На максимум. На неделю. Это было очень трудно — физически трудно. Время раскручивалось назад с дикой скоростью, и все процессы шли обратно... Как на пленке, которую вы крутите задом наперед. Никто из нас не смог запомнить, как это происходило. И приборы тоже отказались зарегистрировать этот переход. Может, просто еще нет таких приборов.

Вошла Людмила. Она прошла к столу, села к микроскопу. Как будто остальных в комнате не было.

— И вы хотите сказать, что вы сдвинули время на неделю и Варнавский выздоровел?

— Я понимаю, это невероятно. Этого не должно было быть. Время не должно оказывать влияния на физическое состояние организма. Но так предсказал Штромбергер. И когда Павел пришел в себя и он был здоров, он согласился, что теоретически такую модель построить можно, но объяснить даже он не смог. Как вы объясните человеку, что электрон сразу и частица, и волна?

— И он все помнил?

— Мы боялись, что если опыт удастся, то мы все забудем. Мы даже записали все, что произошло, и надиктовали тоже. Думали, что если забудем, то достаточно будет включить магнитофон.

— И что же?

— Я могу наверняка говорить только о себе. Я помню, как очнулась. Знаете, так бывает после глубокого сна. Сначала ты вспоминаешь что-то приятное, дума-

ешь, что вот птица поет за окном... И только потом вспоминаешь, что сегодня идти на экзамен. Вы понимаете?

— Конечно.

— Очень трудно было вспомнить, что произошло раньше, то есть потом. Было общее ощущение неудобства, боли, моральной боли, и необходимости вспомнить. По-моему, больше всех был растерян Варнавский. Ведь прыжок назад происходил без него. Он был очень плох, практически без сознания. Я помню, что отстегнулась от кресла — у нас есть акселерационные кресла, специально привезли для опытов со временем. Отстегнулась и вижу — рядом отстегивается Павел. Я смотрю на него и понимаю, что должна что-то вспомнить. А он меня спрашивает: «Что ты мне на шею смотришь?»

Светлана горько улыбнулась. Людмила не поднимала головы от микроскопа, но плечи ее вздрогнули.

— И помогли записи? — спросил Павлыш.

— Оказалось, что магнитофонные пленки пусты. А бумажки целы. Этого даже Карл не смог объяснить. Он вбежал тогда к нам — его кресло в другом отсеке стояло — потрясает бумажками и кричит: «Неделя! Ровно неделя!» В тот момент он был рад эксперименту, рад, что все удалось. Он тоже не помнил, почему мы это сделали. А Варнавский почти сразу спросил: «Почему мы это сделали? Мы не должны были этого делать».

Светлана замолчала.

— А потом? — спрашивать и не надо было. Ответ был Павлышу известен. Но ему хотелось, чтобы в комнате не было молчания.

— К вечеру того же дня все началось снова.

— Нет, — сказала Людмила. Откашлялась. — Ты же знаешь, что нет. Позже.

— Я забыла, — сказала Светлана. — Ты права.

— Нам надо было сразу бросаться в лабораторию, — сказала Людмила. — Не терять ни минуты. А мы сдуру решили, что, может быть, снова это не повторится.

— Нам очень хотелось верить, что не повторится, — сказала Светлана. — И Павлу очень хотелось. Мы даже не говорили об этом в тот день. А на следующий день, перед обедом, ко мне пришел Павел и сказал, что у него синие точки на шее.

— И все повторилось?

— Да! — Людмила резко отодвинула микроскоп. Он чуть не упал. — И вчера повторилось в третий раз. И пускай Павел против, и вы все в душе считаете меня сумасшедшей, но я не могу и не хочу мириться с очевидностью, понимаете? Я уже близко, ты же знаешь. Жидкий азот блокирует...

— Людмила, опомнись, — сказала Цава. — Ты можешь локально блокировать что-то жидким азотом. Но у Павла поражен костный мозг.

— Третий раз... — повторил Павлыш. Теперь ясно, почему они все на пределе. Это не один день, не два, это две недели. Без сна, в поисках выхода, которого нет. И никто не может остановиться, потому что есть возможность вернуть время назад, проснуться утром и увидеть, что все здоровы, что впереди еще осталось время и можно надеяться.

— Меньше двух недель, — сказала Светлана, как будто подслушав мысли Павлыша. — Потому что происходит компенсация времени.

— Я не понимаю.

— Мы отбрасываем планету назад. На неделю. Значит, время на ней идет на неделю сзади всего времени Галактики. Планета не может остаться вне времени. Поэтому объективное время на планете начинает двигаться несколько быстрее, чем время вокруг нее, так, чтобы догнать остальной мир. И этим

мы управлять не можем. За каждую минуту, которую проживает сейчас Земля, мы проживаем полторы. Наше время ускоряется. Оно как сжатая пружина. Варнавский говорит, что это великое открытие. Что оно стоит его смерти. Такого не могли представить даже теоретически. Это так и называется — пружинный эффект.

— Эффект Варнавского, — тихо поправила ее Людмила.

— Во второй раз болезнь прогрессировала быстрее, — сказала Светлана. — И сейчас мы думаем, что осталось три дня. Или, возможно, меньше.

5

Штромбергер сказал Павлышу, что для того чтобы в накопителях образовался достаточный резерв энергии для очередного броска назад, потребуется еще два дня. Может, чуть больше. Тогда стоит попробовать выйти за пределы системы на «Оводе».

Варнавский слышал этот разговор. Они сидели в столовой перед чашками стынувшего чая. Синева пятнами наползала на щеки Варнавского. Его знобило.

— Чепуха, — сказал Варнавский. — Зачем это?

— Если дотянуть до четвертого дня, — сказал Карл, крутя в пальцах листочек, — то резервов энергии должно хватить, чтобы уйти дальше в прошлое. Павлыш с вами на борту вырывается в пространство и идет на randevu с «Титаном» в той примерно точке, в которой он отделился от корабля.

— Вы математик, Карл, — сказал Варнавский. — Вы должны понимать. Во-первых, у нас никогда не хватит энергии, чтобы вернуться настолько назад. Во-вторых, планета не выпустит Павлыша...

— Но один раз это случилось.

— Мы не знаем, почему. К счастью, Павлыш остался жив. Шансов на то, что он останется жив еще раз, практически нет.

Варнавский потер указательным пальцем синее пятнышко на тыльной стороне ладони другой руки. У него были красивые пальцы с крепкими квадратными ногтями. Он заметил взгляд Павлыша и отдернул руку.

— Но если вы выйдете, — настаивал Карл, — то сможете дать сигнал. Не исключено, что какой-то другой корабль проходит в непосредственной близости...

— Каков шанс?

Карл промолчал. Павлыш тоже. Оба знали, что шанс приближается к нулю.

— Энергия накопится за день, в лучшем случае за день до моей смерти. Даже если корабль и вырвется отсюда, Павлыш будет вынужден провести несколько недель с моим трупом на борту. Мы полагаем, что вирус не передается, а вирус с трупа?

Варнавский говорил теперь о своей смерти, как о случившемся. Как будто таким образом ему было легче смириться с ней.

Павлыш понимал, что Варнавский несколько преувеличивает. Если бы он умер на борту, Павлыш вынес бы тело и укрепил его снаружи. Но он не мог говорить о том, что будет после смерти с человеком, не желавшим умирать в космосе и причинять этим ему, Павлышу, неудобства. Все это было абсурдно, и, может, даже абсурднее был этот трезвый разговор, чем постоянная истерика Людмилы.

— Но мы должны попытаться! — сказал Карл. Может, излишне горячо. Как будто не был до конца уверен. И Варнавский уловил эту неуверенность.

— Допусти простую вещь, — сказал он. — Что мы не временщики, а геологи. Это уже случалось. Я заблеваю здесь, на планете. Это плохо. Я хотел бы по-

жить. И вы хотели бы, чтобы я жил. Каждую секунду на Земле и в космосе умирают люди. Это тоже плохо. Они все хотят жить. И их близкие хотят того же.

— Но мы не геологи! — сказала Людмила, которая незаметно вошла в столовую. — То, что мы смогли отсрочить твою гибель и, может быть, если не сейчас, то на следующий раз, еще через раз мы все-таки найдем противоядие, это не наша — это твоя заслуга! Это твои идеи! И мы не остановимся, пока не докажем, что достойны тебя. Если не в таланте, то в настойчивости.

— Людмила, шла бы ты спать, — сказал Варнавский. — Ты уже не владеешь собой. Сама сходишь с ума и доводишь меня до безумия.

— Как ты можешь так говорить!

— А не кажется тебе, что в происходящем есть определенный эгоизм жертвенности? Ты считаешь, что меня спасают. А ты знаешь, что я умирал три раза, и умирал достаточно тяжело — не дай бог никому так умирать. И завтра-послезавтра умру еще раз — погоди, не перебивай меня! Я знаю, как тебе трудно, как всем трудно, я понимаю, что вами руководит, — вы хотите спасти меня. А я давно мертв. А кончится это тем, что погибнет вся станция. А я не хочу быть скифским царем, с которым хоронили друзей и любимых жен, — Варнавский вдруг улыбнулся. И Павлыш вдруг понял, что раньше он был очень веселым человеком. — Хотя история не знает, чтобы в жертву приносили и медицинских инспекторов.

— Мы-то здоровы! — Людмила разозлилась на брата.

Интересно, кто из них старше? Обоим за тридцать. Но Павлыш не видел их в нормальной жизни. Ведь если Людмила старше, то она наверняка лупила любимого брата в детстве, лупила и всех, кто посмел обидеть его.

— Неужели вы не видите, как ускоряется пружинный эффект? А где предел ускорения времени и пре-

дел выносливости человеческого организма? Кстати, частично состояние всех нас объясняется тем, что мы живем в ускоряющемся времени. Павлыш, как вы себя чувствуете?

— Так себе. Но, возможно, я плохо выпался...

— Дело не в этом. Пора бы догадаться.

— И что же? Нам все бросить? И ждать? Ты бы ждал, если бы это случилось со мной? Или с Карлом?

— Нет, — сказал Варнавский.

— Ты непоследователен. Павлыш, я пришла за вами. Вы мне нужны.

— Пойдемте, — сказал Павлыш.

Варнавский только махнул рукой.

6

В лаборатории Людмила спросила:

— Лететь он отказался?

— Я думаю, он прав, — сказал Павлыш. — Он попросту умрет в космосе. И в корабле ему будет труднее, чем здесь.

Павлыш не думал, что Людмила так быстро смирится с этим. Потом догадался, что ей страшно расставаться с братом. Если здесь, на станции, она могла на что-то надеяться, то чудо за пределами планеты, чудо вдали от нее было невысказано. «Эгоизм жертвенности», — повторил Павлыш слова Варнавского.

Павлыш и в самом деле паршиво себя чувствовал. И он видел, как трудно Светлане. Но если они были больны — больны временем, то он, доктор Павлыш, не знал, что от этого помогает. Он украдкой пощупал пульс. Пульс был учащенным. Но от усталости или так организм отзывался на ускоренный бег минут, нарушающий биологические часы, тикающие в каждом организме?

— Я полежу, — вдруг сказала Светлана. — Я немного полежу и вернусь.

— Иди, — сказала Людмила. Она не смотрела на Светлану. Она обвиняла ее в слабости, а может, собственная выдержка Людмилы еще ярче высветилась на фоне слабостей окружающих?

Павлыш проверял результаты лапутянских, как он называл их для себя, опытов Людмилы. Но и сам ничего лучше придумать не мог. Он привык к системе, к последовательности, к послушной последовательности причин и следствий. Ему не приходилось соревноваться со временем, причем выходить на этот бой безоружным. Одной настойчивости и веры, как у древних христиан, выходивших с крестом в руке на арену Колизея в Риме против разъяренных львов, было мало. Львы, если против них не вооружиться, побеждают.

Пожалуй, впервые Павлыш оказался воистину в трагической ситуации. В ней была предопределенность. За тонкими перегородками лежал человек, который умирал в четвертый раз. И старался уменьшить боль лишь для того, чтобы успеть написать, оставить после себя то, что еще жило в его мозгу. Осуждать Варнавского или восторгаться им? Кто здесь герой, кто жертва? Павлыш поймал себя на том, что рассуждает высокопарно, как в высоком жанре.

В этой трагедии Павлыш не только зритель. Он и участник. Пульсирующая головная боль напоминает, что в конце пути спасение одного может обернуться гибелью остальных. Но ни он, ни толстый добряк Штромбергер, ни маленькая Цава, ни отчаянная Людмила, ни даже Варнавский не в состоянии остановить эту все ускоряющуюся карусель.

Вошла Светлана. Значит, она так и не смогла заснуть.

— Карлу кажется, — сказала она деловито, — что его стул лучше, чем в прошлый раз.

Людмила сразу убежала.

Они пробовали на Варнавском всевозможные препараты. Весь день Павлыш старался остановить своих врачей, он допускал лишь те средства, что были заведомо безвредны. Хотя как докажешь, что они безвредны для организма в таком состоянии. Смертельной может стать даже валерьянка.

Примерно через час Павлыш понял, что больше не в состоянии сидеть в лаборатории, и пошел к себе отдохнуть. Людмила вроде и не заметила его ухода.

Павлыш лег на койку, заложив руки за голову. Он не стал раздеваться. Голова раскалывалась так, что все становилось безразлично, — лишь бы боль прошла. Он понимал, что надо встать и думать, что-то делать... И лежал. За иллюминатором была чернота. Без звезд.

Если они не улетят, то следующий виток отступления будет еще короче. Потом еще короче... Наверное, все же надо попытаться взлететь. У них в случае удачи будет три дня. Три дня полета, может, связь с проходящим кораблем... Мало ли бывает случайностей... Взлететь, взлететь, убежать отсюда...

Послышался стук в перегородку. За перегородкой была каюта Варнавского. Стук повторился. Он был тихим, осторожным. Павлыш заставил себя подняться. Хорошо бы оставить голову здесь, на койке.

Павлыш вышел в коридор. Никого.

Он заглянул в каюту.

Варнавский лежал. Лицо его было синим.

— Павлыш, — сказал он, — у нас всего несколько минут. Слушайте.

Варнавский старался говорить быстро, но губы плохо слушались его.

— Я почти кончил, — продолжал Варнавский. — Времени не хватило. Сами понимаете. Да закройте дверь, они могут услышать! Если они снова сделают прыжок обратно, пленки погибнут. Я наговорил на пленки, понимаете, и пленки погибнут, потому что я уже не могу писать.

Варнавский повторял фразы, словно хотел вдолбить их в голову Павлышу:

— При обратном переходе пленки стираются. А мне в следующий раз уже не вспомнить. Пружинный эффект снижает деятельность мозга. Снова мне не сделать. Возьмите пленки.

— Вы думаете, что я взлечу?

— Нет. Вы не взлетите. Это невозможно. Вы должны взять пленки. Никому ни слова. Они пленники чувства долга. Если можно что-то сделать, надо делать. Это парадокс. Он никуда не ведет. Если они еще раз сделают прыжок, то я уже не сделаю теории. Понимаете? Тогда я зря жил. Мне легче умереть, если я жил не зря. Мне нужно умереть, чтобы жить не зря. Все очень просто, вы возьмете пленки, и пока никому ни слова. И потом сделаете еще одну вещь. Очень просто. Я знаю. Пульт управления компьютером, который высчитывает и производит прыжок, под станцией. Там люк, вы видели. Вам нужно спуститься туда сейчас. Это просто. Вам надо взять что-то тяжелое и спуститься. Возьмите этот камень. Сувенир, я его взял как сувенир. В день прилета. Я думал увезти его на Землю. Камень, который путешествовал во времени. Возьмите его. В правой части пульта под стеклом контакты подачи энергии на установку. Разбейте стекло. Разбейте стекло и контакты. Вы поняли? Они не смогут вернуться во времени. И тогда моя работа будет цела. Это самое главное. От человека остается только работа, вы понимаете? Вы должны это сделать...

Варнавский закрыл глаза. Павлыш увидел, как его рука, вся в синей сыпи, тянется к камню, лежащему на столе.

— Ну! — сказал Варнавский хрипло.

Павлыш подошел к столу. Кассеты лежали аккуратной стопкой.

— Три верхних, — сказал Варнавский, не открывая глаз. Павлыш взял кассеты.

— Теперь идите. Камень! Камень!

Павлыш стоял.

— Я не могу, — сказал он.

— Идиот. Вы убийца...

В словах не было чувств. Была только усталость.

— Я понимаю, — сказал Павлыш. — Но, может быть, не сотрется?

— Сотрется. Обязательно сотрется. Вы же видите, что я не могу подняться. Я прошу вас! Не только ради меня. Ради Людмилы, Светланы, ради вас самого! Вы же не перенесете ускорения времени. Никто не перенесет. Жертвенность — это плен.

То, что просил сделать Варнавский, было самым простым, разумным, и, вернее всего, Варнавский был прав — выход один. Павлыш мысленно уже спустился к компьютеру и разбил стекло. И тогда еще через день, задыхаясь от боли, Варнавский умрет. Инвариантно. Как если бы это была станция геологов. Но оставался маленький шанс, оставалась надежда на чудо — еще три дня, послезавтра Варнавский проснется здоровым, у него и у них будет еще три дня. И что-то получится. Ничего не получится, понимал Павлыш, но послушаться Варнавского означало убить его.

— Ну как вы не понимаете, — повторял Варнавский. — Я сам не могу прийти. Я опоздал. Я хотел кончить и опоздал.

Голова Павлыша раскалывалась. Он протянул руку к камню. Но рука не послушалась его.

Вошел Карл.

— Вы здесь? — он ничуть не удивился. — Людмила говорит, что есть надежда. Она говорит про какие-то квасцы. Она просит вас прийти. Как ты, Павел?

— Он тоже трус, — сказал Варнавский. — Он как и ты.

Штромберггер взглянул на Павлыша.

— Я вас понимаю, — сказал он.

С квасцами ничего не получилось. Людмила просто очень хотела, чтобы получилось. Но прошел час, прежде чем Павлышу удалось разубедить Людмилу. Павлыш понимал, что уходить нельзя. Прошли еще минуты. Потом Светлана упала в обморок. Тихо съехала на пол.

— Ну вот! — Людмила сказала это так, словно Светлана притворялась.

Павлыш наклонился над Светланой, растянул ей ворот.

— Вам помочь? — спросила Людмила.

— Нет, сейчас я сам все сделаю. В этом, по крайней мере, я разбираюсь.

Он с трудом поднялся, подошел к медицинскому шкафу.

Людмила тоже поднялась.

— Я пойду к Павлу, — сказала она. — Карл забудет сделать ему укол.

Карл не дал ей уйти — он вошел в лабораторию.

— Я сделал укол. Он спит. Не ходи. Что со Светланой? Ей плохо?

— Ему не лучше? — спросила Людмила.

Павлыш дал Светлане понюхать старого доброго нашатыря. Когда она пришла в себя, заставил выпить фирменную смесь — ее Павлыш изобрел на четвертом курсе. Весь институт принимал перед экзаменами. Целый месяц Павлыш был самым популярным человеком на курсе.

— Как накопители? — спросила Людмила.

— Завтра, — сказал Карл. — Боюсь, что сегодня еще не хватит энергии.

— В прошлый раз хватило четырех дней.

Карл развел руками.

— Ночью я буду сидеть у него сама, — сказала Людмила. — Вы спите. Все спите. Завтра переход. Мне нужно, чтобы все были бодрые.

— Прости, — сказала Светлана.

И в этот момент мигнул свет. Раз, два.

— Что такое? — спросила Людмила. — Еще этого не хватало!

Павлышу показалось, что станция вздрогнула. Чуть-чуть.

— Что случилось? — закричала Людмила. Она первой побежала к двери. Остальные за ней. Павлышу пришлось подхватить Светлану — ноги ее плохо держали.

Со стороны они, наверное, выглядели смешно. Им казалось, что они бегут, а они плелись, держась за стены.

Дверь к Варнавскому была открыта.

Кровать пуста.

— Где он? — Людмила готова была вцепиться в Карла ногтями. Павлыш оставил Светлану, она сразу прислонилась к стене, и попытался встать между Карлом и Людмилой. — Почему ты ушел?

— Он не мог встать, — сказал Карл. — Я знаю, в таком состоянии он не мог встать. Он спал.

Людмила уже не видела их, она смотрела вдоль коридора. Потом бросилась в его конец. Павлыш не сразу понял, почему. Потом увидел, что Людмила рванула дверь в переходник — шлюзовую камеру. Она решила, понял Павлыш, что Варнавский вышел наружу. Чтобы погибнуть.

— Нет, — сказал Карл. — Этого быть не может. Ты же знаешь, если человек выходит в шлюзовую, раздается сигнал по всей станции. Ты же знаешь.

И все же Людмила начала набирать код на двери, потом потянула ее на себя. Дверь отошла с трудом.

Внутри загорелся свет. Зазвенел резкий сигнал. Внешний люк был заперт.

— Где же? Где же, где же? — как заклинание повторяла Людмила.

Светлана, перебирая руками по стене, дошла до трапа вниз, к компьютеру. У трапа валялась пустая полоска от таблеток.

Людмила тоже увидела ее.

Она первой спустилась по трапу.

Варнавский лежал головой на пульте. В руке среди осколков стекла виднелся камень. Варнавский не выпустил его.

Он был мертв. Павлыш почему-то подумал, что он был мертв, уже когда разбивал стекло. Разумеется, в его состоянии невозможно было добраться до пульта. Он не мог спуститься по трапу, он просто упал вниз. Уже потом Павлыш узнал, что у Варнавского была сломана рука. Не та, конечно, что с камнем.

Людмила молчала, пока они поднимали Варнавского. Лицо его было спокойно.

Потом Павлыш пошел спать. Время на планете спешило, и надо было выдержать, пока оно успокоится, догнав Вселенную.

Ложась, Павлыш вынул из кармана кассеты Варнавского. И спрятал их к себе в сумку, на самое дно. Он отдаст их Людмиле потом, когда она придет в себя.

Он заснул быстро, проваливаясь в бесконечную пропасть, словно под наркозом. Последней его сознательной мыслью было: «А все-таки Карл дал себя уговорить. Не до конца. Но дал. Он ушел и не пустил Людмилу...»

Несколько раз Павлыш просыпался. После коротких, бегущих кошмаров. Часы его тела никак не могли смириться с тем, что время вокруг движется неправильно.

КИР БУЛЫЧЕВ

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

*Этот рассказ, написанный в 1973 году,
найден в архиве писателя в конце августа 2010 г.*

Я сижу на деревянной теплой скамье в зале ожидания аэропорта Шереметьево. Вокруг кипит оживленная деятельность: кричат разносчики лимонада и продавцы сахарного тростника, заклинатель кобры устроился со своей корзинкой у самого входа и мешает людям втискивать свои чемоданы. Все мои провожающие: дети, внуки, золовки, невестки, жены внуков, племянники... (сколько их — пятьдесят, шестьдесят?) — все разбежались. Привезли в зоопарк белого медведя из Австралии. Разгружают клетку на площади. Вот они и убежали.

А мне ведь лучше. Я люблю думать в одиночестве. Размышлять о странных путях судьбы. Минут пять назад внук Коля спросил меня: «А какой снег?» Все зашикали на мальчонку: «Как ты посмел потревожить дедушку таким глупым вопросом? Неужели ты не знаешь, что снег — это мороженое, только несладкое?»

А я помню, как снег покрывал поля, лежал на крышах, как его сгребали с дорог машины... А может, мне кажется, что я помню? Может, я подглядел это на какой-нибудь старой картине?

Нет, я обязательно должен помнить снег. Ведь мне в тот год было шестнадцать. Конечно, шестнадцать. Я родился в пятьдесят шестом, в самой середине двадцатого века.

Мало, ах, как мало осталось на свете людей, которые помнят события того драматического семьдесят второго года. Тогда, кажется, воевали во Вьетнаме и состоялась Олимпиада.

Какой-то пожилой гражданин со знакомым лицом — не начальник ли это моего младшего сына Бори? — сидит напротив меня на скамье, подогнув под себя босые ноги, и шлепанцы валяются на каменном полу. Он смотрит на свой голый пупок и размышляет. Ненавижу этих доморощенных философов. Созерцание пупка не отвечает национальному характеру русского человека. Что бы ни писала об этом «Литературная газета»!

На самом деле мы далеко не столь пассивны, как кажется окружающим. Вспомните, ведь это мы первыми вышли в космос. Мне могут возразить: это же было до перемены климата. А я отвечу: тем не менее нам всегда была свойственна предприимчивость. Я тому пример. Мне семьдесят шесть лет, а я не устал возить в Тбилиси мандарины и манго, собранные на моем подмосковном дачном участке. Пускай некоторые грузины с презрением поглядывают на предприимчивых русских и эскимосов, торгующих овощами и фруктами на их базарах, — кто-то же должен снабжать витаминами страну с умеренным климатом. Мы не виноваты, что мандарины вызревают под Москвой раньше, чем в Баку.

Сосед рядом со мной развернул газету. Все те же новости, все те же темы. Ну как может он охоться при таком, в сущности, банальном известии, как попытка взбесившегося крокодила искушать отдыхающих в Малаховке или об очередной вспышке чумы во Владими́ре? У нас всегда в жару свирепствует чума, всегда бесятся крокодилы и нападают на людей акулы в Рыбинском море. Ничего удивительного. Вроде бы в Рыбинском море акул до 1972 года не водилось. А может быть, я ошибаюсь. Меня теперь часто подводит память.

Я помню многое, и помню ясно. Потом — провал. Например, четко представляю себе картину лета того

года. Мгла от горящих вокруг Москвы лесов, месяц за месяцем температура не падает ниже тридцати градусов, люди умирают на улицах от тепловых ударов, и газеты пытаются внушить населению, что лето пройдет и наступит осень. О, как наивны были верившие этим газетам обыватели. Как анекдот в то лето рассказывали историю о человеке, который покупал дрова, надеясь на наступление зимы. Я отлично помню, что температура в Москве к сентябрю достигла постоянных сорока градусов и начались самовозгорания домов. Помню, как практически вымер от тепловых ударов город Архангельск. Помню, как падали и тут же умирали люди на улицах Москвы. Помню, как перестала идти вода и люди под палящим солнцем пробирались к пересохшей, мелкой Москве-реке и пытались набрать воды из цепочки луж, в которую она превратилась. Я помню, как мой сосед Сидоров обменял жену на бутылку пива и как завидовали ему товарищи по работе. Да, это было трудное лето, и это была трудная осень.

А вот когда произошел моральный переворот, когда люди смирились и перестали ждать зимы, я не помню. Кажется, это случилось в ноябре. Да, именно тогда вышло в свет историческое постановление правительства о переходе на вегетарианское питание. Ведь теперь выросло поколение, которое твердо уверено, что корова в России испокон веку — священное животное. А я должен признаться: ел когда-то говядину (так называемое коровье мясо). Это большой грех, но грех лишь в глазах моих молодых современников. Да, как сейчас вижу: я открываю газету, и там объявление о переводе крупного рогатого скота в ранг священных животных, о переименовании животноводческих хозяйств в питомники священных коров и о разрешении таким образом проблемы животноводства вообще. И как сейчас стоит перед глазами

последняя фраза постановления: «Перегоним США по числу священных коров на уровне мировых стандартов!» Да, было время и были люди!

Тогда мало осталось в живых истинных москвичей. Кожа их слабо переносила загар, они вымирали, но жизнь в Москве поддерживали приезжие — туристы, командировочные, гости столицы. Будучи более закаленными, чем изнеженные прохладой жители столицы, они подменяли их, и процесс этот проходил почти незаметно.

Как-то, было это, кажется, в середине октября, я припелся домой. Было уже тепло — весь день я провел в водопроводной трубе под Неглинкой, — меня встретил отец, вернее, голос его, потому что папа сам уже не мог передвигаться. «Познакомься, мальчик, — сказал папа, — эта женщина отныне твоя мама. Она приехала вчера из Бузулука и заменит нашу маму, которая нас сегодня после обеда покинула». Мне бы надо заплакать, сопротивляться... Но как можно сопротивляться, если температура приблизилась к пятидесяти, и мало у кого из моих сверстников были родители. Я принял новую маму как должное, но что с ней стало потом — не знаю. Отец мой, насколько мне известно, решил спастись и ушел пешком на юг, к прохладе и умеренному климату. Вряд ли он пережил переход через Среднерусскую пустыню.

Ага, вот и возвращается мой сын. За ним — свора его детишек и обе его жены. Как смешно сегодня думать о том, что когда-то у нас была проблема малой деторождаемости. Сегодня на всех стенах висят плакаты: «Ограничивайте число детей восемью! Это разумно!» А что есть разум? Когда под новый, семьдесят третий, год мы были объявлены слаборазвитой страной и нам стали оказывать экономическую помощь более счастливые соседи, рождаемость сразу поползла вверх. Примерно с такой же скоростью, как стала падать гра-

мотность. Говорят, и то и другое произошло от пассивности населения. Ведь, для того чтобы детей рождалось поменьше, родители должны об этом думать. А кто, простите, будет думать в нашем климате?

Мой сын садится рядом и молчит. Жены начинают вытирать сопли малышам. Женщины всегда суетливы и глупы. Есть мнение, что в ближайшем будущем их ограничат в передвижении и даже, может, запретят им выходить из домов без паранджи. В этом, кажется, есть смысл. У людей и так мало собственности: тростниковая хижина, белая тряпка — национальная русская одежда, его жены и дети. Мой сын, правда, демократ. Я его сам таким вырастил. Он умеет читать и даже подписывается. Это дало ему хорошую работу на кунжутовой плантации в Черемушках. Он бы зарабатывал лучше, но с него берут большие штрафы за то, что обезьяны потребляют посевы.

— Отец, — сказал сын, садясь у моих ног. — У нашей плантации появился тигр. Он уже украл двух рабочих.

— Что делать, сын, — отвечаю я, как всегда, мудро. — Тигры всегда водились под Москвой. Испокон веку.

Я в этом в самом деле не уверен. Но нельзя вносить смущение в мозг моего сына. Он — моя надежда и опора в старости.

— Выпей холодного тростникового сока, — говорю я сыну. — И не думай о тиграх.

Здание аэропорта пошатывается. В «Вечерней Москве» писали уже, что его наполовину сожрали термиты, но администрация аэропорта и в ус не дует. Это прискорбно. Если здание упадет, в будущем придется ждать самолеты под навесом из пальмовых листьев. Как в Новосибирске, куда я в прошлом году ездил закупать копру.

— Ах, — говорит мой сосед. — Быть не может.

И он показывает мне заметку в газете, где сказано, что в Кольской пустыне, у самого моря, обнаружены остатки какого-то древнего города. Ученые, если верить газете, полагают, что город назывался Мурманском.

Что же, все может быть. Мы как-то всей семьей ездили туда, на берег моря, отдыхать. Было, как всегда, очень жарко, и надоедали скорпионы и гремучие змеи. Там высокие дюны, в которых можно укрыть и не один город. Когда-нибудь там могла существовать цивилизация. И она могла называться мурманской. Это было очень давно. Хотя постойте... нет, мне показалось.

А впрочем, я, когда вернусь из прохладной Грузии (сын как раз спрашивает меня, не забыл ли я свитер и пальто, — отвечаю, что не забыл), обязательно зайду в Исторический музей. Мне, как интеллигенту, человеку грамотному и свидетелю больших событий, интересно бывать в этом хранилище прошлого. Там, в небольших комнатах, закрытых для посторонних, хранятся некоторые вещи, выставлять которые неудобно, потому что редкие посетители музея, заходящие туда в основном посидеть в тени и выпить прохладительных напитков, могут считать это пустой выдумкой и обидеться. Там есть картина «Снег идет» и целый ряд предметов из металлов, например монеты и еще кое-что. Некоторые из этих вещей можно встретить в Африке, но сотрудники музея уверяют, что они изготавливались в Москве. Мы иногда вместе с сотрудниками весело смеемся над тем, сколько усилий тратили наши предки для того, чтобы выжить, какие смешные одежды они носили на улицах Москвы, в каких смешных экипажах они передвигались...

Ну ладно, пора кончать размышления. У меня еще будет возможность вернуться к ним в дороге. Вот уже

по залу идет стюардесса с хлопушкой и созывает пассажиров на самолетный рейс Москва — Тбилиси. Мои родственники подхватывают тюки и чемоданы. И мы спешим к выходу на посадку.

Вот и наш самолет — очень красивый, современных линий экипаж, запряженный буйволами. После некоторой схватки за места меня удобно устраивают у открытого окошка. Мои мешки с зелеными мандаринами — рядом. Теперь предстоит долгая дорога через пустыню, тропические леса и мангровые заросли Тулы. Только бы мандарины не созрели раньше, чем я доберусь до студеного города Тбилиси.

— Прощай, дедушка! — кричат мои родственники.

Они не надеются меня снова увидеть.

Но я знаю, что вернусь. Мне обязательно надо побывать в Историческом музее и узнать, водились ли тигры в Москве до 1972 года. А вдруг их не было?

1973 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСКУШЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

СЕРГЕЙ УДАЛИН

ИСКУШЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

— Обязательно, — улыбнулся Кин очаровательной гримасой уставшего от постоянной реставрации, от поисков и находок великого человека. — Но мы ненадолго, проездом Аню навестили.

Кир Булычев. Похищение чародея

1

Еще у двери Анна поняла, что в номере кто-то есть. Или только что был. Не то чтобы заметила, скорее почувствовала. По слишком напряженной, как сдерживаемое дыхание, тишине. По идеально заправленной, не успевшей хоть чуточку просесть, кровати. По стерильному, как в лаборатории, пахнущему озоном воздуху. Притом что дверь на балкон была приоткрыта, явно для того, чтобы выветрился запах. Недавно приоткрыта.

Ну что ж, Анна с самого начала ожидала от этой внезапной командировки какого-то подвоха. Слышанное ли дело, чтобы музей-заповедник оплатил дорогу из Питера в Нижний Новгород и обратно в спальном вагоне и забронировал в гостинице двухкомнатный номер люкс на неделю вперед. Откуда, спрашивается, у них такие деньги? И с какого перепуга им срочно понадобилась консультация рядового кандидата исторических наук? Дело ясное, что дело темное. Рано или поздно что-то должно было случиться.

Удивительно, но никакого страха она не испытывала. Только облегчение и спрятавшееся под усталостью любопытство. Даже от мелькнувшего в голове словечка «бандиты» повеяло чем-то забытым, но светлым. И грустным.

И все же она вздрогнула, услышав спокойный, буднично-тихий голос:

— Здравствуйте, Анна.

У балконной двери стоял невысокий черноволосый мужчина лет сорока, одетый в деловой костюм неброского темно-серого цвета. Его самого тоже можно было бы назвать неброским, если бы не глаза — сияние, пронзительные и какие-то отчаянные. «Гусарские», — вспомнила Анна и одними губами беззвучно прошептала:

— Вы?

— Мы, — кивнул Жюль, заодно отвечая и на следующий, еще не заданный, но уже ставший ненужным вопрос.

Анна отступила на шаг и прислонилась спиной к спасительной стене. Голова кружилась, ноги норили предательски подогнуться.

— Кин уехал на вокзал, встречать вас. Но, судя по всему, опоздал, — добил ее Жюль новым сообщением.

Нет, надо успокоиться, взять себя в руки. Нельзя, чтобы Кин ее увидел такой растерянной. В конце концов, она уже не та наивная, романтическая девочка. Столько времени прошло, дочка уже школу оканчивает. Хотя, что такое двадцать лет в сравнении с той пропастью, через которую они пролетели?

Значит, командировка — это их работа. Но тогда...

— Что-то случилось? — задала она еще один ненужный вопрос.

— Акиплеша сбежал, — все так же буднично и спокойно объяснил Жюль. — То есть теперь его зовут Акинфий.

— Как сбежал? Куда?

— К себе, в тринадцатый век.

— Та-а-ак, — протянула Анна и решила все-таки сесть в кресло. Каким бы мягким ни был вагон, подъем в пять утра все равно выматывает. Даже если тебя никто не собирается потом огорошить неожиданными известиями.

— Никто не ожидал, что все так по-дурацки получится, — продолжал Жюль, с каждой новой фразой утрачивая былую невозмутимость. — Он ведь уже адаптировался в нашем мире. Пока лежал в клинике, заочно получил высшее образование. Врачам пришлось с ним изрядно повозиться, но в конце концов и пальцы нарастили, и глаз восстановили. Даже рост чуточку подтянули. Он, конечно, и теперь невысок, но вы бы его не узнали при встрече... Не узнаете... — Жюль почему-то замялся и дальше заговорил еще эмоциональней. — Через два года он защитил кандидатскую по физике времени, еще через два — докторскую. Нашу лучшую лабораторию полностью передали в его распоряжение. Разумеется, поначалу за ним присматривали, но, сами понимаете, нельзя этим заниматься бесконечно и безнаказанно. Да и зачем? Акинфий выглядел счастливым человеком, увлеченным работой и довольным жизнью. Семью он, правда, так и не завел, но женским вниманием обижен не был. Никто же не знал, что это все неспроста.

— Он и в прежней жизни здорово умел притворяться, — с неожиданной для себя самой горечью заметила Анна. — Держать при себе свои мысли, свои мечты, свою боль. Может быть, вы его невзначай чем-то обидели и даже не заметили, как и когда.

— Проще простого найти ошибку, когда знаешь, чем все кончилось. Но как мы могли догадаться, если он не хотел ни с кем откровенничать?

— А вы пробовали его разговорить?

— Представьте себе, пробовали. И так пытались по-дойти, и этак.

— Значит, плохо пытались! Почему-то со мной он сразу...

Анна оборвала себя на полуслове, вдруг сообразив, зачем Кин и Жюль ее сюда вызвали. А впрочем, мало ли о чем она догадалась. Пусть объясняют сами, не стоит облегчать им задачу.

Она с притворно-виноватым видом прикрыла рукой рот, показывая, что не будет больше перебивать рассказчика. Жюль невольно улыбнулся, глядя на ее ребячество, и вернулся к рассказу:

— Лаборатория Акинфия расположена неподалеку от Нижнего Новгорода. Последнее время он заинтересовался барьером между нашим временным витком и следующим — Кин вам, кажется, об этом говорил.

Анна деловито кивнула.

— За каких-то пять лет Акинфий перевернул все наши представления о природе барьера. Но, судя по всему, он поделился с нами не всеми своими открытиями.

«Как прежде с боярином Романом», — подумала Анна, но благоразумно промолчала.

— Мы пока до конца не разобрались, но, похоже, он нашел принципиально новый способ путешествия во времени, не требующий такой колоссальной затраты энергии. Потом тайно разработал установку для перехода, проверил ее работу и при первой же возможности — три дня назад — сбежал.

— Зачем? — не выдержала молчания Анна.

— Мы не знаем, — признался Жюль. — Но даже если бы знали, все равно не можем его там оставить. Для истории Акиплеша умер в 1215 году. И теперь любое его активное действие изменит ход событий. А он знает и умеет очень многое, это вам не огненные колеса запускать! В общем, его нужно уговорить вер-

нуться. И это придется сделать вам. Нас Акинфий и близко к себе не подпустит. А вас... вы же сами ска-зали, что быстро нашли с ним общий язык.

Анна устало откинулась на спинку кресла и при-крыла глаза. Ну да, так и есть. А чего еще следова-ло ожидать? Не для того же, чтобы просто увидеться с ней, прибыли гости из будущего? Как всегда, произ-водственная необходимость.

Все правильно, только почему-то очень обидно.

— А если я не... — начала она, но не успела произ-нести последнее слово.

Дверь с шумом распахнулась, и в номер ворвался Кин. Смуглокожий, словно какой-нибудь мавр, за-пыхавшийся, с недовольной гримасой на скуластом лице, но радостным блеском в небольших серых гла-зах. Анна обернулась, посмотрела на него и поняла, что согласна отправиться хоть в тринадцатый век, хоть к черту на рога, лишь бы Жюль на несколько минут оставил их наедине.

К счастью, физик-временщик оказался достаточно догадливым и деликатным, чтобы пробормотать нечто неразборчивое, выйти в другую комнату и там наро-чито громко чем-то загреметь. Вероятно, содержимым своих чемоданов.

2

Они стояли на балконе и смотрели друг на друга. По набережной с захлебывающимся воем проноси-лись иномарки, чуть дальше перекликались гудками плывущие по Волге буксиры, баржи и пассажирские теплоходы. Ни Анна, ни Кин, казалось, ничего этого не слышали. Но и сами молчали. Словно боялись все испортить неосторожным словом. А может быть, боя-лась только Анна.

Она ждала его возвращения много лет. Умом по-нимала, что этого никогда не случится, но все равно

продолжала ждать. Когда умер дед Геннадий — единственный человек, с которым можно было поговорить о реставраторе Терентии Ивановиче из Ленинграда. Когда сама переехала в Питер и начала новую жизнь. Придумывала для него новые оправдания, назначала новые сроки. Вышла замуж, родила дочь, развелась, и все это время, уже ни на что не надеясь, продолжала ждать. Потом так же долго пыталась забыть, но ничего не получалось. Каждого знакомого мужчину она невольно сравнивала с Кином, и ни один не выдерживал сравнения. Как реальность всегда выглядит скучней и тусклее мечты, как живая песня берет за душу сильнее, чем ее текст, напечатанный на бумаге. В конце концов она смирилась с неизбежным, успокоилась, загнала воспоминания в самый дальний уголок души, и если даже иногда натыкалась на них, то рассматривала с удивлением и легкой грустью, как фотографию одноклассника, в которого когда-то была по-девчоночьи влюблена. Она уже почти поверила, что никакого Кина на самом деле не было, что он просто приснился ей в одну из летних ночей больше двадцати лет назад.

И вот теперь, когда его перестали ждать, Кин вернулся. Почти не изменившийся, по-прежнему серьезный, деловитый, немного уставший. Анна боялась даже подумать о том, какой она видится ему. И, конечно же, не могла не думать об этом. Злилась на себя саму, а потом на него, и снова на себя.

Они стояли на балконе и смотрели друг на друга. Нет, они не молчали, а разговаривали без слов, одними глазами:

Почему ты тогда не взял меня с собой?

Ты же сама понимаешь, что это невозможно.

Понимаю. Но почему ты не попытался сделать невозможное? Почему не вернулся за мной? Почему забыл все, что между нами было?

Но ведь ничего такого и не было.

Было другое. Более важное. Почему ты не понял, что это важно?

Он не выдержал ее укоризненного взгляда и отвел глаза. Всего на одно мгновение. А затем снова попытался оправдаться:

Но ведь я же все-таки вернулся.

Потому что я вам понадобилась.

Не только поэтому. В конце концов, вы с Жюлем справились бы и без меня.

Но ты быстрее уговоришь меня помочь вам. Вы же всегда торопитесь.

Он обреченно вздохнул, признавая поражение:

Да, мы опять торопимся.

Анне вдруг стало жаль Кина, и она ухватилась за возможность переменить тему. И заговорить, наконец, вслух:

— А что будет, если Акиплеша откажется вернуться?

Кин покачал коротко стриженной головой.

— Не откажется. Он же прекрасно понимает, что мы не оставим его в покое.

— Почему?

— Он слишком многому у нас научился. И не сможет не применять новые знания. Тем более в такой момент, на сломе эпох?

— А что за момент? — удивилась Анна.

За всеми своими переживаниями она не успела об этом подумать.

— У них там сейчас 1237 год. Понимаешь, что это значит? Батый уже идет на Русь. Акинфий не сможет

остаться в стороне. И что бы он ни сделал, это изменит ход истории.

— И что тогда?

— Ничего. Мы просто не дадим ему такой возможности.

— В каком смысле?

— Во всех. Мы готовы на любой шаг, если в нем возникнет необходимость.

— Даже на убийство?

— Даже на убийство.

Анна удивленно и недоверчиво взглянула на Кина, словно ожидая, что он заберет страшные слова назад.

— Нет, ты не сделаешь этого. Не сможешь переступить через себя.

— Смогу, — спокойно возразил Кин. — Ведь смог же я...

Он не договорил, но Анна прочитала окончание фразы в его глазах:

Ведь смог же я отказаться от тебя.

Она опустила голову. Возразить на это было нечего. Как не было теперь и возможности отказаться от уготованной ей роли.

3

Для «высадки» Жюль с Кином выбрали рощицу километрах в двух от города. Место укромное, неприметное, и далеко идти не нужно. Опыт двадцатилетней давности ничем не помог, Анна не устояла на ногах, ушибла колено и едва удержалась от выражений, не подходящих супруге почтенного варяжского купца.

Жюль настоял на том, чтобы она даже не пыталась выдать себя за местную жительницу. Первые же про-

изнесенные слова выдадут ее с головой. А здесь, как ни крути, порубежье, край беспокойный. Того и гляди за лазутчицу примут. Лучше уж не скрывать, что ты иноземка.

Анна поднялась с травы, отряхнула широкую юбку. Разумеется, пришельцы из будущего не сомневались в ее согласии и все приготовили заранее — и белое, расшитое незамысловатым узором платье с неприлично длинными, спадающими почти до земли рукавами, и головной платок с серебряным обручем, и янтарное ожерелье. Даже сапоги на этот раз пришлось ей впору. Все-то у них продумано и просчитано, только вот Акиплешу они раскусить все равно не смогли.

Ну да ладно, не время сейчас злорадствовать. Анна огляделась по сторонам — вроде бы все тихо-спокойно — и, не выходя из рожицы, неспешно побрела к городу. Солнце пока припекало несильно, над головой шуршали листья, с берега Волги сквозь редкие стволы берез и осин пробивался приятный, освежающий ветерок. Где-то неподалеку отсчитывала века кукушка. Такая благодать, что хоть жить здесь оставайся. Если только не вспоминать о том, что здесь произойдет меньше чем через год.

Вскоре за деревьями показался бревенчатый детинец на вершине крутого холма. Где-то здесь семьсот лет спустя будет проходить знаменитая Чкаловская лестница, но сейчас вверх вела лишь узкая извилистая тропинка. Впрочем, в крепость Анна заходить не собиралась. Если Акиплеша еще не уплыл из города на какой-нибудь торговой ладье — а Кин с Жюлем не сомневались, что он поступит именно так, но надеялись перехватить его раньше, — то искать его следует на торгу возле пристани. У него попросту нет другого выбора, как прибиться к свите богатого купца. В одиночку путешествовать по здешним краям небезопасно. И без всяких татар хватает воинственных

соседей — болгары, эрзя, черемисы. Да и свои ушкуйники немногим лучше. Так что без покровителя Акиплеше никак не обойтись. И еще раз прав Жюль: проще всего ему будет представиться знахарем, травником. И показать свое искусство труда не составит, и вопросов будут меньше задавать. Знахарь — он и есть знахарь, человек не от мира сего.

Анна обогнула холм и без труда отыскала торжище. Оно мало чем отличалось от привычных вещевых рынков — те же прилавки, палатки, навесы, та же празднично шатающаяся толпа. Сам городок был невелик, но на торг, как водится, собирались крестьяне со всей округи. Анна не без труда отыскала ряды, где торговали женскими украшениями и прочей необходимой каждой красавице мелочью, и на ломаном языке, больше всего похожем на то, как говорили фашисты в фильмах про войну, начала осторожно выспрашивать: «А у кого здесь лучшие румяна? Кто может вывести с лица бородавку? А нельзя ли где-нибудь раздобыть приворотное зелье?»

Получасовые поиски привели ее к белому матерчатому навесу, под которым сидел тучный, круглолицый, наголо обритый человек в пестром халате. Конечно, так сильно Акиплеша измениться не мог, но все, с кем Анна успела переговорить на торжище, упорно отправляли ее именно к этому торговцу. Если кто-то и пригрел недавно объявившегося в городе знахаря, то только он. И Анна твердо решила для себя, что не уйдет отсюда, пока не вытянет из толстяка всю правду.

При виде богатой клиентки торговец попытался вскочить на ноги, а вернее, сделал вид, что пытается. Угодливая улыбка чуть не расколола его потное лицо пополам, и торговец запричитал, немного растягивая слова:

— Ой, здравствуй, красавица, здравствуй, бела лебедушка! Зачем пожаловала? Что твоей душеньке

удовно? У меня все есть: и румяна, и белила, и жемчуга, и камни самоцветные, и парча, и бархат, и кольца, и браслеты, и косы накладные, и сладости заморские...

Анна со снисходительной усмешкой слушала его излияния и вдруг поняла, что они с торговцем в чем-то похожи: он тоже притворяется иноземцем, хотя наверняка приехал из соседнего города. С таким пройдохой можно было бы поговорить и начистоту, если бы не зеваки, то и дело проходящие мимо и прислушивающиеся к разговору. Волей-неволей приходилось продолжать игру.

— Нет, не так, перестать, — заговорила она, старательно коверкая слова. — Я хотеть другой. Я хотеть... эликсир... зелье... для любовь.

Она стыдливо прикрыла лицо кончиком платка, продолжая внимательно наблюдать за физиономией толстого торговца. А тот заулыбался еще шире и все-таки соизволил подняться с разложенных прямо на земле подушек.

— Приворотное зелье, что ли? — переспросил он.

— О, так есть, — кивнула она.

— Так это мы мигом, красавица! — чуть не запрыгал от радости толстяк. — Сейчас прикажу слуге, он приготовит. Дорогое оно, это зелье, но тебе — так уж и быть — уступлю за полцены.

Он ухватился рукой за полог, закрывающий заднюю часть навеса, и уже готов был скрыться из вида. Такой поворот Анну не устраивал. Нужно было каким-то образом выманить этого слугу наружу. И она сказала первое, что пришло в голову:

— Подождать! Не ходить! Я хотеть видеть, как делать эликсир. Есть разный человек: один честный, другой обманывать. Третий говорить: никакой приворотный зелье не есть в природа. Я хотеть знать, кто говорить правда.

Из-за полога донеслось неясное бормотание, а затем торговец вернулся обратно. Вслед за ним вышел худой, сгорбленный старик с длинной седой бородой. Он поднял голову и, прищурившись, взглянул на гостью.

Анна невольно вздрогнула: глаза у слуги были разного цвета. Один — карий, другой — ярко-голубой, почти васильковый.

— Знавал я одну княжну, на которую мое зелье точно подействовало, — произнес старик неприятным, скрипучим голосом.

Вот, значит, как. Акиплеша и не думал прятаться — сам во всем признался. От неожиданности Анна растерялась. Что теперь делать? Продолжать играть роль — глупо. Но и раскрываться нельзя: народ вокруг так и шастает.

Анна скосила глаза на проход между рядами. К навесу как раз приближался усатый стражник в короткой кольчуге и с копьем в правой руке. За левую уцепилась невысокая молодая женщина в домотканом платье и лаптях. Разглядеть ее лицо никак не получалось: она ежесекундно поворачивала голову в сторону спутника и без умолку что-то ему тараторила. Тот слушал с недоверчивой улыбкой, но не перебивал и не пытался высвободиться.

Вдруг женщина остановилась, отпустила руку стражника и завопила, тыча пальцем в сторону Анны.

— Вот она, ведьма! Держите ее!

Анна еще не поняла, что происходит, но уже не сомневалась, что дело плохо. Она помнила про кнопку возвращения, укрепленную у нее за ухом. Но исчезать на виду у всех, так и не поговорив с Акиплешей!

— Что есть ведма? — произнесла она, поворачиваясь к стражнику. — Что говорить этот женщина?

Она рассчитывала потянуть время и все-таки придумать какой-нибудь выход. Но получилось только хуже.

— Она это, истинный крест, она! — еще громче завизжала женщина, а вокруг уже начал собираться народ. — Я как раз в лесу ягоды собирала, вдруг вижу: стоит. А только что никого поблизости не было. Не иначе — с метлы прыгнула. Но я вижу не пода-ла, а потихоньку кралась за ней до самого торжища. И слышала все, что она говорила: все про зелья какие-то выпытывала. Отравить она нас хочет — вот в чем дело! И говорит не по-нашему, а во всем посаде нынче ни одного иноземного гостя не сыщется. Ведьма, как есть ведьма!

Тут нервы Анны не выдержали, она оглядела волнующуюся толпу, а затем метнулась за полог, едва не сбив по дороге толстого торговца. Проскочила заднюю часть навеса, оказавшуюся чем-то вроде склада. Мешки, свертки и корзины разлетались у нее из-под ног. Выскочив в соседний ряд, Анна поняла, что не успеет смешаться с толпой, и с ходу рванула в узкий просвет между двумя палатками. За ними торжище заканчивалось, но от этого было ничуть не легче. Ровная поляна тянулась чуть ли не до самой воды, и нигде не росло ни единого кустика. Только старый покосившийся сарай с болтающейся на одной петле дверью. Раздумывать было некогда, и Анна помчалась к нему, успев заскочить внутрь как раз в тот момент, когда из-за палаток показались преследователи.

Она добежала до конца сарая и уткнулась в глухую стену. Сарай оказался абсолютно пустым, спрятаться здесь было негде. Сквозь дырявую крышу пробивались солнечные лучи, освещая даже самые укромные углы. Оставалось одно — возвращаться назад.

Она сделала два быстрых шага и вдруг ударилась об какую-то не замеченную в полумраке преграду. Повернула в другую сторону и снова наткнулась на невидимое препятствие. В буквальном смысле невидимое. Хуже того — Анна перестала различать

стены сарая, дырявую крышу и приоткрытую дверь. Вокруг был только непроглядный серый туман. Она вытянула вперед руку и коснулась чего-то мягкого, но прочного, напоминающего на ощупь хорошо надутый воздухом матрас для плавания. И, судя по всему, она находилась не снаружи, а внутри этого матраса.

Теряя голову от ужаса, Анна со всей силы надавила на кнопку за ухом. Потом еще раз, и еще. Ничего не изменилось.

4

Анна не знала, сколько времени провела в мучительной неизвестности и неподвижности. Скорее всего, немного, но теперь она начала понимать смысл нелепой фразы про минуту, показавшуюся вечностью. Потом серый туман справа от нее засверкал серебряными искрами, и через мгновение рядом с ней появился давешний бородатый старик.

— Ну, здрава буди, княжна! — произнес он тем же скрипучим голосом. — Вот уж не чаял снова свидеться.

— Аки... Акинфий, — выдавила она из себя.

— Да чего уж там, — хихикнул старик. — Прозывай меня как прежде — Акиплешей.

Но Анне сейчас было не до шуток.

— Значит, это ты поймал меня?

— Я сделал так, чтобы тебя не словили другие. Да и мне так сподручней будет с тобой словом перемолвиться.

— Но как ты это сделал?

Акиплеша покачал взъерошенной головой.

— Не гневайся, княжна, но ты не уразумеешь. Этого пока никто, опричь меня, не разумеет. Поведай-ка лучше, что они мне передать велели.

— Кто «они»? — притворно удивилась Анна и неожиданно поняла, что Акиплеша тоже притворяется,

старается говорить, как раб боярина Романа, с которым она когда-то давно познакомилась. Двадцать один год назад. Или семьсот с лишним? Да какая разница?

— Полно, княжна! — махнул рукой Акиплеша, и по этому движению она поняла, что и стариком он тоже прикидывается. А на самом деле сил и здоровья в нем куда больше, чем прежде. А ведь и тогда он в одиночку сумел одолеть боярина. А сейчас, наверное, и от десятка стражников отбил бы. Но предпочел поступить иначе. — Не так уж трудно домыслить, кто тебя сюда послал. Что они хотят?

— Они хотят, чтобы ты вернулся.

— Нет, я не вернусь.

Акиплеша гордо выпрямился и теперь доставал макушкой до плеча Анны.

— Почему? Тебе у них не понравилось?

— Эх, кабы так! — вздохнул беглый чародей. — Нет, хорошо там у них, благостно. И глазу отрадно, и сердцу любо, и голове есть чем себя занять. Это такое сладкое искушение — позабыть обо всем минувшем и наслаждаться жизнью! Только совести все одно было неуютно. Я-то там блаженствовал, а здесь люди мучились. Живые люди, хотя для Кина твоего они уже умерли полторы тысячи лет назад. А для Жюля — и подавно. Но ты-то, княжна, должна понять, каково это — разрываться между мирами.

Анна не стала отвечать. Он ведь и не спрашивал на самом деле.

— Пока не было выбора, я еще как-то терпел, — продолжал исповедь Акиплеша. — А потом, когда уже понял, как вернуться, каждый день в адову муку превратился. Не выдержал я, княжна. И ни секунды об этом не жалею.

Он замолчал, задумчиво глядя в серый туман.

— И что ты теперь будешь делать?

— Жить буду, что ж мне еще остается, — невесело усмехнулся чародей. — И по мере сил помогать жить другим.

— Но ведь они же... — вырвалось у нее.

— Ну-ну, договаривай, раз уж начала, — жестко прищурился Акиплеша.

— Они сказали, что убьют тебя, если ты начнешь вмешиваться в ход истории, — не стала изворачиваться Анна.

— Вот оно как, — пробормотал чародей после долгого молчания. Потом вскинул голову и самодовольно усмехнулся. — Не беда, руки у них короткие. Не дотянутся.

Он обошел вокруг Анны раз, другой, развернулся и зашагал по тому же маршруту в другую сторону.

— Ну, добро, — заговорил он наконец. — Раз уж такое дело, раз уж история им дороже живых людей, то и быть по сему. Жалко мне их, неразумных, невдомек им, что один человек ничего изменить не в силах. Но пусть не тревожатся — я и пытаться не буду. Придумаю что-нибудь другое.

Улыбка у Акиплеша получилась грустной, но вовсе не такой безнадежной, как слова.

— Ой, лукавишь ты, чародей, — ответила на его улыбку Анна. — Ты ведь уже что-то придумал, да? Признавайся.

— Придумал, — кивнул он. — Только не пытайся, что именно. Сама скоро догадаешься. Но это дело будущее, или прошлое — как посмотреть. А сейчас тебе возвращаться нужно. Заждались поди.

Акиплеша снова хихикнул, но теперь смех его уже не казался Анне неприятным.

— На вот, передай Жюлю, — чародей протянул ей крохотную сверкающую бусинку. — Он будет доволен. А теперь прощай, добрая душа! Пусть и тебе счастье в жизни улыбнется.

Анна хотела что-то ответить, о чем-то еще спросить, но Акиплеши рядом уже не было. А сама она стояла посреди убогого сарайчика с прогнившей крышей. И кнопка возвращения на этот раз сработала исправно.

5

— Ты уверена, что он не попытается ничего изменить? — еще раз переспросил Жюль.

Анна не удивилась, застав в номере его одного. И не стала ничего выяснять. И так понятно. Она сделала свое дело, и теперь мавр может уйти.

— Уверена. Да ты сам подумай. Хорошенько подумай. Акипleshа изучал временной барьер, так? И сам умеет выставлять барьер — извини, я не разобралась, какой природы. Но невидимый глазу барьер. Далеко уходить из Нижнего он явно не собирается. А меньше чем через год на Русь нападут монголы.

Она остановилась, подождала немного, безнадежно вздохнула.

— Ну, соображай же! Неподалеку от Нижнего Новгорода, монголы, невидимый барьер...

— Китеж! — потрясенно пробормотал Жюль. — Значит, он действительно не будет изменять реальность! Наоборот, превратит в реальность легенду. Ай да Акинфий! Ай да сукин сын!

Он еще что-то говорил, но Анна уже не слушала. Думала о своем.

Вот все и закончилось. Опять, и теперь уже навсегда. Все остались довольны. А она сама? Трудно ответить честно. И еще трудней согласиться с таким ответом. Но что еще можно сделать, кроме как согласиться? Лишь надеяться, что когда-нибудь ей действительно улыбнется счастье, как обещал Акипleshа.

Стоп! Не все довольны. Он еще просил передать Жюлю бусинку.

Анна подошла к физике, взяла его за руку и положила шарик в раскрытую ладонь.

— Это тебе, — объяснила она. — От него. На память.

И отошла. Не стоит омрачать человеку радость своим кислым видом. А она уж как-нибудь перетерпит. На балкончике. Том самом...

Пострадать в одиночестве Анне, однако, не дали. Через минуту на балкон ворвался сияющий Жюль, ухватил ее за плечи, затряс, словно грушу, и заорал так, что наверняка переполошил всю гостиницу:

— Знаешь, что ты мне принесла? Это же выкладки Акинфия по новому способу прыжков во времени! Я еще не проверял, но похоже, что для них потребуются на три, на четыре порядка меньше энергии. Понимаешь, что это значит?

Анне не хотелось ничего понимать, но из вежливости она все-таки задала ожидаемый вопрос. Как только Жюль перестал ее трясти.

— И что же это значит?

— Это значит, что скоро люди смогут путешествовать во времени, когда только ни захотят. На экскурсию, в командировку или просто в гости. Навестить родственников, например.

— Разве это кому-нибудь нужно? — не удержалась от горькой реплики Анна.

— А это уж вы с Кином сами решайте, нужно или нет, — ответил Жюль, на мгновение замер и вдруг захохотал. Сочно, неудержимо, взхлеб.

— Ну я и осел! — с трудом проговорил он, справившись с очередным приступом. — Забыл! Надо же — забыл! Мы так перепугались, когда ты исчезла с экрана. Кин вообще голову потерял. Хотел немедленно отправиться за тобой, спасти тебя. Я попробовал его

отговорить, мол, мы даже не знаем, где ты, не знаем, куда его отправлять. Но Кин и слышать ничего не хотел, пытался меня оттолкнуть и сам сесть за приборы. А у меня тоже нервы не железные. В общем, пришлось легонечко приложить его по затылку, оттащить в ванную и там запереть от греха подальше. А потом ты вернулась, и я про него забыл, представляешь?

Анна даже если б очень хотела, все равно не смогла бы ничего ответить. А Жюль стремглав кинулся к ванной, протянул руку к щеколде, но в последний момент передумал:

— Слушай, может, ты сама его освободишь? А я, пожалуй, пойду пока прогуляюсь. А то мало ли что! Он же здоровенный, черт! Никогда бы не подумал, что в нем столько силы.

Он потер ушибленный в схватке с другом локоть и снова рассмеялся. На этот раз — беззвучно, одни-ми лишь отчаянными, гусарскими глазами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПАПА НАВСЕГДА!

ОЛЕГ ПЕЛИПЕЙЧЕНКО

ТАЙНА ОЧЕРЕДНОЙ ПЛАНЕТЫ

Хоть бога и нет, я остаюсь его
представителем на Луне.

Кир Булычев. Белое платье Золушки

анным июльским утром Алиса и Громозека стояли возле вишневого дерева и лакомились спелыми ягодами. Кроме них, на биостанции никого не было — недавно в созвездии Льва открыли потрясающую курортную планету, и уставшие от срочных дел ученые всей Галактики немедленно взяли отпуск и улетели туда отдыхать. Вообще-то экипаж «Пегаса» и сам, может, был бы не прочь посетить модный курорт, но дело в том, что именно он и открыл эту планету. Полосков, Зеленый и Селезневые целых две недели загорали, купались и дышали целебным морским воздухом. В конце концов, все настолько устали отдыхать, что ужасно обрадовались, когда к ним прилетел Громозека. Ему срочно понадобился помощник для проверки его новой гипотезы о том, что на самом деле развалины Паленке в Мексике — это остатки спортивного комплекса древних инопланетян. Разумеется, Алиса тут же убедила доверчивого археолога, что лучше нее с этим не справится никто.

Сейчас Алиса и Громозека ждали очередного звонка Аркаши Сапожкова, который никак не мог уговорить родителей бросить все и срочно умчаться

с курорта в Москву. Он позвонил Алисе на личный браслет и попросил ее хотя бы пару дней присмотреть за балазанией с планеты Барвикс. Алиса согласилась и вскоре пожалела об этом: Сапожков теперь звонил не переставая и подолгу выпытывал малейшие подробности о здоровье своей подопечной. Последний раз сигнал браслета разбудил девочку в два часа ночи; уставшая после перелета Алиса очень рассердилась и отругала беспокойного одноклассника. Только после этого Аркаша немного уговорили.

Громозека для вида немножко поогорчился непредвиденной задержке, но в душе был даже рад: он давно мечтал побывать на Алисиной биостанции, да все как-то не получалось.

— Громозека, — сказала Алиса, решительно выстрелив косточкой прямо в ковш роботу-уборщику, — ты всегда говорил, что обещания надо выполнять.

— Правильно, — кивнул археолог и разгрыз очередную косточку. Он считал, что вишни — это на самом деле такие орешки с толстой и мягкой скорлупой, и Алисе никак не удавалось его разубедить. Впрочем, она не особо и старалась, потому что вся мякоть доставалась ей.

— Когда мы возвращались из системы Единорога, ты обещал рассказать о великой загадке чумарозцев, — напомнила ему Алиса. — Взамен того что я не буду проситься на раскопки трех пиратских планет в Сером облаке. Я честно не просилась, меня комиссар сам привлек в качестве специалиста по пиратам, так что условие соблюдено. Я слушаю.

У Громозеки из ноздрей пошел желтый дым — это означало, что он очень расстроен.

— Это нечестно с твоей стороны — ловить меня на слове, — пожаловался он. Видно было, что Громозеке до смерти не хочется рассказывать. — Я всего лишь хотел оградить тебя от опасностей Серого об-

лака, поэтому и пообещал невыполнимое. Как друг ты должна благородно отказаться от своих требований.

— Я тебе, конечно, друг, но отказываться не буду, — сказала бессердечная Алиса. — Ты всегда говорил, что за свои слова надо отвечать. И выполнить это обещание тебе вполне по силам, так что и не пытайся меня взять на жалость.

Громозека укоризненно глянул на Алису, покачал головой и глубоко вздохнул. Спелые вишни градом посыпались с ветки, за которую он держался.

— Всем известно, что чумарозцы — милый и дружелюбный народ, — начал он, дощелкав очередную горсть косточек. — Ко всем разумным существам мы относимся очень хорошо. И некоторые слишком разумные существа этим бессовестно пользуются, — добавил он, строго поглядев на Алису. Девочка с трудом сдержала улыбку. Громозека это заметил и нахмурился. — Нет, все-таки поклянись, что никому никогда не расскажешь ни словечка из того, что услышишь. Если из-за меня эта тайна выплывет наружу, то соотечественники будут очень рассержены и мне придется застрелиться лазерной лопаткой для раскопок.

— Клянусь, — торжественно пообещала Алиса и прижала руку к груди. — Ты же знаешь, что я надежный человек.

— Знаю, — смягчился Громозека, — поэтому и рассказываю.

Ты уже встречалась с чумарозцами, поэтому знаешь, какие они умные и высокоразвитые. Взять, например, меня... Впрочем, ладно, сейчас речь о другом. Как и все цивилизации, вышедшие в космос, чумарозцы давно позабыли, что такое религия. Но у моего народа есть один секрет, который передается из поколения в поколение: все чумарозцы, от мала до велика, свято верят, что их сотворил по своему образу и подобию один бог.

Это был очень злой и жестокий бог. Он жил в глубокой трещине на дне центрального океана. Каждый месяц этот бог требовал, чтобы жители подводных родов приносили ему в жертву самых толстых и красивых чумарозок. Сначала он их мучил, заставлял выполнять самую тяжелую и противную работу, а потом съедал на ужин. Но в конце концов терпение у народа лопнуло, и началось восстание. Множество древних горожан расстались в тот день с жизнью, потому что бог был крупнее и сильнее любого из них в десятки или даже сотни раз. Однако чумарозцев было очень много, на место одного погибшего вставляли двое свежих бойцов, и уstraшенный бог наконец бежал с поля сражения. Многие смелые герои пытались его отыскать, но все их попытки так и закончились ничем. Чумарозцы обыскали все моря и океаны, однако злой бог как в землю провалился.

Наши предки сначала тоже были злыми и жестокими. Они жили в глубинах океана и сражались с враждебной окружающей средой. Но потом они вышли на сушу и увидели, как прекрасна земля. Леса и поля, реки и озера, животные и растения нашей планеты привели в восторг суровых подводных жителей. И чумарозцы понемногу подобрали и поумнели, стали развивать науку и промышленность, построили космические корабли и прилетели на Землю.

И все было бы просто замечательно, если бы не два обстоятельства. Во-первых, еще в те далекие времена Верховная Океанская Пророчица сообщила чумарозцам, что божественный тиран укрылся в самом глубоком и труднодоступном месте, и если его не найдут, то через пять тысяч лет он вернется и уничтожит всю планету. А во-вторых, в начале этого века в самую крупную вычислительную машину заложили психологический портрет бога и обстоятельства его бегства. Компьютер подтвердил слова Пророчицы

и в придачу к этому рассчитал число, которым будет выражаться его злость на подданных к моменту возвращения.

— И что это было за число? — спросила любопытная Алиса. Она уже давно перестала есть вишни и внимательно слушала археолога.

— Не знаю, — ответил Громозека. — Говорят, оно в экран не поместилось. Да, так вот, о чем это я? Ага. Все жители Чумарозы очень серьезно отнеслись к предупреждению пророчицы. Самые последние, самые свежие достижения науки и техники тут же использовались в очередном поиске. Кстати, именно поэтому на Чумарозе так много археологов. Каждый надеется, что именно он сможет найти подсказку, куда мог сбежать бог. Однако после того, как всю планету просветили специально изобретенным излучателем, стало ясно, что бога на ней нет. Наши ученые сейчас строят самые разные гипотезы — о параллельных мирах, о перемещениях в прошлое. Но мне кажется, что он просто улетел на другую планету.

— Громозека! — строго сказала Алиса. — Мы с тобой облетели почти всю Галактику и многое повидали. Ты сам бывал в эпохе легенд и встречался с разными сказочными существами. Они действительно существовали, это научный факт. Но никогда, за всю историю Земли, на ней не было богов. То же самое выяснили ученые других планет. Боги — это антинаучная выдумка. А инопланетные боги — это инопланетная антинаучная выдумка.

— Ну хорошо, пусть не бог, пусть это окажется просто огромное и могущественное древнее существо. Чумарозцам от этого будет не легче, — возразил Громозека.

— Столько времени ни одно существо не может прожить, это я тебе как биолог говорю, — убежденно заявила Алиса. — Кроме джиннов, но они не в счет,

у них в бутылках время идет гораздо медленнее. Так что чумарозцам некого бояться. Ты мне веришь?

Громозека думал минут пять. Потом пристально поглядел Алисе в глаза и кивнул.

— Как это ни удивительно для такой юной девушки, но твои выводы всегда оказывались верными. Я не вижу причин не поверить тебе и на этот раз.

— Спасибо, Громозека, — серьезно поблагодарила друга Алиса. — Ты самый трезвомыслящий ученый из всех моих знакомых. Только объясни, пожалуйста, еще одну вещь: почему вы храните эту историю в тайне?

— Так ведь засмеют, — застенчиво проговорил Громозека и посинел от смущения. — Такая высокоразвитая цивилизация, и вдруг — бог. И вообще...

Из оранжереи послышались громкие хлопки. Громозека от неожиданности подпрыгнул на месте и увяз в мягкой почве по самые щиколотки.

— Это что такое?!

— Не пугайся, это балазания ухаживает за молодой порослью. Идем смотреть, это интересно, — сказала Алиса, быстро набрала в пригоршню вишен и направилась к стеклянному домику.

Громозека кое-как соскреб землю с пяток и направился за ней. Зайдя за угол, неловкий археолог случайно наступил на хвост уникальному экземпляру кутоши лечебной, мирно спавшей под кустом ежевики. Никто из ребят не знал, каким ветром эту бродягу космоса занесло на Гоголевский бульвар в Москве, но, увидев у дверей станции голодную кутошу, все очень ей обрадовались, накормили, напоили и предоставили для жилья пустующий вольер. Выдернув хвост из-под тяжелой ноги Громозеки, кутоша страдальчески закатила глазки на стебельках, но ничего не сказала и даже нашла в себе силы улыбнуться — она была умной и очень вежливой. Громозека содрог-

нул, пробормотал извинение и поспешил за Алисой, оставив за собой насмерть разобиженную кутушу.

Догнав Алису, Громозека вдруг хлопнул себя по лбу:

— Да, совсем забыл. Есть еще одно странное обстоятельство: задолго до контакта на вашей планете откуда-то узнали чумарозское слово «фхтагн». Но теперь я думаю, что это, скорее всего, случайное созвучие. Должно быть, это понятие из какого-то местного диалекта, или обычное слово, изменившееся за тысячи лет, или забытый термин из вымершего земного языка.

— Наверняка, — подтвердила Алиса и взяла со скамейки лейку.

НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО

MIRABELE FUTURUM

...От того, насколько хорошо вы будете хранить нашу тайну, многое зависит. Это не игрушка. Это Время.

Кир Булычев

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Узник Меркурия

Белый цилиндр метров на сорок выходил из расщелины. Над ним огненной короной вставало непривычно большое Солнце. В наушниках скафандров высокой защиты шумел первобытный гимн частиц. Алиса взглянула на Громозеку. Могучий чумарозец, обычно подавлявший окружающих размерами, казался маленьким и хрупким в сравнении с гигантским артефактом.

— Это корабль? Чей он?

— А как ты думаешь? Неужели забыла мои рассказы? — Громозека оскалил пасть в хищной улыбке.

— Полночные скитальцы? Но это ведь пока не точно? — Алиса вспомнила, что Громозека уже как-то копал на Меркурии. Но там были остатки корабля, а этот казался целым.

— Когда речь заходит об этих древних бродягах, точно нельзя сказать ничего, — археолог выпустил из ноздрей облако едкого желтого дыма, который тут же втянула система рециркуляции воздуха. — Что мы знаем? Несколько памятников, разбросанных по Галактике. Всегда очень старые. Всегда в труднодоступных местах. Ни барельефов, ни росписей. Только безупречные геометрические фигуры. Еще есть свидетельства старейших звездных рас. Но они больше похожи на сказки.

— Да-да, я читала, — вспомнила Алиса, — ушаны считают, что скитальцы обитали в космосе, а стратозябли утверждают, что те существовали сразу в пяти измерениях.

— Вот именно. И здесь на Меркурии эта штука стала доступна после того, как в этом районе началась нехарактерная для планеты вулканическая активность и разрушилась часть скального карниза. Очень старого карниза, — чумарозец указал одним из щупалец на обломанный базальтовый гребень. — Сколько, как думаешь, она тут проторчала?

— Тысячи лет.

— Или сотни тысяч... Нет, вы только посмотрите! Ты как распыляешь, ротозей? — Громозека тяжело протопал по вырубленным в скале ступеням, перескочил через ручей расплавленной породы и напустился на многорукого уроженца планеты Брахион, который при помощи дезинтеграторов расчищал основание чужого корабля.

— Кто ж вглубь распыляет? Ты мне сейчас весь культурный слой угробишь! Дай сюда! Вот так надо.

Параллельно поверхности. Осторожненько. И, ради вселенной, не забывай сканировать!

— Да я сканировал минуту назад. Нет там ничего, одна пустая порода, — оправдывался нерадивый копатель.

— Вот из-за таких, как ты, Вундук, Арктурианская империя рухнула на пять веков раньше срока! Нужно было послушаться Верховцева и собрать экспедицию роботов! — Рассерженный археолог резко развернулся вокруг своей оси. — Валерьянки мне! Срочно!

Походный сервировочный столик поднял из своих глубин графин с красноватой жидкостью и заспешил навстречу хозяину, посверкивая колпаком защитного поля.

— Ух ты! — Вундук выпростал из-под корпуса две пары нерабочих рук и несколько раз перекрестно соединил их — жест крайнего удивления у брахионитов.

— Ух ты? В каком смысле «Ух ты»? — насторожился Громозека.

— Есть сигнал! — Вундук указал на артефакт. — Впадина. Вон там.

— Так, что я говорил?! А ну-ка дорогу! — великий археолог стремительно преодолел расстояние до безмолвного корабля скитальцев и принялся расчищать себе дорогу при помощи зловещего черного импульсара. Встань сейчас между Громозой и его находкой вся армия пиратов Веги, и он разделал бы их под орех. Чего уж говорить про беззащитный культурный слой. Обиженный Вундук с укором смотрел на своего начальника.

Порода отступала под напором чумарозца, и вскоре взглядам археологов открылась небольшая ниша. Громозека первым заглянул в неизвестность и вдруг громко присвистнул.

— Ничего себе! Иди-ка сюда, ребенок.

* * *

— Что, если это ловушка? Я считаю, нужно вызвать патрульный крейсер и перевезти артефакт на Землю. — Громозека прошелся перед кораблем туда-сюда. — Ты закончил Вундук?

— Да. В общих чертах, — брахионит отключил сканер.

— И что там?

— Внутри нет полостей, тоннелей, кают. Только камень или что-то очень похожее на камень.

— Источники энергии, провода, металл, хоть что-нибудь?

— Ничего, — Вундук очень по-человечески развел руками.

— Вот видишь, Громозека, ничего страшного, — заулыбалась Алиса, — летали себе по космосу эстетикскальцы, разбрасывали обелиски с оттисками человеческих ладоней.

— Отцу твоему что я потом скажу? — не сдавался археолог.

— А ты не говори.

— Я не скажу — Вундук настучит.

— Я бы попросил, — от обиды в безупречной космолингве брахионита прорезался неожиданный акцент, — мне ваши предположения очень удивительны. Я даже не имею честь знать уважаемого профессора Селезнева.

«А я знаю профессора Селезнева? — подумала Алиса. — Что мне на самом деле известно об отце? Что он классный, добрый и самый лучший? И вот развелся с мамой. Теперь пропадает в постоянных командировках. Родители и раньше подолгу бывали вне дома, но теперь их отсутствие стало каким-то безнадежным, окончательным». От внезапной осязаемой пустоты в квартире, от странных снов и шорохов она и бежала на Меркурий.

★ Девушка подошла к нише. Сомнений не было, прямо посреди углубления в толще монолита отпечатался след узкой человеческой ладони.

Что бы сказал Зеленый, окажись он здесь? «Это добром не кончится!» Но его здесь нет. Он сейчас с отцом где-то в джунглях Эвридики ловит самку малого дракончика. Хорошо, что они вместе. Впрочем, Зеленый все равно не согласился бы встречаться с Громозеккой.

Алиса решительно шагнула вперед и приложила ладонь к впадине. Вернее, попыталась приложить. Умный скафандр утончился насколько мог, но все же не дал возможности уместиться в оттиск.

— Не получается, — Алиса повернулась к археологам, — нужно без защиты.

— Даже и не думай! — испугался Громозека — Ты представляешь, какая здесь атмосфера? А радиация? А температура?

— Я сяду на сервировщик, — придумала Алиса, — у него поле защитное. Мне скафандр совсем снимать не нужно. Только ладонь освободить.

— Запрещаю! — прогремел ученый.

Но Алиса уже позвала робота и уселась на его плоскую спину. Ни дать ни взять Европа на быке.

— Ты почему не слушаешь? А вдруг это опасно? — негодовал чумарозец.

— Да не беспокойся Громозекочка, ну что может со мной случиться на Меркурии в двадцать первом веке? Я в вашей экспедиции единственный человек. Это же судьба, — Алиса подмигнула обеспокоенному гиганту, — и потом я уже взрослая девушка.

— Вы земляне и взрослые точно дети, — вздохнул археолог.

Алиса на сервировщике подъехала к корпусу корабля, так что защитное поле робота совместилось

с корпусом, и потянулась к углублению. Ткань скафандра отхлынула, обнажая ладонь. Девушка приложила руку к обелиску, и та полностью совместилась с углублением. Опять ничего не случилось. Камень холодит ладонь. В наушниках бушуют помехи, что-то ворчит Громозека.

— Не работает, — Алиса вздохнула. А мнилось-то, что сейчас, как в фантастических романах, откроется дверь к тайнам вселенной. Она отняла руку от камня и вернула скафандр на место. — Послушай, Громозека, может, это розыгрыш? Может...

И тут корабль ожил.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Письмо из будущего

Ночью прошел дождь. У метро «Смоленская» натекла огромная лужа. Коля стоял на самом краю разлива и смотрел вниз. Оттуда, из глянцевого водного зазеркалья, таращился на него загадочный двойник.

Задумчиво смотрю в оконное стекло
На капель дождевых бездумное движенье.
Из мокрой темноты на мир взирает зло,
И сумрачно мое-чужое отраженье...¹

Нет, антипод с оттопыренными ушами не был зол. Скорее насмешлив. У него там, в зазеркалье, все шло хоть куда. Деньги, работа, определенность. А здесь...

Агенты Московского Института Времени вышли на него через четыре года после памятных событий с космическими пиратами. Предложили сотрудничать. Сказали, что парадокс исключен, так как он знает о будущем и даже был там. Вроде как прописал себя в континууме. Консультант АА — так значилась

¹ В произведении использованы стихи поэтов-информантиков.

его должность в табелях. АА — значит аборигенная агентура.

Задачи были простые, если не сказать скучные. Выйти на Калининский проспект с портфелем в руке и прогуливаться полтора часа. Или сесть в метро и проехать по кольцу два круга. В это время микроэкопические роботы собирали потребную для будущего информацию.

Куда веселее было встречать агентов Института Времени, устранять мелкие недочеты в одежде, консультировать по языку и нравам современного общества. Большинство разведчиков говорили на безупречном литературном русском. Приходилось просвещать их насчет сленга, помогать с акцентом. Помнится, Коля потратил немало сил, объясняя группе молодых исследователей субкультуры хиппи, что значит «аскать на стакан» и «как трипать до Петрограда на собаках». А сразу после хиппи прилетел Лев Рэмович, который по легенде был родом из Одессы. Словописы ученого позавидовал бы сам Папа Сатырос. Одессит категорически отказывался говорить просто, и переубедить его оказалось задачей нетривиальной.

После окончания школы Коля, к удивлению и радости родителей, вступил во владение квартирой своего соседа Николая Николаевича. Пожилой агент явился подписывать документы и слишком долго знакомил сменщика со своим «штабом». «Внешнюю дверь сильно тянуть на себя не нужно, можешь замок повредить», «Вечером на пятнадцать минут обязательно проветривай — плесень образуется», «Кактус не поливай, а «декабриста» — обязательно, и только теплой водой», «Соседский кот иногда на балкон приходит, дай ему рыбки» и так далее. Потом Николай Николаевич долго стоял на кухне, смотрел в окно на весенний сквер и шептал: «Двадцать лет. Только подумайте... двадцать лет». Когда пришло время ухо-

дить, старик вырвал из блокнота листок и принялся что-то черкать карандашом, неудобно привалившись к стене и придерживая коленом неустойчивую корбук с моделью фрегата. Потом передал лист Коле и сказал, по какому адресу нужно доставить послание. Затем вошел в помещение с машиной времени и, не прощаясь, захлопнул дверь. По инструкции доступа к машине у Коли не было. «Чтобы не множить вероятности», — сказала Полина. После консервации точки доступа в подвале старого дома это был единственный портал в центре Москвы.

По указанному агентом адресу открыла немолодая, но еще симпатичная женщина в аккуратном сером платье. Удивленно взяла записку, прочла и вдруг заплакала так горько, по-детски, что Коле сделалось неловко и он не нашел ничего лучше, как сбежать.

— Эй! Герасим! Топиться собрался? — от черного глянцевого лимузина к нему катился колобок Фима. Дорогой костюм, на пальцах блестят перстни, на шее — «голда» в палец толщиной. За хозяином едва поспевал тумбообразный секьюрити в черных очках на пол-лица. «Наверное, бронированные», — подумал Коля.

Фима докатился до лужи. Друзья обнялись.

— Жора, брысь! — внезапно скомандовал Фима из-за острого Колиного плеча. Герасимов сначала не понял, с кем говорит приятель, и только когда услышал расстроенный бас охранника — разобрался.

— Ефим Петрович, Ефим Петрович... — передразнил бизнесмен, — ты мне интим портишь. Брысь, сказал! Брысь за ларек!

Недовольный охранник ретировался.

— Тяжело с ним, — пожаловался Фима, — очень исполнительный. — Ну как ты? Сколько мы не виделись-то? Полгода? Больше? Все учишься?

— Скорее прогуливаю, — улыбнулся Коля. Театральное училище было самостоятельным искренним выбором Герасимова. И выбором неудачным. Роли ему не давались. Невероятных усилий стоило справиться с природной застенчивостью и страхом перед сценой, войти в образ. В конечном итоге он стал забивать на занятия и со дня на день ждал прощального листка.

— Ясно, — Фима достал пачку аккуратненьких сигарилл с костяными мундштучками, закурил. — На личном фронте как?

— Да так... была парочка интересных вариантов.

— Не склалось, — констатировал Фима, — ты их домой приводишь, а там Она.

Коля кивнул. Алису он больше не видел, ничего про нее не знал. Агентов расспрашивать запрещалось. Они были психологически кондиционированы на внедрение, и воспоминания о будущем могли нарушить тонкую ментальную настройку. Оставалась собственная память и маленькая плохонькая фотография шестого «В». Невысокая девочка в темно-коричневой форме и пионерском галстуке почти терялась на фоне рослых одноклассников. Коля долго думал, а потом отнес фотографию знакомому художнику. И тот сделал портрет. Коля очень боялся, что не получится, но мастер не подвел. Может, не совсем такая, как помнилось Герасимову, но все же это была Она. Его тайна, его маяк и надежда на счастливое будущее, которое он видел. На картине Алиса выглядела старше, и это тоже было хорошо. Словно она выросла вместе с Колей. Девушки, которых у Герасимова было предостаточно, — еще бы, одинокий юноша с отдельной квартирой, — приходили, проводили ночь, а на следующий день непременно спрашивали, кто на портрете. О мечте врать нельзя. И Коля вместо успокаивающего «сестра» или трогательного

«мама» отвечал тревожное: «Одноклассница». Очередная кандидатка производила нехитрый арифметический подсчет и быстро выдвигала традиционный ультиматум. На требование убрать картину Коля всегда реагировал категорическим отказом, и девушки уходили.

— А у тебя как? Женился? — Герасимов с опаской взглянул на Фиму, но увидел кислое выражение на лице приятеля и расслабился. Хотя в чем-то пухлый друг его не обошел!

— Не выходит, — вздохнул бизнесмен — Маме мои ба... барышни не нравятся. Я уж и моделей водил и аристократок из консерватории — все без толку. Требовательная она у меня.

— Смотри, вон Юлька идет. Каблуки какие! — Коля указал на зев подземного перехода, из которого показалась Юля Грибкова. Шикарные туфли ей очень шли, но видно было, что носила она их нечасто.

— Кстати, ничего себе девица. Я бы за ней приударил, — улыбнулся Герасимов, вспоминая, какой Юлька была в школе — острый нос, гонор да косички.

— Несчастный! — Фима возвел очи горе. — Знаешь ли ты, сколько зарабатывают микрохирурги? Ты будешь обузой. Может, мне попробовать? Одноклассница. Вдруг маме понравится?

— Этого я тебе никогда не прощу! — патетично воскликнул Коля, принимая позу оскорбленного патриция из пьесы Джакомо Риньери.

С деньгами у него всегда было так себе. Люди будущего плохо понимали, что такое ежемесячная зарплата, и средства приходилось просить. Этого Коля совершенно не умел, а стипендии в училище Герасимов не видел никогда. Чтобы как-то сводить концы с концами, приходилось подрабатывать ночным сторожем у Коли Садовского в Институте экспериментальной физики. Благо он располагался рядом с домом Ге-

расимова, в бывшем здании Австрийского посольства на углу Староконюшенного и Пречистенского.

— Кого это ты не простишь? — Юля подошла к ребятам.

— Да вот, Юлькин, тебя делим, — заулыбался Ко-ролев.

— Ну, зачем это, мальчишки? Я вас обоих люблю-люблю, — Юля поцеловала в щеку Колю, затем Фиму, взяла ребят под руки. — Ну что? Пойдем?

Вместе они обогнули здание дома номер тринадцать по Смоленской площади. Прошли вниз вдоль Садового кольца и через высокую арку проникли во двор. За ними, точно медведь на поводке, следовал верный Жора.

Здесь в тенистом дворике располагалось компьютерное кафе «Терра-Фима», один из Фиминых гениальных проектов. Кафе начинало работать вечером и сейчас пустовало. Бизнесмен достал из кармана ключи и открыл обитую металлом дверь, оформленную в виде люка звездолета. Внутри также превалировала космическая тематика. Коля как мог описал приятелю московский космопорт, который видел в будущем, и заведение Фимы выиграло Гран-при среди клубов за оригинальный дизайн.

Яркий свет зажигать не стали. Так и сидели в полумраке за длинным пустым столом, точно Дарт Вейдер на «Звезде смерти».

— *In nomine futurum!* — громко сказал Коля.

— *Futurum est!* — хором отозвались ребята.

Клясться на латыни придумал, конечно, Фима, а Юля предложила слова. Но говорить все же выпало Коле как единственному свидетелю будущего.

— Класс! Мурашки по коже. Я, честно говоря, уже не ждал, что позовешь, — вздохнул бизнесмен. Общество Хранителей будущего решили организовать почти сразу после событий с миелофоном. Фима хотел

устроить тайный орден по принципу иезуитов, но умный Сулима сказал, что они плохо кончили. Сначала в Обществе состоял почти весь шестой «В» и еще несколько ребят из параллельных классов. Каждый месяц они собирались в школьном дворе. Члены Общества отчитывались за проделанную работу по приближению светлого будущего. В конце собрания Коля немного рассказывал о чудесах, которые видел по ту сторону времени, или читал стихи.

На далекой звезде, на Венере
Небо пламенной и светозарней,
На Венере, ах, на Венере
Бродят между хвощей динозавры...

Однако со временем мероприятие утратило новизну. К тому времени как Коля стал настоящим агентом, в Обществе их осталось трое. О том, что «прекрасное далеко» вновь обратилось к друзьям в двадцатый век, Коля рассказал только Фиме и Юле.

— Ну что там потомки? — Фима заерзал на стуле. — Нужна помощь? Говори. Не томи.

— Тут вот какое дело, — медленно заговорил Коля, — два месяца назад просыпаюсь я среди ночи, а дверь открыта.

— Какая дверь?

— Та самая дверь. И свет неяркий, тусклый. Обычно там белым-бело, в комнате. Ну, я и зашел.

— Что? Опять?! — просипел Фима голосом муляшного волка.

— Да нет. Я только заглянул. Мало ли... поломка или еще что. Все было, как и тогда. Пустое помещение, в середине — машина. Я к ней подошел. Смотрю — на приборном щитке бумажка, — Коля положил на стол сложенный вдвое листок. Фима развернул бумагу, снял с пояса пейджер и при его свете прочитал послание.

«У нас нештатная ситуация. Ваш контракт временно приостановлен.

P. S.

Берегите себя.

Полина».

— Дела... — Фима почесал затылок. — Выходит, они тебя уволили — нештатная ситуация, ловко придумано. Надо бы взять на вооружение.

— Что? — Коля удивленно заморгал. — Нет! Ты не понимаешь. Они не врут... это другие люди. Я же тебе говорил. Агенты годами учатся скрывать правду. Для них соврать — это как... маму обидеть.

— Значит, и правда что-то случилось, — Юля приложила ладонь к губам, — но что это может быть?

— Война с Сириусом? Или реставрация Империи Звездного пути? — предложил отравленный боевой фантастикой Фима.

— Я не знаю, — вздохнул Коля. — В нашем времени нештатные ситуации случаются часто. Поезда с рельс сходят, реки разливаются, шахтеры бастуют. Да что угодно. И все быстро с этим справляются. Я решил подождать.

— А теперь вдруг позвал нас? Пришла новая информация?

— Не пришла, пришел...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Легионер

С тех пор как в Той комнате погас яркий свет, дверь перестала закрываться вовсе. Хотя, даже будь она закрыта, такой грохот и лязг был бы все равно хорошо слышен.

Коля кузнечиком соскочил с кровати. Ну почему именно посреди ночи? Хорошо, что еще в гостях никого нет. А то байкой про родственника из Мур-

манска не отделаешься. Сначала Герасимов метнулся на кухню и на всякий случай вооружился, схватив из мойки первый попавшийся металлический предмет. Думал — нож, оказалась вилка с налипшими на зубья остатками квашеной капусты. Сознывая, что выглядит нелепо в семейных трусах со слониками и грязной вилкой в руках, Коля все же не стал медлить и искать оружие серьезнее. А вдруг в этот самый момент из будущего в тихий двадцатый век проникает очередной Крыс со своим подручным?

В комнате с машиной по-прежнему было сумрачно. В неярком свете Герасимов разглядел, что на полу лежит детина в тяжелом кожаном доспехе и сандалиях. Незнакомец был вымазан в грязи и, похоже, ранен. Рядом валялся короткий прямой меч с костяной рукоятью.

Коля облегченно вздохнул. Резиденты Института времени, отправлявшиеся в далекое прошлое, прежде чем вернуться домой, проходили что-то вроде реабилитации на пересадочных станциях. Резкая смена эпох могла вызвать у агентов глубокой заброски нервный срыв. Людям будущего, проходящим рекондиционирование в XX веке, полагалось много гулять и читать научную фантастику. У Николая Николаевича под литературу был отведен здоровенный шкаф, который Коля регулярно пополнял.

Герасимов наклонился над незнакомцем — дышит. Теперь снять доспех, дотащить до ванной...

Контрастный душ привел агента в чувство.

— Добро пожаловать в двадцатый век, — Коля протянул гостю руку, — как к вам обращаться?

Вместо ответа мужчина приложил кулак к груди и отчеканил на чистом русском.

— Авлий Германий Аскин! Девятый Испанский легион, шестая когорта! Черные львы Сципиона! — потом добавил еще что-то на латыни.

— Э-э, простите, а можно помедленнее, я так много сразу не могу запомнить. Или хотите — мойтесь, а я пока за блокнотом сбегаю, — Коля старался вести себя профессионально. Может, гостя и правда так зовут или ему нужно сохранять легенду?

— Постой, гражданин!.. Подождите, — с трудом выговаривал мужчина, — это же двадцатый век, да? Имя... Меня... Меня Павлом зовут. Фамилия — Гераскин.

Они сидели на кухне. В доме и во всем мире было тихо. Только капала вода в ванной, да разросшаяся без опеки пенсионерки Чувпило черемуха сиротливо скреблась в стекло.

— Бриганты окружили нас в тумане. Синеухие, дети Лисицы, Зубоеды и еще несколько меньших родов. Настоящий союз племен! Мы сражались. Без надежды. Сначала Катулл погиб, потом Марк Галисиец, потом добрались до центуриона.

Павел откусил половину малосольного огурца и принялся жевать, страшно двигая челюстями, словно перегрызал горло врага.

— Девятый легион, тот, что пропал... я где-то читал, — кивнул Герасимов.

— Не пропал! Ясно? — рывкнул агент и добавил что-то еще на грубом гортанном наречии. «Наверное, древнегерманский, — решил Коля. — Сейчас точно милиция приедет».

— Они пали, как герои, сражаясь! Все до одного... Нет, один остался. Чертов предохранитель выдернул меня из гущи боя! — кухонный нож по самую рукоять вошел в столешницу.

— Я вас очень прошу, немного потише. Соседи могут услышать.

Коля впервые встречал агрессию у людей будущего. Они могли быть настойчивыми, грубоватыми, даже вредными, но никогда злыми.

— Может, вам стоит передохнуть, поспать? С утра все может предстать в ином свете, — попытался Герасимов.

— Спать? Нет! Я не нуждаюсь в рекондиционировании. Это для слабаков, — Павел резко встал. — Я отправляюсь немедленно. Пора заполнять пробелы в истории.

Через пять минут он уже стоял в своем боевом обмундировании перед машиной времени. Коля застыл в дверях, разглядывая необычного гостя. Павел был явно не в себе. Однако в задачи Коли не входили сеансы психоанализа со свихнувшимися агентами. Кроме того, его фактически отстранили от дел. И все же Герасимову было совестно вот так отпускать гостя.

— Может, все же повремените немного, — попытался он в последний раз, — знаете, мне записку прислали. Я не уверен, что машина... Что она...

— Временить? Время. Каламбур! Ха! — Павел принялся яростно бить по кнопкам. — Сейчас, сейчас я повременю. Узри чудо, варвар! — он до упора вдавил кнопку «пуск», потом еще и еще раз. Ничего не произошло.

— Не работает — обиженно сказал агент Гераскин. Сел на пол и заплакал.

Коле сделалось неловко, как тогда со знакомой Николая Николаевича. Но сейчас бежать было некуда. Он немного потоптался на месте, затем шагнул к рыдающему легионеру, присел на корточки, похлопал по спине. Как успокоить ребенка, Герасимов еще более-менее представлял, но что делать со взрослым мужчиной?

— Ну-ну, будет вам. Что вы, как маленький, в самом деле? Подумаешь, небольшая поломка. Может, там помехи на линии или еще что-то. Скоро починят.

— Не бывает, — неожиданно спокойно сказал Павел, — не может сломаться. Если только на том конце что-то случилось. Что-то... исключительное.

Коля и сам думал так же, только говорить не хотел, будто слово могло материализоваться. Он вздохнул, поднялся и протянул агенту руку.

— Хотите водки?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Нештатная ситуация

Корабль излучал на всех частотах. Это был вопль воплей, сотрясающий самые темные уголки пространства. Алиса упала на колени, инстинктивно прижала руки к голове, наткнулась на шлем. Умный скафандр — подарок капитана Полоскова — спас девушку. Но даже сквозь потемневший до черноты щиток был виден цилиндр, горящий страшным белым огнем. В наушниках звучал непрерывный тоскливый вой. Алиса повернулась спиной к вопящему монолиту, кое-как встала на ноги и, пошатываясь, двинулась прочь. Странное дело: в тот момент, когда корабль Скитальцев издал свой чудовищный крик, она вспомнила Колю Герасимова, мальчика из прошлого. Увидела его вздернутый нос, оттопыренные уши и веснушки, так похожие на ее собственные. К чему это сейчас?

— Алиса! Слава всем белым карликам! Ты жива! — в редющем мраке показалась фигура Громозеки. Археолог отбрасывал великанскую черную тень на окружающие скалы. Алиса заморгала. То ли телеметрия скафандра дала сбой, то ли что-то творилось со зрением. Отчего-то ей виделось сразу три Громозеки. Один поворачивался туда-сюда, словно кого-то искал, другой щелкал тумблерами на скафандре, третий что-то подбирал с земли. Все трое двигались к Алисе по разным траекториям, чтобы совместиться перед ней в единое целое.

— Скорее! — великий археолог, как в детстве, поднял ее, обхватив щупальцами. — Я включу маршевые

двигатели на своем скафандре. Скала под нами нестабильна. Будет извержение. Стартуем, пока еще возможно. До орбиты дотянем, а там подберут.

— А как же Вундук? Сервировщик?

— Их больше нет, — чумарозец включил двигатель, — через минуту здесь развернется ад. Держись!

Земля резко ушла вниз, а тело сделалось очень тяжелым, совсем не так, как в ложементе корабельного кресла. Под ними была наливающаяся алым пламенем трещина и белый цилиндр, точно язык во рту чудовищного клоуна. Мгновение, и вопящий монолит скрылся в разломе. В наступившей тишине неожиданно громко прозвучал голос робота-навигатора: «Говорит станция Раскоп-4. Сохраняйте прежнюю траекторию. Мы идем на помощь».

На космостанции Раскоп-4 было шумно. Люди и инопланетники сновали по коридорам с озабоченным видом. Из глубины помещений тянуло дымом. Был слышен звук тревоги.

— Это какая-то эпидемия! Все машины сошли с ума. Кругом паника, истерика! — сокрушался директор станции Анаксимандр Алкидович. Сотрудники Института Времени спасли его из огня Александрийской библиотеки. Так и переместили в будущее, прижимающего к груди ворох глиняных табличек с остросюжетным шумерским эпосом. В будущем упрямый эллин не утратил тягу к древностям и теперь руководил космической исследовательской станцией, которая колесила по вселенной в поисках доисторических артефактов.

— Извини, Алкидыч, нам пошептаться нужно, — Громозека указал Алисе на тупик с панорамным экраном, на котором транслировалось изображение Меркурия. Девушке не хотелось смотреть на раскаленную планету, но археолог настоял.

— Гляди, малыш, и я буду смотреть. Это наша с тобой вина. Одна на двоих, — такого Громозеку Алиса еще не видела. Куда подевался веселый балагур и враль? А еще Алиса почувствовала, как что-то невесомое, едва ощутимое соскользнуло с плеча, словно тончайший шелковый шарф. Детство закончилось.

— Эгхм, так-то оно так, профессор, но если взглянуть с другой стороны... — прозвучал в тамбуре суховатый голос.

— Алкидыч! Я же просил не вступать! — громыхнул чумарозец. Но это был не Анаксимандр. Перед ними стоял невысокий мужчина лет сорока. Короткие волосы, стрелки ухоженных бачков, борода клинышком. Эдакий опереточный Мефистофель. Вид портили большие оттопыренные уши, покрытые тонкой синей татуировкой. Вместо обычного комбинезона на мужчине был щегольской френч с зеленым отливом, узкие расклешенные брюки и черная шляпа-баварка, украшенная серебряной заколкой с петушиным пером. Под пиджаком белела чудная рубашка, по которой то и дело проскакивали синие и белые сполохи. Странные огни отражались в темных глазах незнакомца и заставляли вспыхивать наверху изящной трости, которую мужчина держал под мышкой. Алиса присмотрелась к камню набалдашника. Что-то скрывалось в его желтоватой толще. Не разобрать. И еще ей показалось, что она уже где-то встречала этого щеголя. Только где? Никак не вспомнить.

— Кто вы такой? По какому праву нарушаете приватную беседу? — недовольно спросил Громозека. Бывалого звездного путешественника не впечатлил вид незваного собеседника. Мало ли кто как одет? .

— Меня зовут Игорь Николаевич. Я работаю в Институте Времени, — спокойно ответил нарушитель.

— Вы знаете Полину? Мы с ней друзья, — оживилась Алиса. Вот и объяснение странному виду незна-

комца. Среди сотрудников Института Времени было немало эксцентричных личностей.

— Полина? Ах, да! Конечно, я ее знаю, — улыбнулся Игорь Николаевич, — но вспоминать общих знакомых сейчас не время.

— Вот именно! — громыхнул археолог. — Потрудитесь объяснить ваши слова. Что значит «взглянуть с другой стороны»?

— А то значит, уважаемый профессор, что окажись Алиса более послушной, то обелиск активировали бы на Земле. Последствия взрыва тогда были бы несколько другими, а жертвы исчислялись тысячами. Беззаботность, упрямство и вера в удачу, свойственные нашей породе, спасли многие жизни.

— Так это все-таки была бомба? — Алиса удивленно разглядывала пришельца. Откуда он все знает?

— В определенном смысле. Видите ли, Полуночные Скитальцы были прагматичными созданиями. Они производили грандиозные вычисления, прогнозировали будущее на тысячи лет вперед. Они предвидели появление других космических рас и посчитали это проблемой. Обелиск был размещен на Меркурии не случайно. Во-первых, добраться до него может только технически развитая цивилизация, во-вторых, исследовать артефакт непосредственно на планете невозможно из-за сложных местных условий. И, наконец, в-третьих, отпечаток человеческой ладони на камне недвусмысленно указывает на адресатов послания.

— Что делает бомба? — спросила Алиса, стараясь не обращать внимания на осведомленность гостя.

— Искажает, — Игорь Николаевич сделал странный жест рукой, словно скручивал крышку с бутылки, — нарушает и перестраивает пространство.

— А время?

— Да, и время тоже. Обелиск, словно камень, брошенный в воду, создает волны трансформации континуума. Об этом, собственно, я и хотел поговорить.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Спасите Колю

— А ведь я тебя сразу узнал, — такого заявления Герасимов не ожидал. Он только вернулся из «Терра-Фимы». Встречу с агентом Авлием было решено организовать через два дня — Юля сегодня заступала в ночное дежурство.

Предмет внимания Хранителей будущего валялся на диване и выглядел неважно. Мощный организм резидента справился с алкоголем, но остаточная меланхолия, так хорошо знакомая всем последователям Эпикура, венчала лоб legionera, точно рубиновая звезда шпиль Спасской башни.

— Вот, — Коля достал из сумки бутылку пива, открыл и протянул Павлу, — у нас так принято.

Агент принял подношение и сделал долгий глоток. Прислушался к ощущениям, улыбнулся.

— Вы сказали, что знаете меня? Но раньше мы не встречались. Я бы запомнил.

— Нет, не встречались. Но ты ведь Тот самый Коля из прошлого, — Павел отхлебнул еще пива.

— В каком смысле тот?

— Книга твоя. Стихи, кажется. Она у нее в спальне, на полке, понимаешь? Я ей: «Зачем это здесь?», она говорит: «На память». Пришлось ознакомиться, все-таки раритет. Бумажную книгу у нас встретишь не часто. Стихи слабенькие по большей части, но вот это мне понравилось:

Любит, любит трилобит,
Чтобы был пролом пробит,
Любит лбом долбить проломы.
Все долбит, долбит, долбит...

У Коли действительно вышел сборник стихов «Гостя из будущего». Ребята подарили на выпускной. Маленькая книжка, в дешевой мягкой обложке. Прав-

да, на форзаце была фотография Герасимова в папином импортном пиджаке и Фиминой белой шляпе.

— Вы знаете Алису? Вы ее друг?

— Друг, — грустно сказал Павел. — У тебя в комнате портрет висит. Подаришь?

— Нет, — честно ответил Герасимов.

— Я так и думал. Ладно! — легионер неожиданно бодро вскочил с дивана. — Мне вроде прогулки показаны? Пошли, что ли, кондиционироваться?

И они пошли. Сначала на улицу Кропоткинскую в бар «Медведь», потом сели на пятнадцатый троллейбус и поехали к Новодевичьему монастырю кормить уток. Перешли мост и от Бережковской набережной опять поехали кататься на «рогатом» транспорте. У Киевского вокзала к ним привязались цыгане, но легионер вновь применил древнегерманский язык, и цыгане отстали. У оптовых ларьков на Дорогомиловской взяли по мороженому и через Бородинский мост добрались до МИДа. Павел разговаривал мало, все больше смотрел по сторонам. На Колины вопросы об Алисе отвечал односложно. Отец — директор Космозоо, мировой мужик, мать — известный архитектор. Иногда резидент узнавал место и останавливался, восхищенно восклицая: «О! Надо же — магазин! А у нас здесь стоянка флипов» или «Ты смотри, здесь, оказывается, дом был!»

Коля довел Гераскина до своего любимого местечка. Кабачок назывался «Барвиха» и находился в переулке между Арбатом и Калининским. Маленький, уютный стеклянный скворечник, где собирался разномастный творческий народ. В холодные дни здесь топили камин. По телевизору крутили редкие записи рок-концертов, какие и на Горбушке не найдешь.

В «Барвихе» они задержались надолго, а когда стемнело, опять вернулись на Арбат и дошли до Гоголевского бульвара. Тут Коля почувствовал, что устал,

и присел на скамейку. Двужильный Гераскин пожал плечами и упруго опустился рядом.

— А в вашем времени Гоголевский остался? — спросил Коля — Я в тот раз до него не дошел — **на самом деле, он как раз был на Гоголевском, но хотел услышать, что скажет Павел.**

— Остался, — усмехнулся агент, — только у нас здесь лес. Подосиновики растут. А там, — он указал в сторону метро «Кропоткинская», — база юных натуралистов.

Помолчали, наблюдая за редкими в поздний час прохожими.

— Чего ты все вокруг ходишь? Ну, спроси, было у нас с ней? — не выдержал порывистый Павел.

— Прости, я как-то... — Коля хотел спросить, но не решался. Он привык думать об Алисе, как о недоступной мечте, и вдруг она совсем рядом. Словно в соседней комнате. А неуравновешенный грубиян Гераскин общался с ней все это время.

— Мы встречались, — наконец сказал Павел. — Нас многое связывало. Миллион приключений, знаешь ли. Какое-то время было все хорошо, и я сделал ей предложение.

— А она?

— Отказала. Просто сказала «нет» и все. Тогда я и устроился в Институт Времени. Хотел, чтобы забросили куда-нибудь подальше. Думал как-то заглушить... Забыться.

— Ясно, — Коле стало неудобно. Зачем этот буян открывается ему? «Потому что больше никому», — пришла внезапная мысль. Потому что теперь неудачник Герасимов — единственная связь потерявшегося агента Гераскина с родным домом. Коля вдруг испытал чувство ответственности за этого непредсказуемого, опасного и очень одинокого человека.

— Я вот хотел спросить... — неуверенно начал он. — Девятый легион погиб в Британии. Разве машина времени работает как телепорт?

— Нет... во всяком случае, мне об этом неизвестно, — Павел удивленно глянул на Колю, он думал совсем о другом, и неожиданный вопрос застал его врасплох, — а ведь правда... Я плохо помню скачок. Меня словно волной накрыло. Да, точно! И на землю швырнуло. Такого при обычном переходе не случается.

* * *

— Обычный скачок в прошлое сейчас невозможен, — Игорь Николаевич указал на Меркурий, — аппараты Института Времени выведены из строя. Многие агенты застряли в прошлом. Судьба всей организации под угрозой.

— Но что могло случиться с машинами? — удивилась Алиса. — Полина говорила, что они очень надежные и не могут в одночасье выйти из строя.

— Все очень просто, — грустно улыбнулся Игорь Николаевич, — их не изобрели.

— Что за ерунда?

— Вовсе нет. Нарушения, вызванные аппаратом Скитальцев, изменили историю Земли в конце двадцатого века. Осенью 1993 года в Москве происходит государственный переворот, в результате которого гибнут несколько сот человек. В том числе Николай Садовский, изобретатель первой машины времени. Он ведь был вашим одноклассником? Не так ли?

— Верно, — Алиса попыталась вспомнить Колю Садовского, но не смогла. Только имя — но ведь тогда МИВа в нашем времени вообще не должно быть.

— Все так, если воспринимать время как поступательную последовательность событий. Однако это неверно. Течение времени и его структура в разные периоды неодинаковы. Иногда его можно срав-

нить с кристаллической решеткой, иногда — с цепочкой ДНК, а бывает и вовсе с кельтским узором. Люди и события в прошлом, настоящем и будущем связаны между собой, и эта сила мощнее любого «эффекта бабочки». Я хочу, чтобы вы воспользовались силой личной связи и спасли Николая Садовского.

— Я? — удивилась Алиса. — Но вы же сами сказали, что машины времени вышли из строя?

— Земные — да, — жестом фокусника мужчина извлек на свет два небольших белых додекаэдра, — а вот эти сработают.

— Скитальцы? Полуночники? Это их артефакты? — над человеком навис великий археолог. Интерес ученого вытеснил неприязнь к чужаку. — Никогда таких не встречал. Откуда они у вас?

— Это семейная реликвия, — ответил мужчина, — настало время пустить их в ход.

— Как работают эти штуки? — чумарозец открыл зубастую пасть и во все восемь глаз уставился на человека.

— Нужно взять артефакт в руку и сконцентрироваться на ярком образе в прошлом. Чтобы активировать переход, просто раздавите прибор.

— Они одноразовые? — удивилась Алиса.

— Верно. Поэтому я даю вам два. Один, чтобы попасть в прошлое, и один, чтобы вернуться, — Игорь Николаевич подмигнул Алисе.

— На каком образе я должна сосредоточиться? Я даже не помню Садовского!

— Зато помните кого-то еще из одноклассников. Они наверняка поддерживают связь между собой. Вам придется действовать по ситуации. Помните, время вашего прибытия определяет полученная сейчас информация о возможной гибели изобретателя Садовского 22 сентября 1993 года.

— Постойте-постойте. Вы что, всерьез думаете, что она отправится в прошлое? Вот так вот, с бухты-ба-

рахты? — возмутился Громозека. — Вы являетесь сюда, несете какую-то чушь про трансформацию континуума, и мы должны верить вам на слово?

— К сожалению, да, — Игорь Николаевич развел руками. — В свое оправдание могу сказать, что такой шанс, как сейчас, больше может не представиться.

— А вдруг вы агент Скитальцев?

— Профессор, при всем уважении, они вымерли десять тысяч лет назад, — улыбнулся мужчина в шляпе.

— Да вы, я вижу, большой специалист! Прямо пророк какой-то, — не унимался уязвленный археолог. — Может, тогда скажете, коллега, от чего вымерли Полуночники?

— Я не знаю точно, но думаю, от безысходности, — очень серьезно ответил Игорь Николаевич. — Тесно жить в мире, который предскажем.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Спектакль на Пречистенском

Телефон зазвонил в полшестого утра. Коля, человек творческий, к любым событиям до одиннадцати часов относился сугубо негативно, а телефонный звонок воспринимал как оскорбление. В соседней комнате храпел безучастный ко всему, кроме команды центуриона, легионер Гераскин. Агент АА в отставке протер слезящиеся с недосыпа глаза и побрел в прихожую, где на журнальном столике расположился его мучитель. «Наверное, из деканата. Приглашают для беседы», — решил Коля. Поднял трубку, мрачно сказал «алло» и тут же проснулся, услышав взволнованный голос Юли Грибковой.

— Колькин, я только что с дежурства. Мне кажется... Я думаю, Садовскому угрожает опасность, — испуганно выпалила Юля.

— Да что случилось-то? Скажи толком.

— К нам дядечку привезли ночью с подозрением на инсульт. Солидный такой мужик, директор фонда. Оказалось, у него другая болезнь, много хуже, — Юлька выдала что-то на латыни, — среди симптомов часто встречается бред. Он и бредил. На английском. Сначала бессвязно, а потом... ты же знаешь, я после Алиски начала серьезно языки изучать. В общем, я все записала.

— И что там? — Коля похолодел. Вот она, нештатная ситуация. В прошлом что-то пошло не так. Со всем не так.

— Вот, я перевела, — в трубке раздалось шуршание, а потом опять зазвучал Юлькин голос, — ... начало операции в девять вечера 22 сентября, адрес: Пречистенский переулок ...Институт экспериментальной физики. Группа войдет в здание с двух сторон, обезвредит охрану. Цель — Садовский Николай Васильевич. Провести вербовку, в случае отрицательного результата — устранить. Здание и все разработки — уничтожить. Личный компьютер изъять.

— Устранить, — Коля сжал зубы. Он видел Садовского три дня назад. Тот как раз вернулся со сплава по Чусовой, веселый, бородатый, загорелый. Он крепко пожал Герасимову руку. «Идея пришла, Колян. Такая идея — ого-го! Работы будет масса. Но если выгорит — взрыв, сенсация, настоящая бомба!» С тех пор ученый засиживался в институте допоздна, иногда даже уходил утром вместе с Герасимовым. В девять часов вечера у него был самый разгар творческой активности. Враги выбрали верное время.

— Так, Юль, ты только не волнуйся. Фиме не звонила?

— Нет, я подумала, вы ведь с Садом вместе работаете... Надо же его предупредить как-то.

— Да-да, хорошо. Только пока ничего не делай. Время у нас еще есть. Я сейчас Фиме наберу.

Однако звонить Королеву не пришлось. Он позвонил сам.

— Герасим, вот оно! — возбужденно восклицал бизнесмен. — Нештатная ситуация!

— Ты о чем? — подозрительно спросил Коля. На секунду он подумал, что история с иностранцем в клинике — проделки скучающего без приключений Фимы.

— В смысле, о чем? — опешил Фима. — Ты что, телевизор не смотришь? В стране переворот. Президент с депутатами воюет. Я маму сегодня в Давос отправляю. Мало ли.

— У нас еще хуже. Садовского нужно спасать. — И Коля рассказал Фиме про Юлькиного больного.

— Милиция не поможет, — тут же сказал Фима, — они давно проданы и перепроданы. И к тому же им скоро станет не до нас. На самом деле это хорошо даже. Можно знакомых попросить, они ребята что надо, в Афгане моджахедов били. Но что это даст? За ним все равно будут охотиться, если уж попал в список. Может, правда, предупредить и вывезти в безопасное место?

— Нет, предупреждать нельзя, — Коля вспомнил, какой Садовский упрямый и принципиальный, — он непременно откажется.

— Придумал! — Фима откашлялся. — Ты ему снотворное в чай подмешаешь, а потом Жора его ко мне на дачу вывезет. Ну а дальше — поглядим, объяснимся как-нибудь.

— Снотворное у Юльки можно взять, — Коле начал нравиться план, — у них в клинике препараты сильные есть. Сегодня как раз моя смена. Подъезжай к восьми вечера. Как раз все сотрудники уже уйдут. Я пока до Грибка доеду, ее уговаривать придется.

— Заметано, старик! — голос Фимы сделался торжественным. — In nomine futurum!

Юле, как и предполагал Герасимов, идея со снотворным совсем не пришлась по вкусу. И все же она согласилась подождать в клинике.

Коля заглянул в гостиную — Гераскин спал, смешно сграбастав подушку мускулистыми загорелыми руками. Может, использовать его? Нет. Нельзя. Если люди из будущего начнут менять прошлое, может случиться все что угодно. Хотя Алиса ведь изменила прошлое. Весь шестой «В» изменился. Двенадцать золотых медалей. Ни одной тройки. Такого урожая школа никогда не собирала. А вдруг этот переворот и прочие беды из-за них, вдруг привычный мир вот в этот самый миг разваливается на части? Коля зажмурился. В комнате было тихо и тепло, сквозь открытую форточку проникали приглушенные звуки города. Все спокойно.

Герасимов собрался. Несмотря на теплую, почти летнюю погоду, надел турецкую кожаную куртку — так казалось мужественнее. Хотел надеть темные очки, но решил, что это уж совсем оперетта, и не стал. На площадке никого не было, но снизу доносились приглушенные голоса. Коля тихонько спустился на один пролет и увидел, как двое здоровяков в камуфляже и масках выводят из квартиры Григория Абаевича, народного депутата от республики Башкирия. Еще двое ждали пролетом ниже. Дядя Гриша был человек добрый и тихий. Он жил здесь уже лет пятнадцать и, бывало, сиживал с Николаем Николаевичем за партией в домино. Когда Коля вступил во владение квартирой, дядя Гриша поздравил его тортом и сказал: «Молодец Николаич, ай молодец! В хорошие руки дом передал».

И теперь его выводили, словно преступника, из собственной квартиры. Коля заметил, что дверь была сорвана с петель. Значит, еще и вломились. Старик ничего не говорил, только кряхтел в руках камуфляжников. И Коля не выдержал.

— Эй! Вы что творите? А ну-ка отпустите пенсионера! Слышите? Я сейчас милицию вызову!

Человек на лестнице повернул голову в сторону Герасимова.

— Еще один рецидивист? — и уже своему напарнику. — Разберись.

Тот рванулся к Коле, и вскоре Герасимов был скручен тем же способом, что и дядя Гриша. Пенсионер посмотрел на него сочувственно, прохрипел:

— Парня зачем скрутили? Совсем совести лишились? — и тут же получил кулаком по ребрам.

— Молчи, сука ужоглазая! — командир спецназа достал лист бумаги в потрепанном файле, бегло проглядел написанное. — Так, здесь все. Выдвигаемся.

Пленников поволокли по лестнице вниз. Вытолкали на улицу. Там уже ждал микроавтобус с темными стеклами. У машины стояли трое солдат-срочников, вооруженных автоматами Калашникова.

— Старика в машину, — распорядился главный камуфляжник. Депутата тут же затолкали в салон.

— Товарищ майор, а с этим что? — спросил мужчина, держащий Колю.

— Как что? Ты разнарядку читал? Вот и выполняй! — рявкнул майор.

— Слушаюсь, — буркнул камуфляжник таким голосом, что видно было: слушаться ему совсем не хочется. — Ты и ты, — спецназовец указал на солдат, — взять этого и за мной шагом марш.

Солдаты взяли Колю под локти и повели за камуфляжником. «Куда они меня? Бить, что ли, будут?» — подумал Коля. Они свернули в арку, ведущую во двор Колиного дома. Вот и окна квартиры, а вот родительские — с желтыми занавесками, но предки все равно в отъезде. Один из солдат наклонился к уху арестованного, шепнул.

— Эй, парень? Ты москвич? — И обрадовался, когда Коля кивнул. — Зашибись, нах! Ненавижу, бля, москвичей!

Коля скосил глаза, чтобы увидеть говорившего. У солдата было потное лицо и испуганно вытаращенные глаза. Чего ему бояться?

Герасимова завели во двор и поставили спиной к беленой стене трансформаторной будки. Солдаты отошли на несколько шагов, сняли с плеч автоматы. «Расстрел!» — в ужасе понял Герасимов. Стало очень страшно. Его замутило. Сильно захотелось по нужде. Да что же это?! За что?

— Подождите! Постойте... Я не понимаю... Ребят, не надо!

— Все ты понимаешь, — устало сказал человек в маске и тут же скомандовал. — Товсь!

Мир кругом вдруг ужасно замедлился — вяло ползла вверх рука спецназовца. Хищное щелканье затворов растянулось на целую вечность, превратившись в тоскливый вой. Жирный голубь завис над детской площадкой. Коля словно раздвоился. Один стоял под дулами автоматов, другой — в квартире, у окна, спокойно смотрел во двор. Вот сейчас он откроет окно и покажет застрельщикам нос. Окно и правда открылось. На подоконнике появился Павел Гераскин и громко крикнул:

— Преторианцы! — Солдаты беспокойно завертели круглыми головами. Камуфляжник профессионально скакнул в сторону и перекатился, выхватывая оружие. Но на подоконнике уже никого не было, а срочников вдруг атаковал пыльный смерч, валящий с ног, вырывающий оружие. Спецназовец хотел стрелять, но широкая ступня в кожаной сандалии легионера совместилась с его головой, и детина затих. Павел быстро осмотрелся и принялся сноровисто вязать бездыханных солдат их же ремнями. Поднял голову, посмотрел на Герасимова.

— Чего стоишь? Давай, помогай.

Вместе они отволокли срочников и спецназовца к дверям трансформаторной. Павел одним точным ударом сбил замок. Через минуту во дворе было пусто.

— Сколько там еще? — деловито осведомился легионер.

— Трое в масках и один солдат с автоматом.

— Нормально, справлюсь. Ты давай, иди куда шел. — Коля кивнул. Из двора был другой выход. Только через забор перелезть. Он еще чувствовал слабость. Ноги дрожали. За шиворот тек холодный пот.

— Как же так? — прошептал Герасимов. — Я... мы думали будущее — светлое, а тут переворот, расстрелы. Что же будет? Что впереди? — он схватил легионера за руку и ощутил, как напряглись под кожей стальные мышцы.

— Война будет, — спокойно сказал Павел. — Думаешь, мы просто так с места через стены прыгаем и кулаками замки сшибаем? Защитные поля, бластеры — зачем они мирным людям?

— Я не знаю, для защиты, — промямлил Герасимов.

— Для защиты, — усмехнулся легионер. — Знаешь, что такое кондиционирование на самом деле? Блокада от агрессии. Чтоб мы друг друга не поубивали... За будущее, Колян, бороться надо. Все, наговорились, даст Митра, свидимся еще.

Герасимов побежал к забору. Потом не выдержал, оглянулся. Павел быстро взбирался вверх по стене. Как Гераскин удерживается на вертикальной поверхности, было не ясно. За спиной резидента болтались АКМы срочников. Вот он ухватился за край подоконника и снова скрылся в Колиной квартире.

У метро «Кропоткинская» было все как обычно. Ходили люди. Двигался транспорт. Коля перешел через дорогу к бассейну «Москва» и сел в троллейбус номер один. Герасимов ехал по родному городу, комкая

в пальцах бумажный талончик. В ушах звучали слова Павла Гераскина «война будет» и еще «за будущее бороться надо». За окном тянулся знакомый пейзаж, но люди вели себя необычно. Собирались большими группами, что-то громко обсуждали. Мимо с воем пронеслись несколько милицейских машин и «Скорая». Коля невольно сжался на сиденье.

Юлька, взволнованная и очень симпатичная, хоть и немного бледная после дежурства, обняла, поцеловала в щеку. Некоторое время они спорили, но Коля был непреклонен, и Грибкова сдалась.

Через час Герасимов вышел из клиники, ощупывая в кармане куртки холодный флакончик со снотворным. Он ничего не сказал Юле про утренние приключения, но та по-бабьи что-то почуяла и долго просила его не рисковать.

Герасимов остановился у входа в клинику. Вроде бы дело сделано и до вечера заняться нечем. Домой идти он боялся. Вдруг камуфляжники устроили там засаду? Если сесть на метро, можно за полчаса добратсья до училища. Там сегодня пересдача актерского мастерства. И тут Коля вдруг понял, что нужно делать. Мысль была очень простая и окончательная, словно последняя пятнашка встала на место. Герасимов даже подумал, что сказал это вслух. Оглянулся — люди спешили по своим делам, никто не обращал на него внимания. Коля принял решение и пошел к метро. На душе было звонко и легко.

* * *

— Ты смотри, кто тут у нас! Неужто в Африке все слоны передохли? — восхищенно завопил Ваня Кожин. В группе он выполнял обязанности паяца, а на сцене, напротив, трагические роли.

— Я ненадолго, — Коля кивнул удивленным студентам и пошел в гримерку. Быстро собрал все, что нужно, положил в пакет и двинулся обратно.

— Эй! Ты куда? Струсил? — продолжал развлекаться Кожин и опешил, услышав от безответного двоечника: «Слонов спасать, дурак!»

Рядом с училищем был укромный дворик. Коля расположился на скамейке под липами и приступил к репетиции. Раз за разом входил в образ, пытаясь вспомнить мельчайшие детали характера, мимику, жесты. Снова и снова, пока в глазах не потемнело.

В ИЭФ он пришел чуть раньше обычного, поужинал в столовой, хоть есть и не хотелось. Заглянул к Садовскому, тот был на месте. Ученый рассеянно улыбнулся, не глядя, протянул однокласснику руку. Коля пошел в комнату охраны, переоделся и сказал дневному сменщику, что заступит раньше. Тот был только рад такому повороту, и через десять минут его уже и след простыл.

В шесть начался массовый исход сотрудников. Коля внимательно отслеживал каждого по списку. К началу восьмого, как и предполагалось, здание опустело. Было без двадцати восемь, когда Герасимов запер входную дверь и поднялся к Садовскому в кабинет. Ученый замер перед компьютером, вперив напряженный взгляд в монитор. Время от времени он что-то стремительно набивал на клавиатуре.

— Все разбежались, — Коля вошел, неуверенно остановился у двери. Пузырек в кармане теперь не холодил, а жег ладонь.

— А-а, тезка! — Садовский снова протянул руку, видно позабыл, что уже здоровались. — Заходи, не стесняйся. Я, как видишь, опять припозднился. Хотя, если честно, это время для работы самое лучшее. Тихо, спокойно, никакой суеты. Ты только не по-

думай, что я тебя прогоняю. А знаешь, давай-ка чайковского бахнем, чтобы впустую не сидеть. «Сам предлагает», — Коля моментально вспотел.

— Я налью, — Герасимов взял кружку Садовского и пластиковый стаканчик для себя. Сходил в коридор, вскипятил воду, положил пакетики заварки. Теперь снотворное. Отмерять не нужно, Юлька сказала, здесь ровно. Руки немного дрожали, но, кажется, ни одной капли не пролил. Коля понес чай в кабинет. С кружки Садовского показывал язык взъерошенный Эйнштейн.

Ученый принял подношение, подул на воду и с удовольствием отпил чай. Сработало!

— Говоришь, все разошлись? Это потому что работают без цели. Нет, у них, конечно, есть план и график. Но разве это настоящая цель? Разве стоит ради нее из кожи лезть?

Коля покачал головой, напряженно высматривая у собеседника признаки сонливости. Неужели препарат не подействовал?

— Вот именно. Не стоит, — как ни в чем не бывало продолжал Садовский. — Для большинства сотрудников ИЭФ мотивацией стала зарплата и удовольствия, которые они смогут на нее приобрести. То есть пределом мечтаний для таких потребителей является возможность получать блага, не обменивая их на труд. Но это ущербная философия, недостойная мыслящего существа. Взгляни на богачей-капиталистов. Они никак не могут насытиться. Большие дома, длинные яхты, личная футбольная команда, собственный автоклуб. Но обогащение не приносит насыщения. Я уже не говорю о том, что большая часть потребителей так и не доживет до вожаделенной финансовой свободы. Нет, Коля, это не наш путь. Только плодотворный труд ради достойной цели может принести человеку истинное удовольствие! — Садовский допил поостыв-

ший чай, победно глянул на уstraшенного лекцией Герасимова и вдруг отключился. Без всякого перехода, просто осел на стуле, уронив голову на грудь.

Коля оставил ученого похрапывать в кабинете, а сам вышел на улицу. В сумраке блистал канареечными огнями популярный кабаk «Нью-Васюки». Все остальное — улица, дома и деревья — тонуло в густой тени. Кто-то негромко окликнул его. Коля напрягся, но это был Фима с неотлучным гигантом Жорой. Тот тащил на плече картонную коробку.

— Что это? — Коля опасливо глянул на здоровяка.

— Компьютер из клуба на замену, — усмехнулся Королев. — Там все самое свежее: Дюна вторая, Вульфенштейн, шпионам нескучно будет. Где Сад? Уже дрыхнет?

— Да, в кабинете спит. И комп тоже там.

— А ты коварный тип, Герасим, — Фима шуточно погрозил Коле пухлым пальчиком. — Хорошо ориентируешься, когда припрет. Возьму-ка я тебя в партнеры. Ладно, это потом. Жора, вперед!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ради будущего

Фима сказал, что за входом могут следить, и поэтому Садовского было решено выносить через бывшее кафе «Адриатика», в котором у института теперь располагалась столовая.

Вскоре Жора со спящим ученым на плече выбрался из стеклянных дверей. Физика для конспирации завернули в занавеску. Фима, тащивший пакет с компьютером Садовского, почувствовал, что Герасимов не идет за ним, оглянулся.

— Эй, а ты что, с нами не едешь?

— Да у меня дом в двух шагах. Дойду сам, чай не барин, — улыбнулся Коля.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами бизнесмен. — Тогда созвон?

— Созвон, — кивнул Коля.

— Только ты осторожнее, старик. Не рискуй, — Фима зябко поежился и поспешил за охранником.

Коля следил за тем, как растворяется в густеющей тьме круглая Фимины спина. Выглядело так, словно Королев тонет в глубоком темном море. «Нет, — подумал Герасимов, — это я тону». Он решительно повернулся спиной к улице и вошел в здание. Нужно было еще успеть заgrimироваться.

* * *

Коля видел немало фильмов про контрразведку, но отчего-то когда думал о вражеских шпионах, в голове тут же появлялся образ зловредного Штампса из мультфильма «Шпионские страсти». Кадыкастый прохвост с прямым гитлеровским пробором, острым крысиным носом и усиками-стрелочками затмил всех. Человек, который вошел в кабинет, был совершенно другой. Крупный пожилой мужчина, с благородной сединой в кудрявых волосах, окладистой бородкой и приветливым взглядом спокойных карих глаз. Он был похож на преуспевающего писателя или коммерсанта. Вместо украинской вышиванки и хромовых сапог на вошедшем был со вкусом подобранный костюм, а зловещий «вальтер» сменился зонтиком-тросточкой с красивой деревянной ручкой.

— Здравствуйте, Николай Васильевич! Позвольте войти? — человек говорил на русском чисто, без акцента. Чересчур чисто. Таким же «дистиллированным» языком пользовались сотрудники Института Времени.

— Э-э... Добрый вечер, — Коля симитировал рассеянное приветствие ученого, затем изобразил легкое недоумение, — а вы, собственно, кто?

— Я к вам по делу. Извините покорно, что так врываюсь, но тема разговора очень деликатная.

— Хорошо, присаживайтесь, — Коля указал «писателю» на кресло, которое специально отодвинул дальше от стола, зацепив ножкой за тумбочку. Настольную лампу он направил так, чтобы его лицо оставалось в тени. Только бы грим не подвел.

Бородатый опустился в кресло, откинулся на спинку. Не проситель — хозяин положения.

— Скажите, Николай Васильевич, вы никогда не задумывались о работе за рубежом?

Вот так вот сразу, в лоб. Герасимов не ожидал подобной прямоты.

— Зачем, позвольте спросить?

— Мир нуждается в ваших знаниях, а здесь, — бородач брезгливо поморщился, словно нечаянно вступил в грязь, — здесь вы не сможете в должной мере реализовать свои идеи.

— Отчего же? Наш институт хорошо финансируется. Государство заинтересовано в нашей работе, — получилось фальшиво. Будь Герасимов на экзамене, получил бы на орехи. Однако экзамены закончились.

— Сладкие мечты, Николай Васильевич. В России сейчас парламентский кризис. Власти не до вас. А дальше будет только хуже. Слабое правительство, не способное удержать ресурсы, борьба преступных синдикатов за сферы влияния, произвол чиновников на местах и полное бесправие для простых граждан. Ну и, конечно, деградация всех социальных институтов.

— Прямо ад какой-то, — усмехнулся Коля.

— Вижу, мои речи вас не впечатляют, — мнимый писатель улыбнулся. — Давайте так, чтобы не быть

голословным, вот небольшой аванс в качестве компенсации за беспокойство и подтверждения серьезности наших намерений, — он достал из кармана пиджака увесистый конверт.

Столько денег одновременно Герасимову видеть не доводилось. Как бы отреагировал на подачку принципиальный Садовский? Вспылил бы, непременно вспылил! И Коля выдал укороченный вариант лекции, которую услышал сегодня от доктора Садовского. Да еще и от себя кое-что добавил.

Бородач в кресле помрачнел. Видно было, что такой ответ он получал нечасто. А может, его расстроило пренебрежение к деньгам?

— Что ж, Николай Васильевич, тогда я вынужден перейти к более действенным аргументам. Вот это, — из того же кармана появился пузырек с таблетками в желатиновой упаковке, — снотворное, которое вам придется принять. Как только вы уснете, мои агенты в здании спровоцируют пожар. Ваш компьютер будет изъят и другие ученые — не вы — примут эстафету.

— Угрозы, в конечном итоге, это все, что у вас есть, — Коля старался держать себя в руках. Вот, значит, что ему приготовили? Николай Васильевич Садовский засиделся допоздна и уснул за рабочим столом. Короткое замыкание, случайная искра и дело в шляпе. Светлая память!

— Да, если возникает необходимость, мы прибегаем к интенсивному воздействию. Мир пока не совершенен, — развел руками вербовщик.

— А вы, значит, стремитесь к совершенству, убивая ученых?

— Это самое последнее, что мне хотелось бы делать, — бородач наклонился вперед. — Николай Васильевич, давайте будем реалистами. У этой страны нет будущего. Какой смысл умирать за химеру?

«А вот хрен тебе, урод! Есть у нас будущее! Есть! Я сам видел. Просто за него бороться нужно...» — подумал Коля и уже спокойно, без колебаний протянул вербовщику ладонь лодочкой.

— Давайте ваши таблетки.

Бородач поднялся из кресла.

— Что ж. Я уважаю ваш выбор, хотя и не понимаю его. Вы не возражаете, если я подожду здесь немного? Мне нужно убедиться, что снотворное подействовало.

— Как угодно, — Коля проглотил таблетки и запил остатками чая из стаканчика.

Агент между тем подошел к двери, открыл ее и сказал по-английски: «Работаем вариант Д». Ему что-то ответили. По коридору зашуршали приглушенные шаги. Бородач удовлетворенно кивнул и вновь опустился в кресло. Он умел ждать.

* * *

— Перемещаться со станции вам нельзя, иначе захватите с собой кусок интерьера, — быстро говорил Игорь Николаевич. Они шли по коридорам Раскопа-4 в сторону шлюза. За ними, скребя когтями пол, двигался мрачный чумарозец, выпуская из ноздрей едкий желтый дым. Из-за мясистого щупальца археолога выглядывала блестящая лысина Анаксимандра Алкидовича.

— Надену скафандр, выйду в космос, — пожалала плечами Алиса.

— Да, пожалуй, это будет лучше всего.

Облачение не заняло много времени. Умная ткань, извлеченная из аккуратного металлического чехла с дарственной надписью «*Девочке, с которой ничего не случится, от капитана Полоскова на добрую память*» быстро охватила все тело, сформировала про-

зрачный пузырь шлемофона и прочее потребное оборудование. Алиса открыла шлюз, оглянулась.

— Совсем большая стала, — вздохнул Громозека, из его многочисленных добрых глаз струились слезы.

— Помните, у вас только один шанс все исправить. Не ошибитесь с решением, — Игорь Николаевич подошел, положил Алисе руку на плечо, заглянул в глаза. — Вы должны справиться. Во имя будущего.

— Будущее? Вот оно что! Так вы из будущего? — все, наконец, сошлось — и осведомленность сотрудника МИВ, и его странный костюм.

— Из возможного будущего, — улыбнулся человек в шляпе, — сделать его реальным ваша задача.

Он закрыл за Алисой дверь шлюза, нажал кнопку разгерметизации. Тонкие губы чуть заметно вздрогнули. «Удачи, мама...»

* * *

К борту корабля скафандр приклеился намертво, выпростав длинную липкую ложноножку, так что потеряться в пространстве Алиса не могла. Она еще раз взглянула на Меркурий. Освещенная поверхность планеты вспыхивала очагами новых извержений. Темная сторона вестника богов пребывала во власти ледяной ночи. Алиса попыталась представить себе Москву двадцатого века. С кривыми старыми улочками, нелепыми шумными машинами и сонмами настырных голубей. Из глубин памяти всплыли смутные образы одноклассников. Юля Грибкова, названная сестра и самоотверженная защитница, выдумщик Фима Королев и Коля Герасимов, мальчик из прошлого, спаситель миелофона. В отличие от других, этот образ был ярким, выпуклым, и Алиса решила. Сильно сжала пальцы. Додекаэдр лопнул, и тут же стало темно, словно погасло солнце.

Алиса увидела перед собой нечто, напоминающее развороченный котенком клубок. Только нити све-

тились и шелестели, точно древесная крона под ветром. Тут девушка обнаружила, что сама является частью клубка. Она невозможно растянулась, двигаясь в сплетении нитей. Голова в одном месте, а ноги в такой невообразимой дали, что и письмо не дойдет. Что-то изменилось вокруг. Холодный синеватый свет сменился ярко-рыжим с включениями угольной черноты. «Красиво, — подумала Алиса, — похоже на маковое поле». Но это были не цветы. Вокруг бушевал пожар.

Небольшое помещение стремительно заполнял белесый дым. Из дверного проема вырывались языки пламени. Как хорошо, что на ней скафандр. Прямо перед Алисой за столом сидел человек в белом халате. Похоже, он был без сознания. Девушка приблизилась. Неужели машина Скитальцев вывела ее прямо к Садовскому? Девушка наклонилась к ученому и вздрогнула. Загримированный, с накладной бородой, перед ней сидел Герасимов. Однако он не был целью спасательной операции. А что, если Садовский тоже где-то здесь? Но в комнате больше никого не было. Пожар между тем все усиливался. Алиса заколебалась. Колю нужно было спасти, но что если изобретатель машины времени сейчас в таком же, если не худшем, положении? Что там сказал Игорь Николаевич? Не ошибитесь с решением.

Логика подсказывала спасти Садовского. Тогда работают машины времени в институте, и можно будет устроить спасательную экспедицию за Герасимовым. Однако это значило, что здесь и сейчас Коля погибнет. Прервется связь, которой нипочем время и пространство. Нет, дело не в связи. Просто погибнет человек, который... Алиса просто не могла дать ему умереть и все.

Что-то взорвалось внизу. Внезапный толчок отбросил девушку к стене. Пол старого дома треснул и просел, оцетинившись клыками дымящегося пар-

кета. Из трещин вырвалось дымное пламя, отрезая девушку от сидящего за столом человека. Алиса больше не рассуждала. Рванулась вперед, отдавая приказ скафандру. Хватит ли ресурса умной ткани, чтобы укрыть двоих? Алиса обняла Колю, прижалась к нему, чувствуя, как истончается ее защита, и сомкнула пальцы на машине Скитальцев.

Перед ней как наяву встала сцена из детства. Она — пятилетняя кроха — со всех ног бежит через бетонное поле космодрома, прижимая к груди теплого глазастого шушу, а навстречу ей от башни звездного корабля широко шагает высокий человек в темно-синем скафандре и нелепых архаичных очках. Отец...

* * *

Первое, что увидел Коля, когда очнулся, были две луны в лимонном небе. Одна — почти как земная, зато другая имела красноватый оттенок и казалась гораздо меньше. Удивительную картину обрамляли темные кроны деревьев в отсветах живого огня.

Коля поднялся на локтях и увидел рыжебородого крупного мужчину, сидящего у костра.

— Очнулся? — мужчина поднялся, подошел к Коле, присел на корточки. — Дай-ка ожоги гляну. Хм, надо же... мультиспас подействовал. Ну что ж, похоже, тебе повезло, парень. Хотя, если учитывать ситуацию, все может закончиться печально.

— А что случилось? — спросил Коля. Мужчина тяжело вздохнул, безнадежно махнул рукой. Мол, чего там говорить?

— Я предупреждал Селезнева, что нельзя садиться в низину. Здесь ночами опасно, даже очень. Упыри, гигантские завродоны, ну и дракончики, конечно. Придется поднимать щиты, а значит, тратить энергию «Пегаса». Запасных батарей взяли мало. Видите ли, нужно было место для вольеров освободить. И где,

скажи на милость, я должен брать энергию? Так мы рискуем навсегда остаться на Эвридике.

— Эвридика — это планета? То есть... Мы на другой планете? — Коля смотрел на рыжебородого ворчуна во все глаза. А «Пегас» — это...

— Пегас — это корабль. И да — мы на другой планете за много парсеков от Земли. Меня зовут Филлидор Зеленый, вон там у корабля профессор Селезнев, директор Космозоо, который совершенно не дорожит своей жизнью, а девушка, что говорит с ним...

— Алиса, — Коля смотрел очень внимательно, опасаясь, что все вот-вот исчезнет, и он снова окажется в кабинете Садовского. Однако ничего не пропадало. Стремительно сгущались сумерки, трещал костер. В джунглях что-то ворочалось и завывало, приближалась ночь.

ВЛАД КОПЕРНИН

СКВОЗЬ ЗЕРКАЛО

Весельчак: «Некоторые мои шутки кончаются слезами».

Кир Булычев. Путешествие Алисы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Алиса в далекой стране

Отгремели торжественные фанфары, стихли речи. Дан старт. Корабль мерно гудит, в полутьме спокойно мигают зеленые индикаторы. Еще одно — самое главное — и можно расслабиться, отвлечься от безумного напряжения последнего года, забыть про изматывающую подготовку к полету, забыть мытарства по госпиталям, забыть про недельный перелет от Земли

до системы Медузы, когда каждый встречный корабль считал необходимым посигналить, поприветствовать, остановить и пообщаться. Забыть почти обо всем и немного пометчать.

Пометчать о встрече с друзьями в далекой Галактике, пометчать о встрече с друзьями после окончания экспедиции. Удобно устроиться на специально спроектированном кресле, вытянуть три ноги, грустно усмехнуться, глядя на вмонтированную в один из шести подлокотников аптечку. Врачи не понимали, что лучшее лекарство для Капитана — это Космос, и только здесь, в Космосе, все недуги окончательно покинут его.

Можно отдохнуть неделю — пока корабль следует межгалактическим курсом.

Но сначала главное. Капитан встает, важность момента не дает ему усидеть на месте, откидывает большим пальцем красный колпачок на штурвале, вводит защитный код. Нажимает оранжевую кнопку. Вот и все. Что-то забыл? Ах, да. Традиция. В огромных глазах озорной блеск.

— Поехали!

Корабль едва заметно вздрагивает, черная космическая бездна за иллюминаторами превращается в серую туманную муть. Через неделю он будет в соседней Галактике. Целая неделя покоя — и абсолютной свободы.

Нет. Что-то не так. В нижних отсеках какой-то шум. Там не должно ничего шуметь, там нечему шуметь. Надо проверить. Нет, уже не надо. Индикатор лифта горит красным, кабина движется вниз, потом вверх. Какая-то мистика, он один на корабле. Или — опять пираты?

Бластеры, кажется, сами прыгают в две из шести рук, выход из кабины под прицелом. Раздвигаются двери.

— Стоять, не двигаться, конечности за голову, от-
крываю огонь без предупреждения!

Тонкий девичий голос в ответ:

— Не стреляйте, Капитан! Это я, Алиса.

— Как Алиса? Почему Алиса? Выходить медленно,
резкое движение будет вашим последним движением.

Из кабины медленно выходит невысокая русоволо-
сая девушка, в глазах испуг, радость, любопытство.
Больше всего любопытства. Протягивает руки ладо-
нями вверх:

— Алиса, Алиса Селезнева, не стреляйте в меня.

Воспоминания трехлетней давности ударяют в го-
лову, как столетнее флисканское вино. Пираты, плен,
пытки. Спасение — от маленькой девочки с Земли
и ее друзей. Клиническая смерть и тяжелое возвра-
щение к жизни.

— Алиса? Ради Галактики, что ты здесь делаешь?

Девушка спокойна:

— Так получилось, что я лечу с вами, Капитан.

Остается только упасть в кресло, выронив бластеры и
всеми шестью руками схватиться за голову. Простонать:

— Как? Как так получилось? Галл-л-л-лактика.
Немедленно поворачиваем.

— И срываем Вторую Межгалактическую экспеди-
цию? И смотрим в глаза ученым, инженерам — всем,
кто готовил перелет, всем гражданам Галактики? Сле-
дующая порция галактия, достаточная для перелета,
будет готова только через год, вы же знаете это.

— Я-то знаю, — вздыхает Капитан. — И что нам те-
перь делать?

— Лететь вперед, как летели, — уверенно звенит
девичий голос. — Между прочим, Второй Капитан
лично обещал мне взять меня с собой, когда вырасту.
Вот, я выросла, мне уже почти шестнадцать. Обеща-
ния надо выполнять, ведь правда?

Шах и мат. Не столько из-за обещания, данного другом, сколько из-за топлива. Производство межгалактического топлива очень просто, но при этом очень трудоемко и медленно, вся тяжесть подготовки к экспедиции объяснялась тем, что приходилось ждать, пока наберется достаточное количество. На верфях Плутона построено уже пять межгалактических кораблей, заложено еще десять. А топлива только на перелет в одну сторону. И постоянные проверки готовности, и перепроверки, и переперепроверки.

Не хотелось бы повторять снова. А вдруг врачи второй раз не отпустят. Сейчас-то пускать не хотели, еле уговорил.

— Алиса, ты спасла мне жизнь, я обязан тебе. Но кто-нибудь, когда-нибудь говорил тебе, что летать зайцем — это очень плохо, а шантаж — это еще хуже?

— Постоянно говорят, Капитан! Но что делать, если все до сих пор считают меня маленькой девочкой-дошкольницей? Вот и приходится пользоваться методами маленькой девочки-дошкольницы.

— А ты знаешь, что по космическому законодательству я могу посадить пойманного зайца в любой точке Галактики, в одиночной шлюпке, прямо в космос? А ты знаешь, что я, получается, несу полную ответственность за тебя? Ты говоришь про граждан Галактики — а как я буду смотреть в глаза твоему отцу, если с тобой что-то случится?

Алиса смеется:

— Но вы же не посадите меня, правда? Во-первых, потому что мы уже не «в любой точке Галактики», а далеко за ее пределами. Я еле-еле дождалась, пока вы включите галактические двигатели. А во-вторых, — ну ведь вы же хороший! Плохой капитан так и сделал бы, а вы — хороший, правда? И ничего со мной не случится, абсолютно ничего. — Вдыхает: — Со мной почему-то никогда ничего не случается.

Четыре руки бессильно падают на подлокотники, две закрывают лицо:

— Знаю я это «ничего»! Но объясни мне во имя Вселенной — как ты сюда попала?

— Значит, остаюсь? Значит, летим вместе? Ураа-а-а! — девушка хлопает в ладоши, с детской непосредственностью подпрыгивает к Капитану, целует в щеку.

Капитан отстраняет ее, огромные глаза смотрят строго:

— Как. Ты. Сюда. Попала. Объясни.

— Я следовала за белым кроликом, как положено Алисе.

— Что?

— У нас со станции, а вы знаете, у нас такая биостанция в Москве, просто мини-научный центр уже, мы с детства там занимаемся, так вот у нас со станции сбежал кролик, мы его искали, искали, с ног сбились, — тараторит Алиса. — Так вот, он сбежал, и мне позвонили друзья из космопорта, сказали, что видели его на летном поле — а его тяжело не увидеть, это гигантский кролик, метр в холке, вот чтобы его поймать, мне и выписали полный пропуск — сами-то не могли, ему же страшно, он от незнакомцев убегает, может в беду попасть, или повредить что...

Тяжкий стон:

— Стоп. У нас еще и гигантский кролик здесь где-то?

— Нет-нет, я же говорю, мне пропуск выписали, кролика-то я сразу поймала — ну как поймала, он меня когда увидел, сам на руки прыгнул, еле удержала! Кролика-то я унесла, а пропуск остался, он на сутки был выписан. Вот я ночью и пробралась на космодром — а потом и к вам на корабль. И затаилась. Если б не он — ума не приложу, как бы я пробиралась.

— Алиса, посмотри мне в глаза. Скажи, тебе совсем не стыдно?

★ Девушка лукаво отводит взгляд, ковыряет покрытие рубки острым носком туфельки:

— Ну, так. Немного.

— Ясно. Тебе не стыдно, — резюмирует флисканец.

— А почему, в конце концов, мне должно быть стыдно? Мне Второй Капитан обещал? Обещал. А Первый Капитан говорил, что вы — одно целое, что говорит один — то же говорит и делает другой. Так ведь?

— Так. Хорошо. Что с тобой делать? Прилетаем. Выполняем минимальную программу исследований, собираем образцы — и сразу домой. У тебя же родители с ума сходят, поди. А мне даже радиограмму не дать — мы в межгалактическом пространстве, вернемся раньше, чем она придет.

— Вот и замечательно. А родители не волнуются, я папе записку оставила, там про все, про все написала: и про обещания, и что я с вами, и что ничего со мной не случится, и что на станции сделать надо, пока меня не будет, и как Питера кормить — это кролик тот самый, он морковное варенье любит, про все, про все. Папа не будет волноваться.

Алиса жмурится, ненадолго отворачивается:

— Ну, почти не будет. Я надеюсь.

Неделя прошла не так спокойно, как хотелось бы, но намного спокойнее, чем могла бы. Алиса слушала рассказы флисканца о странствиях Трех Капитанов, о его путешествии в соседнюю Галактику, учила — по два за день, чтобы не переутомляться, — основные языки, готовила для себя собственную программу биологических исследований. Когда корабль резко тряхнуло и в мутноватом иллюминаторном стекле вновь вместо ставшей привычной серой мути появилась черный бархат открытого космоса, она как раз заканчивала набрасывать шаблон очередного отчета.

— Внимание, автопилот выполнил программу перехода в режим ручного управления и будет отключен, — сообщили динамики.

Девушка помчалась в рубку управления, где мигали красными лампочками индикаторы. Капитан озадаченно тер виски, крутил ручки настройки, сверялся с распечатками и снова брался за приборы. Шесть рук мелькали в воздухе — казалось, ловкий фокусник пытается вытащить из шляпы сразу пару дюжин кроликов.

— Прилетели?

— Подожди, Алиса. Не мешай.

Алиса надулась, тихонько села в уголке и стала наблюдать. Чем больше колдовал над приборами флисканец, там больше индикаторов меняли цвет с ровно-зеленого на тревожный красный. Наконец, последний зеленый огонек мигнул — и загорелся алым.

Капитан, как будто ждал этого, откинулся на спинку кресла, руки его бессильно повисли.

— Что-то не так, Капитан?

— Все не так. Да, мы прилетели. Но куда мы прилетели — я не знаю.

— Как это? — выдохнула Алиса.

— Вот так. Мы на краю Галактики. Спектральный анализ показывает, что это на девяносто восемь процентов та галактика, куда мы летели.

— А на два процента? — не поняла девушка.

— А на два процента — не та, — отрезал Капитан и схватился за голову. Потом потянулся к одному из подлокотников, открыл потайной ящик и бросил в рот горсть таблеток. — Расположение звезд не совпадает с моими картами абсолютно. Части звезд нет совсем, а часть имеющихся — отсутствует в базе. Видимо, это те самые два процента.

— То есть это не та галактика?

— Я не знаю. Но наш передатчик ловит какие-то упорядоченные излучения. То есть здесь есть достаточно разумная жизнь, и хотя бы это радует.

— Но как же могло так получиться? Автопилот дал сбой?

— Вряд ли. Скорее из-за ошибки в расчете массы корабля, — флисканец недобро посмотрел на Алису, — нас просто-напросто выбросило неизвестно где и неизвестно когда.

Алиса сразу поняла, в чей огород брошен камень:

— Ох, Капитан, ну что вы такое говорите. Как будто лишних сорок два килограмма могут так повлиять на курс стопятидесятитонного судна!

— Девочка, в таких делах мелочей не бывает. Твое счастье, что флисканцам чужды сильные эмоции. Будь я землянином — я бы рвал и метал.

— Ну Капитан, ну милый, ну это не может быть из-за меня, ну совсем не может, — Алиса умоляюще трясла его за руки, просительно заглядывала в огромные черные глаза. — Но ведь здесь есть люди, они помогут нам синтезировать галактий — и мы вернемся домой, правда? Ну останемся чуть подольше и вернемся? Правда?

Капитан обреченно махнул двумя руками:

— У нас в любом случае нет другого выхода. Садимся на ближайшей планете, а там действуем по обстоятельствам.

Алиса запрыгала, захлопала в ладоши.

— Не вижу поводов для радости.

— Ну как же, ведь люди, или кто тут есть, достаточно цивилизованны для того, чтобы вести межзвездные переговоры, — они должны быть развитыми, как мы, как та галактика, где вы были, сильными, справедливыми, добрыми. И они обязательно помогут, и мы открыли еще одну галактику, и когда вернемся, всем расскажем, вот удивлений-то будет.

Капитан отвернулся и совсем тихо, так, чтобы не услышала девушка, процедил:

— Если. Если вернемся.

Ближайшая планета — одинокий песчаный гигант, вращающийся около двойной звезды. Большой город с космопортом — и бескрайние песчаные пустыни с редкими скалами.

— Безрадостное место, — ворчит Капитан. — Надо бы тут поосторожнее.

— А я думаю — надо сразу садиться вот туда, где космопорт. И просить помощи.

— И попасть в лапы к местным негодьям? Уже была о пиратах?

— Ой, и правда. Если бы я была пиратом — обязательно выбрала бы себе эту планету как укрытие.

— То-то. К тому же здесь какая-то чертовщина происходит с приборами, видимо, под песком большие залежи металлов. Я приземлюсь где-нибудь в горах. Будем вести наблюдение, перехватывать их передачи — и когда дешифруем, тогда и выдвинемся в город. Поняла?

— Да, Капитан.

— И смотри, Алиса. Без глупостей. А то захочешь еще прогуляться.

— Да за кого вы меня принимаете! — обижается Алиса. — Не маленькая, понимаю.

— Тогда снижаемся. Вот площадка хорошая, большая, ровная. Готовься к посадке, и ни одного движения без моего приказа.

— Так точно!

Посадка оказалась жесткой. Облюбованная Капитаном площадка с грохотом провалилась — и почти полминуты они падали в полной темноте. Снова грохот, скрежет, лязг. Корабль лег на бок и замер. Флисканец в отчаянии бил себя кулаками по голове:

— Ну как? Как я мог попасть два раза в одну и ту же ловушку? Это недостойно. Это глупо. Я стал слишком стар для Космоса.

— Ну что вы, Капитан. Это не ловушка, просто под площадкой оказалась пещера. Так не бывает, чтобы два раза подряд, я-то знаю! — успокаивала Алиса. — Включите прожектор, давайте осмотримся.

Капитан тяжело вздохнул, бросил в рот еще горсть таблеток — и пробежал руками по пульта. В иллюминаторах стала видна огромная пещера, заваленная камнями.

— Вот видите! Просто потолок обвалился, мы и упали.

— Просто. Просто так ничего не бывает, девочка. Но поскольку падать теперь дальше, кажется, уже некуда — пойдем, осмотримся. Отстегивайся, бери в арсенале бластер — и вперед.

Не веря своему счастью, Алиса несется к оружейному шкафу, хватает бластер и бежит к выходу.

— Стоп! Не так быстро, — останавливает ее Капитан. Сначала выхожу я, ты прикрываешь меня. Я бегу к укрытию, ты выходишь, идешь ко мне, я прикрываю тебя. Дальше по обстоятельствам. Понятно?

— Понятно. Выходим?

— Пробы воздуха в норме, выходим.

Сначала подозрительно, целясь в любой сгусток тьмы, потом все спокойнее и спокойнее Алиса с Капитаном осматривают пещеру. Кажется, из нее ведет несколько выходов — но все они завалены камнями, свалившимися при посадке.

— Нашла! — кричит, наконец, Алиса. — Здесь проход, из него дует свежий воздух — значит, там выход.

— Не кричи. Во-первых, может быть обвал. Во-вторых, мы еще не знаем, одни ли мы здесь; — подходит к ней Капитан. — А в-третьих, я здесь не пролезу. Это факт.

Действительно, проход сужается — и там, где может протиснуться хрупкая пятнадцатилетняя девуш-

ка, массивный трехногий флисканец имеет все шансы застрять навечно.

Алиса поднимает глаза:

— Значит, придется идти одной?

— Нет. Даже не думай, никуда ты одна не пойдешь. Будем искать дальше.

Но дальше искать им не пришлось: с противоположной стороны пещеры слышится шорох, потом шум, сыпятся камни. Миг — и просторный подземный зал заполнен высокими существами в бурых балахонах. Большинство держат в руках железные палки — явно оружие, хоть и древнее на вид.

Окружают полукругом Алису и Капитана, один — видимо, вожак, — что-то говорит. Слова смутно знакомые, в голосе угроза.

— Мы пришли с миром, — пытается начать разговор Капитан.

В ответ выстрелы. Пули щелкают по кевларовым скафандрам, не причиняя вреда, но путь к кораблю отрезан, а нападающих слишком много.

В четырех руках Капитана мигом оказываются бластеры, смертоносные лучи срезают первую линию чужаков, но на их место тут же шагают другие.

Алиса тоже стреляет, но получается поверх голов: не хватает умения.

— Алиса, беги! Я задержу их, — выдыхает флисканец.

— Нет! — девушка стоит в расщелине за спиной Капитана, целится, стреляет. В этот раз удачно, один из врагов падает — но это капля в море. Еще немного, и бурая волна просто проглотит обоих.

— Беги, я сказал. Это приказ! Назад, уроды. Зажмурься!

Вспышка, оглушительный грохот, сквозь грохот еле слышен крик Капитана:.

— Это светозумовая граната, она их остановит ненадолго. Беги, я за тобой. Попробуем проскочить.

Убедившись, что Капитан следует за ней, Алиса ныряет в расщелину.

Флисканец отстреливается, с трудом продвигается вперед. Слышно, как кричат нападающие. Шорох. Они пытаются тоже проползти в лаз.

— Алиса. Дальше ты сама.

— Нет.

— Да, я застрял.

Алиса возвращается, тянет Капитана за руки, упирается ногами, стонет, в голос кричит от напряжения. Не помогает.

— Бесполезно. Иди, Алиса. Со мной все кончено. Я ранен. Я задержу их, сколько смогу, потом взорву гранату, чтобы не достали тебя. Ты же справишься? Обещай, что справишься, что вернешься домой.

Алиса кусает губы до крови, сжимает кулаки. Ребристая рукоять бластера впивается в ладонь.

— Обещаю.

— И передай друзьям...

— Что?

— Что-нибудь.

Свободными руками Капитан стреляет в сторону пещеры, в ответ летят пули. Он достает гранату, выдергивает чеку, зажимает в руке:

— Как только я разожму руку, будет взрыв. Беги. Прощай.

— Прощайте, Капитан!

Алиса не хочет, не может просто так уйти, но под взглядом черных флисканских глаз поворачивается и идет по проходу. Потом проталкивается, потом становится на четвереньки. Даже если бы Капитану удалось пройти там — здесь бы он не прошел. Иногда ей кажется, что все, тупик, — но она протискивается. Сколько проходит времени? Полчаса? Час? Десять минут? Минута?

Взрыв. Все кончено — Капитан погиб.

Алиса не замечает, что по ее щекам уже давно текут слезы, что руки сбиты в кровь, а ногти изломаны. Не замечает, что проход наконец расширяется, — и выходит под двойной свет местных солнц.

Когда раскаленный воздух обжигает ей легкие, а свет бьет по глазам, она просто задерживает дыхание, зажмуривается и бредет, бессмысленно бредет прямо в пустыню.

Капитан погиб. Корабль погиб. Экспедиция окончена, не начавшись. Шаг за шагом под палящими солнцами она идет навстречу верной смерти. Уже не идет — ползет, не раскрывая глаз, почти не дыша.

Когда на нее падает тень — чуть приоткрывает глаза, видит людей: настоящих людей в странных одеждах.

Понимает, что нужно быть осторожной, но на осторожность нет сил. Она просто хрипит:

— Помогите. Пожалуйста, помогите!

Приходит в себя на корабле — в этом невозможно ошибиться тому, кто с раннего детства летал в космосе. Удобная постель, спартанская обстановка, мерный гул двигателей. Кажется, простой перелет с Земли на Пенелопу, и вот-вот ее встретит папа, и друг — археолог Ррр, и Три Капитана. Нет, не три. Два. Уже Два Капитана, вспоминает Алиса.

И кричит, кричит, воеет, как затравленная волчица, не может и не хочет сдерживать этот вой.

Не замечает, как открывается дверь, как входит в каюту невысокий русоволосый человек. Но он поднимает руку — и боль утраты стихает, превращается в саднящую печаль, а потом в светлую грусть. Она еще всхлипывает, а он спокойно садится на край кровати, гладит Алису по голове.

— Успокойтесь, вы среди друзей.

— Правда? — доверчиво спрашивает девушка.

— Правда, — спокойно подтверждает человек в белых одеждах. И Алиса понимает, что это действительно правда.

— Где я?

— Вы на нашем корабле, летите в столицу Галактической Республики. Если это не входит в ваши планы — простите, мы ничего не можем с этим поделать, у нас очень срочное дело. Но оттуда вы сможете попасть куда угодно.

— Как мы понимаем друг друга? — спрашивает первое, что приходит в голову, Алиса.

— Пока вы были без сознания, я вошел в легкий ментальный контакт с вами. Вы уже знали какой-то язык, отдаленно похожий на наш, — я внес лишь незначительные коррективы. А заодно, уж простите, коснулся ваших недавних воспоминаний. Разделяю с вами боль утраты. Ваш друг был настоящим героем.

Алиса снова готова зарыдать, но русоволосый гладит ее по голове, и от этого прикосновения ей становится светло и легко.

— Вы поможете мне вернуться домой? — просто спрашивает она.

— Я — вряд ли. Это не в моих силах. Но в столице есть человек, который должен помочь моим друзьям, — и, наверное, поможет вам. По крайней мере, может помочь. Сейчас поспите. Завтра мы будем на месте.

— Мне не до сна, — горько усмехается Алиса. — Расскажите мне о вашем мире, о вас. Раз уж я здесь — я должна знать, где это здесь.

— Ну что ж, воля ваша. Я расскажу вам — только это будет длинный и не очень веселый рассказ, — поглаживает бороду русоволосый. Его доброе лицо становится грустным и задумчивым.

Столица Галактической Республики поразила Алису. Она видела множество городов и множество планет, но планету-город — впервые. Башни, чьи шпи-

ли терялись в облаках, а с вершины не видно земли, ущелья улиц с многоуровневым движением, бесконечные ряды флаеров — насколько хватает глаз вверх и вниз, мчатся на бешеных скоростях. Апофеоз величия разума. Квинтэссенция мысли.

Это совершенно не вязалось с тем, о чем рассказывал русоволосый рыцарь, спасший ее: рабство, войны, насилие, жестокость, страдания. Голод, болезни. Бессилие закона и закон бессилия.

Казалось, в этом прекрасном городе должны жить прекрасные люди, победившие все пережитки дикости и варварства. Может, так и есть? Может, спаситель просто врал ей — или сам обманывался? Что ж. Вечером все выяснится.

Человек, который встречал их, кажется, был одним из администраторов этого мира, его называли Сенатор. Он принял рассказ новых Алисиных друзей всерьез — и поспешил предпринять какие-то действия. А с ней обещал поговорить вечером.

Спешить Алисе было больше некуда. Слез тоже не осталось. Она просто ждала — и смотрела, как над городом садится солнце, как тьма постепенно поглощает его, как зажигаются огни над проспектами.

Легкое покашливание за спиной вывело ее из полудремы. Перед ней стоял тот самый Сенатор. Седой человек в длинной темной хламиде. Его серые, почти бесцветные глаза, казалось, прожигали насквозь:

— Так это вы — девушка из другого мира? Вот уж что точно не входило в мои планы, так это ваше появление.

Алиса надула губы:

— А я и не собиралась согласовывать с вашими планами свое появление. Мы прилетели из другой Галактики, во имя мира, добра, прогресса, а ваши бандиты напали на нас, убили Капитана, — она задыхнулась, и Сенатор тактично перебил:

— Простите, но это не мои бандиты. Строго говоря, они вообще не бандиты, а просто дикари — хотя вам от этого, конечно, не легче. Поясните мне, пожалуйста, я не совсем понимаю: что значит во имя добра? Ваша миссия носила политический характер? Торговый? Или, может быть, разведывательный?

— Да нет же! Мы летели, чтобы протянуть руку дружбы от одной галактики до другой, — вспомнила Алиса слова из торжественной речи. — Чтобы вместе двигаться дальше, к светлому будущему всех разумных существ во Вселенной.

— Очень интересно. Давайте присядем — нам, скорее всего, предстоит долгий разговор. Я буду откровенен с вами. Вы не входите в мои планы — и можете помочь мне. А можете очень сильно помешать. Но если вы поможете мне, я постараюсь отправить вас домой.

— Это возможно? — удивилась Алиса. — Я поняла, что ваши корабли не могут летать между галактиками.

— Корабли — это не главное. Главное — та сила, которая живет в каждом из нас. Впрочем, не буду утомлять подробностями — расскажите лучше про ваш мир. Ведь вы уже достаточно знаете наш, и, как я понял, много удивляет, если не возмущает вас. Неужели у вас все устроено совсем по-другому?

— Да, — с вызовом ответила Алиса. — Совсем по-другому.

— Расскажите.

И Алиса рассказала. Она рассказывала долго, взахлеб, про свое детство, про то, как воспитывают будущих граждан Галактики, про биостанцию, про ученых, про капитанов, про Институт Времени, про пиратов и борьбу с ними, про проект «Венера», про своих друзей, даже про кролика Питера.

Сенатор не перебивал. Он задумчиво кивал, иногда потирал тонкий прямой нос, прикрывал глаза, а когда

открывал их — казалось, хочет прожечь Алису взглядом насквозь.

Когда же девушка выдохлась, он откинулся в кресле и прошептал:

— Да, интересная теория общественного устройства. Очень интересная. Но, увы, совершенно не применимая на практике.

— Как — неприменимая? — опешила Алиса.

— Боюсь, мне придется вас огорчить. Скорее всего, вы живете в придуманном мире. Его придумал очень светлый человек, но тем не менее, он придуман от начала и до конца.

«Это ерунда!» — хотела крикнуть Алиса. Но сначала сдержалась из вежливости, а потом догадка черной молнией осенила ее:

— Значит... Значит, вы считаете, я никогда не смогу вернуться домой?

— Я не говорил этого. Возможности нашей силы почти безграничны — в принципе, я могу создать шторм такой мощи, чтобы образовалась червоточина в пространстве-времени. И если вы точно будете знать, куда и когда вы хотите прибыть, вы придете туда, именно в это «куда и когда». Остальное не в моей власти.

— Так сделайте же это, Сенатор, пожалуйста! — подпрыгнула Алиса.

— Не все так просто. Вы должны мне помочь.

— Как?

— Завтра заседание Сената. Я представлю вас как очень важную гостью. И попрошу кратко высказать свое видение проблем нашей Галактики. Я вижу ваше к ним отношение. Можете себя особо не сдерживать. Чем резче вы выскажетесь, тем сильнее будет шторм, тем сильнее вас оттолкнет от наших «здесь и сейчас» и притянет к вашему «когда и куда».

— Не понимаю, — помотала головой девушка.

— Поймете. Я уверен, вы обязательно поймете. А теперь разрешите откланяться. Очень, очень приятно было побеседовать с вами. До завтра.

Назавтра были сенатские слушания. Разбирали дело новых друзей Алисы — и ее потрясло то, с каким равнодушием эти люди, и не только люди, но разумные существа, облеченные высшей государственной властью, — слушали о страданиях мирных людей, о войне, о том, как голодают дети, как продают и покупают людей, словно скот.

Когда Алисе дали слово — она еле сдерживалась. Она почти забыла, где она, и кто она, и что она должна говорить.

— Вы не сенаторы! — крикнула она, и звонкий девичий голос зазвенел по громадному — наверное, с Луну величиной — залу. — Вы не сенаторы, вы погрязли в бумагах, вы перебираете бума́ги, вы отгородились бумажной стеной от своей Республики. Вы сами превратились в бумаги, и вас самих перебирают, как бумажный ворох, тасуют, как карты, — кричала Алиса. — Да. Вы всего-навсего колода карт!

Со всех сторон слышались возмущенные возгласы, вопли, крик и сопение. Сразу с нескольких трибун поднялись Сенаторы, чтобы выразить протест. В Алису бросали комки бумаги — они летели прямо на нее. Алиса вскинула руки, чтобы закрыться, — и налетевший ветер швырнул бумаги ей в лицо, как сухие осенние листья.

Нет, это и были сухие осенние листья.

Алиса оглянулась — она стояла в родном парке у Речного вокзала, и ветер, играя, швырял ей в лицо пригоршни разноцветных листьев. Она оглянулась еще раз, убедиться, что это не сон.

Не сон. Нет, не сон. Вон, через дорогу, ее дом.

— Я дома, — прошептала она. И, не сдерживаясь уже, на бегу в голос закричала: — Папа, мама, я дома!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Алиса в Зазеркалье

Пиная палую листву, Алиса подбежала к подъезду, взлетела по лестнице, затрезвонила в дверь. Потом, не в силах ждать, забарабанила кулаками.

Соседняя дверь открылась на длину цепочки, выглянула аккуратная старушка:

— Ты чего тут?

— Я же дома! — радостно крикнула девушка. — Я вернулась!

— Никак Алиска, — всплеснула руками старушка. Живая?

— Да!

— Вот отец-то обрадуется, как придет. Сейчас, скоро должен быть уже, подожди.

— А вы наша новая соседка? — спросила Алиса. Она ну совершенно не помнила этой милой женщины.

Та неодобрительно проворчала что-то и захлопнула дверь.

Алиса хмыкнула, пожала плечами. Села на подоконник и, болтая ногами, стала ждать отца.

А вот и знакомые с детства шаги внизу на лестнице. Только медленнее, тяжелее.

«Папа за меня волновался» — вздохнула Алиса.

Действительно, профессор Селезнев выглядел совсем не так, каким она его помнила. Поседел, как-то сник. Не оглядываясь по сторонам, прошел к двери, зазвенел ключами.

— Папа, — шепнула Алиса. И, не дожидаясь ответа, спрыгнула с подоконника: — Папа!!!

Профессор выронил ключи, обернулся:

— Алиса! Девочка моя, правда ты?

— Правда, папа. Я, — она бросилась отцу на шею.

— Наконец-то. Я знал, — бормотал отец, — я верил, всегда верил, что ты вернешься, вот такая, живая, здоровая, веселая, что бы ни говорили.

Алиса быстро наклонилась, подняла ключи, открыла дверь:

— Веселиться-то, — вздохнула, — особых поводов нет. Экспедиция сорвана, Капитан погиб.

— Алиса? — строго смотрит на нее профессор. — Давай зайдем внутрь и поговорим, хорошо?

— Конечно, папа, — щебечет девушка, спиной вперед проходит в квартиру, любитесь дорогим отцовским лицом. — Конечно, как скажешь. Как вы тут? Как мама? Как...

— Алиса, — отец с трудом переступает порог, хватается за сердце, бледнеет. — Алиса, мамã умерла, когда тебе было три года. Как ты думаешь, как она?

Алиса замолкает на полуслове, пытается вдохнуть — не получается.

Ее выдавливает из себя:

— Как это? Как умерла? Отчего?

— Если ты забыла, — с треском захлопывает дверь профессор, — она умерла от того, что я не смог спасти ее. Не смог вовремя достать лекарство: связи связями, а деньги деньгами. Я совершенно не вижу... Алиса? Подожди, я сейчас, сейчас накапаю нам, подожди.

Алиса сползает по стене, в глазах темно, на душе камень размером с гору Килиманджаро. Пока отец гремит на кухне стаканами, разливая корвалол, она тихо шепчет:

— Мама! Мамочка! Как такое может быть?

Берет дрожащей рукой из отцовской руки стакан, стучит зубами о край:

— Папа, сколько меня не было?

— Ты ушла из дома три месяца назад, девочка моя. Я думал, что навсегда потерял и тебя.

— Скажи, папа, как такое может быть, чтобы в середине двадцать первого века кто-то на Земле умер от того, что не было лекарства?

Профессор Селезнев тяжело охает, садится рядом с Алисой прямо на давно не мытый пол:

— Вот так, знаешь ли, бывает. Сплошь и рядом.

Алиса упрямо мотает головой, ей в голову приходит шальная мысль:

— Подожди. Давай сначала. Ты точно мой папа, профессор биологии Селезнев, директор Московского космозоопарка?

— Хм, — трет подбородок отец. — Все сходится. Кроме «Космо-». «Космо» — это торговый центр на проспекте Мира, но при чем тут...

— Стоп, — поднимает руку Алиса. — Еще не все. Ты уверен, что я — Алиса Селезнева, твоя дочка?

— Я? — вздыхает профессор. — Я-то уверен.

Ерошит густо-русые Алисины волосы.

— Что на тебя нашло, скажи мне? Ты нездорова? Где ты была все это время?

— Если все так, как ты говоришь, то ты мне не поверишь.

— Поверю, — честно смотрит ей в глаза отец. — По крайней мере, постараюсь поверить.

— Ну тогда слушай, — просто говорит Алиса.

И прямо в прихожей — знакомой и незнакомой одновременно — вываливает на несчастного профессора сначала все о Второй Межгалактической экспедиции, а потом всю свою историю, все, что помнила о себе с трехлетнего возраста — и до текущего дня.

Профессор слушает очень внимательно. Иногда снимает очки, протирает уголком галстука — и снова надевает. Несколько раз встает, прохаживается туда-сюда по прихожей, снова садится на грязный пол.

При словах «Кролик Питер» — уходит в комнату, возвращается с клеткой. В клетке мирно спит маленький белый кролик, рядом блюдечко с оранжевой массой.

— Морковное варенье, — уточняет Селезнев-старший. — Вредно ему, конечно, но я немножко, очень уж любит.

Когда Алиса заканчивает рассказ, отец и дочь поднимаются, молча идут на кухню. Профессор в молчании заваривает крепчайший чай. Садятся, смотрят друг на друга.

— Я — сумасшедшая, да? — первой не выдерживает Алиса.

— Я воздержался бы от столь категоричных суждений, — поправляет очки отец. — Но многое свидетельствует в пользу этой гипотезы.

В глазах Алисы ужас.

— Много, но не все, — продолжает отец. — Во-первых, редко какой сумасшедший способен создать такой мир, как твой, логичный, выверенный, тщательно продуманный.

— И на том спасибо, — хмыкает дочь.

— Не перебивай. А во-вторых: во-вторых, вот! — и профессор жестом фокусника хватая дочь за правую руку и поворачивает ее запястьем кверху. — Видишь?

— Нет, — честно признается девушка. — Рука и рука, что с ней?

— Вот и я не вижу. А полгода назад ты сделала себе татуировку — череп и какая-то непонятная надпись. За три месяца татуировку так не сведешь.

— Ради Галактики, зачем мне татуировка?

— Я не знаю, — пожимает плечами профессор. — Ты же делала, тебе виднее.

— Не делала я никогда никаких татуировок!

— Вот! — радостно поднимает палец профессор. — Это значит, существует ненулевая вероятность, что твоя история правдива. Ну, хотя бы в какой-то части.

Потом сникает, резким движением развязывает галстук: — Хотя я бы, честно говоря, не очень на это рассчитывал. Давай сделаем вот как. Мой однокашник, профессор Стравинский, не откажет мне в еще одной услуге. Он примет тебя, посмотрит, вы с ним побеседуете. А потом мы будем делать окончательные выводы, хорошо?

— Психиатр? — настораживается Алиса.

— Психоневролог. Очень хороший психоневролог, потомственный.

Алиса хочет спорить, но у нее уже нет сил. Последнее потрясение опустошило ее. Единственное, что она спрашивает:

— А почему «еще одна услуга»? Он уже м... осматривал меня?

— Нет-нет, — махает рукой отец. — Не тебя. Ты упоминала своего друга, Пашку Гераскина.

— Он здесь, он существует? — глаза Алисы радостно загораются. Но ненадолго.

— Да. До трех лет вы были с ним неразлучны. А потом его родители погибли в автокатастрофе. Чтобы не отдавать его в детский дом, я помог устроить его в закрытый экспериментальный интернат. Там собрали замечательный преподавательский состав, хотели поставить педагогический эксперимент, но детали не разглашали.

— И что? Он там свихнулся?

— Не совсем там. Когда эксперимент закончили — преждевременно, год назад, оказалось, что ребят готовили к жизни в условиях четвертой этической системы. Представляешь, что это такое?

— Конечно! Это нормально для нашего мира.

— Угу. Вот-вот. Для вашего, но, увы, не для нашего. И когда эксперимент закончили, некоторые ребята — талантливые, надо сказать, ребята, — просто выпали из нашего мира. Где они сейчас живут, где скитают-

ся — я не знаю. А плоть его — у профессора Стравинского, в Петрограде.

— В Ленинграде?

— В Петрограде. Ну, чтобы никому не обидно было — в Питере. Так лучше.

— Ненамного. Ну ладно, — Алиса чувствует, что еще немного, и отключится прямо за столом. — Мы завтра туда поедем?

— Да. Первым же скоростным поездом. Иди спать, девочка моя. В твоей комнате все готово, я каждый день стелил постель. Ждал тебя.

Алиса встает из-за стола, обнимает отца, целует слегка шершавую щеку:

— Спасибо, папа. До завтра.

Пашка оказался абсолютно таким же, каким Алиса его помнила. Растрепанный, как воробей, нескладный — но обаятельный. Вот только вместо неумейной энергии и молодецкого задора глаза лучились какой-то недетской мудростью, почти как у русоволосого рыцаря, спасшего Алису.

— Значит, вот там у нас как, — протянул он, выслушав Алисин рассказ. Им разрешили общаться — профессор решил, что подобное надо попробовать изменить подобным, и не стал сильно мучить девушку расспросами. Он уже убедился, что под самым глубоким гипнозом она говорит то же самое, что и в простой беседе.

— Да, у нас вот так, — согласилась Алиса. — А здесь — хуже, чем в далекой Галактике. Я читала газеты в дороге — просто зла не хватает. Хочется просто...

Она вскочила, но Пашка потянул ее за рукав — и она покорно села на скамейку.

— Слушай, Алиса. Если будешь кипятиться — будут колоть уколы. Это неприятно. Поверь мне, я знаю.

— А что делать? Что делать-то, Пашка? Ты же помнишь — ведь ты-то же должен помнить: «Не позволяй — ни себе, ни другим делать то, что ненавидишь в себе и в других!»

— Ты бы еще двадцать седьмую теорему этики вспомнила, — грустно улыбается Павел. — Слушай, если все, что ты рассказываешь, правда...

— Что значит «если»? — вспыхнула Алиса.

— У меня нет причин сомневаться. Так вот, ты помнишь формулу галактия?

— Да. Но у нас ведь нет звездолетов, эти убогие ракеты — они не долетят даже до Альфы Центавра.

— А и не надо. У нас есть задумка получше.

— У кого это — у нас? — насторожилась Алиса.

— У нас — ребят из интерната. Нас ведь много было, это только я сорвался. Остальные сделали вид, что нормально «вписались в реальную жизнь». Мы регулярно обмениваемся информацией — я вот пока здесь, отвечаю за теоретическую физику как раз. А ребята — они устроились все вместе на один объект работать, доводят его для наших целей. Мы давно хотели шороху задать.

— Да ты что?

— Да. Не перебивай. Я тебе напишу, к кому обратиться, кого и как спросить. Попроси завтра папу забрать тебя отсюда. Стравинский разрешит, я уверен, ты же не буйная. Ты же не буйная, правда?

— Правда, — бросила Алиса.

— Отлично. Расскажешь ребятам все, что рассказала мне. А через полгода приезжай сюда, в Питер. Будет весело.

Полгода пролетели даже быстрее, чем неделя ожидания во Второй Межгалактической. Алиса с головой ушла в работу по подготовке эксперимента. Пашка

рассчитал, что в условиях Земли четырех с половиной граммов галактия хватит для того, чтобы лавировать между вероятностными линиями — а именно в их перекрестье и угодила, скорее всего, Алиса.

И если все действительно так, то можно переместиться в родную реальность Алисы. А уже там с помощью ученых решить вопрос — как быть с реальностью местной. В конце концов, если уж на далеких планетах прогрессорством занимались, родную Землю в порядок привести сама Галактика велела.

Низкое питерское небо хмурилось. Туманная хмарь висела над дремлющим городом. Ранним утром у гранитного парапета собралась маленькая компания.

— Последний раз объясняю, — горячился Пашка, — по-другому никак. Надо выйти в открытое море. А то мало ли что, мы прилетаем, а тут дом стоит. И мы прямо в стену — бадамс! Кто хочет? Никто не хочет!

— Но если мы это сделаем сейчас, выйдем в море, обратной дороги не будет. И первоначальный план летит к свиньям собачьим, — спорил рыжеволосый парень.

— Да что за план! — отмахивается Пашка. — Не план, а черт-те что, все равно дальше Копенгагена нас никто не выпустил бы. Балтика же. Бутылка с горлом.

— Ну да, ну да, — соглашается парень. — Ладно, что там. Действуем. Свистать всех наверх!

Чуть поодаль Алиса прощается с отцом:

— Ты уверен, что не хочешь с нами, папа?

— Да, уверен.

— Боишься?

— Нет, не боюсь. Но здесь у меня друзья, работа, могила твоей мамы — кто будет за ней следить? А там

есть свой профессор Селезнев. Зачем ставить его в неудобное положение?

— Да какое положение, ты что, ты знаешь у меня какой папка!

— Знаю, — смеется отец. Крепко обнимает Алису: — Удачи, дочка. Беги, ваши все поднялись уже.

— Пенты идут, скорее! — кричит Пашка сверху.

От моста заливается трелью свисток:

— Кто хулиганит, немедленно отойти от крейсера!

Профессор Селезнев выдвигается вперед, достает красное удостоверение директора зоопарка:

— В чем дело, лейтенант?

Алиса бежит по сходням, думает:

— А что же действительно снилось все эти годы нашей «Авроре»? Может, как раз сейчас и узнаем.

Рыжеволосый командует:

— Отдать носовые и кормовые! Отдать швартовы. Полный вперед!

И впервые за уйму лет легендарный крейсер сам начинает движение. Винты вспенивают воду, он набирает скорость.

Лейтенант не верит своим глазам, начинает истерично кричать в рацию.

Поздно.

Мосты разведены. Впереди Дворцовая набережная, открытое море, эксперимент, пан или пропал.

И когда «Аврора» величественно проплывает мимо Зимнего дворца — Пашка включает рубильник, и носовое орудие дает холостой выстрел. Этот выстрел звучит над сонным городом, как трубный глас, и словно разгоняет хмурую завесу тумана.

Пелена серой мрети сдернута с бездонного синего неба — и на город льются победные солнечные лучи.

ЮЛИЯ МАЛЫТ, ИРИНА СКИДНЕВСКАЯ

ГРОМОЗЕКА И МАЛЫЙ ЭВРИДИКСКИЙ ДРАКОН

...а началось наше знакомство с того,
что мне удалось спасти Громозеку в джун-
глях Эвридики...

Кир Булычев. Путешествие Алисы

Как мы находим друзей? По-разному. С одними с детства живем по соседству или вместе ходим в школу. С другими нас связывает романтическая юность, веселые студенческие годы. А с кем-то сталкиваются опасные приключения и нешуточные испытания. Именно так я познакомился с уважаемым профессором археологии Громозекой, страстным и решительным человеком... ой, простите за оговорку, конечно же, чумарозцем, жителем туманной планеты Чумароз.

Это случилось в те годы, когда я был молодым ученым, после окончания университета скучал в библиотечных архивах, составляя каталоги, и жаждал практической деятельности. Космозоология с детства была моим увлечением. Животные с других планет необычны, интересны, уход за ними — это и удовольствие, и научное исследование, и мне всегда хотелось, чтобы ребятишки, которые придут на экскурсию в зоопарк, могли их увидеть — когда они еще смогут слетать на другие планеты? Сначала им нужно вырасти и окончить школу...

Увы, пока что звери с далеких планет в моей жизни присутствовали только на картинках. И вдруг Московский зоопарк с восторгом принял под свою опеку целую стаю лунных зайцев, случайно обнаруженных на невидимой стороне Луны. И был переименован в Космозо. Для работы с зайцами понадобился космо-

зоолог, и вот он я, тут как тут. Впрочем, никакая это оказалась не работа, счастье сплошное, а не работа.

Лунные зайцы до сих пор мои любимцы: бесстрашные, веселые и музыкальные. Их сияющая серебристо-белая шерстка обладает высокой светопроводимостью и способна концентрировать энергию. Гладить лунного зайца против шерсти просто опасно: можно получить электрический удар страшной силы. А вот вдоль шерсти — не только очень приятно, но и целительно. Лунный заяц сияет там, где гаснут все другие огни, и дарит мужество, когда вас оставили надежда и удача. Каждая экспедиция, на Земле или в космосе, старается взять с собой хотя бы одного зайчишку, потому что всем теперь известно: чем чернее ночь вокруг путешественника, тем ярче лунный заяц освещает путь. Из всех космических существ только драконы, лунные зайцы да несколько видов птиц (говоруны, космические журавли и вакуумные птички) могут жить в безвоздушном пространстве. Но в те времена дракон считался существом из мифов, а о космических птицах я узнал значительно позже.

Два года не расставался я с моими зайцами: изучал их повадки, кормил сиреневой лунной травой, слушал их песни. Они всюду сопровождали меня, повиснув на мне пушистыми гроздьями, цепляясь за мою одежду сильными ушками. Да, оказалось, что уши у лунных зайцев не только орган слуха, с их помощью они ловчее мартышек карабкаются по деревьям, книжным полкам и комбинезонам работников Космозо.

Вскоре все друзья и знакомые называли меня дедом Мазаем, а тогдашний директор Космозо Афанасий Афанасьевич Конфетов, добрейшей души человек, но требовательный начальник, смотрел-смотрел, как я прогуливаюсь по территории зоопарка в живой, на ходу распеваящей «шубе», да и пригласил однажды на беседу в свой кабинет.

— Любишь зайцев? — со всей прямоотой спросил он меня.

— Ага, — ответил я, не в силах стереть с лица умиленную улыбку — зайцы как раз мелодично замурлыкали мотив моей любимой песни о восходе Венеры на Марсе. — А ведь правы были китайцы, когда считали лунного зайца истинным другом всех людей! Но как они узнали? Неужели еще в древности слетали на Луну?

— Послушай, Игорь... Мы тут потихоньку от тебя взяли несколько проб у твоих подопечных и кое-что выяснили. Зайцы эти, понимаешь, вырабатывают особые феромоны, которые вызывают у людей симпатию и привязанность без всякой меры. А пение их обладает гипнотическим эффектом. Прямо сирены какие-то. Все это без особого вреда здоровью, но сбить с пути человека твои нефритовые могут. Посмотри-ка на себя.

Он повернул меня к зеркальной панели на стене. Я увидел свое отражение: меховой шар с ногами, облаченными в форменные штанины Космозо и торчащей сверху вихрастой головой. С дурацкой, надо сказать, улыбкой.

— Ученый совет Космозо, — продолжал мой начальник, — постановил, что с зайцами работать будут несколько человек посменно, а тебя решено освободить от общения с ними на неопределенное время. Я взвыл.

— Панас Фанасич, вы меня, космозоолога, отстраняете от работы с единственными пока в зоопарке инопланетными существами! Что же мне, с крокодилами теперь работать?

— Во-первых, не забывай о стройной и никем пока не опровергнутой теории покойного Педро Кокодрило о внеземном происхождении архозавров. Во-вторых, учти, что во вселенском масштабе многие земные жи-

вотные не имеют аналогов. А в-третьих, у меня есть для тебя интереснейшее задание. Хватит тут сидеть по уши в зайцах, собирайся-ка ты в экспедицию.

Итак, Космозо требовались молодые, легкие на подъем зоологи, готовые пуститься в космические странствия на поиски инопланетных зверей, птиц, насекомых и других форм жизни, — о лучшей работе можно было только мечтать! Меня приняли в разведывательную партию на Европу — спутник Юпитера, откуда я должен был отправиться далее, в межзвездную экспедицию под руководством легендарного климатолога Пномпеньского.

В полете до Юпитера я изучал справочник по космозоологии Млечного Пути и тосковал. «Зайцы мои, — бормотал я, засыпая. — Как вы там без меня? Помните ли? Скучаете? Кто слушает ваши дивные песни?» Иногда мне чудились нежные звуки. Я уже тогда догадывался о телепатических способностях моих маленьких пушистых друзей, но сомневался, что их телепатия способна преодолеть гигантские пространства, отделяющие Землю от внешних областей Солнечной системы. Следовательно, музыка эта была звуковыми галлюцинациями, навеянными памятью о моих любимцах.

Все же газовый гигант с божественным именем, закрывающий собой весь вид в иллюминаторе, может отвлечь от какой угодно печали. А приближение к загадочной Европе способно раздражить любопытство любого ученого-натуралиста.

О спутнице грозного брата Солнца Юпитера скажу вам коротко: если вы заядлый рыбак, но никогда не бывали на Европе, то рыбаком себя можете больше не называть, настоящего улова вы пока еще не видели. Потому что все ихтиологическое разнообразие нашей с вами родной Земли блекнет перед фантастическим подводным миром Европы, планеты-океана.

«Европейцы» — все сплошь «подводники» — охотники, пастухи, строители. К тому же они оказались очень доброжелательным народом и за несколько дней помогли мне собрать богатейшую коллекцию морских тварей для океанариума Космозо. Я отправил с Европы в Москву три огромных сферических аквариума с фосфоресцирующими трехцветными «медузами», на самом деле оказавшимися подводными грибами, рыбками-голограммами, великолепным экземпляром сковородного ската, моллюском-оракулом, лжерусалочками и прочими занятыми представителями мелкой европейской фауны.

Да, наша экспедиция началась весьма удачно, но я с нетерпением ждал полета за пределы Солнечной системы. Какой мальчишка в детстве не мечтает о таком путешествии? Мечтал в свое время и я, и вот мечта сбывалась самым распрекрасным образом.

На местном автоматическом челноке я отправился на орбиту Европы. Челнок был отлично приспособлен для землянина: его предварительно осушили и наполнили великолепным искусственным лесным воздухом. Утро было чудесным, свет Юпитера зажигал многочисленные искры на ледяных равнинах, оберегающих европейскую подводную жизнь от неласкового космоса. На орбите меня подобрал межзвездный космолет «Слейпнир». Прощай, Европа!

Если бы вы знали, как меня приняли мои новые спутники! Приветствуя, астронавты радостно хлопали меня по спине. Механик Зеленый сразу же починил мой вышедший из строя на Европе хронометр, память о дедушке. Руководитель экспедиции академик Пномпеньский произнес за обедом остроумную речь. А судовой кок и лекарь Не Бо устроил в честь моего появления на борту корабля пышную чайную церемонию.

На следующий день мы стартовали. «Слейпнир» в буквальном смысле скакал по просторам Вселенной,

преодолевая через гиперкоридоры немыслимые расстояния. Множество планет было обнаружено и внесено в наши навигационные системы, капитан корабля Полосков был чрезвычайно доволен. И все же ни одной планеты, пригодной для жизни, нам не попадалось. Пномпеньский жаждал найти планету с атмосферой, а я мечтал о еще большем: чтобы на планете были животные, и каждый день упражнялся в стрельбе из пистолета-усыпителя, а также учился пользоваться другими хитроумными штуковинами — орудиями космического зверолова.

Несмотря на перегрузки гиперпространственных скачков, экипаж чувствовал себя превосходно. Мы обсуждали климатические особенности Европы, ее флору и фауну, играли в шахматы и наслаждались приподнятой атмосферой, сложившейся на «Слейпнире». Даже здоровенный механик Зеленый, склонный, как я заметил, к меланхолии и пессимизму, ковырялся в сложной судовой электронике, посвистывая и чему-то улыбаясь.

Однажды вечером, попивая приготовленный Не Бо душистый чай, мы заговорили об особой мирной радости, царящей на борту.

— Знаете, коллега, — сказал мне академик, — я столько раз бывал в космических экспедициях, а подобного нынешнему всеобщего радужного настроения никогда не замечал.

— Неужели правда? — удивился я. — Это мой первый полет такого рода, но мне всегда казалось, что среди увлеченных первооткрывателей и должна быть особенная обстановка.

— Уверяю вас! Вы даже не представляете, как нам всем повезло. В дальнем перелете, в ограниченном пространстве все малозаметные черточки характера становятся видны и порой весьма утомительны.

Зеленый добродушно улыбался.

— Я был уверен, что добром эта поездка не кончится. Согласился полететь только потому, что капитана Полоскова в беде бросать не хотел. А теперь вижу, что у нас замечательное приключение, и экипаж редкий. Просто каждый день душа поет. Простите, профессор, мое ворчание при погрузке, я, наверное, не с той ноги встал.

— Да пустяки! Знаете, дорогой Зеленый, у меня самого постоянно душа поет!

С порога кают-компаний раздался голос Не Бо. Оказалось, он стоял в дверях и внимательно слушал наш разговор.

— Скажите, друзья мои, а что именно поют ваши души? Случайно не «Over the Rainbow»? Или, может быть, песню о восходе Венеры на Марсе?

Я вздрогнул. Академик Пномпеньский в изумлении откинулся на спинку кресла. Зеленый раскрыл рот. Наша реакция была однозначной: да!

Черные глазки Не Бо засияли и сузились в щелочки, но он сохранил бесстрастную мину.

— Ваша? — Он подал мне джинсовую сумку.

Сумка была моя, любимая, бывалая, и я ужасно удивился, потому что до сих пор думал, что потерял ее при перевозке багажа с Европы. Стыдно сказать, при отъезде с Земли она была туго набита всякой вкусной ерундой: чипсами из лунной травы, шанхайскими орешками, мягкими шариками с абрикосовым соком внутри. Теперь оказалась пуста, только на дне ее шелестели разорванные пакетики из-под лакомств.

— А откуда... — начал я, но Не Бо сделал приглашающий жест.

— Прошу всех следовать за мной.

Все мы любим отсек здоровья на «Слейпнире». Благодаря нашему лекарю-коку это, пожалуй, самые уютные помещения на звездолете. Кроме камбуза, где пахнет тонкими пряностями, каюты Не Бо и малень-

кого кабинета, уставленного шкафчиками со снадобьями и приборами, здесь есть пустой зал с толстым ковром на полу. На стенах висят написанные тушью высказывания китайских мудрецов и стихи древних поэтов. Здесь можно тренироваться, а можно просто прийти посидеть, отдохнуть душой. Именно в этой целительной комнате состоялась знаменитая чайная церемония в мою честь в первый вечер на «Слейпнире». Сюда я часто приходил в поисках светлого умиротворения, и оно неизменно нисходило на меня.

Не Бо распахнул дверь в зал и смеющимся голосом объявил:

— Позвольте вам представить новых участников экспедиции!

Посреди пустого зала, на толстом сером ковре резвились мои зайцы! Десять маленьких зайчат кувыркались и бегали друг за другом, мурлыча что-то восторженное. Увидев меня, все они разом подпрыгнули и оказались на мне, уцепились привычно за бороду. От неожиданности я так растерялся, что не знал, рад ли был. Но зайчишки залопотали, и я растаял.

— Игорь, это ваши зверушки? — спросил академик Пномпеньский.

— Наверное, мои... Вернее, эти лунные зайцы принадлежат Космозо, но я ума не приложу, как они здесь оказались!

Спутники изумленно смотрели на меня, только, похоже, Не Бо понимал, в чем дело.

— Иду по коридору и вдруг вижу: сумка ползет. Медленно, но верно продвигается к камбузу.

— Вот, оказывается, что! — довольный, пробормотал я. — Эти умники залезли в сумку с провиантом и жили в ней припеваючи. И весь экипаж напевал вместе с ними...

— Да, согласен, — с улыбкой кивнул Не Бо. — Я твердо уверен, что наше великолепное самочув-

ствие и настроение — дело рук, вернее песен, этих маленьких проказников. У меня на родине лунные зайцы в почете, их целительские свойства подробно описаны, но всегда предполагалось, что это всего лишь легенды. Но после отлета с Европы я тоже почувствовал перемену атмосферы на корабле. А когда Игорь рассказал мне о своей работе, я что-то такое заподозрил...

— Ну, раз так, — шутивым тоном сказал Полосков, — назначаю их помощниками нашего судового врача. Тем более что всю дорогу у них это отлично получалось.

Так зайчишки стали законными пассажирами «Слейпнира». Питанием они, к счастью, были обеспечены на весь рейс, потому что Не Бо никогда не отправлялся в дальнюю дорогу без целебной лунной травы.

Обнаружение зайцев оказалось в тот день не единственной новостью: вскоре Полосков сообщил нам о приближении к Эвридике, легендарной планете, открытой Тремя Капитанами. Мы собрались в рубке управления.

— Дорогой Полосков, вы уверены? — спросил академик Пномпеньский, взволнованно теребя пышные усы.

— Да, профессор, я совершенно уверен, ведь прежде чем сообщить вам новость, я произвел тщательные расчеты. — Полосков показал нам голографическую модель звездной системы с двумя планетами. — Планета движется по необычно удлинённому эллипсу. Удаляясь от звезды, на десятки лет покрывается льдами, а приближаясь к ней, расцветает.

— Да-да! — подхватил Пномпеньский. — Именно поэтому Капитаны называли ее Эвридикой. И сейчас как раз случилось возвращение Эвридики из царства мертвых. Нам несказанно повезло! Великолепно!

Просто замечательно! — Седовласый академик готов был пуститься в пляс.

— Значит, во время «путешествия» Эвридики живые организмы впадают в глубокий анабиоз? — уточнил я. — Как интересно...

Тем же вечером, готовя вездеход к высадке, Зеленый уронил на ногу тяжелый противовес и сильно ушиб пальцы. Услышав львиный рык досады и боли, мы все примчались в мастерскую, начали суетиться, желая как-то помочь. Припрыгали и лунные зайцы, и вот тут оказалось, что мои любимые зверушки чувствуют, если у человека что-то болит. С ласковым мурлыканьем зайцы облепили босую ногу Зеленого. Вскоре пострадавший уже улыбался и уверял, что боль прошла.

Через день «Слейпнир», ведомый решительным Полосковым, совершил мастерски точную посадку на Эвридику. Среди непроходимых джунглей наш капитан обнаружил маленькое плато и сумел приземлить «Слейпнир» точнехонько посередине каменистой проплешины на выступе пологой горы. Ни одно растение и животное не пострадало там, где опустился звездолет.

Полосков известил нас, что атмосфера планеты очень хороша для землян, температура воздуха за бортом в данный момент — тридцать градусов по Цельсию, а форм жизни — великое множество, он сам заметил что-то, передвигающееся как минимум на десяти ногах. И он не видит причины, по которой мы не могли бы выйти наружу прямо сейчас. Услышав о многоногом звере, я кинулся к иллюминатору, но увидел там только траву и кустарники, а в отдалении — стену деревьев.

Мы решили выступить завтра двумя партиями по два человека, а пока совершить ознакомительную прогулку по окрестностям. Пномпеньский собирался

установить на планете несколько автоматических измерительных станций для длительного наблюдения за климатом. Полосков решил, что вместо того, чтобы перегонять с места на место звездолет, они с академиком отправятся на автолете, Не Бо подежурит на корабле, а у нас с Зеленым в распоряжении вездеход. На этом совещание закончилось, и я побежал в зоологический отсек наконец-то (впервые после Европы!) доставать и готовить ловушки, силки и прочие приспособления.

Через час я в сопровождении Не Бо вышел на первую прогулку по Эвридике. Было действительно жарко, звезда Финдус стояла в зените, небо было восхитительно голубое и совершенно безоблачное. Не Бо, сойдя с трапа звездолета, продекламировал с улыбкой:

Боюсь разговаривать громко:
Земными словами
Я жителей неба
Не смею тревожить покой¹.

Ну, а я твердо намеревался увезти нескольких «жителей неба» на Землю и крутил головой по сторонам. Мы стояли на возвышенности, заросшей травой и мелким кустарником. Полянки мохнатых зеленых цветов радовали глаз. Первым существом, увиденным мной, был зонтик — насекомое, которое пряталось под круглым полупрозрачным крылом. Оно передвигалось по воздуху толчками, как медузы в воде: открывало и закрывало крыло-парашют. Иногда ловило струю ветра и планировало на воздушных волнах, совсем как семечко одуванчика. Зонтиков оказалось тут великое множество, они питались соком серебристых растений с большими листьями и казались та-

¹ Ли Бо.

кими хрупкими, что я не решился ловить их сачком. Осторожно накрыл один лист сеткой-пирамидкой и срезал его. Тем же вечером я пересадил несколько больших растений-лопухов в горшки с местной красной почвой.

Не Бо поймал двух розовых птичек с роскошными висячими хвостами. Они не доставили нам хлопот, так как были заняты своим пиликающим пением и друг дружкой и не обратили никакого внимания ни на сачок, ни на переселение в птичий вольер на звездолете.

Потом наша коллекция обогатилась еще одним видом. Случилось это так. Я устал и присел на корягу. Вдруг из-под коряги высунулась чья-то голова и цапнула мой ботинок острыми зубами. Хорошо, что на корягу уселся я, а не мой напарник Не Бо, обутый в тонкие мокасины!

Я сунул в щель под корягой рукоятку сачка и сразу вытащил на свет несколько плоских лепешек с короткими лапками, круглыми желтыми глазками и острыми зубами в маленькой пасти. Я стряхнул их с рукоятки сачка в ловушку и назвал кусаками. А после дополнительных исследований в лаборатории звездолета выяснил: это были ледяные кусаки, они вприскивали жертве не яд, а замораживающую жидкость. Зверюшки оказались всеядными и в пути довольствовались нашими грушами и огурцами.

Вскоре настала наша первая звездная ночь посреди экзотических джунглей далекой планеты. Мне снилось сказочное существо. Оно летало, держа в каждой руке по зонтику, пело колыбельные песни и болтало в воздухе многочисленными ногами, сосчитать которые мне так и не удалось.

Утром, пролетая в автолете над ближайшим озером, Полосков опять увидел вчерашнего зверя и оставил для меня сообщение на автоответчике: «Селезнев,

твой десятиногий, похоже, обитает на берегу озера в трех километрах от «Слейпнира». Удачи, встретимся вечером».

...Мы с Зеленым спустились на вездеходе с горы, преодолев примерно километр. Перед нами лежал буйный тропический лес всех оттенков зеленого, с пурпурно-фиолетовыми и желтыми пятнами диковинных цветов. Жаркий Финдус, казавшийся намного больше нашего Солнца, сиял в синем небе. Утренний воздух был влажен и горяч, сквозь пар над горой поблескивал на склоне серебристый конус «Слейпнира».

— Мы его найдем, и он нас сожрет, — бурчал Зеленый, помогая мне выгружать из вездехода рюкзаки со снаряжением. Лунные зайцы, творцы хорошего настроения, остались на «Слейпнире», и механиком вновь овладели пессимизм и хандра. — Вот увидишь, добром это не кончится. Десять ног, и зачем ему столько?

— Чтобы лучше бегать, дитя мое, — отвечал я, с трудом сдерживая радостное возбуждение.

— Плюнет ядом, и привет, — гнул свое Зеленый. — Вцепится и начнет грызть.

— Да ты посмотри вокруг! — ликовал я. — Ты когда-нибудь видел такую красоту?

Но Зеленый оставался равнодушным к местным красотам, а когда неожиданно обнаружилось, что после вчерашнего несчастного случая он напрочь забыл заменить почти разрядившийся аккумулятор, настроение его резко упало.

Он отправился к «Слейпниру», а я... Как только парник скрылся в туманной дымке, я лихорадочно облачился в защитный костюм, подхватил рюкзак с самым необходимым снаряжением и пересек границу леса. Минут через двадцать я свяжусь с Зеленым и успокою его, а там, глядишь, и десятиного быстро поймаю.

...С гор текли прозрачные ручьи, незнакомые птицы щебетали в кронах гигантских деревьев. Цветущие лианы оплетали нижние ветви, образующие высоко над землей второй ярус леса. Эвридика совсем недавно вырвалась из ледяного заточения, кусты и заросли еще не превратили лес в колючую чащу, и все же порой, чтобы сэкономить силы и время, мне приходилось шагать по галечному руслу ручьев.

В таких лесах, как джунгли Эвридики, вполне могут водиться крупные хищные или ядовитые звери. Межгалактический кодекс звероловов запрещает носить оружие, способное убить живое существо. Так что настоящим звероловам помогают решительность, находчивость и хитроумные приспособления. Комбинезон-хамелеон делал меня почти невидимым. «Хамелеонной» краской были окрашены и шлем, и высокие ботинки, и перчатки, и широкий пояс, увешанный необходимыми в полевых условиях устройствами, от бинокля до аптечки. Костюм был сшит из негрубой, но такой прочной ткани, что я мог бы выдержать в нем удар молнии. Из-за повышенной герметичности ни одно насекомое не могло забраться мне в рукав или за шиворот. В душном и влажном полумраке джунглей я чувствовал себя неуязвимым, мне было не жарко и не холодно, не сухо и не мокро.

— Игорь! Селезнев! Ты меня слышишь? Где ты?! — раздался в наушниках взволнованный голос Зеленого. — Отзовись!

Эх, не успел! Меня уже спохватились, а я еще не добрался до озера!

— Я здесь, все в порядке, — приглушенным голосом отвечал я. — Жди меня на месте, я скоро вернусь!

— Как это — жди? Ты понимаешь, что нарушил инструкцию выходить в джунгли только в связке и на вездеходе? — прошипел Зеленый. — Поче-

му меня никто никогда не слушает? Ведь я же предупреждал...

Я не дослушал, о чем он предупреждал, потому что быстренько отключил связь. Так, теперь нужно так же быстренько пленить искомого десятиного, чтобы пополнить этим великолепным экземпляром коллекцию животных моего родного Космозо...

В джунглях стояла почти полная тишина. Высоко надо мной в кронах деревьев мелодично перекликались птицы, верещали маленькие зеленые «обезьянки» да назойливо жужжали насекомые. Я усилил мощность звука в наушниках до максимума, чтобы уловить хотя бы намек на присутствие десятиного. В уши мне ударил такой дикий рев, что я чуть не упал, пошатнувшись, и несколько секунд стоял с выпученными глазами, потом задрожал в охотничьем азарте и ринулся навстречу своей звероловческой удаче.

Лес не просматривался дальше чем на тридцать шагов, но местность, на радость мне, была не слишком захламлена, так что я несея, выписывая сложные зигзаги между упавшими и вывороченными деревьями.

Рев в наушниках усиливался, деревья расступились, и я на полном ходу влетел в самую гущу драматических событий. В низине поблескивало озерцо с пологими песчаными берегами. Вокруг озера бегал на коротких когтистых лапах... дракон. Да-да, самый настоящий дракон, огромный, метров пятнадцати длиной, с телом, покрытым зеленой сверкающей чешуей! Шипастый алый гребень тянулся от огромной головы до кончика мощного хвоста. Дракон извергал из клыкастой пасти огонь — он пытался поджарить чудовище, засевшее в озере, — *мое чудовище*, будущую жемчужину коллекции Космозо!

Десятиного, это чудо-юдо, гибрид слона с осьминогом, выглядел не менее устрашающе. В верхней части массивного тела, как змеи, яростно клубились щу-

пальца, грудь прикрывал большой панцирь, а на куполообразной голове с коротким хоботом я насчитал четыре пары глаз. Возможно, глаза различались по функциям, одни лучше видели на близком расстоянии, другие — на дальнем, остальные — в разных спектрах...

Итак, они серьезно не ладили, ревели, как два футбольных стадиона, и наверняка разогнали всю живность вокруг. Языки пламени сожгли растительность вокруг озера, в закипающей воде всплывала кверху брюхом мелкая рыбешка. Десятиног спасался от огненных атак, глубоко ныряя в воду, и тоже не отставал, защищался изо всех сил, пыхая на дракона облаками желто-зеленого дыма, не причинявшими тому никакого вреда. Еще бы! Судя по сказкам, драконы сами отличаются крайне зловонным дыханием.

Время от времени десятиног переплывал на другую сторону озера, чтобы отдышаться на мелководье, пока его враг обегал озеро. Драконий хвост хлестал по песку, оставляя узоры «елочка». К счастью, дракон не мог подняться в воздух на своих крохотных атавистических крыльях и, по всей видимости, не умел плавать, иначе десятиногу пришлось бы совсем худо. Я вдруг заметил, что у десятинога вовсе не десять ног, а всего три, но толстых, основательных, как у слона.

Эпическая битва явно затянулась, чудовища устали, движения их замедлились, а запасы дыма и огня иссякали на глазах. Пришло время выступить третьей силе, то есть мне. Я мечтал поймать одного редкого зверя, а в результате получил прекрасную возможность привезти на Землю целых двух — несказанная удача! Намеченная мной стратегия поимки была проста: усыпить, связать и транспортировать на корабль. В первую очередь следовало нейтрализовать дракона, чтобы он не спалил трехнога. Но и трехнога нельзя было надолго оставлять без внимания, он вполне мог

убежать в чашу, и кто знает, сумел бы я его там догнать и выловить.

Я достал из рюкзака пистолет, стреляющий сонными бомбочками, и стал осторожно подкрадываться к чудищам.

Дракон как раз переводил дух, не сводя, однако, злобных красных глаз с противника. Тот распластал по воде щупальца и с шумом втягивал воздух своим коротким хоботом. Я, к сожалению, как ни старался, не мог приглушить звук шагов по песку. Дракон быстро повернул голову в мою сторону. Я замер. Дракон снова уставился на трехнога. Я выстрелил, целясь в вытянутую драконью голову с длинными усами, свисавшими по бокам пасти.

У сонной бомбочки есть сенсоры, дающие сигнал о близости органической материи, иначе говоря, плоти. Как только сенсор срабатывает, бомбочка выбрасывает два крылышка, позволяющие ей затормозить и взорваться, в данном случае прямо перед носом дракона. Не тут-то было! Каким-то непостижимым образом дракон заметил бомбочку и проглотил, как муху. Я выстрелил снова и с тем же результатом. Мы стояли на месте, я стрелял — дракон без всякого ущерба для организма хрумкал мои боеприпасы. Все это стало напоминать стрельбу по тарелочкам. Вжик! Хрум! Вжик! Хрум...

После пятого бесполезного выстрела пришлось менять тактику. Я сунул пистолет за пояс и, сорвавшись с места, забежал дракону за спину, включил режим «вакуумные подошвы и ладони», взобрался на драконий хвост и стал пробираться к голове, стараясь не прикасаться к острым, как бритва, алым шипам на гребне.

Оседланный дракон взревел так, что трехног с коротким охом сразу пошел на погружение, выплеснув на берег пол-озера. Дракон крутился на месте, пы-

таясь меня скинуть, но я уже добрался до его мощной шеи и выпустил бомбочку над самым носом. Она пыхнула синим облачком. Через минуту дракон лежал, уткнувшись в песок.

Тем временем трехног вылез из озера и с самым несчастным видом принялся озиаться по сторонам, будто что-то выискивал. Я выстрелил в его сторону. Он осел и завалился на песок.

Сколько времени будут спать дракон с трехногом, я не знал. Обычно, чтобы не навредить животному, действие сонного газа длилось несколько минут, в которые зверолов должен был уложиться. Поэтому я бросился за рюкзаком. Я не сразу его нашел, ведь он был невидимым, пришлось попинать воздух под деревом. Я нашарил в рюкзаке два мотка очень прочной липкой ленты, которой рассчитывал обмотать пасть дракону, связать лапы, щупальца, в общем, обезопасить себя на тот случай, если звери проснутся не вовремя. И вдруг мне стало нехорошо: засосало под ложечкой, по коже побежали мурашки. Я резко обернулся — в лицо дышал дракон, смотрел на меня, невидимого, в упор. Не знаю, как он меня почувствовал. Возможно, умел читать следы на песке, возможно, увидел раскрытый рюкзак... Но он подкрался ко мне неслышно, как тень.

Я отпрыгнул в сторону и покатился по песку. Дракон успел клацнуть зубами в сантиметре от моего лица, зацепил мой локоть и разорвал рукав. Я еще не встал на четвереньки, а он уже выпустил мощную струю пламени и спалил мой рюкзак.

Мне ничего не оставалось, как повторить проверенный трехногом способ защиты — прыгнуть в озеро и выплыть на середину. Теперь я на собственной шкуре почувствовал, как несладко быть объектом драконьего гнева. Деревья у озера тряслись от его противного пронзительного крика, и чем сильнее дракон

кричал, тем энергичнее извергал из пасти пламя и кипящую слюну.

Через какие-то пять минут я совершенно выбился из сил. Сквозь дыру на рукаве защитный костюм наполнился водой и только мешал нырять. Улучив момент, когда дракону потребовалась передышка, я стянул шлем, кое-как выбрался из комбинезона и, волоча их за собой, поплыл к противоположному берегу. Дракон, конечно же, сразу побежал вокруг озера, намереваясь организовать мне теплый прием. Вот же неугомонное существо...

Амуницией мне пришлось пожертвовать, чтобы выиграть несколько важных секунд, — пока дракон расправлялся с брошенным на песок костюмом, я успел взобраться на ближайшее дерево. В этом и заключался мой план спасения. Ствол был толстым и гладким, но, к счастью, сучковатым — по сучкам я пулей взлетел наверх.

На мощной нижней ветке, располагавшейся метрах в десяти над землей, две зеленые обезьянки грызли оранжевые фрукты.

— Прекрасная погода, не правда ли? — сказал я, устраиваясь рядом с ними и тяжело отдуваясь.

Они молча таращились на меня.

Эта картина («Боевое крещение космозоолога») до сих пор стоит у меня перед глазами: на берегу озера, затянутого дымком, лежит массивная туша трехнога с раскинутыми по песку бледно-молочными щупальцами; я сижу на дереве, распаренный, как после бани, в мокром спортивном костюме, в компании зеленых обезьян, а снизу за мной наблюдает самый настоящий, а не мифический, дракон. У меня ни средств связи, ни орудия защиты от его клыков и огнедышащей пасти.

Неожиданно совсем неподалеку раздалось характерное тарахтенье, треск сминаемых кустов, и вскоре к озеру выехал наш вездеход. В кабине сидел Зеленый. Прибыла подмога.

Завидев нового врага, в железной грохочущей броне, дракон несколько оторопел, раскрыл пасть, но вместо пронзительного крика из нее вырвалось только сиплое дыхание и струйка дыма. Охрип, похоже! Из кабины вездехода высунулся Зеленый со звуковым ружьем и направил его на дракона. Секунда — и «усыпленный» ультразвуком дракон свалился на землю.

— Ура! — заверещал я с дерева. — Зеленый! Ты змееборец! Ты мой спаситель... Спасибо!

Зеленый поднял на меня глаза. Лицо у него было крайне суровым.

— Я же предупреждал, что в этих джунглях нет ничего хорошего...

...Мы связали дракона и трехнога, облепили их тела антигравитационными поплавками на присосках и по воздуху, невысоко над землей, держа за веревочки, как воздушные шарики, доставили к звездолету. Зеленый вел вездеход, я шел рядом и следил, чтобы наш живой груз не зацепился за деревья. Надо сказать, что в спортивном костюме мне было менее комфортно во влажном тропическом лесу, кишашем насекомыми. Но что поделаешь? Это была расплата за мою самонадеянность и беспечность, так что я все вытерпел, только лицо распухло немного, несмотря на выданную мне Зеленым защитную мазь.

Зеленый всю дорогу ворчал, что нельзя пускать на корабль огнедышащего дракона.

— Он нам все сожжет. На чем полетим домой?

— Ну что ты, Зеленый! — успокаивал я его. — Радоваться нужно, что нам удалось заполучить таких уникальных животных! Не переживай, что-нибудь придумаем.

...При нашем появлении Не Бо вышел из звездолета, изумленно оглядел парящих в воздухе монстров и сказал: «Вот это да...» А потом продекламировал, с благоговением адресуясь дракону:

Сейчас господин в сети попал, в силки,
Как же он обретет свои крылья опять?¹

— Ты как хочешь, но я считаю, что о драконе надо срочно сообщить капитану. — Зеленый связался с автолетом и принялся сгущать краски: — Капитан, я предупреждаю: он громадный! Огнедышащий! Спалит корабль!

Полосков попросил меня выйти на связь.

— Селезнев, неужели и правда дракон?

— Самый настоящий!

— А десятиног?

— Этого тоже поймали, но он оказался трехногим, с десятью щупальцами. Оба сейчас спят. — В этот момент дракон дернулся в силках и зарычал. — Ну, то есть не оба...

— Сам понимаешь, безопасность превыше всего, — озабоченно сказал Полосков. — Если не придумаем, как его доставить на Землю без потерь для корабля и экипажа, придется выпустить обратно в джунгли. Держите меня в курсе! — Полосков отключил связь.

Может быть, в этой части Вселенной к драконам привыкли, но у нас они по-прежнему встречаются только в сказках. Мне страшно хотелось что-нибудь придумать, чтобы привезти домой такого потрясающего зверя. Но что? Усыпляющий газ действовал на дракона недолго, да и нельзя же ни в чем не повинного зверя до самой Земли держать под наркозом. Длительное воздействие ультразвука тоже вредно.

— Обожрет он нас, — бубнил Зеленый, стоявший рядом.

Вот и проблему питания тоже нужно решить... Что едят драконы? И в каких количествах?

На «Слейпнире» была специальная дверь, через которую на корабль доставляли большие грузы. Так

¹ Ду Фу.

что трехнога мы с Зеленым без проблем препроводили в вольер зоологического отсека, уложили на пол и развязали. Удивительно, что небольшая доза снотворного действовала на него так долго — он по-прежнему спал.

Не Бо присматривал за драконом, и когда мы вернулись, рассказал, что зверь снова ворочался и пару раз приоткрыл глаза. В этот момент дракон захрипел и крутанул головой так, что силки затрещали.

— Заносим! — крикнул я.

— Опасно, — возразил Зеленый.

— Я пойду впереди и, если что, пальну, — вызвался Не Бо.

— Давай! — согласился я.

Так мы и пошли: впереди пятился Не Бо с ультразвуковым генератором, я тащил на веревочке трепыхавшегося дракона, а Зеленый шел за мной и высказывал опасения, что «добром это не кончится».

Почти сразу мы наткнулись на идиллическую картину. Лунные зайцы, все десять, взобрались на маленького робота-уборщика и ехали на нем по коридору. Увидев нас, они приветственно залопотали. В другой момент я бы непременно умилился и остановился, но не сейчас — в эту минуту дракон мощно дернул хвостом. Из связанной пасти раздался страшный утробный звук. И вдруг зайчишки все как один запрыгнули дракону на морду, нежные, как сверкающие снежки, прыткие, как шарики для пинг-понга. Они перебрались к дракону на макушку, облепили ее и громко замурлыкали. Глазищи дракона сомкнулись, хвост перестал бушевать.

— Они успокоили его! — Мы с Зеленым потрясенно переглянулись. И только Не Бо не удивился. Он опустил свое звуковое ружье и немного горделиво произнес:

— Ну, а чему вы удивляетесь?

...Дракон довольно быстро очнулся и поужинал бананами, которых у нас было предостаточно. Зайчишки белой пуховой шапочкой сидели у него на макушке, и все было тихо-мирно. Когда вечером вернулись Пномпеньский с Полосковым, мы долго и возбужденно совещались и пришли к выводу, что если зайцы не подведут, дракон вполне может долететь до Земли. А вот трехног, к сожалению, по-прежнему не приходил в себя. Я страшно устал, но каждый час навещался в зоологический отсек, с тревогой всматривался в его неподвижное тело и просил: «Пожалуйста, очнись...» И вдруг в мое пятое посещение, когда я уже совсем отчаялся и развернулся, чтобы уйти, мне почудился за спиной тихий голос:

— Самый умный, да? Самый ловкий зверолов во Вселенной?

Я обернулся. Трехног сидел! Он смотрел на меня во все восемь глаз, изогнутые щупальца сложились на голове, как лепестки экзотического цветка. Позже я узнал, что этот жест означает «мои нервы не железные».

— Что? — воскликнул я, возвращаясь к вольеру. — Дважды два?

— Четыре! — проревел трехног. Щупальца яростно хлестали по прутьям клетки. — Пятью пять — двадцать пять!

Теперь уже я схватился за голову и простонал:

— Ты разумен?!

— Я с планеты Чумароз из системы Туманная! Скорее освободи меня, двоечник! И дай какую-нибудь одежду!

Мне и в голову не могло прийти, что передо мной разумное существо, ведь одежды на нем не было и вело оно себя как животное, спасающееся от хищника... Как я потом узнал, измученный жарой Громозека отбился от археологической партии, набрел на озерцо и залез в воду, чтобы освежиться. Купаясь,

он заметил на дальнем берегу озера широкий вход не то в пещеру, не то в нору, наполовину скрытый разросшимися лианами. На своей родине чумарозцы зимуют в норах, впадая в спячку, поэтому Громозека бесстрашно полез в темный лаз. Вскоре в лицо ему ударила струя зловонного дыма, он быстро дал задний ход, успел выскочить и инстинктивно броситься в воды озера прежде, чем дракон успел его поджарить. От огня и страшного драконьего крика он спасался, ныряя в воду.

...Трехног провел у нас на корабле весь следующий день. Я не знал, как загладить свою вину, экипаж подерживал меня, демонстрируя радушие и гостеприимство. Громозека — так звали нашего бывшего пленника, а ныне гостя — оказался отличным парнем, прекрасным собеседником, разве что излишне чувствительным. Ему очень понравились наши зайцы.

Когда Не Бо предложил дорогому гостю полную чайную церемонию по неизменным и древним канонам великолепного Гугуна, Громозека, с ужасом косясь на поднос, словно там лежала очковая змея, отказался и спросил, не найдется ли у доктора валерьяны, капле чотыреста, не больше... И салат. Салата тоже немного, с тазик. Не Бо, конечно же, немедленно исполнил его просьбу, после чего Громозека рассказал нам историю своего отравления зеленым чаем в первый день своего появления в стенах Токийского университета. Оказывается, образование он получил на Земле...

— Но худшей отравы, чем черный чай, я не встречал. Валерьянка! Только валерьянка! — пыхая желтым дымом из ноздрей, от которого мы все принялись кашлять, гремел он. — Прекрасно утоляет жажду и бодрит!

Конечно, нам было интересно, как Громозека оказался на планете и чем он тут занимался.

— Ох, — тяжело вздохнул он. — Эвридика — наша семейная печаль. Мой отец, и дед, и прадед становились археологами только потому, что хотели разгадать тайну, скрывающуюся в ее джунглях. Давным-давно мой прадед Молнизека, пролетая над только что открытой Эвридикой, заметил в той местности, где ты меня нашел¹, необычное строение, очень напоминающее развалины каменного жилища. Как же оно у вас называется? Вспомнил! Замок! В замке были четыре полуразрушенные башни и глубокий колодец... Но найти его так и не смогли, потому что, как только Эвридика возвращается к Финдусу и оттаивает, уже через две недели джунгли становятся непроходимыми. Эта планета — кошмар археолога, на ней невозможно ничего раскопать! Мало того, ее пребывание в краю смерти, то есть в зоне наибольшей удаленности от ее звезды, становится с каждым циклом длиннее. Знаешь, почему? Там по соседству есть черная дыра, которая всасывает в себя все, что к ней приближается: астероиды, маленькие планеты, звездолеты, спутники... И Эвридику она тоже скоро втянет. У меня на этот счет есть своя теория... Я верю, что планету хотят утащить бывшие ее жители, хозяева, живущие теперь в черной дыре.

— А зачем бы им там жить? — спросил я задумчиво. Рассказ Громозеки меня заинтересовал.

— Им не нужно наше общество, вот зачем. И вот этого... — Большая голова-купол Громозеки качнулась в сторону вольера с драконом, — оставили сторожить замок и все, что там спрятано. Ты видел его детские

¹ Громозека никогда не упрекал меня за историю с поимкой и заключением его в клетку, напротив, он как-то признался, что я спас его от бесславной смерти в зубах дракона, и всякий раз использовал самые деликатные выражения: «Где ты меня нашел», «Когда мы познакомились», «В памятный день нашей встречи» и пр. За что я ему крайне признателен.

крылышки? Специально подрезали, чтобы с планеты не улетел!

— Да ты что? — ужаснулся я и тут же спохватился: — Дружище, тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? Зачем так мрачно?

— Мрачно? Ты еще не знаешь всей правды, дорогой космозоолог. Этот огнедышащий страж на Эвридике не единственный. Здесь живет и другой, в три раза крупнее. Большой эвридический дракон. Я его видел сверху, на обзорном экране моего звездолета. Он как раз был в отлучке, занимался обходом владений, поэтому ты с ним не столкнулся. Я тебе больше скажу, друг мой Игорь. Если когда-нибудь все начнут спрашивать, куда подевался тот беспокойный археолог с планеты Чумароз... — Громозека расчувствовался, из глаз полились слезы, из ноздрей выползли две тонкие струйки дыма, — знай, что я не смог противостоять своей заветной мечте... Знаешь, нам, чумарозцам, раз плюнуть впасть в спячку в глубокой-преглубокой норе, укрытой толстым слоем льда... Напротив, мы любим поспать, наше анабиозное состояние может длиться годами.

Я стал догадываться, о чем говорит Громозека, и мне стало очень грустно.

— Неужели ты собираешься улететь от нас на Эвридике в черную дыру? К ее таинственным жителям? Нет-нет, не надо, прошу тебя, ты же все придумал, это фантазии!

Но Громозека оставил без ответа мои слова. Вместо этого он спросил, нельзя ли ему еще раз увидеть дракона. Мы пошли в зоологический отсек. Дракон лежал на полу с закрытыми глазами, раскинув веерами бурые кожистые крылья. Алый гребень стал светлым, почти розовым, на шишковатой голове красовалась пушистая заячья диадема, при нашем появлении засиявшая двумя десятками янтарных глаз. Зайцы добровольно оставались на макушке спящего чудовища, меня это трогало до слез — меня, но не Громозеку.

— Почти во всех мифологиях драконы — хитрые разумные существа, а не просто хищные звери. Говорят, невозможно дружить с драконом, но необходимо считаться с ним как с равным по разуму...

— Ты о чем? — сказал я.

— Смотри. — Громозека громко крикнул дракону: — Дыр-быр-бар-бур!

Дракон открыл глаза. Гребень у него сделался темно-красным, он развернулся и уполз в глубь вольера, в наспех посаженные мной «джунгли».

— Знаешь, что такое «дыр-быр-бар-бур» на древнекосмическом, дружище?

— Нет, что-то не припомню, — честно признался я. — А ведь когда-то я учил древнекосмический, в школе... Факультативно. Мне так стыдно...

— Это было давно, ты вполне мог забыть, — успокоил меня Громозека, — «Дыр-быр-бар-бур» — это «страж без сокровищ».

— И ты думаешь...

— Думаю! — Как всегда в минуту волнения, Громозека пыхнул едким дымом так, что я закашлялся. — О, прости! — Он снова взглянул на дракона. — Охраняйте его получше. Как бы он не завоевал Землю.

В тот же день мы расстались, но через год, к обоюдной радости, снова встретились, уже на Земле. Мы дружим много лет, оба обзавелись семьями, стали профессорами. Каждый раз, бывая у меня в гостях, Громозека обязательно приходит в Космозо и пытается разговаривать с Малым эвридикским драконом, он убежден, что дракон разумен.

И знаете, иногда, если посетителей не слишком много, я тоже прохожу вдоль клеток и тихо бормочу себе под нос, чтобы меня не сочли, гм, как бы это сказать... Я шепчу: «Дважды два? Пятью пять?» И прислушиваюсь — не скажет ли кто из зверей мне вслед: «Эй, зверолов! Самый умный, да?»

МАРИЯ ГИНЗБУРГ

ЧТО СКАЗАЛ МИНЦ

Громозека рассердился.

— Мне это надоело! — вскричал он.

Глаза под прозрачным шаром шлема загорелись.

Он поднял бластер и ударил по дереву парализующим лучом.

Ветви дерева тут же свернулись, желтые цветочки закрылись, дерево начало проваливаться. И на том месте, где оно росло, осталась небольшая кучка пыли, и, если бы Алиса собственными глазами не видела этой сцены, она никогда бы не подумала, что такое возможно. Археологи, за ними Громозека, потом Алиса и ее отец осторожно обошли место, куда спряталось дерево, и поднялись на невысокий холм, вершина которого была изрыта квадратными ямами. Здесь шли раскопки.

Кир Булычев. Лиловый шар

Профессор Селезнев стащил со стола скатерть из яркого разноцветного пластика и принялся отрывать от нее полосу. Пластик хоть и не был рассчитан на подобное варварское обращение, держался стойко и рваться не хотел. Он тянулся в месте разрыва. Однако профессор Селезнев давно прославился в научных кругах своей настойчивостью и терпением в достижении цели. И пластиковая скатерть в итоге сдалась, как сдавались трудные загадки животного мира разных планет. Следующим на очереди был стол. Профессор Селезнев ловко открутил от него тонкую металлическую ножку, попробовал согнуть ее, и остался удовлетворен результатом. Стол опасно накренился, но Селезнев не обратил на это внимания. Он скрутил из оторванной от скатерти полосы тугой

жгут, сделал на конце петлю и закрепил ее на одном из концов ножки. Затем согнул ее, и, удерживая ногами и кряхтя от напряжения, накинул петлю на второй конец.

Издав торжествующий вопль, от которого любой неандерталец забился бы в самый дальний закуток своей пещеры, профессор Селезнев отломал вторую ножку у стола, наложил на скрученную из скатерти тетиву и выстрелил в дальнюю стену комнаты. Стена была прозрачной, и за ней маячили лица, которые жутко раздражали Селезнева. Раздался гулкий стон — Селезнев попал. Не его вина, что стекло было пуленепробиваемым. Для того чтобы разбить его и добраться до белесых червей, что нагло заперли Селезнева здесь, а теперь еще и бесцеремонно тарасились на него, нужно было что-то помощнее лука из ножки-стола и скатерти. Стол, лишенный обеих ножек, рухнул на ногу профессору Селезневу, едва стекло прозвенело — как будто сигнала ждал. Селезнев подскочил, ругаясь и размахивая руками, проскакал на одной ноге по комнате, затем сел на пол, снял ботинок и принялся дуть на пострадавшую ногу.

Вскоре он успокоился; в глазах, устремленных на ботинок, появился так хорошо знакомый бывшим коллегам по лаборатории огонек. Лучшие биологи Земли собрались здесь, на затерянном в океане уютном атолле, — надо было найти противоядие от вируса ненависти, что таился в лиловом шаре, и как можно скорее. Лиловый шар был найден во время экспедиции Селезнева на планету Бродягу. Вскоре она в своем бесконечном странствии по Вселенной должна была снова пройти мимо Земли — и людей к тому времени на Земле не должно было остаться. Лиловый шар существовал отнюдь не в единственном экземпляре; брат-близнец шара, мирно покоившегося в герметическом контейнере в лаборатории, был

спрятан несколько тысяч лет назад где-то на Земле. Жителям Бродяги надоело странствовать по космосу еще несколько тысяч лет назад. Они заминировали Землю с тем расчетом, чтобы на нее, пустынную и обезлюдевшую, можно было бы перебраться в следующий раз, когда их искусственная планета будет пролетать Солнечную систему.

Именно этот огонек горел в глазах Селезнева, когда три дня назад он воскликнул: «Эврика!», а инспектор Йенсен, сидевший за соседним столиком в столовой, неприязненно покосился на него и привычно протянул руку к кобуре, но сдержался. Рядом со своим соседом, хрупким седым психиатром Смитом, швед выглядел как моренный камень рядом с изящной ивой.

Большую часть атолла занимал космодром, расположенный почти точно посередине изогнутого полумесяцем острова. На западном роге полумесяца находились развалины крепости, построенной еще английскими и французскими колонизаторами. Над полуразрушенными башнями нарастили полусферы лабораторий и жилых корпусов, и в крепости разместилась лаборатория по исследованию вируса ненависти. В восточной же части острова находился курорт, на котором после сложного дела отдыхал инспектор Йенсен. Он был старым знакомым психиатра Смита, и тот попросил инспектора выполнить обязанности телохранителя, пока на острове разгуливают эти безумные русские и не менее безумные и агрессивные монстры, прибывшие из глубокого космоса. У себя, на планете Чумароза, Громозека считался одним из первых красавцев, но тонкий вкус англосакса скорее оскорбляло, чем восхищало существо, выглядящее как помесь слона с осьминогом, а при улыбке обнажающее сто великолепных зубов, которым позавидовала бы и акула. К тому же их знакомство началось с того, что Смит назвал Громозеку типичным ма-

ньяком с убийственными наклонностями. Громозека, чтобы разубедить психиатра, привязал Смита к стулу проводами. Селезнев не помогал в этом несложном деле своему другу, но и не мешал ему, и Смит до сих пор посматривал на него косо.

А кричал Селезнев не потому, что был невоспитанным или любил покричать в столовой за обедом, как подумал психиатр Смит, а потому, что Тубаи Ра, талантливый африканский микробиолог, вроде бы нащупал формулу противоядия к вирусу ненависти. Эксперименты на морских свинках дали великолепные результаты, и об этом Тубаи Ра и сообщил Селезневу.

— Поздравляю, коллега! — сказал Селезнев и сел. — Надо немедленно запускать вашу сыворотку в массовое производство! Бродяга, говорят, уже добралась до Юпитера, а надо ведь еще успеть провести вакцинацию всего населения Земли!

— Нет, не надо, — тихо сказал Тубаи Ра. — Я еще не испытывал ее на людях.

Он замолчал.

Для того чтобы испытать противоядие, надо было сначала вдохнуть газ, которым был наполнен лиловый шар, ввести себе вирус ненависти. Кто захочет превратиться в агрессивное, ненавидящее все живое во круг бессмысленное существо, изнемогающее от злобы и ярости?

Селезнев отложил ложку, которой хлебал суп из моллюсков, и сказал:

— Я к вашим услугам, коллега.

— Нет-нет, — испугался Тубаи Ра. — Даже не думайте!

— Кто-то должен это сделать. К тому же я самый бесполезный член нашей команды, — добавил честный Селезнев. — Я зоолог, дружище...

Тубаи Ра замахал на него руками и заставил замолчать.

Ночью профессор Селезнев прокрался к контейнеру с лиловым шаром, извлек шар, а затем заперся в герметически изолированной комнате, где до этого размещали инфицированных морских свинок, горилл и волков.

В спальне его нашли записку: «Я в вас верю».

Но его вера оказалась слишком доверчивой. Шли третьи сутки после того, как Селезневу ввели сыворотку Тубаи. Но поведение профессора не изменилось: он по-прежнему сидел в герметической комнате, куда ему по специальному трубопроводу передавали еду и питье, и мастерил различные орудия убийства, которые с каждой попыткой становились все совершеннее.

* * *

Когда стрела ударилась в стекло прямо перед его лицом, Смит непроизвольно отшатнулся и выругался сквозь зубы.

— Какой ужас, — сказал он инспектору Йенсену, стоявшему рядом с ним.

В голосе психиатра звучало лицемерное сочувствие.

— Для первого выстрела — очень даже неплохо, — возразил флегматичный Йенсен. — Ведь профессор Селезнев, насколько я понимаю, раньше никогда не стрелял из лука?

Смиту не понравился ответ инспектора, и он хотел что-то возразить, но в этот момент он заметил фигуру в алом комбинезоне, стоявшую у стекла неподалеку от них. Алиса негромко всхлипнула и выскользнула прочь из зала наблюдений.

— Бедная девочка, — сказал Йенсен.

Смит промолчал.

* * *

Алиса, захлебываясь слезами, бежала вниз по лестнице. «Папочка, милый папочка», — билось у нее в голове. Девочка с размаху налетела на что-то теплое и мягкое. Это что-то издало недовольный звук. Алиса открыла глаза и увидела профессора Минца. В научном мире он прославился своей разносторонностью: все давалось ему — и химия, и физика, и микробиология. Однако Минц был человеком грузным, неповоротливым и не подготовленным к столкновениям с маленькими девочками.

— Извините, — сказала Алиса.

В ответ профессор чихнул. Мощно, освободительно. У Алисы создалось такое впечатление, что если бы он не успел прикрыться платком, в стене башни появилась бы дыра, как после удачного попадания мортиры.

— Да ладно, что там... Не надо было мне вчера купаться, — озабоченно сказал профессор, когда они вместе продолжили спуск по лестнице.

— Да, вид у вас нездоровый, — вежливо ответила Алиса.

Лицо у Минца было красное, влажное от пота.

— Вы бы полежали, малины бы с аспирином приняли, — продолжала она.

— Некогда мне лежать! Твоего отца спасти надо! А я тут совсем расклеился! — сердясь на себя, воскликнул профессор Минц и топнул ногой. От слабости ли, или по причине плохого зрения, он промахнулся ногой мимо выщербленной ступеньки. Профессор наверняка свалился бы вниз, но Алиса подхватила его и прижала к стене.

— Вы хотите спасти моего отца? — взволнованно воскликнула девочка. — Как?

— Вам, Алиса, я могу открыть опасную тайну, которая не должна стать достоянием корыстных людей

и милитаристских кругов, — торжественно сказал Минц.

— Раскрывайте скорее! — нетерпеливо воскликнула Алиса.

— Я хотел воспользоваться фактом существования параллельных миров, — сообщил профессор.

— А они есть? — удивилась Алиса.

— Есть, и множество, — кивнул Минц. — Но каждый чем-то отличается от нашего. Я обнаружил тот из них, что развивается вместе с нами и различия которого с нашим минимальные.

— То есть существует Земля, — сообразила Алиса, — где есть Громозека, есть я...

— И даже я, — сказал профессор.

Мимо них вверх по лестнице прошел Джон Ошуга, диспетчер космодрома. (Громозека в качестве знакомства привязал его к стулу рядом с психиатром Смитом.) Алиса, как и ее отец, не помогала Громозеке, но молча стояла рядом, и поэтому Ошуга одарил девочку настороженным взглядом. Алиса отпустила профессора Минца, которого от волнения все еще прижимала к стене.

— У вас все в порядке, профессор? — осведомился Ошуга.

— В полном, — откликнулся профессор.

Ошуга продолжил подниматься по лестнице. Алиса провожала его взглядом, Минц тоже молчал, ожидая, пока диспетчер скроется из виду. Ошуга пару раз украдкой обернулся. Его лицо мелькнуло в сумраке лестницы, как серебристое облачко.

— Да что же мы тут стоим, — сообразил Минц. — Здесь неудобно. Пойдемте ко мне, Алиса. Я вам все расскажу.

— Пойдемте, — согласилась Алиса.

Но Минц не дотерпел до своей комнаты и продолжил рассказывать на ходу:

— Параллельный мир, назовем его Земля-два, не совсем точная наша копия. Кое в чем он отличается. И если верить моим расчетам, он движется во времени на месяц впереди нашего. А уж за месяц Тубаи Ра, или Вернер, или даже я наверняка изобретем настоящее противоядие от вируса ненависти!

— А далеко до Земли-два? — спросила Алиса, которая была девочкой сообразительной.

— Этого наука сказать не может, — ответил Минц. — Существование параллельных миров подразумевает многомерность Вселенной. Она изогнута так сложно, что параллельные миры фактически соприкасаются и в то же время отстоят на миллиарды световых лет. Нет, это выше понимания человека!

— Ну, раз выше, то не надо объяснять, — согласилась Алиса.

Они как раз дошли до комнаты профессора и остановились перед дверью. Минц принялся хлопать себя по карманам в поисках ключей.

— Отлежитесь, выздоровейте, а я пока отправлюсь в ваш параллельный мир, поговорю с вами, или с Тубаи, или с Вернером. Может, и в самом деле привезу формулу сыворотки, — заключила Алиса.

От удивления профессор даже выронил ключи, которые с большим трудом извлек из кармана пиджака. Ключи зазвенели на каменной плите пола так, словно были стеклянными и разбились от удара.

— Вы? — закричал Минц так громко, что в их сторону обернулась известная ученая Брюнгильд Тарт — она как раз выходила из своей комнаты. Это была высокая, статная женщина со светлой толстой косой, которой позавидовала бы и валькирия.

— Добрый день, профессор, — любезно сказала Брюнгильд.

В ответ Минц что-то пробормотал. Алиса тем временем подняла ключи, открыла дверь и буквально впихнула профессора внутрь.

— Да, я! — воскликнула она и заперла за ними дверь комнаты.

— Если бы все было так просто... — протянул профессор Минц.

— Вы только что сами рассказали мне, что вы выбрали тот мир, отличия с которым у нас минимальные, — возразила Алиса. — Я перейду в этот параллельный мир, найду вас вот в этой самой комнате, вы поделитесь со мной записями, и я тут же и вернусь.

— Неизвестно, успеешь ли до того, как в том времени взорвется их лиловый шар, — напомнил Минц. — Бродяга должна приблизиться к Земле примерно через сто дней. Жители Бродяги рассчитывали высадиться на планету, которая уже будет безопасна для них, и значит, к тому времени вирус уже должен развеяться в атмосфере. Если и не без следа, то все равно концентрация газа должна упасть до значений, при которых заражение уже невозможно. Сколько времени они заложили на то, чтобы мы уничтожили друг друга? Два месяца — это примерно шестьдесят дней, и ты попадешь в ту точку времени, в которой лиловый шар должен взорваться со дня на день! Если уже не взорвался, — добавил он про себя.

— Придется рискнуть, — сказала Алиса. — Я возьму в нашем корабле мой скафандр и баллоны с чистым воздухом. На два часа их должно хватить.

— Это не детское развлечение, девочка, — продолжал упираться Минц. — Ты полагаешь, что это игра, а на самом деле от путешествия в параллельный мир зависит судьба твоего отца! А может быть, и всего человечества...

Алиса почувствовала, что теряет терпение. Она выпрямилась во весь рост, так что достала макушкой Минцу до плеча.

— Дорогой мой профессор Минц! — сказала она твердо. — Чья гипотеза о планете Бродяга оказалась самой верной?

— Твоя, насколько я знаю из отчетов, — согласился Минц.

— Кто нашел лиловый шар?

— Ты, но совершенно случайно.

— А чей отец сейчас сидит в клетке, как зверь, и мастерит из своего ботинка очередную мини-катапульту?

— Ну... — сказал Минц.

И чихнул. От этого последнего чиха Минц как-то сразу ослабел, ухватился за край стола, но понял, что не удержится на ногах, и сел (точнее, упал) на свою койку.

— А вы все равно не можете идти, вы больны, — закончила Алиса. — Я пошла за скафандром. Встретимся здесь через полчаса.

— Не надо скафандра, — слабым голосом сказал Минц. — Я дам вам фильтры, вставите себе в нос. Легкого защитного комбинезона вполне хватит... и не забудьте бластер.

* * *

Перейти в параллельный мир Алисе предстояло в особой точке, которую вычислил Минц. Находилась она в джунглях, километрах в шести от крепости, на полпути к космодрому. И это было хорошо, потому что переход, как объяснил Минц, сопровождается выбросом энергии, а выбрасывать ее лучше в безлюдном месте, чем среди людей, которых можно повредить. Для перехода надо будет вынуть из чемодана набор ограничителей, похожих на столовые ножи, воткнуть их в землю вокруг себя, затем нажать на кнопку энерготранслятора. Там, в параллельном мире, следует также оградить места входа ограничителями и запомнить место — в другом не перейдешь.

Выслушав инструкции, сложив в рюкзак набор ограничителей, прикрепив к комбинезону маленький энерготранслятор и вставив в нос фильтры, Алиса была готова к походу.

— Учтите, смелая девочка, — сказал Минц. — Перейти может только один человек. Я не смогу прийти к вам на помощь. Но я убежден, что в любом параллельном мире профессор Минц останется таким же профессором Минцем, а Алиса Селезнева — такой же отважной и доброй, как здесь. Так что при любых трудностях обращайтесь ко мне или к себе.

Минц приподнял слабую руку.

— Жду! — сказал он Алисе. — Со щитом, но не на щите.

Алиса вышла, раздумывая над мрачным смыслом исходной поговорки, которую деликатный Минц слегка изменил.

* * *

...В джунглях на шестом километре Алиса отыскала нужное место.

Там Минц уже пометил белой краской два ствола, между которыми надо ставить ограничители.

Алиса открыла рюкзак. В джунглях стоял обычный гомон. Мелкая колибри крутилась около уха Алисы. Девочка расставила ограничители и воткнула их глубже в землю. Потом вошла в круг, нащупала у воротника кнопку на энерготрансляторе и, зажмурившись, нажала на нее.

И тут же ее куда-то понесло, закрутило, она потеряла равновесие и стала падать, ввинчиваясь в пространство.

На самом же деле она никуда не падала, и если бы случайный прохожий увидел ее, то поразился бы высокой девочке в легком защитном комбинезоне, которая отчаянно машет руками, будто идет по проволоке,

но притом не двигается с места. И постепенно растворяется в воздухе.

Когда верчение и дурнота пропали, Алиса открыла глаза.

Путешествие закончилось. А может, и не начиналось. Потому что вокруг стояли такие же шумные, суетливые джунгли и точно так же крутилась у уха настойчивая колибри. Правда, вид у нее был какой-то больной, птичка пошатывалась в воздухе, как истребитель с пробитым крылом.

Откуда-то донеслись выстрелы. Колибри выпустила жало длиной сантиметра два и спикировал на Алису. Жало согнулось, ударившись о комбинезон, но Алиса, хоть и была готова к нападению, вздрогнула.

— Дура, — сказала она колибри.

Колибри еще раз бросилась на Алису, но промахнулась и упала на землю.

В первый момент Алиса подумала, что Минц что-то перемудрил в настройках и транслятор транслировал ее на Бродягу. А затем ей пришла здравая, хотя и мрачная, мысль. Алиса поняла, что она в том самом параллельном мире, о котором говорил Минц. И что здесь лиловый шар, как и опасался профессор, уже взорвался, и вирус ненависти распространился по Земле. Успели ли ученые найти противоядие? Алиса задумчиво посмотрела на колибри. Та в последних судорогах подергивалась на колючей ветке какого-то очень недружелюбно выглядящего куста, обсыпанного ярко-желтыми цветочками. Вдруг ветка зашевелилась, обхватила птичку и поволокла в зубастый рот, который раскрылся в середине тонкого ствола. «Но даже если успели, — подумала Алиса, чтобы ободрить себя, — им не хватило времени, чтобы вакцинировать еще и зверей». Она сожгла бластером куст, потянувшийся было к ней. Не так давно Алисе казалось это интересным: стоять, сжимая в руке бластер,

на опасной планете под искусственным солнцем, да не просто стоять, а пускать бластер в ход! Это было даже более захватывающе, чем обычные экспедиции с отцом в поисках зверей с других планет. Тогда, на Бродяге, когда под лучом ее бластера падали серебряные змеи и ядовитые медведи, все ее предыдущие путешествия казались Алисе скучными, пресными, слишком уж спокойными и безопасными. Алиса еще подумала, что вот было бы здорово, если бы все ее путешествия были такими, как на Бродяге, — бегаешь, стреляешь, находишь топорики с украшенными рубинами рукоятками...

Остальные деревья вокруг полянки — или это были не деревья вовсе? — сразу как-то притихли и прикинулись совершенно безобидными представителями флоры. Алиса огляделась — да, и блестящие ограничители исчезли. Алиса пометила точку перехода ограничителями, нанесла отметки специальной краской на деревья и двинулась обратно, к крепости.

Но она не дошла.

За ней увязалось чудовище, похожее на крокодила, одного из тех, что обычно мирно дремали в пойме речушки, пересекавшей джунгли прихотливым зигзагом. Обычно крокодилы были ленивы и нелюбознательны; они провожали людей настороженными, но в целом равнодушными взглядами. А этот оказался любознательным и к тому же голодным. Алиса сначала даже не поняла, что зверь следует за ней. Но треск в джунглях и топот тяжелых ног, настойчиво приближавшийся, не оставлял сомнений, что данный конкретный крокодил решил свести с Алисой близкое знакомство. Она не хотела жечь крокодила — в конце концов, он всего лишь жертва бесчеловечного эксперимента, поставленного на Земле жестокими жителями Бродяги. Алиса решила вскарабкаться на скалу, которая находилась чуть в стороне от тро-

пинки, укрыться там в небольшой пещере, которую она нашла как-то во время прогулок по окрестностям лаборатории. Алиса не видела входа в пещеру за буйным сплетением лиан и кустов, но примерно помнила, где он должен находиться. Если эта пещера имелась в родном мире Алисы, значит, скорее всего, она была и здесь. Надо было просто немного подождать. Нюх у крокодилов не очень хороший, и потеряв из виду жертву, он, скорее всего, потеряет и интерес к ней и найдет себе другое занятие.

Алиса глазами отыскивала несколько выступов в стене и поставила ногу на первый. Первые метры она поднималась уверенно, цепляясь за подворачивающиеся кусты, но тут везение прекратилось. Ни одного выступа, ни одной трещины. Только острolistый кустик в метре над головой. И по-прежнему никакого намека на вход в пещеру.

Алиса посмотрела вниз. Конечно, крокодил уже стоял у подножия обрыва и внимательно наблюдал за каждым ее движением. Теперь Алиса заметила, что у него высокие ноги, а не маленькие, как у обычных земных крокодилов. Если бы чудовище сообразило встать на задние лапы, оно могло бы без труда уцепиться за ногу Алисы и стащить ее вниз. Алиса же ничем помешать чудовищу не могла, потому что с трудом балансировала на носках, распластавшись по стене. С сожалением Алиса прицелилась в крокодила.

Заметив, как Алиса старается оторвать руку с бластером от скалы, чудовище сжалось на мгновение и, распрямившись пружиной, прыгнуло! Этот прыжок и разрешил все Алисины трудности. От испуга она взлетела вверх и вцепилась в кусты. Они подались под ее весом, и Алиса буквально вкатилась в пещеру — они как раз закрывали вход в нее.

С минуту Алиса неподвижно лежала у входа в пещеру, прислушиваясь, как оскорбленно рычит чу-

довище у подножия скалы. Ей вспомнился похожий случай, произошедший с ней на Бродяге, и она опять засомневалась. Туда ли ее послал Минц? Это легко можно было проверить. На Бродяге она таким образом очутилась в подземном бастиионе последних людей. А что ее ждало здесь?

Алиса поднялась на ноги. В полумраке пещеры щелкнул затвор.

В отличие от Бродяги, где в убежище осталось только оружие, которое люди не успели использовать, здесь находился кто-то, кто умел им пользоваться.

— Ни с места, — сказал очень знакомый голос.

— Капитан Йенсен? — удивилась Алиса.

Глаза ее уже привыкли к полумраку. Девочка увидела людей. Они сидели тесным кружком на полу пещеры. Алиса узнала Брюнгильд по светлой косе — та буквально светилась в полумраке, но не успела разглядеть остальных. Кто-то страшно захрипел.

— Профессор Минц! — воскликнул кто-то, и Алиса узнала и этого человека — это был диспетчер космодрома Ошуга.

В темноте забегали, засуетились, уронили что-то тяжелое, а человек все хрипел и пытался что-то сказать, и слышать это было страшно... Но страшнее всего была тишина, что наступила потом.

— Почему я не выучился на хирурга, — изломанным, почти неузнаваемым голосом произнес профессор Смит.

Алиса все еще стояла у входа в пещеру. Она ощутила бесконечное опустошение. Все было напрасно. Если кто и разработал противоядие, то это, должно быть, Минц. Но судя по всему, он не успел применить сыворотку, да и поделиться формулами уже не мог. Правда, еще оставались Тубаи Ра и Вернер. Надо было найти их. «Если они еще живы, — в отчаянии подумала Алиса. — Да что тут у них происходит?»

— Алиса, — окликнул ее Йенсен. — Проходите. Как вам удалось удрать от этих живодеров?

— Каких живодеров? — машинально спросила Алиса.

Она прошла в глубь пещеры и уселась рядом с остальными.

— Ну, этих, которые остались на биостанции, — ответил Йенсен, присаживаясь рядом с девочкой. — Вернер, Тубай... — он замялся.

Правда оказалась горше, чем Алиса могла себе представить.

И тут она поняла причину заминки Йенсена.

— Мой отец... — в тон капитану произнесла она.

— Да, — согласился Йенсен.

Алиса собралась с мыслями. И решила, что про живодеров уточнять пока не будет. Что она просто не хочет этого.

— Я не та Алиса, которую вы знаете, — сказала она.

К ее удивлению, Смит рассмеялся в ответ на ее слова.

— Мы здесь все уже совсем не те, кем были раньше, — сказал он.

— Не в этом смысле, — сказала Алиса. — Есть множество параллельных, почти одинаковых миров.

Она запнулась, припоминая объяснения профессора, и вдруг с ужасом подумала, что ей никто не поверит. Но перед ней, в полумраке пещеры, все-таки сидели лучшие умы планеты — точнее, те из них, кто еще выжил.

— А, так у вас там то же, что и у нас, — догадалась Брюнгильд. — Ты хотела спастись, девочка? Вы думали, что у нас тут лучше?

На этот раз засмеялся не только Смит, но и Ошуга.

— Перестаньте, — одернул их Йенсен. — Это невежливо.

— Нет, — сказала Алиса. — Вы движетесь во времени немного впереди нас. Профессор Минц был уве-

рен, что он или... кто-нибудь другой... успеет создать противоядие от вируса ненависти. И он послал меня за формулами.

На этот раз никто не смеялся.

— Мы бы очень хотели помочь тебе, Алиса-из-параллельного-мира. Ты славная девочка, и в нашем мире ты была такой, — очень мягко сказала Брюнгильд. — Но...

— Я уже поняла, — печально ответила Алиса.

— Минц не успел, — сказал Смит. — Никто не успел. И теперь они сидят в крепости, и...

— Не надо, — перебил его Йенсен. — Девочка и так уже всяких ужасов насмотрелась.

— Ничего! — возразил Смит с неожиданной яростью. — У себя дома она еще и не такое увидит! Пусть привыкает!

— Что делают те, кто остался в крепости? — сама не зная зачем, спросила Алиса.

— Минц не успел изобрести противоядие, — сказал Ошуга. — Но он снабдил нас фильтрами. Мы не заразились, когда лиловый шар взорвался. А некоторые ученые не успели воспользоваться фильтрами.

— Хватит ее щадить! — взорвался Смит. — Не «не успели», а «не захотели»! Это все Вернер! Я всегда подозревал в нем социопатические наклонности! Он говорил, что естественная агрессия в нашем мире слишком репрессирована воспитанием, что эти пришельцы с Бродяги, сами того не зная, не гибель несли нам, а освобождение! Что мы слишком скучно, слишком сладко, слишком безопасно живем! Что в нас убивают естественный дух конкуренции, что...

— В общем, он говорил многое, — перебила его Брюнгильд.

Алиса молчала, втянув голову в плечи. А ведь она сама недавно думала так же, как Вернер. Это бу-

дет весело — вот что она думала. Бегать, стрелять... И ни о чем не думать. И только кишки веером!

Чужие. Всегда чужие кишки веером. Не свои и не кишки друзей. Алиса непроизвольно посмотрела в ту сторону, где лежало то, что еще недавно было профессором Минцем. Его тело было какой-то странной формы и слишком маленьким для того, чтобы принадлежать человеку. «Ноги, — вдруг поняла Алиса. — У него нет ног, и...»

Она запретила себе вглядываться в полумрак дальше.

— Но когда половина из этих горе-ученых поубивала вторую половину, выжившие поняли, что ошиблись, — продолжал Ошуга. — Сыворотки нет и в нашем мире, ни у Вернера, ни у Тубаи. И они принялись ловить нас, тех, кто не заразился.

— Зачем? — тупо спросила Алиса.

Это было слишком много для нее.

— Они переливают себе чистую кровь, — просто ответил Ошуга. — Они думают так спасти себя.

Алиса припомнила все, что знала о вирусе ненависти. Он был неизлечим в первую очередь потому, что необратимо менял клетки организма. Смысл сыворотки, которую придумал Тубаи, как раз и заключался в том, что она должна была блокировать эту способность вируса, и он должен был оставаться только в крови. Лейкоциты должны были рано или поздно убить вирус в крови, оптимистично предположил Тубаи, и человек должен был выздороветь.

— Но им это не поможет, — в тон ее мыслям произнес Йенсен. — Мое последнее дело было аналогичным. Вирус уже повредил клетки их мозга, всего тела... Они просто оттягивают свой неотвратимый и мучительный конец. Но при этом губят еще и нас.

— Понятно, — сказала Алиса.

Она поднялась на ноги.

— Спасибо вам, — сказала она. — Я, пожалуй, пойду.

Девочка направилась к выходу из пещеры. Сзади выжившие негромко обменялись какими-то фразами.

— Алиса, подожди, мы тебя проводим, — окликнула ее Брюнгильд.

— Если это недалеко, — сказал Смит нервно.

— Мы здесь сидели только из-за... в общем, мы теперь можем идти, — добавил Ошуга.

— Да и нам надо сменить место дислокации, пока нас не выследили, — сказал Йенсен.

— Спасибо, — сказала Алиса.

* * *

Группка ученых, которым удалось избежать заражения, не любила передвигаться по земной поверхности, по крайней мере днем; пещера, в которой они обосновались, была одним из разветвленных подземных ходов, начинавшихся в крепости. Раньше или позже оставшиеся в лаборатории обезумевшие ученые должны были сообразить, что беглецы скрываются если у них не под самым носом, то прямо под ногами. Насколько поняла Алиса из обрывков разговоров, Йенсен и другие с самого начала собирались пробраться на космодром, сесть в «Чумарозу», забытую в карантине, и улететь с Земли. Однако профессор Минц был тяжело ранен, и друзья скрывались в подземельях, ожидая, пока он поправится... или пока он не поправится.

Систему переходов обнаружил Ошуга, задолго до того, как лиловый шар взорвался. Теперь Джон вел своих товарищей сквозь затхлый мрак залов и нестерпимую вонь полузатопленных коридоров. Ошуга, хоть и работал диспетчером космодрома, с детства увлекался спелеотуризмом и выучил все подземные коридоры как свои пять пальцев еще до того, как в развалинах разместили лабораторию. «А ведь здесь теперь так будут говорить, — подумала Алиса, осторожно

ступая среди грязи вслед за психиатром Смитом. — До Взрыва Лилового Шара, три года спустя после Взрыва Лилового Шара... Как раньше археологи говорили — *«третий век до нашей эры»*. Да и у нас, наверное, будет так же...» Алиса неожиданно поняла, что ее мысль означает и то, что будет кому отсчитывать время от случившейся катастрофы, и приободрилась.

Небольшая группка, состоявшая из Йенсена, Смита, Ошуги, Алисы и Брюнгильд Тарт, долго шла по коридорам. Они изгибались и вливались друг в друга — черные коридоры, узкие желобы, по которым приходилось скатываться, как с детской горки, лестницы, приводившие в комнаты и залы, по углам которых валялись ржавые остатки еще французских достижений.

— Так где эти колонизаторы собирались жить — в крепости или под ней? — отдуваясь, спросила Алиса.

— Тогда так строили, — ответил Йенсен.

Узкая лестница привела их на поверхность. Снаружи выход из подземелья скрывали буйно разросшиеся кусты. Осторожно раздвинув ветки перед лицом, Йенсен внимательно осмотрел поляну.

— Вроде чисто, — сказал капитан. — Выходим.

И первым вышел в сияющий, душный тропический полдень. Остальные последовали за ним. Вскоре небольшая группка оказалась на дороге к космодрому. Алиса огляделась и поняла, что до точки перехода минут пять пути. Путешественники двинулись через джунгли. Шли молча, чтобы не привлекать излишнего внимания, и только бесшумные вспышки бластеров, которыми люди снимали кровожадных колибри и сжигали хищные деревья, отмечали их путь. Вскоре Алиса заметила две серебристые метки на деревьях, которые сама же и нанесла. Она тихонько стукнула капитана Йенсена по плечу, привлекая внимание, указала на метки и помахала рукой в том смысле, что я,

мол, пойду. Капитан кивнул, Брюнгильд обняла Алису на прощание.

— Удачи тебе, — сказала она. — Может, вашему миру повезет больше нашего.

Алиса сошла с дороги и направилась к отмеченным деревьям. Она уже видела серебристые головки ограничителей, выглядывающие из травы, как глаза какого-нибудь чудовищного паука, когда земля у нее под ногами зашевелилась. Алиса закричала, стремительно поехала куда-то вниз на спине. Во все стороны взметнулись зеленые обрывки лиан.

Это были не ограничители. Это и были глаза огромного паука, закопавшегося в стороне от дороги и терпеливо ожидавшего добычу. Паук поднялся из своего тайника, могучий и грозный, как ночной кошмар первых — и, судя по всему, и последних — людей. Его острые зазубренные жвалы источали мутный яд. Засверкали вспышки бластеров, Йенсен отрывисто выкрикивал какие-то команды. Паук загорелся. Удушливый вонючий дым пополз на Алису, она закашлялась.

К уже знакомым голосам Йенсена, Ошуги и Тарт тем временем присоединились какие-то чужие. Грубые и торжествующие.

— Алиса, уходи оттуда! — в ужасе закричал Смит.

Алиса пыталась выкарабкаться из ямы-ловушки, которую паук успел вырыть за время ее краткого отсутствия и даже замаскировать сверху ветвями и листьями. Но влажная, рыхлая почва осыпалась у нее под руками, и Алису неумолимо тащило все ниже, к пауку — он уже не горел, но все еще дымился. Девочка вцепилась в торчащий из земли корень, попробовала вскарабкаться вверх, но он изогнулся под тяжестью ее тела.

В этот момент раздался пронзительный свист. За краткий миг он перешел в вой, а затем на Алису обрушился грохот, горящие ветки, комья земли и ошметки паука. Девочку подбросило в воздух, а затем,

что удивительно, уронило обратно на землю. Алиса ударилась так сильно, что на мгновение задохнулась от боли. У нее потемнело в глазах. Когда она проморгалась, то увидела, что лежит рядом с поваленным деревом, а с другой стороны ствола на нее лезет огромная, уродливая тварь — восемь щупальцев, слоновьи лапы, оранжево-черная пятнистая шкура, три бластера и один меч. С обнаженных акульих зубов твари хлопьями падала слюна. Алиса поняла, что погибла. Но без сопротивления, без боя она не сдастся. Она вскинула бластер и выстрелила. Раздался короткий рев, и огромная туша тяжело повалилась прямо на девочку со ствола. Алиса едва успела откатиться в сторону.

Она вскочила на ноги, дрожа, все еще держа тварь на мушке...

И поняла, что подстрелила Громозеку.

Алиса опустила бластер, губы ее задрожали. Из покореженных джунглей выбрался Йенсен, встал рядом с Алисой. На и без того запачканной форме капитана прибавилось дыр и черных пятен.

— Но так нельзя! — всхлипывая, простонала Алиса. — Нельзя убивать! Уговаривать надо, объяснять, убеждать! Не стрелять же!

Йенсен пожал плечами. Из разорванных, оскверненных зарослей с разных сторон появились Ошуга и Брюнгильд Тарт. Они двинулись к Алисе и капитану, осторожно обходя трупы в разноцветных комбинезонах. Алиса узнала Вернера в теле, у которого не хватало правой половины; из разрыва свисали обугленные ошметки кишок.

— Они рыскали в джунглях, как гончие смерти, — сказала Брюнгильд. — И, услышав крики Алисы и наши, тут же прибежали.

Алиса была не в силах отвести взгляда от Громозеки. Милый, добрый, вспыльчивый Громозека! Старый друг и товарищ! «И я убила его, — твердила Алиса,

и слова скатывались бессмысленным перезвоном звуков. — Я убила Громозеку».

— Громозека заразился одним из первых, — сочувствуя, сказал Йенсен. — Он не стал бы тебя слушать, даже если бы ты попыталась поговорить с ним. Он превратился в хищную, злобную тварь, которая ненавидит землян. Видимо, какие-то очень древние инстинкты, биологическая программа уничтожения тех, кто выглядит иначе, всех чужих... Громозека бы посмеялся над тобой. Ты нашла самый лучший способ убеждения, — Йенсен кивнул на бластер в руках Алисы. — Самый лучший и эффективный аргумент, одинаково действенный во все времена.

— Нет, — обливаясь слезами, простонала Алиса. — Нет! Я так хотела... я думала так, как вы... но больше не хочу!

Йенсен положил руку ей на плечо:

— Но теперь ты вернешься домой, где у вас все по-другому.

Алиса вытерла слезы:

— Не вернусь.

— Почему? — удивился Йенсен.

— Точка перехода была здесь, — сказала Алиса.

Она махнула рукой вперед и вниз — в пасть воронки, из которой курилась к небесам струйка черного дыма.

Подошли Ошуга и Брюнгильд.

— Что это было? — глядя на воронку, спросила Брюнгильд.

— Ручная противопехотная ракетная установка, видимо, — ответил Йенсен.

Ошуга вздрогнул, покачал головой:

— Этой дряни еще не хватало. Она же очень тяжелая, как...

Ошуга осекся и посмотрел на поверженного Громозеку — триста двадцать килограммов мощных мышц и навсегда уже усмиренной ярости.

— Откуда они ее взяли? — спросил Ошуга.

— На биостанции остались лучшие умы Земли, — заметила Брюнгильд. — Они изобрели ее заново, подумаешь, делов-то.

Йенсен задумчиво глядел туда, куда показала Алиса, и словно и не слышал разговора товарищей. Нечего было и думать лезть под завал и искать там место соприкосновения двух миров среди обугленных зазубренных жвал, обломков стволов — и, кто знает, кто уже успел подкопаться к этой воронке из-под земли?

— Может, стоит попробовать в каком-нибудь другом месте? — спросил капитан.

Алиса отрицательно покачала головой:

— Точка перехода в наш мир существует только одна. Существовала, то есть.

— Ну и ладно, — сказала Брюнгильд миролюбиво. — Оставайся с нами.

— Придется, — сказала Алиса.

Оглушенная взрывом и убийством, она испытывала странное безразличие ко всему. Если бы не спутники, она бы сейчас села, наверное, на землю, и вряд ли заметила бы даже, как особо шустрое дерево принялось бы ее пожирать.

Йенсен вопросительно посмотрел на Брюнгильд. Она чуть заметно отрицательно качнула головой.

— Надо двигаться дальше, — сказал Йенсен. — А то мы не успеем добраться на космодром до темноты.

Люди двинулись через джунгли. Йенсен очень быстро понял, что главную ошибку они совершили тогда, когда сошли с дороги, чтобы помочь Алисе в ее неравной схватке с пауком. Казалось бы, всего-то метров пятьдесят, но обратного пути на дорогу друзья уже не смогли найти. Проплутав некоторое время по джунглям, компания совершенно неожиданно для себя вышла на берег лагуны. Солнце уже коснулось своим краем океана и воспламенило его. Это означало,

что ночь вот-вот рухнет на Землю как самодельный снаряд из заново изобретенной ракетной установки.

Алиса без сил опустилась на песок. Рядом с ней присела Брюнгильд Тарт. Ошуга принялся собирать плавник для костра. Йенсен достал из своей сумки банку консервов.

— Идти ночью по джунглям — это очень большой и бессмысленный риск, — сказал капитан. — Заночуем здесь. Тоже риск, но меньший.

Алиса только теперь заметила, что психиатра Смита с ними нет. А ведь это его голос крикнул ей: «Спасайся!», перед тем как Громозека выстрелил из своей ручной ракетной установки. Алиса не могла уже даже плакать. Она прислонилась головой к груди Брюнгильд, и та обняла ее.

Ошуга развел костер. Йенсен согрел на нем единственную оставшуюся банку консервов, и ее разделили по-братски. Алиса очень проголодалась во время этой беготни по джунглям. Пережевывая тушенку, девочка внезапно подумала, что если бы Смит остался жив, ее доля еды была бы меньше. Эта мысль была очень спокойная, черная, чужая и словно бы попала в голову Алисы по ошибке. Но в то же время Алиса понимала, что теперь к ней часто будут приходить такие мысли. Пора было привыкать.

На темном небе появились звезды — крупные, яркие, как и всегда вблизи экватора. Однако вскоре в западной части неба появилась еще одна звезда, которая быстро затмила все остальные. Она двигалась. Алиса машинально следила за источником холодного, зловещего голубого сияния.

— А что с моим папой? — спросила она.

— Профессор Селезнев тоже остался на станции, — осторожно ответил Йенсен.

— Понятно, — сказала Алиса. — Я почему-то так и подумала. И отлично себя там чувствует, наверное.

Она вздохнула:

— Жаль все-таки, что не удалось поговорить с профессором Минцем.

— Ты была последней, кого он видел, — заметила Брюнгильд. — Я тогда держала ему голову, и мне показалось, что сначала он обрадовался, а потом... — Она потерла висок, пытаясь унять головную боль. — Потом он сказал...

— Что он сказал? — переспросила Алиса.

— «Я ошибся», — вспомнила Брюнгильд. — Да. «Я ошибся» — вот что он сказал.

У Алисы почему-то закололо ноги. Так бывает, когда долго посидишь. Она встала, чтобы размяться, сделала несколько шагов по песку. Рядом сонно дышал океан.

— Брюнгильд, — сказала она. — А что случилось с моим двойником? С Алисой вашего мира?

— Ну, — сказала Брюнгильд. — Твой отец вызвался помочь Тубаи опробовать сыворотку — еще до того, как это все началось. Он специально заразился.

— Да, Тубаи был против, — вставил Ошуга. — Он был еще не до конца уверен...

— Сыворотка не помогла, — продолжала Брюнгильд. — Наша Алиса очень расстраивалась, а через некоторое время она уехала домой, к маме. Я не знаю, где она живет, да теперь это уже и неважно.

— А кто, — очень ровным голосом спросила Алиса, — кто сказал, что я уехала домой, к маме?

— Профессор Минц, — ответил Ошуга. — Я видел, они с нашей Алисой незадолго до ее отъезда о чем-то шептались на лестнице.

Алиса расхохоталась.

— Нет! — закричала она. — Нет! Я так не могу. Пусть я никогда не вернусь домой! Но знать, что я убила моего Громозеку, что вот *это* все и есть... — конец фразы потонул в сбивчивом шепоте.

Алиса вытащила фильтры из носа.

Алиса вдохнула соленый, тяжелый от влажности морской воздух. У нее слегка закружилась голова. Она закрыла глаза, ожидая, как черный водоворот ненависти подхватит ее, закружит и унесет, утопив в своих пылающих глубинах все горести и печали Алисы — и ее саму...

— А девочка права, — раздался голос Йенсена. — Как же мы забыли!

Алиса открыла глаза. Йенсен уже вытащил фильтры из носа, как и Брюнгильд. А вот Ошуга все еще возился со своими.

— В чем я права? — спросила Алиса.

— Это — Бродяга, — подняв к серебристой звезде грязный палец с обгрызенным ногтем, сказал Ошуга. — Минц как-то рассчитал, что когда она появится в небе, фильтры можно будет снять. Ну, они будут больше уже не нужны.

Бывший диспетчер космодрома бросил свои фильтры в костер. Пламя ответило ему россыпью искорок.

— Мы пережили это, — сказал Ошуга. — Даже не верится. Как, интересно, это назовут потом? Неделя Мрака? Час Затмения?

— Я тут книжку читал, — сказал Йенсен. — Еще до того, как это все началось. Там очень похожее описано. Она называется...

Алиса легла на песок рядом с Брюнгильд, прижалась к ее теплому боку и тут же, словно в ее голове кто-то выключил свет, заснула. Перед тем как окончательно провалиться в теплую черноту, она вдруг в безумной надежде подумала, что это все был сон, жуткий и нелепый, и когда она проснется, все будет по-прежнему, папа будет здоровым и веселым, и Громозека будет живым...

Но она знала, что этому не суждено случиться. И что когда она откроет глаза, рядом с ней будут Брюнгильд, Ошуга, Йенсен. И океан, безразличный, изменчивый, вечный.

МАКСИМ ХОРСУН

ПАПА НАВСЕГДА!

...наша мама строит дома, и при-
том часто на других планетах.

Кир Булычев.

Девочка, с которой ничего не случится

Алиса была на кухне: возилась с тестом под трансляцию футбольного матча на кубок Галактического сектора. Старенький космовизор надрывался на предельной громкости, и Алиса не услышала, что я вернулся домой.

— Муки маловато, — заметил я, бросив взгляд на клейкую биомассу, расплзающуюся по столешнице.

— Все делаю по рецепту, — сухо отозвалась Алиса, и я понял, что настроение у нее прескверное.

— А что это будет?

— Вареники.

— С чем?

Алиса бросила тесто, вытерла руки о передник, повернулась ко мне. Лоб, нос и подбородок — в муке. Губы сжаты, глаза блестят. Кулаки уперты в бока.

— Почему мама остановилась у Бригитты?

Я потянулся к космовизору и прикрутил громкость.

— Ты же знаешь, что мама и тетя Бригитта — лучшие подружки. Они не виделись больше года.

— Немного странно, что женщина, вернувшись из космоса, первым делом спешит к подружке, а не к мужу и не к ребенку. Ты не находишь?

Безусловно, Алиса была права. В другое время я бы отшутился, мол, с каких это пор ты называешь себя ребенком, а окрестности Сатурна — космосом? Но на душе у меня скребли кошки, и благодушие,

на которое я себя настраивал несколько дней кряду, вдруг стало стремительно улечучиваться.

— Ты готовишь ужин для мамы?

— Да.

— Мама не будет есть вареники на ночь. Ей дорога фигура.

Алиса кивнула.

— Я это упустила. Что ж, так даже проще. Подай, пожалуйста, пакет для мусора. Соберу в него тесто, пока оно не затопило кухню и мы не захлебнулись в нем, как в гринпинской трясине.

Зазвонил видеофон, на экране высветился британский номер. А вот и Кира...

— Селезнев! — моя супруга выглядела взволнованной и экзальтированной. Она нервно улыбалась, ее щечки трогательно розовели, как бывало всегда, когда Кира позволяла себе бокал-другой красного игристого мускадора. — Небритый! — укорила она меня. — А кто это там? — Она прищурилась. — Алиска!

— Мам, привет, — Алиса подошла к видеофону, помахала перед камерой испачканной мукой ладошкой.

— А я думаю, что это за барышня орудует на моей кухне! Алиска! — Кира прыснула. — А почему на тебе эта мальчиговая рубашка... Эти джинсы... Алиска! У тебя ведь точь-в-точь моя фигура! Ты не имеешь права скрывать ее под бесформенной одеждой!

— Мне так удобно, мам, — отозвалась Алиса.

— Удобно ей... — снова усмехнулась Кира. — Слишком мало времени я проводила с тобой. И вообще, — что ты в этот час делаешь на кухне? Почему ты не на танцах с ребятами? Ну, да ничего: скоро все изменится!

— Меняться начнет уже сегодня? — поинтересовался я.

— Что? — Кира нахмурилась. — Нет, не сегодня. Я останусь у Бригитты, у меня здесь свои планы,

к тому же над Ла-Маншем гроза, прямые рейсы в Москву отменили...

Рядом с Кирой рассмеялись. Чуть осипший от крепких сигарет хохот писательницы Бригитты Гейл я узнал сразу; ему вторил гулкий, басовитый смех мужчины, несомненно, обладающего богатырским объемом грудной клетки.

Кира оглянулась, сделала неопределенный жест, затем снова перевела взгляд на нас.

— Так, друзья мои. Мне говорить не с руки. Всех целую, не скучайте!

Экран погас. Мы с Алисой переглянулись.

— Друзья? — Алиса подняла брови. — Мило.

На следующий день я работал дома: писал статью для «Вестника космозоологии». Но дело шло ни шатко ни валко. Перед внутренним взором была не мышечная механика склиссов, а письмо заместителя главного архитектора «Титанстроя», моей жены, которое пришло по космонету дней десять назад.

«Игорь! — написала она. — Так дальше продолжаться не может. Надо что-то решать. Все, что происходит с нами, превратилось в вялотекущую болезнь. Пора выздороветь и позволить себе жить полной жизнью. Я покупаю билеты, чтобы быть в следующую среду на Земле. Нас ждет серьезный разговор».

Клацнул дверной замок. В прихожую вошла Кира. Я поспешил ее встретить.

— Что за запах у вас здесь, Селезнев... — она поморщилась, тряхнула плечами, скидывая красную курточку из кожаменителя. — Ты хоть иногда проветриваешь квартиру?

— Иногда, — я решил держать дистанцию. — Не метан. Не аммиак. Непривычно в первое время, да?

Кира заглянула на кухню.

— А где Поля? — спросила она строго.

— Поля сломался, — мне не очень хотелось вдаваться в подробности и рассказывать о том, как мой совсем сбрендивший с годами домашний робот устроил переполох и чуть было не угнал машину времени. Поля вбил в голову, что, вернувшись в прошлое, он сможет устранить мнимые недоработки в собственной конструкции, которые якобы мешают ему сегодня стать человеком, и заодно — почетным членом клуба нумизматов. Бедолагу пришлось деактивировать, но я сохранил Полин жесткий диск, ведь на нем хранилось множество рецептов, полезных советов по ведению домашнего хозяйства, и еще его можно было использовать вместо пресс-папье.

— Как сломался? — опешила Кира. — Это был мамин подарок на нашу свадьбу! Сломался! — она приотпнула. — И что, отремонтировать — никак?

Я развел руками. Дескать, никак.

— Вот поэтому, — Кира наставила на меня указательный палец; блеснуло новенькое кольцо из солнечного янтаря: вещества, которым по весне сочатся ядра тяжелых звезд, — я от тебя ухожу... Ну; точнее, не только поэтому, — поправилась она. — Просто так не может продолжаться дальше, понимаешь?

Я понимал. Но у меня в тот момент все еще была иная точка зрения.

— Может, ты прописала нам неверное лекарство? И вместо того, чтобы уйти от меня, тебе следует прийти ко мне? Пожить со мной и дочерью хотя бы какое-то время, не срываясь с места. Хотя бы месяц.

Кира вздохнула.

— Помнишь, когда мы только поженились... Ты пропадал в далеком космосе. Ты занимался своей карьерой космозоолога, ты жил работой и скакал, как кузнечик, с планеты на планету. А я сидела с маленькой Алиской на руках в душной квартире в компании Поли и тряслась, что тебя на Эвридике мог сожрать

какой-нибудь Малый дракончик. Помнишь, ты обещал: придет время, и я смогу заняться собой? Кажется, все справедливо. Сейчас — мое время. Вселенная любит равновесие.

— То, что ты говоришь, не лишено смысла... — положи для убедительности руку на сердце, начал я.

Кира перебила:

— Потому что я права. И не стоит забывать обо всех твоих аспирантках, студентках, ассистентках. Не жил же ты эти годы монахом... — она подошла к зеркалу, поправила прическу. — Как, собственно, и я никогда не жила монахиней.

Я зашел в свой кабинет, посмотрел на недописанную статью, бездумно поправил занавески. Затем вернулся в прихожую, где до сих пор стояла, не разуваясь и не проходя в комнаты, Кира.

— Похоже, время обмена нотами и упреками прошло. Значит, хочешь развестись?

— Да, — ответила она, глядя в зеркало. — Так будет лучше. Для нас с тобой и для Алисы. Ты только посмотри, во что ты ее превратил. Ее не отличить от мальчика.

А вот это было неожиданно.

— Что ты имеешь в виду — лучше для Алисы?

— Я заберу ее на Титан, — Кира повернулась ко мне, с легкой опаской заглянула в глаза, словно ожидала бурю негодования, и договорила: — Понимаю, что вы довольно близки, но дочь должна жить с матерью.

— Я воспитываю Алису с пяти лет... ты называешь это — «довольно близки»?

— Не цепляйся к словам, — Кира прошлась по прихожей туда-сюда. — Я подготовила справку, Алису готова принять Первая гимназия имени Гагарина, это лучшая школа в окрестностях Сатурна. Вот, — Кира достала из сумочки старомодный бланк. Протянула

сначала мне, но, передумав, положила на полочку возле зеркала.

— Гм... я бы предпочел, чтобы Алиса осталась со мной.

— А вот это исключено! — глаза Киры сверкнули.

— Но почему? Пусть все остается по-прежнему! Подправим себе семейное положение и будет. Зачем срывать с места Алису?

— Странное предложение! Мы не склисы, мы — люди, дорогой профессор. Алиса — моя дочь, и я хочу, чтоб она жила со мной. Неоправданно долго я полагалась в ее воспитании на тебя. Даже не знаю, возможно ли что-то еще исправить...

— Чем же ты недовольна? — изумился я. — Алиса — прекрасная спортсменка, она отважная, решительная. Учится хорошо, и у нее много друзей во всей Галактике.

— Вчера на кухне я видела зверька с мальчишеской стрижкой, в мальчишеской рубашонке и с запачканной мукой физиономией. Алиса — девушка, а ты растишь межзвездного авантюриста. Зачем? Чтоб она сгинула на какой-нибудь неисследованной планете? В очередном никому не нужном приключении?

— Что ж... — я отступил; я всегда отступал под напором Киры, такая вот у меня слабость. — Алиса скоро вернется, у нее семь уроков сегодня. И наша принцесса со вчерашнего дня не в духе. Я, конечно, не синоптик, но берусь предсказать, что будут гром и молнии.

— Вот, я так и предполагала. Поэтому знаешь что? Сделай-ка одолжение, введи ее в курс дела сам, — Кира отступила к дверям. — А я вернусь, когда перестанет штормить, и поговорю с ней, как женщина с женщиной.

Я хмыкнул.

— Не лучше ли будет, если мы побеседуем с дочерью вместе?

— Не-а, — Кира опустила взгляд. — Во-первых, я не одна, как ты понимаешь, приехала в Москву, и человек уже заждался во флаере, — Кира быстро взглянула на меня из-под ресниц. — Во-вторых, ты же — мужчина и справишься с таким сложным делом, как разговор с ребенком, прожившим с тобой под одной крышей восемь лет.

— Девять, — машинально поправил я.

— Тем более.

Она потянулась к дверной ручке.

— Как ты вообще? — запоздало спросил я. — Здоровье? Работа?

— Нормально, — бросила Кира. — Сдали новый терминал для сжиженных газов.

— А что случилось с мечтой возводить дворцы?

— Дворцов в Солнечной системе больше, чем общественных туалетов. Мы давно построили светлое настоящее, но чтобы его сияние не угасло, нам нужны нефть, газ, радиоактивные руды и все остальное по списку! — сказала Кира и выскользнула за порог.

В прихожей остался сладковатый запах ее духов.

Незнакомых духов уже чужой женщины.

Алиса выросла.

Остались в прошлом невероятные, почти сказочные приключения. Хочется надеяться, что эти девять лет были не самыми худшими в ее жизни. На следующем этапе рядом с ней пойдет другой, но столь же родной человек. Ну, так получилось. Ну, не как у всех... Что теперь поделать?

Жизнь течет...

— Пап, я не голодна.

Алиса пронеслась мимо, успев на ходу чмокнуть меня в небритую щеку. Бросила портфель на диван, вбежала в свою комнату, захлопнула дверь.

— Переоденусь и убегу, — торопливо сообщила она, гремя ящиками комода. — Погоняю с Гераскиным над Яузой, у него новый мотофлаер — тот фиолетово-черный, с золотыми стрелами, я тебе его показывала, помнишь?

Я помнил. Алиса как-то подвела меня к витрине «Спорттоваров» и призналась, что страстно влюблена в эту бескрылую стрекозу. «И без шанса на взаимность», — пошутил тогда я, поскольку не одобрял увлечение дочери высокими скоростями.

— Ты чем-то расстроен? — Алиса вышла из комнаты. Она надела черную футболку с какой-то рок-звездой, узкие джинсы, кожаную куртку. — Это из-за мамы, да? Ну, не огорчайся, ты ведь знаешь, она сумасбродка. — Алиса внимательно поглядела на меня. — Слушай, а давай я никуда не пойду? Лучше приготовлю для тебя вареников с вишней. На этот раз у меня все получится, вот увидишь.

Я через силу рассмеялся.

— Ну что ты такое говоришь! Беги, развлекайся. У меня все хорошо, только статья не пишется.

— М-да, мне кажется, кто-то слишком много работает, — глубокомысленно заметила Алиса.

Когда она ушла, я поступил не мудрствуя лукаво: откупорил бутылку «Алазанской долины», наполнил бокал, подсел к видеофону. Вывел на экран список контактов, поглядел, кто из ребят сейчас в Солнечной системе. Зеленый на Луне, а Громозека — на Меркурии. Полоскова в Сети нет, и очень жаль. Или в глубоком космосе Геннадий, или сидит в «невидимости» и не желает, чтоб его беспокоили.

Я выбрал режим конференции.

— Друзья, обрадовать вас нечем... — так начал я разговор. — Мы с Кирой решили развестись.

— Я знал, что все это добром не кончится, — пробубнил в бороду Зеленый. — Как только ты сообщил,

что Киру пригласили проектировать культурный центр на Палладе, мне стало ясно, что ваш брак обречен.

— Невероятно! Я решительно не понимаю человеческих женщин! — вспыхнул Громозека; из-за запоздывания сигнала он включился в беседу последним. — Муж — профессор! Директор самого известного в Галактике зоопарка! Квартира в лучшем городе на Земле! Умница дочь! Ну чего ей еще не хватает?! Я сейчас же отправлюсь на Титан, в эту ледяную клоаку Вселенной, без меня вы с проблемами не разберетесь.

— Перестань, Громозека... — отмахнулся я. — К тому же мы с Кирой сейчас в Москве, а не на Титане.

— Что думаешь делать? — поинтересовался Зеленый. — Девочке на Титан категорически нельзя. Там она, как пить дать, зачахнет, не спасете.

— Селезнев, не говори мне «перестань»! — возмутился Громозека. — У меня четверо детей! Я больше иных понимаю, что значит жить ради потомства!

— Ребята, у нас здесь консилиум, — я постучал утратившим значение обручальным кольцом по бокалу. — Мне нужны конструктивные предложения.

Зеленый принялся наматывать бороду на палец, Громозека выпустил из ноздрей облако дыма и на какое-то время исчез за грязно-желтой мглой.

— Ищи адвоката, — наконец изрек Зеленый. — Ты вряд ли найдешь подходящего, но попытка не пытка. Тяжба предстоит долгая и изматывающая. Запасись валидолом, хотя не думаю, что таблетки помогут.

— Какая тяжба? — не понял я. — Я не намерен судиться с Кирой. Мы — разумные люди, мы сможем договориться.

— Ты собираешься оставить Алису или нет? — удивился Зеленый. — На твоём месте я бы хорошо подумал. Если Кире понадобятся дети, она родит себе еще. И будет счастлива. А ты — нет. Ты вряд ли сможешь

жениться еще раз, потому что немолод, а еще ты давно разучился распускать павлиний хвост перед женщинами. Тебя ждет одинокая и, скорее всего, короткая старость.

Честно говоря, мне и в голову не приходило такое развитие событий. С одной стороны, профессор космозоологии, с другой — один из самых талантливых и успешных архитекторов Солнечной системы, и вот они не могут поделить дочь? Позор моим сединам!

— В некоторых дикарских племенах Чумароза до сих пор сохранился обычай поедать потомство, — проговорил Громозека сквозь серию помех, вызванных Солнцем. — Чтобы генофонд не достался конкурирующему племени.

— Не думаю, что я имею моральное право отбierać Алису у Кире, — вздохнул я. — Мать есть мать. И Кира никогда не была плохой матерью. А еще Алиса очень на нее похожа. У Алисы ведь чрезвычайно развитая интуиция. Да, она мыслит не структурированно, как я, она мыслит как Кира, как художник.

— ...а на Блуке воспитанием потомства занимаются исключительно носители игрек-хромосомы, — продолжал Громозека. — После того как маленький блуканец появляется на свет, заботу о нем берет на себя один из мужей альфа-самки. И можно найти массу других примеров и аналогий. Я путешествую, я много повидал! Ты имеешь столько же прав на Алису, сколько их имеет Кира! Так что не раскисай, я сейчас же брошу экспедицию, брошу студентов, прилечу к тебе, и мы вместе что-нибудь решим.

— Ребята, по-моему, это верх эгоизма: пытаться разлучить ребенка с матерью только на том основании, что я привык видеть Алису рядом с собой. — Я пригубил вина, не заметив его вкуса. — Боюсь, что в таком случае мы с Кирой станем врагами и еще я постоянно буду чувствовать себя виноватым.

— Ладно, — буркнул Зеленый. — Вижу, ты намерен сдаться без боя. И я, если честно, этому рад. Зачем тратить время и силы, все равно — толку никакого, только здоровье надорвешь. Отключусь, с твоего позволения. У меня два генератора на верстаке: роторы искрят, сальники горят, — на таком железе «Пегас» никогда не взлетит.

— Эх, рвануть бы в другую галактику, — я потянулся, кресло подо мной закрипело. — Подальше от этой дилеммы.

— О-о, — протянул Зеленый. — Профессор, настоящие проблемы у тебя впереди, пока ты только одним глазком взглянул на ад через замочную скважину. Если честно, не хотел бы я оказаться на твоём месте, когда начнется долгая московская зима и все сожаления встанут перед тобой стеной. Смотри, не расшиби об нее лоб! — сказав это, он повесил трубку.

Громозека всхлипнул. Теперь, когда дымовая завеса между моим другом и камерой видеофона поредела, стало видно, что Громозека плачет.

— Камни стираются в пыль, луны отдаляются от планет, звезды стареют и взрываются, галактики ускоряются, дети растут, семьи рушатся. Угораздило нас родиться в самой нестабильной из всех Вселенных!.. — он аккуратно утер глаза кончиком щупальца и попросил жалобно: — Побудь на проводе, а я раздобуду в аптеке валерьянку.

Он действительно вернулся быстро. Его щупальце оббивало наполненную до краев литровую банку.

— Селезнев, — Громозека чокнулся с камерой видеофона. — А ты спроси Алису, и поступи так, как она скажет. В намечающемся противостоянии дочь — твой главный союзник!

Я нашел Алису на крыше. Она сидела на парапете, свесив ноги. Глядела на закат, который отражался в зеркальной облицовке многоэтажек. Неподалеку

кружил милицейский флаер, патрульных поведение подростка, болтающего ножками на высоте, настораживало, но приближаться они не рисковали: а вдруг испугается и спрыгнет?

Было довольно холодно, поэтому я захватил для дочери ее кожаную куртку. Уселся рядом с ней, снял на всякий случай очки, чтоб они не сорвались с носа и не брякнулись на асфальт, пролетев метров двести. Помахал милиционерам, мол, все в порядке, отправляйтесь ловить хулиганов.

Алиса не стала надевать куртку, положила ее на колени.

— Привыкаю к холоду, — буркнула она и отвернулась.

— Совсем не нужно идти на такие жертвы... Давай я еще раз переговорю с твоей мамой... — начал было я, осознавая, что польза от этих неловких фраз равна нулю. Алиса, кстати, понимала это так же отчетливо, как и я. Ее было не провести.

— Я не хочу на Титан, папа, — Алиса ударила ладонью по парапету. — Там жуткий мороз, и в школу нужно ходить в асбестовом скафандре, иначе превратишься в ледяную статую. Там солнце размером с ноготь на мизинце. Там все провоняло сырой нефтью и аммиаком.

— Да, не самое приветливое место в Солнечной системе, — не стал спорить я.

— Я не могу сказать, что не скучаю по маме, — сказала Алиса. — Наверное, мне ее не хватает даже больше, чем я позволяю себе показывать. Это ведь моя мама.

Я приобнял Алису за плечи.

— Только она же упрямая, как я, — сказала Алиса, глядя перед собой. — Она — борец и всегда добивается своего. Пап, я ведь не хочу, чтобы она тебя затакала по судам.

— Ну что ты навывдумывала... Какие суды...

— И знаешь еще что? — на ее ресницах заблестели слезы, отражая закатный багрянец. — Космические пираты пугали меня меньше, чем то, что происходит сейчас. Этот вечерний воздух... — она глубоко вздохнула. — Этот привычный пейзаж... Как будто декорации, за которыми прячется что-то исключительно злое. Похоже, это мое самое страшное приключение. Я ощущаю, что выхода нет, и эта предопределенность меня выводит из себя!

«Интуиция... — подумал я. — Вклад Киры...»

Случилось так, как предчувствовал Зеленый.

Я не устаю удивляться прозорливости и житейской мудрости этого дублированного всеми солнечными ветрами механизма.

У меня испортились отношения с коллегами на кафедре, студенты стали откровенно посмеиваться надо мной за рассеянность и вечно хмурый вид. У меня осталась одна отрада — «Космозоо». Мне казалось, что лишь многочисленные и порой страховидные животные, родившиеся за сотни и тысячи световых лет от Земли, понимают меня и даже сочувствуют. В тесном директорском кабинете я проводил свободное время, писал статьи и научные доклады, читал курсовые и контрольные работы. Домой возвращался обычно затемно. Принимал душ, пил чай и отправлялся на боковую, часто не расстеляя кровать: засыпал под пледом в домашней одежде.

...В тот вечер сеял мелкий дождь, и я шел домой топорливым шагом, не глядя по сторонам. Возле подъезда я обернулся: неподалеку с громогласным ревом стартовал мотофлаер новой модели. Я успел заметить фиолетовую бескрылую стрекозу, подсвеченную габаритными огнями, прежде чем она растворилась в дождевой мгле.

В прихожей на коврике стояли туфли-лодочки на низком каблуке. Московский дождь не успел смыть с них

серебристую лунную пыль. В тот миг я ощутил себя подопытным в Институте Времени. Меня словно вернули в прошлое. И в этом континууме квартира не встречала меня уже ставшими привычными темнотой и тишиной. В этом континууме продолжалась жизнь.

Алиса была на кухне: делала начинку для пиццы. Моя дочь очень вытянулась и повзрослела. Она отпустила волосы, в свете лампы их каре нежно золотилось.

— Вот так сюрприз! — улыбнулся я, раскрывая объятия.

Алиса на миг прижалась ко мне, и мы обменялись поцелуями.

— А ты потолстел, — заметила она.

— Как же я рад тебя видеть! Но каким образом... Как ты добралась?

— Пешком дошла, — рассмеялась Алиса, снова принимаясь за готовку. — Нет! — она подняла указательный палец. — Долетела автостопом на попутных кораблях! — и, видя, что я все еще в растерянности, снизошла до объяснения: — Пап, летние каникулы еще никто не отменял!

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Ты тут же сядешь в машину времени и отправишься узнать, когда ты умрешь. И узнаешь, что ты умрешь, потому что упадешь с десятого этажа. Тогда ты на тот год уедешь в деревню, где нет десятого этажа, и получишь, что ты вроде бы умрешь, а вовсе и не умрешь. А если ты не умрешь, то будешь жива.

Кир Булычев. Сто лет тому вперед

Сегодня самый счастливый день в моей жизни. И это так очень странно. Потому что проклятушая майна Мускина...

Впрочем, майна — это потом. А сперва день, если честно, скорее заладился. У меня со вчера были припасены лупины, ну, картофельные очистки, а дети, как рассвело, удачно нарвали крапивы. Короче говоря, не то чтобы пир, но голод испугался и отполз — аж на три шага, может, даже на четыре.

Потом я сел немножко шить, а остальные, кто был в доме, разошлись. Миша и Евель, как обычно, пошли к проволоке, надеясь попасть в колонны, на работу в город. Лидочка тоже, хотя ей, пожалуй, не стоило. Прочие — кто куда, и мои ребятишки тоже. Только Баритон остался, но от него уже давно проку не было никакого; ну, пусть лежит себе. Дрова он вряд ли добудет, воду принести — разве что в ложечке, а у проволоки ему тем более делать нечего.

А потом по улице прошел Флюгер. Вернее, так: сперва по улицам на двести метров прошла тишина и страх — в общем, все, кто мог и кто поумнее, попрятались; я тоже не дурак, поэтому, когда тишина сменилась Флюгером как таковым, меня уже видно не было. Даже в щелочку не выглядывал, потому что Флюгер свое прозвище недаром заработал: идет и головой вертит туда-сюда, все подмечает... длинный, тощий, чуть ли не плоский, как лист жести... Сам-то он руки марать избегает, но при нем всегда двое полицаев, а сзади еще пара-тройка «оперативников» с палками и плетями, сильно приотстав, чтоб самим под взгляд не подставляться: им боязно, а Флюгеру, надо полагать, тошно. В общем, улица как вымерла, вот только старику Мускину деться некуда: у него, считается, только вечером барак, днем же — мастерская для фахарбайтеров. Это с самого начала были слезы, а не мастерская, когда же их стали колоннами в город водить — тем паче. Но дверь должна быть настезь и сам Мускин в наличии, на рабочем месте.

Они туда и зашли, то есть Флюгер с полицией. К счастью для старика, не по его душе. Кажется, просто постоять немного в тени, солнце и вправду жарило. Мускина не то что не тронули, а даже турнули прочь; другой бы рад был без памяти, но он, как позже рассказал, знай трясся от страха за свою майну.

Вообще-то было за что. Во-вторых, птичка действительно совсем необычная: уж не знаю, как старик ее заполучил, но это случилось годом раньше войны — и за этот год к нему трижды приезжали ее торговать, причем издалека, любители денежные и завзятые. Всех старик спроваживал, причем последнего, самого упорного, с превеликим криком. С таким, что, едва спровадив, сильно задумался — и временно передал птичку своему двоюродному племяннику, тоже на всю голову ушибленному касательно всяких там попугайчиков, попугаев, попугаищ, канареек и прочих щеглов. Как в воду глядел: через неделю явился представитель зоопарка, причем даже не Минского, а Московского, с бумажкой и очень серьезной печатью. Ну так Мускин просто показал ему старого облезлого какаду и со смехом рассказал, как ему надоели доморощенные знатоки — но товарищ-то ученый, в отличие от них, конечно, знает, что никакой аргентинской майны нет в природе? Тот посмотрел на попугая и согласился: да, аргентинской майны нет и, во всяком случае, это не она.

Но все это во-вторых. Во-первых же, майну в гетто держать было нельзя. Вообще никого нельзя: ни кошек, ни собак. Оно, по сложившейся голодухе, может, даже правильно: Мускин за свою майну прямо-таки умирал, а чем уж кормил ее, я даже и не знаю. Как бы там ни было, клетки с птицами ему сюда взять не разрешили. Вообще ни единой. А о домашнем имуществе, если без птичек, он как-то вовсе не подумал.

Пришел, все видели, даже без котомки, совершенно пустой и с пустым взглядом, лег и замолчал. Так, наверно, и помер бы, слова не проронив, однако на следующий день майна уже была с ним.

Говорит, сама прилетела.

Сегодня ему повезло еще раз. Флюгер пробыл в мастерской, наверно, минут десять, о чем-то говорил с полицияями (во всяком случае, старший из них пару раз орал: «Яволь, герр оберштурмфюрер!»), но потом они так и вышли, не заметив птицы. А ведь она там сидела на верстаке открыто.

Может, подумали, что это чучело. Тут в домах и бараках самое странное барахло порой встречается: люди — они дуреют, когда им говорят, что надо собрать все вещи в двадцать четыре часа и чтоб не больше двух баулов ручной клади.

В общем, сейчас Флюгер никакого особого зла не сотворил. Даже странно. Правда, уже возле Старого рынка, почти на выходе из гетто, встретили на улице какого-то парня с двумя полешками и женщину, к которой и вовсе не за что было прицепиться, ну так им повод и не нужен; заставили танцевать до упаду, а потом забили. Но это было потом. Кроме того, грех сетовать: обычно во время такого прохода пятерых-шестерых убивают, иной раз до десятка.

В общем, к тому времени как мы помаленьку выбираемся из убежищ, Мускин уже обнаружил, что его птица в порядке. Вынес ее на солнышко, говорит с ней как с ребенком, а она сидит у него на руке комком взъерошенных перьев, большущая, но без веса совсем, и вялая с голодухи, не шевелится. Ничего странного, что ее за чучело приняли. Кто бы меня принял, когда срок придет...

Само собой, беспокоюсь насчет Сонечки и Юрчика. Остается только утешать себя тем, что Соня девочка умная, да и ушли они вроде бы к трамвайному депо,

а Флюгер явился с другой стороны. Но сердце, конечно, не на месте.

Тут как раз проходит Шнеерзон-биндюжник и рассказывает о том, что случилось возле рынка. Мне сразу и полегчало, хоть стыдись этого, хоть нет. Снова вынес на свет материал, сижу, шью.

Шнеерзон — он тоже «оперативник», но не сволочь: да, есть в юденрате и такие, хотя вы, может, не поверите. Целых три с половиной человека, считая за полтора собственно Шнеерзона. Потому и вступил в службу: человеку его роста без пайка сразу смерть. А он, значит, решил, чтоб не сразу.

Шью. К вечеру закончить надо: при лучине работать — не те у меня глаза.

Яков из дома напротив тоже садится, где светло, но спиной ко мне, раскладывает что-то перед собой. Начал было ковыряться, потом тревожно зыркнул на меня через плечо, собрал то, с чем возился, — и ушел. Нужен он мне. Смех и грех: Яшеньке нечего кушать, однако он сам умрет с голоду и маму свою заморит, но будет собирать приемник. Ну, может, и соберешь ты. Дальше что?

И тут вдруг у меня прямо над ухом как заговорит Флюгер!

Вскакиваю и вытягиваюсь, как при переключке на апельплаце, хотя и понимаю, что мертвец уже. Оглядываться в таких случаях нельзя, бежать, если уже не успел, еще хуже: умереть можно по-разному, это все давно усвоили.

— Яволь, герр оберштурмфюрер! — орет полицей, тоже почти над ухом. Да что же это такое, не может ведь быть, с неба они, что ли, свалились?!

С минуту стою дурак дураком, только понимаю, что жив еще. Потом осознаю, что старик Мускин, ни на что внимания не обращаая, со своей майной возится. Потом...

Потом опять Флюгер что-то говорит. То есть не просто немец, а именно Флюгер, у него говор совсем особенный, это тоже все, кто слышал его и после этого случайно остался жив, знают твердо. Понимать его давно уже никто не пытается. Кажется, и немцы тоже.

— Яволь, герр обер-штурм-фюрер! — снова орет полицай, неизвестно откуда, но тоже, конечно, ничего не понимая. В голосе его старательность и страх.

— Он говорит: «Смотри-ка, у этой птицы два клюва, — надтреснутый голос у меня за спиной. — Ну надо же, затейники!»

Что ж, раз все сошли с ума, то и мне можно. Медленно оборачиваюсь.

* * *

За моим плечом стоит Баритон — жуткий, как труп, осунувшийся, заросший и взлохмаченный. А больше ничего там жуткого нет, начиная, конечно, с Флюгера.

Поворачиваюсь снова. Да, ни эсэсмана, ни полицая. Стало быть, это говорит...

Ну надо же! Нет, я знал, конечно, что бывают говорящие птицы, даже видел-слышал их — хоть бы и у того же Мускина, он самых разных попугаев держал. Тот какаду, которого он вместо майны своей выставил, правда, не говорил, но умел звенеть, как дверной колокольчик, и лаял; а вот другие иной раз еще как болтали. Но всегда было понятно, птица это говорит или человек.

А майну старик вообще не очень выставлял на общее обозрение. Хотя майны, помнится, тоже из говорящих. Но вроде не как попугаи, а... как вороны, допустим.

И вот только не надо морочить мне голову: *так* ни одна нормальная птица не сумеет. Даже если это сверхпопугай, всем попугаям попугай, который запо-

минает сколько угодно слов, притом сразу. Разве что он числится в СС и носит в кубарях две звезды-ромба с одной полосой. Или если...

Так что такого затейного, значит, в этом «чучеле»?

— А второй раз? — с любопытством спрашивает у меня из-под руки Сонечка — и я, увидев ее живой, здоровенькой, с Юрчиком рядышком, совершенно забываю про всех птиц, сколько их есть в мире.

— ...Второй раз он приказал «Ывану» взять чучело с собой, но потом раздумал, потому что ему сейчас в фельдкомендатуру. Сказал, послезавтра возьмет. Когда... кажется, «когда уже все чисто будет».

Значит, когда все будет чисто.

Я отвожу взгляд, чтобы не встретиться глазами с Сонечкой. А поскольку смотреть все-таки куда-то надо, то почему бы мне снова не уставиться на майну, чем она хуже любого другого.

Между прочим...

То есть все мы сейчас не те, что до гетто. Я ее прежде видел лишь мельком, но, кажется, это было что-то гораздо более яркое, подвижное, в короне золотистых перьев. И шумное, хотя не помню, говорящее ли. От короны остался тусклый венчик, подвижность пропала вместе с шумливостью, но... два от этого не превращается в один. И наоборот тоже.

Птица сидит, нахохлившись, утопив клюв в грязно-белом оперении на груди. Оба клюва. Это, положим, видно только, если приглядеться, а у всех, кроме Флюгера, доселе находились более важные заботы.

Ага, конечно, в Аргентине если майны и водятся, то именно такие. Люди там, надо думать, тоже о двух головах, трава из железа, а лето ночью.

В этот самый миг птица слегка встряхивается, раскрывает правый клюв — и в воздухе снова звучит голос Флюгера. На сей раз распевный, даже ласковый. И я опять вздрагиваю — хотя чего уж теперь, — по-

тому что все знают, в такие минуты Флюгер страшнее всего.

— А сейчас этот попугай говорит: «Что глазами лупаешь, славянская свинья? — невозмутимо переводит Баритон. Ему-то чего вздрагивать, он совсем мало понимает насчет вокруг: будто только вчера в гетто попал или, наоборот, много лет тут прожить собирается. — Думаешь, тебе не скоро? Верно, не скоро. Но туда же».

— Яволь, герр оберштурмфюрер! — истошно выкрикнула майна полицейским голосом. Можете смеяться, но это она сделала через другой клюв, левый. Однако не менее по-человечески: слышно было, как полицей сопит и задыхается, как от натуги у него выходит нечто вроде «Яволь-хэр обэр-штурм-фюрэр!», как, пискнув горлом, он замирает на последнем звуке... И как птица, повернув голову набок, правым клювом издает нечто вроде досадливо-раздраженного хмыканья. А потом из обоих ее клювов вылетают звуки, в точности напоминающие шум шагов, скрип и хлопок закрывающейся двери...

— Он сказал... — начинает было Баритон, но Мушкин, выставив перед собой свободную от майны руку, останавливает его:

— Не надо. Лучше объясните, на каком языке он говорил.

— Думал, что на немецком, — Баритон равнодушно пожимает плечами.

Старику остается только вздохнуть:

— Не он, а он. Хэр обэр-фюрэр.

— А-а, — и тут Баритон впервые по-настоящему оживает. — Миттель-байориш. Даже не каждый баварец легко поймет, тем более не каждый австрияк. Немцам вообще тяжело. Трудней, чем идишь разобрать.

— А вы как его поняли, дяденька? — Соня смотрит на него округлившимися глазами, говорит шепотом.

— Я, чтоб вы все знали, там учился! — Баритон вдруг распрямляется и выпячивает грудь. — И выступал! У меня там ангажемент был! Король Амфортас из «Парсифаля». Хоть кто-то здесь представляет, что это такое, когда на ди Байрейтер-фестшпиле исполняешь арию... А, да что тут говорить...

Кажется, Баритон хочет махнуть рукой, но то ли раздумал, то ли даже на это силы не хватило. Из него как воздух выпустили. Снова ссутулясь и волоча ноги, побрел обратно в дом.

Несколько секунд мы все смотрим ему вслед. М-да. Ангажемент, значит.

* * *

Певец-то он, между прочим, настоящий. Был, во всяком случае. Еще перед тем, как согнать в гетто, нас пять суток продержали под Щегольниками, прямо на колхозном поле, огороженном канатом... может, вправду стоило тогда ночью махнуть через канат, даже несмотря на собак и пулеметы, ведь и силы еще были, по крайней мере первые двое суток... Ладно. Ну так вот, а потом подъехал автомобиль и оттуда в рупор объявили: немецкая власть — культурная власть, поэтому ей даже среди евреев требуются специалисты, люди интеллигентных профессий. Ну и отдельно работники требуются, особенно квалифицированные, но и неквалифицированные тоже. Поэтому все — к уголовной вышке на сортировку, там будут две колонны выстраивать. Инженеры, врачи, архитекторы, юристы, артисты, художники — направо, мастеровые — налево.

Я, признаюсь, сообразил сразу, но сам себе не поверил. Поэтому тянул до последнего и почти ни с кем своими мыслями не поделился, ну, может, десятку человек шепнул. Они тоже сомневались, потому вместе со мной в колонну мастеровых пошла где-то половина. Трое, кто дожил, сейчас здесь.

И вот вижу — к голове «интеллигентной» колонны подходит Баритон. То есть тогда его еще так не называли, просто он сразу про себя сказал: я, мол, баритон. Там сортировкой распоряжался какой-то молодой немец, в сером военном, не в черном — так он от смеха прямо пополам согнулся: ах, баритон? а ну-ка покажи, на что способен! Тот и запел. У немца сразу будто соображение отключилось, и конвойные вокруг словно онемели. Да что там они: мы, все кто был на том поле, тоже... заслушались — не заслушались, а, вернее сказать, как исчезли. То есть, наоборот, все остальное исчезло: канат, вышки по углам, лай овчарок, направленные на нас автоматы... страх, голодуха, запахи этого поля... Только пение осталось. Только голос.

Не знаю уж, была это та самая ария Амфортаса или что иное.

Когда певец умолк, немцы какое-то время еще стояли обалдело, с распахнутыми ртами. Потом тот молодой посмотрел на конвоиров — и они вдруг разом бурно засуетились. Очень злобно заругались, как залаяли, в тычки вышибли Баритона из «интеллигентной» колонны и с бранью запихнули в толпу работяг.

Он до сих пор думает, что это они ему так мстили: как неарийцу, покусившемуся на их святое. Смешно, аж хоть плачь. Просвещать его никто не стал, за чем уж... А вот иначе, чем Баритоном, тоже никто с тех пор не зовет. Хотя он больше не пел ни разу, а сейчас и вовсе давно уже без голоса остался.

— Дядя Элик, — Сонечка дергает меня за рукав (я ей никакой не дядя, но это объяснять слишком долго, да и незачем), — я вот почти полную сумку щенок набрала и еще целых два куска угля.

— Молодец, золотко мое. Отнеси к печке.

Отнесла, но тут же вернулась. Смотрит на меня повзрослому, губки поджимает, хмурится.

— Дядечка Элик, — говорит деловито. — Я думаю, все-таки надо попробовать решить вопрос с Юрой.

— Ох, солнышко... И как же его можно решить?

(Четырехлетний Юрик — русский мальчик. Действительно русский, не по документам: их-то как раз нет. Каким образом он оказался на попечении сперва Сониных родителей, а потом ее самой — это отдельная история, еще более долгая. И опять же: оно вам надо, у вас что, своего горя мало?)

— Да-да, я помню, — отвечает она торопливо, — что так, как я хотела, не получится. И как я второй раз хотела — тоже нельзя, ты мне объяснил. Но вот сегодня подумала: может быть, через юденрат? Там ведь несколько отделов, и не во всех звери. Есть же у них отдел документов...

— Паспортный. Но туда как раз совсем нельзя. И сам не пойду, и тебя, солнышко, не пущу, уж ты извини.

— Ладно, туда пойти нельзя. А куда можно?

— Ох, деточка, ну и вопрос... Так, чтобы потом вернуться — в принципе, наверно, в отдел труда можно. Или в отдел опеки. В пожарный как бы тоже, но по этому делу нам туда ведь не надо, нет?

Сонечка легко соглашается:

— Туда — не надо. А вот в те, что ты назвал — давай сходим, а? Прямо сейчас. Я, ты и Юрик. Ну, можно только я с ним.

— Нет уж, золотко, не можно, — говорю. — Ладно, допустим, пришли. Все рассказали, показали мальчика. Дальше что?

Тут мы оба покосились на Юру — и заговорили тише, словно он мог нас услышать и понять.

— Как что? Эти из отдела — они ведь должны все сразу сообщить немцам?

— Обязаны. И?

— Вот! — радуется Соня. — А немцы сделают запрос. Это же совсем-совсем просто и совсем ря-

дом, даже в Минск ехать не надо. А там в... жилищном управлении, да? — должны остаться документы на Юриковых маму с папой. И его самого тоже, наверно, узнают. Соседи же должны помнить! Ну, он сейчас, конечно, не такой, как год назад, — но ведь ему же три было, не младенчик. Меня в три года все в нашем дворе узнали бы.

...Первый раз она хотела прямо и честно подойти с этим делом к Готтенбаху, ну, к гестаповцу, он полгода назад по гетто часто ходил, вот так же, как Флюгер, а штучка была еще похуже Флюгера. Потом исчез, наверно, перевели куда-то. (У нас в ту пору очень много шутили, иначе хоть вешайся — вот и я, было дело, сострил, что его с работы за зверства выгнали. И буквально-таки через неделю обнаружил, что эту хохму все пересказывают как не мою, а вдобавок очень старую, с бородой.) Второй раз Сонечка еще наивней план придумала, даже неохота рассказывать. Все-таки в одиннадцать лет человек еще ребенок. Даже здесь.

А вот что ей ответить на этот раз, я как-то сразу сообразить не могу. В замешательстве смотрю на Мушкина.

Старик качает головой.

— Видишь ли... — он несколько секунд выбирает слово — и наконец останавливается на самом старорежимном, — барышня, — совсем не умеет с детьми говорить: у Сонечки от изумления глаза округляются. — Да, наверно, это сделать нетрудно. Навести справки, отыскать запись в домовый книге, если она уцелела — вполне могла и нет... Опросить соседей. Ну и прочее. И будь эти... — старик снова ненадолго запинаясь, будто опять не уверен в слове, — люди очень заинтересованы в том, чтобы спасти русских мальчиков, прямо-таки жить без этого не могли — то да, сделали бы все прямо сегодня и с дорогой душой. Но... ты ведь о них так не думаешь?

Девочка опускает взгляд.

— Дальше, — продолжает Мускин. — Мальчик этот, извини, не говорит. И, как я знаю, не слышит. Так?

— Он все понимает! — горячо вступается Соня. — Он очень умный, он даже буквы разбирает — ну, некоторые — и жесты знает тоже, он...

— Что ты это МНЕ рассказываешь? Ты это ИМ расскажи! Но я понимаю, ты понимаешь, дядя Элик понимает — даже слушать не станут. А насчет таких детей, да и взрослых, кажется, у них есть... В общем, какая-то инструкция. Совсем плохая. И нация тут, что еще хуже, даже ни при чем.

Соня некоторое время молчит, потом, взяв мальчика за руку, ведет его в дом.

Мы со стариком продолжаем сидеть на улице. Я шью, он бездумно гладит птицу.

Я не выдерживаю первым:

— Что скажете, Мускин?

— Ой, с вами теперь таки секретничать не буду, Горелик, — отвечает он с таким местечковым акцентом, которого я от него в жизни не слыхивал. — Да, чтобы эта... это называлось «аргентинская майна» — такого я на самом деле не знаю. И вообще не знаю, как оно называется, хотя в птицах, как вы понимаете, слегка умею разбираться... правда, больше в таких, у которых только один клюв. Вы спросите, откуда она у меня взялась? — Я даже и не думал спрашивать. — Так вот, будете смеяться, — тоже и в мыслях не было, — как-то раз я обнаружил ее сидящей у себя в зоологическом магазине. Даже более того — прямо в клетке, самой большой. Пустой, правда, и с открытой дверцей. Из-под совы. Помните мою сову, Горелик, бородатую неясуть? Ах да, вы же недавно местный — а вот все тутошние ребята помнят, и ваша девочка, безусловно, тоже, хотя сколько там ей было

в ту пору. Только один раз нам привезли такую роскошь, на нее, как в зоосад, ходили смотреть. Ну вот купили ее, а клетка в витрине осталась. И, представьте, в этой самой клетке...

— Мускин. Я не о том.

— ...Все перепробовал, — продолжает, не слушая меня, старик, хотя он свою месячную норму разговоров уже выполнил и сейчас идет на превышение плана. — Представьте, вынужден был остановиться на такой диете, которая скорее кошачья. Белый хлеб и молоко. Полезно также давать шиповниковый сироп. Здесь с этим, конечно, некоторые проблемы...

— Мускин, обождите. Вы же понимаете, о чем я.

— ...В голове уместается все, до последнего слова. И с первого же раза. Более того: иной раз бормочет на совсем чужом, незнакомом языке — или, скорее, даже на языках; бывает и на два голоса одновременно, но дело не в том. Когда пару фраз, а когда и по десять минут кряду. И того больше скажу: я даже представить себе не могу, что то за языки, а меня, вы знаете, этим удивить трудно. Наверно, мою красавицу как-то можно и настроить на нужный язык, но ключик я еще не подобрал.

Я уже и не пытаюсь прервать этот словесный поток. Старик, заметив это, умолкает сам.

— А насчет того, что вы имеете в виду, Горелик, — он устало машет рукой, — говорить нечего. Сами должны понимать, не маленький.

Пауза.

— По большому счету вы правы, Мускин. Но только по самому большому. Так что давайте начистоту. У вас в доме хорошая... — я вспоминаю, что старик не любит слово «малина» (что поделать, может, это название и воровское, но почему-то в ходу именно оно), и даже успеваю изменить формулировку, — убежище?

— Более-менее. Для четверых взрослых человек и птицы хватает. Но вы же понимаете: еще троим туда...

— Не смешите меня. Каким «троим»? Двоим, Мускин. И совсем не взрослым. А вас, взрослого человека, вместе с вашей птицей, я приглашаю к нам. Вместо этих двоих. Потому что наша... наша, да, «малина» — она скорее менее, чем более. Прошлый погром мы в ней как-то пересидели, но теперь детей я там прятать остерегусь.

Снова пауза.

— Почему бы и нет, Горелик. Однако вы же знаете мое мнение: суэта это и самообман. Против единоразового погрома иногда еще может сработать, но сейчас, когда готовится, скажем прямо...

— Тем более, Мускин. Приходите к нам — и не будете разочарованы. А «прямо» можно и не говорить. Я, знаете ли, суеверен.

— Напрасно. По слухам, это приносит несчастье.

И тут я замечаю на лице старика удивление. Именно удивление, не более того. Но зато крайнее. А ведь у нас в общем-то мало что может так удивить, при этом не угрожая, да еще смертельно.

Прослеживаю его взгляд. И вижу девочку. Чужую девочку.

То есть я сразу понимаю, что чужую, и даже могу сказать, почему именно. Но довольно долго не могу поверить своим глазам.

Лет, наверно, двенадцать ей. Мне сперва показалось — больше, но нет: просто с детства кормления очень хорошего. Притом не пухленькая, наоборот, худенькая и жилистая — однако это совсем другая худоба, чем от недоедания.

Вдобавок умытая хорошо. И загорелая, хотя сейчас вроде рано. И непуганая. Такое сразу видно.

В чистом, выглаженном комбинезончике непонятно какого, но похожего на военный покроя, со мно-

жеством карманчиков. Один из карманов, набедренный, сильно оттопыривается, в нем что-то круглое, поблескивающее синим. А через плечо сумка, вроде маленького планшета.

Никогда не было и не может тут быть немецких детей, а то я и вправду бы подумал...

— Молодые люди, где ваши латы? — спокойно спрашивает старик. — Вам жить надоело?

Ага, «молодые люди». Приглядываюсь — и точно: в сторонке от девочки еще и паренек. Почти такой же, только без сумки, зато с заплочным мешком каким-то.

Ребята недоуменно переглянулись. Девочка хотела что-то сказать, но парень ее опередил:

— Нету лат. Ни лат, ни кольчуг, ни скафандров...

Он даже засмеялся. Девчонка, впрочем, глянула на него хмуро.

— Тебе весело, юноша? Значит, когда возьмут за одно место — терпи до конца, ни слова не произноси. Может, ты из таких героев, бывает. Но если нет — тем, кто с тобой по одному адресу, будет еще веселей.

Старик демонстративно постукивает пальцем сперва по желтой лате — он ее у меня, было дело, специально заказывал: «Чтоб как щит Давида, о шести лучах», остальные-то просто желтый лоскуток нашивали, даже сам я, — а потом по белой. Новой, недавно введенной, с надписью: фамилия, номер дома, улица.

Мальчишка явно ничего не понимает. Зато я теперь понимаю, что верить своим глазам все-таки было надо:

— Бросьте, Мускин. Они не здешние. Они из-за проволоки.

— Да, мы нездешние, — подтверждает девочка. Она, не отрываясь, смотрит на птицу, а рукой что-то нащупывает в своей сумочке.

— Жить надоело, — снова констатирует старик, покачивая головой.

Между прочим, он глубоко прав: сейчас в гетто так просто не попасть. А уж среди бела дня такое разве сумасшедший может попробовать, которому совсем головы не жаль. И, конечно, надо быть слишком нездешним, чтобы совсем не знать про латы. В городе о них известно каждому, с самого начала.

— А мы через стену, — девочка на миг переводит взгляд в мою сторону — там, где у вас называется... — она помедлила, — между бывшей аптекой и, э-э, бывшим рабмолотом.

М-да. Ну, мне еще жена говорила, что у меня все мысли по лицу читать можно, они там не написаны даже, а сороковым кеглем набраны (метранпаж была). А вот девчонка все же врет: от аптеки до Дома рабочей молодежи действительно тянется стена, но через нее так просто не перелезешь. Это одновременно как таракан ползти и как кузнечик скакать надо. Только потому там патрули днем почти не ходят.

Девочка (взгляд ее по-прежнему прикован к майне) вновь быстро косится на меня, раскрывает было рот, но ничего не говорит.

— Так, барышня, — Мускин вновь словно покатал языком это слово. — Что-то слишком многие сегодня интересуются моей птичкой. Рассказывай.

— Это очень необычная история, — говорит чужая девочка. — Видите ли, ваша птица нужна нам для...

И тут происходит нечто вовсе странное. Синяя округлая штуковина, верх которой слегка выступал над краем девочкиного кармана, вдруг сама собой выскакивает наружу. Это какой-то шарик размером поменьше бильярдного, на вид мягкий, даже пушистый — и вовсе уже не синий: он окрасился багрянцем, по которому густо искрятся белые звездочки. На тонких, как проволочки, ножках этот шарик быстро взбегаєт по одежде девочки и, дрожа, прижимается к ее щеке.

Девочка реагирует мгновенно:

— Пашка — барак, дверь, налево! — выкрикнула она приглушенным голосом. А сама метнулась направо.

С разгона взбегает прямо по стене. Я не шучу: именно по стене — шаг, и еще один шаг, а там даже ей уже надо падать, но, изогнувшись, в касание дотягивается до карниза, цепляется за него... Миг спустя она уже рыбкой проскальзывает в приоткрытое окно второго этажа.

Нас с Мускиным тоже как подбросило с места, потому что в гетто если уж человек бежит или прячется, то он, как правило, имеет основания. Но так, как мы теперь можем бегать, это смех один, причем даже не в сравнении с этой девочкой. В общем, просто шарахнулись к стенам, даже не пытаюсь добежать до входа.

Секунду-другую ничего не происходило. А потом из-за угла соседней улицы показывается некто высокий, в черной кожанке, до скрипа затянутой ремнями. Городничий это, замкоменданта. Гость он здесь довольно редкий и, пожалуй, не самый страшный, но... страшный, что там говорить. В руках у него блокнот, он смотрит в него, потом бросает взгляд вдоль улицы, видимо, сверяясь с каким-то списком, на минуту останавливается. Потом снова заглядывает в блокнот — и... уходит; за ним, черным, тянется хвостом серая свита.

По нам его взгляд скользнул, как по пустому месту. А за чужих ребятишек, конечно, зацепился бы.

Вот уже второй ворон за сегодня. И тоже пролетает, не навредив. Ох, до чего же плохо дело...

По ту сторону нашей улицы осторожно выглядывает из окна барака тот паренек, которого девочка назвала Пашкой. Саму ее я не вижу, но слышу, как она вдруг свободно зашевелилась почти у меня над головой, что-то, не таясь, сказала, — и почти сразу со вто-

рого этажа донесся удивленный голосок Сонечки: «Правда? А ты откуда знаешь?», чужая же девочка ответила ей: «А вот». Может, я напоследок мудрецом становлюсь, но отчего-то сразу понял: это они говорят о том, что опасности нет и почему это известно. А известно это становится при взгляде на тот шаровидный аппаратик. Или зверька, кто его разберет.

Мы с Мускиным наконец приходим в себя достаточно, чтобы переглянуться.

— Они и вправду сильно нездешние, — говорит он.

— А она не врет, — говорю я, — они действительно могли перебраться сюда возле домрамола.

* * *

— ...Поэтому в зоопарк и нужен второй, от одного-то птенчиков не будет! Алиса говорит, они половину космоса обыскали, но больше нигде нет. И вот как раз сегодня, когда ее папа опять в командировке, датчик — вот этот, правильно? — взял...

— Взял пеленг, — хмуро отвечает Алиса. Они с Сонечкой спустились вниз не раньше, чем успели хорошо познакомиться — ну, в одиннадцать-двенадцать лет это быстро, — и обо многом поговорить, это еще быстрее. Теперь Соня трещит без умолку, а ее новая подруга, наоборот, сделалась крайне неразговорчива и очень угрюма.

— Ага, взял его, но это оказалось со сдвигом не только «где», но и «куда». Птица всюду летит. Алиса говорит, что когда восемьдесят све... све-то-вых лет за четыре года пролетаешь, это само собой получается. А у них там есть особые машины, на которых можно ездить по времени, совсем так, как в книжке...

— Герберта Уэльса, — прерываю я ее. — Знаю, читал. Еще когда тебя, солнышко, и на свете не было. Вот только никогда не думал, — смотрю на Алису, — что на таких машинах разрешат кататься детям.

— Это совсем не машина... — начинает мальчишка.

— Да, это скорее место такое. Почти сразу за стеной. А нам с Пашкой никто ничего не разрешал, — признается девочка. — Но у нас появилась возможность — вот мы и... Пеленг же «слепой», мы даже не подумали, что здесь все окажется... так. Должны были вообще-то подумать. Промежуточная станция — апрель сорок второго, мы же это проходили! Вы нас извините, пожалуйста.

(В этот момент птица, склонив голову набок и взъерошив корону, обоими клювами произносит что-то отрывистое, шипяще-щелкающее, но явно состоящее из слов. Алиса — кажется, сама того не замечая, автоматически — коротко отвечает ей на том же языке. Птица чуть не падает с плеча Мускина.)

— Ничего, молодые люди, — медленно произносит старик, — тут найдется кто повиноватее вас. Вот что мне скажите. Значит, вы намерены взять мою птицу — предположим, я вам ее действительно отдам! — и сразу же... отправиться домой. Правильно?

— Мы так хотели, — Алиса смотрит в землю, кажется, чуть не плача. — Раньше.

— А-га... Ты, ты и птица.

— Там в переходной камере одноразовый запуск, скачок-возврат, и еще лимит по весу, — торопливо вмешивается Пашка. — То есть наш вес — и пять килограммов сверх этого.

— По пять килограммов на каждого! — голос Алисы тверд, глаза сухи. Высоко вздернув подбородок, она встречается взглядом сначала со стариком, потом со мной.

— А-га, — повторяет Мускин совсем равнодушным голосом. — Ну, вы, ребята, пока идите, поигра... — старик вовремя остановился, как видно, поняв, какую глупость сейчас чуть не сморозил, — расскажите друг другу что-нибудь. А мы тут немного обсудим.

Паренек было хотел воспротивиться, но Сонечка берет их обоих за руки, как старшая, и молча ведет в дом. Юрик все это время держался за край ее платя — ну и сейчас не отпускает, семенит следом.

— Вот вам Уэльс вспомнился, Горелик, — говорит Мускин, едва все четверо скрылись за дверью. — А мне кое-кто другой, француз какой-то, фамилия вроде «Бильярд», точно не скажу. В старом «Мире приключений», еще до, был рассказ. Там тоже двое детишек залезли в аппарат времени. И натворили таких дел, что вернулся только один, причем звали его Ромулом. «Где брат твой, Ромул?» и так далее. Это называется парадокс.

— У нас никаких парадоксов не будет, — качая головой. — Поэтому они, наверно, так свободно все рассказывают. Давайте к делу.

При других обстоятельствах мы бы еще поудивлялись и понеповерили хоть немного, но теперь для этого не самое подходящее время. Его, времени, вообще негусто осталось.

— Давайте. Кого предложите? — старик смотрит на меня сочувственно. Ему легче: у него никого не осталось. А что я могу поделать, если Сонечка, хотя в ней сейчас только кожа да кости, все-таки не пять килограммов весит? Да и Юра маленький — тоже не пять...

Вот что я могу с этим поделать?!

— Вайнгаузовские близнецы.

— Могут не отдать родители.

— Отдадут. Не глупее нас. Ну а если нет — то и других детей немало. Причем таких, чтоб до пяти кило, среди них тоже хватает. Более чем.

Собственно, вот мы все и решили. Можно наших гостей уже обратно звать. Но, вижу, Мускин еще что-то обдумывает.

— Отдам птицу, — наконец решается он. — Пусть это им будет приз. За близнецов и вообще...

— Бросьте. До того ли... Им еще через стену перебираться. И как быть с лимитом на пять кэгэ?

— До того, — сухо отвечает старик. — Как-нибудь уложатся. Она почти не весит.

Пожимаю плечами и мимо лежащего ничком Баритона иду звать *гостей* обратно.

* * *

Они сидят на втором этаже, возле того получердачного окошка, в которое Алиса так по-акробатически запрыгнула — прямо чуть ли не на голову Сонечке. Увлеченно обсуждают что-то. А, это о еде фантазирование пошло: самая популярная здесь тема. Сперва я ничего не понимал — мангодыня какая-то, мангустины, яблочно-щавелевое мороженое, — но потом Пашка начал рассказывать о бубликовом дереве и кормовых бананах для скота, так что мне сразу все стало ясно. Детишки все-таки. Даже заколебался, можно ли им поручать ответственность за других детей. Ладно, хуже точно не будет.

Недолго я эту мысль обдумывал, но ребята уже переключились с еды на что-то другое. Даже не понять, на что.

— А вот она что думает? — звенящим от любопытства голоском спрашивает Соня.

— Это вообще нехорошо без согласия, знаешь ли, — говорит *гостья*. — Одно дело, когда ты нас слушала, с нашего ведома и...

— Нехорошо? Здесь? Сегодня? Ничего ты, наверно, не можешь в самом деле...

— Почему? Могу! Она... Она очень хочет выйти замуж. В такое время — и замуж... А, нет, не сейчас, а когда «снова наступит нормальная жизнь». И еще она думает... Ну, об этом тебе рано.

— Тоже мне, больно взрослая! А он, вот там, смотри, о чем думает?

— Он думает, где бы достать батареи. Лампы уже почти все, антенну можно сделать из проволоки и в бельевую веревку вплести, но вот с батареями... сейчас: «Это проблема. Это проблема. Брагер обещал добыть две, и наушники обещал тоже, но его нет. А где поставить? Здесь нельзя: соседи сразу начнут коситься: чем это он на чердаке занимается? Фальшивую лежанку надо делать, да! Возле общего дымохода есть место...»

— Подумаешь, нужен он нам, на чердаке или где! — Сонечка, слышу, даже обиделась. — Все и так знают, что Яша хочет слушать сводки Совинформбюро. А... сейчас покажу... вот он что думает?

— Он думает, что там, чуть ниже оборванного листа железа, очень удобное место, но туда, жаль, жаль, очень жаль, переместиться никак нельзя: увидит Большой-Левопестрокрылый, а он сильнее, и... — Алиса замолкает, сама явно сбита с толку. — А, это голубь. Вон, на коньке крыши. Ты не про него, конечно, спрашивала, а про того мужчину в слуховом окне, да?

— Ой, да ну его. Смотри, Гансик! Гансик!!! Вон там Гансик — видишь?

Гансиком Соня и другие ребяташки называли одного очень приметного немчика: огненно-рыжего, совсем молоденького и, как они говорят, «здоровски красивого». Он в гетто не заходил, нес охрану на вышке, и когда была его смена, сколько-то ребят и особенно девочек всегда собирались, чтобы его посмотреть. Отчего этот Гансик чрезвычайно смущался, страшно краснел — у рыжих это видно даже издали, — и все пытался отворачиваться. Взрослых такие «смотрины» очень удивляли, пугали даже, но потом мы как-то без слов друг друга поняли и решили — а пусть его. Бывает и хуже. Где им тут еще хоть что-нибудь красивое увидеть...

— Можешь сказать, о чем он думает?.. — обмирая, просит Соня.

— Далеко совсем. У меня тут новый усилитель — но все равно на самом-самом пределе...

— Ну пожалуйста! Ну Алисочка! Ну я тебя больше никогда-никогда ни о чем не попрошу! Ну попробуй, а?

На Пашку с Юриком уморительно делается смотреть: они, такие разные, в этот момент глянули на девчонок с настолько одинаковой, солидной и мужской снисходительностью... Старший из мальчишек даже фыркнул презрительно, младший этого не умеет.

— Сейчас, не ной, — тоже слегка по-взрослому отвечает Алиса и начинает возиться в своей сумке-планшете, — только попробую изменить настройку... А! Есть! Он думает... О своей Лизхен он думает, так что совершенно напрасно ты в него влюбилась, вот! И о маме. А вообще-то ему скучно там стоять, скучно и противно, но ведь кто-то же должен делать эту работу. Одно утешение: через день, максимум два, все закончится. Потому что...

И тут голос Алисы затухает, как свеча на влажном ветру.

— Ладно, договаривай, — произносит Соня. Теперь уже она кажется тут взрослее всех, и меня, наверно, тоже.

— Потому что рвы уже вырыты и грузовики готовы, он видел, — договаривает *гостя* хрипло. — А айнцац-команда прибывает завтра. Для нее уже освободили место в казармах.

На несколько секунд в полутемной каморке повисает абсолютная, глухонемая тишина.

— Подумаешь... — вздыхает Соня. — Мы давно знаем. Это старшие нам не хотят рассказывать, думают, мы сами не догадаемся. Я вот тоже молчу, что-

бы дядю Элика не расстраивать. Но мы ведь слышим то же, что они. И понимать давно научились.

Из ног у меня словно бы кто-то вытащил все кости. Тем не менее стою, держусь за стену и за перила. Сел бы сейчас прямо на лестницу, так ведь она скрипнет.

— Алиска! Послушай, что я сейчас думаю! — отчаянным голосом шепчет Пашка. Алиса — рука у нее по-прежнему в сумке — поворачивается к нему.

— Само собой, — через секунду говорит она даже с некоторым удивлением, — а как же иначе?

И тут замечает меня.

Резко вскакивает. Пашка тоже. Может, они тут и развлекались чтением мыслей — или, допуская, скорей играли в это все-таки, — но мое присутствие оказалось для них полной неожиданностью.

Смотрят на меня крайне злобно, сопят, сжимают кулаки. Я, само собой, против двух таких подростков сейчас совсем слаб. Наверно, даже испугался бы, но есть дела и поважнее.

— Вы очень неправильно все придумали, — произносит Алиса сухим, враждебным, предельно неприятным голосом. — Вы нас, получается, совсем за людей не считаете. Думаете, мы схватим говоруна, двух маленьких детей к нему как выкуп — и убежим на промежуточную станцию, прощайте? Так вот, ничего подобного. Двух детей возьмут они, — кивок в сторону Сонечки и как бы через нее, в направлении стены, а потом, сквозь стену, дальше, на улицу и улицы. — Она возьмет вот этого мальчика, вместе они даже меньше, чем я плюс пять килограммов, весят. А кто-то, кто пойдет вместо Пашки, какого-нибудь другого ребенка. Мы их подсадим, поможем перебраться через стену, покажем, как войти.

«А сами-то вы как, деточки?» — этого я не сказал, но не думаю, что ей пришлось читать мысли: уж эта-то мысль точно напечаталась поверх моей физионо-

мии сороковым кеглем. Девочка мгновенно вспыхивает, заливается красной краской, куда там Гансику: даже слезы на глаза наворачиваются.

— Простите... Простите, мы же не сказали вам про стационарные базы... постоянные станции, в старых зданиях, скалах, иногда даже деревьях — если несколько веков... Две таких станции недалеко, у одной я знаю код и координаты — в общем, дойдем. Я забыла сказать. Я не всегда такая, я не хамлю специально, тем более взрослым, я...

А теперь то, что появилось на моем лице уж не знаю каким кеглем, заставило ее тут же замолчать.

— И где же эта станция, деточка? — ладно уж, чем изощряться в чтении мыслей, попробуем для разнообразия поговорить вслух.

Она сказала. Ого! Это называется — «недалеко»?! Хотя если они ходят так же, как прыгают по стенам — к лету или, крайний срок, к сентябрю можно дойти. Даже через места боев, если повезет и осторожно. И даже без аусвайсов: детям в этом смысле куда как легче, мало ли беспризорников образовалось. Беспризорники из них, пожалуй, аховые выйдут... Но все же ребятки светлоголовые, очень русские хоть вблизи, хоть издали... Настолько, что им кое-каких полицаев лучше бы сторониться, но со своим... этим... *индикатором* и с умением читать мысли, хотя это как-то не всегда у них получается, — да, имеют шанс. Оголодают, конечно, но они вроде должны быть выносливы. К тому же, наверно, при такой ловкости как-то сумеют подкормиться по пути.

Вообще, если точно знать, куда идти, и понимать, что там тебя примут, — многое можно суметь. У нас в первые месяцы, когда еще не усилили надзор и не ввели лату с номером дома, субботнюю перекличку и круговую поруку, уходили довольно-таки часто — однако и возвращались нередко. Семеро под-

ростков лесами и болотами дальше Смоленска дошли, но не сумели пересечь линию фронта: вернулись трое, остальные сгнули — половина от голода, половина от пуль. Иные, правда, уходили без возврата, только, похоже, это у них получалось скорее как у тех сгнувших. А многих привозили на показ: большей частью уже убитыми, но кому особо не повезло — живыми...

Сема Заславский тоже очень далеко добрался — чтоб вы знали, полдороги проехал на попутной немецкой машине, подвезли его за дедовские часы, у него внешность нетипичная; но партизан не нашел и вернулся сам, худее скелета. А Левушка Таубкин с Ритой Окунь нашли, но их не взяли, отправили обратно — причем судя по тому, что они рассказывают, им еще повезло. Ну, в общем, всех понять можно: партизанам пацаны, женщины и старики без надобности, тем более необученные и без оружия. А мужчин у нас толком никогда не было, на фронте же все, да и оставшихся сколько-нибудь крепких перехватывали с самого начала, «меннерхант» это называлось, увезли всех.

Почти смешно: раз пять-шесть бывало наоборот — к нам партизан переправляли, по ночам и под проволокой, раненых. У нас тут как-никак врачи есть и даже почти лазарет оборудован... был. Кто-то умер, остальных поставили на ноги, а потом так же переправляли обратно. Последний раз привозили, говорят, целого командира отряда — и с ним, выздоравливающим, в лес потом взяли доктора Марголину, только ее одну, причем не факт, что совсем добровольно.

Да что уж там. Могли больше уйти, только для такого надо было, скажем, детей и родителей точно на смерть отдать. А потом уже и для просто соседей по дому гибель получалась. Кабы наверняка да заранее знать, что все равно для всех ров и айнзац-команда — так, может, и вправду стоило. Многие точно ре-

шат так. Но ни у кого из них нет машины времени. Даже если это не машина, а место.

...Надеюсь, этих моих мыслей Алиса не прочла. Их пересказывать-то долго, а так — за полсекунды все пролетело.

— Фима Липкин, — говорю.

— Что?!

— Не что, а кто. Липкин. Это вместо тебя, Павел, — если не передумал. Он твоего возраста, то есть по здешним условиям еще где-то семь кило долой. Малыша, значит, сможете выбрать до двенадцатикилограммового включительно. Солнышко, покажи ребятам, куда идти.

(Фима — такой мальчик, что из-за него в конце концов или жизнь станет совсем невозможной, или наступит всеобщее счастье. Вот пусть с этим и разбираются в своем далеке.)

Соня сразу же встает, с Юриком на буксире спускается мимо меня по лестнице, уже внизу с недоумением оглядывается: почему отстали Алиса с Пашкой? Что надо спешить — это она понимает. Не поняла лишь, что и на меня тоже ей надо бы оглянуться. Поэтому что сейчас мы расстанемся навсегда.

Ребята из будущего стоят молча. Они, по глазам вижу, понимают все. Но и что действительно надо спешить — тоже.

Помедлив лишь пару секунд, идут вслед за Сонечкой. На меня стараются не смотреть.

Шарик в кармане Алисиного комбинезона вдруг словно вспыхивает, ежесекундно меняясь в цвете. Что это означает, не хочу гадать. Не опасность — и ладно.

— Будьте через час возле... там, где решетка, — говорит Алиса уголком рта тихо и быстро, затем на мгновение оглаживает правой рукой сумку и уточняет: — Возле Графского парка.

Ничего не отвечаю ей. Все мои силы сейчас уходят на то, чтобы не окликнуть Сонечку.

Какая уж теперь разница, где мне через час быть и когда не быть.

* * *

Тем не менее вот он я, напротив решетки в Графский парк. Он давно уже не Графский, но Горького, а почти год даже не Горького и вообще не парк; кроме того, это лишь несколько квадратов его ограды, примыкающей к гетто. Поверх решетки густо пущена колючая проволока, весь участок хорошо виден аж с двух вышек — короче говоря, совсем не понимаю, зачем мне тут быть. Для побега здесь, прыгай, не прыгай, самое скверное место.

Но пришел, если честно, почти сразу: а что мне еще делать? Какой там час, минут и десяти не прошло. И вот уже жду, не зная чего, изрядно времени. Часов как таковых у меня нет, но больше пары часов точно.

Сперва волновался немножко, теперь всерьез начинаю.

Ну не через решетку же они собирались лезть, ведь правда? Через стену возле бывшей аптеки, так?

Этот участок отсюда не виден совсем. Но если бы там что случилось, особенно с беготней и стрельбой, я бы услышал. А ничего такого. Вроде бы совсем нечего опасаться, тем более что побег — это по определению не то дело, которое осуществляется в точный срок. Всегда возможны задержки, промедления...

Вот так, не опасаясь, я простою еще час-другой — и помру на этом месте от полного спокойствия.

Потом это случается. До исхода третьего часа.

Две фигурки прошли снаружи, по ту сторону ограды и проволоки, по сторону жизни. С полсотни шагов до них. Не оглядывались, тем паче не останавливались, именно прошли, без внимания к гетто и к до-

вольно-таки близким вышкам (на одной до сих пор стоит Гансик). Мимо. Прочь.

Алиса, уже не в приметнейшем комбинезоне (эх, покрой надо бы мне лучше запомнить), а в коротковатом для нее платье, очень поношенном, но не рваном. Это, сразу узнаю, Сонечкино платье с аккуратно сорванными латами, обеими. Значит, поменялись они одеждой с моей девочкой. Прямо на той промежуточной станции, что бы она из себя ни представляла, или еще в гетто, прежде чем перебираться через стену. Какая-то бесформенная торба на боку, в которой, надо думать, смирно сидит *индикатор* и лежит планшет с... не знаю чем, но явно важным.

И Пашка, в несусветной рванине, многожды залатанной, но тоже без лат. В смысле — без тех самых. А рваной одеждой на бездомном подростке сейчас никого не удивишь.

Что-то в них еще было странное, в обоих...

Человек порой не видит самого очевидного. Они уже почти скрылись за углом, когда я вдруг понимаю: не «в обоих», а в четверых — и девочка, и мальчик несли по ребенку. Маленькому совсем, но не грудному. Кажется, это не близнецы Вайнгаузов, те помладше. Ну так другие дети: какая, собственно, разница.

Наверно, даже при учете голодухи каждый из этих детишек все-таки тянет больше, чем позволяет лимит веса, но, с другой стороны, на постоянных станциях может быть не столь жесткий лимит. Да и старшие, пока дойдут, сами неизбежно скинут по несколько килограмм. Ой, скинут.

Им, таким непуганым, вообще тяжело придется. Чистенькими-то скоро быть перестанут, а вот настолько белые зубы им лучше не показывать, и от кое-каких привычек лучше отвыкать. Сумеют ли вообще прокормиться в дороге и малышей прокормить... Должны суметь: я ведь об этом думал уже. Да

и детям-бродяжкам с совсем малыми детьми на руках даже сейчас иногда подают (ой, не станут они просить милостыню... а может, и станут. Хотя бы для маленьких). И на ночлег, скорее всего, пустят. Иногда и на подводе могут подвезти.

А высоко над ними, мерно взмахивая крыльями, кружит какая-то птица. Довольно большая, грязно-белая, с хохлом золотистых перьев на голове. Какие у нее клювы, с земли не разглядеть.

Птица-то ладно, хотя, согласен, пусть Мускину там, куда мы с ним послезавтра отправимся, приятно будет. Но и без птицы у меня сегодня самый счастливый день.

Лучший в жизни.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОТВЕДИ МЕНЯ В СВОЙ МИР

БОРИС БОГДАНОВ

ОРДЕНОНОСЕЦ

«Уже дома я понял, что Курлов прав. Если через несколько лет детям будут вводить сыворотку, после которой их руки будут делать точно то, чего хочет от них мозг, это будет уже другой человек. Как легко будет учить художников и чертежников! Техника будет постигаться ими в несколько дней, и все силы будут уходить на творчество. Стрелки не будут промахиваться, футболисты будут всегда попадать в ворота, и уже с первого класса ребятишки не будут тратить время на рисование каракулей — их руки будут рисовать буквы именно такими, как их изобразил учитель. Всего не сообразишь. Сразу не сообразишь».

Кир Булычев. Умение кидать мяч

— остоя, — сказал Самуил Яковлевич, — мы должны опередить эти желтые листки — «Наша земля» и «Смерть земноводным!». Отправляйся, сделай интервью с Громовым. Я надеюсь на тебя.

Костя Костиков был молод, веснушчат и лопѳух, и его мало кто принимал всерьез. Он работал репортером в газете «Бей жаб!».

Внешность помогла Костикову обаять военных медиков и проникнуть в санаторий министерства обо-

роны. Здесь, в глубоком тылу, лечился после контузии лучший истребитель жабьих танков Иван Громов.

В тылу — значит в лесу. В небе захватчики распоряжались, как хотели, поэтому хозяйничали над водами, полями, степями и пустынями. А вот лесов двуногие не любили и туда не совались.

Но и не трогали. Нашлась, похоже, на зеленокожих агрессоров управа — какая-нибудь галактическая комиссия по экологии. Сидели на каком-нибудь Альдебаране скучные клерки и подсчитывали урон, нанесенный автохтонным болотам и козявкам. То есть самих козявок можно извести, а вот среду обитания — ни-ни!

Санаторий прятался в глухом осиннике неподалеку от бывшей Москвы. Иван Громов, герой и орденоносец, занимал крайнюю слева избу, ближнюю к болоту. Сразу за домом начинались заросли ольхи, и в нем спасу не было от комаров.

Иван Громов и Костя Костиков сидели за столом у окна и чаевничали. Нет лучше занятия, чем выпить чаю с малиной! Особенно, когда спешить некуда.

От горячей печи бросало в пот, в крохотной кухне за занавеской гремела сковородками баба Лена, кастаньянша и повариха. Она стряпала для Громова и его гостя блины, тонкие, почти прозрачные, с ломкой коричневой кромкой.

— Нас высадили на окраине Москвы, — рассказывал Громов, — закинули туда вертушкой.

— Вертушкой? — не понял Костик.

— Вертолетом, — объяснил Иван, — тогда еще были.

— А-а-а...

— Ага! — Громов с размаху шлепнул себя по потному плечу. — Умаяли, паразиты! Так вот, Костя... Не успели мы высадиться, как двуногие по нам вдарили! Никто не заметил их сверху, хорошо маскиру-

ются, гады! Накрыли одним залпом, как на полигоне. Вертушка вдребезги, весь взвод — в клочья, только я один остался. Эх, хорошие были парни...

При высадке Иван шел первым, и это его спасло. Он успел отбежать на несколько шагов, когда из-за развалин выдвинулся покатым серебристый бок, и оттуда плеснуло огнем. Рванули баки с горючим, и обрушилась темнота.

Иван выплыл из беспамятства и сразу услышал тихий бумажный шелест. Рефлексы заставили замереть: так шуршали аппараты захватчиков, идущие на малых оборотах. Машины дуносых вообще звучали чрезвычайно мирно. Ни грохота форсируемых двигателей, ни стука и дребезга трансмиссий. Только шелест, шуршание и шорох, иногда — мелодичный свист.

Звук затих, но не пропал совсем: дуносые остались неподалеку. Патруль. Вот невезуха — так нарваться! И не разберешь, кому не повезло больше. Поговаривали, что зеленокожие иногда берут пленных и ставят на них какие-то изуверские эксперименты. Откуда появился такой слух, непонятно, никто еще не вернулся из плена и ничего не рассказал, но... Иван предпочел бы погибнуть в бою, чем стать подопытным зверьком.

В любом случае, шевелиться не стоило. Ждет его контрольный выстрел или клетка — и так и так хорошего мало.

Майская духота не давала дышать. С утра небо парило и хмурилось, но так и не пролило ни капли. Ваня Громов, рядовой боец сопротивления, скрючился среди острых, закопченных бетонных обломков. Неподалеку, на мягком асфальте, горячая смесь пришельцев медленно доедала останки вертолета. Чадящей резины смешивался с колючим запахом окислыны и сладким духом жареного мяса.

Ивана мутило. От дыма першило в горле, и Иван с трудом давил кашель. От неудобной позы ныла спина, сильно болел правый бок. Наверняка при взрыве его хорошенько приложило обо что-то.

Пекло сгущалось. Солнце мутным рыжим пятном ползло сквозь облачное марево. Во рту скопилась горькая слюна. Хотелось пить.

Вдобавок ко всему затекла шея, и Иван не выдержал. Очень осторожно он повернул голову налево. Рядом с багрово-черной кучей, в которую превратился вертолет, посреди улицы зияла круглая дыра. Взрывная волна, задевшая его лишь краем, пошла большей частью вдоль дороги и сорвала крышку колодца. Краснел свежий кирпичный излом. Канализация или еще что-то подобное. Иван едва не вскрикнул от радости: это была надежда, это могла быть жизнь! Он постарался расслабиться, насколько возможно, и приготовился терпеть. Сколько там осталось до ночи?

Неожиданно потемнело, подул сильный ветер. В глаза сыпануло пылью, загромыхало, упали первые капли. Минута — и дождь стал стеной! От близкого пожарища взметнулись густые клубы пара, и Громов решил: пора! Иван сорвался с места, подхватил автомат и прыгнул.

Ему опять повезло. Колодец оказался пуст, не забит арматурой и осколками кирпичей. Иван стукнулся о стенку, больно ударился коленями — наплевать, до свадьбы заживет! — и упал на дно. Сверху зашвистело — двуносые! Глаза еще не приспособились к темноте колодца, но с одной стороны кругло чернело, и Иван ринулся туда в надежде, что это тоннель, а не просто пятно на стене.

Это оказался тоннель. Достаточно высокий, чтобы идти, а не ползти на четвереньках. Иван торопливо шел, даже бежал в густой черноте, ощупывая руками стены по сторонам. Справа появилась развилка, он

свернул, и тут сзади полыхнуло! В спину ударило горячим воздухом, но уже слабо, неопасно. Иван сделал еще несколько шагов, под ногами оказалась пустота, и он полетел вниз, откуда тянуло холодной сыростью.

— Везунчик ты, Иван, — сказал Костя и обмакнул блин в варенье. От фронтowych ста грамм, а особенно от безопасности и уюта, он захмелел и пребывал в блаженной расслабленности. Хорошо, когда не надо никуда бежать, не смотреть поминутно в небо, и вообще просто сидеть в тепле и покое.

— Есть такое дело, — ответил Иван. — Зато потом...
— Что?

— Заплутал в этих катакомбах! Холодно, не видно ни черта, бредешь, как слепой.

— А фонарик? — удивился Костя.

— А батарейки? — спросил Ваня.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

— Все равно везунчик, — сказал Костя. И, вспомнив про задание, добавил: — Выбрался же!

— Да, — сказал Иван и потерял тонкий шрам над левой бровью, — выбрался.

Когда впереди, на грязном полу, появилось яркое пятно, Иван уже был согласен на все. Да хоть к двучносым в гости, только бы вылезти из чертовых подвалов! Очередной проход, в который он попал в своих блужданиях, закончился занозистой деревянной перегородкой. В ней светилась тонкая, чуть ломаная полоска.

Сначала Иван не увидел ничего, кроме ослепительного солнечного дня, потом понял, что по ту сторону царит полумрак. Он заметил кусок потрескавшейся бетонной стены и угол деревянного ящика. Иван скосил, сколько возможно, глаза: подвал освещался откуда-то сверху, значит, имел выход наружу.

По краю перегородки шли плоские и более гладкие на ощупь доски. В двух местах слева в доске оказались чуть заметные выемки и следы отверстий. Дверь! Когда-то она стояла здесь, между подвалом и подземным ходом. Потом надобность в двери пропала, ее сняли вместе с петлями и заколотили проход неошкуренным горбылем.

Пользуясь ножом, как рычагом, Громов начал отдиравать доски одну за другой. Последние он оторвал одним движением, шагнул... и в голове взорвалась небольшая бомба!

— Ох ты, черт, — раздался тихий голос. — Парень, я тебя не убил?

— А?.. — протянул Иван. Перед ним, заглядывая снизу вверх, стоял худой грязный старичок в ветхом шерстяном костюме, с толстым шарфом, обмотанным вокруг шеи, и домашних тапочках на босу ногу. В руках он держал толстое полено. То самое, которое так некстати столкнулось с громовским лбом.

— Ну, ты даешь, дед, — сказал Громов, чувствуя, как горячая струйка стекает по переносице. Он сделал еще шаг и сел на пол.

— Сейчас, сейчас! — зашептал старик, просеменил в угол и тут же вернулся с мокрой тряпкой в руках. — Подожди, парень, промою... Я думал, эти полезли, зеленые...

— Ты кто? — спросил Иван.

— Жил я в этом доме, — ответил боевой дед, перевязывая Ивану голову рукавом рубашки. — И сейчас живу. В подвале. А ты? Не отвечай, вижу, что солдат...

Дедок тараторил шепотом, то и дело останавливаясь, чтобы откашляться. Что соскучился по людям, что жил здесь, что пенсия была хорошая и что соседи неплохие попались, вежливые, и с бывшей работы не забывали, присылали поздравления к праздникам, но потом контора развалилась... ну и черт с ней, зани-

мались там ерундой всякой, бумажки перекладывали, не все, конечно, но многие, но все равно... звать меня дядя Гера... а тебя?

— Иван, — сказал Громов. — И давно ты так?

— Четыре дня, — ответил дядя Гера и замолчал.

Иван огляделся. Справа была изрисованная граффити стена, а слева, метрах в десяти, перекрытия обвалились, сверху насыпало кучи битых кирпичей и всяческой трухи. Среди мусора вилась узкая тропинка, и оттуда пованивало.

— Там у меня, в дальнем углу... — сказал дед, пожимая плечами, — ну, сам понимаешь.

Напротив, у наружной стены валялось разное тряпье, старые пальто и одеяла, в ближнем углу была навалена горка книг, стояло несколько стеклянных банок и какие-то жестянки, похожие на цинки из-под патронов. Там же находилась покосившаяся тумбочка без ножек. Именно ее Иван, увидев сквозь щель, принял за ящик. Сверху к потолку примыкал ряд узких окон, заложенных силикатным кирпичом. Кое-где раствор выкрошился, и в подвал сочился тусклый дневной свет.

— Что здесь было, дядя Гера? — спросил Иван, кивнув назад.

— Бомбоубежище, — ответил старик. — Запасной вход в бомбоубежище. Давно, потом что-то перестраивали, склад сделали, а лет десять назад вообще заколотили, крысы полезли, вот и закрыли. Я и забыл про эту дверь, пока ты ее ломать не начал. Даже замазали, видишь?

— Ага.

Иван подошел к одному из окошек и выглянул в дыру между кирпичами. Надежда растаяла: напротив, через дорогу, невысоко над развалинами парила патрульная машина.

Иван впервые видел ее вблизи, исправную, готовую к бою. Приплюснутый серебристо-серый, в странных,

плывущих разводах купол, похожий на исполинский мухомор без ножки, покрытый отвратительными бородавками. Иногда он как бы мерцал, становился стеклянистым, и тогда сквозь него просвечивали кусты сирени и покосившиеся фонарные столбы. Снизу, по краю, трепетала короткая бахрома, а под шляпкой дрожало жаркое марево. Машина медленно крутилась на месте, и вдруг чуть снизилась и замерла, и одна из бородавок стала набухать...

Вдоль улицы кралась черная кошка с белым пятном на кончике хвоста. Замирала при каждом шаге, сторожко прижав уши, топорщила шерсть на загривке. Высматривала только ей заметную добычу. Потом присела, нервно подергивая хвостом, напряжинилась и прыгнула!

Коротко щелкнуло, кошка вспыхнула в полете и рассыпалась яркими искрами. Летучий гриб вернулся на прежнюю высоту и продолжил монотонное вращение.

— Вот подлюка подлая! — тихо выругался Иван.

— Висит?

Громов с досадой махнул рукой и сказал:

— Выбираться отсюда надо, а как, если дрянь эта болтается?

— Ваня! — удивился дядя Гера. — Ты разве не из метро пришел?

— Как это?

— Мы вентиляционные шахты обслуживали, тут рядом есть одна, я и подумал... В бомбоубежище проход должен быть! Говорю же, забыл про дверь, да и старый я в одиночку по тоннелям шастать. А вдвоем выберемся!

— Старый? — Иван потрогал повязку. — Силен ты, старый, поленом махать. Я, конечно, сам виноват, полез не глядя. Двинулись тогда. Жалко, гадину эту не завалить, отомстить за ребят!

— А можно? — спросил дядя Гера.

— Да. У нее дырка на верхушке есть, прямо по центру. Воздухозаборник или еще что. Туда бы гранату... Так не подобраться ведь! Пошли, дядя Гера!

— Подожди, Иван, — серьезно сказал дядя Гера. — Есть у тебя граната?

— Конечно, — сказал Громов. — Зачем?

— Идем, — показал дядя Гера на тропку, — покажу.

Левее первой груды обломков потолочная плита разломилась. Внешняя часть рухнула на пол и раскололась. Внутренняя, более длинная, треснула вдоль, но удержалась на месте, только сильно накренилась и сложилась раздвоенным козырьком. Сквозь широкую щель Иван увидел кирпичную стену, а в ней — неровную дыру с лоскутом неба.

— Когда хожу сюда, — сказал старик, — держусь левой стороны. Тогда они не видят.

— Зачем тебе граната, дядя Гера? — повторил Иван.

— Кину в зеленых, — сказал дядя Гера, — завалю гадину.

Головой дед сдвинулся под развалинами, понял Громов. И заговорил медленно и вкрадчиво, как положено с детьми и умалишенными:

— Дядя Гера! Она свалится тебе под ноги, ты взорвешься!

— Подумаешь, одним стариком меньше, — отмахнулся дед. — Что ты теряешь, Ваня?

«Проводника домой», — подумал Громов, но не сказал. Нельзя было такое говорить. Неправильно.

— Невозможно отсюда просто так уйти, — снова сказал дядя Гера. — Знаешь, сколько тут людей жили? И за твоих друзей отомстить... Просто поверь мне, Иван.

Маленький, высохший старичок, куда ему? Но в глазах дяди Геры застыла такая непреклонность, та-

кое спокойствие! Громов засопел и полез в разгрузку за гранатой и запалом.

— На, дед, — он сунул старику снаряженную гранату. — РГЗУ, ручная граната зажигательная, усиленная. Спецом против этих гадов. Вот чека, на все — четыре секунды. При контакте с преградой взрывается мгновенно. Ты, главное, попади, дядя Гера!

Дядя Гера покачал гранату в руке, зажмурился и снова покачал.

— Хорошо, — сказал он, — пошли назад.

Отлично, он передумал, решил Иван, но ошибся. Старик приткнулся к одному из окон и долго смотрел наружу.

— Жди здесь, — сказал он Ивану.

И вдруг залихватски подмигнул!

Когда прилетела граната и куда она попала, Иван не заметил. Катер двуносых висел, где и раньше, равнодушный и смертоносный, только внезапно над ним вырос дымный султанчик, бородавки разом вспухли и плеснули наружу огнем. Боевая машина зеленокожих превратилась в мертвый металл и рухнула в развалины.

— Вот так новости! — развеселился Костя. — Слушай, Иван Сергеевич... Так это он вместо тебя гранаты кидал? Ему твой орден дать нужно?

— Болтаешь, — не поддержал тона Иван. — Золотой дед оказался. Я только благодаря ему и вышел. Тоннели, опять же... В голову почему-то не приходило!

— А знаешь, — сказал Костик, — познакомь меня с этим дедом? Я и про него напишу. Люди, — он запихивал в рот еще один блин и стал сосредоточенно жевать, — э... д... жны... знать своих ... еров.

— Не познакомлю, — мрачно ответил Иван.

— Почему? Славы жалко?

— Хороший ты парень, Костя, — Иван встал и разлил остатки водки, — а все журналюга! Всюду грязь ищешь... Не познакомлю и все!

К нужному месту добрались быстро, Иван даже не понял, как он мог тут плутать столько времени? Свернули раз, другой, спустились коротким лестничным маршем, задержались немного — пришлось вскрывать замок — протопали под уклон длинным коридором, потом повернули еще раз, и дядя Гера выключил и вернул Ивану фонарик.

Вокруг была серость очень раннего утра, когда еще не свет, но уже совсем не тьма. Ранние предрасветные сумерки, как вода сквозь песок, сочащиеся сквозь решетчатую заслонку в изгибе стены.

— Вот она, шахта, — прошептал дядя Гера, — помоги-ка!

Из открытой дыры дышало прохладой. Иван просунул голову: свет проникал сверху, с поверхности, с другой стороны шевелилась чернота. Рука нащупала влажные шершавые скобы лестницы. Снизу шел ток воздуха.

Иван настоял, что пойдет первым.

Было, наверное, не очень глубоко, но от напряжения и темноты под ногами Иван сильно устал, а дед вообще измучился. Они долго сидели в устье шахты, дядя Гера перхал и кашлял, повторяя:

— Ты погоди, Ваня, погоди, немножко еще...

— Конечно, — Иван никуда не торопился.

В луче фонаря влево и вправо уходили и терялись в черноте рельсы. Пахло пылью, ржавчиной и машинным маслом.

Шли на ощупь, фонарь Громов выключил. Сознание, не привыкшее к такой темноте, шутило и выкидывало фортели: впереди ворочались тени, крутилась

жабья поганка, прыгала и сгорала черная кошка с белым пятном на кончике хвоста. Иван закрыл глаза, но картины не исчезли, а стали ярче и будто бы даже выпуклее. Горел черным пламенем вертолет, черный дым поднимался в черное небо, метались в дыму черные силуэты и падали на землю, замирали. Реальность плавилась и текла, вокруг вихрились галактики, возникали из ниоткуда и пропадали в никуда. Звезды — родина двуногих, и только горячая ладонь на плече напоминала, что он не один и что есть мир, в который нужно обязательно вернуться.

Под ногами захлюпало. Вода, откуда она может здесь быть?

— Дядя Гера, — Иван подхватил спутника на плечо, — отдохни маленько!

Дед ничего не говорил. Он горел, Иван чувствовал жар, исходящий от легкого стариковского тела. Дядя Гера тяжело, со свистом дышал, иногда коротко кашлял. Кашель подхватывало эхо, бросало от стены к стене, дробило в шпалах, уносило в глубину тоннеля.

Тапочки, вспомнил Иван.

— Сейчас, дед, держись, — сказал Громов, ускоряя шаг, — на сухое выйдем...

Платформа встретила километра через полтора. Изменилось эхо шагов, и Громов понял, что вышел в большой зал. Луч фонаря выхватил недлинный перрон с выжженными на полу пятнами, разбросанными бумагами, мусором и тряпьем. Возле одного из кострищ, в котором осталось несколько недогоревших досок, Иван остановился. Осторожно сгрузил старика к стене — дядя Гера был без сознания, голова его безвольно моталась из стороны в сторону — натаскал тряпок помягче, а сверху постелил свой китель. Устроив дядю Геру на этом самодельном ложе, Иван разжег огонь.

Совсем недавно тут были люди, но ушли. Куда? На одну из соседних станций, больше некуда. Причем

собирались без спешки, уходили организованно. Значит, где-то неподалеку есть власть, есть ответственные. Значит, им туда. Немного отдохнут, дядя Гера придет в себя, и в путь.

Дед застонал, со всхлипом втянул воздух, и снова закашлял, плохо закашлял, сухо и трескуче. Лицо посерело, щеки ввалились. Старика начала бить дрожь.

Черт! И ничего с собой! В аптечке только бинт и жгут, и обеззараживающие таблетки для воды, и шприц-тюбик. Противошоковое!

После укола дяде Гере стало чуть лучше, он задышал медленнее и открыл глаза.

— Попей, дядя Гера, — Иван поднес к его губам открытую флягу.

— Плохо мне, Ваня, — прошептал старик, сделав пару глотков. — Себя не вини только, идти надо было.

— Здесь должны быть люди, — сказал Иван, — я найду врача, все будет хорошо!

— Да, конечно... После сходишь. Я должен...

Старик замолчал, собираясь с силами, потом заговорил, медленно, с трудом выталкивая слова:

— Зря я согласился... Не вышло... ничего хорошего... Даже на бильярде играл... пенсия маленькая... а ведь обещал... глупости какие... не время! А сейчас... пригодилось... Поздно. Тебе надо...

— Что надо, дядя Гера? — не понял Громов, наклоняясь ближе.

— Там... — дядя Гера шевельнул рукой, — в кармане.

— Что это? — спросил Громов, открывая небольшую плоскую коробку. В ней обнаружился шприц и две ампулы.

— Курлов... — прошептал старик. — Он был великим ученым. Ушел... давно уже.

— Не понимаю, дядя Гера.

— Укол... — отчетливо сказал дядя Гера. — Сделай себе укол. Будешь бросать гранату, как я.

— Почему?

— Бей... зеленых... Дай руку, Ваня! — старик всхлипнул. — Держи меня...

Иван взял дядю Геру за руку, и горячие старческие пальцы с неожиданной силой вцепились в его ладонь.

— Держи, не отпускай меня, Ваня, — шептал дед, — только не отпускай... Отпусти меня, Ваня.

Пальцы разжались. Дядя Гера вздохнул и умер.

Выпили стоя, не чокаясь. Закусили молча.

— Мог бы и сразу, — сказал Костя. — А то заладил: не познакомлю, и все тут! Что я, не понимаю?

— Ладно, извини, брат. Жалко старика. Как вспомню его «Бей зеленых», не могу, слезы наворачиваются.

— Жалко. А что дальше было?

— Люди пришли с ближней станции, — ответил Иван. — У них все по уму оказалось устроено. Посты, дозоры. Свет костра заметили и пришли. Похоронили мы деда. Теперь на нем Москва стоит.

— Это правильно, — кивнул Костя. — А с ампулами что?

— В штаб отнес. Потом, когда добрался. Да что же за твари-то?! — Громов раздавил на плече очередного кровососа. — Слушай, Костик... У тебя иголки, случаем, нет?

— Почему нет? Есть.

— Дай-ка...

Иван взвесил иглу в руке... и резко метнул через всю комнату. Потом хитро прищурился на Костикова: сходи, посмотри, мол!

Пришпиленный к стене, как дротиком, вяло шевелил лапками сытый комар.

— Так мы будем бить зеленую сволочь! — сказал Громов. — Я буду бить ее везде, пока ни одной не останется! А потом женюсь, у нас родится сын, и мы назовем его Герман!

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

ОТВЕДИ МЕНЯ В СВОЙ МИР

Никакой комнаты за дверью не было. Был берег моря, опускающийся полого навстречу мягким волнам прибоя, было закатное алое небо и солнце, окруженное фиолетовыми с оранжевыми краями облаками.

Кир Булычев. Шум за стеной

По вечерам за окном детской воображение включает волшебный проектор. На шторах проносятся огоньки фар, и раскачивается тень от ветки притаившегося во дворе тополя. Но хитрости старого дерева Антону не страшны.

Сумрак — друг.

Тишина — союзник в одиночестве.

Антон может обойти квартиру даже с закрытыми глазами. Комната — целых четыре шага. Вначале ладонь скользит по пыльной поверхности стола, затем ныряет в пустоту и касается холодного стекла книжного шкафа. Стоит потянуть на себя, как дверца откроется, выпуская на свободу запах старой бумаги. Пальцы пробегают по знакомым переплетам. Антон готов перебирать прочитанные по многу раз книги вновь и вновь, сортируя по размеру, цвету и запаху. Иногда их смысл не интересен, но можно просто читать складывающиеся в слова буквы. Из слов состоят предложения, которые хорошо перечитывать, надолго задерживаясь на каждой странице.

После шкафа рука снова проваливается в воздушную пропасть и притрагивается к стене. Возле двери пальцы чувствуют рисунок, на котором изображена счастливая семья: папа — большой овал с растрепанными волосами и чертежами в руке, мама — овал по-

меньше с красивой прической-завитушками, и маленький овальчик — автопортрет получился плохо, не узнать, поэтому пришлось пририсовать рядом стрелку с надписью: «Антон». На дверной коробке застыли выполненные маминой рукой отметки его роста — в квартире ничего не изменилось с того времени, когда мама уехала жить в другой город.

Еще шаг, и начинается прохладный коридор, похожий на защищенный крепостной туннель. В углу над электросчетчиком сплел паутину большой паук. Он ждет добычу и едва слышно перебирает лапками. В ловчие сети попадают любые враждебные мысли и беды.

«Поймаю, поймаю», — думает паук.

Его мысли коротки и просты. У старого выжившего из ума тополя они гораздо сложнее. Главное, не признаваться, что ты слышишь, о чем думают тополь и паук, соседская кошка, подкрадывающаяся к стае голубей, и глупые сизари, всегда успевающие от нее удрать. Тогда взрослые не будут хмуриться и таскать к врачам.

Коридор — пять шагов по направлению к тайне.

Дверь в ванную. Металлическая ручка противно скрипит, когда ее поворачиваешь, нажимая обеими руками. Вот теперь можно открывать глаза, чтобы увидеть темноту и понять, что чуда вновь не произошло. Антону кажется — прокрадись, открой дверь, и попадешь куда-то далеко, туда, где все совсем по-другому. Там не называют молчуном, не приходится ходить к психиатру и отвечать на нудные вопросы, а мама будет рядом.

Снова и снова Антон идет к воображаемой мечте.

Комната, коридор, двери, пустота и покрытая сыростью плитка на стенах.

Стол, шкаф, рисунок, чужие мысли, бьющиеся в паучьих сетях, длинный коридор и пустота, где из вечно

протекающего крана капает вода. Кап-кап, кап-кап. Стук капель слышен из комнаты, словно где-то вдалеке зовет бьющееся сердце.

«Ба-бах!» — Звон и грохот разносятся по квартире. Антон втягивает голову в плечи.

— А чтоб тебя! — кричит вернувшийся с работы отец, спотыкаясь о башню, выстроенную в прихожей из пустых заграничных пивных банок.

Банки разлетаются по полу и выкатываются в коридор. Паук над электросчетчиком прячется в щель между стеной и платяным шкафом.

— Опять нагромоздил! — Папа выбегает в коридор. — Ну! Тебе нечего делать, да? Выброшу! Возьму — и выброшу завтра всю дурацкую коллекцию.

Антон знает, что этого не случится — папа добрый, просто иногда ругается.

— Математику сделал?

Антон поворачивается, зажмуривается и идет к ванной. Папа хватается за голову и убегает в свою комнату. Завтра, когда он уйдет на работу, надо будет снова построить башню. Ведь ее так приятно складывать. Банка на банку, раз — два. Главное — выучить уроки, чтобы папа не ругался. Антон не учит, он запоминает, достаточно лишь бросить взгляд на страницу. Это так же легко, как слышать, о чем думают животные. Буквы складываются в слова, слова — в предложения, которые ты произносишь, отвечая на заданный учителем вопрос. Все довольны, кроме психиатра. Но к нему Антона водят не так часто — можно потерпеть.

Папа прикрывает дверь, отгораживаясь от проблем. Паук осторожно выглядывает из убежища. Антон продолжает одинокий путь. Впереди капает вода — стучит далекое сердце. Чуда опять не случается.

Но ведь главное — очень-очень сильно захотеть. И тогда однажды, когда ты откроешь дверь...

* * *

В тот день шел дождь, накрыв город вечерним сумраком. За окном, по которому стекали потоки воды, спал старый тополь. Паук мысленно жаловался на боль в ногах. Антон прошел по коридору, открыл дверь и сразу понял, что все изменилось. Вместо запаха сырости лица коснулся свежий морской бриз. Антон никогда не был на море, но с названием ветра ошибиться не мог. Ветер пах водорослями и песком, пальмами, приключениями и бесконечным пространством, где на горизонте сливаются вода и небо. Сквозь веки светило яркое солнце. Тогда Антон осторожно приоткрыл глаза. А потом сделал шаг, переступая границу мечты.

Далеко-далеко позади рухнула башня из жестяных банок, но Антон не оглянулся. Он закрыл за собой дверь.

* * *

— Антон! Ау! Я дома!

Опять проклятые жестянки! Когда я перестану на них натекаться? Может, и правда выбросить? Жалко, Антошка расстроится. Я переобулся, оставив на полу мокрые следы, прошел на кухню и поставил на плиту чайник. Странно, где же Антон?

— Анто-о-он!

В прятки играет, что ли? Я заглянул в детскую. Никого. Но я же слышал, как хлопнула дверь в ванную! Сейчас-сейчас... Я прокрался по коридору (доски старые, скрипят, тихо все равно не подойдешь) и распахнул дверь. Пусто. Из крана капает — прокладку надо поменять, никак руки не доходят.

— Выиграл, сдаюсь! Вылезай, где ты прячешься?

Нигде ни звука. Как же так? Я выглянул из окна в детской комнате. Редкие прохожие, раскрыв зонты, прыгали через лужи. Я прошелся по квартире, заглянул

под кровать, искал в платяном шкафу, пошарив между висящими куртками, зачем-то открыл холодильник.

Нет, не может быть. С Антоном ничего не случилось. Он не мог уйти.

Шкаф, кровать, шторы, собранные у края карнизов, снова дурацкий холодильник. Квартира небольшая, где ему прятаться? Я открыл кухонный шкаф, вынул бутылку коньяка и стопку. Посмотрел и сунул обратно. Дождь за окном усилился, превратившись в ливень, громко барабанивший по подоконнику.

Может, пошел к друзьям? У него их сроду не было! Портфель на месте, значит, из школы вернулся. Сандалии стоят в прихожей.

Господи! Знаю! Антон у соседки! Елизавета Ивановна — добрейшей души старушка. Все звала нас на чай, когда еще Марина была, но там своего народу хватает: дочь с мотающимся по загранкомандировкам мужем, внучка... Ночью просыпаешься и слышишь, как за стеной плачет ребенок.

Я выбежал на лестничную площадку, задев пивную банку. Гремя, она выкатилась к лифту. Я поднял ее и позвонил к соседям. Дверь открыла дочка хозяйки (Маша или Наташа, никак не могу запомнить ее имя) в коротком халатике.

— Тише, — шепотом сказала она, глядя на банку в моей руке, — Сашу разбудите.

— Извините, — прошептал я в ответ. — Мой Антон у вас?

В это время из душной глубины квартиры, пропахшей пеленками и молоком, раздался детский плач. Маша или Наташа всплеснула руками, бросила: «Нет» и убежала.

Я вернулся к себе и зачем-то опять заглянул в ванную. Капала вода. В вентиляционном канале шелестел ветер, словно к дому приближалась буря. Если прислушаться, то казалось, что сквозь завывания ве-

тра слышен шум моря. Волны набегали на берег, шепурша по песку галькой и пустыми раковинами. Кричали чайки. Гудел далекий пароход. Но это оказался не пароход, а забытый на огне чайник! Я бросился в кухню и выключил плиту. Потом вернулся в ванную и, не зажигая свет, замер в темноте. Шум моря вернулся. Но теперь к нему добавился детский смех, будто по невидимому берегу, уклоняясь от брызг, бежал мальчишка. Я помотал головой. Не сходи с ума. Только слуховых галлюцинаций не хватало.

Куда Антошка мог уйти в тапочках, закрыв на замок входную дверь? Надо обойти все квартиры. Собраться с духом и обойти, боясь, что Антона нигде не окажется. Я вновь подошел к шкафу и достал коньяка.

— Папа, смотри, что у меня есть!

Бутылка чуть не выпала у меня из рук. Сзади стоял улыбающийся Антошка.

— Это тебе, — сказал он, протягивая на ладони большую закрученную, как бараний рог, пустую раковину.

Я подхватил Антона, прижал к себе, а потом сердито спросил:

— Где ты был?!

Губы Антошки задрожали, того и гляди, заплачет. Раковина упала на пол.

— У нас теперь есть свое море.

— Где?

— Тут. Пойдем, я покажу.

Он вытер глаза, прыгнул на пол и потащил меня за руку к ванной.

— Здесь, за дверью.

— Открывать? — почему-то шепотом спросил я.

— Не надо, пап, я сам.

Антошка зажмурился, распахнул дверь, шагнул в ванную и исчез. Я стоял и не знал, что делать. Шумел морской ветер. Вдалеке кричали чайки и смеялся мальчишка. Я вошел в сумрак ванной комнаты,

но меня ждали лишь сырость, холодный кафель и капель протекающего крана.

Я вернулся в комнату и поднял с пола подарок. Раковина удобно ложилась в ладонь. Когда-то давно, еще до свадьбы, Марина тоже подарила мне ракушку-рапану. Она была приклеена к подставке с надписью «Евпатория» и заgrimирована под корабль. Торчащие мачты с парусами из маленьких белых половинок раковин мешали поднести рапану к уху и услышать море. Сувенир остался в прошлом вместе с Мариной. Кажется, разбился при переезде.

Марине было трудно с нами жить. Мы требовали внимания, а работа — времени. В конце концов, ее Институт победил в нашей семейной борьбе. Отделение, где работала моя жена, перевели в Ленинград. Потребовался переезд. Свою работу я бросить не мог. Или не захотел. После продолжительного разговора, чинного, без скандалов и битья посуды, Марина уехала сама. Мы решили, что Антону лучше остаться со мной, Марина не сможет уделять ему столько времени. Скучаю ли я? Наверное, нет. Первое время было плохо. Или скорее непривычно. Потом жизнь вернулась в свою колею.

Антон вышел из ванной спустя полчаса. Раскрасневшийся, улыбающийся, он принес с собой запах моря. Я боялся спросить, вспугнув появившуюся улыбку. За ужином, во время которого он уплетал яичницу (единственное блюдо, которое у меня получается готовить правильно, если не забывать вовремя посолить), Антон попытался уснуть прямо за столом. Я поднял его и отнес в кровать.

Ночью сон не приходил. Я лежал и прислушивался к дождю за окном. Когда началась гроза, я поднялся и пошел в ванную. Попытался плотнее закрутить кран. Потом вышел, зажмурился и снова вошел. Польбовался кафелем (заграничный, хороший, купили

через знакомых прямо на складе); швы, некогда белые, давно покрыла плесень. Вышел в прихожую, взял веник и в конце концов выполнил то, что собирался сделать уже несколько дней, — снял паутину над электросчетчиком. Паук успел удрать за шкаф. Я прошел на кухню, достал коньяк и налил себе стопку.

* * *

На следующий день я вернулся с работы раньше, а Антошка привел застенчивого толстощекого мальчишку, представившегося Димой. Он долго топтался в прихожей, пытая и снимая обувь. Потом не мог пристроить на тумбочку толстый, под стать владельцу, портфель, который то и дело норовил свалиться на пол.

— Папа, можно я покажу Димке море? — спросил Антошка и, не дожидаясь ответа, потянул мальчишку к ванной комнате.

— Да-да, конечно, — ответил я, глядя им вслед.

Друг. У Антошки. Это что-то новое.

Они вошли в ванную, и их голоса затихли вдали. Я заглянул в открытую дверь и прислушался к темноте. Пошел на кухню, достал пустую бутылку коньяка, хмыкнул, вернулся в комнату и сел на диван. В детский мир взрослым нет прохода. Мне остается только ждать.

Я жду всю жизнь. Ждал, когда появится ребенок. Ждал, когда Марина перестанет вечно ничего не успевать на работе и наша семья, наконец, начнет напоминать то, что умники называют ячейкой общества. Ждал, когда что-то изменится в моем глупом нынешнем существовании.

Я посмотрел на рисунок возле двери, выполненный рукой Антошки. Какой же я на нем все-таки урод. Почти как в жизни. А Марина ничего получилась.

Марина призналась мне в день отъезда. Рассказывала шепотом и боясь смотреть в глаза. Понимаешь,

говорила она, это я во всем виновата. То, что Антошка такой. Я была беременна, когда в Институте делали новый проект. Излучение... Оно не мутагенное, в нем не было радиации. Но мышшь... Мы же на мышках экспериментировали. У нее родились дети... Мышата... Пятеро через пару дней сдохли, один остался. Он с самого начала держался в стороне от собратьев. Сидел в своем углу. К нему не подходили. Потом он пропал. Наверное, кто-то из лаборантов выпустил. Но никто не признался. В ту ночь, когда он исчез, в лаборатории дежурила только я.

Излучение должно было усилить мозговую деятельность. Но ничего ожидаемого не получилось. Во время эксперимента Марину слегка зацепило излучением. Тогда она еще не знала, что беременна. С тех пор Марину заботила больше работа, чем мы. Что-то там она пыталась доказать, изобрести и исправить нашу жизнь.

В коридоре с грохотом свалился портфель.

— Папа, мы краба нашли! — Антошка вбежал в комнату. — Волнами на берег вынесло! Мы его обратно в воду столкнули.

— Щиплется, — сказал Дима, засовывая палец в рот. — Можно я завтра приду?

— Конечно, — улыбнулся я. — Обязательно приходи.

* * *

— Антошка, — спросил я за ужином, — а меня ты можешь взять к своему морю? Мне тоже хочется посмотреть на вашего краба.

— Пойдем. — Антон ухватил меня за руку и потащил в коридор.

— Ничего не получится, — сказал я. — Мы уже пробовали.

— Закрой глаза.

Я закрыл. Рядом сопел Антошка.

— Слышишь? — тихо спросил он.

— Что?

— Скребется. Это паук. Он снова плетет сеть, чтобы ловить плохие мысли.

— Да, слышу, — сказал я. — Правда, слышу. Он ползает, касаясь лапками стены и, наверное, отчаянно меня ругает.

— Да-да! И просит, чтобы ты больше не рвал его паутину.

Я и не знал, что в нашем коридоре столько шагов! Мы шли, а он все не кончался.

Мне вспомнился день, когда Антошку привезли из роддома. Это был не маленький человек, а большущий сверток из одеял, перевязанный ленточкой. После того, как Антошку распеленали, я прикоснулся двумя пальцами к его крошечной ручонке.

Маринка не знала, что так получится. Никто не знал. Она замкнулась и ушла в работу. Может быть, это я виноват. Мне не надо было ее одну отпустить, я должен был сохранить семью. Для Марины ее Институт важнее, он дает ей надежду. А я и в Ленинграде работу найду.

Сын вел меня за руку по темной бесконечности, заполненной шорохами, мыслями и теплотой его ладони. Затем раздался скрежет дверной ручки.

— Осторожнее, папа, переступай. Я напридумал здесь дверь к морю. Когда-нибудь она окрепнет и станет доступной для всех. А сейчас открой глаза.

Я открыл. Передо мной было море. Берег, покрытый мягким песком. Волны, накатывающиеся зеленой стеной. Высокие пальмы. И белые птицы, кричащие в вышине.

Мы бегали друг за другом мокрые от соленых брызг. Мы собирали ракушки и пугали сердитых крабов. Мы лежали на песке, рассматривая небо, на котором, кроме большого солнца, светило еще одно, маленькое, словно в небесах тоже гуляли отец с сыном.

- Спасибо, — сказал Антон.
— За что?
— Ты смог прийти со мной. И услышал паука.
— Не за что, — сказал я.
— Знаешь, старый тополь во дворе тоже разговаривает.
— Когда-нибудь ты pomoжешь мне его услышать, — улынулся я. — Пошли домой?
— Ты хочешь позвонить маме?
— Откуда ты знаешь? — удивился я.
— Догадался. А еще ты ей скажешь, что мы сможем к ней приехать. Ты не волнуйся, я для тебя другую дверь открою, там, в новом доме.

Почему-то я был уверен, что у Антона это получится. Я растрепал пятерней его мокрые волосы.

— Ой, папа, идем быстрее, — забеспокоился Антошка. — Мне кажется, сейчас мама должна позвонить.

Где-то вдалеке, в нашей квартире, совсем в другом мире, раздался трезвон телефона. И мы побежали домой.

АНДРЕЙ МАРЧЕНКО

ПРИМЕСИ

Мысли и чувства — самое ценное в Галактике. Эта добыча получше всего золота мира...

Кир Булычев. Черный саквояж

...Вроде бы саквояж должен быть добрым, толстым и надежным... А этот саквояж мне не понравился.

Там же

— Кхе-кхе, — прокашлял День-Добрый. — Погода будет меняться.

Я взглянул в окно: ласточки хоть и не парили в высоте, но к земле тоже не жались. Да и вчера в вечер-

нем прогнозе погоды обещали переменную облачность — не более.

Об этом я сообщил Дню-Доброму. Тот отмахнулся:

— Много синоптики понимают! — обиделся День-Добрый. — И с ласточками что-то не то!

— Можно еще сходить в судомодельную секцию — у них там настоящий морской барометр висит.

— Да на кой мне барометр, Бабкин! У меня артрит — точнее любого барометра. Сегодня прямо в троллейбусе скрутило, чуть не упал. Хорошо, что Митяев со мной ехал, место мне уступил...

Он достал из кармана пенал с таблетками, извлек оттуда одну пилюлю и бросил в рот:

— Совсем артрит замучил, если бы не лекарство замечательное — не знаю, чтоб делал. Мне его сам министр подарил.

— Как называется? — спросил я скорей из вежливости.

— Аураномалат. Это натриево-золотая соль яблочной кислоты... Но я к тебе по делу... Ты не мог бы пригласить завтра к двенадцати Сорокалета? Очень бы хотелось его увидеть — я буду проводить испытания своего прибора. И я уверен — успех будет полным.

Я задумчиво кивнул. Сорокалет — изобретатель с мировым именем, мой друг и учитель, работой Дня-Доброго интересовался.

И, поблагодарив, День-Добрый поднялся, но, прежде чем уйти, сказал:

— Ты тоже, конечно, приходи. И Стасика позови.

Стасик — это руководитель нашей секции изобретателей и рационализаторов в Доме Пионеров. А у Дня-Доброго была своя крошечная секция в подвале, в которую, правда, мало кто записывается. День-Добрый называет себя нутроном. А кому хочется стать юным нутроном? То ли дело — астрономом! Сиди себе в куполе, что в башенке над Домом Пионеров, гляди на звезды.

А нутрономы обитают поближе к земле. А еще лучше, чтоб ничего аппаратуру не расстраивало — в подвале или пещере. Как не заработать в таких местах артрит, ревматизм и прочие подобные болезни? И ведь если подумать, нутрономия нужна для народного хозяйства. Это серьезная задача — рассмотреть в толще земли все аномалии. Пока у Дня-Доброго получается не всегда и не все. Зато когда все заработает — все клады будут найдены, все залежи угля, нефти, золота или алмазов — на здоровье. Все пещеры, все подземные ходы будут как на ладони, и останется только нанести их на атлас.

Пока через прибор Дня-Доброго мы как-то увидели берег моря, которое лежит глубоко под Москвой, и даже рассмотрели скелет какого-то древнего ящера, находящийся прямо под Домом Пионеров на глубине полукилометра. Жаль, что затем прибор задымился и вышел из строя.

Сейчас День-Добрый мастерил новый аппарат, который занимал чуть не половину его секции. На новый нутроскоп уходил почти весь припой, выделяемый для Дома Пионеров, а микросхемы так и вовсе добывались всеми правдами и неправдами.

Проводив посетителя, я зашел в секцию судомоделизма — мне там была обещана модель корабля для демонстрации изобретения. Там вкусно пахло деревом, Федька Митяев колдовал над клипером «Город Аделаида».

— Чудак-человек, — сказал я. — Ведь ты его уже год делаешь. Настоящий, поди, и то быстрее построили. А толку с того? Его даже на воду спустить нельзя!

— Не скажи, — обиделся Федька. — Вот есть в твоей секции братья Симоны, от их работы какой толк?..

Мне пришлось согласиться: братья Симоны сейчас строили уже двенадцатую модель вечного двигателя. Парусник, по крайней мере, был красив.

Уходя, я посмотрел на надежный морской барометр, некогда подаренный секции одним капитаном дальнего плавания. Прибор сейчас вполне отчетливо указывал не на «Бурю» и даже не на «Дождь», а на «Переменно». Очевидно, что с прогнозом погоды, ласточками и барометром все было в порядке.

Что-то не так обстояло с артритом.

Выйдя из метро, я зашел в магазин.

Висящие под потолком вентиляторы лениво перемешивали воздух. У окон судачили бабушки: они где-то слышали, будто сегодня завезут финский сервелат, и теперь жили в его предвкушении.

— Слыхали? — сообщала товаркам одна бабуля. — Над Парком Культуры опять видели летающие тарелки!

— Чиво? — спросила другая. — Чиво она говорит?..

— Говорит, в Москву сервис с Марса прилетал!

— А-а-а! А где будут продавать?

Себе я купил мороженных кальмаров, глыбы которых лежали в прилавке-холодильнике. Полагаю, что многие совершенно напрасно недооценивают такую еду. Пища вкусная, полезная, здоровая и экологически чистая.

Домой я пришел около шести. Заглянул в почтовый ящик, надеясь, что пришел свежий номер «Юного Техника», но там были лишь газеты.

Надо было выгулять Руслана — моего лучшего друга, огромного ньюфаундленда. Недавно Сорокалет подарил мне ультразвуковой свисток, рассказав, что его сигналы слышат собаки. И теперь на пустыре я упражнялся с Русланом — отдавал команды, которых не слышали люди. Во время занятий у меня возникла мысль: а что если к этому свистку приложить какой-то прибор, который делает ультразвук слышимым для людей. Тогда, скажем, милиционер мог сзывать помощь совершенно бесшумно.

Вернувшись с прогулки, я зашел на кухню, желая поужинать. Там застал сестру Настасью с ее женихом. Влюбленные как обычно выглядели преглупо. От любви, если подумать, толку еще меньше, чем от Федькиного парусника. Открыв холодильник, я достал бутылку кефира. Пока нарезал хлеб, заговорил Артем.

— Вот я тебе такое расскажу, тебе, наверное, будет интересно. Человек ехал в автобусе. И вдруг как током ударило — чувствует, там, где зуб был, — пусто, дыра! Ты представляешь! Из закрытого рта пропал золотой зуб.

— Чепуха, — ответил я. — Он его, наверное, раньше потерял, а только в автобусе заметил.

— Был бы один случай — сам бы так сказал, но говорят, уже не то у трех, не то у пяти человек такая пропажа. В милицию с таким не пойдешь, в бюро находок не обратишься. Вот идут к нам в газету.

Артем сейчас работает в газете, спортивным обозревателем и занимается боксом.

— Ну что, гений, как такое объяснишь?..

Мне оставалось пожать плечами. Ужинать я ушел в свою комнату. В библиотеке мне дали подшивку журнала «Химия и жизнь» за последние пять лет, и, погрузившись в чтение, я быстро забыл о рассказе Артема. Отвлёкся лишь когда за окнами стемнело, и следовало включить в комнате свет. И, поднявшись из-за стола, я вспомнил, что обещал позвонить Сорокалету.

...Помня предыдущий опыт, завхоз Дома Пионеров принес три огнетушителя: два огромных, в половину моего роста, и один небольшой.

В тот день каждый счел нужным наведаться в подвал, посмотреть на нутроскоп. Я так и вовсе бегал туда по той или иной причине каждый час. В послед-

ний раз спустился вместе с Сорокалетом. Он едва не опоздал, приехав с научного совета на такси.

— Как ваш артрит, — спросил я Дня-Доброго, вспомнив о вчерашнем разговоре. — Прошел?

— Да-да! — закивал тот. — У меня есть чудесное лекарство, я вам сейчас покажу.

— Я помню, — остановил его я. — Золотое лекарство.

День-Добрый виновато улыбнулся. Как и все ученые, он был рассеян.

— А погода, надо сказать, не испортилась, как вы говорили.

— Сам не знаю, почему. Первый раз меня артрит подвел, — День-Добрый повернулся к установке. — Ну что? Включаем?..

Сорокалет на правах старшего по возрасту и званию кивнул.

О пожаре в Доме Пионеров вы, верно, читали в газетах.

Нутроскоп, как я и говорил, занимал половину комнаты, отведенной Дню-Доброму. Состоял он из полудюжины этажерок с микросхемами, визора — детали, которая должна была своим электронным взглядом пронзить толщу земли, пульта с экраном от телевизора «Березка» и множеством кнопок и переключателей.

И стоило Дню-Доброму нажать главную кнопку, все вспыхнуло, как новогодняя елка. Взорвался экран, забрызгав нас стеклянной пылью, загорелись провода. Визор, словно ракетный двигатель, стартовал с пола и ударился в потолок.

— Так разве должно быть? — спросил стоящий рядом Федька Митяев.

— Хватай огнетушитель! Туши пожар!..

Изоляция горела, выдавая едкий дым.

— Что вы делаете! — закричал День-Добрый. — Это же кислотный огнетушитель! Вы испортите все схемы!

Но нам с Федькой было не до схем — не сгорел бы весь Дом Пионеров. Раньше нужно было думать — а теперь требовались действия! По тревоге сбежались остальные, со своими огнетушителями.

Пожарные к нам заглядывают часто — то в ракетомодельном кружке случится нештатная сработка двигателя, то у юных химиков что-то не так пойдет. И к тому времени, как они приехали, огонь был потушен. Мокрые, мы сидели на крыльце Дома Пионеров.

— Ну-ну, коллега... Не расстраивайтесь так. Все мы сталкиваемся с неудачами, — успокаивал Сорокалет Дня-Доброго.

— Как такое может быть? Я же все проверял! — роптал День-Добрый. — Что теперь делать?..

— Ну что делать? Начинать заново. В конце концов, что кроме труда может все преодолеть? — отвечал Сорокалет.

День-Добрый покачал головой:

— Я и так многое брал в долг... К тому же чертежи сгорели или смыты водой.

Напасти на том не окончились. День-Добрый попытался снести сгоревшие схемы в утиль, дабы хоть немного восполнить убытки. Но оплавленные радиодетали вернули: оказалось, что там отсутствуют драгоценные металлы, которые должны содержаться.

— Может, попались бракованные микросхемы, транзисторы... — предположил я.

После неудачи из секции нутрономов ушли два последних пионера, и День-Добрый на время ремонта переселился в секцию радиолюбителей.

— Я же все проверял, каждую деталь! Это безумие!

Раздосадованный, он довольно сильно стукнул по древнему телевизору «КВН-49», стоящему в углу. Кто-то из занимающихся здесь нашел этот антиквариат на чердаке у бабушки и принес, надеясь отре-

монтировать. Но запчасти для него уже давно не выпускались.

День-Добрый достал из кармана пенал с таблетками и бросил одну в рот. Таблетки были уныло-серого цвета.

— Помогает? — спросил я.

День-Добрый кивнул. И тогда меня осенило.

— Вставайте... Едем к Сорокалету. Это важное дело.

— Это какая-то несусветица! — как ни странно, возмутился День-Добрый. — Это антинаучно, в конце концов.

Я взглянул на Сорокалета, тот не поддерживал меня, но и мысль Дня-Доброго тоже не одобрил.

— Ну, сами подумайте, — стал повторять я свои доводы. — Я читал о вашем лекарстве в «Химии и жизни». Соль золота устраняет боль. Как только из вашего организма изъяли золото, защита пропала, и вы получили приступ артрита.

— Занятненькая гипотеза, — возразил День-Добрый. — На минуту вообразим, что это технически возможно. Но где логика здравого смысла? Иными словами, — зачем?..

— В организме каждого человека содержатся металлы, в частности в виде примеси, и золото.

— Положим, что так. Но в среднем это около одной миллионной доли грамма, — ответил Сорокалет.

— А золотое лекарство?..

— ...Повышает содержание в пятьсот раз. То есть пять десяти тысячных грамма. Тоже немного. Все равно нет никакой выгоды.

И тут я привел свой железный довод:

— А ведь иногда золота в организме и больше — десятки грамм.

— Это как, Бабкин?

— Зубы! Золотые зубы! — ответил я. — И в последнее время кто-то ворует золотые зубы прямо изо рта.

— Но позвольте! — возмутился День-Добрый. — У меня нет золотых зубов.

— А вор, видимо, не знал об этом. Видимо, он проверял всех, кому по возрасту положены вставные зубы.

— Понимаю, коллега, — кивнул Сорокалет. — Если вдруг изъять из радиодеталей весь драгоценный металл, они уж точно не станут работать как следует. Но все же — как такое возможно?..

— Сначала мы должны задуматься над тем, «кто», а уж узнав это, мы узнаем и «как».

— Мы должны торопиться, — сказал Сорокалет. — Золото может использоваться для протезирования сердечных клапанов. И тогда не только здоровье человека будет под угрозой, но и жизнь!

Обсуждая случившееся, мы просидели в кабинете Сорокалета до вечера. Говорят, что следователи начинают с обследования места преступления. У нас их было несколько: автобус, где Дня-Доброго скрутил приступ артрита, его лаборатория в подвале. Еще можно было узнать у Артема фамилии других жертв и места происшествий. Скорее всего преступник как-то был связан с Домом Пионеров. Но его посещают не только пионеры, а уж в день испытания нутроскопа так и вовсе народа было много.

— А что, если... — начал я.

— Не толкайтесь! Мест хватит всем! — осаживал толпу экскурсовод.

Но где там. Каждый хотел попасть в автобус первым, чтоб занять место у окна, чтоб все увидеть. Наконец расположились и поехали.

Дом Пионеров отправился на загородную экскурсию. Что может быть лучше — из жаркого тесного города выбраться на природу?.. Сорокалет с кем-

то договорился, что-то пообещал и получил автобус и экскурсовода к какому-то памятнику подмосковного зодчества, ныне изрядно обветшавшему.

Некогда им владел какой-то сиятельный князь не вполне благородных кровей, который благоволил к чернокнижникам, но на всякий случай построил на своих землях монастырь. Князь собрал довольно неплохую оккультную библиотеку, строил вечные двигатели, призывал демонов, намеревался получить философский камень, который из грязи произведет благородный металл, но в действительности перевел на свои опыты драгоценности жены, фамильное столовое серебро и прочие сокровища. Как следствие — разорился, имение заложил.

Следующий владелец книги князя жечь побоялся, но снес их в амбар. Затем построил церковь с колоколенкой, на которую повесил огромный колокол, дабы изгнать бесов, наверняка привлеченных покойным князем. Но вместо этого в один революционный год изгнали его самого, в имении организовали летнюю дачу, в церкви — библиотеку, но колокол в утиль не сдали, поскольку звон его был исключителен по красоте, и люди, им разбуженные, вставали со свежей головой.

— Сделан он из пластичной бронзы, — пояснял Сорокалет, взявший на себя роль экскурсовода. — При его отливке было израсходовано, кроме меди и олова, двадцать кило серебра и почти килограмм золота.

Я тайком рассматривал своих друзей: не выдаст ли кто себя. Но излишнюю заинтересованность никто не высказывал.

В усадьбе нас ждала экскурсия, после — работа. Здешний колхоз согласился накормить нас и оставить на ночевку при условии, что мы уберем в парке сухостой. После работы и обеда разбрелись: кто-то собирал грибы, которые в здешних рощах из-за отсут-

ствия людей вырастали до совершенно неприличных размеров. Другие удили рыбу, что ровно по той же причине ловилась здесь отлично. Разбившись на две команды, начали играть в футбол. Я читал книгу, порой поглядывая на колоколенку. Руслан дремал у моих ног.

Когда в небе ласточек сменили летучие мыши и начало смеркаться, разожгли костры из собранного сухостоя. Дым тянулся до небес и смешивался с облаками. Хотя колхоз привез ужин, к нему никто не притронулся — в золе пекли картошку, и не было ничего вкусней ее. Попев песни, ушли спать в усадьбу.

Разойдясь по комнатам, долго не могли уснуть, болтали за полночь. Наконец все стихло. Лишь разместившийся в моей комнате Федька Митяев шуршал под одеялом страницами «Хроники капитана Блада», читая книгу в свете фонарика.

В коридоре мелькнули тени, чуть слышно скрипнула половица. И если бы я не ждал этого звука, я бы его, верно, не услышал. Босиком я выскользнул из комнаты, пошел по ледяному полу коридора.

Лестница, длинный коридор, в конце которого — выход на улицу. Очерченные светом — две фигуры.

На шее у меня висел свисток. Я дунул в него, что было силы...

...За окнами все так же качались липы, все так же спали друзья этажом выше. Но что-то изменилось в мире. Перед двумя фигурами бесшумно возникла третья, невысокая, но грозная. Двое отшатнулись, стали отступать и едва не налетели на меня. Это были братья Симоны.

— Ага! Сдавайтесь! — сказал я.

За их спинами грозно зарычал Руслан. Запыхавшись, вбежал Сорокалет. В ухе у него был вставлен наушник, который переводил ультразвук, издаваемый моим свистком, в слышимый диапазон.

— Попались!

Чтоб не будить остальных, мы провели их в столовую.

— Ну-тес, — заговорил Сорокалет. — Вам не говорили, что воровать нехорошо?..

— Говорили, — кивнул Женька Симон, потупив взгляд.

— Мы бы только посмотрели и вернули на место, — заговорил его брат Генка.

— А что же вы прошлое не вернули?..

Братья переглянулись, и вместе потупили взор.

— Ну ладно, — сказал я. — Как видите, нам все известно. Что с вами делать, решим позже. А пока рассказывайте, где держите украденное и как вам удастся все это проворачивать. Чистосердечное признание — сами знаете...

После замешательства заговорил Женька:

— У нас в столе дома все лежит. В верхнем ящике...

— И много?.. Признавайтесь?

— Двенадцать...

— Двенадцать килограмм? — ахнул Сорокалет.

— Да каких килограмм... Книг.

— Книг???

— Ну да, — братья выглядели удивленными не меньше нас.

— Так, давайте сначала, — заговорил я. — Когда я вас настиг, вы шли в часовню.

— Да.

— К колоколу?..

— Зачем нам колокол? — ответил Генка Симон. — Мы шли в библиотеку.

— Во втором часу ночи?..

— Мы узнали — в здешней библиотеке имеется трактат о вечном движении. Мы хотели его прочесть.

Сорокалет и я замолчали и, уверен: в ту минуту думали одинаково. Если все же братья Симоны не крали золото, то сейчас истинный преступник на свободе

и уже ничто не стоит между ним и приманкой. Мгновением позже мы бросились из комнаты.

Сорокалет успел бросить:

— К книгам мы еще вернемся!

Еще бы несколько минут, даже, может, полминуты — и мы бы не успели.

Библиотека-часовня стояла через поляну от усадьбы. И когда мы выбежали на траву, кто-то выпрыгнул из окна библиотеки и понесся к лесу.

— Не успеем... — взвыл Сорокалет.

— Мы — нет. Руслан успеет!.. Руслан, взять.

Через четверть минуты Руслан настиг беглеца, повалил на траву. Тут же подоспели и мы. Трава в лунном свете казалась черной. На ней блекло мерцал золотой слиток.

— Уберите зверя!

— Руслан, фу...

Мы могли бы догадаться: это был Федька Митяев. Именно он ехал с Днем-Добрым, когда того скрутил артрит. Меня сбило с толку, что он уступил место после приступа болезни... Или все же до?.. И День-Добрый просто спутал причину и следствие.

— Поднимайся... — велел Федьке Сорокалет. — И не вздумай ныть.

В начале пятого горизонт посветлел. Втроем мы сидели на лавочке в парке.

Сорокалет вертел в руках прибор — размером с мыльницу с двумя кнопками и экраном на одной из больших граней. На меньших размещались полоски, на ощупь металлические. Стоило провести по ним пальцем — на экране менялась картинка.

Сорокалет выбрал одно изображение, и, поднеся прибор к массивной чугунной урне, стоящей около лавочки, нажал кнопку. На ладонь высыпался какой-то желтый порошок.

— Сера, — пояснил Сорокалет. — Шестнадцать протонов. Содержание в чугуне — около пяти грамм на сто кило.

— Где ты его взял? — спросил я, указывая на прибор.

— Нашел в кабине «Чертового колеса» в ЦПКиО, — ответил, всхлипывая, Федька.

— И что, так просто разобрался?

— Да чего тут разбираться? — ответил Сорокалет. — Во всей вселенной атомы золота выглядят одинаково. Это еще хорошо, что он извлекал из организма золото, а не железо, — оно для человека куда важней.

Немного помолчали.

— А с вором что делать будем?.. — спросил Сорокалет. — У вас при Доме Пионеров, кажется, впору открывать детскую комнату милиции.

Федька всхлипнул громче.

— Эти случаи проработаем на пионерском собрании...

Когда мы шли к усадьбе, уже светало. За рекой пели петухи, и кто-то недремлющий ударил в колокол, извещая мир о начале нового трудового дня.

Колокол звучал глухо, словно был отлит из свинца.

— Ты не золото украл, ты звук украл у колокола! — зло сказал Сорокалет.

Федька молчал.

Звук колоколу, тем не менее, вернуть удалось. Сорокалет провозился с прибором до обеда и установил, что с помощью прибора можно возвращать извлеченное вещество назад.

— И зубы можно вернуть? — спросил я.

— Я не уверен, Бабкин, но прибор, похоже, запоминает структуру до изменений. Удивительная вещь!

Сорокалет желал немедленно вернуться в Москву и уже набирал по межгороду ассистентов, чтоб те собирались и готовили лабораторию.

В столицу мы попали лишь к вечеру и заехали по пути в Дом Пионеров к Дню-Доброму, где задержались попить чай и перекусить.

— Безусловно, надо узнать, какова мощность прибора, какие максимальные объемы он может переработать, — рассуждал Сорокалет, расхаживая между приборами в секции радиодола. — А также откуда он получает энергию для работы.

Это было разумно. Ведь прошлая наша инопланетная находка, проработав четырнадцать дней, сломалась на пятнадцатый. Я говорю о саквояже, который умел похищать мысли и эмоции. Видимо, мы слишком увлеклись извлечением из окружающих ненависти, неуверенности, сомнений... И прибор, не выдержав нагрузки, испепелил себя сам.

— Но вообще, коллеги, открываются невиданные возможности. Митяев был неуч. В речной или морской воде золота содержится около четырех килограмм на кубокилометр. И извлекая драгоценный металл оттуда, он бы никогда не был бы пойман.

Возможности и правда восхищали: мир, в котором нет больше недостатка в редких материалах. Мир, где возможно получение идеально чистого вещества: ведь абсолютно чистое железо ценится гораздо дороже драгоценностей.

Ответно можно было бы получить любой сплав — хотя для этого следовало еще поработать с прибором...

...И тут кто-то в комнате откашлялся.

Мы втроем подпрыгнули.

Кто-то откашлялся еще раз, заговорил:

— Простите, но этот прибор придется вернуть.

Говорил, но не показывал телевизор. Тот самый «КВН-49», не подключенный к электросети и лишенный некоторых деталей.

— Простите, — осторожно спросил День-Добрый, уставившись на телевизор. — А вы, собственно, кто?..

— Мы были на Земле, в Москве с экскурсией и потеряли эту вещь. Нам пришлось возвращаться к вам от Порциона. Это, между прочим, десять ваших световых лет.

Я расстроился: по-честному следовало отдавать. Иначе чем мы будем лучше Федьки.

Но День-Добрый был совершенно иного мнения.

— Я не отдам! — он прижал прибор к себе. — Это как минимум Нобелевская премия! А то, наверное, и две! Да это несправедливо, в конце концов, — если бы не ваш прибор, мой нутроскоп был бы вполне цел!

— Это нечестно с вашей стороны, — ответил телевизор

— Ну! — ответил День-Добрый. — Сейчас вы будете говорить о том, что человечество не доросло до прибора, что мы превратим все в оружие.

— А разве не так?.. Что стоит извлечь из вашего тела, скажем, весь азот? Или превратить броню в труху?.. Примеси бывают и вредные. Очень вредные. Мы не можем вам оставить прибор.

— Мы — хорошие... — заметил я.

— Может быть. Но подумайте вот о чем. Пройдет еще немного времени, и вы вступите в отношения с другими цивилизациями. К вам они уже сейчас присматриваются. Мы вернемся к себе, и нас будут спрашивать: как там земляне? А нам придется ответить, что вы по-прежнему жадные и не желаете отдавать то, что попало к вам в руки?

Это был довод.

У меня с Сорокалетом имелся опыт общения с инопланетянами, и он был неприятен. Впрочем, полагал я, инопланетяне, как и люди, могли быть разными.

Я взглянул на Сорокалета.

Тот расстроено кивнул:

— Надо отдавать...

— Если вас интересует мое мнение — я против, — ответил День-Добрый.

— Двое против одного, — подытожил я.

— Скажите... — спросил Сорокалет невидимого собеседника. — Вы можете восстановить сгоревший прибор? Вернуть золотые зубы их владельцам?

Откуда-то мы знали, что нам нужно делать. Это было что-то вроде светлого озарения.

Взяв такси, мы доехали до Парка Культуры, ворвались через ворота, хотя сторож и кричал, что парк закрывается через четверть часа.

По темным аллеям дошли до площадки аттракционов.

Ящик управления колесом обозрения был закрыт, но Дню-Доброму как-то удалось запустить аттракцион.

Внеземной прибор мы положили в кабинку, которая заскользила вверх. В небе над колесом образовалась туча. И как только кабинка с прибором прошла свою верхнюю точку, туча рванула вверх, исчезнув среди звезд.

Когда колесо сделало полный оборот, оказалось, что кабинка пуста, прибор пропал. Ничего иного мы не ожидали.

— Могли бы что-то оставить, — пробурчал День-Добрый. — Это не мы жадные, а они.

А я чувствовал, что во мне сейчас плескалась идея, которая, если отстоится, может стать лучшим моим изобретением на этот момент. Улыбался и Сорокалет:

— Что с того, что мы потеряли прибор. Зато мы знаем, что он в принципе возможен. И можно будет создать удивительные сплавы, материалы...

— А еще... — рассуждал я, — добыча полезных ископаемых разрушает природу — чтоб выкопать уголь, роют котлованы. Хорошо было бы научиться переме-

щать пласты как плашки в «пятнашках» или кубики в Кубике Рубика.

— Подумаем над этим. Обязательно подумаем.

Чтоб выйти из парка, пришлось перелезть через забор. Сорокалет при этом порвал штаны, чем оказался весьма обижен и расстроен.

— Ну что, по домам, коллеги.

Я кивнул, а День-Добрый покачал головой:

— Я к своему прибору. Ночью — меньше помех... Да и самое творческое время.

МАЙК ГЕЛПРИН,
НАТАЛЬЯ АНИСКОВА

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ДОМАШНИЙ ЛЮБИМЕЦ

Ни один спонсор не верит, что человек может выучить их язык, — это как бы за пределами наших умственных возможностей. Хотя практически все домашние любимцы, кроме уж самых тупых, понимают разговоры спонсоров. А как иначе? Они решат отправить тебя на живодерню, а ты будешь хлопать глазами?

Кир Булычев. Любимец

Домашние любимцы, особенно породистые, из хороших семей, никогда не дерутся. Спонсоры будут недовольны!

Там же

Кондрат, 18 лет, домашний любимец

У моего хозяина, господина Койрыто, две синие волосы на лбу и серебристый круг на груди. Круг означает, что господин Койрыто работает в Управлении безопасности, а две полосы вместо обычной одной —

что он там большой начальник. В нашем городе ни одного спонсора с двумя полосами нет, кроме моего господина, поэтому получается, что он самый главный. А я, раз принадлежу господину Койрыто, самый главный домашний любимец.

Другой бы на моем месте давно зазнался, но я не таков. Мне ничего не стоит поздороваться за руку с Пашкой, любимцем госпожи Яйичко, полагаться с Виталием Петровичем, одряхлевшим любимцем госпожи Рыйло, или запросто потрепаться с Фросей, любимицей госпожи Сеймечко.

Кроме того, я не простой дворовый любимец, как Пашка. Не гончий, как Фрося, которой приходится, вывалив язык, бегать кроссы каждое воскресенье. И не сторожевой, как Виталий Петрович, который живет в будке и, если кто мимо проходит, орет: «Караул! Грабят!» Я — любимец-поводырь: вожу госпожу Койрыто, куда ей заблагорассудится. На поводке, он очень красивый и гибкий. Правда, завистники говорят, что не я госпожу Койрыто вожу, а она меня, но я не обращаю на них внимания, потому что обладаю чувством собственного достоинства и гордостью, не то что, например, Пашка.

Госпожа Койрыто очень добрая, сердобольная и дорожит мной. Недавно она так господину Койрыто и сказала, когда я провинился и тот лупил меня электрической плеткой:

— Смотри, чтоб Кондрашку нехватила койндрашка. А то новый влетит нам в койпеечку.

Между собой спонсоры говорят на своем языке, но обожают вставлять русские выражения.

Прежнего любимца госпожа Койрыто за плохое поведение отправила на живодерню. Но мне это не грозит: хозяева часто повторяют, что я очень послушный и если когда напакощу или нагажу, то не нарочно, а лишь по скудоумию.

Мы живем в городе, который построили спонсоры неподалеку от развалин, оставшихся от места под названием Санкт-Петербург. Город наш очень красивый, дома у спонсоров высокие, просторные и удобные. Еще бы: госпожа Койрыто, например, три с половиной метра ростом, а господин все четыре.

Запираются дома спонсоров на замки, очень прочные и надежные, господин Койрыто говорил, что замки полностью исключают возможность незваного проникновения снаружи. А госпоже Рыйло и замков показалось мало, поэтому они с господином Рыйло завели Виталия Петровича, который живет в будке и сторожит, только неизвестно от кого. И в самом деле, кому придет в голову проникать в дом, разве что сумасшедшему.

Всем, что на Земле есть, мы обязаны спонсорам. Не прилети они к нам сотню лет назад, мы бы давно уже вымерли. Господин Койрыто объяснял: это оттого, что мы слишком глупы и не берегли планету, а, наоборот, землю травили ядами, воздух загрязняли газами, а в воду сливали нефть.

Спонсоры навели на Земле порядок и спасли нас от вымирания. Для этого поголовье людей им пришлось значительно сократить, а тех, кто сопротивлялся порядку, — истребить. Спонсоры очень добрые, и всякий раз, как приходится истреблять, они сильно переживают. Сегодня, например, господин Койрыто вернулся со службы и давай рассказывать об операции по усмирению партизан. Эти партизаны живут в развалинах Санкт-Петербурга и занимаются вредительством.

— Четырьмя вертолетами, — урчал господин Койрыто, уплетая котлеты из брюквы, — сровняли с землей и выжгли все к чертовой майтери.

— Ужас, — разволновалась госпожа Койрыто и схватилась за чешую в том месте, где у спонсоров

сердце. — Бедные аборигены, они сами не понимают, что должны слушаться нас. Кондратик, маленький, ты будешь слушаться мамочку?

— Буду, — подтвердил я.

— Умница, — похвалила госпожа Койрыто и скормила мне кусочек сахара. — Кондратик хороший, Кондратик любит мамочку, Кондратик не хочет, чтобы его пиф-паф.

Вечером я повел госпожу Койрыто на прогулку. Мы выбрались на улицу, миновали забор госпожи Рыйло, на котором написано: «Осторожно! Злой любимец Виталий Петрович», и поравнялись с домом госпожи Сеймечко. В этот момент я ее и увидел. Девушку без ошейника и без поводка, черноволосую, миниатюрную, смуглую, с родинкой на бедре — высоко, почти в паху. Девушка окинула меня взглядом, улыбнулась, и я сразу понял, что ей понравился. Еще бы: я прекрасно сложенный блондин, синеглазый, кудрявый, кожа у меня гладкая и белая, без всяких следов загара, как у дворовых любимцев. И зубы ровные. Я замер на месте и стал смотреть на девушку, которая вновь улыбнулась и заспешила вдоль по улице.

— Караул! Грабят! — зарычал из-за забора Виталий Петрович, едва девушка поравнялась с домом госпожи Рыйло.

— Кондратик! — окликнула меня госпожа Койрыто и дернула за поводок. — Что встал, мой хороший? Хочешь самочку, сладенький?

Я признался, что хочу.

— Нельзя, Кондратик, — строго сказала госпожа Койрыто. — Это дикая самочка, она наверняка заразная. Ничего, маленький, не расстраивайся, мы найдем тебе какую-нибудь чистенькую, из хорошей семьи. Господин Койрыто уже подумывал об этом. У вас будут детки, мы продадим их за денежку, и я куплю своему пусичке пирожок, а может быть, даже мороженое.

Я не ответил. Мороженое я очень люблю, но почему-то сейчас подумал, что хочу его гораздо меньше, чем девушку. И не какую-нибудь, а именно эту, с родинкой на бедре.

Ленка, 23 года, партизанка-подпольщица

Утром вернулся Эрик и сказал, что штаб вынес главжабе смертный приговор и что исполнение возложено на нашу группу.

— О-хо-хо, — поежился дед Артем. — Ухлопаем его — жабы нас возьмут к ногтю.

Жабу так просто не убьешь. Пуля их, гадов, не берет, не говоря уже о холодном оружии. А вот зверствовать после убийства они начнут, как пить дать.

— Приказ штаба, — отрезал Эрик. — Не обсуждается. Сроку нам дали три недели. Необходимо разработать план.

Эрик по очереди оглядел нас и убрался к себе в каморку разрабатывать план. А мне стало не по себе. Одно дело воровство на фабриках или диверсии на дорогах. Другое — устранение, да не кого-нибудь, а самого главного мерзавца, здоровенного жабеня по имени Койрыто. Как, интересно знать, мы будем его устранять. Нас всего-то осталось пять человек, загнанных под землю, слабых, истощавших от голода и болезней.

Дед Артем подбросил сучьев в костер, сполохи пламени озарили наше жилище. Закопченную мозаику на стенах, здоровенные гладкие колонны, самодельные скамьи, кособокий стол. Сто лет назад здесь было метро, катились по рельсам поезда, и мирные люди дремали по пути на работу в вагонах. Поездов больше нет, вагоны разобраны на части и переплавлены в оружие. И рельсов почти нет, и трансформаторных будок, и эскалаторов. И уж точно не осталось мирных людей, ни единого. Всякий, кто живет под землей, —

боец, с младенчества привычный к мысли о том, что в любую секунду может умереть.

План Эрик разрабатывал двое суток. Потом позвал меня.

— Значит, так, Ленка, — сказал он, глядя на меня исподлобья. — По всему получается вот что. На, полюбуйся на этого типа. Иван вчера его щелкнул.

Он протянул мне фотографию, черно-белую, с неважнецким разрешением. На ней был изображен голый парнишка в ошейнике, смазливый до слащавости песик. Жабий прихвостень. Не кастрированный, все положенное на месте. Кучерявый, упитанный, с синими наглыми глазами.

— Да уж, — сказала я. — Красавчик. Кто такой?

— Твой будущий дружок.

— Что? — не поняла я. — В каком смысле?

— В том самом, — вздохнул Эрик. — Этот песик — главжабий любимец. Придется тебе его соблазнить.

Мне показалось, что он ударил меня с маху в лицо.

— Ты что же, — со злостью сказала я, — хочешь подложить меня под этого слюнявого щенка?

Эрик нахмурился.

— Другого варианта нет, — буркнул он. — Перетерпишь. В конце концов, не замуж же тебе за него выходить.

Сейчас ни у кого мужей и жен нет, есть только спутники. Попутчики на дороге к спонсорской пуле, гранате или газу. Вот и у меня был спутник. Карл, Эрика родной брат. Был, пока не напоролся на жабью засаду три месяца назад.

— Дрянь ты, — сказала я. — Ох, и дрянь же.

Эрик помрачнел лицом.

— Дрянь, — согласился он. — Сволочь я, Ленка, и чувствую себя сволочью. Но другой кандидатуры у нас нет. Не Машке же его соблазнять, гада этого.

Да уж. Одноглазой Машке, со шрамами во всю спину, соблазнить вряд ли кого удастся.

— Что ж, — сказала я с горечью, — стану шлюхой. Когда начинать?

— Завтра.

Ночью я вертелась в спальном мешке с боку на бок. Хотелось не то выматериться в голос, не то разреветься, а лучше все сразу. Лечь с этим бобиком, с малолетним жабым лакеем. Да на него смотреть безразлично, я таких, как он, ненавижу, мы все ненавидим. До такого даже дотронуться противно — разве что пинка дать. Холодный ком отвращения повис в животе и не давал уснуть. С тех пор, как погиб Карл, мне вообще никакого мужика не хотелось, даже нормального. А тут... меня замутило, стоило представить себя с этой карикатурой на мужика.

Наутро я нацепила бывший когда-то оливковым пыльник и вылезла из подземелья на свет божий. До жабьего поселения добралась к полудню. На подходе к городку пыльник сняла и прикопала под придорожным кустом. В жабьих поселениях люди одетыми не ходят: боятся эти сволочи, что в одежде можно спрятать оружие. Правильно боятся. До тех пор пока я не осталась нагишом, об этом особо не думалось. Зато теперь... До чего ж противно и постыдно оказалось вышагивать без единой тряпки на теле. Как мишень, в которую каждый встречный целится глазами.

С горем пополам, ежась от смущения, я отыскала дешевую столовку для людей, больше смахивающую на свинарник. Там и перекапталась до вечера, кое-как свыкаясь с тем, что вокруг сплошь неопрятные голые мужики. К семи часам наконец выбралась на улицу, где было по-прежнему светло. Дед Артем рассказывал: ночь вообще не настанет, июньские ночи называют здесь белыми, светло будет, почти как днем. Странное такое, говорил, будет время. Ну, да тем, кто

родился под землей и всю жизнь под ней прожил, один черт — белые ночи наверху или черные. А дед Артем толк в таких вещах понимает: в молодости он на фабрике у жаб работал, пока не сбежал.

Жабы всюду шастали по улицам, одни с прихвостниками-любимцами, другие сами по себе. Время от времени проезжала отполированная до блеска машина. Внимания на меня никто не обращал — голая баба была тут не интересней гнилого полена. К половине восьмого я добралась до центрального квартала и мысленно сверилась с картой. Вон он — дом главжаб, здоровенный, похожий на исполинский гриб. Я укрылась в развесистых кустах поодаль от него и стала ждать, когда жабыя сволочь выведет своего кобелька на прогулку.

Кондрат

Всю ночь мне снилась девушка, та самая, с родинкой на бедре. Утром, проснувшись на своей подстилке в ногах кровати, на которой спали господин с госпожой Койрыто, я подумал, что, наверное, влюбился. Я очень испугался: дворовый любимец Пашка рассказывал, как влюбился, когда ему было восемнадцать, как мне.

— Хорошо, что добрая госпожа вовремя отвела меня к ветеринару, — говорил Пашка. — Полчаса пролежал на столе под наркозом, и, представляешь, влюбленность как рукой сняло. А то бы подхватил какую-нибудь заразу, и госпоже пришлось бы меня отправить на живодерню.

Я привычно облизал госпоже Койрыто чешуйчатые пятки и спустился по лестнице вниз. От мыслей про ветеринара меня мутило, а про живодерню — так попросту бросало в пот. Я с разбегу плюхнулся в бассейн, остудил голову и, усевшись на бортик, принялся думать. Думал я долго. Уже выбрался из дома и потопал на службу господин Койрыто; заскулил, выпра-

шивая пожрать, сторожевой любимец Виталий Петрович; потом госпожа Койрыто позвала меня наверх и оделила миской с утренней кашкой, а я так ничего еще и не придумал. Спасительная мысль пришла, когда я уже расправился с кашкой и госпожа принялась меня причесывать. Я попросту не скажу ей про девушку с родинкой, понял я и тут же испугался, потому что никогда ничего не утаивал от хозяев: того, кто утаивал, ждала живодерня. Минуту спустя, однако, я успокоился. Если ей не сказать, она и не узнает, подумал я и обрадовался собственной сообразительности. И вправду: пока госпожа Койрыто спит послеобеденные два с половиной часа, я вполне успею встретиться с девушкой. Если, конечно, та появится вновь. Вон какая поросль кустов замечательная всего-то в ста метрах от дома. Там нас никто не увидит.

Ленка

Надо же, каким напыщенным, самовлюбленным олухом оказался мальчишка. Я даже не думала, что такие вообще бывают, и с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться, слушая его бредни. Изнеженный, невежественный патологический эгоист. Впрочем, была у этого недоумка одна положительная черта — он не знал, а точнее, понятия не имел, что происходит между мужчиной и женщиной. Его, как выяснилось, жабы этому не учили.

— А сплю я на подстилочке, — хвалился этот крысеныш, по недоразумению названный человеческим именем. — Она рядом с господской кроватью, потому что мне доверяют. И в бассейне я могу купаться, когда захочу. И ошейник у меня самый красивый в городе, а намордник из мягкой кожи и почти не жмет.

— И кушаешь вкусно, Кондратик? — подначила я.

— Очень вкусно, — подтвердил он. — Иногда госпожа даже покупает мне мороженое. Ты когда-нибудь пробовала мороженое?

— Что ты, конечно, нет. Я подрабатываю на фабрике, мне мороженое не по карману. Ой, Кондратик, как же я тебе завидую.

Этот холеный дурень аж залоснился от удовольствия и принялся распространяться о том, как его причесывают, купают, наряжают в попонку и водят на выставки. А я смотрела на него и думала, как же мне повезло. В том, что меня, рожденное под землей пушечное мясо, могут в любой момент пристрелить, но ни одна сволочь никогда не наденет на меня попонку или намордник.

— А как там у вас внутри? — спросила, наконец, я, когда этот недоносок вдруг заволновался, что хозяйка скоро проснется, а значит, ему пора. — Наверное, очень красиво, да? Такой чудесный у твоих хозяев дом.

Он подтвердил, что внутри просто замечательно.

— Ах, как же я мечтаю на это посмотреть, — сказала я. — Но мне, наверное, нельзя?

Он надулся от спеси, сообщил, что на самом деле нельзя, но может быть, удастся что-то придумать. Затем мы договорились, что я снова приду послезавтра, и он ускакал. Я выбралась из кустов и поспешила по улице прочь. Мне отчаянно хотелось вымыть руки, будто измарала их в нечистотах.

— Караул! Грабят! — заблажил стариковский надтреснутый голос мне вслед.

Я на секунду замерла, затем быстрым шагом двинулась дальше и к вечеру была уже под землей.

— Старого пса надо грохнуть, — сказала я Эрику. — И быстро, до послезавтра дожить он не должен.

— Понял. А что у тебя с этим?

— Пока ничего. И слава богу, что ничего, — ответила я. — Но можешь быть спокоен, с ним я как-нибудь справлюсь.

— Я думаю, — почесал в затылке Эрик, — что тебе надо бы это дело форсировать. Чем скорее покончим с этим, тем лучше.

— Занимайся своим делом! — вызверилась я на него. — А я займусь своим. Мало того что хочешь превратить меня в шлюху, так теперь будешь командовать, когда ноги раздвигать?!

— Все-все, — сдал назад Эрик. — Извини, нервы.

Кондрат

Весь следующий день я промаялся, потому что не мог дожидаться завтрашней встречи с Ленкой. Больше того, я стал рассеянным: утром забыл облизать го-споже Койрыто пятки, за завтраком уронил на пол миску с кашкой, а потом, задумавшись на ходу, сыграл с лестницы.

В довершение всех бед вечером, когда господин Койрыто вернулся со службы, я поскользнулся на ровном месте и случайно раскокал вазу, которая досталась господину Койрыто в подарок, а раньше стояла в каком-то месте со странным названием «Эрмитаж».

— Сучий сын, — приговаривал господин Койрыто, охаживая меня электроплеткой.

— Дорогой, он хочет самочку, — вступилась за меня госпожа Койрыто. — У отсталых рас желание спариваться непременно сопровождается всякими дикостями, ну, ты же знаешь.

— А где я ее возьму, — недовольно проворчал господин Койрыто, но плетку бросил. — У нас тут не питомник.

— У госпожи Сеймечко прекрасная самочка, — зачастила госпожа Койрыто. — Зовут Фросей. Давай, сосватаем ее нашему Кондратику.

Господин Койрыто задумчиво почесал когтями брюхо.

— Породы разные, — буркнул он. — Нарождает ублюдков, кто их потом купит.

— Ничего, — утешила господина Койрыто моя мудрая хозяйка. — Если помет выйдет неудачным, его можно будет утопить в реке.

— Ладно, — согласился господин Койрыто. — А Сеймечки не против? — обеспокоенно спросил он мгновение спустя.

— Конечно, нет. Для них честь породниться с нами через любимцев.

С тем легли спать, и господин Койрыто сразу захрапел, а я до полуночи ворочался на своей подстилке и тихо плакал. Я совсем не хотел Фросю. Во-первых, потому, что она некрасивая, а во-вторых, потому, что хотел Ленку. Хотя что такое «хотел», я и сам толком не знал.

Наутро прибежала разгневанная госпожа Рыйло. Ночью, пока все спали, Виталий Петрович издох.

— Отраву какую-то сожрал, — жаловалась госпожа Рыйло. — Шибко пожрать любил. Что ж нам теперь делать? Сторожевые любимцы — товар редкий и дорогой, да и пока новый выучится, не один год пройдет.

— И не говорите, — посочувствовала госпожа Койрыто. — Я не представляю, что буду делать, если Кондратик околеет. К тому же цены на любимцев сейчас куйсаются. Ты ведь не собираешься околесть, Кондратик, пуска?

Я сказал, что совершенно не собираюсь, и получил в награду кусочек сахара.

Ленка

— Виталий Петрович издох, — пожаловался мне этот смазливый жабий выкормыш.

— Умер, — поправила я. — Про людей говорят «умер» или «погиб».

Он не стал возражать и принялся, пуская слюни, рассказывать про какую-то Фросю. Я слушала вполуха, с трудом преодолевая безразличность.

— Кондратик, — сказала я, когда молокосос на мгновение заткнулся. — Так ты покажешь мне дом госпожи Койрыто? Помнишь, ты обещал, я очень хочу посмотреть.

Он стал бубнить, что много думал и что это очень опасно, потому что если нас кто увидит, его сразу отправят на живодерню.

Туда и дорога, про себя напутствовала я, а вслух сказала:

— А ночью, Кондратик, миленький? Ночью, когда все уснут, ты ведь можешь отпереть мне дверь? Никто не увидит, а я быстро посмотрю и сразу уйду.

«Предварительно пристукну тебя и взведу бомбу, а потом уже уйду», — добавила я мысленно.

— Ночью... — замялся он. — Нет, Ленка, ночью тоже нельзя. А если госпожа Койрыто проснется? Или господин.

— Скажешь, что пошел по нужде.

— У меня для этого есть ведро в прихожей, — напыжился от важности этот щенок.

— Так что же, ты, значит, так и не покажешь мне, как живешь? А если, — я стиснула зубы и тут же почувствовала себя настоящей шлюхой. — А если я тебе за это отдамся?

— Как это «отдамся»? — изумился он.

«Дать бы тебе по башке, — мечтательно подумала я. — Залепить с размаху в холеную глупую морду».

— Как женщина мужчине, — подавив отвращение, объяснила я. — Что, тоже не понимаешь? Как самка самцу.

Он вдруг смутился и покраснел, я даже не ожидала, что это домашнее животное на такое способно.

— Госпожа сказала, что скоро меня отведут к самочке, — жалобно протянул он. — К Фросе. А я не хочу.

— Почему не хочешь? — механически переспросила я.

— Потому что не люблю Фросю. А тебя люблю.

— Что? — опешила я. — Что ты сказал?

— Что люблю тебя.

Позже я поняла, что ненависть ушла из меня в этот самый момент. Исчезла, сменившись на жалость. Мне никто не говорил этих слов, никогда. И хотя я знала, что недоумок сказал их лишь от косноязычия, мне стало вдруг ни с того ни с сего приятно. словно он подарил мне нечто такое, на что я никогда не рассчитывала, чего была лишена без всякой надежды когда-либо получить.

— Когда тебя должны повести к Фросе? — спросила я.

— Не знаю, — понурился Кондрат. — Госпожа сказала, что скоро.

— Ладно, — я неожиданно для себя самой погладила его по плечу. — Не волнуйся, что-нибудь придумаем.

Мы договорились о новой встрече, и я отправилась восвояси. С Фросей можно было бы поступить так же, как со стариком, только смысла не было. Мало ли их в городе, этих фрось. Я внезапно остановилась и едва по лбу себя не хлопнула. «Дура, — сказала я себе. — Сентиментальная идиотка. Нашла себе заботу — собачью свадьбу. Пускай даже этих собак хоть сто раз по ошибке называют людьми».

— У нас все готово, — встретил меня Эрик. — Бомбу собрали, бахнет так, что ошметки жаб будут потом соскребать с деревьев. Ребята готовы, ждут. Ты как?

— Мне еще нужно время, — сказала я.

— Сколько?

— Не знаю. Надеюсь сладить все в следующий раз. Послушай, тут вот какое дело. Я бы не хотела его убивать.

— Кого «его»? — изумился Эрик. — Главжабу?

— Парнишку.

Эрик уставился на меня словно на сумасшедшую. За его спиной захихикала Машка, гыкнул Иван, крикнул от удивления дед Артем.

— А что с ним прикажешь делать? — пришел наконец в себя Эрик. — Может быть, сюда его притащим, на поводочке будем водить? Выгуливать, выкармливать или что там с ними делают.

Я тряхнула головой, избавляясь от невесть откуда взявшегося приступа слюнтяйства.

— Твоя правда, — сказала я. — Извини, расклеилась.

Кондрат

Целый день я не находил себе места. Я запутался: влюбиться оказалось очень болезненно. И еще не в ту, в которую велят хозяева, а совсем в другую, за которую запросто можно загреметь на живодерню.

Я пытался сообразить, зачем Ленке так уж необходимо попасть внутрь дома, но сообразить никак не удавалось. Едва я начинал думать об этом, Ленкина фраза «Я тебе за это отдамся» вытесняла из головы все остальное. Мне казалось, я понял, как это произойдет, хотя до конца и не был уверен. Почему-то я хотел этого, как ничего другого на свете, даже мороженое я никогда не хотел так сильно. И еще стоило об этом подумать, внизу все пылало жаром и напрыгалось, да так, что по нужде толком было не сходить.

Ночью я поднялся с подстилки и, стараясь ступать бесшумно, спустился по лестнице на первый этаж. Осмотрел замки на парадной двери, затем на двери черного хода. Запирались они хитроумным устройством, которое господин Койрыто носил в служебных портках. Отпереть замки труда не составит, вон они, портки, висят сикось-накось на спинке стула.

Заснул я только под утро и проспал пробуждение господина Койрыто, за что тот меня пнул и пообещал вечером отлупить. Мне было безразлично, я даже вымаливать прощение не стал.

Утром на прогулке я спотыкался, путался у хозяйки под ногами, отвечал невпопад и очухался, лишь когда она сказала, что я, кажется, заболел, а значит, надо отвести меня к ветеринару.

Едва госпожа Койрыто погрузилась в послеобеденный сон, я вприпрыжку побежал к Ленке. Она, как и в прошлый раз, сидела в кустах, подтянув к себе коленки и положив на них подбородок. При виде нее у меня сладко заныло в груди.

— Сегодня ночью, — выдохнул я. — Я открою дверь и впущу тебя. Ты придешь?

Ленка встрепелась.

— Завтра, — быстро сказала она. — Завтра в полночь, сегодня я не смогу. Кондрат, хотела тебя спросить. Ты вчера сказал, что любишь меня. А жаб ты тоже любишь?

— Не говори так, — испугался я. — Жабами спонсоров называют только плохие люди. Бунтовщики, партизаны...

— Да-да, конечно, — согласилась Ленка. — Извини. Так что, спонсоров ты тоже любишь?

— Люблю, — признался я. — Но по-другому. Они ведь мне как родители. У меня не было родителей, и тогда госпожа Койрыто стала моей мамой, она мне сама говорила.

— Мамой... — повторила Ленка. — До чего же кошунственно это звучит. Ты, впрочем, не поймешь, почему. Ладно, черт с тобой. Мне ложиться?

Я смутился. Мне казалось, что все должно произойти вовсе не так. Правда, как именно, я и сам не знал.

— Если хочешь, — неуверенно ответил я. Внизу у меня все уже словно горело.

В этот момент сверху вдруг загрохотало. Я задрал голову и ахнул. Вертолет господина Койрыто с двумя синими полосами по бортам стремительно спускал-

ся. Хозяин никогда не возвращался со службы домой в неурочное время.

— Что-то случилось! — бросил я Ленке. — До завтра. Я вскочил и со всех ног побежал к дому.

Ленка

— Значит, так, — Эрик расстелил на столе карту. — Утром выдвигаемся, до города идем порознь. За взрывное устройство отвечаем мы с Машей. Остальные накапливаются, — он ткнул пальцем в карту, — вот здесь. Это столовая для бедноты, в пятнадцати минутах ходьбы от объекта. За объектом будете вести постоянное наблюдение попарно, пары меняются каждые два часа. Я координирую. Если неожиданностей не будет, за четверть часа до полуночи сосредоточиваемся здесь, — Эрик снова ткнул в карту. — Объект отсюда в прямой видимости. Сюда же мы с Машей доставляем взрывное устройство. В полночь должен появиться любимец и, предположительно, направиться в нашу сторону. Дверь, опять-таки предположительно, останется незапертой. Как только мы в этом убедимся, любимца гасим, дальше по обстоятельствам. Все понятно?

Я долго не могла заснуть. Умом я понимала, что мальчишку придется устранить хотя бы потому, что, пощади мы его, проживет он недолго. Если останется в городе, жабы его уничтожат сразу. А в подземельях загнется сам, а если не загнется, Эрик его все равно пристрелит, не таскать же с собой такую обузу.

Умом я понимала. И, тем не менее, чувствовала себя убийцей, несмотря на то, что старого цепного пса приговорила с легкой душой. Заснула я лишь под утро, и когда Машка меня растолкала, долго не могла прийти в себя, потому что снилась мне мерзотная гнусная жаба, подмигивающая по-свойски, словно я была одного с ней толка.

К полудню я добралась до столовой для бедных и подседа за столик к деду Артему, который, уронив нечесаную лохматую голову на столешницу, изображал пьяного оборванца.

— Переживаешь? — не открывая глаз, спросил дед Артем. — Не переживай, Ленка, я вот радуюсь, что дожил до сегодняшнего дня, что могу хоть как-то поквитаться с этими тварями.

Я хотела было ответить, что не в мести дело, но в этот момент в дверях появился Иван, нашел меня взглядом и поманил наружу.

— Там этот, — сказал Иван, едва мы переступили через порог. — Любимец чертов. Я думаю, тебе стоит пойти на него посмотреть.

— А что такое? — удивилась я. — Зачем мне на него смотреть, ночью еще насмотрюсь, успею.

— Да какой-то он не такой, — развел руками Иван. — Ходит, ревет навзрыд, будто девка, которую вот-вот изнасилуют.

Через полчаса я изучила, как выглядит огорченная предстоящим изнасилованием девка. Вид у мальчишки действительно был не лучший.

— Кондратик! — окликнула я.

Он жутко обрадовался и, озираясь, порысил ко мне.

— Ленка, — сказал он, на ходу утирая глаза. — Как хорошо, что ты пришла. А то меня завтра отправят на живодерню.

— Что?! — изумилась я. — Куда отправят?

— На живодерню, — захныкал Кондрат. — Хозяева думают, что я не понимаю языка спонсоров. А его все любимцы понимают, кроме самых тупых. Вчера господин Койрыто сказал, что не забирать же им меня с собой.

— Как это «с собой»? — не поняла я. — Куда с собой? Жабы переезжают?

— Они улетают от нас, — вновь захныкал Кондрат, забыв сделать мне выговор за то, что назвала его благодетелей жабами. — Господин Койрыто вчера сильно гневался. Говорил про каких-то инспекторов, которые осудили деятельность спонсоров и велели им убраться отсюда. В городе под названием Аркадия кто-то из спонсоров очень ошибся, инспекторы про что-то узнали, не знаю про что, и вчера пришел приказ всем спонсорам улетать восвояси. Госпожа Койрыто даже плакала, переживала, как мы, люди, без них тут будем. А меня решили — на живодерню. Из жалости: потому что без заботы и ухода я сам издохну, только медленно.

— Постой, — до меня еще не дошло. — Ты что же, хочешь сказать, что эти гады оставят нас в покое? Ты точно слышал?

— Точно, — заскулил Кондрат. — Господин Койрыто сказал, им всем дали неделю на эвакуацию. От любимцев, сказал, необходимо изба-а-авиться.

— А ну, прекрати хныканье! — рывкнула я на него. — Где сейчас это твое корыто?

— В доме, он не полетел сегодня на службу. Пришли господа Рыйло, Яйичко и Сеймечко, а меня выгнали, чтобы не путался под ногами.

— Вот как, — сообразила я. — То есть им сейчас не до тебя. А ну, стой здесь и не уходи никуда. Я вернусь через час, чтобы был здесь, ясно тебе?

От моей новости у Эрика отвисла челюсть.

— Не может быть, — сказал он, выслушав до конца. — Это наверняка ловушка. Жабы специально слили ложную информацию своему кобельку.

— А если не ловушка? — встрял дед Артем. — Если эти гады на самом деле выметаются?

— Через неделю увидим, — решительно рубанул воздух ребром ладони Эрик. — Так, операция отме-

няется. Отсидимся под землей, посмотрим, как оно будет.

С минуте мы молчали.

— А почему, собственно, отменяется? — нарушил наконец паузу дед Артем.

— Да, почему? — поддержала я.

Эрик удивленно заморгал.

— С ума сошли? — спросил он. — Какая сейчас может быть, к чертям, операция! Нам явно слили дезинформацию и ждут в засаде, мы все там поляжем. Но даже если не слили, бывают же на свете чудеса... Я слышал, что бывают, хотя не видел ни одного. В общем, если так, то какого черта их убивать?

— Точно, — ахнула Машка. — Если они... Если... Боже, неужели жабы действительно отсюда сгинут? Я не верю! Но если вдруг — пускай проваливают подобру-поздорову.

— А вот не выйдет, — неожиданно жестко сказал дед Артем.

— Что не выйдет?

— Не выйдет подобру-поздорову. Операция состоится.

— А я сказал, операция отменяется! — рявкнул Эрик. — Мы все уходим прямо сейчас, в жабью ловушку не суемся.

— Уходи, — дед Артем махнул рукой. — А я остаюсь. Даже если это ловушка.

— Как хочешь, — холодно обронил Эрик. — Оставайся.

— И я остаюсь, — выпалила Машка.

— И я, — поддержал Иван. — Пускай сдохну сегодня, но шанса не упущу. Ленка, ты?

Я молча кивнула, но через секунду спохватилась.

— Согласна, — выдохнула я. — С одним условием: любимца оставляем в живых. Делать будем прямо сейчас, пока жабы сидят там внутри. И не так, как планировали, а по обстоятельствам. Наши обстоятельства — изменились. К лучшему.

Кондрат

— Смотри, видишь эту штуку? — Ленка развязала стянутый тесьмой мешок и показала мне пузатый, грязно-зеленого цвета баллон. — Занесешь его в дом, пристроишь где-нибудь в углу, а потом переведешь вправо вот этот рычажок. Как только сделаешь, сразу уходи, не задерживайся. У тебя будет всего три минуты.

— Почему всего три? — растерялся я. — И зачем это? Госпожа Койрыто никогда не разрешала приносить вещи с улицы.

— Так надо. Если все правильно сделаешь, на живодерню тебя не отправят, — объяснила Ленка.

— Правда? — обрадовался я. — Не врешь?

— Честное слово, — поклялась Ленка. — Только смотри, делай все аккуратно. Если спросят, что в рюкзаке, не отвечай. Просто переведи рычажок и драпай оттуда.

Мешок, который Ленка назвала рюкзаком, оказался тяжеленным — пока тащил его до крыльца, я вспотел. С трудом протиснувшись в дверь, я с облегчением свалил мешок на пол и перевел дух. С верхнего этажа доносились сердитые голоса — господин Койрыто выговаривал за что-то господину Яйичко.

— Кондратик, маленький, — позвала меня госпожа Койрыто. — Бедняжка, знаешь, как мне будет тебя не хватать? Иди к мамочке, сладенький, я тебе пожалею.

Я раскрыл мешок и перевел вправо рычажок на грязно-зеленоватом баллоне, как велела Ленка.

— Кондратик, ну где же ты?

Я не ответил. Выскочил на крыльцо и побежал от дома прочь, к кустам.

— Сделал? — подалась мне навстречу Ленка.

Я гордо кивнул.

— Молодец, — похвалила она. — Бежим отсюда.

Ленка ухватила меня за руку и потащила за собой.

- Подожди, — уперся я. — Зачем нам бежать?
- Чтобы не посекло осколками, недоумок.
- Какими осколками?

У меня похолодело внутри. Я вспомнил исторический фильм, который смотрел по телеку вместе с госпожой Койрыто. Осколки получались, когда взрывался снаряд, которым глупые люди пытались убить доблестных спонсоров. В фильме убить никогда не удавалось, но мне стало неприятно.

— Потом объясню, — с досадой бросила Ленка. — Да поторопись же ты, черт тебя побери!

И в этот момент я понял. Понял, что принес в дом, и почему у меня было всего три минуты, и что две из них уже истекли. До меня дошло, что я сейчас наделал, что натворил. Я выдернул руку и опрометью помчался обратно к дому.

— Мама! — плача, кричал я на бегу. — Ма-а-а-а-ама...

АЛЕКСАНДР ГОЛИКОВ

ЛЬГОТЫ ДЛЯ НЕРВНЫХ

— Вот я и фликнула.

— Что сделали?

— Флик-ну-ла.

Кир Булычев. Протест

Меня зовут Ким Петров. Когда-то я был хорошим прыгуном в высоту (два пятьдесят четыре на Олимпиаде в Песталоцци — результат и по нынешним временам куда как приличный), потом стал неплохим функционером при Олимпийском комитете Земли (спасибо Сплешу за предоставленную возможность там работать — налетался по секторам за казенный счет, улаживая неизбежные конфликты между планетными федерациями), а после как-то тихо и незаметно ото-

шел от дел: скромный банкет-проводы, скромная медалька за вклад в дело популяризации спорта на окраинных секторах и вот она, жизнь на пенсии. Я, как новоиспеченный пенсионер, недолго думал, куда приткнуться и чем заняться на заслуженном отдыхе. Имелась пара-тройка вариантов, что да как, и в итоге выбор пал на Илигу. Понравилась она мне своей непредсказуемостью еще тогда, в тот первый визит, когда разбирался с Машей и ее неосознанным желанием фликнуть на ответственных соревнованиях. Сам инцидент по сути своей грозил планете весьма суровыми санкциями, но... Хорошо все, что хорошо кончается. Благодаря вашему покорному слуге. И теперь илигская спортивная федерация далеко не последняя в своем секторе, а Маша сидит напротив и, смешно морща курносый носик, что-то старательно заносит в планш. Она заметно пополнела (время неумолимо), легкой атлетикой после того случая заниматься перестала, однако от привычки красить волосы в зеленый цвет так и не отказалась. Мне с ней легко. Зато со всем остальным, если честно, не очень.

Начать с того, что вид на жительство я получил... как бы это помягче? Со скрипом. Миграционный департамент рассматривал поданные документы чуть ли не под микроскопом, пока я околачивался в гостинице при космопорте. Даже мои заслуги в том случае с Машей не особо помогли, местные чиновники смотрели на мою персону как-то с подозрением, прямо скажем, косо смотрели (причину я понял чуть позже). Дальше — больше. Снять домик или квартиру оказалось настоящей проблемой. И дело было непонятно в чем, пока я не уразумел, что суть в природе самих илиганцев. Надо же! Из-за этого, собственно, я сюда и прибыл на ПМЖ, и она же (их природа), оказывается, мне и мешает тут поселиться. Да-да — все дело в способности жителей Илиги менять свою биологическую сущность в стрессовых ситуациях. Другими словами,

в той самой фликутации. Фликнуть для илиганца примерно то же самое, что для меня вздрогнуть от неожиданности. Ну, не совсем так, конечно, но где-то близко. А если еще учесть, что эту свою особенность илиганцы тщательно скрывают и пользуются ей крайне редко, то вы поймете, отчего департамент так неохотно выдал необходимые документы, а жилье найти удалось лишь через неделю. Кому из местных охота фликнуть на глазах чужака с другой планеты? В общем, я их понимаю. И не осуждаю. Вы бы стали, например, при посторонних снимать нижнее белье? Вот именно...

Но суть в другом. Эта способность местных фликать в экстремальных ситуациях натолкнула меня на одну толковую мысль, позже оформившуюся во вполне материальное воплощение в виде небольшого офиса с секретаршей за рабочим столом. Идея заключалась в следующем: а не попробовать ли изучить данный феномен как следует и не попытаться ли каким-либо образом приспособить его к делу? Или просто понять, как работает сам механизм флика? Идея мне очень понравилась, и я с энтузиазмом засучил рукава, приступил, так сказать, к ее осуществлению. Надо ли говорить, что первой и пока единственной помощницей во всем этом начинании стала зеленоволосая Маша с курносым носиком? Которой, кстати, энтузиазма также было не занимать?

Однако все оказалось куда проще и сложнее одновременно. Проще в том смысле, что местные ученые давно уже изучили механизм фликутации и выделили некое вещество, никому тут на фиг не нужное (называлось оно, кстати, *флук*). А сложности начались, когда я попытался по наивности заполучить этот самый флук для своих целей (на тот момент не до конца еще ясных). Это сейчас я понимаю свою наивность и даже легкомысленность, а тогда чесал репу в недоумении и даже возмущался. Пока, опять же, не родилась тол-

ковая мысль облечь данное желание во вполне легальное предприятие с соответствующей вывеской да с маленьким офисом. Да уж — одно дело, если ты берешь некоторое количество флука непонятно для чего, и совсем другое, если ты его продаешь и при этом платишь в казну налоги. Реализуешь, если образно, чуть ли не прошлогодний снег, некую субстанцию, неизвестно как работающую, и получаешь в результате вполне реальные деньги. И мне хорошо, и Илиге нормально.

В бытность свою олимпийским функционером был я и напорист, и целеустремлен, и хладнокровен, немаловажные качества при той работе, но здесь пришлось учиться и кое-чему иному. Вежливости, например. Особенно со своими соотечественниками-землянами, что частенько наведывались на Илигу, как только мой бизнес более-менее наладился. С другими расами тоже хватало забот, но с моими земляками их было на порядок больше. Особенно с теми, кто не вписывался в критерии отбора. А тут, надо сказать, свои тонкости, в этих критериях: человек должен быть непременно нервным, если можно так выразиться. То есть, грубо говоря, бояться неожиданностей и соответственно реагировать на внешнюю агрессию. Другими словами, испугаться он должен. Причем испугаться сильно, буквально до потери пульса, возбуждив свою нервную систему до предела. А как вы думали илиганцы фликают? Точно так же — пугаются до безобразия и превращаются, например, в птицу, чтобы свалить тут же с опасного места повыше и подальше. Или ныряют в водоем, а там уже рыбкой да в родной типа стихии. Вот так и никак иначе. Потому вежливо и объясняешь соотечественнику, что если он ничего не боится и мало реагирует на опасности всякого рода (а таких среди нас, уверяю, предостаточно, иначе не совали бы свой нос куда ни попадая), то тут даже и флук не поможет — проверено. Поэтому нерв-

★ ным у нас льготы. В том плане, что таким мы с радостью продадим и усовершенствованный флук (наши с Машей труды): при очень большом желании такой индивидуум может превратиться уже не в пугливого воробья или ворону, а, скажем, в ястреба, сокола или даже в орла. Или в щуку вместо пескаря. Тут уж все зависит от воображения клиента и степени его пугливости. Но то уже не мои проблемы.

А еще мы с Машей работаем над продолжительностью воздействия флука. Мало дать надежду клиенту свалить из опасного места посредством крыльев или плавников, надо, чтобы это состояние длилось по возможности дольше. На биологически активных планетах или в охотничьих угодьях хищники тоже не лыком шиты, обычно преследуют жертву до конца. Так что есть над чем работать. Пока же результат так себе, на троечку. Но у Маши светлая голова и масса энтузиазма, она оказалась прирожденным исследователем. Да и я кое на что гожусь. Человеческий организм, оказывается, весьма универсальная штука. А вы думали, откуда у нас столько пузырьков с флуком, адаптированным как раз под землян? Да-да, именно благодаря мне, подопытному, так сказать, кролику. Сижу и тихо восторгаюсь нашему с Машей лихому начинанию и вежливо киваю очередному клиенту-землянину, скромного вида интеллигенту в галстуке...

Так что вас пугает больше всего на свете? Что приводит в состояние ужаса и паники? Ах, боитесь летать на межпланетных челноках? Что ж, милости просим в ваш маленький персональный ад... Нет, этот выпорхнет из передраги не соколом, не орлом, а планетолетом с неограниченным запасом хода — у страха глаза велики! Что ж, высокого полета. Приходите к нам еще. Очень нервным мы завсегда рады, льготы обеспечим. Глядишь, и с продолжительностью действия вопрос тоже решим. Когда-нибудь. Может быть.

И я с надеждой посмотрел на Машу...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

РОВНЫМИ СТЕЖКАМИ

ИЛОНА САМОХИНА

ИСПОЛНИТЕЛЬ

Наука отвергает вечные двигатели, рожденные в частных квартирах <> Всем известно, что вечных двигателей не бывает.

Кир Булычев. Упрямый Марсий

Ничего не получалось. Выходило, прав Лев Христович — без науки ничего нельзя открыть, придумать, создать. И от этого становилось особенно обидно — ведь старался-то не для себя, для всех!

— Для всего человечества старался! — с трагизмом произнес Саша, сердито отпихнул небольшой губчатый камень в сторону и подпер подбородок кулаком.

Ну не идти же на старости лет учиться в институт?! Если бы молодость вернуть...

— А чтобы ее вернуть, я должен завершить мой опыт! Замкнутый круг какой-то! — даже плакать захотелось. Но этого делать было никак нельзя. — Еще чего, взрослый мужик и в слезы! — смущенно пробормотал Саша, глядя в окошко на проходящие мимо ноги.

Ноги были самые разные, иногда даже очень красивые, и это сбивало с рабочего ритма. Грубин вскочил, резко задернул шторы и вернулся к столу. Бросил косой взгляд на неприметный камушек и принялся су-

дорожно разматывать забинтованный указательный палец, затем долго и придирчиво рассматривал уже подживший порез, поковырял пальцем, отчего выступила ярко-алая капелька. Явно удовлетворившись увиденным, Грубин прижал к ране камень, подержал немного. И снова ничего не произошло.

Оставался еще один способ, самый верный и самый последний. Вон он на столе стоит, в граненом стаканчике. Верный — потому что уж он-то давал стопроцентную гарантию успешности эксперимента, последний — потому что если опыт не удался, проверять дальше будет уже некому.

Александр задумчиво поболтал жидкостью в стакане, глядя сквозь грани на свет из окна, — подумать только, ведь выглядит как самая обыкновенная вода, а на деле — сильнейший яд. Потом столь же задумчиво посмотрел на камень. Отставил стакан и вновь принялся рассматривать порез на пальце. Рисковать как-то не хотелось. Нет, решительно приходится признать, что эксперимент не удался! А ведь уже даже название камню придумал — «Исполнитель». Грубин схватил результат своего опыта и с силой запустил в окно. Камень снайперски пролетел между шторками и слышно упал на мостовую, прямо под гладкий валец асфальтоукладочного катка, который поставил жирную точку в неудавшемся эксперименте, проехав прямо по упавшему под него камню. Крак!

— И никаких следов. И правильно, — пробормотал Саша, — а то Минц опять будет лекцию читать... — и быстро принялся убирать со стола.

* * *

Сжимая под мышкой портфель — подарок жены к годовщине свадьбы, — Корнелий Иванович решительно шагнул на работу. Было жарко, просто нечеловечески жарко, и Корнелий Иванович то и дело оста-

навливался, доставал из нагрудного кармана носовой платок, протирал лоб и намечающуюся лысину, убрал платок обратно и только после этого двигался дальше.

Перед стройконторой стоял асфальтоукладочный каток, перегородив вход в здание.

— Михалыч! — Удалов покрутил головой, пытаясь найти нарушителя. — Михалыч, ты своего бегемота убери с дороги, пройти нельзя...

Но Михалыч откликаться не торопился, а пролезть между катком и стеной дома для Удалова было проблематично, хотя поначалу он оптимистично решил-таки просунуться в дверь, однако после первой же неудачной попытки решил больше не рисковать.

Корнелий постоял мгновение в раздумьях, в очередной раз вытащил платок — хотелось в свой кабинет, там вентилятор — промокнул лоб и метнулся за угол. Так и есть! Михалыч стоит у пивной бочки в очереди! Пьет! Опять пьет, а ведь впереди рабочий день!

— Михалыч, а ну иди сюда! — Корнелий Иванович даже притопнул ногой в сердцах.

Но Михалыч лишь лениво повел глазами в сторону ругающегося начальника и продолжил стоять в очереди.

— Михалыч!

— Корнелий Иванович, жарко же, организм просит пива... — меланхолично заметил водитель катка.

— Какое пиво?! Ты на работе!

— Правильно, — тут подошла очередь Михалыча, он взял кружку, огромную, до краев заполненную темно-коричневым напитком с пеной, переливающейся через край, и с наслаждением глотнул. — Правильно, Корнелий Иванович! Дорогой ты мой человек, правильно! Потому и пью по чуть-чуть. Потому что на работе. Но сил моих уже нет, жара такая, — он взял вторую кружку и протянул Удалову. — Вот

попробуйте, Корнелий Иванович, и сразу жизнь-то и наладится!

— Ты лучше крокодила своего от дверей убери, мне в контору нужно, звонить будут. И-и-и... — он pokrутил пальцем перед огромной, крутобокой кружкой, — завязывай. Попадешься когда-нибудь.

— Пивко, стало быть, не будете? Зря, — Михалыч поставил на прилавок пустую кружку, вытер о штаны руку и, сжимая в руке вторую — полную до краев, двинулся, широко улыбаясь, к катку.

— Что ты все веселишься, вот что ты веселишься? — продолжал кипятиться Корнелий Иванович.

— А почему бы и не повеселиться? Как известно, делу — время, потехе — час. А рабочее время еще не наступило, дорогой мой Корнелий Иванович. Еще целых пять минут, целых пять минут, а Михалыч уже на работе, пиво пьет... Тьфу, работает! — он поставил кружку у педалей, влез в кабину, устроился поудобнее и вновь вооружился напитком.

Удалов пару секунд молча наблюдал за всеми манипуляциями работника, потом в сердцах махнул рукой и быстро-быстро двинулся в сторону аварийного выхода.

— Сейчас допью и сразу начну работать, — вслед прокричал Михалыч, но Корнелий Иванович лишь еще раз рубанул рукой воздух и засеменил прочь. Михалыч гипнотизирующе посмотрел на пиво, с жалостью — вслед стремительно удаляющемуся начальнику, крикнул и решительно осушил кружку, еще раз крикнул и полез наружу. — Не дадут спокойно выпить перед началом рабочего дня, понимаешь, — добродушно проворчал он себе под нос. Но Корнелий Иванович исхитрился услышать ворчание.

— Работать нужно, работать! — он вновь резанул рукой воздух сверху вниз.

— Так разве ж я не работаю, Корнелий Иванович? — удивился Михалыч. — Пива только в жару такую выпить хотел...

— Пива? — Удалов на мгновение даже дар речи потерял от наглости подчиненного. Что уже он ни делал, но ничего поделаться не мог: Михалыч пил пиво, пьет и будет пить, хоть тресни. — Разгильдяй ты, Михал Михалыч, я тебя в милицию сдам!

— Да разве я не работаю? Пива чуток выпил, так жарко же, Корнелий Иванович. А так все в полном ажуре.

— А машина не мытая? — брякнул Удалов.

— Да как же не мытая-то?

— Вон, что это такое? — потыкал пальцем в передний цилиндр-каток Корнелий Иванович. — Что за огромная жвачка? А потом будем удивляться, что за пятна на асфальте? — он дотронулся пальцем до грязно-розового пятна, и то вдруг резко поменяло цвет на зеленый, перелилось всеми цветами радуги и осыпалось под пальцем разноцветной блестящей пылью.

— Да где грязь-то? — подошел к нему Михалыч. Удалов вдохнул, в носу защекотало, и он громко чихнул. — Будьте здоровы, Корнелий Иванович, а где грязь-то?

— Ты это видел? — спросил между чиханиями Удалов.

— Что? Грязь? Нет? А где она? Будьте здоровы — чего это вы расчихались? — посыпались из Михалыча вопросы. — А чего это вы так смотрите? Чего там? Может, вам пива выпить? Вы попробуйте, пивко хорошее, вкусное...

Корнелий Иванович удивленно посмотрел на Михалыча, промышчал что-то неопределенное и вдруг совершенно отчетливо понял, что он и в самом деле хочет пива. Он хочет пива? Просто невероятно хочет, все

мысли о холодном, сводящем зубы, пиве, с обильной пеной, в высокой граненой кружке, с большой полукруглой ручкой сбоку.

* * *

Елена Анатольевна, секретарша Удалова, нерешительно помялась в дверях.

— Да, я вас слушаю, — не отрываясь от бумаг, отозвался начальник стройконторы.

— Корнелий Иванович, мне нужно уйти сегодня, разрешите? Из школы позвонили, опять сын...

— Так идите, — не дослушал ее Удалов. — Дети — наше все. Идите, Елена Анатольевна, идите, я как-нибудь сам.

— Спасибо, — она собралась выйти, обернулась. — У вас сегодня звонок от Сесенова, по поводу поставки кирпича на стройку, — напомнила она. — Он опять будет тянуть время...

— Не волнуйтесь, Елена Анатольевна, я решу все проблемы, — пообещал Удалов.

— Все пользуются вашей добротой, Корнелий Иванович! — заметила секретарша и вышла.

— Все пользуются моей добротой! Все пользуются моей добротой, — словно мантру повторял Удалов. Он знал это слабое место, «любимую мозоль», как он сам называл это свое качество, но ничего не мог поделать — все пользовались его добротой. — Все... пользуются... моей... добротой... Пора с этим что-то делать. Никто не... — но договорить не успел — зазвонил телефон. — Удалов слушает! Да-да, Василий Никифорович, да, кирпич нужен срочно! — в ответ трубка что-то активно заверещала, Корнелий Иванович даже отодвинул ее от уха.

«Никак не получится, — кипятилась телефонная трубка, — дорогой ты наш Корнелий Иванович, большая поставка... Через две недели... Ты же смо-

жешь подождать? Ведь скажи, можешь. Можешь!» — и замолкла, так как знала, что вот ждать-то Удалов и не может. Но Корнелий Иванович улыбнулся, прижал трубку к уху и радостно ответил:

— Да, конечно, через две недели, значит, через две недели. Ничего страшного. Да, до встречи, Василий Никифорович! — Удалов положил трубку на аппарат и ошарашенно уставился на нее. Какие две недели? Все сроки уже прошли! Как он это сказал? Как даже ОН мог это сказать? И ведь в мыслях не было не согласиться с Семеновым... Он, конечно, безотказный, но не до такой же степени? Корнелий Иванович почесал переносицу, собираясь с мыслями, когда в дверь грохнули, и в кабинет вошел Михалыч.

— Я в таких условиях работать отказываюсь... Дорогой ты мой человек, жара такая, что все просто плавится.

— Пил бы лучше меньше, — буркнул под нос Удалов, но Михалыч услышал.

— Я может с горя пью, — с вызовом заметил Михалыч. — Что премию мне не выписывают. — Корнелий Иванович лишь рукой махнул в ответ, но Михалыч уже разошелся. — Вы выпишите мне премию, выпишите! Я сразу перестану.

— Михаил Михайлович! Я вас прошу...

— Не, вы выпишите... — продолжал канючить Михалыч. — Я сразу исправлюсь. Выпишите мне премию...

— Да ты же все равно пить будешь! — криво улыбнулся Удалов. Но рука уже сама тянулась к ручке в нагрудном кармане пиджака. Он был уверен... да что там уверен! Уверен, это есть доля сомнений, но ты все же считаешь, что все будет так, а тут Корнелий знал, знал, что работник его обманывает. Получит деньги и тут же пропьет их с сотоварищами. — Выпишу! — неожиданно согласился он. У Михалыча даже лицо вытянулось — просил-то он без особой на-

дежды на успех, так, в никуда просил. — Выпишу, раз ты обещаешь...

— Да чего уж... — чуть ли не забил себя в грудь Михалыч. — Обещаю! Обещаю, дорогой мой человек! — все еще не веря собственным глазам, он наблюдал, как Корнелий Иванович быстро что-то нацарапал на листке бумаги, поставил подпись и протянул бумагу Михалычу. — Чего, прямо в бухгалтерию с ним идти? Ну, так я пошел? Да?

— Иди, иди... — согласился Удалов. — Проспишься, и чтобы завтра был трезв, как стеклышко.

— Ага... — и таращась на написанное, Михалыч тихонько вышел из кабинета. В коридоре раздались его быстрые — а вдруг начальник передумает? — шаги. Он спешил в кассу.

* * *

Корнелий Иванович торопился домой. Он задержался на работе, а еще нужно было зайти в магазин и купить хлеба, молока и колбасы. И денег в обрез, Ксения выдала дежурную сумму на обед, совершенно забыв про то, что Корнелий обычно после работы закупается в продовольственном.

— Хочу, хочу, хочу, — капризничала недалеко от автобусной остановки какая-то девочка лет семи с огромными белыми бантами в косичках. — Хочу собачку, — и, заметив Удалова, обратилась к нему:

— Дядя, хочу собачку, — и ткнула пальчиком в сторону женщины, торгующей щенками.

— Мы потом тебе купим собачку, — зашептала на ухо ребенку молодая женщина.

— А я сейчас хочу, сейчас, — раскапризничалась девочка.

— Извините, — женщина смущенно потянула дочку за собой.

Но ноги уже сами поднесли Корнелия Ивановича к продавщице.

— Какую? Эту? Сколько? — и вытянул кошелек.

Счастливая девочка прижала пузатенького лохматого щенка к груди.

— Mamочка, можно он будет мой?

Женщине ничего уже не оставалось, как согласиться. И теперь она пыталась как-то решить денежную проблему.

Удалов лишь рукой махнул, мол, подарок, и, не слушая благодарностей, двинулся домой. Обдумывая на ходу, как объяснить жене, что ни молока, ни колбасы он не купил, потому как потратил деньги и в остатке их хватило лишь на хлеб. Так ничего до дома дельного и не придумав, буркнул, сунув жене пакет с хлебом: «Ничего не было...», потопал на кухню.

— Что на ужин?

— Жареная картошка с селедкой.

— Отлично, — Корнелий Иванович помыл руки, вытер их о полосатое полотенце и сел за стол, глядя, как жена накладывает еду. Он ждал, когда начнется обычный для ужинов разговор: Ксения спросит, когда он приделает карниз, он ответит, что завтра. Она спросит, почему не сегодня, а он ответит, что сегодня устал, и они начнут есть. Но сегодня, неожиданно для самого себя, Корнелий Иванович не ответил, что устал, хотя устал очень сильно, а встал, взял молоток и гвозди и приделал, наконец, карниз в большой комнате. Это его так сильно утомило, что он даже не стал ужинать, а прилег отдохнуть на диван. Мысль пыталась сосредоточиться на том, что происходит что-то странное. Странное что-то происходит, Корнелий Иванович! Но что именно странное, Удалов осознать не успел — он заснул. И снилось ему, что прилетели на Землю инопланетяне и выбрали Удалова сказать им приветственное слово. Корнелий на-

дел свой лучший костюм, даже красную гвоздичку воткнул в верхний карман пиджака. Какая гвоздичка? Зачем? Но думать некогда — тарелка уже приземлилась. И вот идет гордый Удалов к ней по красной дорожке, купленной по этому случаю в районном центре, несет хлеб-соль. Как вдруг проскакивает его жена и начинает рассказывать инопланетным гостям, что Корнелий Иванович, муж ее, сегодня прибил карниз в комнате, а теперь спит. Удалов поднял сердито руку, собираясь отодвинуть Ксению в сторону, закричал что-то... и проснулся.

— Спит теперь, — услышал Корнелий голос жены. — Умаялся бедный. Шутка ли сказать, даже не поужинав начал его приделывать!

— А у нас краны текут, — Удалов узнал голос соседки. — Так Ванька бы хоть палец о палец ударил! Нет, текут. А ему и дела нет. И сантехник в отпуске. Сделал бы их уже кто, сил больше нет.

Корнелий рывком поднялся с дивана, прошел на кухню:

— Ну, показывайте свои краны, сделаю...

* * *

На следующий день Корнелий не мог не только разогнуться, но даже пошевелить рукой. К кранам соседки прибавился шкаф другой соседки. Двигать его оказалось сплошным мучением, но его же попросили, вот он и помог. А потом потребовалось поднять на третий этаж пианино, вчетвером, но грузчиков оказалось только трое и четвертым попросили стать Корнелия. Естественно, он не смог отказать людям.

Удалов бочком присел на стул и потянулся к телефону. Резкая боль в правом плече заставила его отказать от каких-либо попыток позвонить. Он нажал кнопку внутренней связи со своей секретаршей и услышал: «... Не дожدهшься! Хоть бы кто помог!»

Кряхтя, Корнелий, скрючившись, еле выполз из кабинета.

— Елена Анатольевна, вам нужна помощь?

— Ой, — схватилась за сердце женщина, — Корнелий Иванович, что это с вами?

— В каком смысле, что?

— Вас как-то перекосило на одну сторону, — секретарша поджала руку и наклонилась, — как-то так.

— Шкаф двигал, — коротко ответил Удалов. — И пианино.

— Отзывчивый вы человек, Корнелий Иванович, вот все пользуются вашей добротой.

— Так что тут делать нужно? — смущенно поинтересовался Удалов.

— Да я уж сама... — начала было Елена Анатольевна, но под строгим взглядом начальника указала на огромные толстые папки, — нужно поднять их наверх. Ой, куда же вы? Пойдите! Я сама. Я помогу.

Но Корнелий уже вскарабкался с папками на стул, тихонько постанывая, забросил папки наверх и совершенно разбитый буквально свалился вниз, прямо на пол.

— Прострелило... — прошептал он, так как боль была такой силы, что Корнелию казалось — он и говорить не может.

— Простите, что вы говорите, Корнелий Иванович?

— Прострелило... — повторил Удалов. — Шевельнуться не могу.

— Сидите, миленький, я «Скорую» вызову. Говорила же вам — сама! Ах, вы такой безотказный! Когда-нибудь ваша безотказность сыграет с вами злую шутку! — Елена Анатольевна сняла трубку. — «Скорая»? Пришлите машину к стройконторе...

Секретарша подвела Корнелий Ивановича к мягкому диванчику для посетителей, но присесть бедный страдалец так и не смог из-за сильных болей в спине

и плече. Так и стоял до приезда «Скорой». И только когда фельдшер сделала ему какой-то волшебный укол, он, отказавшись лечь на носилки, сам прошел в «неотложку» и присел на койку. Машина шустро докатила его до больницы. Корнелию настолько полегчало, что он на радостях сам прошел в отделение, дошел до палаты и прилег на койку.

В больницу сразу прибежала Ксения — Елена Анатольевна первым делом позвонила жене, — приволокла апельсины, рыдая, пообещала: «Корнеюшка больше ничего-ничего делать по дому не будет. Лишь бы поправился!» Во что Удалову верилось с трудом. Выболтав все соседские новости, рассказав, что сынок сегодня получил пять по математике, Ксения ушла, чмокнув мужа в лоб. Потом пришла верная Елена Анатольевна и тоже принесла пару апельсинов. Пожелала начальнику скорейшего выздоровления, сообщила, что искал его какой-то неприятный, скользкий тип, и ушла. Корнелий решил воспользоваться затишьем между посетителями и начал поудобнее пристраиваться в кровати, как кто-то уверенно стукнул в дверь, затем она приоткрылась, и в палату вошел невысокий лысый мужчина в костюме. Незнакомец сжимал в руках пакет с угадывающимися в нем апельсинами. «Почему-то все несут в больницу апельсины, будто ничего другого больше не найти», — подумал Удалов.

— Как вы себя чувствуете, дорогой Корнелий Иванович? — заботливо склонился над лежащим в постели Удаловым посетитель. — Меня зовут Игорь Михайлович. Фамилия вам ни о чем не скажет, поэтому опустим ее. А я прихожу сегодня к вам в контору, а ваша любезная Елена Анатольевна говорит, мол, в больнице начальник.

— Спину потянул, — коротко пояснил Удалов, гадая, что нужно таинственному Игорю Михайловичу Без фамилии.

— А вы, наверное, думаете, что нужно этому странному Игорю Михайловичу? — словно прочитав мысли Удалова, дробно засмеялся посетитель, будто пуговицы по полу рассыпал.

Удалов смутился, заелозил руками по одеялу, забормотал что-то невразумительное, мол, ничего подобного, что вы!

— Подумали, подумали, — продолжал сладко улыбаться Игорь Михайлович. — И в самом деле, извините за каламбур, я к вам по делу! Вы же у нас начальник стройконторы? — Удалов молча кивнул. — Отличненько. Видите ли, какое у меня к вам дело, дорогой мой Корнелий Иванович. Я строю дом. Домик. Маленький такой, недалеко от Копенгагена. По случаю землицы достался небольшой кусочек, решил отстроиться, дерево посадить. А там глядишь, и сына рожу, — он снова дробно засмеялся. — Так вот... — потирая пухлые ручки, продолжал Игорь Михайлович. — У вас же есть обломки кирпича на стройке?

— Из битого кирпича вы вряд ли дом постройте, — мрачно заметил Корнелий Иванович, а про себя подумал: — Какой неприятный тип!

— Вы совершенно правы, — делано умилился Игорь Михайлович. — Из обломков — ничего, но... но ведь, Корнелий Иванович, вы можете, — он присел на краешек кровати и перешел на шепот, — сплести под битый и целый кирпич! А деньги — вам!

— Вы что мне предлагаете? — через боль приподнялся в постели Корнелий Иванович, решая, ему самому прогнать посетителя или позвать медсестру.

— Я предлагаю, чтобы вы оформили для меня целый кирпич под видом битого, а деньги взяли себе, — с совершенно невинным видом, будто речь шла о чем-то самом обыкновенном, пояснил посетитель.

Удалов даже задохнулся от его наглости, и вдруг почувствовал, что он хочет сделать для этого пусть

и неприятного ему человека все, о чем он просит. Просто невозможно, до чего хочет помочь ему построить домик! Прямо счастливым делается при мысли, что поможет сейчас этому несимпатичному Игорю Михайловичу. Странное дело, человек неприятен, а помогать ему — приятно...

— Хорошо, — согласился Удалов и даже сам испугался собственного ответа. — Только кирпича пока нет, с завода не отгрузили.

— Нет, не стоит так торопиться с ответом, Корнелий Иванович, — снисходительно улыбнулся Игорь Михайлович. — Я же понимаю, что вам нужно подумать. Через неделю...

— Кирпич будет через две.

— Хорошо, через две недели я к вам зайду, и мы обсудим детали, — посетитель положил на край кровати пакет с апельсинами. — Это вам. Быстрее поправляйтесь. — И вышел.

Корнелий, не чувствуя боли, вскочил с кровати.

— Что я наделал?! Что теперь будет? Что делать? — Удалов метался по палате и вдруг остановился, озабоченный новой мыслью. — Я знаю, к кому нужно идти, знаю! — Он стремительно бросился по коридору, как был — в полосатой больничной пижаме.

* * *

— Лев Христофорович, миленький, — Удалов кинулся к опасливо отодвинувшемуся от него Минцу. — Родненький, это я из больницы сбежал, не пугайтесь! — одной рукой болящий Удалов держался за бок, другой прижимал плечо, постоянно постанывал и покряхтывал. — Спасите, пожалуйста! Это же ужас какой-то! Я так больше не могу! А если кто потребует у меня миллион? Где я его возьму? Грабить пойду? Сделайте что-нибудь! А тут еще это... в больнице!

— Корнелий Иванович, ты успокойся и обстоятельно все расскажи, — посоветовал профессор. — Я ничего не понимаю...

— Я и сам ничего не понимаю, — Удалов схватился за голову, тут же охнул и потер плечо. — Прострелило меня тут, — пояснил он и тут же вернулся к наиболее болезненной теме. — Выполняю все, о чем ни попросят. Это же ужас какой-то.

— Кто просит? — поинтересовался из угла комнаты не замеченный Удаловым Саша Грубин.

— Все... — простонал Удалов. — Кирпичи задержали, я ничего, разрешил. Стройка горит, но я разрешил! Какая-то девчонка просила собаку, я купил — за собственные деньги. Незнакомому ребенку. Дома все переделал, соседям, друзьям. Что ни попросят, все делаю. Но это стало последней каплей!

— Что стало последней каплей? — Лев Христофорович по-отечески приобнял вконец расстроенного Удалова за плечи, усадил в кресло, налил чаю.

— Пришел ко мне какой-то местный делец, кирпич захотел купить. Наш, со стройки! Продай, говорит, мне его под видом битого, а деньги себе в карман положи.

— А много денег предложил? — не удержался Грубин.

— Ах! — отмахнулся от Саши Корнелий. — Я согласился! Я... согласился! — он всхлипнул. — Спасите меня, люди добрые! Что же это происходит? Спасите меня, — и прошептал-прошипел: — Он же через две недели придет подробности оговаривать! Спасло только то, что кирпич еще не привезли с завода. А то я бы его прямо сейчас ему продал.

— То, что кирпич пока не продан, — хорошо, — философски заметил Саша. — А с чего все это началось?

— Не знаю, — убитым голосом ответил Удалов.

— А ты вспомни, — Минц долил Удалову чаю. — А мы обязательно разберемся.

— Разберитесь, родненькие, разберитесь. Лев Христович, — Удалов умоляюще прижал руки к груди. — Вы же голова, профессор. Придумайте, как меня спасти. Почему я вдруг таким безотказным стал?

— Да ты всегда такой был, Корнелий Иванович, — заметил Минц. — Все всегда пользуются твоей добротой.

— Все всегда пользуются моей добротой, — повторил Корнелий Иванович. — Все пользуются моей... Вспомнил! «Все пользуются моей добротой!» Вспомнил! Все началось одним утром...

И он рассказал, как пришел несколько дней назад на работу, вход в стройконтору был закрыт асфальтоукладочным катком. Грубин при этих словах как-то немного побледнел. А когда Удалов, ведомый твердой рукой Минца, не позволявшей ему упустить ни малейшей детали, дошел до непонятной грязно-розовой жвачки на катке, то и вообще побелел.

— На катке? Но этого не может быть! — Грубин умоляюще взглянул на Минца. — Просто не может быть! У меня же и образования нет! Но... Лев Христович, я, кажется, знаю, в чем здесь дело...

— Да? И в чем же? — поинтересовался Лев Христович.

— Я философский камень делал ... — зажмурившись, выпалил Грубин.

— И как? — прищурился Минц.

— Как видите... Раны он не заживлял... Ну, я его в окно-то и выкинул, а там как раз каток ехал. Он его и переехал... — виновато засопел Грубин и тут же гордо вскинул голову: — Но ведь получилось! Получилось! Корнелий Иванович вдохнул пыль и сам стал этим... — он помахал перед носом пальцем, — этим... «Исполнителем»... камнем... Он же желания исполняет! Ему цены нет! Его надо беречь!

— Его, может, еще на опыты сдать надо... — взорвался Минц. — Ты понимаешь, что ты наделал?

— Не надо меня на опыты, — испугался Корнелий Иванович. — Просто сделайте меня, как раньше, а?

— Тихо! — одновременно приказали Саша и Минц. И Удалов послушно замолк.

— Я тебе говорил, что без образования в науке делать нечего? Говорил... что ж ты наделал? — укоризненно посмотрел на друга Минц. — Он желания исполняет собственными руками! Чужие желания — своими руками.

— Но ведь, Лев Христофорович, вы это сможете исправить?

— Смогу, — просто согласился Минц. — Смогу. А ты заодно посмотришь, как работают настоящие профессионалы. Корнелий Иванович, мне у вас кровь взять нужно. И хорошенько подумать...

Удалов молча протянул руку, отчаянно моргая глазами.

— Ох, боже мой. Говорите, Корнелий Иванович, говорите, — сообразил Минц. — Нужно быть осторожнее при вас, а то так что-нибудь брякнешь... идите домой, отоспитесь. Как только будет готово, я дам знать.

— Я завтра зайду, узнаю, как дела? — жалобно, с надеждой спросил Удалов.

— Да. Нет! Завтра у меня гости, — вспомнил Минц, — будет сам Орехов, артист, кумир женщин в возрасте от 18 до 100, мне будет некогда.

— А как же я? — позволил себе напомнить Удалов. — Кирпич же...

— Я знаю. Послезавтра приходите, оба, — решил Минц. — К этому времени все сделаю.

* * *

Через два дня гордый Минц продемонстрировал Удалову и Грубину маленькую пробирочку с голубоватой жидкостью.

— Здесь антидот, так сказать, — довольным голосом пояснил он.

— Что? — не понял Удалов. — Антидот? Из чего?

— Не из чего, а из кого! Из комара, — и Минц радостно захихикал. — Подумать только — из комара. Я перепробовал все. Человека — себя то есть. А что делать? Наука требует жертв. Собаку, кошку, рыбку, даже мух. Ни-че-го... И вдруг — смотрю, комар летает. Вот его, думаю, еще не пробовал. Кинулся ловить, Орехов сначала перепугался, думал, я умом тронулся. Пришлось объяснять — без подробностей, конечно, — что это для опыта. Проводил его и взялся за дело. И вот он — результат.

— Выжимка из комара? — уточнил Удалов.

— Не совсем, конечно, но мысль верная. Теперь это нужно выпить и дело в шляпе. Пейте! — он протянул Корнелию Ивановичу пробирку. — Не бойтесь, не ядовитая. Смелее!

Дрожащими руками Удалов поднес пробирку к губам и одним глотком опустошил.

— Ну... попросите у меня что-нибудь? — умоляюще поглядел он на Минца.

— А проползите-ка под столом, уважаемый Корнелий Иванович, — развязно предложил Грубин.

Удалов поддернул штаны, присогнул колени, а затем резко выпрямился.

— Да что вы себе позволяете?! Сами там ползите!

— Работает! Лев Христофорович, работает! — в восторге заорал Саша. — Вы — гений!

— Ну, я всегда это знал, — немного смущаясь, согласился Минц. — Я столько лет этому учился. Ну, любезный, теперь можете смело идти в контору и посылать вашего дельца куда подальше.

— Да, да. Теперь могу, — Удалов сиял, как начищенный самовар. — Спасибо вам, дорогой вы мой! Спасибо! Я пойду.

— Но если вдруг что, вы приходите, — Минц проводил гостя до двери.

— Если — что? — перепугался Корнелий Иванович.

— Ну, это просто образное выражение такое.

— А-а-а, — протянул Удалов, — тогда, если что — обращайтесь, — пожав хозяину руку и махнув Саше, вышел.

Он шел под дождем, не замечая его. Все казалось Корнелию Ивановичу особенно прекрасным сегодня. И дети, прыгающие по лужам, и машины, несущиеся по улицам, и улыбающиеся ему женщины, идущие навстречу... все улыбающиеся женщины, идущие навстречу. Они улыбались, строили глазки, а одна особо активная молодая особа лет двадцати пяти даже прижалась к нему в автобусе. Правда, справедливости ради стоит заметить, в автобусе было много народу, поэтому Корнелий Иванович справедливо не придал этому значения. Единственно, что немного удивило, — почти все женщины из автобуса вышли вместе с ним и пошли следом. Но Удалов шагал слишком быстро, и скоро женщины остались позади. В остальном же день ничем не отличался от всех предыдущих.

Елена Анатольевна, как обычно, принесла бумаги на подпись. Как всегда, подавала их начальнику через стол, но чем больше она находилась в кабинете, тем необычнее себя вела. Сначала она просто поправляла прическу, и без того идеальную, затем стала одергивать юбку-карандаш, потом расстегнула верхнюю пуговку блузки. А потом произошло вообще нечто невообразимое, отчего Корнелия Ивановича сначала обдало жаром, а потом резко — холодом.

Елена Анатольевна обошла стол и встала за спиной шефа. Подавая бумаги, она склонилась вперед, отчего бок ее прижался к плечу начальника, и стала по одной выкладывать бумаги на стол перед Удаловым. Корнелий Иванович сдвинулся влево, бок Елены Анатольевны проследовал следом. Удалов подвинулся

еще немного, Елена Анатольевна не отставала. В конце концов отступить стало некуда — колено Удалова уперлось в боковую стенку стола.

— Елена Анатольевна, с вами все в порядке? — смущаясь, спросил он верную секретаршу.

— Ах, Корнелий Иванович... — прошептала та, заливаясь краской, собрала бумаги и, кокетливо виляя бедрами, стремительно вышла из кабинета.

Удалов на секунду завис в раздумьях. Явно что-то происходило. Но он никак не мог нащупать ниточку, которая привела бы его к решению проблемы. А тут еще Елена Анатольевна, томно вздыхая, сообщила по селектору, что к нему посетительница.

Посетительница влетела в кабинет раскрасневшаяся, явно настроенная на эмоциональный разговор, решительно пробежала до самого стола начальника стройконторы, не забыв от порога представиться: «Надежда Синевратова, председатель ТСЖ № 3» и вдруг стушевалась. Лицо ее резко побледнело, а затем щеки внезапно залились свекольным румянцем. Она поправила прическу (при этом движении Удалов замер), одернула юбку (Удалов затаил дыхание) и разгладила складочки на блузке на груди (тут Удалов непроизвольно повернул стол одним боком ближе к стене, а сам повернулся спиной в другую сторону, облокотился о столешницу).

— Я вас слушаю.

— Ах, — выдохнула посетительница, — прошу меня извинить... Я совсем не хотела вас беспокоить, Корнелий...

— Иванович, — подсказал Удалов.

— Корнелий Иванович, — кокетливо повела глазами дама. — Ах, можно я буду называть вас просто — Корнелий?

— Я это... того... — Корнелий Иванович повернул стул еще сильнее, пытаясь перекрыть посетительнице

пути к собственному телу, так как стало понятно — сейчас она подойдет к нему, вон, уже подбирается.

— Корнелий, у вас такое мужественное лицо!

Удалов искоса глянул на себя в зеркало. Лицо как лицо, обыкновенное, залысины вон намечаются. Хотя чего уж — намечаются, наметились. А дама подбиралась все ближе. Когда незнакомка достигла стола, Корнелий Иванович резко отодвинул придвинутую часть стола и позорно отступил из кабинета.

— Корнелий Иванович, — в голосе Елены Анатольевны послышались знакомые вибрации, услышанные у незнакомки. С потемневшими глазами она шагнула к Корнелию, тот обреченно всхрюкнув, ломанулся наружу, стремительно проскочил через группу женщин, стоящих у входа, — одна из них показалась похожей на темпераментную двадцатипятилетнюю особу, прижимавшуюся к нему в транспорте, — торпедой пронесся по улице и влетел в первый же подошедший к остановке автобус.

— Какой номер? — спросил Удалов у кондукторши, еле переводя дыхание.

— На стекле написано было, — недружелюбно бросила та, подошла к Корнелию. — Платите за... Ах, мужчина, будьте так любезны, — голос ее ментально поменялся. Теперь он просто звенел, подобно весеннему ручейку, — оплатите, пожалуйста, проезд, — она поправила прическу, и тут нервы Удалова сдали окончательно. Он закричал, чтобы водитель остановил транспорт, прямо здесь! Немедленно! И только двери раскрылись, выскочил наружу. Вслед ему неслось: «Мужчина, куда же вы?», но Корнелий, не задерживаясь ни на мгновение, огромными шагами неся к дому Минца. «Он меня спасет! Он должен!» — повторял про себя Удалов, и эта мысль поддерживала его силы. Обернувшись перед самым подъездом профессора, Корнелий, к своему ужасу,

увидел идущих в том же направлении Елену Анатольевну, сегодняшнюю посетительницу, узнал парочку женщин из толпы у стройконторы, сзади спешила кондукторша из автобуса. К ним присоединилась пара женщин, мимо которых Удалов имел несчастье пробежать. Корнелий влетел в подъезд и с наслаждением услышал легкий щелчок, с которым сработал кодовый замок.

* * *

Пока Удалов звонил в квартиру Минца, соседняя дверь приоткрылась, и в щелке показался любопытный глаз. Корнелий с ужасом подумал, что это может быть женщина, и его кинуло в жар. Если сейчас Минца не окажется дома? Что делать? Наружу не выйдешь, здесь тоже оставаться опасно. Остается только чердак. Корнелий поднял голову, словно пытаясь сквозь лестницу разглядеть верхнюю часть дома. И тут раздался спасительный звук открываемого замка.

— Корнелий Иванович? — в дверях Саша Грубин. — Что случилось? Вы какой-то взъерошенный.

— Я?! — вспыхнул Удалов. — Профессор дома? — оттер Грубина от двери, чуть ли не врываясь внутрь. — Дверь закрой. На замок. На замок, говорю! — взвизгнул он, заметив, что Саша просто прихлопнул ее. Удивленный Грубин повернул в замке ключ.

— Что тут такое? — в прихожую вышел Минц. Он был в домашнем халате, темно-бордовом, с бархатным воротником, и мягких тапочках без задников, весь уютный и умиротворяющий, в квартире успокаивающе пахло свежесваренным кофе.

— Профессор, вы должны мне помочь! — кинулся к нему Удалов.

— Что?! Не помогло?! — одновременно закричали ученые. — Мы же проверяли!

— Они бегают за мной! Посмотрите! — он указал пальцем на окно.

Саша вышел на балкон, глянул вниз и тихонько присвистнул.

— Лев Христофорович, там где-то десять женщин бродят, смотрят на ваш подъезд, — пояснил он, возвращаясь в комнату. — Это за вами, что ли, Корнелий Иванович. А зачем вы их привели?

— Я привел? Я привел?! — истерично засмеялся Удалов. — Это все ваша настойка! Что вы в нее намешали? Я же шага спокойно сделать не могу. Они на меня набрасываются, словно... словно я мечта женщин всей планеты! От 18 до 100!

При этих словах Минц вздрогнул, словно его ударили.

— Я понял, в чем дело, — криво улыбнулся он. — Это все Орехов.

— Который Орехов? Певец? При чем он здесь? — не понял Грубин.

— Певец, актер... — согласился Минц. — Видимо, комар успел укусить его... Кумира всех женщин всей планеты. А я сделал концентрат. Вот в результате мы имеем силу притяжения Орехова помноженную в несколько раз... — Лев Христофорович нервно захихикал.

— Ах, вам смешно? — взвился Удалов. — Что же это такое?!

— Маленький побочный эффект, — Минц, улыбаясь, сцепил на груди пальцы.

— Вам смешно, а со мной что теперь будет? Под охраной на работу ходить? Или вообще в лес уехать, подальше от цивилизации?

— Да выветрится все через пару дней, — успокоил Удалова Минц. — Еще жалеть будешь, что все прошло.

— А сейчас? — продолжал осторожничать Корнелий.

— Ну, будут за тобой женщины ухаживать, глазки строить, обнимать, целовать... Плохо, что ли? Пара

дней всего, и никакого побочного эффекта, будто и не было. Да такое может быть в любом эксперименте... Саша, скажи!

— А у меня образования нет, я эксперименты не провожу, — откестился от всего Грубин.

— А камень — чей был? Если бы ты, в самом деле, не проводил эксперименты. Ан нет! Лавры великого ученого покоя не дают? А учился бы, знал бы, что философский камень — это просто выражение! Образное! Он может быть и в виде порошка. Вот твой и заработал, когда его переехал каток.

— Если бы я был настолько глуп, я бы никогда не создал вообще ничего, — возмущенно заметил Грубин.

— А я не говорил, что ты глуп! Я всегда говорил, что необходимо образование, чтобы заниматься наукой. Каждое подразделение должно заниматься одним направлением. А ты пытаешься сразу все охватить.

— Да я...

— Постойте! Слушайте! — встал между ссорящимися Корнелий, подняв вверх указательный палец. — Слушайте!

Внизу нарастал шум женских голосов. Иногда становилось слышно, что осаждающие обсуждают, как можно проникнуть внутрь.

Удалов подошел к окну. В скверике уже собрались около тридцати женщин самого разного возраста. Заметив в окне предмет своих желаний, они радостно зашумели, самые активные стали биться в закрытую подъездную дверь.

— Обложили... — обреченно бросил Саша Грубин.

— Хорошо, кодовый замок поставили, — с облегчением заметил Лев Христофорович.

— Ты башкой думай, вари новый концентрат, — мрачно посоветовал Корнелий Иванович.

Было слышно, как внизу трещит под напором дверь.

НАТАЛЬЯ КАРАВАНОВА

РОВНЫМИ СТЕЖКАМИ

— Из Москвы. Журналист, — сказал гость, протягивая удостоверение. — Это вы тут мамонтов разводите?

Журналист сказал это таким тоном, словно подразумевал: «Это вы водите за нос общественность?»

— И мамонтов, — скромно ответил профессор, прислушиваясь к сообщениям из Канберры и радуясь мастерству лучшего в сезоне хоккеиста.

Кир Булычев. Ретрогенетика

Гриша Корецкий, корреспондент «Гуслярского Сплетника», проживал со Станиславом Аркадьевичем в одном доме с самого детства и часто бывал у него в гостях.

Вроде бы, ничего особенного не было в скромном судовом механике с теплохода «Заря», жил он тихо, к политическим страстям районного масштаба относился с вежливым равнодушием, и даже на стадионе среди футбольных болельщиков он ни разу не был замечен.

Ходил на работу, здоровался с соседями. С виду — совершенно обыкновенный человек.

Вот только не все является тем, чем выглядит. И Гриша старался почаще заглядывать к соседу вовсе не из чувства долга. И даже не потому, что у Станислава Аркадьевича прекрасная библиотека.

Дело в том, что скромный механик был изобретателем. Самым настоящим гениальным изобретателем, как Леонардо да Винчи. А по мнению кое-кого из знакомых, даже еще гениальнее. Некоторые даже сравнивали его с доброй памяти профессором

Минцем, что когда-то проживал в Великом Гусяре по адресу: улица Пушкина, шестнадцать, о чем свидетельствовала солидная металлическая табличка, прибитая к стене дома. Правда, этими «некоторыми» была учительница литературы и русского языка Алевтина Георгиевна, которая когда-то, еще совсем молоденькой девушкой бывала в гостях у знаменитого ученого.

Грише очень хотелось, чтобы о соседе узнал весь мир. Или хотя бы Нобелевский комитет. И он переживал не меньше самого изобретателя, когда его очередное изделие оказывалось невостребованным.

А если совсем честно, то Грише просто нравилось бывать у Станислава Аркадьевича дома. И это совсем не удивительно. У Станислава Аркадьевича все любят бывать...

Для Гриши и сейчас еще оставалось загадкой, как это происходит: вот только что ты был в пыльном и темном подъезде стандартной окраинной хрущобы, и вдруг, всего через один шаг, оказываешься в уютном, почти морском, флотском мире. Входишь в запах книг, пыли, морской соли и пирогов, окунаешься в медовый свет лампочки в прихожей. Навстречу с инспекцией спешит Ярд, черный с проседью кот Станислава Аркадьевича. Дежурно трется мордой о штаны, проверяет, свой ли. Если свой — посторожится и пропустит. Если чужой...

Впрочем, даже если инспекция окажется неудачной, в квартиру он вас впустит. Выпустит ли обратно — это совершенно другой вопрос. Говорят, были прецеденты.

Большие круглые часы на стене тикают без остановки и ремонта столько, сколько Гриша помнит себя. Под ними стол, за которым Станислав Аркадьевич работает — ремонтирует бытовую технику, собирает

свои чудесные, не всегда понятного назначения приборы.

Стеллаж с книгами. Книг у судового механика раз в десять больше, чем у Гриши. А он, между прочим, дипломированный филолог и журналист.

На книжных полках не только беллетристика. Справочной литературы по естественным наукам даже больше. А есть ведь еще книги по истории и философии.

В детстве Гришу больше всего манила полка с Жюлем Верном и Майн Ридом...

Узкая кушетка в углу появилась не так давно. Раньше там стоял продавленный диван, прикрытый пледом с тигрятами. Плед жив и сейчас. Да, тигрята полиняли и кое-где вытерлись, но лежат на старом месте, обживают новую мебель. Под них так уютно забраться с книгой о морских приключениях...

Тумбочка. На ней ночник. Старинный, зеленый, с железным колпаком. В тумбочке коробочка с канифолью, паяльник, еще какие-то приборы, прочно ассоциирующиеся у гуманитария с кабинетом физики и практической лабораторной по оному предмету.

Еще у Станислава Аркадьевича есть платяной шкаф, буфет и картина на стене. Картина тоже обыкновенная, как из школьного учебника. Шишкин или Левитан — Гриша хронически не запоминал фамилии художников, даже если картина ему нравилась.

В буфете помимо посуды хранились некоторые изделия Станислава Аркадьевича. Те, которым пока не удалось найти применения.

Но самым главным, конечно, была машинка. Не так: Машинка.

Как-то раз Гриша спросил у изобретателя: «Зачем?» Зачем вы все это придумываете, создаете? Журналист, он ждал дежурного ответа. Мол, чтобы людям стало удобней жить. Чтобы помочь справиться с глав-

ными проблемами человечества, такими как разрушение экологии. Экология тогда его заботила особенно, он и интервью затеял потому, что Станислав Аркадьевич изобрел молекулярный очиститель для автомобилей. Эта штука размером со спичечный коробок вставлялась в выхлопную трубу, и все — никакой грязи в воздух не вылетает. И хозяину не накладно, и природе хорошо. Несколько опытных образцов уже пару лет прекрасно работают в автомобилях соседей. Но ни одна серьезная фирма изобретением не заинтересовалась. Потому что «это антинаучно, а следовательно, это махинация».

Станислав Аркадьевич смутился. Долго думал, потом все же ответил: «Я делаю что-то, потому что мне это интересно. Это мой ребус, Штука, Которая Работает... у вас, Гриша, тоже, наверное, есть что-то подобное; кто-то стихи пишет, кто-то играет на скрипке, а я — вот...»

Самой главной «Штукой, Которая Работает» и была Машинка. Она стояла в углу, неотличимая от швейной машинки «Зингер» с ножным приводом. На той машинке эпоху назад строчила простыни и наволочки бабушка Станислава Аркадьевича.

Машинка сломалась в шестидесятые, тогда ее никто не смог починить. В таком неработающем виде она и досталась внуку.

Что немаловажно, дело было зимой. Зимой теплоход «Заря» стоял в затоне на речке Грязнухе, ожидая навигации. В тот год Станислав Аркадьевич не нашел сезонной работы на берегу — время было кризисное, переломное. Именно тогда он и обратил внимание на старенький «Зингер». Машинку следовало почистить, отремонтировать и продать.

Вот только ремонт затянулся, постепенно переродившись в модернизацию. И как это часто бывает с изобретателями, в результате получилось совсем

не то, что планировалось. Машинка не разучилась сшивать между собой кусочки ткани. Но обрела новую способность, про которую Гришка, захлебываясь от восторга, рассказывал приятелям:

— Она у него миры сшивает, как простые тряпки. На раз. Ровными стежками!

— Это как?

— Как-как... не знаю как. Побежали, посмотрим!

Машину крутили редко. Во-первых, сквозь пробитую иглой ткань миров в по-морскому чистую квартиру Станислава Аркадьевича залетал чужеродный ветер и наводил свой порядок. А во-вторых, иногда пришивался мир, полностью скрытый водой. И тогда с ведрами и тряпками и хозяин, и гости убирала с паркета лужи, а с мебели — конденсат.

Но сегодня, Гриша чувствовал это, сразу после чая и разговоров об инертности и консервативности современных провинциальных ученых придет время и для нее.

Не успели нарезать хлеб, как в дверь позвонили. Пришла первая гостья — девочка Таня из соседнего подъезда. Гриша девочку хорошо знал, она тоже любила здесь бывать. Хотя Станислав Аркадьевич не запрещал брать книжки домой, девочка предпочитала читать здесь, под уютное тиканье часов.

Таня принесла печенья и карамели. Пока рассаживались, заглянула соседка Алевтина Георгиевна, учительница на пенсии. Посмотрела, какая компания подалась, да и осталась.

Гости быстро уловили, что настроение у хозяина нерадостное, и как могли, пытались его поднять. Станислав Аркадьевич улыбался на шутки, но оставался задумчивым.

Гриша не утерпел:

— Интересно, что им не понравилось? Ведь вы же... вы показали камень?

— Это была глупая затея. Что они могли мне сказать? Сказали, что живой воды не бывает.

— Так вот же... — журналист недоуменно постучал по чашке.

— Шарлатанство, — проворчал Станислав Аркадьевич, подражая кому-то из профессоров-биологов.

— Но...

— Объект является обычной водой. Аш два о. Так показали анализы. А приборы врать не могут.

— А камень? — Гриша даже приподнялся от возмущения. — Он же настоящий... таких трудов стоило его добыть!

— И не говори.

Камень был, как нетрудно догадаться, из параллельной реальности. Еще летом крутили машинку, и Татьяна первая углядела, что возле темных скал — где-то в районе буфета — что-то блестит. Она, конечно, возомнила, что это настоящие алмазы, и захотела добыть один. «Просто посмотреть».

Станислав Аркадьевич решил, что такое возможно: ведь каким-то образом ветер и брызги оттуда проникают сюда? Да и сам он в своих изобретениях частенько пользовался анизотропностью пространственных переходов. Например, выхлопы автомобилей резво и жизнерадостно улетали в один из метановых миров, а вечные батарейки работали исключительно на принципах второго закона термодинамики, черпая энергию из какой-то случайно пришитой планеты-гиганта.

И вот, после пары десятков неудачных опытов, несколько блестящих камней было перенесено в наш мир. Разумеется, со всеми предосторожностями. Станислав Аркадьевич их даже подержал несколько минут в крутом растворе марганцовки.

После недельного карантина один камень достался Тане. Другой облюбовал Яр: откатил в сторону и начал деятельно вылизывать, словно собственного котенка. До сих пор отнять игрушку у зверя так никому и не удалось.

Другими камнями занялся сам хозяин. Его любопытство подогревало то, что ни в одном каталоге ничего, даже близкого по описанию, не значилось. Даже в Интернете.

И все-таки чудесные свойства камней из другого мира так и остались бы нераскрытыми, если б не случайность.

Случайность — это такая хитрая штука, которая происходит тогда, когда она нужней всего.

Вот почему Станислав Аркадьевич, не большой любитель рыбы, вдруг взял да и купил в магазине живого карпа? Купил, принес домой, но по дороге «кулинарное» настроение улетучилось, и он выпустил рыбину поплавать в ванне. Через какое-то время бедняга-каarp скончался, перевернулся кверху брюхом и перестал шевелить жабрами.

Выловить бы, да и положить в холодильник. Но Станислав Аркадьевич забегался и забыл.

А уж когда шаловливые ручонки младшего внука Алевтины Георгиевны высыпали в ванну взятые без спросу инопланетные камушки — того никто кроме него не знает. Мальчик решил, что хозяин устроил у себя такой аквариум. Ну, правильно, какой аквариум без камушков?

Карп ожил. Да и сама вода утратила запах хлорки и легкий оттенок ржавчины, стала голубоватой и искристой.

С тех пор один из камней обосновался в кувшине с питьевой водой, а остальные разбрелись по соседям.

Однако мысль о том, что «живые камни» могли бы принести куда больше пользы в больницах, и что чи-

стить ими воду для питья куда менее рационально, чем даже забивать гвозди микроскопом, не давала Станиславу Аркадьевичу покоя.

Живая вода умела оживать. Но — только это.

Человек дотошный и принципиальный, Станислав Аркадьевич сначала провел испытания дома, погружая в нее последовательно — свой порезанный палец (результат нулевой — еще бы, палец-то вполне живой и так), замороженную курицу (голова у нее не отросла, и вообще никаких положительных изменений), курицу, охлажденную и с головой (даже не нагрелась), и еще одну только что уснувшую рыбу. С рыбой все снова получилось.

Выводов напрашивалось два. Первый — самый простой, но нежелательный. Вода действует только на рыб. Второй — это что важно не только от чего наступила смерть, но и когда она наступила.

После опытов с курицей у Станислава Аркадьевича даже от сердца отлегло. А то ведь, спасибо кинематографу, нетрудно представить, что будет, если такой водой полить городское кладбище.

Или вдруг кому-нибудь захочется оживить вождя мирового пролетариата?

И вот приезжает такой деятель в Мавзолей. В руках у него трехлитровая банка, а на устах — коварная улыбка...

Брр...

Станислав Аркадьевич чуть улыбнулся, вспоминая.

Сентябрь радовал последними теплыми днями. Желтых листьев в кронах было еще мало, до завершения навигации оставалось несколько недель. Механик с теплохода «Заря» неспешно шагал домой по улице Пушкина, мимо бывшего клуба речников, в котором сейчас кафе и парикмахерская, через дворы, в которых царят футбол и дочери-матери. Мимо спортплощадки с велосипедистами и скейтбордистами. Мимо

пивного киоска и магазина «Гастроном» на улице Речной. В гастрономе он прикупил для Ярда мороженой рыбы и был горд, что не забыл этого сделать: наглый котяра презирал «Китикэт».

У подъезда его встретили донельзя расстроенные ребята — Таня и еще один мальчик, незнакомый. Таня издалека замахала рукой и побежала навстречу.

— Станислав Аркадич! Помогите!

— Что случилось?

У незнакомого первоклассника щеки были покрыты частыми дорожками слез.

— Кешка... у... у-умер... — пробормотал он тихо.

— Кто?

Изобретатель заоглядывался. Кешкой мог быть кто угодно. Начиная от щенка, заканчивая человеком.

— Кешка — это попугай, — объяснила Татьяна. — Он, наверное, склевал что-то не то...

— Он из клетки вчера... — подтвердил мальчик. — Я ловил... а он... он на улицу хотел...

— Когда это случилось?

— Что? — мальчик нахмурился.

— Когда попугай умер?

— Не з-наю...

Таня перехватила инициативу:

— Да только что. Болел все утро. Ветеринар приехал, сказал — сдохнет. Он вот только что... сидел-сидел... и упал. Честно.

На только что сдохшего попугая Кешку живая вода подействовала. Правда, окунать его пришлось трижды: склеванная по дурости мышьяная отравка продолжала действовать и на оживший организм. И все же птичка выжила, первоклассник остался доволен, а у Станислава Аркадьевича появилась проблема морального выбора, которая вылилась в поездку в Вологду, в университет, на кафедру биологии, и закономерно окончилась публичным осмеянием «открытия».

— А что, друзья, не покрутить ли нам машинку? — задумчиво спросил Станислав Аркадьевич. Вопрос это риторический. Конечно, всем хотелось «покрутить».

— А куда сегодня? — уточнила Таня, догрызая печеньку. Получилось невнятно, но все поняли.

«Зингер» сшивает миры не просто так. Почему-то важно, кто именно крутит ручку.

Да-да, с электроприводом машинка отказалась работать вовсе, и теперь вечная батарейка питала лишь немногие детали прибора (автор изобретения ворчал: ох уж эта электроника!.. Костыли технологии!).

Самому Станиславу Аркадьевичу неизменно открывался пустынный берег моря с ветром, скалами и живыми камнями. Жаль, что с расстоянием контуры побережья становились все более размытыми, теряясь за границами обоев.

Татьяна «накрутила» странный мир с розовым небом и белыми деревьями, похожими на морские кораллы. Воздух там не подходит для дыхания, потому стежки приходилось делать крупные, чтобы было поменьше дырок. И все равно через минуту все присутствующие начинали чихать.

Гриша открыл очень полезный мир, но успел только опустить иглу — миг, и в квартире стало жарко, а воздух наполнился неприятным кислым запахом. Пришлось срочно распускать начатую стяжку...

— К морю? — почти одновременно с девочкой спросил Гриша.

— Ну почему? — Станислав Аркадьевич улыбнулся. — Вот пусть Алевтина Георгиевна попробует. Она еще ни разу...

— Что это я ни разу? — нахмурилась пожилая учительница.

— Ни разу не крутили Машину, — объяснила Таня.

— Это... ту самую, да?

Ей уступили место подле ручки и пристроились рядом — смотреть. Чем ближе к машине, тем материальней чужое пространство.

— Только аккуратней, — посоветовал Станислав Аркадьевич. — Не спешите.

— Не в первый раз шью, — обиделась Алевтина Георгиевна. Но совету вняла.

По ту сторону как раз разгоралась заря. Ее отсветы ложились на отломы льда у дальнего берега, развешивали на воде и на песке розовые блики.

— Какая-то большая река, — предположил Гриша. Открытие нового мира вещь волнительная. Руки сами тянутся записать впечатления. А лучше — сфотографировать.

Фотографировать, к слову, пытались. Но снимки на пленке получались такие, словно кто-то просто забыл ее перемотать, и два кадра наложились друг на друга. А цифровой фотоаппарат сбоил, засвечивал кадры.

— Или морской залив, — согласилась Таня. — А это что еще такое?

Из воды выползло нечто, напоминающее гигантского рака или краба.

— Ого, первый обитаемый мир! Может, там еще кто-нибудь водится!

— А воздухом дышать можно... только он холодный какой-то, — вздохнула девочка.

Действительно, за минуту в комнате сильно похолодало.

В этот момент в дверь позвонили.

— Я открою.

Таня побежала в прихожую. Она решила заодно набросить на плечи куртку.

Если мы чего-то не знаем, совершенно не значит, что «этого» не может быть. На самом деле — может. Более того, это «что-то» подспудно происходит прямо

сейчас, до времени ничем не омрачая нашего существования.

И если вы трубите на каждом перекрестке о своем эпохальном открытии, то не удивляйтесь, когда окажется, что вас слышали.

А если вы рассказываете о живой воде и чудесных камнях группе лиц с ученой степенью и опытом работы, это еще не значит, что к опыту работы и ученой степени одного из них не прилагаются такие качества, как коммерческая хватка и склонность к авантюрам. Таким был доцент Горошкин, которого на демонстрацию живой воды пригласил знакомый преподаватель.

Горошкин был практичным человеком. Он подумал так: даже если карп оживает благодаря розыгрышу, то что за беда, если этот розыгрыш поможет заработать немного денег человеку, который давно заслужил это честным трудом на благо родной страны?

Кроме того, Горошкин был человеком прозорливым и догадался, что действовать надо либо хитростью, либо напором. Подозревая аферу, он хотел всего лишь попасть в долю. И предложить ему было что. Например, он мог бы состряпать наукообразное объяснение феномена — куда там Чумаку с его заряженной водой. Или помочь со знакомствами в научной среде. Или даже организовать встречи на телевидении.

Однако — и это доцент понял очень хорошо — пожилой изобретатель мог отказаться. Да, двигать проект в одиночку ему будет труднее, но при известном упорстве вся прибыль достанется ему одному. Зачем в этом случае не слишком-то надежные компаньоны?

Так что нужно либо подловить афериста на чем-нибудь криминальном, либо действовать решительно и дерзко, чтобы у того не осталось никаких сомнений.

Подловить — надежней. Но как его подловишь? Человек с прозрачной биографией. Никакого криминала.

Оставалась разведка боем. Ее-то Горошкин и принял.

— Здравствуйте! — сказала русоголовая девочка лет двенадцати и сразу впустила в квартиру. — Вы к Станиславу Аркадьевичу?

Такое легкомыслие пробудило в доценте гражданский долг и педагогические принципы.

— Совершенно верно. А тебе, девочка, никто не говорил, что впускать в дом посторонних людей опасно? Девочка только фыркнула.

— Закрывайте дверь, а то кот выскочит.

Ярд уже сунул нос в прихожую.

— Вот это зверь у вас...

— Ярд ласковый, не бойтесь. Вы в первый раз, да?

— В первый.

— Проходите. Да не снимайте плащ, там холодно!

В помещении действительно было холодно и людно. Надо же. А говорили, один живет, бобылем.

— Ух, ты, — восхитилась девочка, — на буфете-то иней!

И верно, черные доски покрыла изморозь. Все предполагаемые домочадцы Станислава Аркадьевича стояли возле старинной швейной машинки. Пожилая дама дышала в замерзшие ладони и улыбалась. Хозяин тоже был здесь и тоже улыбался.

Но больше всего заинтересовал Горошкина высокий парень, нос которого украшали очки в тонкой оправе. И компьютер планшетный у него под мышкой... и куртка с логотипом «Гуслярский Сплетник»...

Журналист! Дело еще хуже, чем могло показаться. Значит, работа с прессой уже ведется. А тут недолго и до телевидения...

Надо быть осторожным вдвойне!

— Добрый вечер, — сказал он вежливо.

— Добрый, Антон...

— Савельевич.

— Да-да. Знакомьтесь... — Станислав Аркадьевич не ожидал увидеть такого гостя и немного смутился. — Вот... Антон Савельевич Горошкин, ученый, приехал к нам из областного центра. А это мои соседи и друзья...

Все представились. Горошкин, правда, сразу забыл имена гостей. Ему было не до того.

— Понимаете, — сказал он, скорей для окружающих, чем для хозяина, — после совещания мне подумалось, не рубим ли мы сплеча? Возможно, нам открылись не все факты? И тогда я решил: прежде чем что-то отрицать, нужно проверить... Вы со мной согласны?

— Согласны, — ответил за всех журналист Корецкий. — Только что ж вы там-то молчали? На совещании?

— Ну, вы же понимаете инертность системы? Большинство из нас, ученых, материалисты, и в потусторонние силы мы не верим. Кроме того... в нашем мире, в мире науки, посторонних людей не бывает. Все знакомы, как же иначе? Как вести научную деятельность без контакта, так сказать, с другими специалистами... опять же... лаборатории. Их не так много. Разумеется, когда приходит человек с улицы ... извините, Станислав Абрамович...

— ...Аркадьевич...

— Неважно! Человек приходит и говорит, что он совершил эпохальное открытие... это вызывает некоторые сомнения... Тем более что у вас даже нет высшего образования! Что серьезные люди могли подумать?

Горошкин выдержал паузу, за которую успел обвести аудиторию изучающим взглядом.

— Что с ними хотят проконсультироваться? — спросила Таня.

— Или что их хотят обмануть. А тут еще этот карп. Это же несерьезно. Какая-то оживающая рыбина... она у вас с самого начала, между прочим, плавниками шевелила...

— Не к тем людям вы пошли, — вздохнул Гриша. — Надо было сразу к медикам!

— Нет, что вы! Люди, которые занимаются медициной, не поверили бы вам точно так же. Но... знаете... — тон Горошкина стал доверительным. — Мне вы показались человеком честным. И я решил еще раз поговорить с вами, поговорить подробнее. Возможно, в ваших идеях есть рациональное зерно.

Татьяна удивилась:

— Конечно, есть! Самое рациональное. Можем доказать... Станислав Аркадьевич, ведь можем?

Чем дальше, тем меньше Станиславу Аркадьевичу нравился доцент Горошкин. И совсем не хотелось ничего ему доказывать.

— Конечно. Но в другой раз.

Алевтина Георгиевна верно истолковала интонацию и засобиралась: ей еще за младшим внуком идти в детский сад. Остальные тоже почувствовали — пора. И у каждого нашлись неотложные дела.

— Нам бы поговорить... — у выхода попросил Антон Савельевич.

— Давайте завтра. Что-то самочувствие у меня неважное.

— Конечно. Поправляйтесь!

И разговор действительно состоялся на следующее утро. Но ничего, кроме разочарования, не принес. Более того, бедному Горошкину волей-неволей пришлось сделать для себя два важных вывода. Первый: теперь этот изобретатель точно не захочет иметь

с ним никакого дела. Ну кто просил так быстро и нагло высказывать резоны? Кто тянул за язык? Финансовой стороны дела вообще не стоило касаться. Да как только тот услышал про телепрограмму и торговую точку в будущем, сразу стало ясно: все. Фатальная ошибка совершена, теперь не исправишь. Нет, изобретатель слова не сказал поперек. Нахмурился, дал высказаться, да и ответил:

— Знаете, это для меня слишком сложно. Я не буду этим заниматься.

Антон Савельевич дураком не был, понял — дело не в деньгах. В принципе.

И был второй вывод, не менее, а возможно, более важный. Камни. С ними что-то действительно не так.

...А всего и надо-то, оказалось, погулять по двору, порасспросить людей. Он даже на пристань съездил, чтобы поговорить с коллегами и начальством Станислава Аркадьевича.

Таня считала Горошкина уже знакомым человеком. Потому и не заподозрила ничего странного в его расспросах.

— Какой обман? Настоящие камни, инопланетянские. Они из обычной воды делают живую. Я откуда знаю? Из-за Кешки. Кешка — это попугай...

Гриша удивился:

— Вы же говорили, что поверили. А, научный подход... ну, судите сами. Камни он, конечно, не сам вырастил. Они из другого мира. Нет-нет, никаких тарелочек и пришельцев! Станислав Аркадьевич изобрел Машинку, вот с помощью ее и... да вы видели. Как не видели? Вы же около нее стояли. Ах, не видели в действии... ну, это понятно. Он действительно ее редко крутит. Говорит, может быть опасно...

Алевтина Георгиевна улыбнулась:

— Ну что вы все пристали с этой машинкой?! Машинка как машинка. «Зингер», двадцать третьего года. Еще с узким челноком... хотя, знаете, нет там никакого челнока. Одна видимость... у него там какие-то совсем хитрые детали стоят. Я таких слов-то не знаю... Что машинка? Машин вон сколько... Людито намного интересней...

Все прочие мало добавили к сложившейся картине мира. А картина рисовалась такая.

У судового механика с теплохода «Заря» дома находится рабочая модель портала в иные миры, замаскированная под швейную машинку «Зингер». С помощью нее можно проникать в означенные миры и притаскивать оттуда разные вещи.

И это гораздо интересней и важней (для науки! разумеется, для науки!), чем какие-то там камни и какая-то живая вода!

Осталось решить вопрос, как добраться до Машинки.

— Я думаю, — сказал Гриша Корецкий, задумчиво разглядывая чашку, — что для местных обитателей вода эта совсем и не живая, а самая обыкновенная. Иначе нам пришлось бы сделать вывод, что в том мире не бывает смерти.

— Так может, там и жизни нет! — хитро заметил Станислав Аркадьевич.

— А это тоже косвенное доказательство! Если нет жизни, то зачем живая вода? А если жизнь все-таки есть, то, значит, и смерть есть...

— Детерминист. Объясни, почему.

— А из-за энтропии. Нет смерти — нарушается закон энтропии...

— И какой вывод ты делаешь?

— Я думаю, что объекты нашего мира, попав туда, тоже приобретут новые, неожиданные свойства.

— Недоказуемо.

— Это почему?

— Так переходы у нас получаются только в одну сторону. Или только туда, или только оттуда. Вспомни, как пришлось ухищряться, чтобы добыть камни? Двусторонняя проницаемость для нас пока — несбыточная мечта.

— Жалко. Представляете, попал бы я туда... настоящим, может, волшебником стал!..

— Скорее всего, — вздохнул Станислав Аркадьевич, — там никто не живет. Разве только в мире Алевтины Георгиевны. И для кого ты там будешь колдовать? Для местных ракообразных?

На этом спор и закончился. Но идея усовершенствовать Машинку накрепко засела в голове изобретателя, и он занялся изучением вопроса.

Меж тем наступила настоящая зима, с морозами. Даже снег выпал.

Жизнь доцента Горошкина шла своим чередом. Но подспудно все равно теплилась, не отпускала мысль: вот я живу, делаю что-то, дергаюсь, а на самом деле просто прожигаю время. Время, которое мог бы потратить на что-то большое и настоящее. И ведь это настоящее все время рядом: стоит без дела в доме номер шесть по Речной улице районного центра Великий Гусляр. Каких-то шесть часов на автобусе от областного центра, да потом еще от автовокзала до Речной пятнадцать минут пешком. А если на личном транспорте, то можно и за три часа доехать. Дорогу на Гусляр совсем недавно отремонтировали.

Ах, как многого можно было бы достичь посредством чудесной швейной машинки! Куда там живым камням!

А новые курорты в неведомых краях — не хотите? А добыча цветных металлов в открытых выработках необитаемых планет, а перенос вредного производства подальше от городов?

И все это может оказаться у одного человека.

Но начать придется с малого. С той самой живой воды, например (уж больно Горошкина впечатлил трюк с оживающим карпом). А для этого нужны еще люди. Кто-то, кто поверит в коммерческую ценность проекта и не побоится рискнуть...

В криминальном мире у Горошкина знакомств не было. Не считать же таковым чету алкоголиков Перепеловых, живущих этажом выше. А вот в мире фармакологии подходящее знакомство нашлось прямо в самом Гусляре.

В далеком детстве был у Горошкина приятель — Жорик Лебедев. Во взрослой жизни их пути незаметным образом разошлись, а пару лет назад судьба снова свела их вместе. Оказалось, что Жорик теперь живет в Гусляре и там заведует всеми тремя аптеками.

План действий сложился быстро, и вот в кафе «Мороженое», что неподалеку от городского универмага, Горошкин встретился с потенциальным подельником. Специально приехал в Гусляр в выходной день, не пожалел времени.

Жорик, несмотря на свои почти пятьдесят, был легкомыслен и преувеличенно жизнерадостен. Это раздражало доцента, но, с другой стороны, Лебедев таким был всегда, даже в младших классах.

Выслушав аргументы Горошкина, Жорик хмыкнул:

— Что-то тебя к старости потянуло искать приключений? Камни какие-то... разливай себе потихоньку воду в бутылочки да и продавай, как особую заряженную... зачем для этого чужие квартиры взламывать?

— Ничего ты не понял, Георгий Викторович. Вода на самом деле будет живая. Никакого подвоха. Надо лишь добыть камни. А камни можно добыть только в той квартире...

— Погоди. Вода — из-под крана. Так?

— Да. Но у тебя из крана вода обыкновенная. А в моей воде карпы оживать будут! То есть уже оживают, я сам видел.

— Так. Какие карпы?

— Снулые.

— А ты часом на почве высоких интеллектуальных нагрузок не... какие снулые карпы, Антон Савельевич? Или ты хочешь при моей аптеке открыть магазин живой рыбы?

— При чем здесь рыба? Я собираюсь торговать живой водой. Которая получается, если особым образом, при помощи активных минералов инопланетного происхождения обработать простую воду.

Жорик откинулся на спинку кресла:

— Во-первых, это дело нужно как-то легализовать. Вот ты ученый, аж в самой Москве работал. Ты мне сертификат сделаешь? Надежную, качественную бумагу, к которой никто не прицепится?

— Не проблема. У меня найдутся нужные связи.

— Хорошо. А гарантия? Что ты меня не подставишь с этой водой. Извини, но со стороны все выглядит как-то...

— Гарантия — карп. Машина стоит в квартире обычного горожанина. Что с ней делать — он толком не знает, но зато научился оживлять карпа. Очень эффективно. Кроме меня это еще куча народу видела, у нас на кафедре. Ну, как, по рукам?

— Не нравится мне... Давай еще по пиву и домой. А то моя уже икру мечет... А об этом деле потом поговорим.

В область Горошкин возвращался в задумчивом настроении. Все пытался придумать неотразимые аргументы, которые наверняка бы пробили ослиное Жориково упрямство. И даже придумал парочку... но что толку? К сожалению, так часто бывает, что самые лучшие, самые правильные мысли приходят в голову, когда уже непоправимо поздно что-то делать...

Гриша Корецкий мрачно поддел носком туфли темную пластиковую бутылку, та улетела в кусты. Подумал: и что я скажу Станиславу Аркадьевичу? Столько надежд было на эту статью. Столько раз переписывали, старались сделать максимально информативно и на-укообразно. И что же? «Вы, Гриша, молодой специалист. Вы талантливы, вы умеете интересно писать. Но любовь к нездоровым сенсациям вас погубит...»

Не приняли статью. Как Гриша ни доказывал, как ни предлагал устроить демонстрацию прямо в редакции, его словам не внял ни заведующий отделом новостей, ни сам редактор.

«Сплетнику» нездоровые сенсации оказались не нужны — слишком уж неправдоподобно звучит! Интересно. Про летающую тарелочку над деревней Протасовка — это правдоподобно. А живая вода — нонсенс и выдумка!

Главный редактор «Сплетника» так и сказал: «Ну что ты как маленький. Тарелочки у нас каждый тракторист хотя бы раз в жизни видел. А живую воду и без вас производят — на нашем спиртзаводе. Пол-литра за пятьдесят рублей».

Гриша обиделся, но ругаться не стал.

Станислава Аркадьевича, спешащего к автобусной остановке, он увидел издали и подумал: все к одному. Придется признаваться.

Но тот к новости отнесся ровно. Сказал:

— На «Зарю» вызвали. Говорят, надолго. Ты зайди ко мне вечером. Ярда покорми... и я Татьяне книжку обещал. Реферат писать. О, вон моя пятерка! Пошел...

Жорику и раньше приходилось слышать про изобретателя с Речной улицы. Не все рассказы о нем вызвали доверие, но ведь не зря говорят: шила в мешке не утаишь. А из этого мешка шило торчало таких размеров, что впору сравнивать с вязальной спицей.

Ну, знал и знал. Подумаешь, изобретатель, мало их, что ли, в мире? Да история одного только Великого Гусляра знает их немало! Но рассказ Горошкина его зацепил. Именно простотой решения и тем, что никакого обмана не предвидится. В авантюру с обманом сограждан Жорик не ввязался бы ни за какие посулы — имел печальный опыт. Даже как-то провел две ночи в следственном изоляторе.

А камень, что камень: штука маленькая. Сунул в карман и унес. Тем более что хозяин, говорят, их просто так раздавал соседям. Чем Жорик Лебедев хуже каких-то там соседей? К тому же вдруг у изобретателя есть лишний и он согласится продать?

Чего ему действительно не хотелось, так это красть Машинку. Машинка — не камень, в кармане не вынесешь. Именно поэтому Жорик и не стал вступать в сговор с бывшим одноклассником Горошкиным. Боялся испортить репутацию.

И тем самым вынудил Антона Савельевича искать «партнера» на стороне.

Гриша поужинал, просмотрел блоги в Сети, полчаса потратил на родное издание (раздел новостей, раздел слухов и анекдоты) и решил, что пора идти кормить Ярда.

Ему и раньше приходилось ухаживать за котом, когда «Заря» уходила в двухдневный экскурсионный рейс по реке Гусь. Это случалось нечасто, но все же случалось, и Станислав Аркадьевич никогда не боялся оставить квартиру на кота и журналиста: оба они существа ответственные и неглупые.

И вот Ярд уминает вареную рыбу, в кухне чуть слышно бубнит приемник, свет притушен. Все как в детстве. Гриша достал с полки «Трех мушкетеров» и забрался под плед, словно вернулся на десять лет назад.

Не успел д'Артаньян въехать в Менг, в дверь позвонили.

Незнакомый полноватый дядечка, одетый предстательно и даже стильно, спросил:

— Это вы Станислав Аркадьевич?

— Нет. Его срочно вызвали на работу. А что случилось?

— Вы знаете... извините... я не представился. Меня зовут Георгий Викторович Лебедев, может, слышали?

В руках у гостя был солидный кожаный портфель.

— Нет.

— Ну, как... я заведу сетью аптек «Здравие». Одна как раз тут у вас, недалеко от остановки. Хорошее название, правда? Вот, держите, это моя визитка. А когда хозяин придет? Мне бы очень хотелось с ним поговорить.

— Очень приятно. А я журналист, моя фамилия — Корецкий.

(Грише нравилось, как это звучит. Как в известном сериале: «Здравствуйте! Моя фамилия — Турецкий».)

— Как это правильно! О таких людях нужно писать! Нужно, чтобы в городе о нем знали. В наше время так мало людей, которые искренне посвящают себя научному поиску, не размениваясь на стяжательство... извините. Но ведь я прав?

— Разумеется. Станислав Аркадьевич не сказал, когда вернется, но ему можно позвонить. Заходите в квартиру, что на лестнице стоять?

— Неудобно, без приглашения.

— Нисколько. Или вы торопитесь?

— Нет-нет, не тороплюсь...

Так Жорик оказался в доме изобретателя. И первое, что он увидел, — камень. Большой, округлый, слабо мерцающий то ли отраженным, то ли собственным светом, кристалл лежал на полу, неподалеку от буфета. Внутренним чутьем Жорик понял: оно. Теперь

нужно только подождать, когда журналист отвернется... ну что же он не отворачивается... ай! А это еще кого принесло?

В дверь снова звонили.

— Приветик, — сказала Татьяна, — я за книжкой, мне разрешили.

— Заходи. — Гриша впустил девочку в квартиру.

Книги, подобранные для нее Станиславом Аркадьевичем, лежали стопочкой на столе. Но первым делом девочка заскочила на кухню, схватить печенинку. Таня зашла сразу после кружка, дома еще не была и потому очень хотела есть. С кухни донесся ее ворчливый голос:

— Нет, ну вы посмотрите только! Опять целая гора посуды!

Зажурчала вода. Гриша обругал себя: чем сидеть без дела, мог и сам привести посуду в порядок. Вообще-то слово «опять» было сильным преувеличением.

Откуда-то появился большой черный кот, улегся около камня, лизнул его и замурлыкал.

Гриша позвонил хозяину, сообщил о гостях и услышал, что тот скоро вернется. Сопровождение закончилось.

И в этот момент в прихожей появились еще два «гостя»: Танюшка по забывчивости не заперла входную дверь. Люди это были крупные, молодые и не очень трезвые. Они сразу заняли немалую часть пространства, словно поглотили его, и заоглядывались.

— Где тут Машинка? — спросил один, тот, что постарше. Его блестящая макушка сверкнула в свете лампы. — Хозяин это... велел отвезти.

— Куда? — растерялся Гриша. — Я ему только что звонил, он ничего не сказал!

Тот, что помоложе, он был в кепке, скривил рот:

— Тебя, фраера, не спросили, да? Ты че завелся, да?

С кухни выглянула Таня, а Жорик подумал, что самое время хватать камень и тикать.

Но до камня было три шага и кот. Потому он поднялся и спросил высоким голосом:

— Вы что себе позволяете? Это нарушение неприкосновенности чужого жилища! Я полицию вызову!

— Молчи, дядя! — скомандовал «Кепка».

— Таня, беги, зови полицию! — шепнул Гриша, снимая очки. — Я их задержу!

Таня стремительно проскочила через прихожую на лестничную площадку.

— Эй, куда! — взревел лысый, рванув следом.

В дверях он столкнулся с Горошкиным: доцент сгрыз ногти до локтей, пока ждал подельников, ушедших в разведку. Не дождался, отправился следом.

Сначала из квартиры выскочила знакомая девчонка. Затем — лоб в лоб, один из пропавших «партнеров». От столкновения Горошкин чуть не потерял сознание. Однако не успел он закатить глаза, как из квартиры донесся страшный визг и грохот. Голос визжавшего показался Антону Савельевичу знакомым, и он рванул на звук.

Визжал Жорик. В руке его светился вожделенный камень, а на руке, вцепившись всеми лапами и зубами, висел шестикилограммовый Ярд и рычал не по кошачьи.

Одновременно второй «партнер» наседавал на Гришу, который пытался собой загородить швейную машинку «Зингер». У журналиста Корецкого глаз наливался свежим фингалом, а в руках он сжимал старинную чернильницу на медной подставке. У обладателя кепки был расквашен нос и порезана щека.

Увидев Жорика с камнем в руках, Горошкин завопил, словно подстреленный, и повис на свободной руке аптекаря. Оба покатались по полу, сбили с ног

«кепку», тот стукнулся башкой о буфет. Стукнулся, но сознание не потерял, а начал материться так виртуозно, что Грише захотелось немедленно записать.

Именно в этот момент вновь хлопнула входная дверь, и в квартире появился Станислав Аркадьевич.

Он печально осмотрел поле битвы и вдруг рявкнул: «Всем встать!»

Командной силы в его голосе было столько, что участники безобразия немедленно поднялись с пола.

— Вот, — сказал виновато Жорик, протягивая хозяину отвоеванный у кота камень. — На полу валялось. Я подумал, может, нужное чего... извините.

Станислав Аркадьевич посмотрел на Гришу и тот виновато опустил глаза. Ведь это по его вине случились безобразия. На его присмотр была оставлена квартира. И вот. У буфета стекло треснуло, весь пол в грязных следах. Непорядок.

— Извините, — пробормотал Гриша, — я не смог их остановить...

— В холодильнике есть лед. Приложи к глазу; а вы, Антон Савельевич? Что это вы устроили? Что за безобразие?

— Я... я услышал шум... хотел пресечь... все-таки могло пострадать такое... все же живая вода, которую вы производите, представляет научную ценность... а вдруг бы что случилось... — он сбился.

— Вы же ученый. Какая живая вода? Это ненаучно, сами говорили.

— А параллельные миры? А... а карп?

— Какие параллельные миры? Подумайте сами. Где вы их видите?

— Но машинка... я бы смог доказать...

Поняв, что проболтался, Антон Савельевич смолк.

— Машинка? «Зингер» двадцать третьего года выпуска, рабочая модель. Неплохо, кстати, шьет. И вы собирались с этим изделием предстать перед коллегам

ми? И рассказывать про живую воду? Ну посмотрите на ситуацию со стороны. В лучшем случае, ученые покрутят пальцем у виска. В худшем — вызовут «неотложку».

Горошкин представил себя со стороны и чуть не заплакал. Хорош бы он был — со швейной машинкой на ученом совете.

— А вы? — взгляд хозяина переместился на исцарапанного в кровь аптекаря. Жорик шмыгнул носом на манер первоклассника. Ему было плохо и больно. И очень, очень неудобно.

— Я? Просто зашел. Поговорить. Я много про вас слышал...

— Врет он! — обрадованно воскликнул Горошкин. — Он себе все хотел захватить, и Машинку, и камни. И производить живую воду в промышленных количествах!

— Глупости, — смутился Жорик. — Вот, спросите у молодого человека.

Гриша как раз вернулся в комнату.

— Да, он, кажется, хотел с вами поговорить.

— Ну-ну. — Взгляд Станислава Аркадьевича стал еще более печальным. — А зачем же вы у кота игрушку отняли?

— Я думал, может, это нужно что-то...

Щеки Жорика залились краской.

«Кепка», не дожидаясь, когда его начнут расспрашивать, заговорил сам:

— А че сразу я? Это вот он! — толстый палец уперся в побитого Горошкина. — Он нас нанял, чтобы, знает, Машинку... эту вот... забрать и к нему перевезти...

— Кругом предатели, — прошептал Горошкин.

Тихо, но все услышали.

— Ох, — побледнел вдруг Гриша, — а Танюшка-то! Она за полицией побежала, а за ней их второй выскочил...

Оба, и журналист, и хозяин квартиры, сорвались в коридор, но никуда бежать уже было не надо. Дверь открылась, за ней стояла гордая Таня и два человека в форме.

Она представила:

— Познакомьтесь, это мой отчим, дядя Слава. А это его друг дядя Иван. Они в полиции работают!.. Эх, жалко, лысый сбежал.

— Сбежал? — удивился Станислав Аркадьевич.

— Ну, да. Я его на выходе дверью приложила, он в снег бухнулся. Грохот был! Но пока домой бегала, он, наверное, очухался и уполз.

— Ну проходите. — Станислав Аркадьевич впустил новых знакомых в комнату.

И тут все увидели, что Горошкин стоит возле машинки и злорадно улыбается.

— Сейчас крутану! — крикнул он. — Я псих, отойдите на безопасное расстояние!

— Отойдите, — обеспокоился Станислав Аркадьевич. — Не ровен час, крутанет. Я не могу предположить последствия.

— Почему? — удивился Гриша. — Сами же говорили, проницаемость — односторонняя. Ну, напустит воды... так пол-то все равно мыть.

— Эй, — быстро заговорил изобретатель. — Отпусти ручку! Я эту штуку перенастроил. Слышишь? Она недоделана! Можешь ведь пропасть, дурья твоя голова!

— Это блеф! — азартно воскликнул Горошкин и все же сделал то, что собирался. Машинка застроčila, аккуратно, стежок к стежку сшивая миры. Силуэт Горошкина замерцал, начал таять. А на его месте, в луже мутной воды стало проявляться нечто крупное и серое.

— Тюлень! — опознала Таня новое действующее лицо. — Какой милый! Тюленьчик!

— Двусторонняя проницаемость! — воскликнул Гриша. — У вас получилось!

— Говорил же, не успел доделать! — всплеснул руками Станислав Аркадьевич.

— Е! — ухнул «Кепка». — В тюленя превратился! Не надо меня в тюленя! Только не в тюленя! Лучше в полицию!

Жорик, пока все отвлеклись, попытался пробраться в прихожую, но бдительные полицейские не допустили.

— А куда мы его теперь? — Таня попыталась подойти к зверю, но тот испуганно закричал и отступил к стенке. — Он же совсем дикий!

— Может, в дельфинарий? А как быть с Горошкиным? Нельзя же его там оставлять? — Гриша сказал это, а потом подумал, может, было бы и неплохо.

— Ой! Нельзя! — Тане стало жалко доцента, попавшего к тюленям. — Надо его вернуть.

— Выход один. — Станислав Аркадьевич посмотрел на мокрого зверя внимательно и печально. — Придется учить его пользоваться швейной машинкой!

Горошкин за сутки не сдвинулся с места. Кругом были тюлени, много, много тюленей. Они лежали так тесно друг к другу, что Антон Савельевич боялся пошевелиться, чтобы не потерять свой кусочек свободного пространства. Именно благодаря этому его и удалось вернуть живым и почти невредимым.

Станислав Аркадьевич за вечер устранил все недостатки, а Вафля, как называли тюленя, оказался скотиной сообразительной, и уже на следующий день смог мордой крутануть ручку «Зингера». Дело не обошлось, конечно, без привязывания к ручке сырой рыбы, зато с тридцать третьей попытки она уверенно сдвинулась с места. Этого оказалось достаточно.

Мокрый и жалкий, в слегка пожеванном плаще, доцент сидел в углу комнаты и тарасился на окружающих.

— Тюленьчик был лучше, — безжалостно констатировала Татьяна. — Он добрый был. И покладистый.

Станислав Аркадьевич накапал гостью валерьянки, дал сухую куртку и выставил вон. Без всякой жалости. А сам приступил к последовательному демонтажу Машины.

— Зачем? — чуть не со слезами спросил Гриша. — Это же такое... такая...

— Вот именно, что оказалось — ни за чем! Кому в нашем мире понадобилась моя машинка? Авантюристам и бездельникам! Да и тем — никакой пользы, один ущерб.

— Но... как же живая вода?

— Камни-то у нас остались. Исследуем, проанализируем. Научимся сами делать. Не хуже природных. А за машинку ты не переживай. У меня появилась новая мысль. Думаю, нам под силу реализовать идею телепортации.

— Как?

— А вот так. Тюлень-то был наш. Земной. Настоящий.

АЛЕКСЕЙ ВОЛКОВ

БИЛЕТ

— А что у тебя в руке? — спросила Ксения, глядя на пачку долларов.

— Это так, доллары. — Удалов протянул жене деньги.

— Дожили, — сказала Ксения и заплакала.

Кир Булычев. Наго помочь

Казалось, что время давно истекло, и напряженное ухо ловило радостное треньканье звонка, но в коридоре царила неправдоподобная тишина — ни хлопая дверей, ни шумного топота, и тогда Славка не вы-

держал и скосил взгляд на часы. Вопреки ощущениям до конца урока оставалось семнадцать минут. Рука Василия Иннокентьевича вновь скользила по спилу, и весь класс застыл в тревожном ожидании, которое можно было бы озвучить четырьмя словами: «Лишь бы не меня!»

— Итак, кто у нас давно не отвечал? — учитель словно чувствовал состояние ребят и специально тянул время.

Тридцать пар глаз упорно смотрели в сторону, стремясь показать, что в помещении никого нет. Но Василий Иннокентьевич преподавал около двадцати лет, и доказать свое отсутствие ученики не сумели.

— Рыжиков, — вздох облегчения, как шелест листвы при внезапном порыве ветра, вырвался из двадцати девяти легких.

Славка медленно — вдруг передумает? — поднялся из-за парты и застыл.

— Можно с места, — учитель с легким интересом рассматривал ученика.

Остатки надежды стремительно улетучились, и следом за ними начало быстро таять самообладание. В голове настойчиво вертелось: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французам отдана?» Надо сказать, на редкость не к месту. Василий Иннокентьевич преподавал не литературу или историю, а физику, и там не было места былым сражениям и их красочным литературным описаниям. Диким усилием воли Славка попытался сосредоточиться, и кто-то словно милостиво сменил пластинку: «Пифагоровы штаны во все стороны равны». Но и этот стишок никуда не годился, и Рыжиков об этом прискорбном факте смутно догадывался. Затравленный взгляд скользнул по просветленным лицам товарищей, по обложке закрытого — хоть бы одним глазком взглянуть! — учебника, и догадка переросла в уве-

ренность. Пифагор был ни при чем. Славка теперь это точно знал. Не знал он лишь то, что требовалось сейчас изложить Василию Иннокентьевичу, изложить точно и ясно, без двусмысленных толкований. В сознании стала вырисовываться мысль о величайшей несправедливости, в силу которой он, даже не читавший заданного материала, должен растолковать неведомое учителю, то есть тому, который и так прекрасно знает всю школьную программу. Но учитель о несправедливости, видимо, не догадывался и уже начал проявлять признаки нетерпения.

— Я... — рот раскрылся с трудом, и голоса было почти не слышно.

— Учил, — с показным сочувствием подсказал Василий Иннокентьевич.

Рыжиков с готовностью кивнул. Мысли перестали выплывать из тайников подсознания, и в голове установилась полнейшая, странно осязаемая пустота. Кто-то с задней парты, кажется Максимка Удалов, пытался подсказать, но то ли шепот разбился о неведомое науке поле, то ли по более простой причине: что звуки в пустоте не распространяются, Славка ничего услышать не смог. Услышал учитель, и его взгляд ударил говорившего сильнее мифической плетки. Подсказка умолкла на полуслове.

— Садись. Двойка, — Василий Иннокентьевич взял ручку и прицелился в клетку напротив фамилии вызываемого.

Все. Рука Рыжикова машинально легла на учебник и — о чудо! — в ту же секунду прямо в воздухе перед глазами возникли нужные страницы. Времени разбираться не было. Волнуясь, что наваждение исчезнет, Славка сначала медленно и неуверенно, а затем все быстрее и тверже начал читать...

Рука учителя застыла над журналом. Василий Иннокентьевич с удивлением посмотрел на Рыжико-

ва, который вдруг ни с того ни с сего начал отвечать урок, как-то странно водя перед собой глазами и явно не подглядывая и не подслушивая, чего учитель от него не ожидал. Смутно чувствуя подвох, педагог быстро скользнул взглядом по классу, однако на лицах учеников было столько изумления вперемешку с откровенным любопытством: «Неужели выучил?», что Василий Иннокентьевич только усмехнулся и подумал про себя: «А ведь может, если захочет. И, главное, почти дословно по учебнику. Вот это память!»

— Честное слово, я ничего не читал!

— Ничего не читал, а пятерку заработал! — в голосе Максима Удалова звучало нескрываемое недоверие.

— Я же вам рассказывал, — Рыжиков подавил вздох. — Как только дотронулся до учебника, сразу увидел его раскрытым на нужных параграфах, и просто стоял и читал. Знаете, я даже подумал, а вдруг Вася видит, но ничего не говорит.

— Может, у тебя память феноменальная, — на лице еще одного приятеля, Кольки Замятина, промелькнула догадка. — Один раз посмотрел на страницу, и запомнил?

— Да я ее в глаза не видел! Говорю же: учебник ни разу не открывал!

— Да... — Колька потух.

В молчании друзья вышли на Пушкинскую, и Максим молча кивнул и двинулся к дому.

И тут Замятина осенило:

— А ты не экстрасенс?

— Что? — не понял Славка.

— Ну, эти... О них сейчас все пишут... Которые людей лечат без лекарств одним прикосновением рук, другие будущее предсказывают, третьи предметы силой мысли поднимают, четвертые через закрытую книгу умеют читать. Пальцами коснутся — и порядок!

— Не знаю, — Рыжиков неуверенно пожал плечами.

— Зато я знаю! — глаза Замятина светились восторгом и торжеством. — Представляешь? Подходишь ты к коробке со «Спринтом» и уже видишь, где выигрыш, а где пустышка. Ты же миллионером можешь стать! — Колька увлекался все больше и больше. — Главное, чтобы о твоих способностях никто не знал. Понимаешь: никто. А то ничего не получится. Давай бросим портфели и сразу двинем. У рынка лотереей торгуют.

— У меня денег нет, — до Славки постепенно доходило значение его скрытых возможностей, и пустяковая преграда мгновенно испортила настроение.

— Ерунда! Трояк я достану! — остановить порывы Замятина не удавалось еще никому. — Только давай выигрыш пополам.

— Давай, — в этот момент Рыжиков был щедр. Да и как не расщедриться в пятнадцать лет, когда будущее утопает в радужных мечтах, а перед глазами уже плывет призрак сказочного богатства, которое сделает его знаменитым на весь Великий Гусляр. Восьмиклассник Вячеслав Рыжиков выиграл в «спринт» три автомобиля «Волга»! Деньги сделают всемогущим, все куплю, что только захочу! И от этого предвкушения счастья хотелось обнять весь мир, сделать его еще светлее и лучше. И, конечно, рядом должен быть друг. Надежный и лишь чуть-чуть менее удачливый, верный помощник во всех начинаниях.

— Ну, тогда я мигом! — темперамент Кольки не позволял ему ждать. — Только помни: никому ни слова! — последние слова донеслись уже из подъезда. — Никому!

Им повезло: у входа на рынок в сочетании азарта и нерешимости стояла небольшая толпа. Время от времени то один, то другой наклонялся над при-

тягивающей взоры коробкой и робко тянул билет. Остальные, как по команде, в волнении заглядывали ему через плечо. «Без выигрыша» — слов никто не произносил, но они тут же, неслышимые, становились известными всем. Тянувший виновато отходил в сторону, старательно пряча глаза и не находя в себе сил уйти от заветного ящика.

Чуть в стороне от толпы приятели заметили пенсионера Ложкина. Тот сам не играл, не хотел рисковать рублем, зато неотрывно следил, не выиграет ли кто-нибудь? К добру ли, к худу...

Выигрышей не было, разве что совсем уж по мелочам, и Ложкину процесс наблюдения надоел. Он что-то пробормотал про статистику, помянул Минца и медленно поковылял с базара.

— Помни, — в последний раз наставлял Замятин, — на всякие мелочи не разменивайся. Бери «Волгу» или «Жигуль». В крайнем случае — «Запорожец».

Славка рассеянно кивнул. На его лице блуждала странная, немного смущенная улыбка, а в голове царил хаос из обрывков грядущих свершений, которые обязательно будут выполнены, как только... Рыжиков уже ощущал на себе восторженные взгляды девчонок, подобострастие ребят, завистливый шепоток за спиной...

— Ну, что ты? Давай! — он почувствовал легкий толчок Замятина, и как во сне двинулся вперед, разрезая стоящую толпу.

— Один, — голос был какой-то чужой, не его. Пожилая женщина, не глядя, взяла протянутый рубль и кивнула на коробку.

Все в том же полусне, Славка неестественно медленно коснулся рукой зеленоватых билетов. Пальцы почему-то слегка дрожали, а в голове гулко отдавались резкие, неприятные удары собственного сердца. Перед глазами стался туман, и сознание никак не могло включиться в происходящее. «Этот», —

пальцы наконец захватили билет и потянули его из коробки. Руки не слушались. Пришлось приложить немало усилий, чтобы надорвать и развернуть обертку. Чувствуя глуповатую улыбку, Славка протянул женщине вкладыш. Та взглянула и что-то произнесла, однако смысл слов не доходил, а перед глазами все мелькали куски будущей легкой жизни.

Женщина повторила снова и вложила вкладыш в послушную Славкину руку. Тот продолжал стоять, как вкопанный, и продавщица начала сердиться.

— Что ты мне суешь? Урна справа! — наконец про rvalось в сознание Рыжикова.

Все с той же глупой улыбкой Рыжиков посмотрел на бумажку и с трудом прочитал: «Без выигрыша».

Славка опять не понял, и лишь очередной толчок Замятина вернул его к реальности.

— Не тот, дурак! — услышал он шепот друга. — Тащи еще! Только будь внимательнее! Сосредоточься, ну!

— Еще один, — все так же машинально Рыжиков протянул второй рубль, и рука опять зависла над коробкой.

«Этот. Или этот», — пальцы чуть касались билетов в поисках манящей удачи. Что-то упорно влекло к дальнему левому углу, и рука покорно двинулась туда.

На вкладыше были все те же безжалостные слова: «Без выигрыша».

Отказываясь верить, Славка повернулся к Замятину и прочитал на его лице столько разочарования, что сомнения немедленно пропали. «Но как же так?» — промелькнуло в голове, а рука уже сама тянулась с последним рублем.

Привлеченная «крупной» игрой толпа возбужденно зашевелилась.

На этот раз Славка выбирал мучительно долго, и женщина хотела прикрикнуть на него, но почему-

то передумала и усмехнулась. От волнения дрожь в пальцах усилилась, и от этого стало неприятно и стыдно. Наконец, будь что будет, Рыжиков ухватил билет и застыл с ним, не решаясь надорвать.

— Дай сюда! — Замятин побледнел от ожидания, но действовал ловко.

Вытянувшие шеи «болельщики» скоро смогли прочитать все те же магические слова: «Без выигрыша».

— Экстрасенс! — Колька презрительно сплюнул и двинулся к выходу.

Славка устремился следом. Его щеки горели от мучительного стыда, и нестерпимо хотелось спрятаться, провалиться сквозь землю, сделать все, что угодно, лишь бы исчезнуть, скрыться с глаз свидетелей его позора.

Внезапно Колька повернул к нему разочарованное злое лицо и бросил как оплеуху, четко и неумолимо:

— Зубрилка и обманщик! Чтобы завтра трояк у меня был! — и, свернув в сторону, быстро пошел прочь.

Через месяц Василий Иннокентьевич принимал экзамены за восьмой класс. Один за другим ученики подходили к столу, где сидел строгий и жестокий, как им казалось, преподаватель, и тянули билеты. Лица одних сразу вытягивались от разочарования, другие, наоборот, начинали счастливо улыбаться, причем первых, как всегда, было больше.

Время шло, а Рыжиков все еще торчал в коридоре, не решаясь зайти. Мальчишеская жизнь почти не оставляет времени на учебу. Поэтому вопросов Славка знал немного, и волновался все сильнее и сильнее. Наконец, он пересилил себя, вошел в класс и на негнущихся ногах медленно подошел к учительскому столу. «Не сдам, не сдам», — упорно билась в мозг предательская мысль. Но пути назад уже не было.

Рука наугад коснулась билета и — что это? — перед глазами возникли напечатанные с противоположной стороны бумаги вопросы. На секунду Славка опешил, но тут же начал лихорадочно соображать. Ничего подобного он не знал. Однако билет еще не был поднят, и это давало определенные права. Рука легла на следующий. Ответы на него были легче, но ненамного. «А если этот?» — Рыжиков коснулся третьего и счастливо вздохнул. Этот билет он знал.

С появившейся уверенностью Рыжиков изящно поднял листок бумаги и перевернул. Все было точно так, как он только что прочитал. Прочитал прямо в воздухе, не подглядывая и лишь касаясь листка кончиками пальцев.

Победоносно посмотрев на обреченно сидевшего над непонятными вопросами Замятина, Славка непринужденно назвал Василию Иннокентьевичу свой счастливый номер и пошел готовиться к ответу.

«Зубрилка», — мелькнуло воспоминание, но прежняя обида куда-то исчезла, и давняя несчастливая игра вызвала лишь легкую улыбку.

АЛЕКСЕЙ ВОЛКОВ

ГИПНОТИЗЕР

— Ну и как? — спросил Удалов, когда, покачиваясь от выпитого, мужчина вернулся к столику. — Продащица ничего не заметила?

Кир Булычев. Как его узнать

У каждого человека есть мечта. Обычная или неповторимая, реальная или фантастическая, материальная или духовная, но обязательно большая, ибо

маленькая мечта уже и не мечта, а так, всего лишь желание.

У Эдуарда Лапкина тоже была светлая мечта, которую он лелеял днем и ночью, в школе, дома, на улице, тайком от друзей. Шли дни, проходили года, но, как часто водится, она оставалась все той же, неосуществимой, заветной, манящей, ускользающей, как горизонт.

Лапкин мечтал получить пятерку. На первый взгляд это так просто: сел и выучил. Но именно здесь скрывалась самая неодолимая преграда: учить что-либо Лапкин не хотел. Сотни раз открывал он учебники, но огромное отвращение вынуждало его тут же вскочить из-за стола и устремиться на улицу. Не было силы, способной удержать, остановить Эдика.

У его приятеля Максима Удалова такой удерживающей силой в детстве был отцовский ремень. И пусть теперь превратившегося в юношу мальчишку никто не стегал, успел образоваться условный рефлекс. Хочешь учиться, нет, а все равно приходится. Родители же Лапкина изначально верили в исключительность сына, доверяли ему, и, если честно, не имели понятия, хорошо ли учиться их единственное чадо.

После каждой попытки что-либо выучить Эдик терял часть сил, и к концу восьмого класса утратил их окончательно. С тех пор учебники не открывались практически никогда. Целыми днями Лапкин странствовал по своим друзьям: тому же Удалову, Замятину, Купцову или просто лежал на диване и читал какую-нибудь увлекательную приключенческую книгу. Воображал себя на месте героев, проживал вместе с ними кусок жизни, благо о школах там речь, как правило, не шла. А порой откладывал очередное творение Дюма или Сабатини и мечтал о том, как когда-нибудь станет круглым отличником.

Так все и продолжалось. Двойки утром, мечты о блестящих собственных ответах — вечером.

Однажды к мечте прибавилась затаенная зависть. Эдик стал тайно завидовать Рыжикову, сумевшему не уча заработать пять по физике. По утверждению приятеля — увидев нужные страницы прямо через закрытый учебник. Этот случай впервые навел Лапкина на мысль о непознанных свойствах человеческого организма и дал толчок к действию. Теперь Эдик часами держал руку на какой-нибудь книге, силась прочитать там если не главу, то хоть страницу. Все было тщетно. Славкиным талантом он не обладал. Однако раз поманившая реальностью мечта уже не отпускала из своих объятий, и оставалось лишь найти к ней свой путь, такой же неповторимый, как пятерка в журнале.

А между тем в Великом Гусляре, как и во всех прочих городах необъятной страны, начался новый учебный год, и опять потянулись обычные школьные будни. Незаметно прошли первые две недели. Вызывали пока мало, и Лапкин получил лишь одну оценку: два по физике.

Впрочем, выше троек оценок он и не знал.

Бестолково промелькнул лучший день школьной недели — суббота. Вернее, та его часть, когда занятия уже позади и можно наслаждаться блаженным ничегонеделаньем и сознанием того, что впереди еще целые сутки свободы. Хотя и омраченные неотвратимостью подло надвигающегося понедельника. Однако субботним вечером о понедельнике еще не думается, зато свобода звучит в душе подобно прекрасной мелодии. Отдавшись ей во власть, Лапкин долго шлялся вместе с Удаловым и Рыжиковым по знакомым с детства улицам, строил всякие планы, дышал ароматами бабьего лета.

Разошлись поздно, когда в большинстве окон стал гаснуть свет, но кто думает о времени в такой вечер? Разумеется, первым опомнился Максим. Он побаи-

вался, что влетит не от отца, так от матери, и потому заторопился домой. У остальных родители были менее суровы, но все равно надо когда-то возвращаться.

Сон не торопясь смежил веки Эдика, и потянулись нелогичные, но сладкие видения. Снился Василий Иннокентьевич. Растроганной, торжественной и приятной была его речь: «Молодец, Эдик! Наконец-то я услышал от тебя отличный ответ. Не сомневаюсь, что и дальше ты всегда будешь отвечать точно так же».

Рука учителя потянулась к журналу, и Лапкин знал: сейчас она выведет напротив его фамилии жирную, упитанную пятерку. Но в последний миг рука застыла, а сам учитель медленно повернулся в сторону двери. Оттуда прямо на него летела огромная ленивая муха и басовито, в полном соотношении со своими размерами, гудела.

Василий Иннокентьевич с силой запустил в нее ручкой, однако не попал и в панике замахал руками. А муха резко дернула его за волосы, долбанула невесть откуда взявшимся клювом и взмыла вверх.

Учитель схватился за голову и мешком рухнул на пол. «Это нечестно, сначала пятерку поставьте!» — захотел крикнуть Эдик, только слова застряли в горле. Муха плавно развернулась и ринулась в новую атаку. На этот раз на Лапкина. Ее гигантские фасетчатые глаза уставились на девятиклассника и в них словно промелькнуло: «Стой! Соппротивление бесполезно! У тебя каменные руки. Ты их не поднимаешь!»

Эдик скосил глаза на свои руки. Они действительно были каменными, хорошо хоть, не кирпичными, и поднять их мог разве что башенный кран.

«Нет!» — крик ужаса исторгся из груди, но он не смог остановить летающего хищника. Зловеще жужжа, муха взвилась на дыбы и раскрыла свой страшный клюв...

Солнце только что взошло над крышами. Его лучи врывались в комнату, отражались от мебели и стен, кричали о наступлении нового дня и необходимости вставать. Но вставать не хотелось, хотелось вернуться в сон, и лишь воспоминания о так и оставшейся в нем хищной мухе мешали это сделать.

Но там ли?! Отчетливый гул продолжал преследовать Лапкина и здесь. Гул шел откуда-то сзади. Холодея от возвращающегося страха, Эдик осторожно повернулся, насколько сумел, в кровати, вывернул голову под немыслимым углом, а в довершение скосил слипающиеся глаза. Гигантской мухи не было, однако гул не умолкал. Глаза Лапкина раскрылись шире, и наконец-то парнишка увидел виновницу кошмара. Ленивая, как все ее осенние собратья, она медленно и бесцельно летала по комнате и ни на секунду не переставала жужжать. Муха в самом деле была довольно крупная, однако ничем не отличалась от обычной раскормленной мухи.

Эдик продолжал лежать, каждой клеточкой тела ощущая нарастающую злость против разбудившей его твари. Наконец, злость выросла настолько, что превзошла обычную утреннюю лень. И тогда Лапкин вскочил. Муха словно ждала этого и ловко увернулась от машущих рук. Гул стал громче, и желание убить виновницу возросло в той же пропорции. Только от желания до осуществления путь не близок, и Лапкин это знал.

«Ты только сядь. Сядь, дорогая, ну, сядь! Посиди, ведь ты устала. Хоть немного», — повторял Лапки, не сводя с черной тушки немигающего взгляда. Муха, похоже, услышала призыв, и не только услышала, но и послушала. Как загипнотизированная, она безвольно приткнулась к стене и обреченно затихла.

Лапкин не стал ждать ее выхода из транса. Рука на ощупь нашла на столе толстую книгу, и тут же по-

следовал удар. Ни крика, ни стона, насекомые не способны на подобные звуки. Лишь резкий хлопок да грязное пятно на обложке и стене.

Эдик брезгливо отбросил орудие убийства и полез обратно в постель. Солнце продолжало светить по-прежнему, однако даже оно было не в силах помешать сну. Утреннему и потому особенно сладкому.

Было воскресенье...

На этот раз пробуждение было неторопливым и приятным. Сон уходил медленно, постепенно, и так же медленно возрождалась явь, не подстегнутая необходимостью немедленно вставать и идти в школу.

Лапкин лежал с полужакрытыми глазами и не то думал, не то грезил. Мысли текли такие же ленивые и нечеткие, как грань между сном и пробуждением. Лишь где-то за ними мелькали контуры чего-то важного, и Эдик лениво пытался его понять, но тщетно. Тогда он сделал усилие, попытался сосредоточиться, однако ничего из этого не получилось.

Все с тем же неуловимым ощущением главного Лапкин не спеша встал, оделся и подошел к окну. Начало осени выдалось неплохим. Солнечным, без туч и дождей, с яркой разноцветной листвой. Великий Гусляр утопал в красках. Хотелось бродить под кронами деревьев, упиваясь ароматами и легкой грустью. Хотелось что-то открыть, изобрести, написать нечто выдающееся, первым достигнуть Марса, словом, сделать невозможное и тем прославить в веках свое имя. Хотелось съездить с друзьями в лес и искать спрятавшиеся грибы или угадывать в сучьях фигуры людей и диких животных, хотелось познакомиться с красивой нежной девочкой и собрать для нее букет из листьев. Хотелось остановить время или повернуть его назад в лето. Хотелось делать все, кроме одного: учить уроки.

Однако совесть, или заменявший ее страх призывали заняться именно ими. Поддавшись этому голосу, Эдик даже взял учебник по физике с размазанной на обложке мухой. И тут вновь вернулась утренняя недосказанность, словно нечто умело пряталось и одновременно щедро расставляло ориентиры, по которым его можно найти. Но найти не удавалось, и несчастный учебник полетел на небрежно застланную постель. Лапкин посмотрел вслед, однако голос совести уже перешел на шепот, и школьник успешно притворился глухим.

Он плотно позавтракал, а может, рано пообедал, а затем напел что-то матери и спокойно выскользнул на улицу. Все то же чувство недосказанности влекло куда-то в сторону школы, и Эдик решил подчиниться ему.

Рыжикова он узнал издавдала по его темно-синей куртке. Славка шел навстречу, и Эдик искренне обрадовался. Больше всего он опасался, что придется шляться в одиночестве.

— А я как раз к тебе, — немного не доходя и не успев поздороваться, сообщил Славка. — Представляешь, Максимка совсем офонарел! Такая погода, а он уткнулся в учебники и говорит, что, пока не выучит, никуда не пойдет. Хотя папаша его вместе с Ложкиным и Минцем отправился на рыбалку.

— Врешь? — с тающей надеждой переспросил Лапкин. Такой подлости от Удалова он не ожидал. Купцов — другое дело, он может не учить и получать пятерки, но Удалов? Если и этот станет хорошо учиться, то что станет с ним, с Эдиком?

— Если бы... — Славка махнул рукой. — Я его чуть не силой ташил. Уперся — и ни в какую. Может, вдвоем попробуем?

— Пошли! — Эдик сказал это таким тоном, словно речь шла о пешей экспедиции в Антарктиду.

Вместо далекого шестого континента приятели двинулись в сторону Пушкинской.

— Знаешь, я прежде думал, что он на меня все еще дуется, — продолжал по дороге жаловаться Славка. — Ну, за «Спринт». Потом смотрю: вроде не похоже. Да и помирились мы с ним давно и по-людски. Чего я только не испробовал! Даже в кино звал за свой счет. Не помогло.

— Что? — брови Эдика невольно поползли куда-то в сторону затылка. Он не ожидал, что заскок Удалова окажется настолько серьезным.

— Да-да, — подтвердил Рыжиков. — Представляешь? И это кто? Макс? Да сказал бы мне о нем кто такое, я бы первым онемел! Звони, — они уже стояли перед дверью.

Лапкин резко нажал на кнопку звонка. Некоторое время в квартире было тихо, и Эдик уже собрался повторить, но дверь открылась, и на пороге выросла Ксения Удалова, мать Максима.

— Здравствуйте. Макс дома? — спросил Лапкин. Маму своего приятеля он немного побаивался.

— Максимка! Тебя! — крикнула тетя Ксюша, однако предупредила: — Вы проходите, только ненадолго. Ему учиться надо.

То, что открылось их взору, потрясло впечатлительного Эдика. Удалов-младший сидел за столом и учил. Перед ним лежали два учебника физики, старый и новый, какой-то толстый словарь и тетрадь, густо исчерканная формулами. Видно, Максимка не просто учил, но и пытался что-то решать. В первую минуту Макс даже не обратил на своих приятелей внимания, а когда, наконец, поднял голову, на его полноватом лице промелькнула гримаса недовольства.

— Здорово! Пошли погуляем, — с места в карьер начал Лапкин.

— Не сейчас, ребята, — Удалов лишь покачал головой. Его было не узнать. — Прежде разберусь со всем

этим, — он кивнул на стол. — Вы лучше вечером зайдите.

— Брось, — откладывая прогулку на вечер Эдик не хотел. — Все равно не спросят. Ты лучше посмотри, какая погода! Благодать! Сашку с собой возьмем.

— Не пойду, — Удалов тяжело вздохнул. — Я сегодня решил новую жизнь начать. Каждый день по четыре часа занятий.

Славка взглянул на Эдика, словно говоря: «Вот видишь! А ты не верил!»

Однако Эдик решил не сдаваться.

— Чудак! Кто же новую жизнь начинает с воскресенья? Надо с понедельника. Хочешь, завтра вместе начнем?

— Да я бы с радостью, — в голосе Удалова промелькнуло колебание. — Просто решил сегодня. Вернее, уже даже начал. А вы завтра присоединяйтесь. Лады? — и он посмотрел Лапкину в глаза.

«Оставьте меня в покое. Ну, пожалуйста. Мне же и так трудно», — прочитал во взгляде Удалова Лапкин. В свою очередь Эдик собрал все силы и так же, взглядом, попытался сказать: «Ты идешь с нами. Брось дурить. Все начнем учиться с понедельника. А сейчас пошли в парк». Он еще не досказал до конца, как почувствовал, что с Максом что-то произошло. Удалов безвольно поднялся и двинулся к двери, согласно кивая:

— В парк, так в парк.

Рыжиков застыл с разинутым ртом, потом перевел взгляд с Удалова на Лапкина и обратно, но понял только одно: Максим передумал и согласен идти гулять. Только почему-то хочет идти так, не одеваясь и не обуваясь.

— Оденься, — сказал Славка машинально, но Максим не расслышал и уже взялся за ручку двери.

— Ты что? Так и пойдешь? — тут же присоединился Эдик. — Одевайся.

Так же безвольно Удалов сунул ноги в туфли и накинул куртку. Он даже не посмотрел на мать, взглянувшую в коридор и с укоризной провожавшую взглядом сына. Дверь закрылась, как надежда на новый образ жизни, и приятели спустились по лестнице во двор.

Легкий ветерок обдул лица. Максим вдохнул раз, другой, и с недоумением огляделся. Впечатление было такое, словно Удалов абсолютно не знает, как оказался на улице. В душе Лапкина в который раз на протяжении утра зашевелилось все то же смутное чувство. Удалов провел рукой по непричесанным волосам, тряхнул головой и пробормотал:

— Ну и черт с ним!

— С кем? — поинтересовался Рыжиков.

— Просто с ним. Куда пойдем?

— Ты сам сказал: в парк.

— Я? — удивился Максим.

Эдик не отрывал от него взгляда. В голове отчетливо шевелилось: «В парк думал идти я, но вслух-то я этого не произносил!» И следом, как озарение: «Может, гипноз?»

Лапкин быстро перебрал в голове события последних часов. Муха, севшая на стену после его мысленного приказа. Удалов, согласившийся на прогулку, хотя Лапкин говорил взглядом. Да и не помнил Максим собственного согласия... Но насекомых загипнотизировать невозможно! Уж это Лапкин точно знал. Значит, случайность? А вдруг нет? Лапкина затрясло от возбуждения. Перед глазами завертелась сцена: внушение учителю, восхищенный и недоумевающий класс, долгожданная пятерка...

Однако делать выводы было рано, и Эдик решил поэкспериментировать.

Первым объектом он выбрал здорового кота, лениво сидевшего рядышком с тротуаром. Кот как раз

валяжно повернул голову, и, как только взгляды встретились, Лапкин собрал всю силу воли и начал мысленно твердить: «Я собака. Я большая злая собака».

Кот немедленно встрепнулся и вгляделся внимательнее. Неясно, понял ли он, что на самом деле Лапкин — собака, или просто решил, что перед ним заурядный хулиган, однако хвост взметнулся трубой, и животное припустило во всю прыть.

«Не доказательство», — подумал Лапкин и стал выбирать очередной объект.

Шедшей навстречу девушке он попытался внушить представление о своей мужской красоте и был вознагражден ослепительной улыбкой. Одинокому, невесть откуда взявшемуся на Пушкинской солдату передал взглядом, будто перед ним — генерал. Солдат, к изумлению Удалова и Рыжикова, вдруг перешел на строевой шаг и лихо отдал ребятам честь. Наконец, апофеозом Лапкину удалось загипнотизировать продавщицу мороженого, и приятели получили не только по порции эскимо, но и сорок копеек сдачи с воображаемого рубля.

Однако тут Эдик сам испугался содеянного и присмилер, опасаясь, что его маленькая тайна станет известна всем. К счастью, ни Славка, ни Макс ничего не поняли. К мороженщице Лапкин подошел один, и давал ли он деньги, мальчишки не видели.

Больше чудес в этот день не было, и он закончился так, как заканчиваются все воскресенья: телевизором, ужином и сном. Разве что последний пришел не сразу, с трудом одолев вставшие на его пути радужные мысли об открывшихся перспективах и мечты.

Хотя кто может похвастаться, что всегда засыпает вовремя?

И наступил понедельник с его неизбежным сознанием начала бесконечной учебной недели. В первый раз оно не оставило тяжести в сердце Лапкина. На-

оборот. Он жадно, хотя и с волнением, ждал. Ждал урока физики, и тот пришел как положено, на втором часу занятий. И, как положено, начался он с вопроса.

В последний момент Лапкин струсил. Он опустил глаза и сидел тихо, боясь ненароком привлечь внимание учителя. А тот, видно, и не думал вызывать Эдика. Наверно, не хотел портить себе настроение. В этот день Василий Иннокентьевич спрашивал только лучших, и прекрасны были ответы и их оценки. То и дело раздавалось: «Садись, пять!» И тогда в душе Лапкина вновь проснулась заветная мечта.

И он решился. Все так же, не вставая с места, он уставился Василию Иннокентьевичу в глаза и как можно тверже и сильнее мысленно произнес: «Я только что ответил. Я только что все ответил».

Василий Иннокентьевич восторженно и, к удивлению всего класса, произнес:

— Лапкин, ты разве забыл, что после ответа надо подавать дневник?

Урок давно закончился, а Эдик все еще сидел в классе. Что-то перевернулось у него внутри, и казалось, будто он падает с большой высоты и скоро последует сокрушительный удар. Воздух свистел от огромной скорости, и в его свисте слышалось: «Дурак! Надо было внушать, что не просто ответил, а ответил отлично! К ответам-то твоим все привыкли! Дебил!»

А падение продолжалось, и уже была видна земля, раскинувшаяся, словно огромный дневник, в котором стояла не менее гигантская свежая двойка.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ОТЧЕГО ЛЮДИ...

ВЛАДИМИР АРЕНЕВ

ОТЧЕГО ЛЮДИ

Это как на уроке — смотришь за пальцем учителя, который опускается по строчкам журнала. Вот миновал букву «б», и твой сосед Бородулин облегченно вздохнул, вот его палец подбирается к твоей фамилии, и ты просишь его: «Ну проскочи, минуй меня, там еще есть другие люди, которые сегодня наверняка выучили это уравнение или решили эту задачу».

Павлыш поднялся. [...] В голове была абсолютная перевозданная пустота. Точно так же, как тогда, в школе, только нельзя смотреть в окно, где на ветке сидят два воробья, и думать: какой из них первым взлетит? А что касается уравнения, то никаких уравнений не существует...

Кир Булычев. Тринадцатъ лет пути

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЫЗОВ

Глаша. Вот еще какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди есть; нет-нет да и услышишь, что на белом свете делается; а то бы так дураками и померли.

А. Н. Островский. Гроза

1

потом наступил момент абсолютной, космической тишины: короткая, бесконечная пауза между песней и аплодисментами. Даже кузнечики не стрекотали, птицы не пели, даже ветер уgomонился и перестал трепать верхушки деревьев — и только солнце, громадное, будто апельсин, медленно и беззвучно съезжало к горизонту.

Павлыш сидел в первом ряду и нарочно не оглядывался. Он знал, что позади полным-полно людей, он ведь ехал вместе с ними в мобиле, а потом шагал по сухой, хрусткой траве и перебрасывался шутками, ему даже понравилась одна девушка, кареглазая, серьезная Ника... Он делал все, чтобы быть для них своим, но понимал, что это невозможно. Не сегодня, не сейчас.

И поэтому сегодня, сейчас он, Слава Павлыш, представлял себя в одиночестве: как будто вокруг впервые за всю неделю никого нет, никто не хватает его за рукав, не хлопает по плечу, не просит поделиться своими мыслями о грядущем освоении далекого космоса, никто не смотрит на него словно на полярника, чудом пережившего суровую зимовку. Он, Слава Павлыш, один на этой поляне, — а на небольшом деревянном помосте только что закончили петь его давние приятели, Симона Хейнсон, Миша Домрачеев, Андрей Ивернев. И никому наконец нет дела до того, что случилось год назад на «Антее».

— А сейчас у нас премьера, — сказала Симона. — Это песня, которую мы написали давно, когда еще только начинали выступать вместе. И мы тогда еще решили, что правильнее всего подождать немножко с ее исполнением... ну, вы сейчас поймете почему.

— Неужели все так плохо? — выкрикнул какой-то остряк.

Домрачеев в ответ сверкнул улыбкой. Ничто и никогда не было способно вывести его из себя.

— Просто мы хотели, чтобы на премьере присутствовали люди, которые вдохновили нас на эту песню. Пригласить их оказалось непросто, все они заняты, но одного все-таки удалось заманить. Слава, просим на сцену.

Павлыш вдруг почувствовал, что все на поляне смотрят на него, он оглянулся, покраснел и заставил себя

подняться. Он уже знал: в таких случаях самое правильное — не сопротивляться. Чтобы все поскорее закончилось.

«Но Домрачеев, Домрачеев каков!.. Ехидна в человеческом обличье, эмпуза!» «Мы с Андрюхой и Симоной целый год ждали этого момента», «у нас юбилей», «да никто тебя не будет донимать, Павлыш»!.. — Он шагал к сцене и надеялся, что это единственный сюрприз сегодняшнего вечера. — «Вот ведь!..»

Когда тебе пятнадцать, семнадцать или даже двадцать, мечтать о славе естественно. Чтобы девушки смотрели с этакой лукаво-одобрительной улыбкой; чтобы на улицах узнавали; чтобы мальчишки подбегали за автографом. Но если тебе двадцать один и ты отработал годовую вахту на корабле, летящем к Альфе Лебеда... на корабле, в котором телепортационные кабины вдруг перестали работать...

Связь с Землей пропала, и нужно было решать: лететь дальше или поворачивать обратно. В последнем случае «Антей» никогда бы уже не достиг Альфы Лебеда, и все сто шесть лет его пути, все усилия тысячи людей — все это пропало бы впустую. Поэтому в конце концов экипаж принял решение не поворачивать — рискнуть и потратить еще тринадцать лет на то, чтобы добраться до звездной системы Альфа Лебеда, установить там телепортационную кабину — в этом случае, впрочем, совершенно ни к чему не пригодную, — и еще столько же времени потратить на возвращение к граничной отметке, на которой пропала связь. Все знали о теории Домбровского, согласно которой гравиволны имели предел распространения. Домбровский утверждал, что за этим пределом телепортические кабинки «Антея» потеряют связь с Землей, а экипаж окажется в полной изоляции. Все знали об этой теории, но надеялись на ошибку.

Решение принимали всей командой — слишком многое было поставлено на кон. Но, в общем-то, подумал Павлыш, а как еще мы могли поступить? Это же так очевидно.

Это случилось слишком давно, и с тех пор Павлышу было о чем думать, помимо славы. Например, о зеленоглазой Гражине, которую он все не мог забыть. Хотя ее последняя гравиграмма была вполне... определенной, чего уж.

Сейчас, стоя на сцене и глядя в полутьму, на лица слушателей, Павлыш мечтал только об одном. Сбежать на какой-нибудь дикий остров — и чтоб хотя бы с недельку раздавались вокруг только крики попугаев да шум прибоя; и чтоб жить на пальмах, в гамаке, купаться в море, ни о чем не думать. В крайнем случае — спастись от зловредных дикарей.

Он увидел падающую звезду и загадал желание, а ребята тем временем закончили представлять Павлыша публике и стали исполнять песню, в которой были «полет сквозь вечность» и «стук сердец» и «время свернулось змеей, время кусало хвост». С некоторым стыдом Павлыш понял вдруг, что стихи Симоны кажутся ему глупыми и наивными. Чтобы не выдать этого зрителям, он отошел чуть в сторонку, на самый край сцены, и с каменным лицом смотрел в никуда, в небо, по которому скользила звезда.

Звезда, между тем, увеличилась, и стало совершенно ясно, что это летит «антоновка» — беззвучно мчится прямо сюда, хотя полеты над парковыми зонами отдыха строжайше запрещены. Пока ее заметил только Павлыш: остальные были слишком увлечены песней. Но когда «антоновка» зависла над сценой и с мягким стуком опустилась перед ней, конечно, в рядах слушателей началось некоторое движение. Симона от волнения забыла слова, а Ивернев сбился с такта.

С легким клацаньем откинулась дверца, из сферического корпуса вышла фигура в форме: фиолет и белые полосы, и блестящие черные пуговицы. Кто-то присвистнул.

— Интересно, — вполголоса процедил Ивернев, — что, для Министерства межпланетных сообщений закон не писан?

— Зачем ты сразу так? Они тоже люди и не чужды прекрасного, в том числе — наших песен. — Миша Домрачев улынулся, взмахнул рукой и сказал громче: — Присаживайтесь, вы как раз успели на вторую, лучшую часть концерта.

— Кто из вас Павлыш? — Высокая девушка с разметающимися по плечам рыжими волосами словно сошла с картин прерафаэлитов. Стройная, белокожая, с властным взглядом. Прозерпина, решил Слава; или даже нет — Лилит мстящая.

— Вот он, — Павлыш со мстительным удовольствием указал на Домрачева. — Только учтите, он у нас скромный и будет отнекиваться.

— Собирайтесь, — велела Лилит. — Через пять часов рейс, опаздывать мы не имеем права. А ваш приятель... — она выдернула из-за пояса блокнотик, пролистнула. — Лошрачев? Лошрачев — здесь?

— Домрачев, — уточнил Домрачев.

И указал на Павлыша.

— Вот и отлично, — кивнула Лилит. — Вы тоже, Михаил. — Потом она обернулась к зрителям и рассеянно произнесла: — Простите, что вмешиваюсь. Это действительно срочно.

Зрители переглядывались, но скорее недоумевали, чем негодовали.

— А может, вам хватит одного Павлыша? — уточнил Павлыш. — Ну, кто такой Домрачев, если задуматься? Фольклорист, живет прошлым. В смысле, живу. А?

Лилит посмотрела так, словно Слава вот только что сообщил, дескать, представь, дорогая, пока спал, куда-то делось одно ребро.

— Нет, ну правда, вот зачем Межпланетным фольклористы? Изучать систему поверий и предрассудков второго поколения колонистов в Селенопорту? Или соотносить народные названия улиц Аэлиты с официальными?

Лилит спрятала блокнотик и махнула им обоим рукой, слезайте, мол.

— А еще я скучный очень. — Павлыша несло, он ощущал невиданное вдохновение. — У вас будут массовые случаи челюстных вывихов, а Павлыш — он, конечно, большой спец в своем деле, но никогда прежде с такими увечьями не сталкивался.

— Бойтесь? — спросила Лилит. Она придержала дверцу, пропуская Домрачеева и Павлыша внутрь.

— Я? Чего может бояться честный человек?

— Неизвестности, например. — Лилит села в кресло пилота, оглянулась. — Пристегнитесь.

— Кстати, а куда мы летим? — спросил наконец Домрачеев. — Почему такая спешка? Что за срочный рейс?

— Пристегнитесь, — повторила девушка. Одной рукой подняла «антоновку» в воздух, другой вытащила из кармана два пакета и протянула: — И держите вот, заполните въездные.

Павлыш прочел и заморгал:

— «Европа»? «Транзитом»? Куда, милая незнакомка, можно отправиться дальше Европы? Любому карапузу известно, что за Юпитером только мелкие исследовательские станции, в основном роботизированные. И для того, чтобы туда попасть, можно и даже следует воспользоваться телепортками, которые в народе, как вы, должно быть, знаете, называют телепортками. — Он запнулся и похолодел. — Неужели с ними что-то случилось?!..

— Вряд ли, — отозвался невозмутимый Домрачев. — Зачем бы Межпланетным тогда понадобился фольклорист? Вот врач — другое дело. — Он усмехнулся самым краешком рта. Розыгрыши Миша любил, а похитительница Лилит ему, похоже, не понравилась. — В общем, Домрачев, тебе как раз не о чем переживать.

Павлыш кивнул, еще раз перечитывая документ на тонком пластиковом лист-компе.

— Все страньше и страньше... А вот это вообще не...

Но его прервал низкий гул над головой.

— Вы вторглись в воздушное пространство зоны отдыха! — прохрипел металлический голос. — Немедленно приземляйтесь. Повторяю! Вы вторглись...

Павлыш выглянул в окно: внизу проплывали старые липы, мелькнула сквозь листву холодная черная гладь озера, там горели огоньки и катались на лодках парочки, которым не было дела ни до нарушителей порядка, ни до хлопот Министерства межпланетных сообщений.

Вдруг всю эту пасторалию закрыла багровая «барракуда» полиции. В мобиле были двое, один управлял, другой навел на «антоновку» идентификатор. Через мгновение металлический голос зазвучал из динамиков прямо в кабине: «Вы вторглись!...» — но Лилит это не смутило. Она клацнула по виртуальной клавише переключателя и спокойно произнесла:

— Чрезвычайная ситуация. Разрешение выдано лично Нороватым, откройте канал, сейчас сброшу вам вместе с личными данными и водительским. — Девушка приложила палец к окошку идентификатора, засветившемуся в воздухе перед ней.

— Эмма Николаевна, почему не известили службу охраны заранее?

— Должны были; наверное, какая-то накладка. Прошу прощения.

«Готов биться об заклад, наша Эмма Николаевна врёт, — подумал Павлыш. — Забыла — или вообще не собиралась никого ни о чем извещать. Но что ж у них там такое творится?.. И кстати, как так вышло, что она не знает в лицо известного антеевца, Павлыша Владислава Владимировича, которого — по всем каналам и сайтам, до оскомины же?!..»

«Барракуда» между тем перестала отсвечивать багровым, но по-прежнему держалась рядом с «антоновкой». Внизу мелькнула граница парка, Павлыш заметил стоянку мобильных и даже, кажется, разглядел тот, на котором сюда приехал.

— В общем, мы уже поняли, что все серьезно, — сказал Миша Домрачев. — И поняли, что у вас нет времени, а скорее всего, и полномочий рассказывать нам, в чем дело. — (Лилит бросила на него убийственный взгляд, однако на провокацию не поддалась.) — Но хотя бы скажите, куда и надолго ли мы едем. Предупредить родных ведь надо.

— Уже предупреждены.

— И бабушка? — уточнил Павлыш. Она у него была старенькая и очень переживала за внука.

— И бабушка. Вы заполняйте, потом будет не до того.

— Мы не можем заполнять. — Домрачев, если хотел, был очень настойчивым. — Тут сплошная неразбериха. Вот, посмотрите сами: указано откуда — планета Земля, указан пункт пересадки — спутник Европа, орбитальная станция «Зевсов венец». А дальше — какой-то ард-нергон... — это что, нынче такие типы кораблей? — ард-нергон, GC 623987625-B. Конечная точка следования — Muzoon. Что это вообще, название системы, планеты, станции?

«Барракуда» мигнула фарами и отстала, теперь они летели одни — Лилит набрала высоту, чтобы выйти на скоростной слой, и включила ядовито-оранжевую

мигалку. Такую использовали только в крайних случаях, когда везли в клинику умирающего или спешили на помощь при катастрофе.

«Остров, — с тоской подумал Павлыш. — Я ведь загадывал, чтобы — остров, и пальмы, и максимум — говорящие попугаи. Хотя бы на недельку...»

— Это условное обозначение, — сообщила после долгого молчания Эмма-Лилит. — Просто условное обозначение некой точки в пространстве.

— И где же находится эта конкретная точка, обозначенная условным «Музооп»?

— Я не знаю, — ответила девушка. И добавила холодно: — Никто не знает.

2

Здание Министерства занимало один из древних, полуторавековой давности, небоскребов. Целый их лес вздымался на правом берегу Москвы-реки, на месте, которое в начале двадцать второго века представляло собой выжженную равнину. О той войне сейчас напоминал только небольшой памятник у изножия министерского небоскреба — выполненный слишком абстрактно, чтобы в нем можно было узнать какие-либо конкретные фигуры.

Впрочем, с такой высоты памятник казался камешком на дне каньона — не больше. Эмма-Лилит подвела «антоновку» к посадочной площадке почти у самой крыши — и тут-то, чуть ли не впервые за весь вечер, проявила эмоции: прошипела что-то и в сердцах клацнула по изумрудной клавише внешнего динамика.

На площадке — узком прямоугольнике, засаженном по краям дубами, — суетились фигурки в цыплячьего цвета комбинезонах. Носили какие-то ящики, тюки, серебристые свертки. Сесть было негде.

— Кто ответственный за погрузку?

Голос ее, искаженный динамиками, почему-то прозвучал нелепо и жалко. Никто даже не обернулся.

— Бардак! — Она обернулась к невольным пассажирам. — Сейчас опущусь, прыгните и подождите, я мигом.

— Чего ждать, Эмма свет Николавна? — уточнил Домрачев. — Пока нас погрузят вместе с тюками?

— Хорошо бы... — пробормотала девушка, разворачивая «антоновку» и подводя к самому краю площадки, сразу над ее перилами. — Готовы?

В открытую дверь сразу же рванулся ночной ветер, разметал ее волосы. Павлыш залюбовался этой картиной и даже пожалел, что не одарен талантом живописца.

Он встал у края, примерился и аккуратно прыгнул на площадку. Оглянулся помахать рукой колдунье-охитительнице, но та уже умчалась куда-то.

— Дела... — протянул Мишка Домрачев. — А мы сегодня с ребятами собирались на катамаранах кататься, вот ведь... И завтра на премьеру «Трех космитов».

— Посторонись! — рявкнул на них дебелий дядька. На плече он тащил нечто похожее на ковер... да нет, понял Слава, точно ковер, самый настоящий.

Павыш отошел в сторону, к горе ящиков — пустых и полупустых, со вскрытыми крышками, со странными пометками вроде «Каноз из Пессе, 8 тыс. до н. э., три шт.» или «Логарифмич. лин-ка, У. Отред (1620)». Перед ящиками метался взъерошенный седой человек с лицом грустного кролика. Он что-то отмечал на мятом пластиковом лист-компе, то и дело промахивался мимо нужных клавиш, сипел носом, бледнел, закусывал острыми зубками нижнюю губу. При виде Павлыша и Домрачева человек воодушевился, как будто в их лице прибыла долгожданная кавалерия; он ринулся к ним навстречу и затараторил:

— На пять минут, прошу! Кто-то же должен! А тут столько всего — как выбрать?! А если!.. Страшно подумать! Это же невероятно важно, сами понимаете! Не-ве-ро-ят-но!

— Боюсь, мы не совсем...

Он заглянул Павлышу в глаза, словно побитый щенок:

— Как так! Что значит?! Если не вы — то кто?! Больше никому, сами видите! Вот, держите-держите! — Человечек сунул Павлышу в руки увесистую коробку с карандашами, сверху взгромоздил литое блюдо, новехонький, еще пахнувший березой баный веник — и даже впихнул под локоть спиннинг в прозрачном чехле. Упитанный амурчик сидел прямо в центре блюда, целился в Павлыша из лука.

— Туда, туда! — Славу твердой рукой направили ко входу на этаж. — По коридору прямо, дальше повернете и сразу в операционную, пусть переправляют и не крутят носом. И ничего пусть не говорят, ничего! Такой случай! Мы же не знаем, не можем знать!.. И не имеем права ошибиться, слышите! Вы согласны со мной?

Слава не то чтобы был согласен — он скорее не возражал. Из некой житейской мудрости.

Вслед за цыплячьими комбинезонами Павлыш двинулся к стеклянным дверям. Поскольку туда-сюда все время ходили, а двери зафиксировать никто не догадался, створки метались, будто челюсти припадной сциллы. «Не хватало только ко всем прочим удовольствиям получить от стеклянной дуры в ухо», — мрачно подумал Павлыш.

Навстречу ему из сияющего коридора шагнул пожилой мужчина в кремовом костюме. Аккуратно выбрит, подтянут, преисполнен достоинства. Такого бы никто не заставил тащить невесть куда веники и удочки.

Павлыш автоматически притормозил, пропуская его перед собой, и только потом сообразил, что лицо Кремового ему знакомо.

Собственно, встречались не далее как три дня назад.

«Как же его зовут? Вот черт, разве всех их запомнишь?» — Дело-то было на очередном «круглом столе» по случаю возвращения «полярников» с «Антея». Этот, в кремовом, тогда что-то говорил... что-то, показавшееся Павлышу как минимум небанальным на фоне остальных выступлений.

Сам он Славу, похоже, не узнал — да и вообще был слишком занят собственными делами. Встал под одним из фонарей и оглядывался с хмурым видом, сунул мохнатые брови.

— Ты чего? — пробормотал у Павлыша за спиной Домрачев. — Не тормози, сейчас вернется Эмма — и вряд ли она будет в восторге, если не найдет нас...

— Э, — сказал Павлыш, — да не влюбился ли ты часом, Домрачев? Стокгольмский синдром, усугубленный поэтической натурой жертвы, а?

— Да ну тебя!.. — отмахнулся тот. — Видно же, происходит что-то серьезное, и она не на шутку переживает.

— Точно! Пал к ногам чаровницы, повержен и... — Павлыш осекся и перевел взгляд на фигуру в кремовом костюме.

Мужчина, все это время внимательно оглядывавший площадку, вдруг стремительно развернулся и уставился на них двоих. Было в нем что-то от грации крупного хищника, почуявшего вдруг приближение врага. «Или, — подумал Слава, — жертвы».

Кремовый подошел — чеканя шаг и не сводя с них прищуренного взгляда. Лицо у него было скуластое, рельефное, нос — острый, с широкими крыльями, и подбородок тоже острый. Павлыш почему-то по-

думал, что когда Кремовый спит, на подушке, должно быть, остаются глубокие вмятины.

— Добрый вечер, — сказал Кремовый. — Надо полагать, вы меня вспомнили, Владислав Владимирович. А вы — Домрачев, да?

— Да, — кивнул Миша. Руку он Кремовому не протянул — просто потому, что обе были заняты круглым аквариумом (внутри вместо воды находились юла, штангенциркуль и бюстгальтер). — Мы тут... вот... Сами, в общем, не знаем, что делаем, если честно.

— Нас, — уточнил Павлыш, — некоторым образом похитили.

— Я знаю, Эмма иногда бывает... — Кремовый поджал сухие губы... — резковата. Пойдемте, по дороге объясню что к чему.

Домрачев оглянулся на площадку:

— Но она нас будет искать...

— Не будет. Да, я не представился, меня зовут Сергей Феодосиевич Нороватый. Помните, Павлыш, о чем мы с вами говорили на «круглом столе»?

— Вы спрашивали о перспективах использования нуль-пространства. Дескать, почему человечество до сих пор не придумало способ перемещаться через «нулевку».

— Вопрос звучал иначе. — Сергей Феодосиевич приостановился, пропуская Павлыша и Домрачева в коридор. При этом оставить вещи на площадке не предложил. — Я спрашивал — и спрашиваю — почему за последние несколько лет ничего в этом смысле не изменилось.

Они зашагали по сверкающему коридору. Вправо и влево уходили ответвления, некоторые сейчас были пусты, по другим двигались из комнаты в комнату люди и самокаты — мелкие роботы, переносившие груз и прибиравшие в помещениях мусор. На стенах висели репродукции старых картин, причем в каждом

коридоре — какой-нибудь одной эпохи или даже одного мастера. Например, в осевом — работы Леонардо.

— Вы имеете в виду, — уточнил Домрачев, — почему ничего не изменилось с тех пор, как мы узнали о существовании инопланетян?

Нороватый поглядел на него почти с одобрением.

— Посудите сами: в две тысячи триста пятьдесят первом на базу «La Lune-3» прилетает инопланетный корабль. Его экипаж на чистейшем французском сообщает, что за пределами Солнечной системы вступил в контакт с нашим кораблем «Антарктида» — и вот теперь привез от них почту. На «Антарктиде», — хмуро добавил Сергей Феодосиевич, — по случайному стечению обстоятельств, еще до встречи с рокошами, отказали системы связи, так что предупредить нас не смогли... отсюда и эта история с почтой. Что происходит дальше? Рокоши сообщают, что являются представителями некоего Галактического центра — сообщества разумных видов в нашей Галактике. ГЦ вступает с нами в контакт, в ближайшие несколько месяцев присылает послов и — в общем и целом — ведет себя предельно дружелюбно...

Они подошли и успели втиснуться в лифт вместе с тремя цыпляццветными грузчиками. Не обращая внимания на этих троих, Сергей Феодосиевич продолжал:

— Мы невероятно быстро нашли общий язык, в том числе благодаря их системе ультрасовременных, самообучающихся переводчиков. Все эти годы мы обмениваемся информацией — и при этом понимаем, что серьезно отстаем по уровню развития от других цивилизаций. По крайней мере, от тех, о которых мы знаем. Да, к нам относятся без снисходительности и надменности, однако не спешат делиться своими технологиями. В том числе секретом Двигателей, позволяющих совершать прыжки через нуль-пространство.

Двери лифта бесшумно распахнулись, грузчики выпятились наружу, а вслед за ними двинулись Павлыш с Домрачевым и Сергеем Феодосиевичем.

— Более того, — продолжал тот, — никто не предлагает нам членство в ГЦ. При деликатных попытках выяснить, в чем дело, послы уходили от ответа. А на прямые вопросы отвечали и отвечают единообразно: им нужно время, чтобы понять нас. Наши ученые, разумеется, уже ищут собственное решение, но ни с нуль-двигателем, ни с прочими ключевыми изобретениями не продвинулись ни на йоту. Впрочем, — добавил он с досадой, — дело даже не в двигателях... хотя, подозреваю, будь они у нас, та же ситуация с «Антеем» разрешилась бы намного скорее и проще.

— И хорошо, что не разрешилась, — сказал вдруг Павлыш. — Может, это глупо и наивно, но мне было бы жалко труда стольких тысяч людей. Жалко ста шести лет, которые были потрачены на «Антея». Куда спешить? Год-другой в данном случае ничего не решат, согласитесь. Я имею в виду, — поспешно уточнил он, — с точки зрения человечества.

— А вы, Михаил? Вы думаете так же?

Домрачев выразительно хмыкнул:

— Даже Павлыш так не думает. Это у него характер такой: возражать и спорить. Конечно, двигатели быгодились, но и послов можно понять. Вот сколько цивилизаций состоит в ГЦ? И насколько они отличаются друг от друга? Даже по тому, что мы знаем, выходит, что среди них очень мало млекопитающих, зато хватает и насекомых, и рептилий, и даже тех, кого сразу, с налету, не классифицируешь. Вряд ли при таком разнообразии у них у всех одинаковый способ жизни, а значит — мировоззрение, системы ценностей и все в том же духе. Конечно, им нужно время, чтобы нас изучить, — и поди угадай, какие вы-

воды сделает каждая из цивилизаций ГЦ. По-моему, это как история со слепыми мудрецами и слонем.

— А что, — вмешался Павлыш, — нас отправляют в ГЦ? «Музооп» — это он и есть, да?

Ответа Слава не дождался — потому что как раз в этот момент они вслед за грузчиками вошли в огромный зал — и навстречу с гневным: «Ну наконец-то!» — устремилась Эмма-Лилит.

Зал представлял собой полусферу, буквально заваленную разного рода предметами, столь разнообразными и плохо сочетаемыми, что похоже это было на переживший наводнение блошиный рынок. Эмма двигалась по узкому пандусу, изящно лавируя между гудящими корпусами машинерии, свертками, пакетами, гроздьями лампочек, тележками... Павлыш залюбовался ее отточенными движениями и точеным лицом, волосами, которые ниспадали ей на плечи...

— Сергей Феодосиевич, все готово, можно их отправлять.

— Слушайте, — не выдержал Павлыш, — я все понимаю: у вас спешка, много хлопот, решается судьба человечества, трубят барабаны, пылают костры. Но из элементарной вежливости, порядку для — вы бы хоть спросили, согласны мы или нет. Что ж такое-то: взять вот и выдернуть человека из привычной жизни и швырнуть неизвестно куда, да еще совершенно его игнорировать, как будто он кукла какая-нибудь или аквариум!

Эмма обожгла его взглядом, полным ярости и презрения:

— Слушайте, Домрачеев, перестаньте уже валять дурака. Вы с Павлышем как будто нарочно...

— Эмма, — вмешался Нороватый, — в общем-то, Павлыш прав. И почему вы называете его Домрачевым?

Она отмахнулась:

— Это их шуточки, не обращайте внимания, Сергей Феодосиевич! Домрачеев — который с блюдом, а Павлыш — с аквариумом.

— Ты что-то путаешь. И в любом случае — ты ведь должна была ввести их в курс дел и получить согласие.

— Да ничего я не пу... — Эмма осеклась, видимо, по выражению лиц догадавшись, что к чему.

— Мы согласны, — торопливо сказал Домрачеев. — Ну конечно, мы согласны. Да, Слава?

Павлыш утвердительно шевельнул пирамидой из блюда, коробки с карандашами и веником — при этом чуть не упустив спиннинг.

— Обеими руками... фигурально, конечно, выражаясь. Не знаем, правда, на что именно — но согласны. Хотя — дайте угадаю. Землю и ее колонии готовы принять в члены ГЦ, а мы входим в делегацию, которая летит на таинственную планету Muзooп. Именно там нас примут с инопланетными хлебом-солью и распростертыми объятьями. Мы будем вести долгие содержательные беседы о Вселенной, а по ночам любоваться небом и показывать друг другу, где именно сияют наши родные звезды.

— Более-менее верно. — Сергей Феодосиевич посмотрел на Эмму безразличным взглядом, но обращался при этом к Павлышу. — На самом деле о членстве в ГЦ речи пока не идет. Группу землян просто пригласили... погостить. «Для установления лучшего взаимопонимания». Послы Галакцентра назвали вполне конкретные имена — тех, кого они хотели бы видеть у себя в гостях. Корабль скоро отправляется с Европы, туда вас перекинут с помощью телепортационных ретрансляторов. Учтите: мы не знаем, насколько затянется ваш визит туда. Собственно, мы не уверены, что вкладываем в слово «гостить» ровно тот же смысл, что и наши... партнеры.

— Думаете, на самом деле они хотят нами угоститься, например?

— Думаю, что не исключены любые варианты. При этом у вас не будет возможности связываться с Землей или колониями. Вы полностью зависите от доброй воли представителей Галакцентра. Наши аналитики считают, что на самом деле речь идет о некоем финальном испытании: за вами будут внимательно наблюдать — и в итоге решат, достойно ли человечество того, чтобы обращаться с нами как с равными. Никто не знает, в чем суть испытания, — и даже испытание ли это на самом деле.

— То есть, мы летим неизвестно куда и неизвестно зачем, без единой гарантии, что вернемся? От нашего поведения зависит будущее Земли, но как именно нам следует себя вести, никто не знает. Ну что, Домрачеев, по-моему, только дурак отказался бы от такого! Правда, вдвоем — это скучновато...

— Конечно, вас будет больше. С остальными познакомитесь на месте, они уже прибыли на Европу.

Эмма кашлянула.

— Да, — согласился Нороватый, — я же чуть не забыл представить вам руководителя группы. Эмма Николаевна Клемехина — прошу любить и жаловать. Подчиняться ей следует беспрекословно, вся ответственность — на ней.

— Жестоко, — пробормотал Слава, но Лилит его, конечно же, услышала.

— Что вы имеете в виду, За... э-э... Павлыш?

— Ну как же. Логично было бы отправить руководителем человека пожившего, бывалого. У которого взрослые дети, а может, и внуки уже. Мало ли как все обернется...

— Эмма — наш лучший аналитик, практически с первых дней контакта тесно общается с послами Галакцентра. Кроме того, она гениальный лингвист, величина мирового уровня.

— О!..

Нороватый сарказм Павлыша проигнорировал, а вот Эмма аж побледнела.

— Ладно, ребята, хватит разговоров. Сгружайте вещи вон туда, мы разберемся, что отправлять, а что можно и оставить. И давайте-ка готовьтесь к перемещению, время поджигает. Эмма вам потом все подробно объяснит — сразу всем. Верно?

Лилит отрывисто кивнула и одарила Павлыша одним из своих фирменных взглядов.

«Похоже, я пропал», — подумал Слава.

Ни одна инопланетная угроза не сравнится с той, которую до поры до времени таит в себе оскорбленная женщина.

Особенно если это женщина, в которую — как ты вдруг понимаешь, к собственному своему изумлению и ужасу, — ты по уши влюблен.

3

Как всегда, само перемещение заняло ровно одно мгновение: вот только что Павлыш вдохнул поглубже и задержал дыхание, погрузившись с головой в вязкую жидкость, — и сразу же захлопнувшаяся крышка откинулась, зажимы на руках, ногах, голове разомкнулись — он вынырнул, выдохнул и огляделся.

Из соседних кабинок — громадных свинцовых коконов — выбирались Эмма и Домрачеев. Им подали полотенца и комплекты одежды, провели в раздевалку. В гулком зале то и дело клацали зажимы, громыхали крышки. Из телепортов извлекали контейнеры с тем добром, что выгрузили в Министерстве.

— Интересно, — сказал Домрачеев, — они всем этим торговать собрались?

Павлыш фыркнул:

— Я, конечно, слышал историю про то, как Колумб менял бусы на золотые слитки, но наши аборигены

уже освоили межпланетные полеты. Ты действительно думаешь, что они придут в восторг от юлы или бюстгальтера?

— Это подарки, — бросила из-за перегородки Эмма. — Мы расскажем в ГЦ о том, чего достигло человечество, какие изобретения совершило.

— Не проще ли было воспользоваться для этого, собственно, одним из его изобретений: голографическим проектором? Не пришлось бы тащить с собой весь этот хлам.

— Академик Окунь настоял на том, что голо не заменит предметы материальной культуры. И лично решил проследить за погрузкой... а он — великий человек, однако склонен к некоторой избыточности. Но это, — добавила она, — вообще говоря, не ваша забота.

— Ага, — заметил Павлыш, покидая раздевалку. — Вот и вопрос, вот и загадка: а что, вообще говоря, — наша забота? Никто ничего не знает, это ясно. Но предположения-то вы строите, Эмма Николаевна? Основываясь на вашем уникальном опыте общения с представителями Галакцентра?

Хлопнула дверца, Эмма вышла в коридор, уже переодетая в облегающий иссиня-черный костюм. Ровно такие же были на Павлыше и Домрачеве.

— Так или иначе, мы сами тоже оказываемся в роли наблюдателей. Вот в этом наша задача и состоит: внимательно смотреть и делать выводы. Не на меня, Павлыш, и не сейчас; я говорю об инопланетянах и том месте, где мы окажемся.

— Это он тренируется, — сказал Домрачев. — Значит, мы будем в роли таких бравых разведчиков?

Девушка поморщилась.

— Скорее в роли исследователей, которые оказались на неведомом острове.

— А это, стало быть, наш Пятница? — Домрачев кивнул на человечка, который уже семенил к ним

по проходу. Размером с трехлетнего ребенка, однако лицо взрослое, а глаза... что-то с ними было не то, и Павлыш не сразу сообразил: да ведь они выпуклые и вращаются, как у хамелеона!

— Добрый день! Вы последние из прибывших гостей? — Голос у него был металлический и звучал как будто прямо из груди. Из черного коробка, приколото-го к одежде. — А где же Академикокунь?

— Он вот-вот закончит с погрузкой и явится, — пообещала Эмма. — А вы?..

— Я ваш спутник, провожатый, гид, вергилий.

— Кто? — изумился Домрачев.

— Потом, — одернула его Эмма. — Скажите, любезный, а где находятся остальные?

— В криокамерах, готовы к старту, началу, полету, транспортировке. Если Академикокунь задерживается, я сопровожу вас на корабль; сам он найдет дорогу.

— Академик, — пояснила им Эмма, — уже бывал на корабле — когда обсуждали погрузку подарков.

Они двинулись вслед за человечком, который — вопреки ожиданиям — двигался чрезвычайно проворно и даже как будто плыл над коридором. Однако следы на полу он оставлял — небольшие темные пятна — вроде капель, что ли...

— Слушайте, — шепнул Павлыш Эмме, — как такое может быть? Во всех сводках всегда подчеркивалось, что земляне — уникальный случай во Вселенной, ни одна гуманоидная форма жизни, кроме нас, ГЦ не известна... Откуда он тогда взялся? Самозародился в недрах собственного корабля, как средневековая мышь?!

— Горюете о собственной уникальности, Павлыш? Не переживайте, это — вергилий, робот, с их помощью ГЦ общается с нами. Видимо, они заметили, какой шок испытывает обычный человек, столкнувшись с рокошами или с блур-ашаграми. Вот и решили сгладить эффект.

— Глупо, — сказал Домрачев. — Это же еще жутче: такой кадавр, почти похожий на нас, но не совсем.

— Вы двое, да поймите же наконец! То, что с нами происходит... Ошибки — это неизбежность. Не бывает контакта без ошибок: различные знаковые системы, ценности... да все разное! Наша задача в том и состоит, чтобы с помощью ошибок выявить разницу между ими и нами — выявить и научиться воспринимать ее как должное.

— Так что, — уточнил Павлыш, — значит, мы с Домрачевым прощены? Ну, за ту глупую шутку с перепутанными именами? Если уж ошибки неизбежны... Общей пользы для — а?

— Да! — подхватил Миша. — Эмма... э-э-э... Николаевна, будьте милосердны, дайте нам второй шанс!

— Никогда! До тех пор, пока вы называете меня по отчеству, это категорически исключено.

Она с видимым удовольствием посмотрела на их растерянные лица, усмехнулась краешком рта и ускорила шаг. Вергилий ждал у лифта, рядом с панорамным окном, из которого открывался вид на станцию.

За окном, под черным, усыпанным мелкими звездами небом, громоздилась кургузая туша корабля. В странных обводах, в шрамах на обшивке, в нечитаемых символах — во всем проглядывало нечто чуждое, пугающее. Враждебное.

— Кстати, — обратился Павлыш к вергилию, — я как доктор экспедиции, посольства, команды, экипажа должен поинтересоваться: что насчет скафандров? И каковы условия в вашем корабле? Они пригодны для жизни человека? К тому же, как я понимаю, нас ждет прыжок через нуль-пространство — он безвреден? А на Мазуне — там мы сможем ходить без скафандров? Где мы будем жить? Чем питаться?

Вергилий нацелил на Славу оба своих глаза, едва слышно клацнул чем-то, вздохнул.

— Особенности вашей жизнедеятельности, — сообщил ровным голосом, — безусловно, учтены. Прыжок не причинит вам вреда. Скафандры на корабле носить не придется: большую часть времени вы будете находиться в криованнах.

— А на Мазуне?

— Мазун изготовлен так, чтобы наиболее комфортным образом соответствовать запросам каждого дуэлянта, бойца, поединщика, сражателя.

— Нет такого слова — «сражатель»... — Павлыш запнулся и обернулся к Домрачеву и Эмме. — «Дуэлянта»?! Нам что, предстоят гладиаторские бои?!

— Вам предстоит сойтись в поединке, сражении, битве, сечи с теми, кто подобен вам... но и отличается от вас. — Похоже, вергилию (а точнее, коробочке-переводчику у него на груди) было непросто подбирать нужные слова. — Победитель будет принят в Галактический центр и признан равноправным членом содружества.

— А проигравший?

— Проигравший не имеет значения, продолжения, бытия, — сказал вергилий. И добавил, кивнув на распахнувшиеся двери лифта: — Прошу. Вам пора на корабль, в криованны. Времени совсем мало.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Поединок

Барыня. Вертопрахи на поединки выходят, шпагами колют друг друга. Весело!

А. Н. Островский. Гроза

Когда впервые зазвонил телефон, Павлыш стоял у окна и смотрел в сад, наблюдал за призраками. Как раз сегодня Слава закончил читать жильцам курсы

оказания первой помощи и до вечера был свободен. Настроение было смутное и сплинное, он отправился к себе в комнату вздремнуть после обеда — так, на полчаса, — но прямо над его головой братья Урванцы затеяли ограбление поезда, и бой, судя по звукам, завязался нешуточный. Тогда Павлыш подошел к окну посмотреть, что за погода на дворе и не прогуляться ли ему до Пленки и обратно.

Это входило в его обязанности: раз в пару дней совершать обход территории. Каждый здесь занимался делом, пусть даже на первый взгляд совершенно бессмысленным. Они сразу договорились, и Эмма только была за (редкий случай!) — им необходимо иметь какое-нибудь занятие. Чтобы не разлентиться окончательно, чтобы не потерять сноровку и тонус.

В конце концов, им ведь ясно сказали — предстоит некий «поединок», некое «сражение». Черт его знает, какое именно, однако глупо было бы лежать на печи и надеяться на авось. Может, оно даже уже началось, может, в том и заключается проверка?..

Словом, все по мере сил и возможностей чем-нибудь да занимались. Выбор был не так уж велик, но все-таки. Академик изучал обстановку в Отеле: каждый предмет мебели и каждую картину, кастрюли, часы, ковры и зеркала. Светлана и Борис Урванцы — родители бандитствующих Эдгара и Коли — брали пробы земли, воды, растительных тканей, совали все это под микроскоп и, кажется, были в совершеннейшем восторге от увиденного. Эмма инвентаризировала всю ту барахолку, которая приехала в Отель благодаря усилиям академика. Домрачев обнаружил в себе недюжинные способности к огородничеству и садоводству, так что большую часть времени проводил на заднем дворе Отеля.

Благодаря Мише группа была обеспечена свежими овощами и фруктами (по крайней мере, уточнял яз-

вительный Павлыш, именно Домрачеве приносил их на кухню). Готовили по очереди, согласно составленному расписанию, хотя вскоре пришлось освободить от этих обязанностей Окуня — из банальной заботы о здоровье окружающих.

Каждый день после обеда читали лекции. Эмма — по теории лингвистики, Урванцы — об инопланетных формах жизни, академик Окунь — о том, как материальная культура отображает особенности мышления той или иной цивилизации. Домрачеве решил оригинальничать и потчевал всех сказками разных народов, а Павлыш — единственный из всех — сделал упор на знаниях практических и архиважных. Потому что сказочки сказочками, а случилось что — каждый должен уметь оказывать первую помощь.

Ученики ему попались толковые, схватывали на лету. Правда, кое-кто оказался излишне старательным, когда дело дошло до упражнений по искусственному дыханию. И хотя Эмма — в привычной своей манере — высказала сегодня Домрачеву все, что думает по этому поводу, Павлыш был мрачнее тучи. Что-то не давало ему покоя: то ли дурацкая улыбочка Мишки, то ли неожиданно пылкая отповедь Эммы.

Он продолжал думать о них — об улыбочке и отповеди, Мишке и Эмме — даже когда пытался заснуть. И если уж честно, то не Урванцы мешали ему, совсем не они; настоящий космонавт может заснуть под любой шум... если не думает обо всякой чепухе.

Тогда Павлыш поднялся, встал у окна и опять увидел призраков.

Все они время от времени видели призраков. Размытые силуэты, какие случаются на старых фото, — похищенные у вечности мгновения, движение, замершее навсегда. Они могли мелькнуть и исчезнуть, и ты сомневался, видел ли их вообще. Но бывало и по-другому: призраки появлялись и маячили долго, мину-

ты две-три, — ты успевал даже позвать своих коллег или набросать на клочке бумаги очертания силуэтов.

— Вне всяких сомнений, — заявлял Окунь, — это некие формы жизни. Посмотрите, вот же конечности, и вот... а это больше похоже на щупальца или псевдоподии, но по сути... да-да, это все те же конечности. И вот — голова, а здесь, очевидно, на ней расположены органы чувств...

— А на этом рисунке, Федор Мелентьевич?

— А на этом — вот и вот, типичнейшее ракообразное, это ведь яснее ясного, Михаил! Борис, вы согласны?

Урванец-старший смотрел на эскизы, пожимал плечами:

— Не исключено. — Ему было под сорок, и Славе он напоминал крупного хищника, волка или леопарда. Помимо естественных наук, Борис Урванец занимался восточными единоборствами и по утрам как минимум час проводил в саду, замирая в разных гимнастических позах. Он хорошо разбирался в оружии, медицине и политике. Если бы Павлыш не знал, что кандидатуры членов экспедиции были предложены послами ГЦ, — решил бы, что Бориса направил сюда Комитет внешней безопасности. — Но главный вопрос, — продолжал Урванец, — все равно остается: что же это за жизнь такая и как они сюда попали.

— Аборигены?

— Ах, Эмма, это вряд ли! — вскидывался академик Окунь. — Очевидно ведь, что эта... местность — она создана специально для нас. Если даже не брать во внимание Отель, все остальное свидетельствует недвусмысленно, знаете ли. Состав воздуха, воды, почвы, растения в саду и огороде, продукты, которые ежедневно появляются в ретрансляторе.

— А что, если это предыдущие дуэлянты? — мрачно спрашивал Коля Урванец. — Проигравшие. И за это их развоплотили.

★ Эдгар смотрел на старшего брата с почти священным ужасом, кивал, охваченный восторгом. Вот это приключение! Расскажешь ребятам в школе — обзавидуются!

Урванец-старший переглядывался с Павлышем, вздыхал и переводил разговор на другое. Обоим было очевидно, что призраки останутся еще одной загадкой, чем-то, что пока выходит за пределы доступных человечеству знаний. Хотя мысль о дуэлянтах-неудачниках в последнее время тревожила Павлыша все чаще.

Если это правда — и если призраки по-прежнему способны мыслить и чувствовать, возможно, они пытаются как-то предупредить землян? Поэтому и стали появляться чаще.

Вот только как лишенные тела и голоса могут вообще коммуницировать с живыми?

Именно об этом снова и снова спрашивал себя Павлыш, когда за спиной у него зазвонил телефон.

Это был старинный аппарат — увесистая коробка на четырех бронзовых ножках, с цельнолитой черной трубкой на витом проводе. Ни к каким розеткам он не был присоединен, вообще не имел ни разъемов, ни рычажков, ни индикаторов, — ни-че-го. Академик Окунь в свое время дотошно его исследовал и вынес вердикт: «Имитация формы при абсолютном непонимании сути». После чего Павлыш уволок телефон к себе — в качестве пресс-папье. Иногда Слава снимал трубку и прикладывал к уху. Вслушивался в мертвую тишину, мечтал: вдруг когда-нибудь там раздастся голос мамы или бабушки...

Телефон зазвенел громко и яростно, словно был возмущен, что Павлыш стоит к нему спиной. Призраки, маячившие в глубине сада, возле теплицы, как будто придвинулись поближе, и Слава вдруг подумал: «А чем черт не шутит? Неужели они сумели... прозвониться? И на каком же языке тогда заговорят?»

Торопливо, пока звонки не оборвались, Павлыш шагнул к столу и сдернул трубку.

— Добрый день, — сказали на том конце. — Имеем честь сообщить, что дуэлянты, бойцы, поединщинки... отражатели прибыли.

Сразу же вслед за этим пол под ногами Славы дрогнул, стекло в окне тихонько задребезжало — как при легком землетрясении или во время аккуратной стыковки корабля со станцией.

Все это дрожание и дребезжание заняло полсекунды, не больше, — и похоже, осталось никем, кроме Павлыша, не замеченным. По-прежнему вопили и грохотали у него над головой юные Урванцы, и академик Окунь все тем же воодушевленным тоном рассказывал Светлане историю времен своей бурной молодости.

А вот призраков в саду уже не было.

— «Дуэлянты», — сказал пустой комнате Павлыги. — Вот оно как.

Он, конечно, узнал металлический голос в трубке. После прибытия на Музооп вергилий появлялся раза два или три, давал советы по обустройству, спрашивал, не нужно ли чего. Затем — пропадал, причем никто не смог проследить, куда именно он девается. Даже индейцы-следопыты Николай и Эдгар оказались бессильны перед инопланетянской хитростью.

«Значит, — подумал Павлыш, — все-таки не призраки. Значит, началось».

Он зачем-то снова снял трубку и послушал — но не было ни гудков, ни даже шума, только привычная космическая тишина.

Слава вышел в коридор и поспешил в столовую. Обычно после обеда Эмма сидела именно там — делала какие-то заметки или разбирала очередной ящик с артефактами. Но в этот раз, еще не входя, Павлыш понял, что она не одна.

— ...шу прощения. Я не имел в виду... то есть, в общем-то, не то чтобы... глупость какая, конечно, имел, но... тьфу ты, Эмма... понимаешь...

— Домрачев, как фольклорист вы, безусловно, обладаете развитым воображением, но вынуждена вас огорчить: оно не имеет ничего общего с действительностью. Совершенно. За те десять дней, что мы здесь находимся, вы могли бы это понять.

— Неужели?

— Именно! Более того, если хотите знать, я полагаю вас человеком грубым и несимпатичным. И буду очень благодарна, если вы впредь воздержитесь от своих неуклюжих шуток в мой адрес.

— Ну что же, — отчеканил Миша. — Что ж. Разрешите идти, Эмма Николаевна? Выполнять свои прямые обязанности, так сказать.

— Идите, Домрачев.

Хлопнула дверь, ведущая из столовой в сад.

Павлыш стоял, привалившись плечом к стене, сердце колотилось где-то под горлом. На мгновение он испытал черное, постыдное злорадство. Знал, что так не годится, но это было выше его — древнее, почти первобытное чувство.

Он уже собрался уходить, когда из столовой донесся еще один звук. Павлыш застыл, буквально перестал дышать, но звук больше не повторился.

Возможно, его и вовсе не было; возможно, только показалось.

Павлыш на цыпочках отошел подальше от столовой и поспешил наружу.

На миг задержался у двери: бросил взгляд на стойку, за которой в обычных отелях стоял бы портье. Все выглядело так, будто портье вот только что отлучился. На стене висели несколько часов, показывавших разное время, от Парижа до Селенопорта, рядом стояло кресло на колесиках, чуть продавленное, с истертыми

подлокотниками и наброшенной на спинку жилеткой. Монитор на столе ни к чему не был подключен, стикеры заклепили его не только по краям, но и в центре. Старые разноцветные листки, без заметок, но с детскими рисунками. (Может, их оставили призраки — когда еще были живыми?..)

Никто не признавался, но на всех эта стойка нагоняла жуть. «Словно в доме с привидениями живем», — сказал как-то Борис.

Сейчас экран светился бледно-желтым и по нему ползла бегущая строка. Павлыш сдернул горсть стикеров и прочел: «Имеем честь сообщить, что дуэлянты/бойцы/поединщики/отражатели прибыли».

Видимо, на тот случай, если Павлыш забудет поделиться новостью.

«Что ж, — подумал он, — это все упрощает. Не нужно идти в столовую, кто-нибудь увидит и скажет Эмме, а я пока прогуляюсь-таки до Пленки, погляжу, где там наши гости».

Правда, отчего-то вместо хлеба-соли ему захотелось прихватить с собой палку поувесистей, но этот упаднический порыв Слава пресек в корне. Вряд ли дуэль на бревнах — то, чего ждут от них представители Галактического центра.

На лавочке перед корпусом академик делился со Светланой своими соображениями по поводу будущего контакта. Светлана потрошила рыбу, под ногами крутился Скунс, мяукал и терся о голени.

— ...вот, к примеру, этот самый ГЦ, — говорил академик, рассеянно глядя на то, как Светлана разделяется с его тезкой. — Союз нескольких разумных видов, да? Как-то ведь он возник, был ведь некий момент, когда встретились две, ну хорошо — три цивилизации и решили объединиться в содружество. Для совместного освоения космоса, взаимопомощи и — я уж не знаю, чего еще. Звучит просто, да?

— Куда уж проще, — сказала Светлана. — Куся, да не крутись ты! Возьмите его на руки, Федор Мелентьевич, сил нет никаких. Ведь только что кормила!

— Да-да... Так вот, а теперь представьте, какими именно были эти цивилизации-основатели. Возьмем, к примеру, — он подхватил и усадил к себе на колени Скунса, — да вот — разумных кошачьих и разумных рыб. Допустим, они нашли общий язык и преодолели свои атавистические страхи... а атавизмы, замечу, мощнейшая сила, которую поди еще обуздай. Но — предположим. Что тогда? А, молодой человек?

— Тогда, — ответил Павлыш, — сплошное благо-
растворение воздушей: котам нужно одно, рыбам другое, никакой межвидовой конкуренции. Одни осваивают океаны, другие — сушу.

— Это вы, Слава, мыслите категориями шестивековой давности! «Осваивают»! «Колонизируют» еще скажите. Но хорошо, ну — положим. А теперь для начала ответьте-ка мне, какими технологиями смогут они обмениваться? Как — общаться? Положим, у одних — зрение цветное, а у других черно-белое. Или там разные акустические диапазоны. Да господа, разные системы ценностей: одни до сих пор веруют в какого-нибудь кровожадного бога, другие — в прогресс. Допустим, договорились они о неких общих целях. «Осваивать» планеты, пусть. «Делать их пригодными для жизни», да? И что же? Одни будут полагать, что для этого все миры следует засадить густыми лесами, другие — что, наоборот, заполнить водою. А?!

— Это все — простите, Федор Мелентьевич, — теории.

— Теории?! Да вы поймите, Слава, мы имеем дело не с теорией, а с вполне конкретным Галактическим центром, который готов принять нас только после некоего испытания. Некой дуэли, черт возьми! Что это, Древний Рим какой-нибудь?! Океания?! Если они

мыслят такими категориями... о-о-о! Я боюсь себе представить, что нас ждет дальше!

— Не бойтесь, — сказал Павлыш, — скоро узнаем. Мне тут звонили... — И он вкратце сообщил о случившемся. — В общем, — подытожил, — вы передайте остальным, а я пройдуся пока до Пленки у озера — и обратно, погляжу, где там наши гости.

— О-о-о! Это!.. Это!.. — Академик Окунь вскочил, рассеянно переложил Скунса прямо на стол и умчался в Отель.

— Слава, что-то случилось? — тихо спросила Светлана. — Вы странно выглядите.

— Будешь тут выглядеть, после таких новостей... — соврал Павлыш. — Ой, осторожней, сейчас наш подабочек весь ужин слопают.

Светлана наконец обратила внимание на Скунса, который деловито уволакивал исполинского окуня под скамейку.

— Вот негодник! А ну дай сюда! Не знаю, кто там явится, но мы тебя им точно отдадим, слышишь! Во-первых, прожора, во-вторых, вредитель, в-третьих...

Слава воспользовался случаем и выскользнул за калитку. Он решил идти не по дороге, а напрямую, через луг. Сбросил ботинки и зашагал, осторожно ступая по нагретой земле. Трава здесь была по колено, пушистые метелки щекотали кожу.

Было немного странно вот так запросто шагать по чужому миру, за десятки тысяч световых лет от дома. В первые дни все они вели себя не в пример осторожнее, а потом привыкли, поверили, что здесь им ничего не угрожает. Воздух такой же, как на Земле, даже чище, и ни клещей в траве, ни ядовитых гадюк. Рай земной... впрочем, учитывая то, где они находились, — скорее небесный.

Павлыш оглянулся на Отель — двухэтажный домик, яркий и ладный, очень уютный и земной.

У ажурного заборчика высотой по пояс проходила утоптанная дорога — пыльная в солнечные дни и превращавшаяся в вязкую кашу, когда шел дождь. Если пойти на юг, можно было оказаться у взгорий, на север — выйти к холмам, а потом и к озеру. Дорога петляла, кружила... как кобра, которая пытается улечься в тесной корзинке.

Только вместо плетеных стен здесь была Пленка.

Уже на второй день они выяснили, что живут в замкнутом пространстве: после того как более-менее перезнакомились, разобрались с Отелем и отправились на вылазку. Отель стоял в центре своеобразного садка, со всех сторон окруженного упругими стенами. Стены обладали отражательной способностью, проще говоря — напоминали затемненное зеркало. Их невозможно было пробить, найти в них щель или дыру, сделать под них подкоп...

Академик Окунь предположил, что лучше и не пытаться: дескать, не исключено, что этот садок для землян построен на каком-нибудь спутнике или орбиталище — сооружен умельцами из Галакцентра только для экзаменовки. И кто знает, не находится ли по ту сторону его стен космическая пустота.

— Вот и посмотрим, как вы будете подсаживать сюда ваших дуэлянтов, — пробормотал Павлыш.

Он поднялся на холм со срезанной верхушкой и встал, чтобы отдышаться. Внизу, прямо перед ним, лежало озеро. Он видел качавшихся на мелких волнах лебедей, сварливых уток, которые о чем-то переругивались, стоя на берегу, — и даже заметил в камышах вкрадчивое движение — это переступила с ноги на ногу выпь.

Потом он посмотрел дальше — и обалдел. Потому что Пленки здесь не было — там, где раньше мир заканчивался пружинистой мутноватой стеной, теперь расстилась роща исполинских секвой. То есть это сперва

Павлыш принял их за секвойи, но потом пригляделся и решил, что все-таки нет, все-таки перед ним деревья неземного происхождения. Ветер раскачивал их верхушки, с одной вдруг снялись две крупных птицы и помчались, резко выкрикивая ругательства. По одному из стволов метнулась вниз узкая, хищная тень...

— Перегородку между террариумами убрали, — сказал в пустоту Павлыш. — Вот так-так...

Он развернулся и быстро зашагал обратно, прикидывая, нет ли у них где кислородных масок, может, хотя бы среди всей той кучи вещей, что прибыла с Земли. Потом он сообразил, что отныне расхаживать босиком ой как не следует, пристроился на мшистом, зеленоватом камне и надел ботинки.

— И ночные дежурства, — пообещал он себе. — И чтобы Урванцы ни ногой за ограду. Черт-черт-черт!.. И на кой ляд ГЦ понадобилось приглашать родителей с одиннадцати- и двенадцатилетним мальчишками?!

Невозможно было даже представить, что всем им угрожает, но ясно было одно: при совмещении двух искусственно созданных биогеоценозов наверняка появятся проблемы. И в первую очередь следовало взять пробы воздуха и воды, конечно, а там видно будет... хотя... если крупные хищники или, хуже того, мелкая какая-нибудь гадость, да вот хотя бы бродячие муравьи...

Может, спросил себя Павлыш, в этом и состоит испытание? Не дуэль на пистолетах, а состязание двух биогеоценозов: который окажется более приспособляемым? Или даже — ну да, конечно! — двух разумных видов: который сумеет выжить при критических условиях? Логично: только такие и смогут покорять новые миры.

— Но они же не Следопыты, — зло сказал Павлыш. — Ладно я... и Борис, и, пожалуй, Светлана. Но — дети? Старый Окунь? Эмма?

При мыслях о ней ему стало совсем нехорошо, Слава даже остановился, чтобы перевести дыхание. «Как все не вовремя, черт! Одно с другим как!..»

Он надеялся только, что академик принял меры и загнал всех в дом. Конечно, вряд ли хищные звери, стоило только исчезнуть Пленке, ринулись к Отелю; вряд ли, но лучше не рисковать, не тот случай.

Он вдруг заметил тень, скользившую к нему по траве, и прежде, чем сообразил, что делает, уже упал лицом прямо в метелки, перекатился, рукой машинально потянулся к поясу, на котором, конечно, не было никакого лучевики...

Крупная птица, распахнув крылья, проплыла над Павлышем. Молча и величественно, словно облако или парусный корабль, она взмахнула нежно-голубыми, в белую крапинку крыльями и двинулась дальше.

Он вдруг вспомнил историю про то, как у Жюля Верна, в «Детях капитана Гранта», кондор похитил мальчика, — выдумка, конечно, у падальщиков слиш-ком слабые пальцы... но что, если это не падальщик? И что, если Урванцы сейчас не в Отеле?!

Павлыш вскочил и побежал, как не бегал уже давно, побежал, двигаясь скупно и четко, понимая, что, даже если опередит птицу, силы понадобятся... потом. Когда «потом» и для чего именно — он и сам не знал. Хрустели под ногами стебли подсохшей травы, солнце жарило в спину, пригибало к земле.

Павлыш влетел на взгорок — внизу стоял Отель, и перед ним, у стола, собрались все жители: Урванцы, Окунь, Эмма, Домрачевы. Они раскладывали абсурдные вещи, привезенные с Земли, смеялись, спорили...

— В дом! — заорал Павлыш. — Все немедленно в дом!

Но они не поняли, только уставились на него удивленно. А птица была уже над Отелем. Она сделала круг, другой, легла на крыло, скользнула вниз и вдруг опустилась прямо на стол, на единственное еще пу-

стое место. Сверху крылья ее были зеленые, с ярко-желтыми прожилками, хвост — золотистый, а хохолок на голове — нежно-малиновый. Глаза у нее были крупные, с медовым ободком, взгляд — хищный.

— Ух ты! — сказал Коля Урванец.

— Вот это да! — поддержал Эдгар. — Дядя Окунь, а можно ее погладить?

Птица потопталась, клацая когтями по деревянной столешнице, затем изогнула крыло и как будто почесала грудь. На сгибе у нее были пальцы, как у гоацина или у вымершего археоптерикса. Да и вообще выглядела она так, словно явилась из бездны времен, прямиком из какого-нибудь мелового периода.

Все это Павлыш разглядел уже вблизи: он подбежал к ограде, распахнул калитку и замер, не зная, что предпринять. Если тварь захочет кого-нибудь укусить, он ее вряд ли остановит, а вот напугать и спровоцировать может запросто, достаточно одного резкого движения.

Птица вдруг проскрежетала что-то знакомым металлическим голосом: раз, потом другой.

— Что это? — спросил Борис. — Смотрите.

В ответ снова раздался скрежет, а потом — уже другим, естественным голосом — птица выкрикнула нечто явно членораздельное, и тогда раздалось металлическое: «Желаю вам процветания. Это у меня переводчик, тлумач, толкователь, лжец».

— Ах, — сказал академик Окунь — и сел, держась рукой за сердце.

— Ух ты! — повторил Коля. — Па, у него такая же коробочка, как у вергилия.

— Погоди-ка, он и нам их оставлял, — вспомнила Светлана. — Минутку. — Она выбралась из-за стола и исчезла в доме.

Тем временем Эмма отстранила Домрачеева, который встал перед ней, едва появилась птица, — отстранила и шагнула вперед.

— От имени землян рада приветствовать вас. Я — глава нашей делегации, Эмма Николаевна Клемехина.

Переводчик заскрежетал, заухал — видимо, пытался перетолмачить ее имя. Птица слушала, по-куриному склонив голову набок. Потом по телу ее как будто прошла дрожь — перья вздыбились, хохолок развернулся веером, — и птица отчаянно замахала крыльями, крикнула и взлетела. Она пронеслась над столом и людьми, по спирали круто взметнулась вверх, а потом вдруг снова опустилась на край стола. Зачирикала, то и дело топорща перья и двигая пальцами.

— Простите, — сказала коробочка-переводчик. — Это непросто, сложно, дико, вызывающе. Нужно время, чтобы привыкнуть... чтобы понять. Но я-память понял. Я-память готов к общению.

— Вы знаете, зачем мы здесь: мы и вы? — аккуратно спросила Эмма.

— Чтобы пройти концерт, выживание, изменение мира, потрясение основ. Чтобы влиться в новую стаю. В Галактическое гнездовье.

Люди обменялись взглядами.

«Кажется, — подумал Павлыш, — пророчество академика Окуня сбывается. Понять друг друга будет нелегко... но все-таки мы недурно продвинулись для начала».

— Это хорошо. — Эмма хотела было кивнуть, но, видимо, сообразила, что для птицы такой жест может означать что-нибудь другое — скажем, враждебность. Она моргнула и продолжала говорить, стараясь не двигаться и сохранять бесстрастное выражение лица. — Мы не знаем условий... эксперимента. Но, по нашему мнению, это неважно. Вы и мы... нам есть о чем поговорить, о чем рассказать друг другу. Думаю, именно этим мы и займемся — к взаимному обогащению.

— Мы тоже не знаем условий, — сказала птица, выслушав перевод. — И мы согласны с вашим предложением. Мы и сами хотели предложить то же самое.

Атмосфера слегка разрядилась, и следующие минут тридцать-сорок они просто познакомились: называли друг другу имена и рассказывали о себе.

Самоназвание и имена птиц ни воспроизвести, ни запомнить никто из землян не смог, так что в конце концов решили звать их ависами, а гостя — Отцом. Судя по его словам (точнее, по переводу, порой довольно туманному), Отец был главой семейства, которое ГЦ перебросил сюда, для дуэли-сражения-поединка. Полное имя гостя в переводе означало «отец семейства яростных и изобретательных инженеров-выращивателей», что скорее сбивало с толку, чем что-либо объясняло.

— ...И это, — добавил позже академик Окунь, — мы еще не учитываем одной простой возможности: авис мог нам лгать, осознанно или нет.

— Мог, — согласилась Эмма. Она рассеянно погладила Скунса, которому наконец позволили вернуться из дома во двор. — Однако пока ничего явно подозрительного или, допустим, непонятного я не заметила.

— Это не значит, что ничего подобного не было, — спокойно заявил Домрачев. — Все зависит от интерпретации. Каждый из нас совершил некие действия, а другая сторона увидела в них определенный смысл. Но верно ли мы расшифровали эти самые действия? И ведь надо еще держать в голове, что расшифровывать можно по-разному. Нужно даже! Не понимаете?

Эмма покачала головой:

— Что уж тут непонятного?

— Да нет, — вмешалась Светлана, — пусть Михаил объяснит, для остальных.

— Ну, собственно, — сказал Домрачев, — возьмем простой жест: покачать головой, да? Но это мо-

жет быть чисто физиологическая реакция: допустим, в ухо попала вода. А может, и осознанная: Эмма Николаевна хочет нам сообщить, что не соглашается со мной... точнее, конечно, с моими тезисами. В принципе, этот жест способен означать еще одно: нам дают понять, что отрицают мое утверждение, но на самом деле реакция выражает раздражение, направленное лично на меня или вызванное другими факторами: усталостью, болезнью...

— Это все азы, Михаил Игоревич. — Эмма отпихнула от себя Скунса и встала. — Но на практике приходится модель упрощать. Иначе мы превратимся в параноиков. Во-первых, переводчики ГЦ до сих пор работали вполне адекватно. У меня есть, знаете ли, некоторая практика. А во-вторых... действия ависа полностью соответствовали нашим ожиданиям и нашим интерпретациям.

— Не полностью, — уточнил Борис. — Были по крайней мере две странных реакции. Первая — когда вы представились. Вторая...

— Вторая — когда вручали ему подарок, — подхватил Федор Мелентьевич. — А ведь вы правы, Борис! Просто во втором случае все произошло слишком быстро... н-да... Но что бы это значило?.. Надеюсь, мы в конце концов выясним.

История с подарком действительно выглядела странно. В какой-то момент, когда первое знакомство завершилось, Эмма сочла уместным сделать Отцу презент. Он уже некоторое время поглядывал на вещи, выложенные вокруг него, и Эмма, кашлянув и оглядевшись, выбрала наконец блюдо с амурчиком. Она подняла и протянула его Отцу:

— Мы привезли с собой несколько артефактов, которые отображают этапы развития нашей цивилизации. В знак дружбы и расположения мы хотели бы

подарить вам один. Это посуда — предмет, с помощью кото...

Договорить ей не удалось: авис слушал со все возрастающим беспокойством, топорщил перья и нервно, судорожно сжимал пальцы. В конце концов он распахнул клюв — больше, впрочем, похожий на ороговевшие челюсти с двумя рядами мелких, острых зубов — и едва слышно зашипел.

Эмма осеклась, побледнела, но не отступила.

Положение спас академик Окунь. Отстранив девушку, он пробормотал:

— Вряд ли Отцу будет... э-э-э... удобно нести такой увесистый предмет... да и амурчик этот, с оружием... Хм... да... Я полагаю, в качестве первого презента намного уместнее вручить... н-да... сие.

«Сие» оказалось карандашом и белым листом бумаги. Сама идея письма ависа, кажется, не удивила, но карандаш и бумага — привели в неописуемый восторг. Далее последовали многочисленные объяснения с примерами, Отец ловко ухватил карандаш и сумел изобразить ряд геометрических фигур, а затем даже попытался скопировать свое имя на русском. Инцидент был исчерпан, и о нем бы забыли — если бы не Урванец-старший.

Павлыш, к собственному своему стыду, тогда на случившееся внимания не обратил. По правде говоря, после того, как стало ясно, что никакой опасности нет, все мысли Славы были сосредоточены на одном.

Все-таки, спрашивал он себя, мне показалось или я действительно слышал, как она всхлипывала в столовой? Показалось — или действительно?

И если действительно — то почему она всхлипывала? Почему?!

Ответ он, разумеется, знал, но верить в него не хотел ни за что на свете.

— А по-моему, это гениальная идея, — сказал Павлыш. Он шел справа от нынешнего подарка и жалел, что не сообразил надеть самую обычную кепку. Рассветное солнце (или что там создатели Muzoopa использовали вместо солнца) пронзало туман золотыми копьями, слепило глаза. Где-то в придорожной рощице пели птицы. — Правда гениальная. Чтоб не зазнавались.

Домрачеев ничего не ответил. Он шагал, соответственно, слева, и щурился, глядя на Павлыша, — солнце вставало как раз у того за спиной.

— Это все равно, что подарить спринтеру пару костылей. Или нет, — поправил себя Павлыш, — все равно что рыбе — акваланг! Кстати, если академик прав и суть «дуэли» в том, кто кого переоподарит...

— Академик может ошибаться, — сухо отметила Эмма.

Она шла впереди, не оглядываясь на сопровождавших ее Славу и Мишу. Остальные отправились к озеру обычным путем — напрямик, но подарок пришлось везти по дороге. Густая трава постоянно наматывалась бы на оси, колеса застревали... в общем, все как в тот раз, когда они таки рискнули повезти один из подарков через холмы.

— Я даже уверена, что он ошибается.

Павлыш невозмутимо пожал плечами:

— А он уверен, что нет. И судя по событиям последних дней, ависы скорее на стороне академика. С чего все началось? Правильно, с карандаша и листа бумаги. Что подарил нам Отец на следующий день? Горсть семян, из которых выросли перьяекнижки эти дурацкие... Мы дали им только прием, они — уже готовую «модель», причем самовоспроизводящуюся. «Инженеры-выращиватели, яростные и изобретательные», ага! И потом все пошло по нарастающей, и продолжается

до сих пор. Вот зря мы им Скунса не подарили в прошлый раз. А я предлагал.

Домрачев вздохнул и сказал, глядя прямо перед собой:

— Болтун ты, Павлыш.

Эмма вздрогнула и чуть ускорила шаг.

— Нет, ну а что? Теперь поздно дарить. Теперь это будет понижением ставок. Потерей лица. А презент, который мы с тобой — разумеется, под любезным присмотром сиятельной Эммы Николаовны, — транспортируем сейчас... он вообще ни в какие ворота же. И ты своим молчаливым одобрением потворствуешь, между прочим. А на кону...

— Болтун, — повторил Домрачев. За те дни, что прошли после первого визита Отца, он стал мрачнее, держался особняком и редко вступал в споры. Особенно если рядом была Эмма.

Эту катавасию с подарками, разумеется, никто из них и предвидеть не мог. Все началось невинно — и сперва точно так же невинно продолжилось. Люди пошли в гости к ависам, те встретили их у озера, поговорили, после чего один из младших птиц по приказу Отца вручил семена. Без каких-либо пояснений.

Из семян к утру выросли перьякнижки: растения с огромными, плотными листьями, усеянными дивным узором. О том, что это письмена, догадался Эдгар Урванец, сорвавший, пока старшие спали, одну «страницу» и обративший внимание на слишком уж правильный рисунок. У братьев как раз был период увлечения криптографией, так что к завтраку Эдгар пришел, сияя довольной улыбкой, с листком, на котором была отмечена частотность всех «букв».

В результате его, к ревнивому неудовольствию брата, даже не наказали.

Посоветовавшись, в следующий раз решили подарить ависам клепсидру — здоровенный, в челове-

ческий рост, агрегат, который едва удалось собрать согласно приложенной инструкции. Вот тогда-то потребовалась тележка, и тогда же она застряла на травянистом склоне... с тех пор правое колесо противно поскрипывало и вращалось под углом.

Ависы от клепсидры пришли в невероятное возбуждение. Пятеро младших сородичей Отца начали переглядываться, переступать с места на место. Коряга, которую они то ли нашли, то ли специально притащили сюда для встреч с людьми, пружинила и подрагивала, одна из веток противно стучала о землю.

В конце концов Отец распушил малиновый хохолок, издал короткий, резкий крик и дважды хлопнул крыльями. Переводчик у него на груди прокашлялся, но не сказал ни слова.

Младшие смотрели на Отца со странным выражением. Павлышу показалось, что в их желтых, сверкающих глазах отражались страх и... неужели азарт? Хотя, конечно, Слава понимал, что все это ерунда: много ли он знает об этих разумных птицах? Испытывают ли они вообще подобные эмоции?..

После небольшой паузы Отец снова хлопнул крыльями, как-то странно дернул своим узким хвостом и выдал длинную, мелодичную трель.

— Быть по сему, — сообщил переводчик. — Приемлем ваш соревнодар, ибо чтим честь. Во благовременье же ответим, как и должно.

Академик Окунь хмыкнул и что-то нацарапал у себя в блокноте. Борис переглянулся с Домрачевым и Павлышем, а Эмма аккуратно, плавно склонила голову (она по-прежнему старалась при разговоре с ависами не делать резких движений):

— Мы рады, что нашли с вами общий язык. Не возражаете, если мои коллеги отвезут подарок к вашим... деревьям?

Отец слушал, рывками поворачивая голову то вправо, то влево.

— Конечно, пусть отвезут дар к домодревам. Ваших самцов, мужчин, подчиненных проводит Изгибатель.

Один из ависов — кажется, постарше прочих, — тяжело взмахнул крыльями и взлетел в воздух. Эмма посмотрела на Бориса Урванца, но Слава и Миша уже, не сговариваясь, застыли у тележки.

Эмма поджала губы и кивнула, и они все втроем двинулись вслед за Изгибателем к одному из домодрев.

Почва здесь была рыхлая, повсюду тянулись к солнцу разного рода растеньица, в том числе — похожие на перьякнижки. Авис кружил над тележкой, время от времени давал отрывистые советы, которые коробок-переводчик старательно перетолмачивал.

— Это ничего, что мы вот так... прямо по росткам? — уточнил Павлыш.

— Нет значения. Сиюминутное, воспроизводимое. Подарок важнее, главнее, имеет смысл.

Дерево было громадным, значительно крупнее любой секвойи. Вдоль ствола тянулись ребра-распорки, нечто вроде контрфорсов в древних соборах. Черную, блестящую кору испещряли разноцветные вкрапления. Приглядевшись, Павлыш понял, что это мох, но какой-то особый; в нем устраивали себе гнезда плоские, алые твари, похожие на смесь муравьев и скорпионов. Твари эти сновали по коре, в лапах тащили некие коконы, а также пестрые обломки скорлупы, фрагменты перьев, листья...

Нижние, самые крупные ветки росли на высоте двух-трех метров — и были такой ширины, что Павлыш при желании легко мог бы сплясать там джигу или лезгинку. Впрочем, меньше всего в эти дни ему хотелось плясать.

То и дело поглядывая наверх, они с Мишкой и Борисом сгрузили-таки проклятую клепсидру. Кор-

пус ее был оформлен под средневековую китайскую мебель, и все эти прыгающие тигры, драконы с мордами мопсов и пьяные будды смотрелись под деревом неожиданно уместно.

— Благодарю. — Изгибатель устроился на нижней ветке, энергично кивнул раза три-четыре. — Потрясающе, что вы придерживаетесь старинных, запретных, опасных традиций. Даже при том, что сами живете вопреки обычаю, установлению, природе.

Борис развел руками:

— Согласитесь, было бы странно, если б мы жили на деревьях.

Авис моргнул несколько раз и вдруг зашипел, раздувая горло. Тотчас откуда-то сверху по стволу метнулись три узкие, верткие тени. Они были похожи на тощих гекконов, только со странно выгнутыми передними лапами. Гекконы добрались до нижней ветки, на которой сидел Изгибатель, и устали на людей; один разинул ороговевшие челюсти и стремительно облизнулся.

Шипение Изгибателя оборвалось — будто, подумал Павлыш, кто-то вырубил испорченный радиоприемник.

— Мы, пожалуй, пойдем, — сказал Слава. — Нас остальные заждались.

— Да, — торопливо ответил авис. — Вам лучше вернуться к озеру и своей Матери.

Гекконы повернулись к нему и смотрели, удивленно мигая, затем разбежались в разные стороны, потеряв всякий интерес к происходящему.

— «К Матери»... — протянул Павлыш. Он шел чуть позади, то и дело оглядываясь на домодрева. — Ишь. Подумать только.

— Вот даже не думай, — отрезал Домрачеев. — Это недоразумение, не превращай... черт знает во что.

Борис обернулся и посмотрел на них почти с жалостью:

— Это все, что вы заметили?

— Ну, он болезненно отреагировал на ваше предположение насчет деревьев. — Павлыш почесал переносицу, чихнул. — С другой стороны, посмотрите, они даже для переговоров нашли где-то эту корягу, земля для них — то ли табу, то ли...

— Да перестань, просто некомфортная среда. — Домрачев кивнул на берег озера, где люди и ависы продолжали о чем-то беседовать. Заскучавшие Эдгар и Николай тем временем отошли в сторонку и собирались поплавать. — Вот как если бы мы вели переговоры с рыбами и предпочитали делать это из субмарин. Хотя плавать-то мы можем, да?

— Детеныши, — сказал Борис. — Это были их детеныши, разве не очевидно?

— О! — Павлыш остановился и шлепнул себя ладонью по лбу. — О!.. Но, — оживился он, — тогда может быть так, что земля — это территория ювенильных особей... Нет, не сходится. Они же явно ведут древесный образ жизни, просто еще не летают.

— Как сразу заговорил, — хмыкнул Домрачев. — «Ювенильные особи», «образ жизни»... Ты другое скажи: почему это вдруг мы живем вопреки обычаю?

— Ну, это просто: у них-то явный патриархат, а мы, по их мнению, погрязли в матриархате. И деревья здесь совершенно ни при чем.

— Хоть это вы поняли, — кивнул Борис. — Я, правда, надеялся, что он мне возразит и объяснит, о каком именно обычае говорил. Но версия насчет матриархата... пусть, как рабочая вполне сгодится.

Между тем Эдгар с Николаем уже плавали наперегонки, распугивая уток. Ависы следили за всем этим, нервно переступая с ноги на ногу.

— А что насчет «старинных, опасных традиций»?

— Матриархат, — мрачно произнес Павлыш. — Старинная, опасная и запретная традиция, Миша.

Обмен подарками продолжился на следующий день — и пошел по нарастающей. Ависы презентовали в деревянном горшочке с затычкой несколько десятков тех самых тварей, что жили в пучках мха на домодревет. Оказалось, муравионы, как окрестил их Эдгар, мало пригодны для людей. Они утилизировали продукты жизнедеятельности ависов, причем в колонии было несколько типов особей, и каждый специализировался на чем-то одном. Павлыш стал подкармливать муравионов картофельной кожурой, банановыми шкурками и прочим мусором и заявил, что через несколько поколений, возможно, колония мутирует.

— Это ж клево! — Коля Урванец толкнул брата в бок. — Не надо будет с картошкой возиться... и даже с бананами! Бросаешь муравионам — и вынимаешь уже очищенные. Класс!

Остальные, впрочем, Колиного восторга не разделяли, а Светлана прямо заявила:

— Нет, дорогие мои, чистить картошку — это ваша святая обязанность. И никакие инопланетные изобретения от нее вас не спасут. К тому же Владиславу Владимировичу муравионы нужны для научных исследований, верно?

Павлыш смиренно развел руками:

— Это уж как решит Эмма Николавна, она у нас главная.

Эмма с каждым днем все сильнее замыкалась в себе — хотя, казалось бы, куда уж больше. Она сидела за общим столом во время завтрака и ужина, обсуждала все, что происходило на встречах с ависами, выдвигала гипотезы, но Павлыш видел, насколько она напряжена, как скованна. «Это, — думал он, ответственность... да, ответственность и колоссальный труд, ежедневный, ежесекундный... а тут еще Домрачев со своими глупостями, да и я, чего уж...»

Но когда они были рядом, он и Эмма, Павлыш не мог остановиться. В него словно вселялся средневековый бес, и Славу несло. А рыжая Лилит ничего не замечала. Да что там, она вела себя так, как будто и Славу-то замечала не всегда, как будто был он кем-то вроде призрака в саду: то мелькнет, то исчезнет.

Павлыш понимал, что нужно остановиться, — но не мог. За это он злился на себя, злился на Домрачеева, который, дубина стоеросовая, так быстро отступился, злился на ГЦ, ависов и призраков.

Это всего лишь увлечение, говорил он себе, ты же понимаешь, что у вас ничего общего, и никаких, во все никаких шансов... Значит, нужно просто время... время и расстояние.

Была бы возможность сбежать — наверное, сбежал бы к черту с этого космического острова, устроился судовым врачом на какой-нибудь корабль, что-то вроде «Антея»: чтоб подальше от людей, на месяцы, а то и годы.

— Так что, Эмма Николавна, разрешите в виде эксперимента почистить муравионами картошку?

Она оторвалась от своих бумаг, дернула уголком губ.

— Через сколько поколений, вы говорили, эти насекомые будут способны на такое? Семь-восемь? Ну вот когда будут, тогда и вернемся к вашему вопросу.

Младшие Урванцы переглянулись, Коля прыснул в кулак, Эдгар помрачнел.

— Федор Мелентьевич, — продолжала Эмма, — нам необходимо обсудить следующую встречу с ависами. То, что происходит... все это очень странно. — Она зевнула, прикрыв рот запястьем. Была уже поздняя ночь, но расходиться никто не спешил. — Вы обратили внимание на то, как изменилась речь Отца, когда он принимал клепсидру? Сплошные архаизмы. Откуда и с чего бы вдруг?

— Может, барахлит переводчик?

— Нет, это вряд ли. Я ведь работала с рокошами, с ыдар-мушами... в общем, со всеми, кого присылали на Землю в качестве представителей ГЦ. Они очень скрупулезны в плане языка, и за эти несколько лет, я уверена, в совершенстве овладели по крайней мере русским, английским и китайским. И нет оснований полагать, что с ависами дело обстояло иначе, их наверняка тоже изучали.

— И здесь, — сказал вдруг Миша, — у меня возникает другой вопрос: зачем?

— Домрачеев, вы издеваетесь? Это элементарно, даже дети... Эдгар, Николай — вот скажите Михаилу Игоревичу, зачем ГЦ нужно изучать язык ависов.

— Вообще-то я о другом. — Домрачеев поднял вившегося у ног Скунса и посадил себе на колени. — Зачем членам ГЦ нужна цивилизация, которая, очевидно, еще даже не вышла в космос? И кстати, вряд ли выйдет в обозримом будущем... разве что* вырастит космический корабль как перьякниги или домодрево из подручных биоматериалов. Зачем ГЦ цивилизация, придерживающаяся опасных, старинных и, между прочим, запретных традиций?

— Я бы, — заметил Борис, — тогда уж ставил вопрос шире. Зачем ГЦ нужны люди? Ведь если нас поставили на одну доску с ависами, стало быть, расценивают как равных им.

— А я, с вашего позволения, думаю вот что... — Академик Окунь кашлянул и обвел взглядом всех сидевших за столом. — Я думаю, эта наша дуэль как раз и заключается в обмене подарками. Конечно, — вскинул он ладони, — все не так примитивно. Обмениваясь, мы тем самым демонстрируем друг другу (и, видимо, ГЦ) достижения наших цивилизаций. И кто окажется более... э-э-э... развитым... ну, вы понимаете.

Эмма рассеянно постучала карандашом по столешнице.

— Не знаю... Не знаю. Совершенно не похоже на ГЦ. Слишком просто, Федор Мелентьевич. Слишком примитивно. Но если хотите — пусть, давайте пока придерживаться вашей версии. Так что же мы им подарим?..

В тот вечер они выбрали модель ветряной мельницы. Затем последовали зеркало и спички, шахматы, прядильное колесо, микроскоп, газовая лампа... Ависы, со своей стороны, продолжали делиться достижениями биоинженеринга — и все это длилось уже около недели: утренняя встреча у озера, вручение очередного подарка, беседа, в которой люди и ависы рассказывали о себе... затем расставание и «военные советы» до поздней ночи.

Вчера вот Эмма окончательно отказалась от теории академика и решила, вопреки возражениям остальных, вручить ависам то, что сейчас катили на тележке Слава и Домрачев.

— Может, я и болтун, — сказал Павлыш. — Очень даже может быть. Я вообще, очевидно, далек от идеалов, но, знаешь ли, я не строю из себя черт знает что. Не смотрю на людей как на пустое место. Не...

Закончить ему не удалось, поскольку Домрачев вдруг как-то странно дернул ногой, колесико — то самое, крутившееся под углом, — вдруг пронзительно скрежетнуло, и тележка с гулким клацаньем завалилась на бок.

Эмма вздрогнула спиной, но прошла еще два шага и только потом обернулась.

— Не волнуйтесь, — сказал ей Миша. — Идите к остальным, мы сейчас починим и догоним.

Дорога здесь снова поворачивала, и уже видны были край озера, люди с ависами, а вдали — величественные силуэты домодрев.

— Вы точно сами справитесь?

— Точно. Идите, Эмма Николаевна, займите пока Отца беседой. Иначе академик, увлекшись, может наговорить лишнего...

— Ну, — сказала она равнодушным тоном, — это бывает со всеми нами.

И ушла.

— Вот черт. — Миша присел и поднял тележку. — Не рассчитал. Похоже, дальше придется тащить на себе... вечером разберу, попытаюсь починить.

— Да ладно, давай я попробую... Стой, в каком смысле «не рассчитал»? — насторожился Павлыш.

— Слушай-ка, Слава, — тихо сказал Домрачев, — брось ты это, а?

— Что «это»? Без тележки мы далеко не...

— Ты же ее изводишь своими шуточками. Оставь человека в покое. Я-то думал, после «Антея» ты... повзрослел, что ли. Неужели не понимаешь, как ей тяжело сейчас?

— «Тяжело»?! Да по-моему, для нее это нечто вроде развлечения! Она ведь других людей ни в грош не ставит, Домрачев! Разве что тебя, да и то...

— Меня? — со странным выражением переспросил Миша. — Это ты что-то перегрелся на солнце, не иначе. В общем, Павлыш, по-человечески прошу: не надо. И так нам хватает о чем переживать, согласись.

Он повертел в руках колесико, встал.

— Я ведь понимаю, — добавил негромко. — Это ж видно, Слав. Но тут ничего не зависит ни от тебя, ни от меня. Ни даже от нее, если задуматься. Что мы, два взрослых мужика, будем впадать в уныние из-за... ерунда какая! Да?

— Не будем, конечно, — проямлил Павлыш. Он чувствовал, как наливаются красным уши, как багровеют щеки. — Давно ты знал? А остальные?..

— А плевать на остальных, — с наигранной бравадой заявил Домрачев. — Нам что надо, Павлыш? Вый-

ти с честью из испытания. Даже из двух, если точнее. Вот и сосредоточимся, соберем в кулак силу воли.

— Из трех, — мрачно поправил его Павлыш. — Подарочек, я так думаю, нам придется тащить на собственном горбу.

Домрачеев хмыкнул, сунул колесо в карман куртки и ухватился за верхнюю коробку:

— Поберегись!

Он рывком вскинул ее, крикнул, подмигнул Павлышу:

— Твоя — вторая. А тележку на обратном пути заберем, вряд ли на нее кто-нибудь позарится.

Миша двинулся к озеру, насвистывая бодренький, знакомый Павлышу мотивчик.

— «Выйти с честью из испытания», — сказал себе Павлыш. — Это мы, конечно... завсегда.

Вдруг он заметил, как совсем рядом, в двух шагах от дороги, стоит призрак: приземистая тень о семи-восьми ногах, с чем-то вроде павлиньего хвоста прямо по центру туловища.

— Интересно, — пробормотал Павлыш, — а сколько испытаний нужно было пройти вам? И на котором вы сломались?

Призрак стоял и смотрел, если, конечно, у него были глаза. Павлыш подхватил коробку и поспешил вслед за Мишей. Так и подмывало оглянуться, проверить, не пропал ли призрак, но Павлыш оглядываться не стал.

Еще на подходах к озеру он услышал два голоса: академик Окунь читал очередную лекцию о планете Земля, коробок-переводчик — перетолмачивал ее на птичий. Ависы устроились на все той же своей коряге, а люди — прямо на траве.

Ну, кроме тех двух представителей вида *Homo sapiens*, которые сейчас крались к дальнему берегу.

— А ну-ка стой! — скомандовал Павлыш. — Ко мне — шагом марш!

Урванцы подошли, с видом беззаботным и невинным.

Павлыш поставил коробку на землю и погрозил им пальцем, чувствуя себя тем еще занудой.

— Вы, конечно, убедились в том, что вместе с ависами сюда не прибыли ни хищники, ни ядовитые твари, но это ведь не повод, юноши. Хотя из вежливости посидели бы, Федор Мелентьевич, сами знаете, переживает, если его не слушают.

— А толку? — спросил хмурый Эдгар. — Мы ж половину того, о чем он рассказывает, еще в садике учили. А вторую пойдем не раньше, чем окончим институт.

— И вообще, — добавил Коля, — Федор Мелентьич нам разрешил.

— Ависы опять волнуются?

— Как обычно. — Коля рассеянно почесал сбитую коленку. — Знаете, дядь Слава, по-моему, мы их пугаем.

— Это даже обидно, — сказал Эдгар. — Мы ж ничего никому из них не сделали. Шизанутые они какие-то. Даже на папу шипели, когда он попытался вопрос задать.

— Ну, на папу — это, по-моему, они не от страха.

— Как так? — уточнил Павлыш.

— Вот когда мы рядом, они нервничают: с ноги на ногу переступают, крыльями дергают, пальцы поджимают. Чего я рассказываю, вы ж сами тыщу раз видели. А папа сегодня уточнил насчет их семей, мол, правда ли, что главой может быть мужчина, а женщина — никогда. Так Отец этот зашипел, как будто бешеный, и остальные — Изгибатель, Хранитель смысла, Растяпа — тоже словно ошалели все.

— А вообще, — сказал Эдгар, — смешные они. Такие умные, а такие иногда... ну вот как курицы прям.

— Ладно. — Павлыш оглянулся: Миша уже вскрыл коробку и начал собирать подарок. — Давайте-ка вы сегодня далеко не убегайте. Пойдем со мной, поможе-

те. Сами знаете, они на подарки реагируют хорошо, вот будем ависов потихоньку к вам приучать.

Эдгар хмыкнул:

— Прямо дрессировка диких животных!

— Что-то вроде того. Пошли.

С этим отношением к ребятам надо было разобратся. Академик с Эммой решили не задавать вопросы о том, что тревожит ависов: дескать, еще коснутся табуированных тем, оскорбят невзначай... Но проблема-то оставалась.

Корни ее Павлыш видел в отношении ависов к собственным отпрыскам. Тех никогда не приглашали на встречи, да и вообще словно не замечали. Гекконоподобные ависы сновали себе по деревьям, занимались своими делами и существовали как будто в другом измерении, были еще одними призраками... вот только несравнимо более опасными. Когда Слава с Мишей доставляли очередной подарок, Павлыш решил повнимательнее присмотреться к местной энтомофауне. Но стоило протянуть руку к ближайшей лампулитке, как по коре зацокали коготки — и юный авис, распахнув пасть, бросился прямо на Славу. Что интересно, Изгибатель в тот раз вообще никак не отреагировал, даже отвернулся.

Были и другие случаи, когда зазевавшихся людей атаковали гекк-ависы, но каждый раз это происходило рядом с домодревами — и стоило лишь отступить, как «де тишки» моментально теряли к людям всякий интерес.

— Похоже, — предположил Борис, — их дети до определенного возраста либо вовсе лишены разума, либо он у них в некой зачаточной стадии развития. И от наших ависы ждут того же...

— Ну, их ожидания небеспочвенны, если вспомнить, к примеру, историю о подводной лодке из бочки...

— Ма-а-ам!.. — хором отозвались младшие Урванцы. — Это ж был научный эксперимент!

Сейчас же они шагали рядом с Павлышем и вели себя смиреннее овечек. Помогли распаковать коробку, охотно принялись разбираться с инструкцией: какие детали в каком порядке прикрепить и т. д. Ависы, как обычно, при виде подарка оживились. Даже Отец то и дело поглядывал на Домрачевева и Павлыша, а уж остальные пятеро просто места себе не находили от возбуждения.

Так они обычно себя и вели: словно мальчишки в новогоднюю ночь. Павлышу казалось, что обмен подарками пробуждает в них какие-то древние, забытые инстинкты. Ависы то и дело издавали отрывистые звуки, двигались дерганно, порой даже спрыгивали с насеста на землю и передвигались на всех четырех, помогая себе крыльями.

При этом Отец никогда не принимал подарки из рук Эммы, хотя именно она обычно произносила официальное: «Мы приносим вам в дар...» Точно так же ответные дары он вручал Павлышу или Домрачевеву, в крайнем случае — академику Окуню.

Павлыш подозревал, что ависы по-прежнему считают, будто у землян царит матриархат. И видимо, вручая или принимая подарки от женщины, Отец рискует сильно уронить свой статус в глазах соплеменников.

Когда Павлыш поделился своими соображениями с академиком, тот какое-то время сидел, черкая в блокнотике, затем отодвинул его от себя и с изумлением уставился на Славу.

— Гениально! Ну, или почти гениально... — Он прихлопнул ладонями по столешнице и вскочил. — Вы не учли одной малости: у птиц подношение подарка зачастую означает ухаживание, взять хотя бы шалашников... Да что там птицы! Это мы наблюдаем и у многих пауков, и у представителей семейства *Empididae* — то бишь, мух-толкунчиков... И если риту-

ал ависов — а мы, вне всяких сомнений, имеем дело с ритуалом — возник на основе брачных ухаживаний... что ж, довольно странно было бы Отцу вручать Эмме Николаевне или принимать от нее подарки.

Помнится, Павлыш тогда не сдержался и усмехнулся — да так, что Эмма вспыхнула и — невиданное дело! — отвернулась.

— Ладно, — сказал Миша, — допустим, вы правы. Но откуда взялась тогда эта страсть к взаимным подаркам? Даже дуэль, как вы говорите.

— О! Это оч-чень правильный вопрос. Пока мы не узнали больше об истории наших новых друзей, мы можем только строить предположения, и мое таково: в какой-то момент обмен подарками стал аналогом наших войн.

— Они бросали друг в друга хлебемотами?! — хмыкнул вездесущий Эдгар. — Или пулялись муравьионами? Надо и нам как-нибудь попробовать.

Следующие минут пять были посвящены попытке ущемить братьев в правах и досрочно сослать в спальню; впрочем, гуманизм в конце концов восторжествовал.

— Еще одно слово!.. — пригрозил им Борис. — Так что, Федор Мелентьевич, вы начали говорить о войнах?..

— Именно. Вы слышали когда-нибудь о потлаче? Это слово из чинукского жаргона — торгового пиджина, который бытовал на северо-западном побережье Тихого океана, — но само по себе явление было очень распространено. В разных формах и в разное время ритуал потлача существовал во всем мире, от Африки до Европы. Потлач — это взаимное одаривание. Вы вручаете мне хлеб, я вам — два, вы в ответ — четыре, я — десять... и так *ad infinitum*. Таким образом мы с вами выясняем статусность друг друга. Тот, кто дарит более ценный подарок, не просто заявляет о том, что он богаче одариваемого. Он еще и делает того

должником — не всегда в прямом смысле, конечно. Причем вы не можете уклониться от дара и не можете не ответить на него: тогда вы теряете лицо.

— Так вот, — сказал академик, — я думаю, у ависов в ходу то же самое. Видимо, на каком-то отрезке их истории потлач заменил войны. В животном мире, вообще говоря, внутривидовые смертоубийства не такая уж редкая штука, но обычно проблема решается менее... э-э-э... кардинальным образом. Возможно, опять же, изначально это были «подарочные» турниры за благосклонность той или иной дамы сердца. Затем они стали играть другую роль: превратились в нечто вроде соревнования — собственно, как и на Земле.

— Но почему сейчас ависы считают их чем-то запретным и опасным?

— Ну, Слава, это как раз проще всего. Знаете, иногда потлач приобретает весьма... э-э-э... специфические формы. Соперничество приводит к чрезмерной расточительности, просто к уничтожению всех накопленных благ. Это, так сказать, высшая форма, невероятный шик. В двадцатом веке, знаете, некоторые богатые господа поджигали пачку денег и от нее прикуривали. Вот в потлаче есть свой аналог. У одного из племен североамериканских индейцев наиболее дорогим металлом считалась медь — так представьте, медные слитки просто швыряли в озера — словом, попросту уничтожали. И понимаете, такой механизм выявления социального статуса — он без предохранителей, теоретически это может продолжаться до бесконечности, а толку... Ничего удивительного, что цивилизация, достигшая такого уровня, как у ависов, отказалась от потлача.

— Значит, — уточнил Миша, — все дело в том, кто первым сделает подарок, которого другим не перебить?

— С поправкой на то, что мы можем только догадываться об их системе ценностей.

— Федор Мелентьевич, но ведь правила задают не они. А у ГЦ могут быть другие представления о победивших и побежденных. Хотя в целом ваша версия лично мне очень...

— Перестаньте, Домрачеев, — отмахнулась Эмма. — Это все домыслы и фантазии. Я общалась с представителями ГЦ, кое-что о них знаю. Все, что описывает уважаемый Федор Мелентьевич, — варварство. Пережитки прошлого. ГЦ не стал бы устраивать нам *такое* соревнование:

Академик Окунь широким жестом указал на комнату. Вдоль стен были сложены отинвентаризированные Эммой микроскопы, кастрюли, кресла, стальной плуг и даже ножницы.

— Возможно, — тихо сказал он, — мы сами это устроили. Я устроил. Они просто посмотрели на то, с чем именно мы явились, и решили пойти нам навстречу. Может, даже именно с учетом этого подобрали нам «поединщиков».

Эмма решительно возражала — и тогда, и позже. Она считала, что версия о потлаче «слишком земная», что ГЦ «не столь наивны», что, наконец, глупо устраивать соревнование между представителями двух настолько разных цивилизаций.

Академик был сбит с толку и, кажется, даже огорчен пылом, с которым Эмма доказывала его неправоту. Миша ходил мрачный и демонстративно в споры больше не вмешивался.

Впрочем, Павлыш отметил, что выбор подарков — по некоему случайному совпадению — соответствовал теории о потлаче.

Ровно до сегодняшнего дня.

«Ладно, — подумал он, закрепляя парусину, — может, все обойдется. Может, ависы не воспримут этот

подарок как оскорбление. И не угрожают себя, пользуясь им».

Он привстал и обменялся взглядом с Мишей. Тот уже собрал свой агрегат и теперь стоял окруженный со всех стороны галдящими ависами. Сейчас братья по разуму действительно выглядели словно куриный выводок... или даже нет, скорее как слетевшиеся к туше стервятники. Они орали хриплыми, яростными голосами, Трепотун даже пару раз тяпнул Хранителя смыслов за крыло.

Только Отец по-прежнему сидел на коряге и делал вид, что слушает академика. При этом, однако, то принимался чистить перья, то топтался на месте, как будто устраиваясь поудобней. Академик героически пытался не замечать того, что творилось вокруг; он кое-как завершил свою лекцию и предложил задавать вопросы. Обычно следующие полчаса-час уходили на разъяснения, ависы были чрезвычайно любопытны и спрашивали порой о каких-то вовсе невероятных вещах.

Сейчас же Отец лишь кратко поблагодарил академика за лекцию, после чего развернулся к Эмме и уставился на нее с едва сдерживаемым нетерпением.

Эмма глянула на Славу и Домрачеву, застывших рядом с подарками.

— Сегодня, — сказала, — мы принесли вам не совсем обычные предметы. Каждый взрослый авис уже обладает даром полета. Но эти устройства позволяют подниматься намного выше и держаться в воздухе дольше обычного. Мы называем их «дельтапланы»...

Она замолчала.

В воцарившейся тишине было слышно, как сдерживают дыхание ависы. Горла у них раздулись, хохолки распушились, и взгляд сделался стеклянным, как у чучел в старинных зоомузеях.

Мысль эта показалась Павлышу необычайно важной, но почему — он так и не успел сообразить.

Вдруг, разом, ависы издали дикий вопль. Распахнув крылья и ритмично припадая к земле, они двинулись на Эмму. Домрачеев переглянулся с Борисом и Славой, прихватил гаечный ключ и шагнул, чтобы встать между девушкой и птицами.

Он не успел. Никто из них не успел.

Ависы уже обступили Эмму плотным кольцом — и, заорав, выпрямились. Они запрокинули головы, обнажили горло, и смотрели, кося желтыми глазами; смотрели на Эмму, не отводили взгляда.

Это продолжалось с минуты, и Павлыш, к счастью, перехватил Домрачеева прежде, чем тот вмешался. А Борис поглядел на академика, с невозмутимым видом строчившего что-то в блокноте, на Светлану, которая заслонила собой детей, — и просто кивнул.

— Сей соревнодар... — Отец запнулся, видимо, ему было неудобно говорить с вывернутой шеей. — Превозмог чаянья... превозмог... он... мы... повержены ниц и благодарим. Благодарим!

— Благодарим! — выкрикнули по-птичьи ависы, а переводчики дружно проскрежетали то же на русском. — Благодарим!

Воцарилась тишина. Слышно было, как где-то вдалеке тенькает одинокая птица — вполне себе неразумная и счастливая.

— Неужели весь этот бедлам прекратится, — пробормотал Миша. — Неужели мы наконец вернемся домой?

Отец услышал его и зачирикал переливисто, протяжно. Павлыш уже знал, что такие трели у ависов означают смех.

— Вы предвосхитили наш следующий дар, — сказал Отец. — Мы готовили его для вас с самого начала, все эти дни, но вы — предвосхитили. Ритуал завершен, однако мы — в качестве признания и благодарности — все-таки вручим его вам.

— Это... очень приятно, — медленно произнесла Эмма. Ависы по-прежнему стояли вокруг нее, вывернув шеи. — И мы с благодарностью его примем, что бы это ни было.

— Дом, — заявил Отец — и остальные птицы согласо подхватили: — Дом! Дом! Дом!

— Вон там. — Он указал крылом на исполинские деревья. — Мы вырастили для вас домодрево и смиренно просим поселиться в нем.

— О, — сказала Эмма. — Но у нас уже есть...

Потом она осеклась, видимо, заметив что-то такое во взгляде Отца, и кивнула:

— Да, конечно, для нас это великая честь.

— Ну, по крайней мере, это ненадолго, — шепнул Павлышу Домрачеев. — Думаю, максимум до вечера — а потом в криованны и на родную матушку Землю!

Павлыш скептически промолчал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Толковище

Катерина. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и все поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы, и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то, будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то...

А. Н. Островский. Гроза

6

На лекцию в этот раз Павлыш не пошел: у него вот-вот должны были родить хлебемоты. Пышка последние пару дней лежала на боку и совершенно человечьи вздыхала, а Крендель стал смирным, отка-

зался наконец от своих хулиганских привычек и даже не пытался залезть к Павлышу в гамак.

За полчаса до полудня Пышка вдруг хохотнула, зажмурившись и прижав к голове длинные уши с пушистыми кисточками. Потом в выложенную сухим мхом воронку, рядом с которой устроилась Пышка, посыпались «хлебцы». Только на сей раз это не были неоплодотворенные яйца, они оказались крупнее и темнее, и буквально через минуты три, как только Крендель потерял о каждое шершавым лбом, из них стали выбираться хлебемотики — совсем крошечные, не крупнее сверчка.

— Пятнадцать, — сказал Пышке Павлыш. — Да ты у нас, старушка, мать-героиня.

Пышка кашлянула со значением, потом закрыла глаза и захрапела.

Над храпом Павлыш бился последние несколько дней, но без соответствующих приборов — да что там, без хорошей лаборатории! — разобраться в том, какой ген за него отвечает, не мог. Это ависы как-то ухитрились запросто перестроить своих кормовых животных так, чтобы те не просто производили «хлебцы» с другим вкусом, но и издавали звуки, похожие на человеческие. Павлышу оставалось только яростно, по-черному завидовать... ну и жалеть о том, что в домодреде нет ни одной двери.

Настоящий космолетчик, говорил он себе, должен спать в любых условиях, даже когда наглая тварь Крендель забирается к тебе в гамак.

Наглая тварь в такие моменты просыпалась, глядела на Павлыша невинным взглядом и хмыкала басом.

— Теперь, Крендель, ты отец и должен подавать пример подрастающему поколению, — сказал Павлыш. — Так что про гамак забудь, раз и навсегда.

Он привычно пригнулся, выбираясь наружу, встал на ветке и как следует потянулся — чтоб аж хрустнуло

в позвоночнике. Павлыш поглядел вниз, туда, где на поляне между домодревами с некоторых пор собирались нечаянные поселенцы, — но сейчас там было пусто.

— Странно. Неужели Урванцы подбили всех на...

И тут он вспомнил и чертыхнулся. Потом подбежал к стволу и по ребрам, спиралью охватывавшим все домодрево, стал карабкаться вверх.

Ависы вырастили свой последний подарок для людей буквально за неделю, и дерево было значительно ниже остальных; впрочем, Павлыш был им за это только благодарен. Не то чтобы он боялся высоты, просто... всему же есть пределы, верно?

Вскарабкавшись на смотровую площадку — узкую, охваченную по периметру естественным ограждением из веток, — он запрокинул голову — и почти сразу заметил две скользящие по небу точки.

Дельтапланы шли ровно и плавно, и Павлыш, вдрызг разругавшийся вчера с Домрачеевым, облегченно вздохнул. По крайней мере, Отец разобрался с управлением и не сплеховал. Если всем им повезет, полет закончится нормально. Если нет... ну что ж, Эмма подстрахует. Все-таки чемпион по дельтапланеризму... хотя Павлыш и не был уверен, что это поможет, если вдруг...

Но о таком он старался даже не думать.

Ветер трепал шевелюру, и в который раз за последние несколько дней Слава напомнил себе: нужно сходить в Отель за ножницами и попросить Светлану, чтобы подстригла. Сколько всякой ерунды перетаскивали в домодрево, а элементарную вещь забыли.

Правда, поначалу никто не думал, что это надолго. Ждали, что с минуты на минуту явится вергилий и отправит их всех обратно в криованны, а потом — на родные планеты.

Но ничего не изменилось ни к вечеру, ни на следующий день... и стало ясно, что они застряли здесь на-

долго. Что ничего не закончилось... если вообще начиналось.

— Да какая, господи, разница! — заявил в сердцах академик Окунь. Они только осваивались на новом месте, и он рассеянно бродил по общему залу, устроенному на одном из верхних «этажей» домодрева. То и дело касался пальцами гладких стен с причудливым, слегка мерцавшим узором. Запинался, рассеянно моргал, что-то все время записывал в рабочий блокнот. — Разницы, друзья мои, нет совершенно никакой! Нам дан уникальный шанс: вплотную познакомиться с бытом ависов. Лучше понять их! К чертям собачьим все эксперименты и соревнования! Мы же ученые — так давайте вести себя соответственно!

Сам он был в восторге от открывавшихся перспектив. Как прежде в Отеле, так теперь в домодреве академик изучал все вокруг: комнаты на каждом ярусе, устройство ребер-ступенек, сложную систему симбиотических связей...

Больше всего поражало то, с какой скоростью ависы «лепили» из подручных материалов новые формы и виды. Помимо домодрева для людей, они за пару дней создали на одном из холмов стартовую площадку для дельтаплана, а сейчас на юге выращивали новую домопущу и нечто вроде эстрады — как подозревал Павлыш, чтобы все «симпозиумы» перенести туда.

Главный вопрос, на который земляне ответа пока так и не получили: каким образом цивилизация ависов смогла добиться таких успехов в биоинженеринге. Ведь совершенно ясно было, что они не имеют ни малейшего представления о строении клетки, существовании ДНК и РНК, — да и как могли бы, при полнейшем отсутствии лабораторий, электронных микроскопов, мощных ЭВМ?..

— Подозреваю, — с восторгом заявлял академик Окунь, — мы и не поймем. Потребуются месяцы ра-

боты, друзья мои! Месяцы! А пока давайте просто наблюдать за происходящим, анализировать, делать выводы — и не отказывать себе в простой человеческой радости: смотреть на этот мир глазами изумленного ребенка. Ведь вокруг столько чудес! Слава, что вы хмуритесь? Ведь еще не так давно, на «Антее», вы готовы были пожертвовать ради научного подвига двадцатью шестью годами своей жизни.

Павлыш кивал, улыбался...

Тогда, думал он, у меня была надежда. Я был глупый и влюбленный, а сейчас — только влюбленный. И никакой надежды, абсолютно никакой. И даже работа не спасает.

На «Антее», к слову, хватало свободного пространства, и при желании ты мог избегать неприятных тебе людей. Спокойно отдаваться научному подвигу. А здесь, в домодреве, ты вынужден сталкиваться нос к носу... по сотне раз на дню... принимать как должное все колкости, все... это. И даже не знаешь, как себя с ней вести, она же не Лилит, не Медея — Снежная королева.

И все-таки иногда ему нравилось здесь. Он возился со зверьми, которых надали вместе с домодревом ависы, и это было чертовски интересно. Юные Урванцы даже стали звать его «дядя Слава Айболит» — и это, пожалуй, ему тоже нравилось.

Стоя на смотровой площадке, Павлыш щурился, отбрасывал рукой непокорные волосы и представлял, что на самом деле никакого испытания нет и не было. Они просто повстречали собратьев по разуму и ищут общий язык — и разумеется, найдут, и таким образом обогатят друг друга...

Дельтапланы — оранжевый и серебристый — прошли над самыми верхушками домодрев, потом серебристый рванул в сторону холмов, туда, где они должны были приземлиться.

— Ну а что, — сказал Павлыш, — для первого раза неплохо.

Конструкцию подправили, чтобы Отцу было удобнее управлять, Домрачеев работал под чутким руководством Эммы, и Павлыш только удивлялся, как он терпит ее заносчивость и язвительность. Удивлялся и завидовал.

Серебристый плавно развернулся над холмом, оранжевый не отставал. На соседнем холме — видел Павлыш — стояли зрители: академик, вся семья Урванцов, Домрачеев; а над холмом парили, раскинув крылья, взрослые ависы. Солнце превратило их перья в самоцветные пластины: изумрудные, бирюзовые, яхонтовые.

Вдруг серебристый начал по спирали идти вверх, выше и выше. Оранжевый сделал круг над посадочным холмом, затем двинулся вслед за серебристым.

— Что за?.. — прошептал Павлыш. — Какого дьявола он?..

Серебристый чуть качнул крыльями, затем набрал скорость.

— Пленка! — заорал Павлыш. — Там же где-нибудь обязательно должна быть Пленка, курица ты безмозглая!

На соседнем домодреде из листвы выглянули три взъерошенных головы.

— Вам плохо? — спросила одна из птиц. Кажется, это была Вторая жена, Слава пока так и не научился их различать.

Он покачал головой:

— Мне — нет.

Серебристый дельтаплан поднимался все выше.

А что, подумал вдруг Павлыш, это даже может оказаться решением. Жестокий, но... решением. Если Отец разобьется, нам засчитают победу, и отправимся наконец...

Он с отвращением ударил кулаком по ограде. Но взгляда от двух точек не оторвал.

Серебристая вдруг развернулась, легла на крыло и ринулась вниз. Миновала оранжевую и пошла по крутой дуге прямо к холму.

И аккуратно, словно всю жизнь только так и делала, — села. К ней уже бежали люди, летели ависы.

Лишь одна фигурка стояла на соседнем холме и, как Павлыш, не сводила взгляда с небес.

Они увидели — он и Домрачеев — как оранжевый дельтаплан развернулся, чтобы уйти вслед за серебряным, но вдруг вместо этого кувыркнулся и стал падать — не по дуге, а отвесно, прямо вниз. Кажется, Миша что-то кричал. И ависы, похоже, услышали его: они вдруг изменили направление полета и метнулись наперерез, к падающей оранжевой точке.

Все происходило медленно, как будто в дурном сне или в кино с замедленной съемкой. Ависы ухватили дельтаплан сверху — ухватили ногами, конечно, а крыльями отчаянно махали, пытаясь удержаться в воздухе. Падение замедлилось, почти прекратилось, и Павлыш наконец облегченно выдохнул. Он заметил, что держится за перила. Отпустил их, под ладонями что-то хрустнуло.

Вдалеке закричали.

Ависы летели и держали в когтях дельтаплан... точнее, его фрагмент. Остальное упало на склон и покатилося, Павлыш увидел рыжее пятнышко, костюм Эмма подобрала под цвет волос, подумал он, как глупо, даже здесь, когда не перед кем...

Потом он метнулся в комнаты, зашарил, выворачивая ящики, в поисках нужных медикаментов, потом сообразил, что все сложено в саквояж, старый, допотопный, и откуда он только взялся в Отеле... Павлыш выскочил, держа саквояж под мышкой, потом вернулся, сдернул со стола телефон, запихал в саквояж

и стал спускаться, напоминая себе, что нельзя спешить, навернешься со ступеней — никому от этого лучше не станет, в конце концов, у них там в дельта-планах аптечки с первой помощью, ты же сам проверял, а Борис наверняка умеет... да и Окунь, конечно...

Он помчался к холмам, размахивая саквояжем, — добрый доктор Слава Айболит — и шептал только одно: «Успеть, успеть, я должен успеть!»

Когда он прибежал, ее уже освободили от упряжи. Судя по всему, успели вколоть обезболивающее — и теперь накладывали шину.

— Так, медленно и в деталях — что сделано?

Борис и Миша в два голоса рассказали. Домрачев за чем-то добавил растерянным голосом:

— Все, как ты говорил на уроках.

— Молодцы. Готовьте носилки, только обязательно с ровной прямой поверхностью, и...

— Понесем ее в Отель?

Слава прикинул расстояние.

— Слишком далеко. Проще в домодрево. Но подожди, вот я болван!..

Он поднял отброшенный в сторону телефон, поставил на землю, за чем-то положил трубку на рычаги, а потом взял и приложил к уху.

Тишина по ту сторону. Все такая же глухая, безжизненная тишина.

— Слушайте, — сказал Павлыш, — вы, там... я же знаю, что вы слушаете и следите. У нас тут ЧП... серьезная травма. Требуется вмешательство. Немедленное, вы понимаете?!

Тишина.

Потом что-то оглушительно клацнуло и железный голос произнес:

— Уточните. Вы заявляете о финише, фиаско, обрыве сражения?

Кто-то ухватил Славу за щиколотку и сжал так, что он даже вскрикнул.

Эмма держала крепко, смотрела ясным, презрительным взглядом.

— Не смей! Я запрещаю, слышите, Павлыш! Вы — тогда, на «Антее»... вы же не повернули! Не смейте, приказываю продолжать! Федор Мелентьевич, Борис, проследите, чтобы!.. Проследите!

— Уточните, — повторили в трубке. — Вы заявляете о финише, фиаско, обрыве سرا...

— Нет, — тихо и невнятно сказал Слава. — Не заявляем.

Он положил трубку и опустил телефон на траву.

— Вот так, — произнесла Эмма. — И готовьтесь к операции, Павлыш. Я знаю, вы справитесь. Обезболивающего хватит?

Слава не стал отвечать — не видел смысла. Она все равно уже потеряла сознание.

— Простите. — Это был Отец. Он подошел, за ним тянулись перекушенные стропы. Видимо, никто не догадался освободить ависа из упряжи, все были заняты Эммой. — Простите. Я-древность слишком увлекся. Я-память забыл про инструкции, советы, наставления вашей Матери. Она была... она была достойным представителем вашего рода. Великим.

— «Была»?! — Павлыш непонимающе заморгал. — Что вы... о, нет, она жива, разве вы не видите?

— Конечно, вижу, — закивал Отец. Обрывки строп закачались, словно диковинное украшение. — Но она жива-мертва, это я тоже вижу.

— Нет, — отмахнулся Слава, — она, конечно, потеряла сознание, но это ничего. Все будет хорошо, мы сделаем операцию... Эмма будет жить, это я вам гарантирую.

Авис издал изумленный крик и отшатнулся. Остальные его сородичи, похоже, были в ужасе.

— Вы... оставите ее? Но это жестоко, бесптично, преступно!

— Наверное, — вмешался Борис, — мы недопонимаем друг друга. Но простите, Отец, сейчас не время обсуждать разницу в наших взглядах. Нам необходимо спасти нашу... Матерь.

Ависы возмущенно заорали, Изгибатель и Растяпа тут же взлетели в воздух и принялись описывать круги над холмом, продолжая надрывно кричать.

Отец посмотрел на людей так, будто видел их впервые в жизни.

— Это жестоко, — повторил он. — Но это ваш выбор. Однако если вы собираетесь спасти ее и собираетесь отнести ее в свое домодрево, лучше присматривайте за ней.

Он побежал прочь, подпрыгнул, захлопал крыльями и тяжело взлетел. Стропы развевались на ветру, сверкали серебристым.

— Чушь какая-то, — сказал Павлыш. — Ладно, собрались. Домрачеев, что у нас с носилками? Светлана, Федор Мелентьевич, давайте в домодрево, готовьте мне стол для операции. Борис, поможешь мне с Мишей нести ее, а вы, ребята, дуйте в Отель, я вам сейчас составлю список. Федор Мелентьич, поделитесь ручкой и листком? Отлично!.. Она у нас еще танцевать будет, верно я говорю, Домрачеев?

— И не надейтесь, — просипела Эмма. — С детства ненавижу танцы.

Потом Павлыш думал, что если бы не муравьи, все могло закончиться совсем по-другому. А ведь он просто замотался и забыл насыпать им картофельных очисток.

Конечно, с голоду муравьи не померли бы. Начали бы пожирать друг дружку. Но как раз это Павлыш

ша категорически не устраивало, так что пришлось с полпути поворачивать обратно.

— Не страшно, — сказал он остальным, — я догоню. Вы там пока складывайте, что нужно, все равно за один раз все не перенесем. О, слушайте, я же ножницы еще не вписал, Миш, не забудешь взять?

— Да ты про ножницы уже всем уши прожужжал. Давай, Мичурин, спасай своих крокодилов от голодной смерти.

За последние дни — с тех пор, как Эмма пошла на поправку, — Домрачев ожил и воспрянул духом. Он полностью игнорировал ее язвительные замечания и ледяной тон, приносил ей очищенные фрукты, пытался развлекать сводками новостей из жизни людей и птиц, следил, чтобы соблюдала режим и не слишком часто ходила. К счастью, ависы сильно замедлили падение дельтаплана, и травмы оказались не такими серьезными, как боялся Павлыш. Уже сейчас Эмма довольно сносно хромала по комнате, даже выбиралась на ветку, хотя там Домрачев не отходил от нее ни на шаг. Он и в Отель ушел только после того, как Эмма поклялась, что будет ждать их всех в комнате.

Слава шагал обратно и старался не думать о том, что будет, если еще кто-то упадет или случится другая катастрофа. Доставит ли вергилий новые медикаменты? Или придется выкручиваться с теми, что остались?

От ависов помощи ждать не приходилось: все их изобретения были связаны с профилактикой, а не с лечением заболеваний. К тому же птицы до сих пор не смирились с тем, что соседи выходили на своих «Мать». И Отец, и младшие ависы старательно избегали разговоров на эту тему, перестали навещать в гости и вообще делали вид, будто инцидента с дельтапланами не было. Дважды Домрачев и академик как бы невзначай упоминали об Эмме — и всякий раз

взгляд ависов стекленел, перья топорщились, из горла доносился рваный клекот...

— Оставим их в покое, — предложил Борис. — Может, это защитная реакция на то, что они считают собственной виной.

Павлыш очень сомневался, но возражать не стал. Он, кажется, начал догадываться, как устроен их социум, — и мысль эта сильно его тревожила.

Шагая между домодревами, он машинально запрокинул голову. Все как обычно: текли по стволам ниточки муравионов, в ветвях чирикали рассказчики — ему даже показалось, он узнает мелодию; потом он заметил двух гекк-ависов, спустившихся по стволу почти до самой земли и с увлеченным видом наблюдавших, как падают в клепсидре капля за каплей. Павлыш кивнул им. Малыши уже перестали бросаться на людей, иногда даже принимались чирикать что-то бессвязное, с отдельными узнаваемыми словами. То ли растут и умнеют, то ли привыкли к чужакам...

Он взобрался по лестнице в центральный зал. Оттуда по внутренней, винтом уходящей вверх, заскочил к Эмме. Просто так.

Ладно, признался он себе, поднимаясь, — дурное предчувствие, но оно же гроша ломаного не сто...

В комнате Эммы не было.

Расстеленная прямо на полу кровать, низкий столик с лекарствами и книжкой, стакан воды. Одинокая лампулитка ворочается на стене, пытаясь догнать сдвинувшийся лучик солнца.

— Так быстро?

Он оглянулся. Девушка стояла у арки, ведущей на ветку. Поймала его взгляд, отмахнулась:

— Перестаньте, Павлыш. Если еще и вы начнете... Мне и так Домрачеев проходу не дает. Двух нянек я не переживу.

— Постельный режим...

— Я знаю, знаю. Слушайте, Павлыш, не говорите ему ничего, ладно. Ваш Миша... он очень впечатлительный и будет переживать. Я просто подышу воздухом, хорошо? Подышу и сразу в постель, вот вам слово. — Она посмотрела на него внимательнее: — А вы... вернулись за чем-то?

Он объяснил и, чтобы замять неловкость, поспешил уйти. Муравионы уже беспокойно копошились в громадном горшке, куда их пришлось пересадить после того, как колония разрослась. Слава кинул им очисток, капнул воды в плошку — и по внутренней лестнице поспешил вниз.

Только у края древо-города сообразил, что слишком торопился и забыл накрыть горшок. Чертыхаясь и проклиная себя, помчался обратно. На бегу едва не врезался в клепсидру — и мимоходом порадовался, что гекк-ависов там уже нет. Не хватало только спугнуть; столько времени приучали — и все пошло бы насмарку.

Впрочем, сейчас насмарку — а точнее, наружу — могли отправиться «картофельные» муравионы. Он на полсекунды остановился под домодревом, чтобы отдышаться, смахнул с лица пот, провел пальцами по влажной макушке.

И вдруг обнаружил, что пальцы — в красном.

Провел другой ладонью — скорее растерянно, раздраженно: тут каждый пластырь на счету, а я, дубина, порезался...

Потом с ужасом запрокинул голову кверху — и увидел, как прямо на него падают одна за другой капли. Как в клепсидре.

Закричал отчаянно, помчался наверх.

Эмма лежала на ветке, у самого края; бинты на груди и предплечье были изорваны, рассечены, они пропитались кровью, и сейчас она капала вниз... пока еще только капала.

Павлыш огляделся по сторонам, но рядом не было ни гекк-ависов, ни призраков — никого вообще, только цепочка муравьионов деловито ползла к лужице крови и обратно.

Он подхватил Эмму и понес в комнату, закусив губу от ужаса. Из Отеля явятся в лучшем случае через час, а в худшем... а если ависы решили атаковать, о господи, что тогда? Забаррикадироваться, закрыть чем-нибудь все три выхода, ждать возвращения своих... но как предупредить их? И что с Эммой?!

Она дышала, и пульс еще прощупывался. Слава разрезал бинты, увидел глубокие, рваные раны и застонал от отчаяния. Потом со всего маху стукнул себя кулаком по лбу: не раскисай, соберись. Кто и почему напал — это после, сначала — раны. Промыть, зашить, перебинтовать — давай, доктор, работай, ты сюда для того и приглашен, чтобы спасти чужие жизни!

— У меня нож! — крикнул он в пустоту. — Слышите: длинный и острый нож! И только попробуйте, твари, сунуться! Я вам устрою контакт разумов, слышите! Полный и летальный контакт!

Дальше он помнил плохо. Сознание отключилось, руки сами знали, что делать. Он принес и поставил рядом с кроватью сразу трех лампулиток, притащил воду, вскипятил на горелке, и потом принялся за дело. И выполнил все как следует — как учили в Космическом институте. Профессор Пекур была бы им довольна. По крайней мере, когда он пришел в себя, Эмма была перебинтована, на полу лежал моток ниток, в тазике плавала иголка.

— Выходи, я тебе просвищу серенаду!.. — раздавалось вдруг снаружи. — Кто еще серенаду тебе просвистит!..

Все это сопровождалось нарочито небрежными, разухабистыми аккордами — и Павлыш заулыбался, как дурак.

— Эмма Николавна, учтите, я тащил гитару через поле, холмы и густой лес только и исключительно ради вашего...

Домрачев осекся, а кто-то — кажется, академик, — тихо произнес:

— Да это кровь, Миша. И пролилась не так давно, я думаю, с час-полтора назад.

Застучали по ступеням башмаки, снизу, из зала, донеслось придушенное: «Где же?!» — а потом в комнату ворвался Домрачев. Гитару он держал за гриф и, кажется, готов был разбить ее о чью-нибудь голову.

— Тише, — медленно сказал Павлыш. — Она пока не пришла в себя, но... все хорошо. Теперь осталось найти тех, кто это сделал. Что вы там? Добрались без проблем?

— Ножницы забыли, — сообщил академик Окунь. — Мы, собственно, пока вдвоем, решили проверить, не случилось ли с вами чего. Урванцы остались в Отеле, и я теперь боюсь, как бы... хм... Дайте-ка я погляжу, что с ней. Перебинтовали вы профессионально. Упала? О, сам вижу, что нет. Резанные раны, да? Иглу прокаливали?

Павлыш вкратце пересказал все, что случилось.

— Значит, детеныши? — Домрачев зашагал по комнате. Взгляд у него был бешеный. — Детеныши, Слава? Об этом нас предупреждал Отец?

— В том-то и дело, — покачал головой Павлыш. — Слишком глубокие раны. А у гекк-ависов мелкие зубы и совсем никчemuшные когти. И потом, неужели Эмма не отбилась бы от детенышей? Да даже и от взрослых, даже в ее состоянии...

— Тогда кто?!

— Я тут прикинул... Может, это призраки, а, Федор Мелентьевич?

— Слава... хм... а вам не кажется, что они для этого не достаточно... э-э-э... телесны?

— Мне кажется, мы ни черта о них не знаем. Мы ни разу не видели ни одного вблизи. Ни разу не касались... Как мы можем судить об их «телесности»? Мы называли их призраками, но это... это всего лишь слово. Раньше я думал, они — это те, кто не прошел испытание и застрял здесь навеки. Но это же мистика какая-то, да?

— К чему ты ведешь, Павлыш? — уточнил Домрачев. — Давай скорее, в Отеле, между прочим, люди ждут. И им может угрожать то же, что и Эмме.

— Веду я вот к чему. Призраки — это зрители, моему. Азартные зрители. А живут они в другом — ускоренном — потоке времени, поэтому мы и видим их так, фрагментарно. Или, может, они просто умеют по собственному желанию его ускорять или замедлять: ну, вот как ты перематываешь фильм, когда там нет ничего интересного. Эти азартные игроки, — продолжал Павлыш, — возможно, даже делают ставки на то, кто выиграет: ависы или мы. И возможно, говорю я себе, нашелся какой-нибудь один — слишком азартный или недостаточно честный — кто готов подтолкнуть чаши весов в нужном ему направлении. Например, убрать одну из фигур с игровой доски.

— Но это же дико, Слава! Вы предлагаете считать представителей ГЦ чем-то вроде варваров!

— Федор Мелентьевич, потлач — тоже не самый современный ритуал. И что бы там ни говорила о ГЦ Эмма, они не вмешались, чтобы спасти ее, даже вергилия не прислали. И сейчас, заметьте, их доблестной кавалерии что-то не видно на горизонте, да?

Они замолчали. Слышно было, как снаружи галдят на домодревах ависы.

— Хорошо. Допустим, в качестве рабочей версии — отчего бы и нет. И что вы предлагаете?

— Если я прав, — спокойно сказал Павлыш, — и если они уже знают, что я догадался, значит, мы

на осадном положении. Мы не знаем, каковы правила для зрителей. Не знаем, нарушили их призраки или нет. Нам придется предполагать самое худшее, а это значит — быть начеку и действовать очень быстро. Миша, ты идешь за Урванцами. Пусть бросают весь хлам, берут самое необходимое. И мигом сюда. Вы, Федор Мелентьевич, попытайтесь позвать кого-нибудь из ависов и уточните, что у них там за галдеж. Я буду на подстраховке — ну и присмотрю за Эммой. Вроде бы я сделал все нормально, но... — Он вдохнул и сказал наконец о том, чего боялся все это время, с тех пор, как увидел Эмму раненой. — Если на когтях или лезвиях, которыми ее кромсали, был ад...

— Не забывай еще кое о чем, — заметил Домрачев. Он уже стоял у входа, одна нога — на лестнице. — Тот, кто это сделал, может вернуться. Если Эмма придет в себя, она наверняка его или ее выдаст. Я постараюсь раздобыть какое-нибудь оружие, хотя, боюсь, у нас в запасе есть только палки-копалки и зулусские дротики.

— Я решил, что огнестрельное оружие — не то, чем следует гордиться нашей цивилизации, — с достоинством пояснил академик.

— Ладно, я побежал. — Домрачев исчез.

— Федор Мелентьич, — позвал Павлыш. — Вы там поосторожней, хорошо?

— О, разумеется! Мы с ависами давно нашли общий язык, так что недоразумений быть не должно.

Вернулся академик спустя полчаса, весьма обескураженный.

— Это, знаете ли... невероятно странно, да. На мои вопросы никто толком отвечать не стал. Все возбуждены... вот как — помните? — когда мы вручали им подарки. Очень возбуждены. Галдят, мечутся... Да вы и сами слышите, верно?

— Я решил было, что весь этот грай из-за вас.

— Не знаю, Слава, из-за чего. Но странно, очень странно. Полагаю, нам лучше поискать что-нибудь... хм... получше зулусских дровиков. И позаботиться о том, чтобы забаррикадировать входы. Сможем мы перенести Эмму Николаевну в общий зал, где родник? И перегоните туда хлебемотов, наверное...

Они принялись за работу: сперва перенесли все необходимое, затем вдвоем, очень аккуратно, опустили вниз Эмму. Она забормотала какие-то слова, сбивчиво и по-детски отчаянно, но Слава так и не понял, что именно.

Когда прибыли Миша с Урванцами, зал был уже оборудован для возможной осады.

— Есть новости? — с порога спросил Домрачев. — И чего так тихо у ависов?

— Да нет, напротив, они галдят как оглашенные... — начал было академик — и осекся. Действительно, за то время, пока они с Павлышем занимались охранными мерами, шум на улице стих.

— Вы говорили с ними о призраках?

— Боюсь, не совсем удачно. Изгибатель меня вовсе не захотел слушать, Хранитель смыслов бормотал нечто нечленораздельное, а Растяпа был слишком увлечен спором с Третьей женой. Что-то о ночных древнепеснях, что ли... боюсь, переводчик здесь недопонял или соврал. А Отца я не заметил, возможно, он...

— Отец, — вдруг отчетливо произнесла Эмма.

Они замолчали и обернулись к кровати: Эмма пришла в себя и смотрела на них ясным, внимательным взглядом.

— Помогите, — велела. — Помогите подняться.

— Это исключено! — Слава оглянулся на остальных. — Слишком большие кровопотери, я, как врач, прописываю постельный режим!..

— К черту постельный режим, Павлыш! Вколите мне что-нибудь, чтобы я могла внятно говорить

и нормально двигаться. Приказываю как руководитель группы.

— Что происходит? — вмешался Борис. — Эмма Николаевна, кто на вас напал? Призраки? Детеныши? И почему?

— Какие призраки?! Я же говорю: Отец! И ему помогал Хранитель смыслов. Они пролетали мимо, заметили меня и атаковали — сразу, не сговариваясь.

— Хорошо, и чего вы хотите? Обвинить их?

— Я хочу поговорить с ними, и немедленно. Мы все — безмозглые дураки! И я — в первую очередь! Помните, Павлыш, я говорила о том, что во время контакта ошибки неизбежны?

— «И с помощью ошибок нам нужно научиться выявлять разницу и принимать ее как должное»? Извините, наизусть не заучил, цитирую по памяти.

— Павлыш, мне, похоже, очень повезло с вами. Если бы вы так же лечили, как пытаетесь шутить... ч-черт! Да помогите же, дайте руку!

Миша бросился ее поддержать, Борис исчез и вскоре вернулся с крепкой палкой, которую можно было использовать как костыль.

— И о чем, скажите на милость, вы... э-э-э... намерены с ними разговаривать?

— О том, Федор Мелентьевич, о чем прежде молчали. О табу. О запретах. Разве вы не понимаете? Отец и Хранитель смыслов не виноваты. Я сама их спровоцировала, когда вышла — еще не до конца вылечившаяся — наружу.

— Я вот другого не понимаю, — заметил Борис. — Куда делись все ависы? На домодревах, похоже, никого не осталось. Сбежали?

Эдгар солидно прокашлялся и подождал, пока все обратят на него внимание.

— Это просто, — сказал он. — Ависы улетели на толковище, петь свои древнепесни.

— Куда?! — хором спросили сразу несколько человек.

И только Светлана уточнила:

— А ты, скажи на милость, откуда это знаешь?

— Так нам гекк-ависы рассказывали. Они еще обсуждали, кто кого оборет.

Домрачеев с мрачным видом процитировал:

— «Все, от нас до почти годовалых, толковище вели до кровянки».

Он очень любил древнего поэта Высоцкого, из-за него, собственно, и начал петь.

— И что теперь? — Светлана прижала к себе сыновей. — Вы предлагаете идти к этому... толковищу?

— Инъекцию, Павлыш! Или таблетку! Чем раньше мы с этим закончим, тем лучше. В том числе, для вашей пациентки. Давайте, ну же!

— Действуй, Слава, — кивнул Домрачеев. — А вы, бойцы, знаете, где находится это ваше толковище?

— Я не отпущу их! Борис!..

— Мы пойдем все вместе. Неизвестно, где им безопаснее: здесь или там. — Урванец-старший достал из вороха принесенных вещей узкий кожаный пакет и развернул его. — Эти штуки называются «ассегаи». Не спрашиваю, умеет ли кто-нибудь пользоваться, просто держите при себе.

— Не будем ли мы выглядеть... э-э-э... слишком вызывающе?

— На это, — спокойно ответил Борис, — я, в общем-то, и рассчитываю.

Они шли в сгущавшихся сумерках по сухой, хрусткой траве и негромко перебрасывались фразами, пустыми и бессмысленными. Ассегай непривычно оттягивал руку, Павлыш то и дело перекладывал его

из одной в другую, но все никак не мог к нему приноровиться.

Еще он нес саквояж. На всякий случай.

Новая домопуща за последние дни значительно подросла и теперь напоминала самую обычную рощу или сад. За стволами проглядывали огни, звучали голоса.

— Только не спешите, — в который раз повторил академик Окунь. — В конце концов, мы ведь всех их хорошо знаем, верно? Мы столько времени провели вместе, общались, делились друг с другом... э-э-э...

— И два ависа, которых мы очень хорошо знали, едва не убили Эмму Николаевну, — сказал Борис.

— Вы не понимаете. — Эмма шла, опираясь на плечо Миши. Асsegай она брать отказалась, и Домрачеев нес оба, ее и свой. — Знаете, как Отец и Хранитель отреагировали, когда я стала отбиваться? Они удивились! Было видно: они не ждали этого, даже не представляли, что я могу так поступить.

— И что из этого следует?

— То, что для них это не преступление! Для них такое в порядке вещей!

— Прекрасно, — пожал плечами Борис. — Но для нас — нет. Или вы жалеете, что отбивались?

Академик воинственно вскинул асsegай: «Тише, тише! Вы слышите это!» — но тут же смутился и уже другой рукой указал на домодрева.

Птичьи голоса смолкли — и теперь над вершинами звенела песня. В ней были сила, и уверенность, и злой задор юности, и тот, кто цел ее, пел, конечно, о любви — потому что только о ней и стоит петь, только о ней одной.

Людям оставалось пройти всего-то шагов пять, но они замерли у входа в доморощу до тех пор, пока не отзвучал последний слог. Потом пошли к огням и к тем, кто там собрался.

Посреди круга расцвеченных лампулитками деревьев темнел изящный помост, по периметру которого возвышались п-образные арки. На каждой сидело по авису, на одной стороне — самки, на другой — самцы во главе с Отцом. На самом помосте стоял, раскинув крылья, Растяпа. Никто и никогда не подумал бы, что он способен так петь и даже так выглядеть: величественно и вызывающе.

Когда он закончил, Третья и Седьмая жены закудахтали и закивали, но остальные пять хранили сдержанное молчание.

— Видите, — шепнула Эмма. — Вы видите? Их взгляды!..

Действительно, у всех ависов был странный взгляд: как будто застывший, но в то же время осознанный, живой.

— Это потому...

Но на нее зашикали: Растяпа уже ретировался со сцены, и сейчас петь начал Изгибатель. Его песня была более продуманной и размеренной, в ней преобладал расчет, а не импровизация, — однако она пленяла воображение не меньше, чем предыдущая.

Когда он закончил, четыре из семи жен стали кивать и кудахтать.

— Не толковище, — хмыкнул Борис. — Учи вас и учи, молодежь! Токовище, Эдгар.

— Но как, — громким шепотом спросил академик, — все это связано с нами? С Эммой Николаевной?

— Может, они становятся более агрессивными во время брачного периода?

— Ерунда какая-то! Я же общался с ними после нападения на Эмму, и никто на меня не набросился; просто были слегка рассеянны...

— Федор Мелентьевич!

— Погодите, Слава! Я пытаюсь понять, почему они так себя вели...

— Федор Мелентьевич, проще спросить у них самих. Хотя, кажется, наши *грузья* сейчас не настроены отвечать.

Изгибатель так и не начал петь — он услышал академика и прыгнул со сцены. Вслед за ним слетели с насестов остальные самцы — и теперь они шли на людей плотным строем, вывернув крылья и нагнув туловище к земле. Их хвосты тряслись в воздухе, перья терлись друг о друга, издавая приглушенное, угрожающее шуршание. Глаза были налиты красным, зобы раздулись.

Почему-то эта картина напомнила Павлышу то, что происходило несколько часов назад с ним самим: тот его крик о ноже и последовавший затем провал в памяти.

— Пойдите, — шептал академик Окунь. — Мы ведь не животные какие-нибудь — мы разумные, цивилизованные люди... и птицы. Мы ведь уже смогли найти общий язык — так зачем же сейчас...

Борис аккуратно отодвинул его в сторону и кивнул Домрачеву с Павлышем, чтобы встали рядом.

«Разумные, — подумал Павлыш. — Цивилизованные. Не животные».

И тогда его осенило.

— Миша, иди на сцену!

— Что?

— На сцену — и спой что-нибудь... такое, чтоб аж дух захватило. Потом объясню! — Павлыш взглянул на приближавшихся ависов и уточнил: — А вообще, пожалуй, начинай-ка прямо сейчас.

— О чем петь?

— О любви, идиот! Представь, что ты влюбился в Эмму... Николаевну и признаешься ей в этом.

— Павлыш, что вы себе?!

— Ради эксперимента, исключительно теоретически. Держите копые, обопритесь. А если он будет плохо петь — метните в него, разрешаю как доктор.

Миша кашлянул:

— Я без гитары...

— Не знала, что вас это может остановить, Домрачеев.

Это был аргумент — и Миша сдался. Он двинулся прямо навстречу Отцу и запел; слов Павлыш не узнал, видимо, что-то из нового репертуара.

Птицы замерли. Потом заморгали так, будто в глаза им сыпанули песком. Весь боевой задор пропал, ависы посторонились — и Миша в три недлинных шага преодолел расстояние до сцены. Поднялся, не переставая петь, и обернулся лицом к зрителям.

К зрительнице.

«Это, — подумал Павлыш, — где-то даже униЗИтельно. Сиранодебержеракисто в некотором смысле».

Но уж по крайней мере песня была не чета той, про «стук сердец» и «полет сквозь вечность», — настоящая, искренняя.

Когда Домрачеев закончил, несколько жен даже дернулись было покивать, но опомнились и застыли истуканами.

— Хорошо, — сказал после долгой паузы Отец. — Вы явились в священнокруг, на токовище, но вы не нарушили закон. Ты спел песню, хотя у вас и нет Отца. Кому ты посвящаешь ее?

— Посвящаю?..

— Бросайте, — громко сказал Павлыш. — Как лечащий врач рекомендую. Но не в голову — она пустая, толку никакого. Он ею только поет.

— Конечно, посвящаю Эмме... Николаевне. Нашей Матери.

Птицы разом загалдели.

— Она не может летать и даже ходит с трудом. Ты уверен?

— Вне всяких сомнений, — ответил Домрачеев быстрее, чем Павлыш успел дать Эмме еще один совет.

— Ты понимаешь, что это значит? — уточнил Отец.

— Конечно, — с невозмутимым лицом соврал Миша. — «Долго, и счастливо, и...»

— Домрачеев, ваши фантазии неуместны, это священный ритуал!

— О, великая Мать, не гневайся!

— Э-э-э... друзья, я боюсь, что нам все же потребуются некоторые разъяснения. Слава, в том, что тут происходит, вы, похоже, разбираетесь больше нашего.

— Давайте досмотрим ритуал до конца, — устало сказал Павлыш. — Мы и так вмешались не вовремя. Я расскажу... потом...

Они встали у сцены и наблюдали за тем, как поют свои песни остальные ависы — и как жены кудахчут или молчат, — и Павлыш думал: как им все это рассказать?

Как объяснить, что мы с самого начала выставили себя форменными болванами? Эмма догадалась раньше, но даже она, кажется, не поняла главного. Да и я... понял ли?..

9

— ...Меня осенило, когда Федор Мелентьевич сказал про то, что все мы «не животные», а «разумные» и «цивилизованные». Я вспомнил, каким был, когда увидел Эмму Николаевну раненой. Я тогда... ну, пожалуй, немного озверел... да, озверел.

Было чертовски странно стоять сейчас на сцене, под внимательными взглядами людей и птиц. Лампушки светили в глаза, хуже прожекторов, и Павлыш подумал: ну вот, опять все повторяется; только падающей звезды нет... и никто не прилетит на «антоновке», чтобы меня отсюда забрать.

— Мы с детства привыкли считать, что сильно отличаемся от животных. Но если задуматься... сильно ли. Да, мы гуманны, мы способны мыслить абстракт-

ными категориями, некоторые из нас даже готовы пожертвовать собой ради какой-нибудь идеи... но в целом в основе каждый из нас все равно — животное. И я сейчас использую это слово как биолог, поймите: в этом нет ничего унижительного. Мы агрессивны, мы подчинены социальной иерархии, мы во многом эгоисты... но слишком часто делаем вид, будто на самом деле ничего этого нет.

— Агрессивность — это нормально, — заметил Отец. Он слушал очень внимательно, чуть склонив голову набок и ни разу не пытаясь почистить перья, не вертел головой по сторонам. — Только агрессивные виды становятся разумными. Только агрессивные выходят в космос. Мы общались с представителями Галактического Гнездовья, мы знаем.

— Другое дело — что эту агрессивность мы учимся обуздывать, управлять ею. Но она важна в том числе как фактор социального контроля. У нас она часто проявляется помимо нашей воли, когда разум уступает место чувствам. У ависов все по-другому. Помнишь, Эдгар, ты как-то сказал мне, что они немножко «шизанутые»? Да не красней так, ведь ты и подсказал мне решение этой задачки. Иногда в разговоре с нами у них мелькало «я-древность», «я-память»... мы списывали это на несовершенство переводчиков. Но Эмма Николаевна утверждает, что представители Галактического... хм... Гнездовья — они весьма скрупулезны, когда дело касается языков. Механизмы социальной регуляции у ависов просто вынесены в бессознательное, срабатывают на уровне инстинктов. Это то, что они называют «я-древность». И механизмы эти действуют не так, как у нас, ведь и общество ависов сильно отличается от нашего. Все это время ответ был перед нами, но мы боялись задавать неудобные вопросы. Мы считали ависов не способными понять то, как устроен наш социум, но сами были ничуть не лучше! Наши семьи существуют на принципах равноправия...

или условного равноправия. У них — это жесткая структура, во главе которой стоит Отец. Это не имя, это статус; уверен, на птичьем языке нашего Отца зовут иначе, сложнее. Отец не просто руководит семьей, он — единственный партнер всех жен.

— Сексуальная специализация? — уточнил академик Окунь. — Хм... а ведь вполне вероятно. Если мы обратимся к земным сообществам, у пчел, у муравьев мы найдем подобные примеры...

— Но здесь этот статус не постоянный: мы только что видели, как на турнире другие члены семьи оспаривали его. Видимо, это сезонное явление — и должно отлично работать как регуляторный механизм. Если по каким-либо причинам нынешний Отец оказывается не лучшим производителем, его смещает другой, более успешный. Или, — после паузы добавил Слава, — если вдруг Отец теряет возможность летать.

— Как я утратила возможность ходить! — кивнула Эмма. — Вот это я и поняла, когда увидела, как изумились Отец и Хранитель смыслов.

— Но при чем здесь?!.. — академик вдруг осекся и хлопнул себя ладонью по лбу — сидевшие рядом Трепотун и Проницательный даже вздрогнули. — Ах, вот-т оно что! Слушайте, ведь действительно все до элементарного просто!

— Социальный механизм, который заботится о благе вида в целом. Устраняет тех, кто понижен в статусе, но не желает признавать этого. Вы видели, как стекленеют у наших друзей глаза, какими они становятся... дикими, да? Так вот: в этот момент «я-память» уступает место «я-древности». И претендующий на статус, которого не достоин, лишается способности защищаться — видимо, его «я-древность» блокирует инстинкт самосохранения.

— Потому что так лучше для вида? Звучит дико и бесчеловечно!

— Я уверен: подобные случаи — редчайшее исключение из правил. Вот поэтому Отец и Хранитель смыслов были так удивлены. Кстати, отсюда же настороженное отношение ависов к нашим детям и агрессивное — к Борису, когда тот пытался обращаться к Отцу и другим мужчинам. У гекк-ависов, видимо, «я-древность» развивается раньше «я-памяти», я подозреваю, именно птенцы, в общем-то, и являются основными «блюстителями закона». Гекк-ависы играют эту роль до тех пор, пока не обзаводятся перьями и не начинают связно говорить. После чего их то ли выселяют в новую домопущу, то ли частично принимают в существующую семью... так или иначе, наши Эдгар с Николаем сильно сбивали ависов с толку. Выглядели почти как взрослые, только меньше ростом, вели себя как дети, но при этом разговаривали...

— Хорошо, а я чем им не угодил?

— А ты вместе со Светланой воспринимался ими как нянька. У ависов, как я понимаю, в этой роли выступают жены, которые в данный момент не сидят на кладке. Вы оба не имели права голоса. Тем более — обращаться напрямую к главе семьи и его приближенным.

— Подождите, — сказала Эмма, — так это что же, выходит, они все это время думали, что я — Мать? Что вы, Павлыш, и Борис, и Федор Мелентьевич, и даже Домрачевы?.. Ох, господи!

— Конечно, они так не думали, — соврал Павлыш. — Они же понимали, что наши семьи устроены несколько по-другому.

— Мы не понимаем, — вмешался Отец. — У вас ведь есть разделение по роду деятельности? Тогда почему в вашем обществе не был сделан следующий, вполне логический шаг?..

— Это слишком сложно. — Павлыш взмахнул руками и оглянулся на соотечественников. — Мы поясним, но в другой раз, хорошо?

— Хорошо. Есть еще вопрос. Вы красиво говорили, много объяснили. — Отец переступил с ноги на ногу, растерянно чирикнул. — В чем же тогда суть нашей битвы, испытания, дуэли? Кто победил? Кто проиграл?

Павлыш посмотрел мимо него — во тьму, что плавно клубилась между деревьями. Там стояли призраки: многолапые, с клешнями, с диковинными рогами, с мордами, похожими на африканские маски.

— «Проигравший не имеет смысла, значения, бытия», — процитировал он. — В этом поединке мы должны были найти то, что нас единит. Каждый из нас был друг для друга «отражателем» смысла: так, глядя на другого, лучше понимаешь себя. Все мы — представители агрессивных разумных видов, и нам придется каким-то образом сосуществовать. А для этого необходимо уметь понять друг друга. Иначе поубиваем друг друга же, к чертовой бабушке! Суть была в этом, а не в обмене дарами. А представители ГЦ — что ж, они присматривали за нами, наблюдали и решали. Создали для этого Muzoo, смесь зоопарка с музеем — и созерцали, так сказать. Мы постигали друг друга, они — нас. И знаете, я думаю, мы справились с испытанием!

Кто-то заплодировал — Павлыш так и не понял, кто именно. Остальные подхватили — даже ависы принялись хлопать крыльями и кричать что-то одобрителное.

Он поклонился и выдавил из себя улыбку.

Пожалуй, в этом даже было нечто утешительное. Миг славы. Миг Славы.

Если бы еще не видеть того, как — словно невзначай — обнялись эти двое, Эмма и Домрачëев... Но в конце концов, подумал он, к этому ведь все шло. Ты знал еще тогда, когда услышал, как она всхлипнула — одна, сидя в столовой, после того, как наговорила Мишке всяких глупостей.

— Вы как хотите, — сказал им всем Павлыш, — а я лично пошел собирать вещи! Думаю, за нами скоро придут вергилии. Зрители, по крайней мере, уже расходятся. — Он кивнул на призраков, затем шагнул в просвет между деревьями. Облака на востоке уже были чуть подкрашены нежно-розовым, в траве стрекотали цикады.

Очень хотелось, чтобы Эмма или хотя бы счастливый сукин сын Домрачев окликнули его, но все, кажется, были слишком увлечены попыткой осмыслить то, что рассказал им Павлыш.

Слава шагнул к старой домопуще и с изумлением понял вдруг, что тоже счастлив. Счастлив и свободен. Все было правильно — ровно так, как и должно быть.

Он улыбнулся и ускорил шаг. И уже подходя к домодреву, услышал, как трезвонит наверху телефон.

МАРИЯ ЯСИНСКАЯ

КОСМИЧЕСКИЙ СТЮАРД

— Не расстраивайся. Может, тебе еще поставят памятник на этой планете.

— Не нужен мне их памятник, — сказала Алиса. — Главное, что они остались живы и здоровы.

Кир Булычев. День рождения Алисы

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Праздник в честь дяди Вольдемара

Когда Вольдемар Артурович принял приглашение на праздник, устроенный родителями в честь окончания Люком космошколы, эта новость вызвала в доме невиданный переполох. Если прежде мама была оза-

бочена лишь подготовкой меню и поиском надежных компаний, сдающих напрокат робоповаров, то теперь сфера ее интересов угрожающе расширилась, а подготовка к празднику приняла пугающие масштабы.

— Эдик, убери из гаража этот свой старый пневмобиль, а то Вольдемар еще подумает, что мы на нем ездим, — распоряжалась она. — Люк, обязательно подстригись, перед дядей Вольдемаром надо выглядеть прилично.

— Мам, но мы же действительно ездим на пневмобиле, — пытался спорить Люк. — А стригся я совсем недавно...

В ответ мама награждала его строгим взглядом, чем и пресекала все дальнейшие возражения. Папа не спорил, лишь молча выполнял все мамины распоряжения. А праздник, который задумывался в честь сына, стремительно превращался в мероприятие, призванное впечатлить дядю Вольдемара.

— Люк, закачай все свои цифrogramмы на панель у себя в комнате, чтобы, если дядя Вольдемар войдет, сразу их увидел.

— Эдик, надо продумать новое меню; то, что я приготовила, для Вольдемара не подойдет. Ты не знаешь, какая кухня сейчас в моде? Фиксианская? Венерианская?

— Может, сделаем ремонт? Совсем небольшой. Косметический. Расширим гостиную, сменим двери, перекрасим стены, поменяем сантехнику, перестелем полы, нарастим веранду и купим новую мебель. Как считаешь? А то неудобно как-то перед Вольдемаром.

— Эдик, Люк, напомните мне, чтобы на время праздника я взяла напрокат домороботника последней модели, а нашего старого спрятала в гараже. Если Вольдемар увидит, что у нас робот позапрошлого поколения, что он про нас подумает?

Что подумает дядя Вольдемар? Нельзя ударить в грязь лицом перед дядей Вольдемаром! И так — без конца.

Двоюродного брата мамы дядю Вольдемара Люк не знал — первая и последняя встреча пятнадцать лет назад не в счет, — но уже его недолюбливал. Слишком уж старалась мама произвести на него впечатление. Слишком суежилась, желая выдать их за тех, кем они не являются.

— Да что вы все бегаєте, как ужаленные? — не выдержал, наконец, Люк. — Что же он за птица такая важная — этот дядя Вольдемар?

— О, дядя Вольдемар — это пример для подражания, — мечтательно сообщила мама. — Человек, который сам себя сделал. Он всегда был целеустремленным и серьезным, всегда знал, чего хотел. Вместо того чтобы упаковать рюкзак и пуститься космостопом по Галактике, как это сейчас модно среди молодежи, Вольдемар нанялся младшим помощником на рейсовое торговое судно. Конечно, это далеко не так романтично, как болтаться по космосу с бездельниками, которые называют себя исследователями, но зато ты посмотри, чего он достиг! Прошел весь путь от машинного отделения до капитанской рубки! Не прошло и десяти лет, как он стал капитаном собственного торгового корабля! И ведь Вольдемар на этом не остановился, нет! Он продолжал расти, продолжал учиться! После торгового судна он получил под свое командование пассажирский лайнер, затем стал капитаном дипломатического корабля, а последние семь лет он — капитан одного из крупнейших в Солнечной системе космокруизных лайнеров! А все почему? Потому что он точно знал, чего хотел, целенаправленно шел к своей цели и не отвлекался на всякие развлечения.

В словах мамы слышался явный намек, и Люк подавил тяжелый вздох. Как и все родители, мама хотела, чтобы у ее сына сложилась благополучная, успешная жизнь. Только вот представления о том, какая жизнь — успешная, у них кардинально различались.

Мамино восторженное «Не прошло и десяти лет, как он стал капитаном собственного торгового корабля» наводило на Люка уныние, а перспектива «всего» через десять лет получить под свою ответственность какое-нибудь торговое судно приводила в ужас.

Люк не мог и вспомнить, сколько раз, летая по околоземным маршрутам, он смотрел в иллюминатор на далекие, манящие звезды, полные неразгаданных тайн, сколько раз наблюдал из окна космопорта, как стартуют со взлетного поля навстречу каким-то приключениям межзвездные корабли, и с тоской думал, что вот где-то там — настоящая жизнь, где-то там — люди, которые ею живут. А он сидит в своей скучной, давно изученной Солнечной системе, где не происходит ничего интересного, и настоящая жизнь проходит мимо.

«Закончу школу — и обязательно учечу, — обещал Люк себе. — Наймусь на какое-нибудь исследовательское судно, помотаюсь по галактикам, а там посмотрим, что из этого выйдет».

Когда до выпуска осталось около месяца, Люк начал просматривать, какие экспедиции в ближайшее время набирают экипаж, и даже отправил несколько заявок. Он был не прочь полететь с кем угодно, хоть с астроштурманами, хоть с археологами, хоть даже с космобиологами из известного на всю Солнечную систему КосмоЗо.

А мама тем временем уже все за него решила.

— Нам очень повезло, что приезжает Вольдемар, — сказала она. — Я попрошу, чтобы он дал тебе работу на своем лайнере. Ну, разве не замечательно я все придумала? Ты ведь хотел в космос? Ну, вот и будет тебе космос! Да еще и на корабле такого уровня. А у Вольдемара к тому же связи — наверняка он поможет в дальнейшем продвинуться. Может, со временем даже сделает тебя помощником! Так что

на празднике постарайся произвести на него наилучшее впечатление. Ну, а про остальное я ему сама тонко намекну.

Люк едва заметно поморщился. Искусством тонких намеков мать совершенно не владела, хотя сама себя считала мастером недосказанностей и изящных дипломатических ходов.

Отец молчал, и Люк, с надеждой покосившись на него, понял, что он ничего не говорит не потому, что не согласен с матерью. Напротив, согласен, просто ему нечего добавить.

Мама к тому времени была уже захвачена картиной яркого будущего сына — глаза загорелись, в голосе звучал восторг:

— Кто знает, может, ты даже повторишь успех Вольдемара. Начнешь на его лайнере, а потом — представляешь? — лет так через десять уже и сам будешь капитаном своего корабля, как и он! Ну, чем не мечта?

— Мечта, — уныло согласился Люк, так и не решившись спорить с матерью.

На миг он представил себя капитаном рейсового торгового судна, и манящие далекие звезды вдруг стали словно еще более далекими и недосягаемыми.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Подарок-символ

— Миленько, — снисходительно похвалил дядя Вольдемар, входя в дом родственников и оглядывая полностью преобразившуюся стараниями родителей Люка гостиную.

— Да, ну что ты, — отмахнулась мама, довольно покраснев. — Куда уж нам, у нас тут все очень провинциальненько. Ты-то наверняка привык к совсем другому!

Свежестриженный Люк едва заметно поморщился. У мамы была неприятная привычка принижать себя перед теми, кого она считала более успешными и состоявшимися в жизни. Пусть даже этот кто-то — ее собственный двоюродный брат.

Тем временем мама суежилась вокруг дорогого гостя. Мама усадила Вольдемара на лучшее место за столом, мама клала ему добавку в тарелку, мама занимала его беседой, мама слушала его с самозабвенным вниманием и забыла про всех остальных гостей. О поводе для этого семейного застолья — окончании Люком школы — она, похоже, тоже забыла. Но зато не забыла о главном.

— А вот сынуля у нас большой молодец, — услышал Люк голос мамы и обреченно прикрыл глаза. Ему было ужасно неловко. — Трудолюбивый, ответственный, исполнительный. Закончил школу на высшие баллы, специализировался на космонавигации и просто бредит космосом. Мечтает получить работу на каком-нибудь солидном космическом корабле... Вольдемар, а я вот что подумала — может, у тебя на лайнере найдется для него местечко?

Дядя Вольдемар, которому явно нравилось благоговейное внимание к его персоне, благодушно кивнул.

— Толковым молодым ребятам у нас всегда рады. Тем более — племянник. Конечно, устрою.

Мама просияла и, бросив на сына торжествующий взгляд, снова засуетилась вокруг Вольдемара.

Люк извинился и вышел на веранду. Многочисленные родственники прекрасно развлекали себя сами, мама развлекала дядю Вольдемара, и до виновника торжества, в общем-то, никому не было особого дела. Ну и прекрасно — Люк хотел побыть один.

Однако на веранде уже кто-то стоял. Мужчина, на вид — ровесник родителей Люка, совершенно не праздничного вида — потеряв темно-серая курт-

ка, черные штаны с многочисленными оттопыренными карманами по бокам и странная пестрая повязка на шее. Казалось, он только что вернулся из долгого путешествия и даже не успел переодеться к застолью.

Люк был уверен, что никогда раньше не видел этого мужчину. Впрочем, сегодня он уже познакомился с как минимум полудюжиной неизвестных ему родственников.

— Люк? — приветливо улыбнулся незнакомец, протягивая руку. — Я — Брюс, двоюродный брат твоего отца. Рад с тобой познакомиться!

Конечно! Отец упоминал о своем двоюродном брате! Что-то про то, что он авантюрист, не желающий взрослеть и заниматься настоящим делом. А когда Люк спросил, чем же именно тот занимается, отец пренебрежительно махнул рукой:

— Сидит на своем корабле с командой бездельников и бьет баклуши.

После дальнейших расспросов выяснилось, что дядя Брюс работает на службу безопасности космических сообщений. Люку эта работа показалась более чем серьезным занятием — такие космические спасатели, которые наблюдают за подотчетным им сектором и в случае возникновения чрезвычайных ситуаций «спасают» корабли. Однако отец почему-то придерживался другой точки зрения, и Люк оставил свое мнение при себе.

— Ну, поздравляю с окончанием школы! — продолжал тем временем дядя Брюс. — Большое событие в жизни любого человека. Как говорится, теперь и начинается настоящая жизнь!

— А как же, — с кривой усмешкой согласился Люк. Космокруизный лайнер, тысячи богатых туристов, одни и те же маршруты. Именно та настоящая жизнь, о которой он мечтал.

— А разве нет? Перед тобой впереди вся жизнь, выбирай, что хочешь.

— Угу. Но за меня уже выбрали. Только что пристроили на лайнер к дяде Вольдемару.

— Это который? — нахмурился дядя Брюс, а потом поднял брови: — Уж не капитан ли того роскошного корыта, «Титаника-5»?

— Он самый.

Дядя Брюс с недоверием посмотрел на племянника.

— И ты действительно хочешь там работать?

— Нет, — угрюмо признался Люк. — Но родители твердят мне, что это стабильно и престижно и что через десять лет я смогу стать капитаном своего корабля, как дядя Вольдемар.

Некоторое время дядя Брюс изучающе смотрел на племянника, а потом, хмыкнув, достал из кармана небольшую коробочку в подарочной упаковке.

— Держи, это тебе.

В коробке Люк обнаружил какой-то странный прибор и даже не сразу сообразил, что это такое. И только потом понял, что это — старинный коммуникатор, какой использовали для передачи сообщений в космосе, наверное, лет пятьдесят назад. С той поры прогресс ушел далеко вперед, и такими приборами давно никто не пользовался, но Люк догадывался, что это — не столько подарок-вещь, сколько подарок-символ, имеющий какое-то особое значение.

— Когда-то этот передатчик спас мне жизнь, — очень просто объяснил дядя Брюс. — Пусть он теперь будет у тебя — на удачу.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Люк. Он посмотрел на старый передатчик в руке, который наверняка видел куда больше настоящей жизни, чем он, Люк, и внезапно сказал: — А я ведь действительно не хочу на «Титаник-5». Я хочу в настоящий, малоисследованный космос. Хочу увидеть новые звезды. Хочу открыть неизвестные планеты. Хочу настоящей жизни...

Дядя Брюс одобрительно хлопнул его по плечу.

— Вот и молодец, парень, так держать! А мне уже пора, я ведь ненадолго заскочил. Еще раз поздравляю, и...

— Погодите! — воскликнул Люк. Ему почему-то очень не хотелось, чтобы дядя Брюс так быстро ушел. — Разве... Может, хотя бы попрощаетесь с родителями?

Дядя Брюс бросил взгляд сквозь окно в просторную столовую, полную гостей, на родителей Люка, сеутящихся вокруг Вольдемара Артуровича, и усмехнулся:

— Смотри, как они заняты — не надо их отвлекать. Удачи тебе, Люк. И не позволяй никому проживать за тебя твою жизнь. В конце концов, она у тебя всего одна.

Кажется, никогда еще Люк не был так сильно с чем-то согласен, как с этими словами!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Титаник-5»

— Пассажир в дельта восемьсот сорок заказал пузыристое шампанское, а пассажиры из гаммы сто сорок один жалуются на освещение — проверь. Как выполнишь — доложишь, — деловито распорядился старший стюард смены, невысокий шустрый малый по имени Юнь.

Люк одернул на себе униформу, удостоверился, что на белоснежной ткани нет ни пятнышка и что значок с логотипом «Титаник-5» приколот ровно там, где положено, и отправился за бутылкой шампанского.

Самый крупный в истории космоплавания Солнечной системы круизный лайнер «Титаник-5» вот уже вторую неделю совершал неторопливый рейс по стандартному туристическому маршруту Земля — Андро-

меда — Орион — Эридан — Земля, с заходом в популярные порты на Сатурне, Вестере и Пенелопе.

Внутреннее убранство «Титаника-5» копировало богатые интерьеры первого, морского «Титаника», затонувшего в далеком двадцатом веке. Роскошные люстры, дорогие отделочные панели, просторные смотровые палубы с видом на космические просторы, плюш, зеркала и позолота, фарфор, хрусталь и полированное дерево. Все необходимые современные развлечения — кинотеатры, аквапарки, казино, виртуальные центры, лаунжи невесомости, вакуумные спа и прочее — продуманно вписали в интерьер, не нарушая его атмосферы. И, наконец, последний штрих исторической достоверности — обслуживающий персонал из людей, а не роботов.

Разумеется, удовольствие провести отдых на *таком* корабле было по карману далеко не каждому. И, тем не менее, вот уже восьмой год самый дорогой космокрузишный лайнер Солнечной системы курсировал между звездами, и ни одна из двух тысяч кают для пассажиров не пустовала.

Однако сам Люк едва ли замечал все красоты корабля. Работа младшим стюардом отнимала у него все время, а когда и выдавалась свободная минутка, сил на что-то еще уже не оставалось. Люк падал на узкую койку в крохотной каюте и тут же проваливался в глубокий сон.

Но иногда, несмотря на усталость, сон к нему не шел, и тогда Люк подолгу смотрел на низкий потолок каюты и размышлял, как же все-таки его угораздило здесь оказаться?

Через неделю после праздника в честь выпуска из школы Люк получил официальное приглашение присоединиться к экспедиции астрогеологов, собиравшихся провести разведку потенциальных месторождений полезных ископаемых на нескольких отда-

ленных планетах и астероидах, и заявил родителям, что не пойдет на лайнер к дяде Вольдемару. Родители были в шоке, а Люк был счастлив, ведь он отправится в самую Настоящую Космическую Экспедицию!

На следующий день с корабля астрогеологов пришла инструкция о том, как добраться до планеты Урамар — именно там был назначен пункт сбора для всех новых членов команды.

И вот тут-то мечта внезапно стала слишком реальной. Пугающе реальной.

Оказалось, что на пути к мечте необходимо совершить сотни разных действий, которые Люк никогда раньше не совершал, и принять сотни разных решений, которые он никогда раньше не принимал.

На Урамар нет прямых рейсов, надо лететь с пересадкой на Седне, одной из планет пояса Койпера. Седна — планета ограниченного посещения, нужно получить разрешение на транзит. Где и как его получить? Сколько времени это занимает? На Седне рейса на Урамар придется ждать почти сутки — что ему делать все это время? Остаться в космопорту? Или снять номер в гостинице? А гостиницы в порту есть? Если есть, нужно ли бронировать номер? Как это сделать? А если гостиницы нет, и придется остаться в космопорту — там же должны быть какие-то кафе, где можно перекусить? Или нет? Или лучше взять еду с собой? А так можно? А когда он прибудет на Урамар, ему нужно будет пройти таможенный контроль — как его проходят? Заполняют какие-то документы? Платят пошлину? Как ее высчитать? А кому платить? А чем?

И все это — только на пути к кораблю астрогеологов! А что будет потом, когда начнется сама экспедиция?

Наверное, было смешно беспокоиться о подобных мелочах, ведь каждая из них — совсем незначитель-

ная и более чем решаемая. Но только по отдельности. Собранные все вместе в таком количестве, они вдруг выстраивались в высокую, пугающую своими размерами башню неразрешенных проблем.

Слишком уж много переменных, слишком уж много неизвестных... Слишком уж Люк привык к размеренной, распланированной и спокойной жизни в глубинке Солнечной системы. Тут все так хорошо известно, тут все так спокойно. Так комфортно. И терять этот комфорт отчаянно не хотелось!

Конечно же, Люк предполагал, что для похода за мечтой придется оставить привычное и знакомое и с головой броситься в страшную неизвестность. Чего он не предполагал, так это того, как, оказывается, страшно будет сделать первый шаг.

Вот так и оказался Люк вместо волнующей разведэкспедиции в глубины космоса на «Титанике-5», где все было просто и знакомо.

Конечно, Люк найти пытался хоть что-то хорошее в плохом решении. «Ну, это же все равно космос, полеты, навигация. Как раз то, на чем я специализировался в школе».

Однако хоть и был Люк на борту космолайнера, но космос оставался для него таким же недостижимым, как и дома у родителей.

— Нужно начинать с самых низов, иначе что подумают другие? Что я родственника своего продвигаю? — заявил дядя Вольдемар и назначил Люка стюардом. Младшим стюардом.

С капитаном корабля не спорят. Даже если капитан — твой дядя.

Поэтому Люк послушно выполнял свои обязанности и лишь надеялся на то, что в будущем ему еще выпадет возможность ухватить за хвост мечты, и у него хватит храбрости это сделать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Космослалом

Если для пассажиров на «Титанике-5» была предусмотрена масса развлечений, то у Люка каждый день как две капли воды походил на предыдущий. Работа, работа и еще раз работа.

«И ради этого я четыре года специализировался на космонавигации? — задавался он вопросом, разнося стопки чистого белья и собирая мусор в роскошных каютах. — Ради этого окончил курсы экстремальных космических ситуаций и классы по борьбе с пиратами? Ради этого сдал на отлично основы первой механической и электронной помощи судам?»

Все изменилось в тот день, когда лайнер притормозил у плотного метеоритного потока, чтобы скупающие туристы могли развлечься космослаломом.

Космослалом — опасный спорт. Участники гонок рассаживались по маленьким скоростным флаерам, оснащенным жизнекапсулами с автоэджекторами, приближались к метеоритному потоку, по сигналу вливались в него и неслись внутри, маневрируя среди метеоритов. Выигрывал гонку тот, кто мог продержаться внутри метеоритного потока дольше всего.

Люк, у которого как раз выдался редкий выходной, стоял в толпе зрителей на одной из смотровых палуб и с интересом наблюдал за слаломистами. Сумасшедшие гонщики, рискнувшие участвовать в этой экстремальной эскападе, явно не были новичками — блестящие капсулы флаеров мастерски лавировали в плотном потоке метеоритов, успешно уворачиваясь от, казалось бы, неминуемых столкновений и ловко уходя от ударов гигантских глыб.

Вдруг стоявшая рядом с Люком девушка испуганно вскрикнула — один из флаеров столкнулся с метеоритом, и эджектор катапультировал за пределы

потока крохотную сверкающую жизнекапсулу. Караулившая неподалеку служба охраны лайнера тут же бросилась подбирать выбывшего из гонки водителя.

— Ну зачем они так рискуют? — прошептала девушка, ни к кому конкретно не обращаясь. Но поскольку Люк стоял рядом, он почувствовал себя обязанным сказать что-то в ответ.

— Видимо, им нравится адреналин и они получают от этого удовольствие.

— Тоже мне удовольствие — разбиться насмерть!

Люк едва не ляпнул: «У богатых свои причуды», но вовремя прикусил язык — девушка была одной из пассажирок лайнера, а значит, одной из тех самых «богатых с причудами».

Еще один флаер оказался зажат между двумя огромными глыбами, и девушка, испуганно вскрикнув, произвольно схватила Люка за рукав. Действительно, казалось, еще чуть-чуть — и маленький кораблик будет просто раздавлен!

— Почему он не катапультируется? — воскликнула она. — Сумасшедший, почему он не запустит эджектор?

— Похоже, ему очень хочется выиграть, — пробормотал Люк.

Один за другим участники выныривали из метеоритного потока, завершая гонку, но зажатый между двумя метеоритами водитель по-прежнему несясь вместе с потоком, каждую секунду рискуя быть раздавленным.

Наконец, глыбы разлетелись в стороны, и метеоритный поток буквально выплюнул маленький искореженный флаер. Катера службы охраны рванули на перехват.

Девушка облегченно выдохнула и обернулась к Люку, отпуская его рукав.

— Вот сумасшедшие! — с нервным смешком сказала она.

Наконец-то Люку представился шанс более пристально рассмотреть свою спутницу, и он почувствовал себя словно оглушенным — такой красивой она ему показалась.

— Точно, — согласился он, не отводя глаз от лица девушки. Сейчас он согласился бы с чем угодно.

— Спасибо за компанию... — девушка не закончила фразу, вопросительно глядя на Люка.

— Люк, — спохватился он.

— Очень приятно, Люк. Я — Ники, — ответила девушка и дружелюбно улыбнулась.

— И мне очень приятно, — неловко пробормотал он, с ужасом чувствуя, что краснеет.

Ники легко рассмеялась, видимо, его смущение показалось ей забавным.

— Надеюсь, мы еще увидимся, Люк, — сказала девушка на прощание и ушла, оставив оглушенного Люка смотреть ей вслед.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Искореженный флаер

Спустившись на обслуживающие уровни «Титаника — 5», Люк обнаружил, что все куда-то целенаправленно спешат.

— Что случилось? — Люк схватил за рукав пронесившегося мимо стюарда.

Тот неразборчиво что-то проямлил, и Люк просто побежал туда же, куда бежали все остальные.

У транспортного ангара стояла целая толпа. Люк приподнялся на цыпочки, стараясь рассмотреть, что происходит.

Катера службы безопасности осторожно буксировали в ангар искореженный флаер. Тот был настолько сплюснен и помят, что казалось — пилот вряд ли выжил.

На посадочной площадке уже стояли наготове спасатели и медики. А два каких-то молодых парня, видимо, друзья сумасшедшего пилота, снимали все происходящее на видео.

Едва флаер коснулся пола, как спасатели принялись осторожно отжимать люк. Несколько минут спустя из глубины расплющенной машины извлекли гонщика. Молодой парень, похоже, получил серьезные травмы, потому что не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Но, тем не менее, с лица его не сходила восторженная улыбка.

— Вы видели? — возбужденно выкрикивал он. — Нет, вы это видели?

— Видели, видели, — пробурчал осматривавший его врач.

— Видео сделали, да? — обратился парень к своим приятелям. — Засняли, как меня вынимают? А флаер засняли? Хорошо засняли, видно, что он всмятку?

Раненого осторожно уложили на каталку и медленно повезли в медчасть. Наблюдавшая за происходящим толпа расступилась, пропуская их.

Около сплющенного флаера суетились механики; один из них поцокал языком и сказал:

— Не поверил, если б сам не увидел. Корпус всмятку, а основные механизмы все еще исправны. Да на нем еще и летать, наверное, можно...

Тем временем лежавший на каталке раненый все никак не унимался.

— Доктор, скажите, вы когда-нибудь видели такой же искореженный флаер, а?

Шагавший рядом с ним врач вдруг нахмурился и остановился. Замерла и каталка.

— Видел, — глухо ответил он.

— Я вам не верю! Где это? — вызывающе выкрикнул парень.

— В битве за кольцо Сириуса. Мы подбили вражеский крейсер, и тогда он пошел на таран нашего линкора, решив, что если уж он погибнет, то заберет нас с собой. Видя это, один из наших флаеров разогнался до предельной скорости и врезался в крейсер, чтобы взорвать его прежде, чем он столкнется с нашим кораблем... У него получилось. Крейсер взорвался, наш линкор не пострадал, и две с половиной тысячи экипажа остались в живых... Все, кроме того пилота. Так вот, когда мы нашли останки того флаера, они были искорежены сильнее твоего.

Врач еще несколько мгновений пристально смотрел на раненого, а потом молча зашагал дальше.

Притихший парень на каталке молчал. А когда увидел, что его приятели идут за ними и по-прежнему все снимают, раздраженно буркнул:

— Да уберите вы эту камеру!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Мы знакомы?»

Новости среди обслуживающего персонала распространялись быстро, и вскоре Люк уже знал, что раненому требуется сложная операция, а для ее проведения условий в медчасти лайнера просто нет. Врач настойчиво рекомендовал опуститься на ближайшую планету, где пациенту могут оказать квалифицированную медицинскую помощь.

Ближайшей такой планетой оказался Сипет. Хотя планета и не отличалась красотами, которые могли бы заинтересовать туристов, зато могла оказать квалифицированную помощь пострадавшему гонщику.

Через тот же надежный информационный канал — слухи среди обслуживающего персонала — Люк узнал, что начальник охраны в пух и прах разругался с врачом. Врач требовал немедленной посадки на Сипет,

а начальник охраны кричал в ответ, что не позволит, потому что уровень безопасности на планете не то что не соответствует галактическим стандартам — он вообще отсутствует, и он, начальник безопасности, не желает потом отвечать головой, если с кем-то из двух тысяч пассажиров «Титаника-5» что-то случится.

В итоге сошлись на компромиссном решении: лайнер остается на орбите планеты, а на Сипет спустится медицинский катер с раненым. После того, как ему окажут необходимую помощь, катер вернется на борт, и «Титаник-5» продолжит свой круиз.

Тем временем старший стюард двадцать четвертого уровня, где работал Люк, сообщил, что все перемены и выходные немедленно отменяются. Для пассажиров, недовольных непредвиденной задержкой, срочно организовали банкет с живой музыкой и аукционом, поэтому обслуживающий персонал на время поступает в распоряжение администраторов развлекательных уровней.

Уставший от бесконечной уборки кают, Люк почти обрадовался — хоть какое-то разнообразие. Правда, уже через час он понял, что быть официантом на роскошном банкете — ничуть не лучше, чем быть стюардом: пассажиры так же капризны и требовательны, а работа такая же тяжелая и неблагодарная.

— За четвертым столиком — трое новых гостей, обслужи, — скороговоркой пробормотал администратор зала, безостановочно лавиравший между огромным, в позолоте и зеркалах банкетным залом и кухней.

Взяв хрустальный графин с водой, Люк послушно отправился к указанному столику.

К его удивлению, одной из троих гостей оказалась Ники, а двое других были, видимо, ее родителями.

— Добрый вечер, — поздоровался Люк с ними. — Здравствуй, Ники, — с широкой улыбкой повернулся он к девушке.

Ники вскинула на него глаза, в которых всего на миг мелькнуло и тут же пропало узнавание, и вежливо спросила:

— Мы знакомы?

— Неужели не помнишь? — искренне удивился Люк. — Мы с тобой вместе смотрели космослалом! Я — Люк!

— Вы меня с кем-то путаете, — все так же холодно и твердо ответила она.

И пока Люк удивленно смотрел на нее, пытаясь понять, в чем дело, Ники бросила выразительный взгляд на форму официанта, в которую он был одет, и отвернулась.

Люк вспыхнул и стиснул зубы. Молча разлил воду по хрустальным бокалам, принял заказ, передал его на кухню, а затем попросил одного из официантов поменяться с ним столиками.

За время работы на «Титанике-5» Люк уже успел насмотреться на высокомерие пассажиров и не раз сталкивался с надменным, порой даже презрительным отношением к себе. Считая все это проявлением недалекого ума, Люк скорее жалел заносчивых богатеев, и потому такое отношение его не задевало.

До сегодняшнего вечера.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пираты

Люк был на кухне, когда из банкетного зала раздался выстрел.

По крайней мере, Люк решил, что это был выстрел, хотя никогда раньше звука выстрела не слышал.

Вслед за этим последовал звон разбивающегося хрусталя, грохот падающих на пол серебряных подносов и истошные крики пассажиров.

Повара, уборщики и официанты побросали сковородки, тряпки и подносы и рванули к дверям, отделяющим кухню от банкетного зала, — узнать, что происходит.

Люку тоже было интересно, но, вспомнив школьные курсы по чрезвычайным ситуациям, он, наоборот, попытался назад, к выходу в служебные коридоры.

И правильно сделал — двери на кухню широко распахнулись, и в них показались два человека в черных косموкостюмах и шлемах, скрывающих лица. В руках они держали оружие, и направлено оно было на резко подавшийся назад кухонный персонал.

— Никому не двигаться, — раздался низкий, неестественно искаженный преображателем звуков голос. — Если никто из вас не будет нам мешать, то никто и не пострадает, ясно? А теперь — все бегом в зал!

Оружие, недвусмысленно направленное прямо на людей, не оставляло выбора.

Люк, находившийся буквально в двух шагах от выхода в служебный коридор, быстро нырнул в дверь. Прижался спиной к стене и перевел дух. Кажется, пронесло, его никто не заметил.

Что же получается — на «Титанике-5» пираты? Но откуда?

Служебный коридор пустовал, и Люк, беспрестанно оглядываясь, быстро дошел до зеркал, висевших на стенах банкетного зала, которые с его стороны были окнами. Сквозь них Люк увидел, что помещение захватила дюжина вооруженных людей в черных космокостюмах и шлемах. Сквозь широкие двери банкетного зала еще одна группа вооруженных людей сгоняла внутрь пассажиров, которые, видимо, находились в других частях лайнера.

Один из пиратов легко запрыгнул на стол, дал короткую очередь в воздух, требуя тишины, и загово-

рил. Звук с трудом проникал сквозь обшивку стен, но Люк уловил общий смысл — пират потребовал, чтобы каждый из присутствующих в зале гостей раскошелился и перевел на указанный счет определенную сумму денег.

Отойдя подальше от банкетного зала, Люк нырнул в какую-то подсобку и задумался. Пиратов не могло быть достаточно, чтобы контролировать весь лайнер, он слишком огромен. Именно поэтому основную массу пассажиров пираты уже согнали в банкетный зал. Скорее всего, они также захватили командирскую рубку, центр управления и связи, машинное отделение и сектор охраны. Вряд ли им нужны служебные уровни стюардов, официантов и уборщиков. Значит, нужно держаться именно их.

Не ослабляя внимания, Люк отправился по служебным коридорам к командирской рубке. Хотя он и не питал особой любви к дяде Вольдемару, ему все равно хотелось убедиться, что с ним все в порядке. Как ни крути, все-таки родственник.

Обслуживающие уровни «Титаника-5» образовывали гигантский лабиринт, в котором было немудрено заблудиться. Передвигаясь изо дня в день по одним и тем же маршрутам, Люк не изучил и половины коридоров и сейчас вовсе не был уверен, что движется в правильном направлении.

По пути ему несколько раз попались коммуникаторы связи: три внутренних, два для экстренных вызовов и один внешний, передающий в космос единственный сигнал — SOS. Люк нажимал на каждый, но ни один из них не работал. Похоже, пираты заглушили все каналы связи. Звать на помощь некого, они предоставлены сами себе.

Когда Люк добрался, наконец, до коридора, соединенного с капитанской рубкой, он весь взмок от на-

пряжения. В коридоре пиратов не было; служебный вход в рубку плотно закрыт. Люк медленно — очень медленно потянул дверь на себя и приоткрыл ее буквально на волосок. Этого оказалось достаточно, чтобы увидеть, что командирская рубка действительно под контролем пиратов. Дядя Вольдемар сидит на стуле, один его помощник валяется связанный на полу, а другого и вовсе не видно. А посередине рубки, широко расставив ноги, стоит один из пиратов и что-то объясняет дяде.

— ...никакие деньги не стоят жизни, не так ли? — донесся до Люка голос пирата. — Тем более, что твои пассажиры вполне могут себе позволить такие расходы. Как только мы соберем необходимую сумму, мы тихо-мирно улетим, и никто не пострадает.

Бледный, трясущийся дядя Вольдемар только кивал в ответ.

Рука Люка дернулась, дверь приоткрылась чуть шире, и пират, кажется, это заметил.

— Проверь! — приказал он кому-то, и Люк изо всех сил припустил по коридору.

За спиной слышались чьи-то быстрые шаги, и Люк с удвоенной силой понесся по узким переходам. Он бежал с уровня на уровень, петлял и сворачивал, пока, наконец, не оторвался от погони.

Только тогда запыхавшийся Люк остановился, пытаясь понять, где он. Так и не сообразив, услышал где-то впереди негромкий гул голосов и осторожно пошел на звук.

Голоса раздавались из одной из комнат отдыха для обслуживающего персонала. Там собралось, наверное, с полторы дюжины человек. Люк не увидел среди них ни одного знакомого лица. Что, впрочем, неудивительно — obsługi на «Титанике-5» было несколько сотен человек, и за неполных две недели круиза он

успел познакомиться лишь с теми, с кем пересекался по работе.

— А вы чего тут? — спросил он.

— А так непонятно? Прячемся, — ответил ему какой-то рослый механик.

Люк не нашелся, что сказать, и потому задал другой волнующий его вопрос:

— Кто-нибудь знает, как пираты вообще попали на лайнер?

— На медицинском катере, когда тот возвращался с Сипета, — пояснил все тот же механик.

Да, не зря начальник охраны не хотел садиться на эту планету! Впрочем, его предосторожность «Титанику-5» все равно не помогла.

Люк обвел глазами собравшихся в комнате отдыха. Судя по царящему среди них настроению, никто связываться с пиратами не хотел.

Но Люк все-таки сделал пробный ход.

— Так что, вы просто сидите и ждете?

— Да, просто сидим и ждем. Или у тебя самого другие планы?

Люк открыл было рот — и тут же закрыл. План действий в таких ситуациях был тайной. Причем пока даже для него самого...

— Вот именно! — кивнул механик. — Они вооружены, они перекрыли все каналы связи, мы ничего не можем сделать.

— Притом, мы пиратам не нужны, с нас брать все равно нечего. Они общиплют наших пассажиров и уберутся, — добавила какая-то стюардесса.

— То есть, мы ничего не делаем? — подытожил Люк. — Даже не пытаемся?

— А смысл геройствовать? — пожал плечами механик. — Только себе навредим.

Люк лишь молча покачал головой.

Старый коммуникатор

Успешно избежав нескольких столкновений с пиратами, Люк по лабиринту служебных коридоров добрался, наконец, до своей каюты. Закрыв дверь, уселся на узкую койку и спрятал лицо в ладонях.

Что же делать? Не в одиночку же геройствовать? Да и не решится он ни на какое геройство. Если он испугался неизвестности и побоялся отправиться в экспедицию с астрогеологами, ему ли сражаться с пиратами?

Но просто ждать, когда эта ситуация разрешится сама собой, Люк почему-то не мог.

Правда, всегда был выход — позвать на помощь. Но кого? И как? Служба охраны лайнера — под контролем пиратов, обслуживающий персонал, похоже, только злорадствует по поводу той ситуации, в которой оказались капризные пассажиры, а все каналы внешней связи заблокированы.

Полный тупик.

Не зная, как еще справиться с распиравшей его нервной энергией, Люк вскочил и принялся ходить взад-вперед по тесной каюте. Что же делать? Что делать?

Взгляд Люка упал на древний передатчик-коммуникатор, подаренный ему дядей Брюсом, который он взял с собой, на удачу.

Люк схватил передатчик и нетерпеливо его включил. Тот нехотя загорелся. Потом медленно, очень медленно загружался. А затем бесконечно долго пытался установить коннекцию.

С отчаянием глядя на крутящееся на экране колесико ожидания, Люк подумал, что, скорее всего, связь не появится. Такими древними каналами наверняка уже никто не пользуется; наверное, и самих

каналов-то больше не существует, вряд ли их кто-то будет поддерживать...

Экран мигнул, в углу загорелся зеленый огонек.

Получилось! Связь есть!

Вот только ответит ли ему хоть кто-нибудь на этом древнем канале, настолько древнем, что даже пиратам не пришло в голову его заблокировать?

Тем не менее, Люк все-таки запустил поиск.

С замирающим от волнения сердцем он слушал короткие гудки. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем раздался щелчок, и сквозь наполнивший эфир шорох чей-то слабый, доносящийся словно издалека голос сообщил:

— Прием. База сорок шесть каппа на связи.

— Вы меня слышите? — возбужденно выкрикнул Люк. И тут же едва не присел от ужаса — зачем же он так орет? А если его кто-то услышит?

Люк метнулся к двери каюты и осторожно выглянул в коридор. Нет, вроде все тихо.

— Слышу. Кто вызывает?

— Это... это с лайнера «Титаник-5», порт приписки — Земля в Солнечной системе. Мы находимся недалеко от планеты Сипет. Наш корабль захватили пираты. Они заблокировали все каналы связи, и мы не можем передать сигнал бедствия. Пожалуйста, сообщите в службу галактической охраны!

— Вас понял, — сообщил далекий голос. — Связываюсь со службой галактической охраны. Оставляйте на связи.

От облегчения у Люка ослабли колени. Он сел на койку, сжимая в руках старый передатчик. Вот это подарок! Он действительно принес удачу! Когда все закончится, надо будет обязательно поблагодарить дядю Брюса.

— «Титаник-5»? — снова послышался голос из передатчика.

— Да, да, я здесь!

— Служба галактической охраны приняла сигнал.

— Спасибо! — выдохнул Люк.

— К вам направлено несколько крейсеров галактической охраны, а также отряды космической полиции и ближайший к вам корвет службы безопасности космических сообщений, — продолжил голос.

— А вы сами-то кто? — спросил охваченный внезапной подозрительностью Люк. Что, если это — пиратская база, перехватившая его сигнал и решившая над ним так подшутить?

— С вами говорит командир корабля службы безопасности космических сообщений соседнего с вами сектора, Брюс Белов.

— Брюс Белов? — неверяще повторил Люк. — Дядя Брюс, это в самом деле вы? Дядя Брюс, это я, Люк!

— Люк? — переспросил дядя Брюс. И добавил: — Ничего себе!

Люк почувствовал неимоверное облегчение. Больше не придется принимать решений! Теперь знающий и опытный человек скажет ему, что делать.

— Как ты оказался на этом канале?

— Это все ваш передатчик, который вы мне подарили! Я его с собой взял... Дядя Брюс, что мне теперь делать?

— Для начала расскажи, что у вас случилось?

— Один из наших пассажиров был тяжело ранен, и его пришлось отправить на ближайшую планету, чтобы ему сделали там операцию. А когда медицинский катер с раненым вернулся на лайнер, на нем уже были пираты, и они захватили «Титаник-5».

— Сколько их?

— Не знаю. Я видел человек двадцать, но, думаю, их больше.

— Они взяли заложников?

— Да. Сигналили почти всех пассажиров и часть обслуживающего персонала в банкетный зал и держат их там.

— Пираты вооружены?

— Да. Я видел у них в руках бластеры и импульсники.

— А где ты находишься?

— Я в своей каюте.

— Вот и прекрасно. Запри дверь и сиди тихо. Помощь прибудет через два часа.

Разумный совет. Люк и так уже совершил практически невозможное — сумел передать сигнал о помощи, хотя пираты и перекрыли каналы связи. В одиночку он больше ничего не сделает. И все же душа, вдохновленная успехом с коммуникатором и незримым присутствием дяди Брюса, призывала действовать.

— А может, я могу сделать что-то еще? — спросил Люк. — Я заканчивал курсы по борьбе с пиратами, я умею...

— Пираты тоже знают, чему учат на этих курсах, — перебил его дядя Брюс. — Так что если хочешь как можно скорее попасться им в руки, попробуй сделать что-нибудь, что рекомендуют эти курсы.

Люк сник.

— Но я же могу сделать хоть что-то полезное, пока мы ждем крейсера?

— Можешь, — после долгой паузы сказал дядя Брюс. — Но при одном условии. Будешь осторожен, ты меня понял?

— Да, конечно! Говорите, что мне делать! — обрадованно ответил Люк, мысленно уже представляя, как одного за другим он обезоруживает пиратов, а потом входит в банкетный зал и громко объявляет перепуганным пассажирам: «Пираты обезврежены, вы свободны!» Все кричат громкое «Ура» и приветствуют его как героя. А потом к нему подбегает Ники со сло-

вами благодарности, а он смотрит на нее и холодно так говорит: «Извините, а мы знакомы?»

Люк встряхнул головой — нашел время мечтать! Тем более — о таких прямо-таки детских глупостях!

— Нужно, чтобы ты собрал как можно больше информации о пиратах, — тем временем сообщил дядя Брюс.

— Собрал информацию? — вырвалось у Люка. Он был разочарован. Сбор информации — это... это совсем не по-геройски.

— Да, собрал информацию. Чем больше ее будет у галактической охраны и полиции, тем лучше пройдет операция по освобождению. Или ты собирался в одиночку воевать с пиратами?

— Что вы, нет, конечно, — ответил Люк и покраснел.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Это работоторговцы!»

Работая на службу безопасности космических сообщений, дядя Брюс имел доступ к закрытым и секретным базам данных, и поэтому некоторое время спустя он сообщил, что получил полную виртуальную модель «Титаника-5», так что теперь сможет «вести» Люка по кораблю.

Следующий час Люк петлял по служебным коридорам лайнера, следуя инструкциям дяди, и собирал информацию.

Сначала Люк пробрался к машинному отделению. Там он насчитал шесть пиратов и не увидел ни одного из механиков. Интересно, куда их всех дели?

В секторе охраны Люк обнаружил взломанные и опустошенные шкафы с оружием и вздохнул с тайным разочарованием — он чувствовал бы себя куда увереннее, если бы у него в руках был бластер. И что с того, что он ни разу в жизни им не пользовался?

Сами охранники нашлись в камерах временного заключения.

— Может, мне попытаться их выпустить? — тут же загорелся Люк.

— Ни в коем случае, — строго предупредил дядя Брюс. — Во-первых, за ними наверняка следят...

— Но я никого не вижу! — перебил Люк.

— Во-вторых, — продолжил дядя Брюс, — ты не знаешь код доступа. Значит, придется ломать двери, а это шум, на который отреагируют пираты. Да и камеры наблюдения установлены прямо напротив дверей.

— Ну, давайте я камеры отключу! — Люка распирало от желания вмешаться. — Я умею! Или просто их разобью. Я буду ходить по коридорам и выводить камеры из строя, одну за другой. Так сказать, ослеплю пиратов. Как вам такой план?

Сам Люк был в восторге от своей идеи.

А вот дядя Брюс — совсем даже наоборот.

— Послушай, Люк... Если одна за другой камеры начнут отключаться, пираты наверняка поймут, что дело нечисто. Решат доискаться до причины и отправят людей на поиски храброго идиота-одиночки. Ты так хочешь, чтобы за тобой охотились?

Люк поежился. Нет, этого ему совершенно не хотелось.

К центру управления и связи подобраться не удалось — пираты перекрыли все подходы. Следуя инструкциям дяди, Люк попробовал несколько обходных путей, и все равно у него ничего не получилось. Сколько пиратов оставалось внутри центра управления, выяснить не вышло, но на подходах к нему Люк насчитал семерых человек.

Смирившись с неудачей, Люк спросил:

— Куда теперь? В капитанскую рубку?

— Нет, лучше посмотри, что происходит в банкетном зале.

А ситуация в банкетном зале с тех пор, как Люк видел его в последний раз, сильно изменилась.

Во-первых, пираты привели туда и дядю Вольдемара.

Во-вторых, теперь заложников стало больше. Казалось, пираты согнали туда всех пассажиров и почти весь обслуживающий персонал — зал был буквально переполнен испуганными людьми.

В-третьих...

— Дядя Брюс, они зачем-то разбивают всех на группы и разводят в разные концы зала, — зашептал Люк в передатчик.

— Опиши мне, кого они отбирают в группы, — попросил дядя Брюс. Его голос показался Люку озабоченным, впрочем, он не был в этом уверен, может, просто помехи на линии.

— Ну, например, в одну группу они собрали всех маленьких детей. В другую отводят всех лысых. А вот еще одна, и там, похоже, только обслуживающий персонал. Хотя — нет, не только, пассажиры там тоже есть. Все — мужчины, и все — довольно молодые. Девушек тоже собирают отдельно... Дядя Брюс, вы что-нибудь понимаете?

— Люк, сейчас не время для вопросов! Быстро беги по коридору прямо, второй поворот налево, первый поворот направо, два уровня вверх... За углом будет смотровой иллюминатор.

— На месте! — отрапортовал запыхавшийся Люк, пробежав до иллюминатора.

— Выгляни и скажи, не приближаются ли к вашему лайнеру какие-нибудь корабли.

Люк послушно приник к иллюминатору, высматривая золотистые крейсеры галактической охраны.

— Нет, никого. Но ведь рано, вы же мне сказали, что они придут не раньше чем через два часа, а прошел всего час.

— Я не про галактическую охрану спрашиваю. Посмотри, нет ли там других судов.

Люк внимательно всмотрелся в открывающийся ему участок космоса. Вроде пусто.

Хотя...

Да, точно, есть корабль. Черный, угловатых форм, без сигнальных огней, он практически сливался с чернотой космоса. Неудивительно, что сначала Люк его не заметил.

— Вижу, — воскликнул он. — Вижу корабль.

— Можешь описать?

— Похож на скоростной грузопассажирский люгер класса ZX-8, только модифицированный... Дядя Брюс, что это значит?

— Кажется, дело усложнилось. Это не просто пираты, это — работорговцы.

Работорговцы? Так вот зачем заложников «сортировали» на разные группы!

— Дядя Брюс, что же делать? Они почти закончили и наверняка успеют улететь с заложниками, прежде чем сюда придет помощь!

— Я знаю!

Теперь голос дяди Брюса звучал очень напряженно, и это испугало Люка.

— Может, мне попробовать пробраться в центр управления и сбить их корабль? На лайнере есть несколько оборонительных лазеров, я знаю. Или, может, как-нибудь взорвать посадочные площадки? Тогда они не смогут залететь внутрь. Или...

— Не таракти! — оборвал его дядя Брюс. А потом начал быстро отдавать команды: — Вперед по коридору. Вторая дверь справа. Три уровня вниз. Прямо до восьмого отсека слева. Проходишь сквозь него. Впереди два задраенных люка. Открывай тот, что слева. Откручивай по часовой стрелке. Тяни на себя... Так, видишь четыре рычага? Поднимай их все вверх,

один за другим. Быстрее! Сделал? Теперь быстро по коридору назад. Первый поворот направо, затем — третий направо...

— Подождите, я не успеваю! — выкрикнул запыхавшийся Люк. — Скажите, что это за рычаги были?

— ...Поднимайся на четыре уровня вверх, а потом бегом до конца коридора. Это ручные блокираторы дверей в ангар на случай чрезвычайных ситуаций. Ты только что закрыл один. В конце коридора поднимайся на шесть уровней. Попробуем перекрыть все четыре входа в ангар. Пираты, конечно, все равно взрежут перегородки, но это должно их задержать, а к тому времени уже должны будут подтянуться наши крейсера... Так, поднялся? Первый поворот налево, вторая дверь. За ней на стене — щиток. Открывай. Все четыре рычага вверх. Сделал? Быстрее, Люк, быстрее!

До третьего блокиратора Люк бежал, казалось, через весь лайнер, почти физически ощущая, как утекают драгоценные минуты.

А до четвертого он добраться не успел — проносясь мимо одного из смотровых иллюминаторов, он увидел, как черный люгер пиратов начинает стыковку с лайнером.

— Они уже здесь! — отчаянно воскликнул Люк. — Дядя Брюс, они уже здесь!

Коммуникатор молчал.

Люк испуганно уставился на старинный прибор. Экран погас, а когда Люк попробовал включить передатчик заново, тот загорелся всего на миг, печально подмигнул красным индикатором разряженной батареи и снова потух, на этот раз — окончательно.

Люк застонал — ну конечно! Коммуникатором не пользовались неизвестно сколько; удивительно, что он вообще так долго проработал.

И теперь Люк остался совсем один — против нескольких десятков пиратов!

Он затравленно огляделся.

Транспортный ангар находился совсем рядом. Только вот что он там будет делать? Встанет на входе и закроет его грудью — не пропущу? Но пока Люк сомневался, ноги сами несли его к ангару, видимо, решив, что на месте что-нибудь придумается.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Игра в теннис

Пираты не пытались пробиться через задраенные Люком проходы. Они просто сгоняли отобранных пассажиров через единственный оставшийся открытым вход в ангар. Как только пиратский люгер пришвартуется к лайнеру, живой товар быстро погрузят, и скоростной корабль в мгновение ока уберется с «Титаника-5»!

Нет, пиратам никак нельзя позволить улететь и увести с собой заложников! Пока все они остаются на лайнере, есть шанс, что галактическая охрана благополучно разрешит ситуацию.

Только вот как их остановить?

Взгляд Люка упал на юркие флаеры, на которых совсем недавно отчаянные гонщики занимались космослаломом в метеоритном потоке. Может, забраться в один и проследить за люгером пиратов, когда тот улетит? Так он узнает, куда увезут заложников, и передаст эту информацию галактической охране. Только вот в открытом космосе его непременно заметят. Да и не получится у него незаметно пробраться к флаерам — они стоят вдоль противоположной от него стены, к ним нужно бежать через весь ангар, и он будет виден как на ладони.

А вот ремонтный отсек совсем рядом. И в нем находится тот самый расплюснутый флаер, на котором

выиграл безумную гонку сумасшедший слаломист. И, кажется, механики еще восхищались, какой живучей оказалась машина — несмотря на все повреждения, она по-прежнему может летать...

Люк прокрался в пустующий ремонтный отсек, залез в искореженный флаер и, не особо надеясь на успех, запустил двигатель.

Искореженная машина надрывно взывала и нехотя завелась.

Ура! Но — что дальше?

Тем временем в транспортном ангаре показалась вереница первых пленников. Через несколько минут стыковка люгера с «Титаником-5» завершится, пираты загонят на борт свой живой товар, и...

Люк с надеждой огляделся. Сейчас — самый подходящий момент для появления кого-нибудь, кто вмешается и остановит пиратов. Кто-то просто обязан появиться!

Но никто не появился. И Люк с ужасом понял, что этот самый кто-то, кто еще может хоть как-то вмешаться, — это он сам.

Только что он может сделать?

В двигателе флаера что-то застучало и закрипело и Люк вдруг вспомнил рассказанную доктором историю про пилота, пожертвовавшего собой и флаером для того, чтобы взорвать вражеский корабль.

Вот он, выход! Если взорвать люгер пиратов, то им не на чем будет сбежать с «Титаника-5»! Впрочем сбежать-то они смогут и на флаерах, но вот заложников придется оставить здесь, а это — самое главное.

Но у Люка нет никакого оружия, чтобы уничтожить пиратский люгер. Есть только этот разбитый флаер.

Люк сглотнул. Нет, он не готов... Он совсем не готов умирать! Да, разумеется, пожертвовав собой, он может спасти много чужих жизней, но эта благородна:

мысль почему-то совсем не помогала, никак не делала идею смерти менее пугающей.

В транспортном ангаре тем временем собиралось все больше заложников. Люку показалось, что он заметил в толпе Ники — очень красивую и очень испуганную. Пусть она оказалась высокомерной и заносчивой девчонкой, но она никак не заслуживала участи быть проданной в рабство...

Люк зажмурился и замотал головой. Не может быть, что он всерьез рассматривает такую возможность... Не может быть, что он раздумывает... что он реально собирается сделать это! Так поступают храбрые военные. Или герои из фильмов и книг. Но самые обычные, ничем не примечательные люди вроде него так не поступают!

Дрожащей рукой Люк нажал на пуск и поставил скорость на максимум. Пока он летит сквозь просторный ангар, он должен успеть разогнаться достаточно для того, чтобы, врезавшись в люгер, спровоцировать взрыв.

Черный корпус пиратского корабля стремительно приближался.

Руки дрожали, сердце бешено стучало в груди, горло сжал сильный спазм. Люк отчаянно зажмурился.

«Родителям даже записки не оставил, не попрощался», — мелькнула у него последняя мысль.

Затем маленький флаер сотряс страшный удар.

Оглушенный Люк непонимающе уставился в лобовой экран. В чем дело, почему не было взрыва?

Флаер беспомощно кувыркался в космосе, отскочив от люгера словно теннисный мячик от стены.

Люк нашел взглядом пиратский корабль. Целый и невредимый! Значит, надо повторить. Люк развернул флаер и снова на полной скорости направил его прямо на корабль. Сейчас он его пробьет! Он должен!

И снова страшный удар, и снова флаер отскочил от пиратского люгера.

★ Люк не думал, не рассуждал и не сомневался. Все мысли, все эмоции остались где-то там, в прошлом. Сейчас он действовал на автомате, бездумно, словно машина. Он снова выровнял флаер, развернул его и направил на пиратский корабль.

Удар, рывок, жуткий скрип искореженного флаера — и он снова отлетает, словно теннисный мячик.

Хрипло чихнув, ожил центр связи.

— Эй, ты кто такой? — раздалось из динамиков. — Ты чего делаешь?

Отчаянно пытаясь выровнять кувыркающийся флаер, Люк поначалу даже не понял, что пират обращается к нему.

— Слушай, кто бы ты ни был — вокруг корабля силовое поле, тебе его не пробить.

В парализованное страхом сознание постепенно пробились слова «силовое поле». Ах, вот в чем дело! Вот почему его так рикошетит при каждом ударе!

С трудом поворачивая разбитый флаер на новый заход, Люк почувствовал, как к нему снова возвращаются эмоции и способность мыслить.

Значит, пиратский люгер окружен силовым полем. Что ж, пусть и не так, как задумывал Люк, но план работал — пираты не зря забеспокоились. До той поры, пока включено силовое поле, никто не может ни войти на корабль, ни выйти из него. Это значит, что пираты не смогут начать погрузку пленников. А до той поры, пока флаер Люка бьется о силовое поле, они не станут его отключать, иначе их люгер просто взорвется при ударе. Ситуация патовая...

Значит, нужно продолжать — до тех пор, пока не придут крейсера галактической охраны. Главное, чтобы покореженный сверх всякой меры флаер выдержал еще несколько ударов.

— Ты что — дурак? Ты не понял? Или ты глухой? — голос в динамике звучал раздраженно. — Хватит! Тебе чего надо?

Люк решил ответить.

— Я хочу, чтобы вы сдались! — сказал он, включив обратную связь.

— А координаты от планеты, где деньги лежат, тебе не надо? — заржал на другом конце пират.

Люк не ответил — он как раз набирал скорость для новой атаки.

Сейчас, когда он знал, что люгер окружен силовым полем, врубаться в него было уже не так страшно, но где-то на самом краю сознания мелькала тревожная мысль: а вдруг вот именно сейчас пираты снимут силовое поле?

— Какой у тебя план, а? — тем временем продолжал допытываться пират. — Ты чего хочешь добиться этими своими наскоками? Запугать нас? Да мы скорее помрем от смеха, уж очень ты похож на муху, бьющуюся о стекло.

Наверное, со стороны это и впрямь выглядело нелепо и смешно. Правда, самому Люку было не до смеха. Разбитый флаер отчаянно мигал аварийными сигналами, и каждый новый удар мог стать последним.

Еще одно столкновение, и снова его флаер отброшен в космос.

— Слушай, может, тебе денег дать, а? — устало спросил голос из хрипящего динамика. — Мозг себе новый купишь.

— Да не нужны мне ваши деньги! — огрызнулся Люк, с тревогой отмечая, как тускнеет подсветка во флаере. Похоже, машина вот-вот развалится. Да где же эта галактическая охрана? Он тут в лепешку разбивается, в буквальном смысле этого слова, а их все нет и нет!

— Какой ты несговорчивый! — раздраженно продолжил пират. — Какой-то плохой у тебя характер.

— Нормальный у меня характер, это у вас нервы слабые, — буркнул Люк, пытаясь хоть как-то управлять ставшим совсем неуправляемым флаером.

— Ну, раз ты — дурак, продолжай биться. Нам то что? Мы подождем, пока ты не взорвешься, нам спешить некуда.

«А вот тут вы здорово ошибаетесь! — злорадно подумал Люк. — Знай вы, что с минуты на минуту тут будет галактическая охрана, вы бы ох как заторопились!»

Флаер снова врезался в силовое поле. Раздался звук удара, жуткий хруст, а потом...

Словно в замедленном кадре, Люк увидел, как прямо перед ним треснул корпус его многострадального флаера и как тот стал расползаться, разваливаться на куски. Люк в ужасе зажмурился, а потом ощутил сильный толчок и почувствовал, что словно парит в невесомости.

«Бестолковая смерть, — с досадой подумал он. — Даже люгер не взорвал!»

И расстроился.

Хотя, наверное, глупо расстраиваться из-за таких вещей, если ты уже умер.

— Прием! Прием! — услышал Люк чей-то голос, вздрогнул от неожиданности и открыл глаза.

Оказывается, он не умер. Он парил в открытом космосе в прозрачной жизнекапсуле — автоэджектор сработал и катапультировал его из флаера за миг до того, как тот раскололся.

Справа от Люка висела громада «Титаника-5». А слева... слева к нему приближались золотистые крейсеры галактической охраны!

— Прием! — снова послышался чей-то голос. — Пилот флаера, вы живы?

— Жив, — отозвался Люк.

— А что это вы такое странное делали?

— Что делал, что делал, — ворчливо пробурчал Люк. — В теннис я играл!

— Да? А больше похоже, что с вами играли, — отозвался голос. — Держитесь, сейчас мы вас подберем.

Люк парил в невесомости жизнекапсулы, наблюдая за приближением золотистых крейсеров и представляя, как сейчас, должно быть, засуетились пираты.

А потом его втащили внутрь спасательного катера, и его измученное сознание отключилось.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Настоящая жизнь

— Благодаря моему профессионализму, а также некоторой помощи со стороны экипажа лайнера ситуация разрешилась благополучно и без жертв. Все пираты арестованы службой галактической охраны, — важно вещал дядя Вольдемар перед собравшейся толпой репортеров, поочередно демонстрируя им то свой величественный фас, то гордый профиль.

— Вольдемар Артурович, Вольдемар Артурович, еще несколько вопросов! — галдели одни журналисты.

Другие снимали «Титаник-5» и брали интервью у пассажиров. В одну камеру попал раненый слаломист, который, хоть и пропустил всю эпопею с пиратами, пролежав в медикамере, но все равно гордо заявлял в кадр:

— Это я, это я разбил тот флаер! И это меня везли обратно на медицинском катере, когда его захватили пираты!

«Сомнительный предмет для гордости», — усмехнулся про себя Люк и, перекинув через плечо рюкзака со своими вещами, зашагал прочь от лайнера.

Ни дядя Вольдемар, ни пассажиры, ни журналисты не обратили на него никакого внимания.

Не то, чтобы он рассчитывал, что его сделают героем и будут хвалить за храбрость и находчивость. И не то, чтобы ждал какой-то особой благодарности — то, что он спас пассажиров от ужасной участи, само по себе было уже достаточной наградой.

И все же... Именно он сумел передать сигнал бедствия! Именно он задержал пиратов и не позволил им улететь и увезти с собой захваченных для продажи пассажиров! А интервью берут у дяди Вольдемара...

— Эй, куда это собрался? — услышал он чей-то голос.

Люк обернулся и увидел подходящего к нему дядю Брюса.

— А вы-то как здесь оказались? — удивился он.

— Как все — на космическом корабле, — пошутил дядя Брюс, а потом посерьезнел. — Мы рванули сюда, как только ты со мной связался. Но мы работаем в соседнем секторе, так что добрались только сейчас.

Люк кивнул, не очень понимая, зачем все-таки прилетел дядя Брюс и что ему теперь говорить.

— Так понимаю, с «Титаника-5» ты ушел? — спросил дядя Брюс, кивая на рюкзак за спиной Люка. — И как, уже есть планы?

— Нет, — мотнул головой Люк. Планов у него не было, но почему-то сейчас неизвестность его больше не пугала.

— Ну, раз нет, тогда, может, к нам? — улыбнулся дядя Брюс.

— К вам? — вытаращил глаза Люк. — В вашу Службу?

— А почему это тебя так удивляет?

— Ну, у вас такая серьезная работа, вам нужны подготовленные люди, вы же, если что случится, должны корабли спасать...

— Именно, — кивнул дядя Брюс. — А я тут как раз узнал про одного парня, который корабль спас. Вот, прилетел пригласить его к нам. Ну, так как?

— Еще спрашиваете! — обрадовался Люк. — А кем?

— Как это кем? Тем, кем умеешь быть лучше всего. Люк гордо приосанился.

— Стюардом! — закончил дядя Брюс.

Люк разинул рот. Стюардом?

Несколько мгновений дядя Брюс любовался ошарашенным выражением лица племянника, а потом дружески хлопнул его по плечу:

— Да шучу я, расслабься! Астронавигацию в школе проходили?

— Проходили.

— Ну, вот с этого и начнем.

Люк улыбнулся и зашагал вслед за дядей по взлетному полю в настоящую жизнь.

И на этот раз ему было совсем не страшно.

СЕРГЕЙ ПАЛЬЦУН

ОХОТА НА БЕЛУЮ СМЕРТЬ

Этот мир уже никогда не будет таким, каким был до прихода человека.

Кир Булычев. Закон для дракона

Олег вышел из лагеря рано, едва только небо стало приобретать серый оттенок. По настоянию Марьяны он надел скафандр высокой защиты и хотел дойти до маяка за то недолгое время, пока спрятавшихся ночных тварей еще не сменили проснувшиеся дневные. И те и другие с упорством, достойным лучшего применения, бросались на белый скафандр, а Олег, хоть умом и понимал, что никакой опасности для него

эти попытки не представляют, не мог до конца подавить выработанные в детстве рефлексy и пусть немного, но нервничал. Из-за этого, а также из-за ощущения неуклюжести и скованности движений Олег не любил ходить в скафандре, тем более что тех же детских навыков вполне хватало, чтобы справиться с любой из сухопутных опасностей, с которыми их экспедиция до сих пор сталкивалась на Форпосте. Но чутью жены он привык доверять безоговорочно, а Марьяна на этот раз была очень настойчива.

От маленькой бухточки у подножия безжизненных отвесных скал, где остался экспедиционный катер, до маяка было шесть километров, но ближе не позволяло садиться соглашение, заключенное в свое время с расой «юношей». «Юноши», названные так с легкой руки первого столкнувшегося с ними землянина доктора Павлыша, не возражали против проведения Землей исследований природы Форпоста. Но поставили условие, что аборигены, которых изучали сами «юноши», не должны сталкиваться с проявлениями земной техники. Скафандры составляли исключение, поскольку после вынужденного посещения Форпоста тем же Павлышем фигуры в белых скафандрах воспринимались аборигенами, как разновидность духов.

Олег шел вдоль берега по упругому влажному песку и, поглядывая на чернеющие слева кусты, думал, как было бы хорошо, если бы маяк перенесли до прилета их экспедиции. Например, когда разбирали потерпевший недалеко отсюда аварию «Компас» и монтировали из его частей базу землян на названном в честь погибшего корабля безжизненном скалистом острове в двухстах километрах от ближайшего берега. Но на «Сегеже» не было необходимого для переноса и настройки маяка оборудования, да и срочной необходимости в таком переносе тоже не было. А жаль, не пришлось бы теперь каждые десять мест-

ных суток топать пешком туда и обратно дюжину километров. Конечно, по земным меркам это не так уж часто, поскольку местные сутки длятся четверо земных, но все равно подготовка к каждому сеансу космической связи требовала нескольких часов — непродуктивная, с точки зрения Олега, трата времени. Марьяна и Маугли считали иначе. Они бы предпочли, чтобы путь от стоянки катера до маяка был раз в два больше, но, увы, больше таких укромных и не интересующих аборигенов бухточек в пределах пешей досягаемости не было.

«А ведь сегодня у нас юбилей! — подумал Олег. — Десятый сеанс связи с Землей. Надо будет вечером отметить — четыреста дней потратили не зря. Вот только главная задача...»

Из кустов на Олега бросился полуденный ктырь с явно сбитым суточным циклом. Олег отмахнулся, переломив тварь пополам, и пошел быстрее, не отвлекаясь больше на посторонние мысли.

Олег просмотрел накопившиеся сообщения, отправил на Землю отчет и, потягивая сок, ждал подтверждения получения. По инструкции отчет следовало отправить в первую очередь, но Олег выгадывал время, чтобы просто посидеть в помещении маяка. На Земле об этом знали и смотрели сквозь пальцы как на проявление ностальгии. Так оно и было, только тосковал Олег не по земной траве и небесам, изображенным на висящем над пультом пейзаже, а по космосу. Он родился на борту космического исследовательского корабля «Полюс» и когда после шестнадцатилетнего перерыва вновь оказался в космосе, понял, что его родина именно здесь — среди бескрайней пустоты. Потом была Земля, десять лет учебы и путешествий, диплом инженера дальней космической связи, зачисление в команду «Магеллана» — и снова космос. О ко-

тором теперь напоминал лишь тесный кубик помещения маяка, похожий на корабельную рубку связи.

На пульте мигнул индикатор — пришло сообщение с Земли. Олег быстро пробежал его глазами — ничего особенного, подтверждение связи и пожелание успехов — и заторопился. Ностальгия ностальгией, но Марьяна наверняка уже начинает беспокоиться, особенно учитывая ее предчувствия.

Марьяну, в отличие от Олега, космос не манил совершенно. Там не было жизни, а Марьяна любила жизнь во всех ее проявлениях. Олегу порой казалось, что в принципе невозможно найти живое существо, отвратительное настолько, чтобы жена не смогла бы испытать к нему если не любовь, то хотя бы жалость и сочувствие. Потому-то Маугли и настаивал, чтобы институт биоформирования пригласил в экспедицию на Форпост именно ее. А заодно и Олега как технического руководителя экспедиции.

Маугли относился к космосу философски, как древние мореплаватели к океану, который не только отделял от чудесных дальних стран, но и соединял с ними. Исходив за пять лет всю Индию, где он окончательно отказался от имени Казимир, и осмотрев все основные земные достопримечательности, Маугли выполнил намеченный в детстве план, но всепоглощающая страсть к новому осталась неутоленной. И тогда он пришел в институт биоформирования, поскольку именно там людей готовили к исследованию обычно негостеприимных новооткрытых планет. Но стать биоформом Маугли не довелось — последствия полученных в детстве тяжелых ран делали биотрансформацию слишком опасной. Максимум, чего удалось добиться Маугли, пустив в ход все свое обаяние и умение убеждать, — это небольшой переделки, позволявшей ему дышать без маски в атмосферах с малым содержанием кислорода. Полноценным био-

формом Маугли не стал, но в институте благодаря навыкам следопыта и охотника остался. Институту для совершенствования методик биоформирования требовались существа с уникальными свойствами, и кто-то должен был их выслеживать и ловить.

Олег содрогнулся при воспоминании об одном таком существе, вернее, существах, с которыми он познакомился в первую же вылазку с острова на побережье. Знакомство вышло незабываемым — все не закрытые одеждой места нестерпимо жгло почти целые местные сутки. Хорошо хоть лицо было закрыто кислородной маской, когда на дереве, под которым Олег присел отдохнуть, начали с характерным звуком лопаться плоды, выбрасывая облачка пыльцы. Маугли, воспользовавшись порывом ветра, отнесшего пыльцу в сторону, оттащил кричащего Олега от дерева, а Марьяна начала смывать пыльцу водой из фляги, но от этого стало только хуже. Пришлось лететь на базу — к диагносту. Тот определил, что опасности для жизни нет, а поражение носит паразитарный характер. Верхний слой кожи Олега оказался буквально напигован сотнями мельчайших существ, которые, к счастью, быстро погибали при стандартной антисептической обработке.

Убедившись, что Олегу больше ничего не грозит, Марьяна полетела назад на побережье — ближе познакомиться с пыхтой, как окрестил поразившее Олега дерево Маугли. Знакомство оказалось столь многообещающим, что определило основное направление исследований Марьяны на все время экспедиции.

Выяснилось, что облачка, которые пыхта выбрасывала в среднем каждые девять местных суток, состояли вовсе не из зернышек пыльцы, а из мельчайших крылатых существ, напоминающих земных мошек. Мякоть шарообразных плодов пыхты по структуре напоминала соты, в ячейках которых эти мошки

и развивались. Созрев, они прогрызали себе путь во внутреннюю полость плода и накапливались там, питаясь мякотью и выделяя газ. Давление газа постепенно нарастало, и в какой-то момент, обычно на рассвете, когда солнце начинало греть остывшие за ночь плоды, те лопались, и освобожденные мошки разлетались в поисках нового пристанища. Полет в безветренную погоду был не очень долгим. Попад на какую-нибудь поверхность, мошки начинали искать, а если не находили, то выгрызали в ней норку, расширяющуюся в виде пузырька. Если поверхность оказывалась мягкой и влажной, это обычно удавалось, и мошки приступали к следующему этапу — заполнению пузырька питательными веществами. А когда пузырек, наконец, был полон, окукливались, или, правильнее сказать, осеменовались, и через некоторое время из этой куколки-семени вырастала новая пыхта.

Когда Олег дошел до основания мыса, солнце поднялось уже достаточно высоко, и росшая у самого поворота к бухте пыхтовая рощица запыхлила. Олега передернуло. «Не поминай черта, — подумал он и ускорил шаг. — Наверно, именно это Марьяна и предчувствовала».

Олег уже почти миновал рощицу, когда боковым зрением заметил что-то странное. Выброшенные пыхтами мошки, вместо того чтобы разлетаться, собирались во все уплотняющееся облако. И от этого облака исходило усиливающееся ощущение угрозы. Олег остановился, достал камеру, чтобы снять странное явление, и тут облако, поколыхавшись, начало двигаться в его сторону. Олег отказывался верить своим глазам, но к нему медленно и неуклюже, вспучиваясь в разные стороны щупальцами, приближалась главная цель экспедиции — Белая смерть.

Первым из землян с Белой смертью столкнулся доктор Павлыш. Доктор едва не стал ее жертвой, но в конечном итоге уничтожил чудовище. Он же предположил, что поглощающее всех встреченных живых существ аморфное белое образование размером со слона создано «юношами», чтобы не позволять аборигенам покидать долину, где «юноши» проводили свой эксперимент по ускорению эволюции общества. Однако во время переговоров капитана прибывшей за Павлышем «Сегежи» с проводившим эксперимент «юношей» выяснилось, что экспериментаторы не создавали Белую смерть, хотя и использовали ее в своих целях. Она появилась у входа в долину при его предшественнике, а до того «юноши» прекрасно контролировали племя без нее. Правда, теперь, когда Белая смерть уничтожена, а аборигены узнали, что из долины есть выход, над экспериментом нависла угроза срыва. Впрочем, как заметил «юноша», вид не может состоять из одной особи, а значит, освободившуюся территорию вскоре займет новая Белая смерть.

После переговоров земляне дополнительно завалили вход в долину и при помощи геологических лазеров сделали наружный склон завала практически вертикальным — чтобы Белая смерть не могла проникнуть в долину. Кроме того, в пещере у подножия завала был оставлен робот-разведчик, который должен был в случае появления новой Белой смерти уничтожить ее. Робот мог получать указания от «юноши» и отправлял донесения обо всем происходящем на маяк, откуда они передавались дальше — на Землю.

Из донесений выяснилось, что «юноша» был прав — Белая смерть периодически вновь появлялась у перекрытого входа в долину, и «юноша» даже придумал связанный с нею ритуал. Всякий мужчина, претендовавший на какую-либо особую роль в племени, должен был доказать, что достоин ее, заманив

Белую смерть к пещере, в которой прятался робот. Если это удавалось, Огненный дух, как называли робота аборигены, не выходя из пещеры, сжигал чудовище лазерным лучом на глазах у наблюдающих за обрядом доверенных воинов, и претендент получал желаемое. Если же претендентов не было и в ближайшее время не предвиделось, робот просто уничтожал Белую смерть, как только обнаруживал.

Олег инстинктивно вытащил из кармана скафандра лучевой пистолет, но стрелять не стал. Белую смерть — совершенно уникальную форму жизни — нужно было поймать и доставить в институт биоформирования живьем. А поскольку за год поисков по всему побережью это была первая встреченная особь, ее ценность многократно возрастала.

Олег спрятал пистолет и вызвал по рации Маугли. Тот не отвечал. Марьяна тоже. Ничего странного в этом не было — и Маугли, и Марьяна постоянно «забывали» брать рации, а если по прямому приказу Олега все-таки вынуждены были их взять, «забывали» включить. О скафандрах и речи не шло. Маугли объяснял свою «забывчивость» просто: следопыту и охотнику совершенно не нужен ни лишний вес, ни внезапный шум. Марьяна с ним не соглашалась, поддерживая Олега в том, что безопасность члена экспедиции гораздо важнее успешной охоты. Но сама при этом отказывалась брать с собой какие-либо электронные устройства, говоря, что, во-первых, электронные приборы мешают ей устанавливать контакт с изучаемыми животными и растениями, а во-вторых, она, в отличие от Маугли, ведет исследования в хорошо изученных местах, где ей ничего не угрожает.

«В хорошо изученных местах...» — Олег вспомнил, что Марьяна сегодня собиралась сходить к растущим неподалеку от бухты пыхтам. И если там случится

то же, что и здесь... Олег повернулся к Белой смерти спиной и побежал в сторону стоянки. Чудовище некоторое время пыталось его догнать, но безнадежно отстало и повернуло назад к рожице.

Пробежав километра два, Олег понял, что еще немного и желание отвинтить шлем станет непреодолимым. Скафандр не был рассчитан на бег и не справлялся с подачей необходимого количества воздуха. Немного отдышавшись, Олег пошел дальше максимально быстрым шагом, убеждая себя, что молодая Белая смерть, похоже, создание медлительное и в случае чего Марьяна легко от нее убежит. А если чудовище наткнется на Маугли, то неизвестно кому понадобится убежать.

До пыхт Олег не дошел. Еще издали он увидел идущую навстречу Марьяну и, судя по тому, как она издали радостно помахала Олегу, а потом развела руки, показывая размер добычи, у нее все было в порядке. Олег выкрутил на максимум усиление динамиков скафандра и крикнул:

— Где Маугли?!!

Марьяна махнула рукой в сторону бухты, и Олег, наконец, смог вздохнуть с облегчением.

В бухте Маугли не оказалось. На переднем сиденье катера лежала записка: «Ушел на охоту. Не ищите». Олег порадовался, что не успел рассказать жене про Белую смерть, иначе Марьяна точно бросилась бы на поиски. А отыскать Маугли, который не хочет, чтобы его искали, не проще, чем пресловутый след рыбы в воде и змеи на камне. Но почему Маугли счел нужным написать, что его не надо искать? Полагал, что такое желание может у них возникнуть? Олег отогнал несвоевременные мысли, сунул записку в карман и спросил Марьяну, как там поживают его «любимые» пыхты.

Пыхты поживали прекрасно, а Марьяне так вообще очень повезло — она пришла как раз вовремя, чтобы успеть собрать всю пыльцу в пневмолушки и надолго обеспечить себя материалом для исследований.

— А ты, Олежка, что-то скрываешь, — неожиданно закончила Марьяна и выжидающе посмотрела на мужа.

Пришлось рассказать ей про Белую смерть. Марьяна, как и полагал Олег, тут же потребовала лететь на поиски.

— Ты же знаешь, что по договору с «юношами» мы не можем летать в том районе, — возразил Олег.

— Ну и пусть, мы потом им все объясним!

— Что мы ловим Белую смерть, которую сами же просили уничтожать?

— Я придумаю, как объяснить. А если ты боишься, я сама полечу!

— Марьяшка, успокойся, пожалуйста. — Олег старался говорить спокойно и убедительно. — Представь себе, мы уплываем на базу за флаером, а в это время возвращается Маугли. Что он почувствует? А если за ним будет гнаться Белая смерть? Он ведь без скафандра, да и пистолет обычно не берет...

— Вечно он ведет себя, как ребенок!

— Ты же знаешь: строго говоря, он и есть...

— Но ведь надо что-то делать! — всхлипнула Марьяна. И тут Олега осенило.

«Вот, небось, твари в кустах удивляются, что это за чудо разбегалось тут туда-сюда», — думал Олег, в третий раз за долгое местное утро меряя ногами берег между бухтой и маяком. Но в этот раз он должен был найти Белую смерть, следить за нею, а если понадобится, отвлечь на себя. Олег не был уверен, что план сработает, но теперь Марьяна, по крайней мере, не рвалась на поиски, а ждала Маугли.

Олег очень надеялся, что слежка продлится недолго, но до нее так и не дошло. На полпути к маяку Ма-

рьяна вызвала Олега по рации и, узнав, где он находится, сказала:

— Подожди нас там, мы скоро будем, — и добавила после паузы: — Маугли поймал Белую смерть.

Маугли отправился на охоту вскоре после того, как ушла Марьяна. Он никогда за последний год не видел ее настолько обеспокоенной и почувствовал, что сегодня их четырехсотдневный поиск может увенчаться успехом. Белая смерть обычно появлялась в районе входа в долину, и Маугли устроил там ловушку. Предчувствия не обманули. Не прошло и двух часов, как хорошо знакомое по описаниям облако Белой смерти выскользнуло из-за кустов и неторопливо направилось к отдыхающему возле небольшого походного купола Маугли. Тот столь же неторопливо встал и забрался в купол. Чудовище последовало за жертвой, но та с неожиданной прытью выскочила через запасной выход и тут же заблокировала оба люка.

— Вот такой наш Маугли молодец! — закончила Марьяна изложение услышанной ранее от удачливого охотника истории.

— Молодец, — пробормотал Олег. — Но если этот молодец еще раз уйдет на охоту, не сообщив начальнику экспедиции, то будет три дня детально описывать добытые им же образцы.

Маугли с улыбкой обернулся к Олегу, и тот уточнил:

— Три местных дня!

Маугли, однако, улыбнулся еще шире и, изобразив почтительный полупоклон, приглашающим жестом указал коллегам на виднеющийся впереди между кустами просвет. Невольно затаив дыхание, Олег с Марьяной сделали несколько шагов вперед, но купола с Белой смертью на открывшейся их взглядам поляне не оказалось. Там, где он, по-видимому, стоял, чернел выжженный круг...

Обратный путь на базу прошел в мрачном молчании. Желая немного поднять настроение, Олег за ужином напомнил, что сегодня у экспедиции юбилей, но Марьяна только еще больше расстроилась:

— Больше года искали! Нашли! И тут приходит этот дурацкий Огненный дух, бац, и все псу под хвост!

Олег предложил ответить Огненному духу огненной водой и налил всем по тридцать граммов коньяка, но Марьяна даже не улыбнулась. Да и неунывающий обычно Маугли сидел в углу туча тучей. Так и хотелось на него дунуть, чтобы развеять хмурь, как облачко «пыльцы» над пыхтой...

— Ребята! — воскликнул Олег. — А я ведь, похоже, знаю, как получить Белую смерть *in vitro*!¹

К обеду второго дня энтузиазм стал спадать. Были перепробованы самые разные варианты вбрасывания собранной Марьяной «пыльцы» в сооруженную роботами прозрачную двухметровую сферу, но безрезультатно.

— Мы явно не учитываем какой-то фактор, — устало заметил Маугли, когда «пыльца», поклубившись некоторое время, в очередной раз осела в нижней части сферы, не делая никаких попыток сгруппироваться в Белую смерть.

— Ничего удивительного, — сказал Олег. — Имя этим факторам легион. Состав почвы, радиационный фон, температура, влажность, направление ветра... Может, нужен какой-то симбионт, тут вся биосфера — сплошные симбионты. Может, те пыхты у мыса — мутанты. А может, есть нижний предел необходимой численности и нам не хватает какой-нибудь пары мошек...

— Угу. А может, планеты неблагоприятно расположились. Или местные ведьмы порчу навели. Кстати, тут есть ведьмы?

¹ *In vitro* (лат.) — дословно «в стекле», то есть в лабораторных условиях.

— Маугли, — вмешалась Марьяна, — прекрати ныть. Иначе тебе придется иметь дело как минимум с одной рассерженной ведьмой.

Маугли умолк, а Марьяна продолжила:

— Кстати, мальчики, раз уж речь зашла о ведьмах. Они, насколько я знаю, предпочитают ставить эксперименты не *in vitro*, а *in situ*¹. Может, последуем их примеру? И число неучтенных факторов сразу уменьшится...

Строго говоря, эксперимент следовало бы проводить на рассвете следующего местного дня, но Марьяна опасалась, что пыльца так долго не протянет, и в путь отправились сразу. Тем более что приближалась местная ночь, и освещенность на закате должна быть примерно такой же, как на рассвете.

Не прошло и нескольких часов, как на опушке пыхтовой рощицы, аккуратно держа сферу на уровне крон, стоял робот, а Олег настраивал камеру, чтобы зафиксировать ход эксперимента. Наконец все было готово, пневмолушки вдуги «пыльцу» в сферу, и экспериментаторы замерли, ожидая дальнейшего развития событий. Поначалу взвесь заполняла сферу равномерно, потом, как и раньше, на острове, начала постепенно оседать, но в этом оседании было что-то неуловимо отличающееся от всех предыдущих случаев. Пыльца не просто клубилась, в ее хаотическом движении чувствовалось зарождение некоего порядка. И через некоторое время стало окончательно очевидно, что внутри сферы образуется Белая смерть.

Обратный путь к катеру превратился в победное шествие. Впереди двигался робот, гордо неся сферу с заключенной в ней Белой смертью. За ним шли Олег с камерой и Марьяна, следящая чтобы с чудовищем не случилось ничего плохого. Стоило Белой

¹ *In situ* (лат.) — дословно «на месте».

смерти выпустить щупальце-ложноножку, как Марьяна нажимала кнопку, и из ближайшей к щупальцу пневмоловушки впрыскивалось в сферу облачко смеси, которой она обычно кормила подопытных мошек. Замыкал шествие Маугли, бдительно смотревший по сторонам, не появится ли из-за очередного куста Огненный дух.

Поначалу все обошлось. До катера добрались без происшествий. Неприятности начались уже по дороге на базу. Белая смерть становилась все более вялой и, в конце концов, совсем перестала шевелиться, застыв на дне сферы. А потом как-то сразу потеряла форму, и сфера заполнилась хаотически движущимися мошками.

Вторая Белая смерть, оказавшаяся в распоряжении экспедиции, была потеряна, но уныния теперь это не вызвало. Стало окончательно ясно, что Белая смерть действительно местного происхождения, а не завезена пришельцами, и, значит, получение новой особи всего лишь вопрос времени и организации. Время у экспедиции еще было, а, поскольку теперь стало ясно, в каких местах нужно искать чудовище, найти и поймать его было гораздо проще, чем при поисках наудачу.

Из всех участков берега, обследованных экспедицией, отобрали десяток наиболее похожих по условиям на место, где зарождалась Белая смерть, и установили камеры возле тамошних пыхтовых деревьев. Через девять местных суток камера, расположенная у рошницы, где уже два раза наблюдали возникновение Белой смерти, зафиксировала новое появление чудовища.

Ловить новое чудовище не стали, оставив на милость Огненного духа. На следующее местное утро намечался очередной сеанс связи с Землей, и Марьяна предложила повторить эксперимент по получению Белой смерти, используя пыльцу с двух разных, далеко отстоящих друг от друга мест.

Эксперимент прошел удачно. На этот раз, чтобы исключить влияние качки и повышенной влажности, полученную Белую смерть везли на базу на флаере. И довели в целости и сохранности. Распалась она уже на острове.

Группа успела провести еще три безрезультатных эксперимента в других местах и готовилась к четвертому, когда Олег, вернувшись после очередного сеанса связи, произнес классическую фразу:

— У меня есть две новости, плохая и хорошая.

И, не уточняя, с какой начать, после паузы продолжил:

— Начну с хорошей. Через пару недель в систему прибудет «Магеллан» с бригадой, которая займется переноской маяка сюда на остров. Соответственно, мне не придется больше тратить время на лишнее хождение, и это хорошо. А плохо то, что эта же бригада собирается демонтировать старую базу и строить новую, не различимую на фоне здешних скал. Нас же на время строительства отзывают на Землю. Так что нам надлежит упаковать собранные материалы, среди которых особо выделена «пыльца исследуемого растения», и продолжить работу с ними в институте биоформирования.

— Странно они как-то пишат, — удивилась Марьяна, — мы ведь не одно растение исследуем, можем и перепутать.

— А чего ты хочешь, Марьянка? Чтобы написали: «Собрать пыльцу пыхты, чтобы на Земле заняться получением и изучением Белой смерти?» — полушутливо спросил Олег. И добавил уже серьезно: — Не могли они так написать. Для «юношей» ведь наши переговоры не секрет.

— А что «юноши»? Они поймут, ведь мы для большой цели работаем. Хотим заставить Белую смерть служить жизни!

— Думаю, они давно уже все поняли. Но после того, как мы их самих обвиняли в создании чудовища, писать такое как-то неудобно.

— Неудобно будет, если это чудовище вырвется из наших рук на Земле или другой планете. Пыхта... — начал Маугли, но Марьяна, которая всегда очень нервничала, когда нужно было куда-то переезжать, не слушая, перебила его:

— Ребята, у нас же времени почти не остается! А надо еще пыльцу собрать, данные проверить, померить, что не успели...

Следующие две недели выдались очень напряженными. Марьяна собирала пыльцу, упаковывала образцы, систематизировала записи. Олег с Маугли, составившие обширный список факторов, которые теоретически могли повлиять на зарождение Белой смерти, летали по Форпосту, проводя недостающие измерения. Когда выдавалась свободная минутка, помогали друг другу. Усталость накапливалась, поэтому никто особо не удивился, когда в шлюзовой камере «Магеллана» Маугли споткнулся и случайно нажал кнопку пневмолушки. Все были в скафандрах, поэтому никто не пострадал, но вся собранная пыльца рассеялась в разреженном воздухе шлюза, а потом, когда сработала система биологической защиты, — в космическом вакууме.

Марьяна хотела вернуться на Форпост, чтобы восполнить утраченное, но капитан «Магеллана», узнав, что на сбор нужного количества пыльцы потребуется несколько местных суток, разрешения не дал. Но в порядке компенсации попросил старшего штурмана позволить исследователям пользоваться бортовым компьютером для анализа накопленной информации. Штурман, увлекавшийся в годы учебы статистическими расчетами, охотно согласился и даже предложил

помочь с подготовкой данных для программы. Марьяна воспользовалась этим предложением и с головой погрузилась в работу. Олег засел за составление подробного отчета. Маугли немного помог Марьяне, а потом подключился к Олегу.

Через неделю, когда все данные были введены и компьютер, занялся их анализом. Олег попросил Маугли помочь Марьяне с оценкой результатов этого анализа:

— Марьяна думает, что тебе неудобно общаться с ней из-за пыльцы, однако она тебя не только не винит, но и надеется на твою помощь. Говорит, что без твоей светлой головы нам будет гораздо труднее. И я с ней согласен.

— Спасибо, Олег. Никакого неудобства. С пыльцой действительно вышло случайно, и виновным я себя не чувствую. Хотя, не буду скрывать, рад, что так получилось. А насчет помощи, так я ведь охотник, а не аналитик.

— Не прибедряйся, Маугли. Мы ж тебя с пеленок знаем. Да и, в конце концов, ты один из трех во Вселенной человек, которые разбираются в вопросе больше всех остальных людей, вместе взятых.

— Я не прибедряюсь. Я действительно охотник, а значит, отслеживаю, ловлю, если надо уничтожаю, но не создаю чудовищ. Мне это не по душе, понимаешь? А наши исследования...

— Ну почему же именно создание чудовищ? Думаю, институт не станет использовать Белую смерть для биоформирования. Не могу себе представить, как можно трансформировать человека в рой мошек и обратно. Но если мы сможем понять сам принцип образования из множества отдельных существ роя, который ведет себя, как одно целое, это откроет огромные перспективы! А если мы еще научимся этим роem управлять, то во многих случаях может вообще от-

пасть необходимость в радикальной трансформации людей. На любой планете можно будет создать рой из местных существ, который будет глазами и ушами исследователя, сидящего где-нибудь под защитным куполом или вообще на орбите. И это только одна область применения, а их можно придумать множество!

Маугли задумался:

— Звучит достаточно убедительно. Но мне надо подумать над этим, Олег. Над потенциальными возможностями и последствиями. Обещаю, как только я приду к выводу, что они мне по душе, я стану Марьяне лучшим помощником.

— Понимаю, — сказал Олег. — Уверен, Марьяна тоже поймет. Мы ждем тебя.

Вечером Маугли лежал в каюте и, как обещал, думал. Он действительно собирался помочь Марьяне, но не в оценке результатов расчетов. Маугли был уверен, что расчеты ничего не дадут, потому что не учитывают самый важный, а может, и единственно важный фактор, который члены экспедиции не замечали все это время, а Олег с Марьяной не замечают и сейчас. Но когда-нибудь, несомненно, заметят, и к тому моменту Маугли хотел привлечь их на свою сторону. Помочь им понять, что игры с Белой смертью настолько опасны, что в них лучше играть только на Форпосте, на уединенном острове посреди океана. Тем более что незамеченный фактор — маяк — перенесут именно на этот остров, и Белая смерть просто перестанет самостоятельно возникать где бы то ни было, поскольку на острове нет и сами они там не вырастут.

Но после разговора с Олегом Маугли понял, что ситуация гораздо хуже. Каждый год разведчики, а то и просто роботы устанавливают на новооткрытых планетах маяки. И с каждым новым маяком растет вероятность появления какой-нибудь новой Желтой, Синей, Золотой или Серо-буро-малиновой

смерти. Она может появиться через десять или сто лет, а может завтра или через минуту. Или вообще не появиться, но рассчитывать на это Маугли не мог, а значит, должен был рассказать о предполагаемой роли маяка как можно скорее. А дальше было два варианта. Вернуться на Форпост, когда там закончат перенос маяка на остров, и заняться проверкой гипотезы на месте, но в этом случае рассказать о маяке можно будет и через неделю и даже месяц. Или вернуться на Форпост при первой же возможности, запылиться пылью и проверять гипотезу на Земле, подвергая опасности родную планету...

От бесплодных раздумий начала болеть голова, и Маугли, решив, что утро вечера мудренее, расслабился, замедлил дыхание и уснул.

Ему приснилась охота...

ЕВГЕНИЯ ХАЛЬ, ИЛЬЯ ХАЛЬ

ПРОЕКТ «ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ»

Это был великолепный, грандиозный эксперимент. Даже нам такой не по плечу. Они взяли планету, на которой жизнь делала лишь первые шаги. И начали гнать эволюцию скоростными темпами. Они создали для эволюции оптимальные условия, они подгоняли генетику, они втискивали миллионы лет в годы...

...Но их остановил Октин Хаш...

...он решил взять эволюцию в свои руки...

Кир Булычев. Подземелье ведьм

Он дал землянам коней и оружие, чтобы они ушли. Убрались восвояси на свой космический корабль и не путались под ногами. Он все рассчитал, подготовил, но не учел только одного: чувств.

Корн в ярости швырнул копье в потолочный брус кибитки. Грандиозный план висел на волоске из-за того, что кровь взыграла в жилах Андрея и дикарки. Море ресурсов, годы борьбы, корабли, спешащие к Эвуру, — все ухнуло в черную дыру. Степень бреда не поддавалась описанию.

Корн яростно почесал болячки под дикарской бородой и почувствовал, как из ранок заструилась кровь. Боль немного отрезвила его. Дикарка... как он мог так назвать ту, которая спасла их всех, придумав хитроумный план? Ту, которая первой отважилась на Переход?

— Прости меня, Эра! — прошептал Корн.

Он опустился на колени, нащупал на полу кибитки люк в подземелье, откинул крышку и заскользил вниз по скобам. Спрыгнув на пол, Корн отключил сторожевую систему и побежал по многочисленным коридорам.

Сначала он зашел в бытовой отсек и переоделся в зеленый комбинезон. Первый раз в жизни Корн надел одежду зеленого цвета. Создатели всегда подчеркивали превосходство своей расы, никому не разрешая облачаться в этот цвет. У коренных жителей Треи была другая палитра. Корн усмехнулся. Интересно, что бы они сказали сейчас, если бы были живы?

Скрываться больше не имело смысла. Неплохо бы помыться и побриться — он снова яростно почесал под бородой, но времени нет. Придется терпеть до базы.

Корн бегом бросился в пультавую и активировал поиск по планете. Развернувшаяся голограмма Эвура заполнила почти всю комнату. Стоя перед голограммой, Корн вращал ее ладонями, быстро пролистывая пустыни и леса, моря и равнины. Найдя становяще Белых Волков, он увеличил фрагмент карты. Вся жизнь племени в буквальном смысле оказалась на его ладони. Крошечные фигурки дикарей столпились

на поляне и, задрав головы, наблюдали, как планетарный катер осторожно опускается на землю. Биллегури стояла рядом с Андреем, доверчиво заглядывая ему в глаза. Корн досадливо поморщился — и к колдуну не ходи: и так ясно, что Брюс увезет девушку с собой.

Корн выскочил из подземелья, рванул из кармана маячок для вызова «летуна» и включил кнопку вызова.

С неба упал птеродактиль и распластался на брюхе, вывернув ноги под немыслимым углом. Корн взобрался ему на спину, провел рукой по шее — кожа на загривке разошлась, обнажив пульт управления. Корн задал координаты и переключил «летуна» на максимальную скорость. Птеродактиль взмыл в небо.

* * *

Главе правительства Создателей планеты Трея от советника по чрезвычайным ситуациям. Докладная записка:

«Считаю невозможным взять под контроль эпидемию вируса класса С-23. В связи с тем что вирус передается по воздуху, в данный момент инфицировано все население планеты. Исключение составляют несколько тысяч человек, обладающих врожденным иммунитетом. Попытки создать вакцину окончились неудачей. Инкубационный период вируса составляет шесть месяцев, после чего развивается болезнь, которая длится три дня и заканчивается летальным исходом.

В связи с возникшей ситуацией прошу разрешения отправить исследовательской группе проекта «Подземелье ведьм» на планете Эвур приказ ускорить подготовку к операции под кодовым названием «Переход».

* * *

Оказавшись в кабине планетарного катера, Белогурочка сначала оробела, но, сжав пальцы Андрея, успокоилась. Рядом с ней сидел ее мужчина, большой

и сильный. Чего же ей бояться? Андрей увезет ее в свой огромный мир там, за звездами. Андрей научит ее охотиться вместе с его племенем. Там нет корпов, которых земляне называют птеродактилями, но наверняка есть много другой дичи. Все друзья Андрея всегда выглядят сытыми. Голод останется здесь. Голод будет яростно выть, раздирая кору деревьев цепкими когтями, но ему нипочем не догнать Железную Птицу, которая сейчас помчит в своем теплом брюхе Белогурочку и ее мужчину за самое дальнее высоко и высокое далеко. Туда, куда уходят души охотников.

— Поздравляю с первым в жизни полетом! — улыбнулся штурман Гришин, заводя двигатель катера.

Белогурочка улыбнулась в ответ и вдруг почувствовала, как мало воздуха в этой Железной Птице. Она судорожно попыталась вдохнуть, но кислорода стало еще меньше. Железная птица не любит чужих, поняла она, соскальзывая в мир теней.

— Что с тобой, Белогурочка? Штурман, где аптечка? — Андрей Брюс отстегнул ремень безопасности, схватил девушку на руки и побежал к люку.

— Гришин, разблокируй люк! Да не стой же ты столбом!

Белогурочка с хрипом задышала, забилась в руках Андрея.

— Я сейчас вколю ей релаксант, — филолог Жан в отличие от штурмана не растерялся, свинтил защитный колпачок инжектора. — Это у нее от испуга. Шутка ли? Первый полет для человека, который не догадывается о существовании электричества.

Жан нащупал вену на тоненькой шее девушки, но она вдруг выгнулась дугой в руках Брюса, обмякла и затихла.

— Подожди, не коли! — Андрей, бледный, с закушенной губой, нащупал пульс на шее девушки и облегченно выдохнул:

— Слабый, но есть. Ей просто нужно на воздух.

— Сейчас трап спущу, — штурман колдовал над панелью управления.

— Обойдусь, — Брюс прыгнул в люк катера и положил девушку на траву. На бледном виске под белобрысыми мальчишескими вихрами билась тонкая голубая жилка.

— Очнись, пожалуйста... родная! — он осекся, сам испугавшись этой внезапно прорвавшейся нежности. Сухарь по натуре, он никогда никому не говорил таких слов. Может быть, потому, что ни одна из предыдущих девушек Андрея не была способна бросить все ради него?

Рациональный мир космических перелетов превратил отношения мужчины и женщины в бесконечную череду компромиссов. Между Андреем и его умными, успешными женщинами всегда стояли работа, карьера, запланированные за два месяца встречи. Чувства испуганно забивались в угол боксерского ринга, в центре которого шла ожесточенная схватка между Ее карьерой и Его желаниями. На этом ринге Брюс ни разу не испустил яростного вопля победителя. Гораздо чаще его выносили в состоянии глубокого нокаута.

«Ты можешь жениться на моей сестре. Она — красивая. Но потом я убью свою сестру», — всплыли в памяти слова Белогурочки.

Внезапно налетел сильный ветер. Сверху послышался свист. Андрей поднял голову и замер. Над ним кружил птеродактиль. Чудовище заложило крутой вираж и по касательной помчалось над травой, прямо на Брюса. Андрей видел разинутую зубастую пасть, безжизненные глаза. Мертвые глаза, которых не могло быть у живого существа.

«Это подделка. Кукла. Робот. Как те роботы в подземелье, одетые ведьмами», — понял Андрей.

Картина была настолько сюрреалистичной, что время замерло, словно тонкий ценитель искусства перед работой великого художника.

Птеродактиль медленно приближался к Брюсу. А на спине, меж крыльев, сидел, не то ощерившись, не то ослабившись, предводитель кочевников Октин Хаш. На нем был зеленый комбинезон, такой же, как у убитых хозяев подземелья ведьм. Ни короны из перьев, ни одежды из звериных шкур — лишь черная борода осталась от прежнего облика дикаря.

— Корп! Корп! — соплеменники Белогурочки высыпали из шатров на поляну, потрясая копьями.

Первая стрела вонзилась в морду птеродактиля.

— Андрей, беги! — закричал Жан, выпрыгивая из катера.

Время очнулось первым и поспешило по своим делам. За ним очнулся Андрей. Продолжая удерживать девушку одной рукой, второй он рванул с пояса излучатель. Но было поздно. Октин Хаш снова перехитрил землянина. Птеродактиль поравнялся с Брюсом. Чиркнув левой лапой по траве, вытянул правую лапу вперед. Острый коготь сверкнул на солнце, выстрелил коротким тросом с крюком на конце. Крюк метнулся к Белогурочке, обвился вокруг ее оружейного пояса, защелкнулся кольцом-наручником. Птеродактиль вертикально взмыл вверх, вырвав девушку из рук Андрея. Брюс не удержался на ногах и упал навзничь. Рядом просвистели несколько стрел.

— Не стрелять! — закричал Андрей. — Вы попадете в девушку!

Птеродактиль скрылся из виду.

Андрей медленно поднялся на ноги. Племя Белого Волка разбредалось по шатрам. В этом мире быстро забывали о случившемся. В этом мире помнили только страх, голод и боль — не знавших устали спутни-

ков, что первыми склонялись над младенцами и всюду следовали за воинами и охотниками.

Брюс сжал кулаки. Внутри него змеей шипела ярость, щеки горели от унижения. Октин Хаш не просто похитил Белогурочку — он бросил Андрею вызов. Ткнул его в грязь лицом, как щенка. За дикарской дерзостью скрывалось что-то еще, очень личное, глубокое... месть соперника. Месть мужчины, у которого украли женщину и который решил, наконец, показать, кто истинный хозяин на этой планете.

У предводителя кочевников было множество возможностей оставить Белогурочку при себе. Октин Хаш взял ее в плен, девушка пробыла в его шатре целую ночь — он к ней не прикоснулся. Первобытный дикарь, яростный и упрямый, как вепрь, который не терпел возражений, который убивал за дерзкий взгляд, за красивое оружие, за просто так, позволил Белогурочке сбежать и увести коней. Почему? Кто он, Октин Хаш?..

...Когда Андрей поднялся на борт катера, штурман Гришин уже задействовал «глаз». Спутник наблюдения тщательно обшаривал планету, ища лжептеродактиля. Мужчины нарочито не смотрели в сторону Андрея, старательно делая вид, что не помнят унижения, которое только что перенес Брюс. Андрей был очень им за это благодарен.

— Вот они, — Жан ткнул пальцем в монитор, на который передавал снимки «глаз». — Ну и скорость у этой зверюшки! Она уже приближается к Сердитым Скалам. Мы как-то туда летали на первом катере, который сгорел вместе с исследовательской станцией, это заняло около часа.

— Вы просто никуда не спешили, — обиженно буркнул штурман, — это был прогулочный полет с осмотром окрестностей. А сейчас если поспешим, то за полчаса доберемся.

— Он за десять минут долетел, — возразил было Жан, но осекся под пристальным взглядом Гришина и добавил тихо: — ну... за пятнадцать.

Штурман продолжал буравить его взглядом.

— Да не понимаю я ничего в ваших скоростях, — пробормотал Жан, опуская голову.

— Вот и занимайся своей филологией. Кстати, о ней, родимой, почему Сердитые Скалы так странно называются?

— Там все время какой-то странный гул слышится, словно скалы сердятся. Туземцы туда не ходят, даже кочевники огибают по широкой дуге. Кроме гула, там еще гнездятся птеродактили.

— А на что похож этот гул? — спросил Андрей.

— Смотря кого спрашивать, — Жан задумчиво поскреб небритый подбородок. — Лично мне напомнило звук какого-то механизма или двигателя. Аборигены говорят, что это злые духи в образе гигантских пчел. Еще у них есть несколько песен о Ревущем Тролле, который охраняет покой Сердитых Скал, но сам я его не видел. Как и пчел, впрочем.

— Ну да, — сказал Андрей, — мы это уже проходили. Пчелы вместо механизмов, биороботы в образе ведьм в подземелье. Удобная все же штука — мифы: напустил туману побольше и прячь под ним что хочешь.

— А чего ты ожидал от примитивной цивилизации? — удивился Жан. — И мы, земляне, когда-то такими же были. Да, они не оригинальны в объяснениях, зато последовательны.

Заработала связь. На мониторе передатчика появился капитан корабля «Гранат». Штурман кратко доложил о происшествии. Реакция капитана оказалась предсказуемой: он приказал всем троим возвращаться на корабль.

— У меня здесь исследования, работы море. Я — не астронавт, я — филолог, — попытался возразить Жан.

— Ваша работа заключается в изучении туземной, примитивной, — капитан подчеркнул это слово голо- сом, — цивилизации. В данной ситуации речь идет о неизвестной доселе технически развитой расе, ко- торая явно настроена к нам недружелюбно. Контак- ты такого рода — работа ксенобиологов и галактиче- ских спецслужб.

— Улетайте, — сказал Андрей. — Я доберусь туда на лошади.

— Вас, Брюс, это тоже касается, — сухо сказал ка- питан.

— Позвольте напомнить вам, что я — агент Косми- ческого Флота, в вашей команде не состою, поэтому приказам не подчиняюсь, — огрызнулся Андрей.

— Нет, это я вам напомню, что, прибыв на «Гра- нат», вы автоматически поступаете в мое полное рас- поряжение, — перебил его капитан. — Каждый, кто ступил на борт корабля, обязан подчиняться прика- зам капитана.

— Вас понял, капитан. Мы возвращаемся, — спо- койно сказал штурман. — Конец связи.

Гришин пристегнул ремень безопасности.

— Навигатор, курс на Сердитые Скалы, — сказал он.

— Курс задан, — отозвался мелодичный женский голос.

Андрей и Жан удивленно посмотрели на штурмана.

— Что смотрите? — весело спросил штурман. — Ремни пристегните! Да, капитан приказал вернуть- ся, но не сказал когда. Лично я слова «немедленно» не слышал. А катера, кстати, иногда ломаются, при- чем в самый неподходящий момент. Я тебе, Андрей, потом расскажу много баек на эту тему. Когда мы с тобой посидим за бутылкой настоящего шотланд- ского виски, причем не лунного разлива, а земного. И что примечательно: проставляться будешь ты.

— Согласен с небольшой поправкой, — быстро сказал Андрей. — Проставляюсь на две бутылки.

Жан молча поднял вверх три пальца. Андрей и Гришин с интересом посмотрели на него.

— А что, филологи не люди? — возмутился Жан. — Я, кстати, тоже обязуюсь проставиться, потому что проиграл я тебе, Андрей. Помнишь, там, в подземелье ведьм, мы спорили об Октин Хаше? Ты тогда сразу заподозрил неладное: как это он, дикарь, не побоялся ведьм. А я доказывал, что по законам примитивного сообщества всегда найдется один туземец, который на порядок умнее и хитрее остальных. Я думал, что именно из-за его выдающихся личных качеств он стал предводителем кочевников. А оказалось, что Октин Хаш с ними заодно.

— Но если он заодно с хозяевами подземелья, тогда зачем ему их убивать? — Андрей задумчиво облокотился на спинку кресла.

— Бунт на корабле? — предположил штурман.

— А кто нам сказал, что это один и тот же корабль? То есть одна и та же раса? — Андрей пристегнул ремень. — Может быть, у них на планете идет война между разными народами, как на Земле когда-то.

— И они, воюя друг с другом, прибыли сюда и вместе построили подземелье ведьм? — спросил Жан. — Логика у тебя хромает, агент Космического Флота.

— Как раз у меня с логикой все в порядке. Это твои филологические мозги тяготеют к пацифизму и ничего не смыслят в тактике и стратегии. Почему вместе прибыли и вместе построили? Тебе кто-то сказал, что у них уже наступил коммунизм и единение братских народов? Представь себе, что интересы двух воюющих рас столкнулись на этой планете. Одни построили подземелье ведьм. Другие пришли и убили их. Может быть, кроме гигантского музея эволюции Эвура с бесчисленными голограммами там было еще

что-то очень важное. И убийцы похитили это важное, а мы не можем связать концы с концами, не видя всех фрагментов мозаики.

— Только звездных войн нам и не хватало, — проворчал Жан. — Но даже если предположить, что на планете вместо одной высокоразвитой расы действовало сразу две, то все равно это не объясняет главную загадку: почему эта неизвестная цивилизация так гнала эволюцию?

— Не зря же планету окрестили Эвуром, то есть Эволюционным уродом, — хмыкнул Гришин. — Как вы яхту назовете, так она и поплывет.

* * *

Первыми вернулись звуки. Биллегури прислушивалась, не открывая глаз. Сработала старая охотничья привычка: прежде чем увидеть врага, послушай, как он дышит, где находится. Ушел, поверив, что охотница умерла или стоит рядом, приготовившись к последней схватке. Она услышала шепот. Рядом люди — человек десять. И они смотрят на нее. Взгляды ползают по коже, словно муравьи. Пояс с оружием не отобрали — это хорошо. Дотянуться до ножа, резко сорвать с пояса, ударить того, кто ближе, одновременно вскочив на ноги.

— Эра, ты меня слышишь? Ты вернулась, Эра? — мужской голос слегка дрожит от волнения.

Знакомый голос, привычный, это...

— Корн! — Эра открыла глаза и села.

Перед ней стоял Октин Хаш, предводитель кочевников. Одет он был в незнакомую одежду: странную, зеленую, облегающую тело. Октин Хаш, который убил ее брата. Дикий зверь, жадный до крови. Таким знала его Биллегури — дикарка из племени Белых Волков с планеты Эвур. Но Эра — глава правительства коренного населения планеты Трея знала дру-

гого человека — Корна, советника по безопасности, преданного помощника, готового ради нее на все.

Корн был одним из немногих счастливчиков, у которых обнаружился врожденный иммунитет к вирусу. Корн устроил восстание против Создателей, разработал план похищения психоматрицы. И не его вина, что до сих пор ему приходилось играть роль дикаря.

— Эра! — Корн почтительно склонил голову, опустившись на одно колено.

Присутствующие последовали его примеру. Эра огляделась. Она сама дала добро на строительство базы — подземного города-убежища, вырубленного в скалах. Но до этого видела лишь его компьютерную модель. Видела в прежней жизни, когда у нее еще было другое тело. Сознание Эры прибыло на Эвур в капсуле психоматрицы на первом разведывательном корабле. На этом же корабле прилетели Корн и еще несколько сотен человек, обладающих врожденным иммунитетом к вирусу. Им не требовались другие тела, поэтому они пришли сюда, чтобы подготовить Переход других жителей Треи. Они построили подземную базу, следили за всем, что происходит на Эвуре.

Перед тем, как покинуть родную планету, Корн лично извлек сознание Эры из ее тела, заключил в психоматрицу, привез на Эвур и посадил в тело туземки Биллегури. Он долго спорил с Эрой, доказывая, что глава правительства не должна испытывать новую технологию на себе. Для этого есть кандидаты попроще. Но Эра придерживалась другого мнения.

Огромный зал центра управления был заставлен сложной техникой. В каждой стене — множество дверей. За ними — бесконечные коридоры, лаборатории, жилые помещения, склады, оружейные — здесь было все, кроме одного: ее народа.

Ее народ безмятежно спал на огромных космических кораблях, спешащих к Эвуру. Зараженные ви-

русом тела людей остались на Трее. Личность каждого из трейцев аккуратно перенесли в психоматрицы и бережно погрузили на корабль. Ради этого безмятежного сна они с Корном сделали все возможное и невозможное.

У Эры слегка кружилась голова — ее память вытесняла память дикарки Биллегури. Или Белогурочки — как называли ее земляне. Воспоминания Эры диковинными, цветными бабочками роились перед глазами. Но самым ярким образом был Зал Заседаний Двух Правительств...

...В Зале Заседаний царила гробовая тишина. Лишь шуршала мерно антигравитационная система, удерживая в воздухе две платформы, выполненные в виде Млечного Пути. Создатели всегда были склонны к театральным эффектам, что невероятно раздражало рационального Корна. Даже располагая платформы в воздухе, Создатели не преминули подчеркнуть собственное превосходство: их платформа парила выше. На ней стоял полукруглый стол, за которым сидели Глава Правительства Создателей и пятьдесят советников.

Правительство трейцев — коренных жителей планеты было гораздо скромнее: Глава Правительства Эра и двадцать советников.

Создатели появились на планете Трея пятьдесят лет назад. Трейцы называли это Вторжением, но сами Создатели предпочитали именовать событие Возвращением. Человечество, спеша по своим делам, суетно пробегая века и тысячелетия, даже не догадывалось, что Трея была экспериментом Создателей, которые всегда исподволь, украдкой наблюдали за подопечными. На заре развития планеты их сначала считали духами, потом — богами, когда человечество dorосло до осознания бога.

О таинственной расе Создателей ходило множество невероятных слухов. Некоторые в открытую называли их Хозяевами, презирая словесную шелуху и прозрачные занавеси политкорректности.

Прибыв на Трею, Создатели за несколько лет перекроили планету, расформировали прежние государства, объединили все страны в одну, чтобы было удобнее управлять. Но, играя в демократию, основали два правительства: одно занималось делами трейцев, другое отвечало за Создателей.

Жрецы Единой Религии объявили Создателей богами, полагая, что они создали трейцев по своему образу и подобию. Но сегодня эта иллюзия рассеялась. Истина оказалась настолько ошеломляющей, что правительство трейцев хранило молчание уже полчаса. Людям потребовалось так много времени на осознание правды, что Создатели начали нервно переглядываться и покашливать.

Создатели не были богами. Они оказались бесмертной расой паразитов, которая использует чужие тела, перенося в них свое сознание.

— Как их теперь называть — убийцами? Паразитами? — шепнула Эра Корну, горько усмехнувшись.

— Мертвецами, — почти не размыкая губ ответил Корн. — Меня другое интересует: в чьих телах они прибыли сюда, если своих у них нет вообще?

Глава Правительства Создателей ощупал их цепким взглядом, и они замолчали.

Первым нарушил молчание советник по финансам правительства трейцев.

— Зачем вы создали нашу планету? Только не говорите о чертовом эксперименте. Я устал слушать ваши бредни! Мы для вас — просто мясо! Тела! — он вскочил с места, сжав кулаки. — Вы планировали переселиться в нас, поэтому и прилетели сюда. И если бы не этот вирус, то мы бы даже не узнали правду. Вы бы

засовывали свои паршивые мозги в наши тела, как опилки в тушку кролика. Но тушка прогнила, и вы просто выбрасываете нас на помойку!

За его спиной немедленно появилась охрана Правительства Создателей.

— Хватит сказок и лжи! — поддержал его советник по здравоохранению. — Надоело за столько лет! Покажите свой истинный облик! Кто вы? Как вы выглядите на самом деле?

Эра встала.

— Глава Правительства просит сохранять молчание! — выкрикнул Корн, советник по безопасности, сидевший по правую руку от Эры.

Голоса в зале стихли.

— Вы утверждаете, что Эвур — это резервная планета, которую вы подготовили для Перехода, — Эра старалась говорить спокойно.

Глава Правительства Создателей согласно кивнул.

— Я не буду сейчас тратить время на выяснение, для чего вы держали проект «Подземелье ведьм» в тайне, хотя ресурсы, потраченные на его создание, принадлежат не только вам, но и нам. Меня интересует другое: вы обмолвились, что там мало аборигенов. Едва ли хватит даже для Перехода всех Создателей. А что будет с нами? С трейцами? Мы ведь тоже заражены вирусом и нуждаемся в новых телах. Но те немногие туземцы, которые живут на Эвуре, в первую очередь достанутся Создателям. Когда же подойдет наша очередь?

— Мы сохраним ваши личности в матрицах, пока население Эвура не увеличится до нужного нам количества. Ускорим эволюцию — наши технологии позволяют прогнать всю эволюцию за несколько сотен лет, а потом перенесем ваши психоматрицы в чистые тела, не зараженные вирусом, — ответил Глава Правительства Метрополии.

— Это займет века, — Эра оперлась о стол, пристально глядя на Создателей. — Вы уверены, что психоматрицы могут сохраняться так долго? Кто даст нам гарантии, что это — не уловка, позволяющая просто уничтожить моих людей тихо, без шума и малейшего сопротивления?

— Вот так выглядит психоматрица! — глава правительства Создателей вытянул вперед руку и разжал пальцы. На его ладони поблескивала серебром капсула размером с крупную горошину. — Психоматрицы всех трейцев поместятся на одном космическом корабле. Мы вывезем вас всех на Эвур в капсулах и оставим до тех времен, когда появится достаточно тел для Перехода. Необходимое хранилище уже построено и замаскировано под подземелье ведьм для того, чтобы любопытные туземцы не совали свой нос, куда не следует.

— Капсулы не сохранятся несколько сотен лет!

— Бред!

— Ложь!

— Вы оставите нас умирать, а сами начнете все заново!

— Просто ищите повод, чтобы сбежать, пока мы все не передохли!

Глава правительства Создателей поднял руки в успокаивающем жесте. Он что-то говорил, но его слова утонули в криках. Финансовый советник дрожащими руками расстегнул кобуру и выхватил излучатель. К нему бросилась охрана Создателей, но им преградили путь люди из службы безопасности трейцев. Раздались первые выстрелы. Когда заканчиваются легенды — начинается война.

Разряд от излучателя чиркнул рядом с Эрой. Корн бросился под стол, увлекая за собой Эру. Одновременно он ногой ударил по тумблеру регулятора высоты платформы — она медленно заскользила вниз.

Когда до пола оставалось несколько метров, Корн прыгнул и вытянул руки:

— Эра, прыгай!

Она, не раздумывая, прыгнула в его объятия. Корн осторожно опустил ее на землю, и, прикрывая собой, повлек к выходу из зала. Над их головами метались импульсы излучателей.

* * *

Голос охранника — оператора систем охраны — вернул Эру к реальности. Охранники круглые сутки дежурили возле мониторов, занимавших целую стену зала.

— У нас гости, — охранник перевел изображение с монитора в режим голограммы.

В нескольких шагах от Эры возникла миниатюрная копия Сердитых Скал. Крошечный планетарный катер облетал их, исследуя окрестности.

— Я подготовлю импульсную пушку, — Корн направился к оружейной панели системы безопасности.

— Нет! — вырвалось у Эры.

Корн резко обернулся и посмотрел на нее. Она сказала это слишком поспешно. Не как глава правительства, а как испуганная девушка. Как Биллегури. Эра и сама это почувствовала и в замешательстве отвернулась. Корн сверлил взглядом ее спину. Переход личности в другое тело занимал несколько месяцев. Теоретически, по мысли Создателей, новая личность, вживленная в тело, должна была полностью подавить прежнюю. Психоматрица тихо обживала чужой организм, проникая во все системы, и незаметно перестраивая их под себя. Но иногда личность прежнего владельца тела оказывалась настолько сильной, что подавить ее полностью не удавалось.

Корн кожей чувал туземку в теле Эры. А Эра понимала, что нужно срочно что-то предпринять. Биллегури металась внутри нее.

«Если убить землян, — размышляла Эра, — то сюда немедленно прибудут штурмовики Космического Флота».

...Сильный мужчина, мой мужчина, он пришел за мной... — ликовала Биллегури.

«Если их отпустить, они расскажут о случившемся, и тогда сюда все равно придут солдаты».

...Ради него я готова была оставить свое племя и убить свою сестру...

«Хотя наверняка они уже доложили о случившемся, и на корабле знают, что здесь тайно действует еще одна раса. Если армада землян окружит планету, наши корабли не смогут приземлиться, и тогда все пойдет прахом. Избежать заварушки с Космическим Флотом никак не удастся, но можно потянуть время. Главное, чтобы наши успели приземлиться и войти в первую фазу Перехода. А там видно будет.

Если Андрей останется здесь, проблем не избежать. Он будет путаться под ногами и всюду совать свой нос. С другой стороны, зная, что я, то есть Биллегури, похищена, Брюс не улетит. Что делать? А если покопаться в памяти дикарки? Там, где бессильна логика, иногда помогают первобытные инстинкты».

Эра начала осторожно перебирать воспоминания Биллегури — та отчаянно сопротивлялась. Туземка попыталась закрыться, забиться в угол сознания, но Эра продолжала искать. Охота, дни, ночи, танцы у костра, степь, Андрей, снова он, и еще, и еще.

«Он занимает большую часть воспоминаний», — удивилась Эра.

...Он — солнце среди суровой зимы, — мысленно заплакала Биллегури. — Он — тепло, свет, сердце мое...

Воспоминания детства. Краски ярче, звуки громче. Упоительная сладость — вкус меда диких пчел на губах. Вот оно!

«Нашла!» — обрадовалась Эра.

Она увидела отца Биллегури. Лунный свет перламутровыми бликами проникал в шатер, играл на длинных светлых волосах мужчины.

— У нас, охотников из племени Белого Волка, есть уловка: если встретишь зверя, которого одолеть не сможешь, притворись мертвой. Зверь и уйдет, — отец протянул маленькой Биллегури кусок сот, полных меда лесных пчел.

«Отличная мысль!» — Эра радостно щелкнула пальцами и спросила Корна:

— У нас есть голографический транслятор?

— И не один, — невольно улыбнулся Корн и выразительно посмотрел на охранников.

Те, не выдержав, захохотали, вспомнив недавний случай с кочевниками.

Несколько разрозненных групп кочевников, пройдя по Великой Степи и обезумев от голода, вышли к Сердитым Скалам. Они знали, что здесь полно корпов. Птеродактили бросались на кочевников, пожирая тех, кому не повезло, одновременно уцелевшие туземцы добивали копьями жрущих их братьев тварей. И здесь же, среди крови и останков тел, жарили мясо на кострах. Насытившись, они разбили лагерь, спрятав шатры под скалами, чтобы птеродактили до них не добрались.

Обитатели подземной Базы оказались заперты внутри: не выйти — не зайти. Охранники долго ломали головы, чем можно напугать голодного аборигена, который дорвался до нескончаемых запасов мяса, пока их не озарило.

Разомлевшие от сытости варвары, увидев гигантского, размером с гору, тролля, побросали все пожит-

ки и всю ночь мчались прочь, не разбирая дороги. Тролль так ревел, что охранник, создавший этот образ для голографического проектора, несколько дней жаловался на боль в горле.

Утром кочевники добрались до войска Октин Хаша, который милостиво принял их под свою опеку. Самые смысленные сложили песню о Ревущем Тролле, охраняющем покой Сердитых Скал. Октин Хаш позаботился, чтобы эти песни дошли до земных исследователей. Нужно же ему было хоть изредка развлекаться.

* * *

Эра надела шлем голографического транслятора. Закрывает глаза — так легче было сосредоточиться. Она создала мыслеобраз «летуна», представив его в мельчайших подробностях, раскинула в сторону руки, имитируя полет. Движения помогали войти в образ. Над Сердитыми Скалами появился «летун» — машина, замаскированная под птеродактиля...

— ...Вот он, — Штурман показал на монитор, — и девушка с ним. По-прежнему висит на когте, или как у него это там называется?

— Это что-то вроде наручника, впаянного в коготь, — Андрей в нетерпении заерзал в кресле. — Ближе подойти можешь?

— Я-то могу. Беда в том, что он нас заметит. Если вынырну из-за скалы, мы окажемся напротив него. Лоб в лоб.

— Почему эта штука, замаскированная под птеродактиля, висит в воздухе и не двигается? — занервничал Андрей.

Октин Хаш на спине «птеродактиля» замер безмолвным изваянием. Что-то здесь было не так — Брюс это чувствовал, но понять не мог. У него появилось странное ощущение нереальности проис-

ходящего, словно он смотрит фильм, который остановил невидимый киномеханик. Стоп-кадр. Все замерло. Слишком удобно. Слишком просто. На блюдецке красно яблочко — бери и ешь!

«Только яблочко-то отравлено», — подумал Брюс.

Лжептеродактиль вдруг вертикально поднялся вверх на несколько метров, вытянул лапу вперед, и... крошечная фигурка девушки, сорвавшись с когтя, полетела вниз, в пропасть между скалами.

— Нет! — Андрей рванулся с места, забыв про ремни безопасности.

Штурман поспешно выключил монитор.

— Включи, — хрипло сказал Андрей.

— Андрей, не нужно... — Жан положил руку ему на плечо.

— Ее больше нет, — тихо сказал штурман.

— Бред! Неправда! — Брюс дернул плечом, сбросив руку Жана. — Этого не может быть! Зачем нужно было тащить ее сюда, чтобы убить? Разве он не мог сделать этого там? Да включи же ты монитор!

Штурман, крикнув с досады, нехотя включил монитор. Лжептеродактиль исчез. Внизу, на камнях, лежала навзничь тоненькая девичья фигурка, неловко, как сломанная кукла, раскинув руки.

Андрей, закаменев лицом, молча смотрел на нее...

...Планетарный катер, сделав прощальный круг над скалами, набрал высоту и исчез из поля зрения. Эра медленно сняла шлем. Внутри нее беззвучно плакала дикарка, но голос ее становился все тише. Эра тряхнула коротко стриженными волосами и только сейчас заметила, что до сих пор одета в грубо сшитые шкуры.

Ей необходимо было принять душ и переодеться. Она прошла в душевую. Струи воды, мягко стекая по телу, уносили с собой радость охоты, песни племени Белого Волка, жар ночных костров, голод суро-

вой зимы и мысли о сильном мужчине, который прилетел со звезд.

Она потянулась за полотенцем, но рука вдруг скользнула дальше, к оружейному поясу, небрежно брошенному поверх грязной одежды. Эра удивленно подняла бровь. Что происходит? Ей полотенце нужно, а не пояс. Она снова попыталась взять полотенце, но тело ее не слушалось. Она вообще не чувствовала ни рук, ни ног и словно видела саму себя со стороны. Правая рука нащупала нож на поясе, выхватила из ножен и приставила к горлу. Острое лезвие слегка оцарапало кожу.

«Нет! — мысленно выкрикнула Эра. — Не убивай меня! Биллегури, нет!»

Дикарка завладела ее телом! Но как? В «Книге Перехода», которую Корн похитил у Создателей, было множество инструкций по обживанию чужого тела. Они все тщательно изучили, прежде чем Корн изъяс сознание Эры из ее тела, зараженного вирусом, и поместил его в психоматрицу. Эра сделала все, что нужно для подавления и полного уничтожения личности туземки.

Эра напряглась, мысленно отталкивая дикарку. Ей удалось перехватить контроль над левой рукой — она судорожно вцепилась в правую руку, держащую нож у горла.

«Лучше умереть, чем стать тобой!» — выкрикнула Биллегури — нож в правой руке сильнее надавил на горло.

«Идиотка! Мы умрем вместе! У нас одно тело на двоих!» — левая рука еще крепче сжала правую, пытаясь отвести нож от горла.

Эра мысленно толкнула туземку, но та яростно ответила ей тем же.

«Лучше умереть, чем жить с тобой, гадким червем внутри!»

Эра с ужасом поняла, что дикарка побеждает.

Звуки стали тише, словно Эру обернули толстым одеялом. Краски померкли, очертания ванной комнаты размылись, струями потекли вниз, исчезая. Ее подхватила незримая сила и понесла по черному коридору, в конце которого едва брезжил слабый свет.

«Почему?» — обессиленно шепнула Эра.

«Потому что ты, как падальщик копр, борешься только за себя. А я борюсь за своего мужчину!»

...Биллегури осмотрелась. Раньше ее бы испугало обилие незнакомых, непонятных вещей, но теперь она знала, как они называются и для чего предназначены. Часть памяти Эры осталась с ней. Биллегури взяла с полки серебристый комбинезон, заботливо приготовленный Корном. Одевшись, она причесала короткие волосы и презрительно хмыкнула, осмотрев расческу. У них, в племени Белого Волка, такие вещи делают гораздо красивее. Долгими вечерами охотники вырезают затейливые узоры на кости. В каждом гребне заключена душа мастера. А здесь — все безлико и мертво, как Эра, которую она только что изгнала из своего тела.

Биллегури выскользнула из ванной и оказалась в коридоре. Пусто. Она пошла к залу центра управления. На базе было несколько выходов, но этот был ближе всего.

В зале было немногочисленно: человек пять охранников, приникших к мониторам, и Корн. Биллегури осторожно двинулась к выходу.

— Ты куда, Эра? — удивился Корн, отвлекаясь от монитора.

— Пойду воздухом подышу. Туземная жизнь на природе здорово повлияла на меня — не могу находиться в закрытых помещениях. Нужно будет отметить это в «Книге Перехода», в главе «Адаптация».

Она медленно направилась к выходу. Корн внимательно посмотрел ей вслед. Туземная жизнь изменила

и его, хотя он остался в своем теле. Играя роль Октин Хаша, Корн научился бросаться на землю за секунду до того, как стрела просвистит там, где он только что стоял. Интуиция, ставшая атавизмом на технологически развитой планете, здесь, на Эвуре, была главным условием для выживания. Корн почувал — что-то не так.

— Эра, подожди, я пойду с тобой!

«Он понял!» — Биллегури чуть ускорила шаг.

«Это не Эра!» — Корн двинулся за ней.

Она обернулась на миг — их глаза встретились. Глаза туземки и чужака с другой планеты. Эра прыгнула к двери. Корн бросился за ней.

— Разворачивай катер, штурман. Я хочу... похоронить ее по-человечески, — сказал Брюс.

— Андрей, мне очень жаль, правда, но... — попытался возразить штурман

— Я не оставляю ее тело этим тварям-птеродактилям... — выкрикнул Андрей и осекся.

Птеродактили — вот что было не так! Чудища спокойно летали вокруг тела Белогурочки, словно не замечали его! Жадные падальщики не почуяли добычу? Не бросились всей стаей? Его затошнило от собственных мыслей, но он справился со спазмами в горле. Простая истина почти всплыла в мутной воде нескончаемых загадок этой планеты. Только руку протяни — и ухватишь.

Это не фильм, остановленный в нужный момент невидимым киномехаником. Это...

— Голограмм, — воскликнул Брюс.

— Что? — отозвались его спутники.

— Жан, ты помнишь, там, в подземелье ведьм, был целый музей голограмм? С тебя тоже ее сняли.

— Помню, конечно. Я сам испугался поначалу, когда увидел себя голышом, да еще и в окружении туземных истуканов. Думал, что у меня галлюцинации. Как живого изобразили! Потрясающая технология! Тончайшие слои изображения...

— Там, внизу, не Белогурочка, — перебил его Андрей. — Это ее голограмма! Посмотрите на птеродактилей — они даже не пытаются к ней приблизиться, потому что не чувят запаха. Это картинка для нас! Обманка! Гришин, разворачивай катер. Настоящая Белогурочка где-то там, среди скал, и мы ее найдем!

Гришин заложил крутой вираж, разворачивая катер.

— Вот она! — выкрикнул Жан, показывая на монитор.

Крошечная фигурка Биллегури в серебристом комбинезоне появилась из-за Скал. Она мчалась, перепрыгивая через камни, а за ней бежал мужчина в зеленом комбинезоне.

— Октин Хаш! — Андрей в ярости сжал кулаки. — Он за ней гонится. — Открывай люк, штурман!

Из-за скал появилась группа мужчин. Они бежали вслед за Октин Хашем.

— Андрей, только не вздумай прыгать вниз! — предостерег Брюса Гришин. — Нас всего трое, а их там человек десять.

— Как минимум вдвое больше, — Жан показал на монитор, снимая с пояса излучатель.

Из-за скал показалась еще одна группа мужчин.

Брюс оглядел рубку катера. Можно было сорвать ремень с пилотского кресла, обмотать им ноги, пристегнуть к скобам трапа в полу возле люка. Но времени нет. Белогурочка бежала к катеру, а за ней неся прыжками Октин Хаш.

— И как он только ноги себе не переламывает! Там же камней полно! — в сердцах бросил Гришин.

Люк начал открываться. Катер сбросил высоту и пошел низко над землей. Андрея вдруг охватил веселый, злой кураж. Так бывает, когда думаешь, что все плохое с тобой уже случилось и нечего ждать, и некого. И вдруг судьба, хлопнув тебя по плечу, говорит:

— Да ладно! Это я понарошку! Вот тебе приз, заслужил!

Андрей упал на живот и крикнул Жану:

- Держи меня за ноги!
— Как держать? — удивился Жан.

На лихом кураже Брюс вдруг вспомнил древний фильм, в котором отважный следователь так же кричал своему напарнику. И Андрей весело выкрикнул:

- Как держать? Нежно!

Жан ухватил его за ноги. Андрей наполовину свесился с люка.

— Вот чокнутый! Убьется к чертям! — не выдержал Гришин!

— Сюда, Белогурочка! Беги сюда! — кричал Андрей, размахивая руками и свесившись из люка.

Девушка издала охотничий крик и помчалась к катеру. Корн вытянул вперед руку, пытаясь схватить белогурочку, но ладонь поймала лишь пустоту. Ему никак не удавалось сократить это расстояние в несколько шагов, чтобы дотянуться до нее. Жизнь предводителя кочевников здорово закалила его, но не настолько, чтобы тягаться с охотницей.

Белогурочка приблизилась к катеру. Андрей вытянул руки:

- Еще немного, Белогурочка! Давай же!

Всего несколько шагов отделяли ее от Корна. Его тяжелое дыхание слышалось за спиной. Она напрыгала и прыгнула. Вверх! Как тогда, когда огромный змей пытался схватить ее за ноги, а спасительные ветви дерева были совсем рядом, на расстоянии прыжка. Вверх! К ее мужчине, к звездам! К обитаемым мирам! Ветер ударил ей в лицо. Ветер от катера — она теперь знала, что это катер, а не большая Железная Птица. А еще она знала, что его руки просто не могут ее не подхватить.

Биллегури прыгнула, и Андрей, поймав ее, резко дернул на себя. Корн тоже подпрыгнул, пытаясь схватить девушку, но Гришин свечой увел катер вверх. Жан, крикнув от натуги, втащил Брюса внутрь. Андрей перекатился на бок, увлекая за собой Биллегури.

Корн в ярости сорвал с пояса излучатель и выстрелил. Но разряд ударил в крышку люка, который успел закрыть Гришин.

— За оплавленный люк катера тоже придется проставляться? — осведомился Жан, деликатно отворачиваясь от обнимающейся на полу парочки.

— А ты как думал? — хмыкнул Гришин. — Но меня сейчас больше интересует, какую байку рассказать капитану корабля. Чтобы грудь была в крестах, а голова не в кустах. Пораскинь мозгами, Жан!

— Я-то здесь при чем? Это же твой капитан!

— А кто у нас филолог? Байки рассказывать — это по твоей части. Граждане целующиеся, большая просьба сесть в кресла и пристегнуть ремни!

Андрей и Белогурочка продолжали целоваться, не обращая внимания на штурмана.

— Может, их по громкой связи позвать? По-моему, они меня не слышат.

— Не трогай их! Дай людям поздороваться по-человечески! — возмутился Жан.

— Да? Между прочим, за безопасность в полете отвечаю я. Черт знает что творится! Не полет, а Дюма какой-то.

— Который из них? Отец или сын?

— Оба!

ОЛЕГ ПЕЛИПЕЙЧЕНКО

КОНТАКТ

Нельзя, чтобы военные были сильнее судьбы.

Кир Булычев.

На днях землетрясение в Лигоне

Маленькое оранжевое солнце уже давно выплыло из-за горизонта, и тени от редких стеблей, понатыканных по всему полю, становились все короче

и короче. Солдаты крохотного гарнизона, оставленного Земным Содружеством на третьей планете для защиты поселка ученых, откровенно скучали: обещанная посадка орфиан, обитателей Галактики Треугольника, запаздывала уже больше чем на час. Дежурившие на базе операторы развлекались как могли: крохотные флаеры с камерами гонялись за местными бабочками-однокрылками или выписывали в воздухе сложные фигуры. В наклейке наушника наводчик стационарного дезинтегратора мурлыкал вполголоса какой-то хит, на заднем плане двое метеорологов из поселка бубнили о чем-то своем, высоком. Павлыш задумчиво проследил за полетом самого светлого аппарата, потом перевел глаза на небо и зевнул. Поверхность земли успела достаточно прогреться, и хотя полуденный зной еще не набрал силы, теплый ветерок обволакивал тело, заставлял его расслабиться — и это после второй чашки синтекофе, что же дальше-то будет... Редкая гадость этот синтекофе. Ну, ничего, потерпим — через двенадцать... нет, уже через одиннадцать дней «Сегежа» должна привезти военврача обратно, починенного и отдохнувшего. А там уже как дорвусь до нашей кофеварки...

Рядом с доктором прямо на траве расселось все штатное командование — начальник гарнизона, он же атташе Содружества майор Веснин, и вечный дежурный по части прапорщик Шанцев. Над их головами в нагретом воздухе висел поселково-гарнизонный переводчик, маленький инопланетянин из Бродяг. Представители этой странной расы почему-то терпеть не могли своих соплеменников и всегда путешествовали в одиночку, расплачиваясь за провоз до очередной планеты полезными умениями. Когда ребята прозвали его Мальком, возражений не последовало — характер у малыша был легкий и необидчивый. Он свободно общался на нескольких десятках

языков, представлявших интерес для землян, знал много интересных историй, а самое главное — этот гладкий шарик размером с голову человека был незаменимым источником информации и специалистом по общению с другими расами. Впрочем, как и любой из Бродяг.

А еще Бродяги, в отличие от жителей других систем, были нетребовательны к дыхательной смеси, и для землян это было очень важно. После терраформирования и модифицирования флоры здешний воздух постепенно приближался по составу к земному. Время от времени землянам еще приходилось отлеживаться в барокамерах, когда в крови накапливалось слишком много нежелательных продуктов газообмена, но это случалось все реже и реже. Болезнетворные микроорганизмы людей давно не беспокоили: универсальные фагоциты в крови усердно отлавливали любую активную органику, строение которой не было прописано в их биокоде, и с удовольствием ею обедали.

Шанцев, качок с сонным взглядом и молниеносной реакцией, лениво двигал челюстью. Где он ухитрялся доставать жвачку за миллиарды километров от Земли, никто не знал, тем более что космические торговцы посещали захолустную планету редко и неохотно. Веснин покосился на него с любопытством, хмыкнул и посмотрел на коммуникатор. Сигнал готовности первого поста, стационарного дезинтегратора, горел положенным по инструкции зеленым светом.

— Представляешь, Шанцев: раса, которая дышит практически таким же воздухом, — сказал Веснин, чтобы хоть что-то сказать.

Прапорщик не шелохнулся. Большая черная бабочка пролетела где-то в метре от них и упорхнула ввысь.

— Это наши потенциальные враги, между прочим, — продолжил Веснин. — Им подходят те же пла-

неты, что и нам. Разве что найдется какая-нибудь мелочь, которая помешает высадиться.

— Маловероятно, — заметил Шанцев, не прекращая жевать. — Сейчас планеты быстро обустраивают. Разве что почва под ногами будет гореть, или там с камнями чего...

— Вот я ж и говорю, — подтвердил разомлевший Веснин, не слушая собеседника. — Враги. А после нас они, между прочим, собираются лететь к Земле, чтобы встретиться с Советом. И тот уже дал добро. Хотя я бы на месте членов Совета сто раз подумал бы, прежде чем допускать к Земле потенциальных врагов.

— Орфиане не враги, майор, — мягко прошелестел Малек, дождавшись, пока Веснин закончит говорить. — Это очень дружелюбная раса. Они даже с гвиздрами как-то уживаются.

Веснин удивленно вскинул брови: если это правда, то орфиане действительно настоящие чемпионы по дружелюбию. Гвиздров до сих пор не истребили полностью только из-за прямого запрета на расоцид.

— К тому же их всего трое, — напомнил Малек. — Обычные... у вас в языке нет этого понятия: что-то среднее между послами, паломниками и туристами. Кстати, они предложили сесть на поле возле гарнизона, а не на посадочной площадке у поселка именно по этой причине: хотят продемонстрировать, что не представляют угрозы. Сами увидите, их капитан предложит обыскать их корабль на предмет вооружения и опасных предметов. И вам, майор, лучше согласиться: это будет воспринято как ответный дружеский жест.

— Странно... — озадачился Шанцев. — По идее, должно быть наоборот.

Бродяга никак не прореагировал. Он никогда не высказывал своего мнения о чужих обычаях.

— Нет, Малек прав, — вступил в разговор наполовину проснувшийся Павлыш. — Я вчера Сеть прошер-

стил — на форумах вроде подтверждают, что у них прямо пунтик на этой почве. Правда, из нашей Галактики с ними мало кто общался — слишком далеко живут. Вроде бы биологическая цивилизация, а так...

— Доктор, а правда, что это вы нашли корабль Надежды Сидоровой? — вдруг спросил Шанцев.

Павлыш внимательно поглядел на него и медленно кивнул.

— Я ведь тоже из Калязина, — сказал Шанцев. — Только из другого района. А прабабка в соседнем с ней доме жила, потом переехала. Я еще в школе про Надежду все прочитал, что удалось найти.

Павлыш молчал. Он не знал, что сказать. Шанцев вдруг смутился.

— Это я просто подумал, что ее бы сюда, она точно общий язык нашла бы...

Веснин чуть пожал плечами и вздохнул.

— Да ладно, сами как-нибудь справимся, — сказал он. — Жаль, что мы так и не разобрались в их системе передачи изображения. Представляете, мужики, сейчас корабль приземлится, откроется люк, и оттуда выйдет шикарная длинноногая...

— Летят, — слышался из коммуникатора голос дежурного наблюдателя. — Сообщили по эфирке, что спустятся на челноке. Всем экипажем.

Люди дружно задрали головы. На фоне рыжего облака с правой стороны блеснула маленькая искорка. Довольно быстро она превратилась в точку, затем в шарик, и когда до поверхности оставалось уже всего ничего, оказалось, что на поле опускается гигантское синее яйцо.

— Ого! А наши приятели-то побольше будут, чем мы предполагали, — хмыкнул Шанцев. — Так, Малек?

— Этого я не знаю, — признался Бродяга. — Я сам на их планетах не был. Всю информацию об орфиянах получил от наших очевидцев.

— Внимание, общая готовность! — повысил голос Веснин. — Напоминаю: проявлять максимальное дружелюбие, но при этом быть начеку! В случае безусловно агрессивных действий нам разрешено применять оружие.

Солдаты надвинули визоры на глаза и рассредоточились по разным местам поля — на первый взгляд, в произвольном порядке, но при этом возле каждого оказалось какое-либо укрытие: холмик, груда камней, углубление в земле. Короткие плазмовые ружья, давно окрещенные плевалками, были скрыты под пластиковыми накидками.

Яйцо зависло где-то в метре над поверхностью земли; несколько высоких стеблей, оказавшихся под ним, склонились вбок, один сломался с громким щелчком. Словно в ответ на это в нижней части яйца оболочка треснула, и две обозначившиеся створки медленно разъехались вверх и вниз.

Как только нижняя панель доползла до края, из-за нее выметнулось что-то светло-синее и лохматое размером с быка, спрыгнуло на землю и издало пронзительный свист. Солдаты отшатнулись, Павлыш, Веснин и Шанцев, направившиеся было к кораблю орфиан, остановились.

— Что он говорит?

— Я не понимаю его, — прошелестел Малек. Павлышу показалось, что в звуках, исходящих от кожи Бродяги, проскальзывают нотки замешательства. — Это странно, я должен понимать его. Я его не понимать его свистит...

В первый раз за все время Павлыш слышал, чтобы их переводчик говорил безграмотно.

— Извините, майор, — опомнился Малек. — Я уже перестроился на перевод языка орфиан, поэтому мне потребовалось...

Веснин жестом остановил его.

— Ничего. Сейчас все выясним. Доктор, останьтесь здесь. А еще лучше отойдите назад, мало ли что...

Он сделал несколько шагов к челноку, в метре от него шел настороженный Шанцев. Правая рука прапорщика была расслаблена и свободно висела вдоль тела, пальцы слегка шевелились. «Как в вестерне», — подумал Павлыш, когда шериф собирается стреляться с главарем бандитов, чтобы все прояснить раз и навсегда.

Лохматое существо еще раз коротко свистнуло и припало к земле. Ближайший к нему солдат попятился и потянулся рукой к ружью. Одним мощным толчком существо взвилось вверх метров на десять и камнем рухнуло на землянина. Раздавшийся крик боли тут же оборвался, сменившись через секунду щелчками плевалок. Зеленоватые плазменные шарики, размером не более кулака, в полете издавали неприятное гудение. Первый заряд, слегка зацепивший пришельца, выжег в шерсти темную дорожку; лохматый раздраженно свистнул и тут же отпрыгнул в сторону. Пролетевшие мимо цели плазменные сгустки впились в почву вокруг неподвижного тела солдата, оставляя после себя кляксы каменного расплава. Существо хищно свистнуло и одним прыжком покрыло почти половину расстояния до другого стрелка. Однако второй залп оказался более удачным: сразу десяток шариков прошел насквозь тело неприятеля, тот споткнулся, шлепнулся в пыль и захрипел. Подбежавший сержант с ожесточением всадил ему в голову несколько зарядов, и лохматый наконец замер.

Другой сержант уже прикладывал к шее лежащего солдата коробку автоматического доктора. Взглянув на экран, он медленно поднялся, посмотрел на майора и отрицательно покачал головой.

Побледневший Павлыш закусил губу и осторожно, не сводя глаз с челнока, двинулся назад, к ближайшей каменной глыбе.

— По местам! Всем укрыться! — скомандовал Веснин в микрофон, дождался выполнения команды, присоединился к Шанцеву, спрятавшемуся за грудой камней, и поднес коммуникатор к губам:

— Первый пост...

— Майор, не надо! — зашуршал откуда-то сбоку Малек. — Это вызовет межрасовый скандал! Вы должны отправить запрос на Землю — я уверен, что...

— Как я это сделаю? — рявкнул Веснин. — У меня нет передатчика, с нами связываются по отраженной гравиволне; до следующего сеанса — почти сутки.

— Майор, — словно нехотя заметил Шанцев, — не спешите. Действительно, ведь начнется большая буча. Может, это у них таракан сбежал. Видите, какой челнок здоровенный: это точно был не орфианин.

Веснин запнулся.

— Таракан... Может, и таракан. Хорошо, давайте подождем. Первый пост, максимальная готовность!

Наушник подтверждающе чирикнул.

Люди с плевалками на изготовку лежали в укрытиях и ждали.

Прошло несколько минут. Корпус челнока загудел и начал светлеть на глазах, наливаясь ярко-синим огнем.

— Команда «свет»! — заорал Шанцев, схватил Веснина за плечо и скатился вместе с ним в овраг. Акустические блоки в визорах бойцов, среагировав на кодовые слова, включили поляризационную защиту и сделали это как раз вовремя: обшивка яйца полыхнула ослепительным светом.

Над полем воцарилась тишина: вся полевая живность, ослепленная вспышкой, валялась на земле и пыталась прийти в себя. Неподалеку от майора на камнях распласталась крупная бабочка, ее крыло судорожно подергивалось.

— Оператор, — крикнул Веснин, — связь с челноком орфиан!

— ...зи нет, — донеслось сквозь шипение и щелчки. — Как только се... сразу... чалось...

Веснин чертыхнулся и злобно уставился на яйцо.

— Майор, — проскрипел сзади Малек, — давайте я попробую с ними поговорить.

— Хочешь, чтобы тебя на десерт сожрали? — процедил Веснин.

— Я настаиваю на своей просьбе. Орфиане — исключительно мирная раса.

— Ага, это мы уже заметили, — проворчал Шанцев.

— Я уверен, что это всего лишь недоразумение, которое скоро разъяснится, — гнул свое Малек.

Веснин медленно выдохнул, сплюнул в пыль и кивнул:

— Ладно, давай. Прапорщик, прикрой его.

Малек на несколько секунд завис прямо перед Весниным, словно собираясь что-то сказать, но тут съехавшиеся во время боя створки опять поползли в разные стороны, и проворный шарик тут же метнулся к шлюзу.

Из проема показалось ярко-голубое создание высотой где-то в четыре человеческих роста. В верхней части бочкообразного тела изгибались несколько мясистых щупалец с утолщениями на концах, снизу его подпирали две ноги, похожие на колонны, сзади располагался третий столб — то ли конечность, то ли хвост.

Толстяк подошел к краю шлюза и грузно соскочил на землю. Почва вздрогнула, местные зверьки, едва пришедшие в себя после вспышки, порскнули во все стороны.

Бродяга завис в паре метров от пришельца и что-то неуверенно прошептал. Существо тут же выбросило щупальце в сторону Малька, попытавшись ухватить его на лету, но маленький инопланетянин оказался быстрее: он рванулся вверх, увернулся от другого щупальца, заложил вираж и помчался в сторону землян.

Бочкообразный чужак тяжело затопал за ним, возбужденно размахивая щупальцами.

Шанцев поднес к глазам переносной дезинтегратор — Веснин даже не успел заметить, когда прапорщик успел выхватить его из-за спины, — провел пальцем по сенсору дальномера, прицелился и нажал на кнопку.

Раздался громкий всхлип. Верхняя часть пришельца буквально схлопнулась вовнутрь, уравнивая возникший перепад давлений; толстяка передернуло, он неловко повернулся и осел на землю.

Не успели земляне перевести дух, как створки опять начали медленно разъезжаться. За ними уже маячило что-то огромное, покрытое сероватой слизью.

— Первый пост, огонь! — заорал Веснин.

— Нельзя, не убивайте! — во всю силу своего голоса зашипел подлетевший Малек.

Майор не обратил на него внимания и севшим голосом повторил:

— Огонь!

Наводчик трясущимися руками зафиксировал на экране центр сферы действия и рванул на себя рычаг, активируя дезинтегратор.

Выглядело это так, словно огромная пасть выкусила всю середину яйца. Раздался громкий хлопок — воздух с шумом заполнил пустоту, оставшуюся на месте уничтоженных молекул. Какое-то мгновение часть крыши, облепленная изнутри непонятными ошметками, еще держалась, затем опорная стенка со скрежетом лопнула, и громадные куски обшивки с грохотом рухнули на поле, поднимая облака пыли.

К Веснину и Шанцеву подлетел Малек.

— Я больше не работаю с вашей расой, — безучастно сообщил Бродяга, мгновенно развернулся и понесся над землей в сторону поселка. Один из солдат окликнул его, но Малек не среагировал.

— Напомни, чтобы я остаток зарплаты ему на счет перечислил, — сказал майор отсутствующим голосом.

Шанцев кивнул и задумчиво проводил переводчика взглядом.

Веснин встретился взглядом с подошедшим Павлышем, опустил на камень и сжал виски ладонями.

* * *

Ночью Павлышу, разумеется, не спалось. Он крутился на кровати, снова и снова прокручивая в памяти события этого дня. Ему казалось, что он что-то упустил, какую-то мелкую, но важную деталь: действие, жест, слово... Попробуем еще раз, твердил он себе, ворочаясь на пластиковой сетке: вот яйцо зависает над полем, вот его скорлупа едет в разные стороны, из-за края панелей появляется этот синий таракан... хотя почему таракан — больше на крысу похож, он же волосатый...

Таракан.

Или крыса.

Твою мать...

* * *

Веснин сразу открыл глаза, как только Павлыш подошел к его койке, — будто и не спал вовсе.

— Саша, выйдем на пару слов, — сказал Павлыш шепотом. Майор молча кивнул, одним движением перевел себя в сидячее положение и в следующий миг оказался на ногах. Павлыш подождал, пока Веснин выйдет на крыльцо, и плотно притворил дверь.

— Если хочешь — кури, — Павлыш протянул майору сигарету. Веснин удивленно вскинул брови, но затем кивнул, крутнул сигарету в пальцах, и в середине пологого цилиндрика затлела ароматическая таблетка. Павлыш вдохнул сладковатый дым, оперся на перила и полез в карман за другой сигаретой.

— Представь себя командиром корабля, приземляющегося на незнакомую планету, — сказал он.

— Представил, — после короткой паузы отозвался Веснин.

— Воздух на планете предположительно пригоден для дыхания. Предположительно. Ты что сделал бы, чтобы убедиться в его пригодности?

Майор немного подумал.

— Реквизировал бы у доктора крысу и выпустил ее через шлюз на...

Веснин осекся на полуслове и с отвисшей челюстью уставился на майора.

— Правильно. Молодец, — безжизненным голосом сказал Павлыш и сделал глубокую затяжку. — Допустим, крысу кот задрал. Кота... котов попытались отогнать — но результат-то нужен по-прежнему... Какое следующее существо ты реквизируешь из лаборатории? Для окончательной проверки?

Прапорщик тяжело засопел. Павлыш исподлобья поглядел на него и глубоко затянулся.

— А почему же они не забрали своего зверя, когда тот на нас напал? — спросил наконец Веснин.

— Если твоя крыса начнет жука грызть — ты полезешь его выручать? Они не поняли, что мы и есть те самые разумные существа, с которыми они хотели встретиться.

— Но мы же отстреливались! — закричал Веснин громким шепотом и закашлялся. — Мы в этих тварей половину боекомплекта высадили — неужели непонятно, что животные не умеют хреначить плазмой?

— Даже земные жуки-бомбардиры отстреливаются едкой жидкостью, — мрачно сообщил Павлыш. — Я в детстве из-за такого чуть глаза не лишился. А уж насчет инопланетных тварей... Мало ли у природы сюрпризов. Орфиане думали, что их встретят такие же великаны, как и они сами...

— Как бы там ни было — они первые напали, — заявил майор после небольшой паузы с нарочитой уверенностью в голосе. — Мы правы. А они — нет.

— Мы неправы уже потому, что живы, — послышался мрачный голос сзади.

На пороге домика, прислонившись к косяку, стоял Шанцев.

— Мы живы. А они — нет.

Веснин сторбился и отвернулся.

Из казармы доносился скрип кроватных сеток, слышались приглушенные разговоры: солдатам тоже не спалось.

Горизонт медленно окрашивался в темно-оранжевый цвет. До сеанса связи с Землей оставалось еще несколько часов.

ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ ВО СПАСЕНИЕ

Павлыш увидел свою руку, лежащую на ручке двери, и подумал о том, что он сам, доктор Павлыш, молодой, красивый, умный, не может умереть. Собственная смерть — беда, которая не может с тобой приключиться.

И в этот момент из-за большого дерева вышел еще один свидетель этой сцены. Он не принадлежал ни к одному из племен. Он был выше ростом и тоньше. У него была блестящая большая голова, перепончатый хобот, горб за спиной и странные блестящие одежды.

Кир Булычев. Великий дух и беглецы

Новость в деревню принес Следопыт. Его послали вслед за ушедшими на восток пятирогами. Он должен был узнать, где остановилось стадо, а если повезет — подстрелить детеныша или небольшую самку и при-

тащить на волокуше. И вот разведчик вернулся. Без добычи, взмокший от пота, едва держась на ногах, потому что пробежал, не отдыхая, многие тысячи шагов.

Когда высыпавшие из хижин соплеменники окружили его, Следопыт снял с плеча лук, пошатнулся и в изнеможении опустил на траву.

— Я видел небывалое... — Он все не мог отдышаться и говорил с трудом. Не произносил фразы, а выталкивал, издавая в промежутках между ними свистящие звуки. — У меня на глазах из облаков упала небесная лодка...

— Где? — выдохнул кто-то.

— В полусотне шагов от Кривого утеса. Она вертелась в воздухе и пылала, от нее разлетались искры и огненные шары. И раздавался звук... непонятный, страшный... никому из вас не пожелал бы его услышать. Разве что в день смерти...

В наступившей тишине было слышно, как под ногами однообразно тренькают прыгунцы, а сверху доносится задорное «дззиуу!» стремительных огнекрылок. Молчание нарушил Знающий.

— Это Умдуман! — уверенно и вместе с тем тревожно сказал он. — Только у него из всех богов есть летающая лодка. Говоришь, она вертелась и пылала? Я догадываюсь, что ты видел окончание заоблачной битвы. Умдуман сражался со своим извечным врагом — злым духом Кибрасом. И, — жрец горестно опустил голову, — был повержен...

Следопыт кивнул. Некоторое время он собирался с силами, затем продолжил:

— Я тоже так подумал. Когда небесная лодка упала, она перестала гореть. Ее окутал густой белый дым. Я спрятался за утесом и выжидал. Вскоре дым развеялся, и из лодки появился бог.

Знающий поудобнее перехватил украшенный затейливой резьбой посох. Воздев глаза к небу, про-

читал короткую молитву и лишь после этого спросил:

— Как он выглядел?

— На голову выше любого из племени. И все у него было не так, как у нас. Кожа белая, как брюхо священной рыбы мань. Зато волосы — темные, словно он окунул их в воды подземной реки Келу, уносящей мертвых. Но еще больше меня удивила его одежда. Я никогда такой не видел и не могу найти слов, чтобы описать ее.

— В самом деле, удивительно! — Знающий провел рукой по волосам — еще белым, но уже основательно тронутым старческой желтизной. Его красно-коричневое, цвета гончарной глины, лицо было сосредоточенным. — Предания говорят об облике Умдумана совсем иное. Но они дошли до нас из далеких времен. С тех пор истину могли исказить. Что же произошло потом?

— Бог был ранен, а его чудесная одежда — прожжена в нескольких местах. Он начал выносить из своей лодки странные предметы. И с каждым разом задерживался в ней все дольше. Я лежал ни жив ни мертв. Мне было страшно подумать, что Умдуман меня заметит. Но скоро силы его оставили. Он лег рядом с одним из необыкновенных предметов и уснул.

— Всего лишь уснул? — с сомнением переспросил Знающий.

— У меня острый глаз, я не мог ошибиться. — Окружающие закивали: и правда, в наблюдательности со Следопытом не мог тягаться никто. — Он дышал, но был очень плох. Тогда я покинул укрытие и со всех ног побежал домой.

Знающий погрузился в раздумья.

— Кибрас могуч и коварен, — сказал он наконец. — Ему служит целая рать духов тьмы. Неудивительно, что его воинство иногда одерживает победы

над силами добра. — Жрец снова замолчал, потом решительно стукнул посохом оземь: — Мы должны помочь Умдуману! Если он погибнет от ран — погибнет и племя охотников. Если останется жив — осыплет нас милостями. Будет обильная добыча, много жирного вкусного мяса. Вы спросите, кто может поставить на ноги великого бога? Тот, кто много лет исцелял наши недуги!

Охотники переглянулись, и один из них — Загонщик — нерешительно заговорил:

— Травник? Так ведь он же...

— Я знаю, — властно перебил Знающий. — Но больше нам надеяться не на кого.

Хижина Травника пропахла лекарственными настоями, отварами и прочими снадобьями. Проветривай, не проветривай — запах въелся в стены и казался неистребимым.

Хозяин уже вторую неделю не вставал. Без присмотра его, конечно, не оставили — по очереди ухаживали всей деревней. Но сделать большее было не в человеческих силах. Накрытый грубым шерстяным покрывалом, Травник безучастно глядел в потолок. Поверх покрывала лежали истончившиеся за время болезни руки с длинными узловатыми пальцами и набухшими венами.

— Живи и здравствуй, — сказал Знающий, переступая порог. — У меня к тебе большое дело.

— Здоровье не помешает, — бесцветно отозвался Травник. — А что до дела... Сам видишь, на что я го-жусь. В царстве мертвых уже заждались...

Жрец нахмурил брови:

— Раньше времени себя не хоронят. Да и бог смерти сейчас другим занят, не до тебя ему. Вот послушай, что расскажу.

Травник лечил соплеменников с молодых лет, а вот помочь самому себе оказался бессилён. Пошел в рощу

за Дальним ручьем, чтобы накопать целебных кореньев, и нарвался на стрекальщика. Обычно этот зверь с уродливой головой и постоянно подрагивающим мешковидным телом выбирает более мелкую добычу. Но в тот день он почему-то не отступил перед человеком и выбросил жалящую ловчую сеть. Ее, превозмогая боль, Травник разорвал, от хищника отбился подобранной на земле корягой и с огромным трудом доковылял до дома. А там — свалился.

Яд стрекальщика не убивает жертву сразу, а только обездвиживает. На человека он действует медленнее, чем на животных, но тот, кого коснулась ловчая сеть, все равно умирал. Сколько дней осталось до конца — пять, семь, десять, пятнадцать — не имело значения.

Поначалу целитель отчаянно боролся за жизнь. В первые же дни он перепробовал самые сильнодействующие из когда-либо изготовленных им зелий. Затем принялся смешивать новые. Но так и не победил смерть — лишь отвоевал у нее несколько суток отсрочки. Сначала у Травника онемели ступни, потом — голени, а сейчас отнялась вся нижняя половина тела. Поняв, что спасения нет, он перестал сопротивляться. Лежал, разглядывал закопченный потолок и ждал, когда омертвление дойдет до сердца...

Вслушав жреца, Травник горько усмехнулся:

— У Кривого утеса?.. Наверное, боги помрачили твой рассудок. Разве ты не видишь, каким я стал? Ноги отсохли еще на прошлой неделе, а теперь и сесть не могу, разве только голову поднять. Руки пока еще слушаются, но сила из них ушла.

— Тебя понесут самые крепкие воины, — отмел возражения Знающий. — Они станут твоими ногами. Другие прихватят все снадобья, что есть в хижине, — пригодиться может любое. Ты снова увидишь степь, вдохнешь ее запахи. И докажешь, что не утратил свой дар.

— Но...

Знающий насмешливо прищурился:

— А не боишься ли ты, Травник? Я тебя понимаю. Тому, кто не может исцелить себя, трудно решиться врачевать богов.

Глаза Травника негодуяще блеснули.

— Не сомневайся в моих силах, — тихо, но твердо сказал он. — Я не могу поправиться, потому что от яда стрекальщика нет средства. Самый искусный целитель беспомощен так же, как неопытный юнец. Зато в лечении ран со мной никто не сравнится. Бог смерти не любит упускать добычу, но я вырву Умдумана из его цепких рук. Если только перенесу этот поход... Когда мы выступаем?

— Солнце уже клонится к закату, так что отправимся завтра на рассвете. — Знающий наклонился и легонько сжал расprostертую на покрывале руку Травника. — Ты выдержишь. И Умдуман тебя дождетсЯ. Буду молить об этом всех богов.

* * *

Когда жизнь звездолетчика висит на волоске, она чаще всего обрывается. Павлыш знал об этом не понаслышке. За годы космических странствий он видел немало смертей, но сам себе казался родившимся в рубашке. Порой ему даже не верилось, что одному человеку может быть отпущено столько везения. Вот и сейчас, несмотря ни на что, он пока еще был жив. Все зависело от того, сколько продлится это неопределенное «пока»...

Посадочный катер, конечно, был старенький, но никто на «Онеге» и мысли не допускал, что он может быть неисправен. Техники, обследовав его перед последним вылетом, дали заключение, что все системы работают нормально.

Сейчас, когда было уже поздно строить догадки, Павлышу представлялось, что управляющий компьютер катера пострадал еще на Сельме. Эта сумасшедшая планета с резкими и необъяснимыми скачками магнитного поля доставила людям много бед. Наверное, хаотические комбинации таких скачков повредили один из контуров компьютера — тот, что отвечал за работу главного двигателя. Изменения были микроскопические, но негативный процесс развивался, и в момент, когда движок вышел на полную тягу, ему поступила неверная команда...

А ведь как удачно все начиналось! Настолько, что даже не верилось. Планеты земного типа встречаются крайне редко, а населенные разумными существами можно пересчитать по пальцам. Едва начав облет только что открытого мира, «Онега» выпустила несколько беспилотников. Они-то и обнаружили на самом большом из трех континентов племени низкорослых гуманоидов.

О степени развития туземцев и их готовности общаться с чужаками могли судить только люди. Павлыш, конечно, был лишь корабельным врачом, но, когда капитан приказал ему готовиться к высадке, воспринял это как должное. Его опыту общения с иноземными расами кое-кто мог позавидовать, а штатного ксенобиолога они потеряли на той же Сельме и замены ему пока не нашли.

И Павлыш, и Костров, пилот катера, с полным правом чувствовали себя первопроходцами. Заканчивая приготовления, они улыбались, шутили, хлопали друг друга по плечам. А вскоре случилось страшное...

Костров находился ближе к взорвавшемуся двигателю и погиб мгновенно. А второго члена крошечного экипажа долго бросало из стороны в сторону, пока потерявший управление катер кувыркался в атмосфере. Еще не достигнув поверхности планеты, Павлыш

получил серьезные ожоги, сломал пару ребер и располроло бедро о рваную кромку развороченной переборки.

Вспомогательные двигатели смягчили падение, и все-таки удар был страшен. Система пожаротушения, с момента взрыва не подававшая признаков жизни, наконец-то сработала — должно быть, от новой встряски. Очень вовремя: еще несколько минут — и Павлыш бы изжарился.

Выбравшись наружу, он сделал несколько шагов по остывающему пеплу, дошел до не тронутой пламенем дюзы травы и упал в нее. Дышалось легко, голову кружили незнакомые ароматы. Анализаторы беспилотников давно изучили состав здешнего воздуха и сделали вывод, что он пригоден для дыхания. Но одно дело — ознакомиться с сухой машинной информацией и совсем другое — проверить ее правильность собственными легкими...

Отлежавшись, Павлыш принялся действовать. Ему помогли пройденные год назад курсы аутотренинга, который позволял на какое-то время подавить любую боль. В этом удивительном состоянии он начал вытаскивать из катера приборы, подвернувшиеся под руку. Позже выяснилось, что почти все они мертвы, но тогда Павлыш об этом не догадывался и работал как проклятый. А потом все раны одновременно дали о себе знать, и он потерял сознание. В первый раз, но не в последний.

Конечно, воздух, почти неотличимый от земного, был огромным плюсом. А универсальный биоблокатор, который в обязательном порядке вводили участникам высадки, надежно защищал от любых внеземных микроорганизмов. На этом везение заканчивалось — в остальном дела обстояли хуже некуда.

У Павлыша не было лекарств, хотя бы примитивного анальгетика, поскольку содержимое аптечки выжгло полностью. Передатчик пострадал меньше — его

можно было попытаться восстановить. Но это долгая кропотливая работа даже для здорового человека. А без связи с кружащей на орбите «Онегой» рассчитывать на спасение не приходилось.

Проклятая авария! Из-за нее катер промахнулся мимо намеченного места посадки на тысячи километров. И рухнул в точке, которая с корабля, описывающего виток вокруг планеты, была уже не видна. Конечно, беспилотники рано или поздно найдут Павлыша. Но он был врач и хорошо понимал, что вряд ли доживет до этого счастливого момента. Всякому везению когда-нибудь приходит конец...

* * *

Дорога к Кривому утесу была знакома всем и не предвещала трудностей. Первые три-четыре тысячи шагов отряд преодолел без приключений, а вот потом случилось нечто страшное и непонятное.

Пожары в степи вспыхивают часто и никого не способны напугать. Но сейчас языки оранжевого пламени словно выпрыгнули из невидимых земных пор и сразу взвились на огромную высоту. Казалось, огонь долго таился в глубокой пещере, тлел потихоньку, дожидаясь гостей, чтобы внезапно, обретя силу, преградить им путь.

Охотники остановились — резко, будто наткнулись на препятствие.

— Это знак свыше, — пролепетал посеревший от страха Загонщик. — Боги против нашего похода!

Следопыт был похрабрее, но и ему стало не по себе. Шепча молитву, он попятился, и тут Знающий, ловко придвинувшись, схватил его за руку.

— Толковать волю богов могу только я! — веско заявил жрец. Какое-то время он стоял неподвижно, раздувая ноздри. Затем добавил: — Это не настоящий огонь. Я не чувствую ни жара, ни запаха гари. А вы?

— И то верно... — приняхавшись, подтвердил Следопыт.

— Раз так — подождем.

Ждать пришлось недолго. Огненные языки поникли, поредели, и в промежутках между ними появились чудовищные звери. Это были серые гиганты с огромными ушами, невероятно длинным носом и торчащими по обе стороны от него белыми изогнутыми клыками. Они с гулким топотом неслись вперед, и охотники, вопя, разбегались в стороны. Лишь четверо, опустив носилки с Травником, в шаге от них жались друг к другу. То ли не знали, в какой стороне искать спасения, то ли по наивности собирались защитить собой целителя от приближающихся громадин.

Даже Знающему подумалось, что на этот раз опасность настоящая и неудержимо мчащееся стадо вот-вот растопчет весь отряд. Но вскоре он поймал себя на мысли, что не ощущает даже слабую дрожь земли. А ведь она должна гудеть под ногами ушастых исполинов! Значит, снова видимость...

— Стойте! — закричал жрец, потрясая посохом. — Это происки злобного Кибраса! Ему нужно, чтобы мы повернули назад. Но духи, которых он насылает на нас, бесплотны. Не бойтесь их!

Знающий не раз убеждался, что в трудную минуту его голос имеет над соплеменниками поистине магическую власть. Вот и сейчас охотники остановились лишь Загонщик, совершенно потеряв голову, припустил еще сильнее. Тем временем серые чудовища пронесли мимо. Но легче не стало, потому что на смену им появились еще более ужасные. Одни из них были закованы в панцирь из костяных пластин, другие — утыканы причудливыми роговыми выростами, третьи стремительно передвигались на двух ногах, разевая зубастые пасти, четвертые парили в небе на широких кожистых крыльях. А пятые, самые огромные, походи

ли на живые холмы. Над каждым из них возвышалась маленькая змеиная голова на непомерно длинной шее.

Но и эти диковинные звери прошли, не причинив никому вреда.

— Мы не уstraшили Кибраса! Он посрамлен! — ликующе объявил жрец и оглядел свой отряд. Трое охотников исчезли бесследно — видимо, подгоняемые страхом, убежали в деревню. «Невелика потеря, — подумал Знающий, — Загонщик, Хмурень и Долгоног никогда не отличались смелостью. Зато из тех, на кого изначально можно было положиться, не дрогнул ни один».

Вскоре охотники, обогнув цепочку холмов, вышли к Кривому утесу. И увидели небесную лодку.

* * *

В очередной раз вынырнув из забвения, Павлыш обнаружил, что туземцы совсем близко. Ему следовало разозлиться и обругать их за упертость, которую не смогли поколебать даже вызванные им призраки. Но злобы не было — она улетучилась, уступив место тупому безразличию. Хотелось одного — вновь провалиться в сон, спасаясь от боли, рвущей тело, и уже никогда не проснуться.

После взрыва уцелели всего два прибора. Работоспособность сохранил ЛН — локальный наблюдатель с летучим разведчиком «Шмель». А еще — фантоматор, генерирующий искусственные образы. С его помощью можно создавать на корабле разнообразные пейзажи, помещая в них самых экзотических существ. На катер эту игрушку прихватил Костров — он больше других в экипаже «Омеги» скучал по картинам далекой Земли...

Очнувшись после очередной отключки, Павлыш взглянул в ЛН, и увиденное его не обрадовало. «Шмель» не только заснял дюжину туземцев, вышедших

из ближайшей деревни, но и рассчитал их направление. Группа двигалась точно к катеру.

Павлыш не знал, как поступят аборигены, когда добравшись до разбитой летающей машины, увидят его. Может, упадут на колени, отобьют сотню поклонов и преподнесут гостю со звезд богатые дары. Но с тем же успехом могут и зажарить на вертеле. Попробуй угадай логику первобытных гуманоидов! И тот и другой исход был ему безразличен. Человеку, который вот-вот переселится в мир иной, терять уже нечего, а приобретать — поздно.

И все-таки, убедившись, что туземцы идут по его душу, Павлыш колебался не дольше минуты. Затем включил фантоматор и настроил на максимальный радиус действия. Он использовал универсальные образы, способные ввергнуть в панику представителей отсталой расы. Буйство враждебной стихии, нашествие никогда не виданных чудовищ — это должно было сработать. Но почему-то не сработало.

Конечно, Павлыш мог ничего не предпринимать. И оправдание имелось — удобное и логичное. Разве полупокойнику не все равно, чем закончится встреча с хозяевами планеты? Однако было нечто, заставлявшее его избегать контакта. Всего один момент, не позволявший спокойно встретить смерть...

Туземцы стояли полукругом, не решаясь приблизиться. Они были одеты в звериные шкуры и очень походили на землян. Невысокого роста, все с белой или желтоватой шапкой волос, красно-коричневую кожу украшали узоры из зеленых волнистых линий, кружков и точек. Самый разрисованный — видимо, предводитель — сжимал в руке деревянный посох с набалдашником в виде головы хищной птицы.

Привлекал внимание еще один абориген, которого принесли на плетеных носилках четверо дюжих соплеменников. У него было худое, туго обтянутое ко-

жей лицо, острый подбородок и глубоко запавшие глаза. Увидев это лицо, Павлыш почувствовал, как сердце острым коготком царапнула жалость. Хотя жалеть следовало в первую очередь себя самого, дожевывающего под чужим солнцем последние крупицы жизни. Однако туземец, на вид еще не старый, выглядел очень плохо — как говорится, краше в гроб кладут. Наверное, его глодала тяжелая болезнь. Но почему он не остался дома, зачем отправился в изнурительное путешествие?

— Уходите, — тихо попросил Павлыш. Он признавал, конечно, что гости его не понимают — лингвист, как и почти все приборы, вышел из строя при взрыве. Но что еще можно было сделать? — Пожалуйста, уходите. Так будет лучше всем.

Аборигены переглянулись. Затем предводитель поднял глаза к небу, развел руки в стороны и заговорил на гортанном отрывистом языке. Когда он замолчал, четверо крепышей подняли носилки с больным и неуверенно, по шажку, начали приближаться.

— Не надо, — взмолился Павлыш. — Не сейчас. Приходите потом, когда мы будем готовы вас встретить. Дайте мне умереть так, чтобы не брать греха на душу...

Можно ли считать грехом то, что ты совершил не со зла, а просто по ходу жизни, потому что иначе нельзя? Об этом Павлыш не думал. Он знал одно: контакта во что бы то ни стало нужно избежать.

Катер был разбит, спецкостюм — прожжен, шлем — расколот. Это означало, что туземцы беззащитны перед полчищами микроорганизмов, населяющих тело землянина. Даже его дыхание могло вызвать у хозяев планеты эпидемию, сравнимую с чумой.

Павлыш помнил трагедию, разыгравшуюся на Гарре, — одной из планет системы Мерака. Тогда люди уже применяли биоблокаду, но почему-то

плохо задумывались о том, что сами несут смерть. И в результате таки ее принесли. Как выяснилось позже, роль ненасытного убийцы досталась безобиднейшей земной бактерии, родственнице кишечной палочки. Перейдя к аборигенам, она вдруг мутировала самым неожиданным образом. И прежде чем пришельцы, кляня себя за неосмотрительность, создали вакцину, болезнь успела выкосить десятки тысяч гарриан...

— Уходите... — уже не проговорил, а простонал Павлыш. Он потянулся к фантоматору, чтобы сотворить еще одного монстра — самого отвратительного и свирепого. Но сломанные ребра напомнили о себе — правую сторону груди словно прожгло огнем. В голове зазвенело на все лады, перед глазами растекся багровый туман, и сквозь его пелену Павлыш скорее угадал, чем увидел, как аборигены подошли вплотную и опустили носилки.

После этого они, подолгу воюя с каждой застежкой, начали снимать с него спецкостюм. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем это им удалось. К тому времени Павлыш уже закрыл глаза и балансировал на грани яви и бреда. Вдруг он почувствовал, что его тело ощупывают тонкие пальцы.

Они нежно, почти неощутимо, скользили по краям ожогов, обследовали раны и кровоподтеки, задерживались над сломанными ребрами, каким-то образом выявляя внутренние очаги боли. «Тоже доктор, как я. Только первобытный», — подумал Павлыш и, чувствуя, как на душе теплеет, доверился этим добрым пальцам.

Некоторое время спустя он ощутил, как к его губам поднесли сосуд с питьем. Павлыш послушно хлебнул горькой жидкости, от которой у него запылали язык и небо, и вскоре заснул.

* * *

Травник шел вдоль ряда воткнутых в землю кольев и развешивал на них растрепанные пучки мха-багрянца. Семь-восемь дней сушки — и можно заваривать. Лучшее средство от черной трясучки!

Встреча со стрекальщиком, конечно, не могла пройти бесследно. Целитель сильно припадал на правую ногу, а левую, почти не гнущуюся в колене, нелюбопытнее подворачивал носком внутрь. Но тем, кто совсем недавно видел его беспомощным, угасающим, даже эти нескладные движения могли показаться чудом.

Послышались приближающиеся шаги. Неторопливые, уверенные, они выдавали человека, наделенного властью. «Знающий!» — угадал Травник и лишь затем обернулся.

— Живи и здравствуй! — В уголках глаз у жреца притаились смешинки. — Вижу, теперь царство мертвых дождет тебя не скоро.

— Здравствуй и ты! — ответил Травник, опуская на землю корзину со мхом. — Если боги позволят, еще похожу по этому свету. А ведь недавно с ним прощался... Кто бы мне сказал, что встану и пойду — ни за что не поверил бы. Вот ты у нас Знающий, тебе все тайны открыты. Как объяснишь такое чудо?

— Все тайны открыты только богам, — уклончиво ответил жрец. — Но эту Умдуман мне поведал, хотя его речь совсем не похожа на нашу. Он говорил и тут же изображал сказанное руками. А еще делал рисунки. Много-много рисунков маленьким предметом, оставляющим черный след. И мы постепенно научились понимать друг друга. Я узнал, что на каждом из нас живут крошечные звери. От одних ни вреда, ни пользы, другие лечат, а третьи — убивают. Наши звери не могут повредить богу, но его звери обладают страшной силой и способны отправить любого из нас в царство мертвых. Умдуман

опасался, что принесет племени смерть. Однако он ошибся — на наше счастье, у него оказались добрые звери, дарующие жизнь. Они совершили невозможное — исцелили тебя от яда стрекальщика. Правда, их умения не хватило на то, чтобы заживить раны бога, которые он получил при падении небесной лодки. Но с этим наилучшим образом справились твои мази и отвары.

— Я был уверен в своих снадобьях, — не без самодовольства сказал Травник. — Больше, чем в том, что доберусь до Кривого утеса живым. Позволь спросить: где сейчас Умдуман?

— Чинит свою лодку, чтобы вознестись на небо. Или хотя бы подать знак другим богам. Он просил поблагодарить тебя. А еще — не называть его Умдуманом, поскольку там, в кругу богов, у него есть другое имя. Однако я посчитал, что нам, населяющим нижний мир, рано знать его. — Жрец помолчал. — Я вижу, Травник, ты еще хромаешь, но скоро совсем поправишься. Попомни мои слова: через несколько дней будешь бегать, как молодой пятирог!

Знающий кивком простился с целителем и направился к своей хижине. Не доходя до нее, он остановился, поднял посох и описал набалдашником круг. Потом заговорил, обращаясь к высокому небу:

— Прости меня, Умдуман! Я знал, что пришелец — не ты. Мои слова соплеменникам были ложью, но ложью во спасение. Ты велик и грозен. И если считаешь, что я виноват перед тобой, покарай меня на месте.

Жрец стоял и ждал. Над ним несколько раз пронеслась туда-сюда стайка огнекрылок, но больше ничего не происходило. В глазах у Знающего снова заплясали смешинки. Он поднял руку к лицу, чтобы скрыть улыбку, и зашагал к дому.

СЕРГЕЙ ЗВОНАРЕВ

ДАЛЕКОЕ, БЛИЗКОЕ

— Мы живем в тисках необходимости, — сказал Сергеев. — Мы живем всегда между двух зол, между трех зол, между множества зол. И остаемся людьми, потому что всегда думаем. *

Кир Булычев. Поселок

Уже темнело, поэтому прощание со Старым было недолгим.

С неба моросило, как и все последние недели этой дождливой весны. На дне могилы образовалась лужа. Старый лежал в гробу из кривых, с неровными краями досок, между которыми зияли темные щели. Крышку закрыли. Сергеев сказал несколько слов, показавшихся Олегу слишком сухими, потом бросил первую горсть. За ним Олег и Дик с Марьяной. Казалось, она хочет что-то сказать, только не знает что. Земля рядом вдруг вспучилась, вылез гриб. Марьяна опустилась на колени, взяла его и, быстро осмотрев, сунула в мешок у ног. Потом поднялась, опираясь на руку Дика: живот был замечен даже под плащом.

Помолчали недолго.

— Пора, — сказал Сергеев.

Олег взялся за лопату. Тяжелая липкая земля ударилась о крышку гроба. Засыпав могилу, они вместе с Диком положили сверху плиту из сланца. Выбить даты жизни Сергеев не успел.

Двинулись назад, к поселку. Дождь припустил с новой силой, на тропинке приходилось обходить лужи. Из них выползали червяки, то и дело меняя цвет.

Один за другим прошли через калитку. Олег услышал, как всхлипнула Марьяна — наверное, вспомнила, как все случилось. Хищник напал днем, такого

раньше не было, сломал изгородь и помчался по улице, к играющим детям. Ближе всех к ним оказался Старый. Копье было у него под рукой, и он успел его метнуть, но не очень удачно: только поранил медведю лапу. Тот бросился на обидчика. С одной рукой и без оружия шансов у Старого не было. Когда подоспели Дик с Вайткусом, медведь его уже задрал.

— Зайди в мастерскую, — сказал Сергеев Олегу. — У меня к тебе дело.

— Как все прошло? — спросила Лиз.

— Нормально, — буркнул Олег.

— Я бы пошла, ты же знаешь, — сказала она, ища его взгляд просительно и в то же время требовательно, — но мне тяжело. Тошнит все время. Но ничего, это скоро пройдет.

Олег чистил лопату лопухом. Земля въелась в неровную доску, если не вычистить — завтра зацветет, и тогда придется делать новую.

— Как Марьяна?

— В порядке.

— Она красивая, да? Беременность ей не мешает. Срок приличный, а скачет, как девица. Куда только Дик смотрит? Велел бы ей дома сидеть.

— Как ты себя чувствуешь? — резко спросил Олег. Лиз села на кровати.

— Я боюсь, мне страшно. Как все пройдет?

— Все будет хорошо. Ты не первая.

— Подойди ко мне, пожалуйста.

Он поставил лопату в угол, бросил лопух. Тот, пошевелив листом, прилип к земляному полу. Глядя на него, Олег сел на кровать рядом с Лиз и тут же ощутил ее тепло.

— Обними меня, — прошептала она, — скажи, что любишь.

— Люблю.

Лиз застыла.

— Нет, не так. Скажи по-настоящему.

— Люблю, — повторил он.

На секунду она замерла, потом закрыла лицо руками. Олег сидел рядом — неподвижный, как истукан. «Ну же, обними ее, скажи что-нибудь», — приказал он себе. Положил деревянные руки ей на плечи. Когда она не смотрела на него, было легче.

— Я буду стараться, — сказал Олег, — обещаю.

Сергеев точил нож. Услышав, как зашел Олег, кивнул на табуретку:

— Садись.

«Будет просить вещи из школы, — решил Олег, — нет, ничего не отдам». Ему тут же стало неловко. «А почему ты решил, что можешь распоряжаться ими? Только потому, что был лучшим учеником Старого?»

Не прерывая работы, Сергеев сказал:

— Дик нашел неплохое место, на возвышенности. В сторону от гор, два дня пути. Большой пологий холм, окруженным полем, озеро рядом. Лес там пореже и воды нет. Даже если река разольется, туда она не дойдет.

— Место для чего? — не понял Олег.

— Для поселка.

Разговоры о переезде велись с середины весны. Лес становился опаснее: не только люди приспосабливались к нему, но и он к ним. Охотиться стало труднее: шакалы все чаще нападали стаей. От грибов, раньше съедобных, неделями маялись животами. И мошка кусалась злее, приходилось выгонять ее дымом. А недавно к этому добавилась новая напасть: дождь, льющий, не переставая, уже третью неделю. Лес наполовину превратился в болото. Звери, согнанные водой с привычных мест, нападали на поселок.

Но Олег старался не думать об этом, он жил одним — подготовкой экспедиции к «Полюсу». Год назад она опять сорвалась: они прошли дальше, чем в прошлый раз, но на перевале их накрыла долгая снежная буря. Укрылись в пещере, но было страшно холодно, даже Дик почти не спал, когда приходилось лежать с краю. Томас заболел, у него сильно поднялась температура, он сильно ослаб и не мог идти. Следующей ночью, когда все забылись в тяжелом полусне, Томас умер. Олег нашел его первым — он лежал без одеяла, отдал его Марьяне, когда та уснула. Чтобы девушка не корила себя, Олег накрыл им Томаса.

Через две ночи кончились грибы; из еды осталась лишь горстка сушеного мяса. Когда буря утихла, Дик пошел на охоту. Он вернулся не скоро, но с добычей. На последних дровах приготовили мясо. Решающий разговор зрел и обещал быть жарким — судя по сосредоточенному молчанию.

А потом Олега укусила блоха. Приступ прошел тяжело, Олег сильно ослаб и все никак не мог согреться. Марьяна и Дик пытались его укрыть своими одеялами, но он не давал. Потом его начал бить кашель, поднялась температура, как у Томаса. Это все и решило.

«Значит, экспедиции в этом году не будет».

— И что вы решили?

— Пока ничего, — ровно ответил Сергеев. — Решать будем вместе.

— Если переезжать, экспедицию придется отложить.

— Да.

— Это неразумно. На «Полюсе» есть все, что нужно, — лекарства, оружие... да все!

Закончив нож, Сергеев положил его на полку, рядом с инструментами.

— Если экспедиция погибнет, поселок не выживет, — сказал он. — Ты сам видишь — лес опасен, как никогда. Если дождь не прекратится, будет еще хуже. А представь, река разольется. Что тогда будем делать?

— Переезд на новое место — тоже риск! У Марьяны уже приличный срок, и Лиз беременна.

— Тем более надо торопиться.

— Я готовился целый год, — безнадежно сказал Олег, — я могу пойти к кораблю один.

— Слишком рискованно, — возразил Сергеев, — если тебя укусит блоха, никто не поможет. А ночью ты будешь легкой добычей для хищников.

Олег чувствовал пустоту: не было смысла спорить, Сергеев все равно победит. Все, что он говорит, разумно и правильно. Вот только...

— Помните, как говорил Старый? Мы будем откладывать экспедицию год за годом. Всегда найдется причина. Потом кто-то из молодых решит, что корабль — это просто красивая легенда. Земля превратится в райский сад, а земляне — в богов. Хотя, — усмехнулся он, — быть может, через пару веков на него наткнутся наши потомки. Если выживут.

— Я понимаю, — сказал Сергеев, — но пойми и ты. Вещи с «Полюса» — не самое важное. От одичания нас спасет только одно — способность принимать разумные решения, подчинять свою волю необходимости. Если не будет этого, корабль нам не поможет, даже если бы он стоял прямо здесь.

Сергеев посмотрел ему в глаза. Его лицо было тяжелым, с крупными, резкими чертами, еще обострившимися за последние годы. Олег не знал, что сказать, мысли под строгим взглядом Сергеева путались.

— Я знаю, тебе сейчас тяжело, — сказал он, — но ты должен справиться с чувствами. Это сложнее охоты. И важнее. Важнее, чем экспедиция.

Олег молчал.

— Вот какое у меня дело, — продолжил Сергеев, снизив тон. — Нужно, чтобы ты посмотрел это место. Ты можешь заметить нечто такое, что Дик упустит. Был бы у нас фотоаппарат... ты знаешь, что такое фотоаппарат? — спросил он с интонацией Старого.

— Да.

— Хорошо. Но пока его нет.

Сергеев достал с верхней полки папку из рыбьей кожи, осторожно вытащил ровный белый прямоугольник, развернул его. Лист бумаги был чистым, он, казалось, сиял в сумрачной мастерской.

— Рисовать не разучился?

— Думаю, нет.

— Нужно, чтобы ты составил карту местности. Видел когда-нибудь такую?

— На глобусе, его Старый сделал, — ответил Олег. Его кольнуло: он вспомнил, как они терли краски из глины, которую принесла Марьяна. Было интересно смотреть, как Старый по памяти рисует материки и океаны Земли. Бесконечно далекий мир, обретая очертания, становился ближе. — Только он стерся уже.

— Глобус — это не совсем то, — сказал Сергей. — Представь, что смотришь на поселок сверху. Попробуй показать на рисунке самое важное — границу леса, изгородь, расположение домов. Понял?

— Думаю, да.

— Потренируйся на песке, потом обсудим.

— Ладно.

— И вот еще что, Олег. Я не могу пойти с вами, нельзя оставлять поселок без защиты. Постарайся ничего не упустить. Представь, что бы увидел Борис. Посмотри его глазами, у тебя это получится.

«Старый нашел бы слова, чтобы отстоять экспедицию, — с горечью подумал Олег, — а вот я не могу».

— Я постараюсь, — сказал он.

Они выступили на следующий день.

Так же как и вчера, лил дождь. К постоянной сырости привыкли и не обращали внимания. Дик шел первым, выбирая дорогу. Казик забегал то вперед,

то в сторону — словно гончая на охоте. Отмену экспедиции к «Полюсу» он принял легко, увлекшись переносом поселка, и теребил Сергеева — как там все будет? Лиз вместе с матерью тихо радовались, старались этого не показывать, но Олег все равно видел — хотя бы по сочувственным взглядам, которые ловил на себе.

Потеряв мечту, он чувствовал пустоту, заполнить которую не получалось ничем. Ему запомнились слова Сергеева о том, что нужно справляться со своими желаниями, Олег и понимал его правоту, но правота эта оставалась чужой, не имея опоры в собственной душе. «Что я должен увидеть, — думал он, — что такого могу заметить я, что упустит Дик? Это его мир, здесь он превосходит меня во всем. Вот если бы мы пошли к «Полюсу»... Наверное, Сергеев из жалости сказал, что ему важен мой взгляд...» Олег сердился на себя за унылые мысли, гнал их, но они снова лезли в голову.

Ночлег устроили на небольшой полянке, рядом с деревом — на него можно забраться, если шакалов окажется слишком много, и перестрелять их сверху. От медведя, правда, на дереве не спасешься. Дик сказал, что будет дежурить первым, и сел у входа в палатку с арбалетом наготове. Казик лег на бок, подтянув колени к подбородку, и мгновенно заснул, но сон его был так чуток, словно бы он бодрствовал. Марьяна любила спать в той же позе, вспомнил Олег. Если бы с нами тогда пошел Казик, а не Дик, и если бы Томас не умер, и если бы не эта чертова блоха...

Снова проклятые «если бы...».

Хватит, прозвучал в голове твердый голос Сергеева, хватит думать о том, что ты изменить не можешь.

Олег изгнал образ Марьяны.

Дик поднял их с рассветом, и они шли почти весь день. К полудню дождь перестал, в небе появились просветы. «Наверное, ветер собирает тучи у гор, там

они и выливаются», — подумал Олег, но подтвердить или опровергнуть догадку было некому.

— Почти пришли, — сказал Дик.

Лес, понемногу редевший, кончился. Перед ними открылось просторное поле, посередине которого высился пологий холм с торчащей у дальнего края скалой. Широкий ручей — почти речка — огибал холм и впадал в озеро, за которым опять начинался лес. Берега озера заросли камышом, и только в одном месте, ближе к холму, виднелась желтая полоска песка.

— Там наверняка рыба есть, — сказал Казик, показывая на камыши, — и лягушки.

Чтобы попасть на холм, надо было перебраться через ручей. Дик сказал, что знает узкое место. Они пошли вдоль заросшего невысокой травой берега; противоположный, со стороны холма, был каменистым, с осыпями. В быстрой прозрачной воде стаями плавали мелкие рыбки, похожие на плотву, если бы не шипастый хвост. Лягушки, спугнутые людьми, прыгали во все стороны.

Перебравшись через ручей, все трое забрались на скалу с плоской вершиной — самую высокую точку холма. Стало видно, что лес окружает поле не со всех сторон — с запада оно граничило со степью, простиравшейся вдаль, насколько хватало глаз. Олега кольнуло — на севере белели горы, за которыми его ждал «Полюс». «Ты будешь видеть их отсюда, — мелькнула мысль, — все будут видеть».

— Хорошее место для охоты, — сказал Дик, кивнув на степь.

Олег достал карандаш и бумагу.

Казик с интересом наблюдал за ним, а Дик сказал, что это лишнее, он может все показать на песке, когда они вернутся.

Овальный при взгляде сверху холм на три четверти омывался ручьем. В том месте, где он подходил

к холму, Олег заметил каменную перемычку шириной с человеческий рост, которая преграждала путь воде и направляла ручей по часовой стрелке. Если ее убрать, то поток разделится надвое, и тогда ручей будет омыwać склоны со всех сторон.

Олег вспомнил рассказы Старого о древних замках, окруженных рвами с водой. Чтобы перейти на ту сторону, опускали мост, а при опасности его поднимали с помощью блока. В голове зазвучал дидактический голос Старого: «Блок — это цилиндрический барабан, который может вращаться вокруг оси. Неподвижный блок позволяет изменять направление силы...»

Олег спустился к перемычке. Она была почти плоской, сквозь тонкий слой земли местами виднелся белый камень. По правую руку, чуть не переливаясь через край, плескалась вода, а слева тянулся узкий длинный овраг глубиной метра в два, переходящий в небольшое болотце, — где ручей, обогнув холм, устремлялся к озеру. Это старое русло, догадался Олег, возможно, много лет назад большой камень упал со скалы и преградил путь к воде. А если убрать преграду... Перед глазами появилась картинка: отверстие в камне, в него забивают палку и поливают водой. Дерево разбухает, и камень трескается. Откуда я это знаю? Наверное, Старый когда-то рассказывал. Его бы сюда...

Олег услышал голос Дика — тот его звал. Надо было идти на разведку, осматривать окрестности. Ковырнув ножом камень, оказавшийся неожиданно мягким, Олег поспешил наверх.

Ночью пришли шакалы.

Они напали все сразу, а не по одному. Пришлось туго, еле отбиться. Уцелевшие хищники свернулись колесами и покатались в сторону леса. Дик убил больше всех, ему же больше всего и досталось. Ка-

зик, перенесший укусы относительно легко, спустился к ручью и принес воды, чтобы промыть раны.

Оставалось переждать неизбежную лихорадку.

— Можно пустить ручей вокруг холма, — сказал Олег, — если разрушить ту каменную стену.

Он показал вниз, на перегородку, и добавил: — Шакалы не умеют плавать.

— И медведи тоже, — подхватил Казик.

Дик усмехнулся.

— Чем ты разрушишь камень? Топором?

— Возможно, есть способ, — ответил Олег и рассказал то, что ему вспомнилось вчера.

— Глупости, — сказал Дик сквозь зубы, сдерживая дрожь от лихорадки, — как дерево может разрушить камень? Ничего не выйдет. Сделаем изгородь, она и будет защитой.

Олег не стал спорить. Спустившись вниз, он аккуратно все нарисовал, чтобы показать Сергееву. «Холм — то весь из камня, — мелькнула мысль, — ведь так можно его добывать. Можно сделать из камня и ограду, и дома...» Эта идея возбудила его, ему захотелось тут же с ней поделиться, но он сдержался: в голове с недоверчиво-насмешливой интонацией прозвучал голос Дика: «Глупости». Подожди, обсуди с Сергеевым, а пока все обдумай как следует сам. Подготовься, он задаст тебе много вопросов. Каких? Вот и подумай, у тебя пока есть время.

Ночью, по дороге назад, ему приснился город Земли

Олег догадался об этом, хотя высокие дома, прямые улицы и просторные площади были ему знакомы лишь по рассказам. Замирая от восторга и страха он смотрел вниз с балкона и не мог оторваться: ровная вертикаль до самой земли тянула за собой взгляд. Люди на улицах не боялись ни деревьев, ни травы сидели прямо на ней, беспечно болтали, смеялись

По магистралям, отделенным от улиц газонами, стремительно неслись машины, чьи силуэты чем-то напоминали «Полюс», каким его рисовал Старый. А высоко в небе летела серебристая стрела, за которой тянулся белый след.

Олег проснулся от восторга. Лежа в тесной палатке, он пытался запомнить тающие картины сновидения. Олег чувствовал — хотя вряд ли бы смог объяснить — что этот город из сна реальнее, чем поселок и даже «Полюс». И каким-то непонятным образом он был связан с тем, что Олег задумал.

Старый бы понял с полуслова.

Сергеев выслушал идею Олега, заставил все показать на рисунке и сказал, что подумает. На следующий день он позвал Олега к себе, в мастерскую.

— Значит, чтобы окружить холм водой, ты предлагаешь разрушить каменную стену, сделав отверстия и забивая в них дерево?

В изложении Сергеева идея выглядела как-то неsolidно.

— Да.

— Можно, я буду думать вслух?

Лучше не надо, захотел сказать Олег. Сейчас все рухнет.

— Чем ты собираешься делать отверстия в камне?

— Ножом.

— На какую глубину?

— Не знаю... надо попробовать, будет ясно.

— А какое расстояние между отверстиями?

Что сказать? Опять «надо попробовать»? Глупо...

— Допустим, оно равно глубине, — нашелся Олег.

— Для начала неплохо, — против ожидания одобрил Сергеев. — А сколько всего нужно отверстий?

— Я не считал.

Как на уроке у Старого, когда не сделал задание. Олег чувствовал, как краснеет, — почему сам не сообразил? Надо было думать, а не мечтать.

— Пойдем-ка со мной, — позвал Сергеев.

Они вышли на песчаную площадку возле мастерской. Сергеев взял прут и нарисовал трапецию, формой напоминавшую каменную перемычку, какой она виделась сверху, с холма.

— Допустим, глубина отверстий — сантиметров тридцать, а расстояние между ними примерно равно ширине. Тогда у нас получится вот что...

Сергеев быстрыми и точными движениями покрыл трапецию сеткой с квадратными ячейками. Не меньше полусотни отверстий в одном слое, прикинул Олег, а слоев не меньше двух-трех, чтобы русло было достаточно глубоким. Сейчас Сергеев скажет, что это невозможно, да так оно и есть, до конца лета будешь ножом ковырять...

— Тебе нужна дрель, — услышал Олег.

— Что?

— Приспособление для быстрого вращения заостренного металлического наконечника.

— Вы... вы расскажете, как ее сделать?

— Уже сделал.

Под навесом лежал кусок сланца. Сергеев взял с полки инструмент и протянул его Олегу: две параллельные дощечки, скрепленные по концам веревками и зажимавшие перпендикулярно им верхнюю часть копы Старого с наконечником.

— Это сверло, — Сергеев показал на копьё, — не ахти какое, но лучшего все равно нет. Чтобы вращать его, нужно двигать дощечки. Попробуй, тут надо приловчиться. Приставь острое к сланцу...

Сначала не получалось, сверло все время тянуло в сторону, острое ползало по камню, выбираясь из намеченного отверстия. Потом дрель взял Сергеев,

и в его умелых руках она заработала как надо. «Тренируйся», — распорядился он и ушел в мастерскую.

К концу дня начало получаться. Сергеев, посмотрев на плоды его трудов, удовлетворенно кивнул.

— Ладно, — сказал он, — допустим, отверстия у тебя есть. Какое дерево будешь вставлять?

— Не знаю, — честно ответил Олег. Он больше не боялся в этом признаться. — Не думал еще.

— Зайди к Марьяне. Она тебе скажет.

Марьяна, сидя у окна, шила приданое для малыша. Увидев Олега, она поднялась и улыбнулась ему.

— Ты молодец, хорошо придумал. Будет здорово, если получится. Никогда не жила на острове.

— Отец помог.

— И я помогу.

Она повела его в сарай. Там, в полутьме, хранились бесчисленные целебные корешки, засушенные листья и лепестки цветов, толченая кора в мешочках из рыбьей кожи. Все это располагалось не просто так, а по системе, принцип которой Олегу не был ясен. «Она всегда этим увлекалась, — вспомнил Олег, — в лесу хлебом не корми, дай сорвать незнакомый цветок. Дик ее ругал, а мне нравилось смотреть на нее, как она любовалась цветами. Глаза такие большие, смотрят внимательно... Почему же так получилось, почему она с ним?» — скакнула мысль. Олег знал, почему. В провале экспедиции к «Полюсу» он винил себя — а кого же еще, это ведь тебя укусила блоха и ты же потом заболел пневмонией. До похода Дику больше нравилась Лиз, а предложение он сделал Марьяне. Наверное, Дик как следует разглядел ее, когда они тащили меня назад. Понял, что она не просто легкомысленная дурочка, как он привык о ней думать. Марьяна согласилась не сразу, может, ждала чего-то от Олега. Он же считал, что право выбора на стороне

Дика, спасшего экспедицию от полной гибели, доказавшего свое превосходство. Если Марьяна считает иначе, думал Олег, она должна отказаться.

Через неделю она перебралась к Дику. А Лиз заполучила Олега.

— Бамбук, — Марьяна протянула ему прямую пористую ветку, — отлично впитывает влагу и очень быстро растет. То, что тебе нужно.

Она повзрослела, подумал Олег, раньше все была девочкой, хотя и переносила все трудности наравне с другими, а теперь повзрослела. Думает о малыше. Все правильно, так и должно быть. Она тоже справилась со своими чувствами, верно?

— Спасибо, — сказал Олег.

— Отец говорил, там есть озеро, да? Поищи по берегам, бамбук любит воду.

— Ладно.

Они вышли из сарая. Марьяна обернулась к нему.

— Береги себя, — сказала она, — ты нужен нам всем.

Марьяна на мгновение замялась, а потом добавила:

— Отец беспокоится, я вижу. Наверное, из-за дождя, которую неделю уже льет. Воды в лесу полно, не пройти. Грибов мало, и огурцы, наверное, не вызреют...

— Мы переедем, — сказал Олег, — не волнуйся, все будет хорошо. Я знаю, что делать. И твой отец знает.

Он старался говорить уверенно.

— Что вы задумали? — спросила Лиз.

Олег вернулся от Сергеева поздно, но она не спала, ждала его. Беспокоится, что все-таки пойдем к «Полюсу», понял Олег.

— Соображаем, как все сделать на новом месте, — сказал он, — чтобы было лучше, чем здесь.

— Правда? — недоверчиво спросила Лиз.

— Правда.

— Ты опять пойдешь туда?

— Да, завтра выходим.

Лиз боялась, что корабль еще владеет умом и сердцем Олега, что он для него важнее и ее и малыша, которого она родит. А еще ей хотелось, чтобы он смотрел на нее так же, как на Марьяну раньше. Сегодня вот к ней ходил, когда Дика не было, зачем? А спросить — обидится еще. На глазах выступили слезы, но Лиз сдержалась — хватит плакать, вдруг Олег проснется. Он вернулся из похода немного другой, она чувствовала это. Раньше все время был сам не свой, словно мешком по голове огрели, а вот теперь немного ожил. Они с Сергеевым что-то там будут делать, на новом месте. И хорошо — может, это его отвлечет от проклятого корабля, и от Марьянки. Вот было бы славнó...

Успокоив себя, Лиз повернулась к Олегу и осторожно, чтобы не разбудить, обняла его. Капли дождя мерно стучали по крыше. Вскоре Лиз уже спала.

Сергеев проводил их до кладбища. Дождь лил так же, как неделю назад.

— Учтите, — сказал он, — дорог каждый день. Я не хотел говорить при всех...

Сергеев на мгновение запнулся, и Олег ощутил беспокойство: Марьяна была права.

— Похоже, наводнения не избежать. К реке мы не ходили — некому, — но и так видно. Отсюда нужно уходить.

Из глубины леса раздался рев медведя, пока еще далекий.

— Помочь? — спросил Дик.

— Не надо. Мы с Вайткусом справимся, если нападёт. Идите, чем раньше вы подготовите место, тем лучше. Удачи!

Сергеев развернулся и пошел назад. «И все-таки он нашел время сделать дрель», — подумал Олег.

Олег с Казиком работали с камнем по ночам, по очереди. Дик считал всю эту возню блажью и в часы своего дежурства занимался оружием. Днем все трое в корявом и таком же редком, как у поселка, лесу рубили деревья и таскали их к холму. Деревя нужно было много — на изгородь, дома, склад, сарай, мастерскую, и прямые стволы еще приходилось искать. А на крыши — листья водяных тюльпанов, они должны расти по берегам озера, там же, где и бамбук.

Руки Олег натер в первую же ночь, пришлось сделать перчатки из кожи. Он ругал себя — мог бы и сразу догадаться! Казик управлялся с дрелью ловчее и руки ухитрился сберечь. Он же придумал, как улучшить ее, добавив второе сверло. Чтобы сделать его, Олег отдал свое копьё, что вызвало недовольство Дика.

— А если медведь? — спросил он.

— Отобьемся, — ответил Казик.

Идея обрушить каменную стену захватила его едва ли не больше, чем Олега. Дик не стал спорить — он вообще не любил спорить, просто высказывал свое мнение. Если большинство возражало, Дик уступал, а потом просто ждал, когда будущее докажет его правоту. Так было с экспедицией к «Полюсу», так будет и сейчас.

Ночное дежурство Олега — еще четыре отверстия и мозоль на ладони — только что закончилось, он мгновенно провалился в сон и тут же почувствовал, как его толкают. Это был Казик, радостный и возбужденный. Олег сразу все понял, вскочил и побежал вслед за ним к перемычке.

Трещина, едва заметная в предрассветном сумраке, начиналась с края — там, где было первое отверстие, — и заканчивалась примерно на половине перемычки, отделяя от нее неровную длинную полосу шириной с локоть.

— Нужен клин, — сказал Олег.

Казик метнулся наверх и принес два кола, заготовленных для изгороди. Олег забивал свой с той стороны, где щель была самой широкой, Казик — с противоположного конца. Вскоре раздался глухой щелчок, камень слегка подался. С каждым ударом щель становилась шире.

— Теперь толкаем, — скомандовал Олег.

Они навалились на колья, используя их как рычаги. Камень не пошевелился. Пришлось еще принести бревна — из тех, что нашли днем в лесу, — и по очереди забивать их в щель, расширяя ее.

Это была долгая и тяжелая работа, Олег с Казиком вымотались донельзя. Ближе к рассвету камень стал двигаться легче, он уже на треть свисал с края стены. В очередной раз ударив по бревну, Казик чуть не упал — оно легко подалось вниз, послышался треск, из щели появился дымок. За один удар камень сдвинулся на ширину пальца.

— Попробуем? — предложил Олег.

Казик кивнул. Уже сколько раз за эту ночь им казалось, что еще одно усилие, и камень упадет. Парни навалились на рычаги, камень качнулся.

— Подложи под него, — прохрипел Олег.

Перекладывая бревна, они понемногу поворачивали камень. Теперь он держался на самом краю, готовый скользнуть вниз. Наконец, Олег почувствовал, что давление на рычаг резко ослабло.

— Все, сейчас пойдет, — сказал он Казику, — давай вместе! Раз, два...

Последнее слово потонуло в грохоте, с которым камень рухнул вниз. Громадный, размером с медведя, при ударе он раскололся на три неравные части, но и меньшая из них была гораздо больше любого из булыжников в пересохшем русле. «Мы сдела-

ли то, на что у природы ушло бы тысячи лет, — подумал Олег, — если не десятки тысяч». Ему казалось, что в наступившей тишине и холм, и озеро, и лес вдались затаились, удивившись новой неожиданной силе, которая появилась здесь. Кажется, на Земле их звали инженерами, вспомнил Олег, тех, кто подчинял человеку природу. Ему понравилось это слово, и он захотел поделиться им с Казиком, но не успел: на вершине холма показался Дик.

— Шакалы! — крикнул он. — Быстрее сюда!

Промывая укусы, Дик ругался на Казика с Олегом: прозевали, да еще и изгородь разобрали! Те не спорили — Дик был прав, да и схватка с шакалами после тяжелой ночной работы слишком утомила их, чтобы спорить.

В лес пошли только к полудню — пришлось переждать лихорадку. Олег еле волочил ноги, даже Казик против обыкновения держался рядом, а не бегал вокруг. Работа шла медленно, деревья почти все были низкими, кривыми. На изгородь еще пойдет, но дома из таких не построить. Дик сердился, разговаривал резко, отрывисто. Олег понимал, что причина есть — если бы заметили шакалов сразу, то успели бы перестрелять их из арбалетов.

А ближе к закату Дик увидел медвежьи следы.

— Если вы и его прозеваете... — сказал он. — Ночью смотрите в оба, не отвлекайтесь.

— Мы должны работать, — возразил Олег.

— А если медведь нападет?

— Я буду дежурить за двоих, — вставил Казик, — я увижу.

— Это глупо. Ты заснешь. А если нет, то и завтра будешь дурака валять, а не работать. Забыли, что сказал Сергеев?

Дик, мгновенно прицелившись, выстрелил из арбалета в густую траву: там притаился кролик. В лесу Дик был лучшим, и добыча подтверждала его правоту.

Больше не спорили — каждый остался при своем.

Этой ночью они скинули еще два камня. А потом Олег сломал сверло.

Он наткнулся на твердую породу, стальной наконечник заклинило. Олег не успел среагировать, и древко переломилось у самого основания. Сергеев в мастерской все починил бы за пару часов, а здесь долго придется возиться. Да еще неизвестно, получится ли.

— Возьми мое копьё, — предложил Казик.

— Тогда у нас останется только одно. Если придет медведь, будет туго.

— Мы скоро закончим. Если все получится, можно будет вернуться в поселок, там починим.

«А если ничего не выйдет? — подумал Олег. — Что ты скажешь Сергееву? И Лиз, и Марьяне?» Чуть помедлив, он взял копьё и обломил его так, чтобы по длине получилось сверло.

Дежурство Дика уже прошло. Он спал и не мог разить.

На рассвете появился медведь. Ходил возле холма, присматривался. Люди занимались чем-то необычным, и это его настораживало. А может, медведь вообще людей еще не видел. Побродив, он сел, став похожим на огромную зеленую овчарку, и некоторое время наблюдал, как Олег с Казиком долбят камень. В конце концов, осторожность взяла верх, и медведь неторопливо удалился, издав громкий, на все поле, рык, словно говоря: я тут хозяин.

— Наверное, он не голоден, — заметил Казик, — повезло.

«Это ненадолго», — подумал Олег.

С вершины холма спускался Дик, разбуженный ревом медведя.

— Казик, где копьё? — со злостью спросил Дик.

— Оно нам понадобилось, — ответил тот.

— Дураки! — голос Дика стал высоким. — Вы оба просто упрямые дураки! Вы видели медведя? Он вернется, и хорошо, если один!

— Может, и не вернется, — сказал Олег.

— Вы думаете только о себе, о своих дурацких затеях! Мало вам перевала, да?

— Посмотри! — Казик показал на перемычку, ставшую уже совсем тонкой. — У нас все получается, ты видишь? Мы почти закончили, осталось чуть-чуть!

Дик повернулся назад.

— Уже рассвело, пойдемте работать. Нам нужно дерево.

— Это неразумно, — сказал Олег, — в лесу медведи опаснее, чем здесь.

— Да! — сказал Дик. — Особенно теперь, когда вы переломали свои копыя!

— Водная преграда надежнее изгороди. Ветки никого не остановят, ты сам знаешь.

— Где она, эта преграда? Ее нет! Куда вы всех приведете? На пустое место, ничем не защищенное?

Никто не ответил Дику. Он повернулся и пошел в сторону леса.

— Иди с ним, — сказал Олег.

— Я помогу тебе.

— Не нужно, я справлюсь. В лесу опаснее, чем здесь. И он прав: без дерева не обойтись.

Казик, поколебавшись, побежал вслед за Диком.

Один за другим Олег забивал клинья.

Перемычка уже треснула по всей ширине. Со стороны ручья щель потемнела, вода понемногу в нее заходила. Теперь, когда цель была так близка, Олега охва-

тили сомнения — а получится ли? Что, если уровень воды в ручье упадет, и опять придется долбить проклятый камень? Или вода просто уйдет в землю, останется лужица возле стены. Дик снова окажется прав — они просто глупцы, мечтатели, почему-то решившие, что могут спорить с природой, а не подчиняться ей.

Отгоняя эти мысли, он колотил булыжником по дереву, вбивая клинья все глубже. Щель становилась шире — еще немного, и вода проникнет по всей ее длине. Скоро все решится, так или иначе. Ему вспомнился прекрасный город из сна, такой непохожий на все, что их окружает здесь. Где-то там, в такой дали, которую и представить себе нельзя, он, несомненно, существует. И это была правда, которая не зависит от происходящего здесь. Даже если у них ничего не выйдет и придется опять признать поражение, город на далекой планете Земля все равно останется с ним. А если получится... то у нас будет новый дом, лучше прежнего. И, может быть, путь к «Полюсу» отсюда окажется ближе, чем от старого поселка... Я уже думаю о нем, как о старом, поймал себя на мысли Олег, погоди еще, здесь пока толком ничего не сделано.

Совсем рядом заревел медведь.

Он стоял метрах в пятидесяти от стены и наблюдал за человеком — так же как и в прошлый свой визит. Однако теперь человек был один, и медведь подошел ближе. Бежать за арбалетом было поздно, да и стрелы против громадного зверя почти бесполезны — если только в глаз попадешь, а это и Дику удалось лишь однажды.

Показывать зверю страх ни в коем случае нельзя — каждого жителя поселка учили этому с малых лет. Медведь еще не решался напасть — не знал, насколько человек опасен, какие у него клыки и когти. «Хорошо бы как раз сейчас свалить камень: может, это

его отпугнет». Олег, заставив себя забыть о медведе, с новой силой принялся забивать клинья. Вода из ручья уже потекла по щели, образуя с другой стороны небольшой водопад. Бросив булыжник, Олег налег на рычаг. Щель немного увеличилась, но потом камень остановился. Надо сменить точку опоры, встать спиной к медведю. «Ты же забыл о нем, — мелькнула мысль, — разве нет?» Олег подвинул камень, расширив щель со стороны ручья и сузив с другой. Теперь напор воды помогал толкать камень. Просунув два рычага под него, Олег повис на них, раскачиваясь. «Казика бы сюда и Дика. Вот же черт упрямый, потащился в свой лес...»

Он почувствовал, как рычаг ушел из-под него и тут же услышал глухой треск ломающегося камня. Тут же он рухнул вниз. Вода, обдав ноги Олега, с журчанием потекла по новому руслу.

В этот миг он действительно забыл о хищнике, перед которым был безоружен.

— Получилось! — закричал Олег. — Вот вам всем, получилось!

Вода падала из прорубленного желоба с двухметровой высоты на каменистое дно, образуя расплзающуюся лужу. Олег попытался прикинуть, сколько времени потребуется, чтобы вода заполнила все русло. Выходило много, весь день пройдет. «Надо бы еще один камень свалить», — мелькнула мысль.

Он поднялся на полуразрушенную стену и замер — медведь, о котором Олег совершенно забыл, стоял с другой стороны стены и, увидев его, грозно зарычал. Разделявший их поток шириной в полметра не был препятствием для хищника. Олег выдернул из дрели обрубку копий, готовясь к безнадежной схватке. Медведь зарычал громче — и в этот момент в его шкуру вонзилась стрела, и тут же, рядом, — еще одна.

Дик с Казиком бежали по полю.

Медведь с ревом повернулся к ним. Казик на мгновение остановился и выстрелил еще раз, попав хищнику в морду. Разъяренный, он тут же устремился к обидчикам.

Дик уложил медведя одним сильным ударом, пронзив копьем его шею. Когда Олег добежал до места схватки, огромный зверь катался по траве. Копье он сломал, и теперь, обхватив обломок передними лапами, силился вырвать его из шеи, тем самым еще увеличивая рану. Вскоре медведь выбился из сил: лежа на боку, он только поднимал голову и хрипел. Дик подошел к нему и выдернул обломок копья.

— Спасибо, — сказал Олег, — если бы не вы с Казиком...

Он не успел договорить: Дик, повернувшись с искаженным от злости лицом, ударил его. Олег, не ожидая этого, упал.

— Ты дурак! Твоя глупость погубит нас! Ты...

— Дик, смотри! — закричал Казик, показывая на холм. — Смотри, там вода! Олег сделал! Мы сделали! Он побежал к холму.

— Пойдем, — сказал Олег, поднимаясь, — ты увидишь все сам.

Втроем они свалили последний камень, и поток воды еще увеличился. Небольшой пруд был уже глубиной по пояс, и он постепенно заполнял старое русло.

— Надо возвращаться в поселок, — сказал Дик. Он по-прежнему сердился. — У нас ни одного целого копья.

— Давайте подождем, пока вода все заполнит, — глаза Казика возбужденно блестели, — интересно же!

Олег встал.

— Дик прав, надо идти.

Он хотел улыбнуться, но вместо этого поморщился — скула, по которой врезал Дик, еще болела.

Сборы были недолгими, и вскоре они уже шли к лесу. Казик постоянно оглядывался, а Олег думал о том, что еще можно сделать с камнем, и воображение его уже рисовало стену, окружающую холм, прочные и просторные дома с белыми стенами, площадь у основания холма — там, где он был положим, — и школу на его вершине, из окон которой всегда видны горы.

— Ну как, получилось? — спросил Олег.

— Попробуй, — с довольным видом ответил Казик.

Два ровных каменных блока лежали один на другом. Олег попытался сдвинуть верхний, но у него ничего не вышло.

— Позвать кого на помощь? — ухмыльнувшись, предложил Казик.

— Значит, склеил.

— Ага. Чистоплюй постарался!

Необычного зверя поймали в лесу, недалеко от озера и поместили в клетку. После кормежки Чистоплюй регулярно выдавал порции клея, который Казик предложил использовать для соединения каменных блоков. Их выламывали у вершины холма, а потом ровняли долотом и шлифовали шкуркой из твердой скорлупы кокоса.

— Ну, с чего начнем? — с энтузиазмом спросил Казик.

С вершины холма, со всех сторон окруженного водой, хорошо был виден новый поселок. Невысокая изгородь окружала две улицы с небольшой площадью в месте их пересечения. Мастерскую построили недалеко от вершины, и она стала первым каменным зданием. Возле моста через ручей Вайткус проверял сеть — в проточной воде рыбы всегда было много. На небольшом пляже играли дети, Марьяна и Лиз следили за ними.

Олег взглянул на горы. Уже наступила осень, экспедиции к «Полюсу» в этом году не будет. Ничего, пойдём следующим летом. Как-то незаметно из разговоров о корабле исчез надрыв, постоянное напряжение, которое всегда в них звучало. Может, потому, подумал Олег, что теперь мы больше уверены в собственных силах. То, чему учил нас Старый, все-таки пригодились.

— Так что? — нетерпеливо спросил Казик. — Что будем строить?

Олег встряхнулся от своих мыслей и улыбнулся.

— Может, детский сад?

— Серьезно?

— А почему нет? Детей будет больше. Пойдем, поговорим с Сергеевым.

НИКА БАТХЕН

НЕПРИКАСАЕМЫЕ

— Степень деградации зависит от уровня, которого человек достиг к моменту изоляции, и от его характера. Но мы не можем ставить исторический эксперимент на одной сложившейся особи. Мы говорим о социуме.

Может ли группа людей в условиях изоляции удержаться на уровне культуры, в какой находилась в момент отчуждения?

Кир Булычев. Поселок

Снился дождь — нездешний, свежий. На планете с красивым именем Амфитрита вода с неба струилась, лилась и капала четыреста дней в году из четырехсот сорока одного. В промозглой сырости плодились бесчисленные грибки и водоросли, любой забытый кусок хлеба тотчас превращался в неаппетитную ка-

щицу, любая царапина начинала гноиться. А Павлышу мнился совсем другой дождь — пронизанный буйным солнцем, заблудившийся в тополиных дорожках Нескучного сада. Марина, скинув мокрые босоножки, с хохотом прыгала через лужи, белый шарф вздрагивал за плечами, словно крылья совы. Он бежал следом, придерживая локтем неудобную дамскую сумочку, задыхаясь от счастья. В пузырящихся ручьях отражались глупые тучи, по аллее с веселым визгом носились дети, впереди было целое лето... Марина вернется из экспедиции через год, он на два месяца раньше. И каждый день будет ходить в парк, есть мороженое, сидеть на древней скамеечке у еще более древней библиотеки. Ждать. Ее.

Запахло кофе — сосед Павлыша, экзобиолог Жанно, всегда отвлекался от джезвы, и благородный напиток бездарно выкипал на горелку. Тотчас по коридору прошуршал гусеницами каютный робот, спеша ликвидировать непорядок. Павлыш понял, что уже проснулся, и медленно сел на постели. Приступать к делам ему не хотелось. На Ракушке (так шутники называли РА-58347, наблюдательную станцию на планете) работы набиралось немного. Десяток штатных сотрудников, заезжие наблюдатели раз в году, на полтора месяца лета. С бесконечными насморками и простудами могла справиться и медсестра, и госпитальный робот. Дело было в другом.

Зарядка взбодрила доктора. Смахнув с лица щетину, он принял душ, надел свежий светлый костюм, старательно затянул галстук. Кто бы поверил... В кармане пиджака жалобно пискнул анализатор. Павлыш высадил устройство на тумбочку и поменял батарейку, потом пошарил в одежде, выгрузил два цветных камешка, универсальный нож с шестью лезвиями, шоко-tonик, старинный латунный ключ, шалфейный леде-нец и пуговицу. Привычка набивать ерундой карманы

была неистребима, даже психотехники оказались бес-
сильны. Доктор Китайчик, с которым довелось пора-
ботать в ледяных пустынях Титана, немало потешал-
ся — на абсолютно пустой планете, в корабле, где
каждый винтик и каждый фантик подвергают учету
и полной утилизации, Павлыш все равно находил пе-
стрый мусор. И доставал его в нужный момент.

Завтрак накрыли в кают-компании. Мидзуэ, един-
ственная женщина, психолог и по совместительству
повар на Ракушке, настояла, чтобы команда трижды
в день собиралась за столом, обмениваясь новостями.
Сама она щебетала как птичка, щедро разбрасывала
сверкающие улыбки, а иногда, забывшись, даже мел-
ко кланялась собеседнику. Порой от смеха миниатюр-
ной японки веяло жутью, но если бы не ее заботы,
экипаж давно пришлось бы менять.

За столом собрались почти все, только метеоро-
лог Вьянмейнен с утра в сотый раз налаживал ат-
мосферные зонды, да простуженный пилот Костя от-
леживался в изоляторе. Вернуть больного в строй
было часовым делом, Павлыш просто не стал настаи-
вать. Стряпня Мидзуэ, как всегда, была выше всяких
похвал. Четверг объявили днем английской кухни,
на барной стойке царили овсянка, пышный омлет
с беконом, крохотные сэндвичи, булочки с джемом
и сахарной пудрой, груши с прозрачной, тающей
во рту кожицей. Впрочем, ели без аппетита.

Молодой Якоб Шидловски сидел вместе со всеми,
как подобает гостю корабля. Он улыбался, раз за ра-
зом заполняя тарелку, смешно коверкал слова, подби-
рая комплименты для поварихи, он был сама любез-
ность. Но никакой кондиционер не мог справиться
с запахом тухлой рыбы, исходящим от нескладно-
го тела, с липкой вонью бурых волос, покрытых во-
дорослями-симбионтами. Пальцы Якоба поросли
скверными бородавками. Мутные глаза слезились.

Безупречные белые зубы дико смотрелись в перекошенном рту. И самое отвратительное — это был человек. Землянин. Точнее, потомок землян.

Колонистов на Амфитрите оказалось почти две тысячи, не считая детей. Как они поселились в дальнем углу Галактики, какой корабль сумел доставить их на планету без малого триста лет назад, — установить так и не удалось. Скорее всего, один из доживающих свой век частных шаттлов — тогда было модно грузиться в звездолет и лететь на поиски счастья. Многих счастливчиков находили потом вмерзшими в стены кают. Упрямые, нелюдимые муннайты исповедовали веру отцов-основателей, членов древней христианской секты. Вера запрещала им строить каменные дома, пользоваться орудиями сложнее топора и мотыги, учить детей чему-то, кроме счета и грамоты, есть пищу, к которой прикасались неверные... Список запретов был долог, как зеленая борода патриарха Кеннета, главы несчастной общины.

Скверный климат, зараженный воздух и грязная вода не убили колонистов, голод не доконал их, и хищники не сожрали. Зато Амфитрита изувечила новых гостей, превратила их в жалкие человеческие подобию, наградила паразитами и болезнями. Сорокалетние были здесь стариками, до пятидесяти дотягивали немногие.

Муннайты приняли братьев-землян мирно, но сблизиться не торопились. Смиренно склоняя головы, они наотрез отказывались пускать в поселение наблюдателей, отправлять детей в школы, лечиться в больницах, летать на катерах. В Совете поднимали вопрос о колонистах Амфитриты — принудительное решение отклонялось три раза за небольшим перевесом голосов. Поэтому на планете стоял лишь наблюдательный пост. Порой промокшие до костей мамы тайно притаскивали туда своих склизких, вонючих отпрысков. Павлыш, сцепив зубы от отвращения, промывал

раны и язвы, совал в воспаленные рты кусочки мятного сахара и отпускал пациентов с миром — больше ничего нельзя было сделать.

Якоб Шидловски был первым, кто вышел из круга. За какое-то прегрешение его выгнали из общины в джунгли, на верную смерть. Патрульный катер Ракушки подобрал умирающего паренька, станционный врач выходил его и отправил на Землю с первым же кораблем. Год работы с учеными, поездок по знаменитым столицам, экскурсий на лунные и венерианские базы сделал из маленького фанатика интеллигентного и даже в чем-то изящного юношу. Но преодолеть невыносимое физическое отторжение «брата по крови» стоило труда всем — ни похожие на жаб короны, ни червеобразные флигии, ни разумные грибы с планеты Крукс не вызывали такой бурной реакции. Об этом молчали, стыдливо отводя глаза, зарываясь в дела и пустые хлопоты.

Сегодня Якоб возвращался к родным. Новенький катер ждал его на посадочной полосе, новый костюм сидел ладно, новые зубы сверкали, глаза блестели. Павлышу он показался чересчур возбужденным и потным, радость преобразила гостя... и усилила смрад, исходящий от тощего тела.

— Спасибо за все, что ты сделаешь для меня, для всех нас, доктор, сэр. Я дам братьям фильмы и книги про мама-земля, поднесу их на катере за облака — пусть увидишь, нет папа-бог, есть небо, — счастливый Шидловски возник у столика, как чертик из табакерки.

— У тебя получится, Якоб. Мы будем ждать твоего возвращения!

Старательно глядя в глаза, Павлыш пожал гостю горячую ладонь и сел на место, не переставая улыбаться. Шидловский обошел всех, стоическая Мидзуэ расцеловала его в обе щеки. Капитан Поздняков проводил гостя до катера, чтобы проверить программы, — он сомневался в летных талантах посланца.

Остальные в молчании закончили завтрак и разошлись по рабочим местам.

На обед Павлыш решил не ходить — забарахлила единственная на Ракушке камера полной регенерации. Технология корон оказалась незаменимой, их оборудованием снабжали все внеземные станции, позволяя свести к минимуму риск глупой и преждевременной смерти. Теоретически камера могла излечить любые болезни. Доктор Китайчик ворчал, что на их долю хворов еще достанет, а вот следующему поколению медиков придется подаваться в ветеринары. Практически камера ломалась от любого неверного чиха, повреждала краткосрочные воспоминания и по собственной инициативе мешала гены, делая невысокого человека выше, полного стройнее, исправляя по своему разумению форму носов и структуру волос. Поэтому пользовались ею лишь в безвыходных ситуациях.

К ужину неутомимая Мидзуэ изготовила аппетитный горячий шотландский пудинг. Капитан Поздняков громогласно сзывал экипаж, возглашая:

Дородный, плотный, крутобокий,
Ты высишься, как холм далекий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.

Недовольный Жанно пробасил что-то нелестное о бараньей требухе, наполняющей деликатес. Поздняков, ничтоже сумняшеся, посоветовал экзобиологу поймать на ужин пару лягушек, благо климат способствует. Жанно пообещал в точности выполнить указание командира, подсадив лягушку на барную стойку. Услышав это, Мидзуэ пообещала спорщикам день бедуинской кухни с жареной саранчой, тухлыми яйцами и прокисшим молоком верблюдицы. Павлыш хотел вмешаться, высказавшись на тему сравнительных достоинств верблюжьего молока перед медвежьим или китовым, но в дверь постучал радист:

— Владислав Владимирович, радиogramму примите. Десять коротких слов. В них вся Марина — стремительная и страстная, насмешливая на людях и бесконечно кроткая в минуты любви. Каюту словно овеяло запахом жимолости, на губах стало сладко. К чертям ужин! Захлопнув двери каюты, Павлыш достал блокнот, ручку и сел сочинять ответ, пытаясь вместить в тесные буквы огромную радость. Он был не мастак говорить красиво, но Марина точно понимала его. Триста шестьдесят один день до встречи — поскорей бы.

Кое-как сочинив, наконец, послание, Павлыш снова надел пиджак и отправился в радиорубку. Он ощущал неловкость оттого, что придется диктовать слова любви радисту Цыганкову, но просить о разрешении отправить радиogramму самостоятельно было бы еще большей глупостью. Радиста на месте не оказалось — скорее всего, резался в шашки со вторым пилотом или возился с огурцами в теплице. Павлыш не расстроился — огромная радиорубка, пыльная, несмотря на все усилия роботов, полная странных приборов, ламп, лампочек, кнопок, кнопочек, тумблеров и верньеров, была любимым местом на корабле. Космический шум, обрывистые сигналы, непонятные фразы на незнакомых языках манили доктора, очаровывали его. Опасливо оглянувшись, чтобы никто не застал за детским баловством, Павлыш осторожно крутанул колесико большого приемника. По экранчику побежала волна сигнала, что-то затрещало, сквозь помехи пробился красивый, густой баритон:

Так пусть же книга говорит с тобой.
Пусть она, безмолвный мой ходатай,
Идет к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.

Прочтешь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

«Шекспир, — подумал Павлыш. — Века проходят слова не теряют силы».

— Шекспир, Владислав Владимирович, — подтвердил звонкий голос Юрика Цыганкова. — Опять в проверку связи играетесь? Договаривались же — без меня к приборам не подходить!

Павлыш потупился, безуспешно изображая вину. Радист обошел его, глянул на приборы:

— Что вы тут у нас накрутили? Позвольте-ка... Да это местная точка!

— Исключено, — возразил Павлыш. — Туристов здесь быть не может, ученых на планете нет. У катера другие позывные.

— Наверняка спринтеры, — поморщился радист. — Пойду, доложу капитану.

Увы, команды энтузиастов студенческого, а то и вообще школьного возраста, которым приспичило поиграть в первооткрывателей дальних планет, оставались вечной головной болью для серьезных исследователей. Запрещать молодым рваться в космос было неразумно — из спринтеров вырастали настоящие покорители звездных глубин. Но и хлопот страшные юнцы доставляли немало. Если компания голоногих, голоруких, абсолютно не закомплексованных парней и девиц ввалится в общину муннайтов и начнет проповедовать атеизм... Павлыш нашарил в кармане кофейный леденец и, задумчиво перекатывая за зубами конфету, отправился к Позднякову — думать.

Вскоре в капитанском отсеке собрался весь экипаж, кроме пилота Кости. Тот отправился на корабль снимать показания с орбитальных спутников и выглядывать нежданного визитера. Собрание вышло шумным — Жанно заявил, что спринтеры расшевелият осиное гнездо. Если сектанты проявят агрессию наконец-то найдется повод расселить их, вразумить

отмыть, вылечить, отправить детей на Землю, а взрослых обучить полезным профессиям. А пострадавших Владимир Владиславович живенько воскресит в своей камере. Павлыш не стал поправлять биолога, настроение команды огорчило его куда больше пустой оговорки. Все, кроме Мидзуэ, соглашались с эксцентричным французом, да и сам доктор в глубине души был не против простого решения. Кто бы спорил, муннайты имели право жить, как им хочется, смердеть, плодить водоросли в волосах, но при чем тут дети? И женщины — отекавшие, бледные, оцепевшие от бесконечного деторождения и изнурительного труда. Павлыш вспомнил, как однажды подарил зеркальце девочке, а мать, глянув в стекло, разбила его об пол.

Взъерошенная, похожая на мокрую воробыху Мидзуэ забралась на тумбочку и оттуда как с трибуны набросилась на товарищей. «Муннайты не нарушают законов, — твердила она. — Разрушить их хрупкий мир значит уничтожить их самобытность, их культуру, их личности, наконец! Дайте колонистам время освоиться, довериться землянам. Первая ласточка у нас уже есть. За Якобом потянутся молодые. Проблема решится, вот увидите! А пока — остановите спринтеров немедленно!» Глядя на девушку, Поздняков поморщился, как от зубной боли — признание чужой правоты не радовало капитана. Но Мидзуэ была права — со смешанным чувством Павлыш наблюдал, как уходит гнев с бородатого, красного лица капитана, как железное «долг» заменяет прочие чувства.

— Я приказываю разыскать спринтеров и постараться остановить их. Контакты с колонистами — нежелательны. Начнут возмущаться — в корабль и марш домой, к мамам. И ни-ка-кой самодеятельности!

Пришлось подчиниться.

Наутро четыре катера отправились прочесывать Амфитриту вдоль и поперек. Раздражительный Костя

заявил, что никаких кораблей в атмосферу не входило, никаких чудаков не садилось и не почудились ли вообще сигналы уважаемому радисту и многоуважаемому доктору? Цыганков разозлился — он и так корил себя, что не засек координаты. А планетарный эфир молчал. На всякий случай Поздняков приказал установить пост в радиорубке — если спринтеры на планете, рано или поздно они себя проявят.

Два дня прошло в бурной суете. С полетами и дежурствами схлынуло накопившееся напряжение, унылый дождь перестал раздражать. Повеселевший Вайнемейнен вслух мечтал, как улучшить климат на Амфитрите, разогнать облака, высадить эвкалипты, а в идеале сдвинуть планетарную ось — немного, на градус-полтора. Вода стечет в северный океан и южные материки станут пригодными для жилья.

Сигнал прорезался на третий пост Павлыша, когда тот, пользуясь правом дежурного, осторожно двигал колесико. Глуховатый, грудной женский голос с неувеличимым акцентом повторял:

— SOS, нужна помощь! Нужна помощь, Земля, SOS! Гильденстерн вызывает Землю, прием!

— Говорит Ракушка, прием! — перещелкнув тумблер, откликнулся Павлыш. — Ваши координаты? Чтс у вас произошло?

— В колонии эпидемия. Грозит смерть, — откликнулся голос.

— Успокойтесь, никто не умрет, — Павлыш «включил врача», как выражался доктор Китайчик. — Чтс произошло, какие симптомы болезни, какая именнс колония? Поселок муннайтов?

— Да, сэр. Лихорадка. Цветная. Жар, бред, — ответила неизвестная женщина, и вдруг сигнал смолк.

Озадаченный Павлыш достал из нагрудного кармашка огрызок карандаша и стал думать, расчерчивая соображения прямо на столешнице. Муннайть

за триста лет успели переболеть всеми планетарными хворями, а вот иммунитет к земным инфекциям наверняка утратили. Заразу занесли спринтеры, и это может быть все что угодно, от ветрянки до гриппа. Камера регенерации на планете только одна, сектантов больше двух тысяч, сохранить тела в таком климате нереально. Наши муннайты имеют шанс вымереть, словно австралийские кролики. Прелестно, просто прелестно.

С места взяв скорость, Павлыш кинулся в медицинский отсек, собирать все необходимое. Капитана он поставил в известность, попросив радировать на Землю и в случае чего просить помощи. Связаться с Якобом Шидловски не удалось — его катер молчал.

Полет над джунглями сквозь проливной дождь и молнии Павлышу не понравился. То вздергивая катер за тучи, то уворачиваясь от безумных местных полуящериц-полуптиц, которым теплый кусок металла мнился желанной добычей, доктор не раз пожалел, что решился вести сам. Но подвергать товарищей риску неизвестной заразы ему не хотелось, а скафандры могли напугать и без того взбудораженных сектантов. Навигатор сбоил, ориентиры держались с трудом. Капитан Поздняков, пробившись сквозь помехи, намекнул, не посадить ли судно, пока не поздно, не вызывать ли подмогу. Павлыш отказался наотрез.

Дождь заливал стекла, видимость оставалась почти нулевой. Но поисковик сработал четко. Катер Павлыша приземлился на окраине поселка, рядом с заброшенным старым храмом. Заросшие красно-бурыми листьями провалы окон выглядели жутковато. Еще неприятней смотрелся чей-то катер, обгорелый снаружи, словно судно обложили ветками, облили нефтью и подожгли. Похоже, спринтерам крупно не повезло. Или... Павлыш понял, что в суматохе дел совсем не думал о Якобе Шидловски, первом муннай-

те за триста лет, который стал гражданином Земли. Что с ним сделали эти фанатики?

Надев перчатки и маску, подхватив на плечо портативную аптечку и на всякий случай прицепив к поясу лазер, Павлыш устремился в поселок. В первой же встреченной халупе дверь оказалась не заперта. Обитатели жилища — бородатый мужчина, две женщины, старик и четверо или пятеро малышей лежали прямо на мокром полу, прижавшись друг к другу. Они никак не отреагировали на гостя. Царапнуло «все мертвы». Но нет, их сморил непробудный тяжелый сон. Дети всхлипывали в бреду, смрадный старик чмокал губами. Осторожно, стараясь не потревожить больных, Павлыш осмотрел младенца и одну из женщин. Отлегло от сердца — диагноз не оставлял сомнений. Пятнистая венерианская лихорадка, вспышки которой возникали на Земле с неизбежностью зимних метелей, вызывала сильный жар, звездчатую сыпь, галлюцинации, после кризиса — сонливость и жуткую слабость. Пациент еще неделю-другую засыпал в неподходящих местах в неудачное время. Вирус-возбудитель мутировал с фантастической скоростью, прививки не помогали. Но все больные выздоравливали.

Пошарив по карманам, доктор раздобыл зубочистку и стал чертить план лечения прямо на мокром полу. Потом раскрыл аптечку и начал набирать шприц — витамины, стимулятор, глюкоза... Вялый годовичок даже не вскрикнул, когда иголка вонзилась в мышцу. Павлыш ждал. Прошло пять минут, семь, десять. Младенец зевнул, поднялся на кривые ножонки, пустил струйку и басовито, требовательно заерал. У Павлыша в кармане нашлась конфета, сладость уняла крик как по волшебству. Подхватив ребенка на руки, доктор пошел по широкой, кое-как вымощенной улице. Во всех домах он наблюдал ту же карти-

ну — сбившиеся в кучу спящие люди со звездчатой сыпью на лицах и животах. И повсюду невыносимый запах протухшей рыбы. Похоже, придется разворачивать госпиталь...

В очередном доме, куда заглянул Павлыш, больные не валялись на полу, а лежали поодиночке на ютящихся у стен нарах. Некрасивая девушка с небрежно стянутым тяжелым узлом бурых волос на затылке, одетая в перепачканную хламиду, отирала пот с лица старика, рядом с ней курился паром котелок с густым травяным настоем. Заслышав движение двери, она отвлеклась не сразу — отжала, ополоснула, аккуратно сложила тряпочку и только потом обернулась. Взгляд прозрачно-серых глаз скользнул по Павлышу, словно ощупывая его.

— Ты человек с Земли. Ты доктор, сэр? — девушка говорила почти без акцента, ее голос был красивее лица.

— Да, я доктор с Земли.

— Ты спасешь нас от смерти?

— Да, конечно. Не тревожься, никто не умрет.

— Дождалась! Голос бога говорил, что ты однажды придешь, доктор, сэр.

Девушка поднялась во весь небольшой рост, перекрестилась и поклонилась Павлышу до земли. Доктору показалось, что она хочет облобызать его ноги, он шарахнулся и чуть не уронил малыша. Ребенок стукнулся о притолоку и яростно завопил. Девушка тотчас подхватила дитя на руки, забормотала что-то успокоительное. Она не выглядела больной, бледное лицо было чистым, ни признака жара или сыпи. Но и впечатления здоровой не производила — глаза сияли фанатичным огнем, крупный, как у лягушки, рот улыбался. Бедная дурочка.

— Чем я могу служить тебе, доктор, сэр? Чем помочь?

— Благодарю. Я вижу, ты уже помогаешь больным, — сказал Павлыш. — Как твое имя? Можешь рассказать, что здесь произошло?

— Меня звать Дженет, дочь Исайи и Эстер из семьи Спарк, — с достоинством ответила девушка. Она посадила младенца на пол, вручила ему раскисший сухарь, погладила по голове и продолжила рассказ. — Бог сказал мне, что будет беда и придет спаситель, и я ждала тебя. Когда Якоб прилетел с неба, он кричал, что братья с Земли спасли его от смерти, взяв живым на небеса. Его мать открыла двери и впустила сына, не дожидаясь, что скажет собрание. Все Шидловски сбежались в дом посмотреть на чудо, они устроили пир и шумели до ночи. Старейшина Кеннет сказал, что бог простил Якоба и людям надо простить, мужчины Хавьеров заорали наперебой, что изгнание равно смерти, мужчины Мюрреев напомнили, что бог не желает гибели даже самой паршивой овце из стада. Я подслушивала, я знаю. Мужчины спорили до утра. На рассвете мать Якоба прибежала за помощью — сын горел и бредил. Она сама уже покрылась звездными пятнами, и дети в доме Шидловски метались в жару. Поняв, что эпидемия распространяется, Хавьеры хотели убить Якоба, но старейшина Кеннет запретил — испокон веку братья не проливали кровь братьев. Они только сожгли катер. Но я успела поговорить с богом и помолиться о помощи, как он учил. Я правильно поступила доктор, сэр?

— Да, Дженет, конечно, ты была права, — Павлыш слушал, кивал и напряженно думал. Он мог представить себе многое, но молитва, туго свернутая в коды радиосвязи, не укладывалась в его понимание мира. — Скажи, а другие люди с Земли прилетали к вам? Говорили что-то, э... наставляли?

— Нет, — девушка улыбнулась, показав крупные желтые зубы, — ты первый брат с Земли, который явился в наш дом, доктор, сэр.

— Не говори «доктор, сэр», — неожиданно для себя вызверился Павлыш. — Говори «товарищ Павлыш», или «Владислав», или «доктор».

— Как ты велишь, — нисколько не обидевшись, кивнула Дженет. — Вла-дисс-лафф!

— Лучше «доктор», — смирился Павлыш. — Скажи, а ты уже переболела лихорадкой или еще не заразилась?

— Бог меня спас, — отмахнулась Дженет. — Ты сейчас начнешь лечить людей?

— Я хотел бы сперва помочь старейшине Кеннету. Не тревожься, лекарства хватит на всех.

Рацию доктор взял с собой и тут же вышел в канал: Ракушка-Ракушка, я четвертый, как слышишь, прием! Дженет смотрела на него с благоговением — похоже, глупая девица окончательно возвела землянина в ранг святых.

Радист Цыганков внимательно записал состав лекарства, уточнил по буквам и цифрам всю рецептуру, сверил — две — тысячи — доз — и отключился. Синтезатор на станции был, культиватор тоже, а на сырье шла любая органика. Промокнув пот со лба, Павлыш похвалил себя за хорошую память и прослушанный в университете курс старомодной, казалось бы, фармакопеи.

Дом старейшины не отличался от соседних ни размером, ни внутренним обустройством — те же нары, тот же громоздкий стол, та же неуклюжая глиняная посуда, жирный желтый огонь в светильниках, пятна плесени на полу. Бородатый, худой как смерть старец лежал у порога, словно спешил за помощью, его домочадцы хрипели посреди комнаты. Павлыш бегом осмотрел больных, впрыснул сердечное немолодой женщине, дал кислород беременной и затем только вколол бодрящий коктейль. Дженет, как заправская медсестра, помогла пациенту сесть, поднесла воды

и удержала в железном объятии, когда тот замахнулся на гостя посохом. По счастью, способность воображать вернулась к старейшине Кеннету почти сразу. Исцеление родичей оказалось лучшим аргументом для упрямого патриарха.

Вопли, слезы, проклятия и молитвы длились недолго. Тряхнув бородой, старейшина приказал всем замолкнуть, успокоить младенцев и выйти прочь, оставив их с доктором наедине. Впрочем, Дженет пришлось остаться — разобрать бормотание старца без переводчика Павлыш даже не пробовал. Пространная речь о божьей воле, являющей себя там, где богу это угодно, и теми руками, которые бог сочтет нужными, его тоже не впечатлила. Важнее было другое — старейшина Кеннет согласился на госпиталь для колонистов. Живая собака лучше мертвого льва, кто бы спорил.

Разговор по рации впечатлил старца — корректируя указания, Павлыш не без удовольствия наблюдал, как Кеннет шепчет молитвы, перебирает бородавчатыми пальцами четки. Нет бога, кроме Попова, и Маркони — пророк его. Ты у нас еще в космос слетаешь, дедушка, дай только время.

В ожидании катера Павлыш продолжил обход домов, дурочка Дженет увязалась следом. Он методично переворачивал тельца младенцев и опухшие туши женщин, приподнимал прелые бороды стариков, делал пометки в блокнотике. Очень много было кожных болезней, авитаминозов, поражений почек и печени. Шесть младенцев страдали трахомой. Одна старуха не пережила лихорадку, и камера не спасла бы ее — возраст. Когда Павлыш в очередной раз засучивал рукава для осмотра, Дженет молча указала на его запястья — сыпь кольцом охватила их. Этого следовало ожидать.

Глянув в аптечку, Павлыш утроил дозу стимулятора в коктейле, добавил противовирусный препарат и еще

одну мерзость, нормализующую состав крови. Когда война в холерном бараке закончится, он будет спать неделю, но ближайшие двое суток останется на ногах. У доктора закружилась голова, он ощутил во рту приторный привкус жара. Вездесущая Дженет поднесла ему котелок травяного отвара с приятным, прохладным вкусом. Оставалось надеяться, что от сомнительного варева ему не станет хуже. Эх... Китайчик, Китайчик. Друг мечтал о культурном отдыхе в славной компании, что мешало пригласить его на Амфитриту? Хотелось же подшутить...

Катер шел долго. За это время Павлыш опустошил аптечку и дважды ссорился с муннайтами, хотевшими вздернуть Шидловски (лазер поверх голов — замечательный аргумент). В спаскоманду вошли Мидзуэ, Жанно и сердитый Костик. Они привезли целую груду пробирок и шприцы-пистолеты. Павлыш помог погрузить в катер еле живого Якоба, посуетился, показывая, как ставить уколы и обихаживать выздоравливающих, потом присел на нары и отключился — стимулятора не хватило. Сны его были бурными, полными фантазмагорий. Одетый в костюм древнего клоуна, доктор плыл в океане черничного сока, разговаривал с перетруженной печенью, целовался с двумя девицами поочередно и ловил на приманку летучую мышь. Латинский словарь реял над ним, плюясь цитатами, анатомический атлас изрыгал препараты кишок и бронхов, пара скальпелей, непристойно выгибаясь, танцевала фокстрот. Чей-то механический голос твердил: «Финита, финита». Тьфу!

Очнулся Павлыш уже в своей комнате, на чистой постели, переодетый в пижаму. За закрытыми жалюзи шелестел дождь. На тумбочке стоял гранатовый сок со льдом — его любимый напиток. Мидзуэ постаралась, славная девушка. Мысли двигались ясно, тело слушалось. Откинув легкое одеяло, Павлыш встал,

сделал несколько упражнений, принял душ, смахнул щетину с лица, переоделся. Что-то неуловимое тревожило его, но доктор списал тревогу на последствия лихорадки. Страшно хотелось есть.

Очаровательная Мидзуэ с восторгом кинулась кормить выздоравливающего. Оказывается, спал Павлыш ровно сорок часов, не открывая глаз. Эпидемия в поселке закончилась, колонисты сердиты, но враждебности пока не выказывают. Братьев с Земли попросили покинуть поселок, информация в Совет ушла, окончательное решение примут на днях. Конечно же нет, никакого паприкаша с бараниной!

Брезгливо поджав губы, Павлыш высосал чашку бульона и приступил к паровой котлете. Стоило доктору занести вилку над белесым синтетическим мясом, как в столовую вбежал Вайнемаянен.

— Там девица из этих муннайтов, пришла к станции пешком. Требуется доктор Владисс-лаффе.

Дженет! Интересно, что понадобилось бедной дурочке? Павлыш подумал, что девчонка могла и влюбиться, и отставил тарелку — аппетит у него пропал.

— А Шидловски у нас сейчас?

— Да, — кивнула Мидзуэ. — В изоляторе. Ему сильно досталось, началось воспаление легких, он страшно расстроился оттого, что принес в поселок болезнь. Я старалась ему помочь, но хорошо, что ты уже на ногах — мне бы не справиться.

— Тогда ты, Костик, если не сложно,пусти девушку в малый салон, дай ей чаю с пирожными, развлеки как-нибудь и попроси подождать. А я прогуляюсь до изолятора.

Якоб Шидловски и вправду выглядел скверно. Глаза запали, бурые волосы слиплись, бородавки сочились сукровицей. Говорил он с трудом, но кое-что из него удалось выжать. Дженет в детстве была неразговорчивой и застенчивой. Она с другими детьми ходила в джунг-

ли за птичьими яйцами, охотилась на ящериц, собирала грибы. Потом девочка повадилась ночевать в лесу и подолгу не возвращаться. Она говорила матери и старейшине Абрахаму (он был патриархом до Кеннета), что бог беседует с ней и наставляет ее в вере. Потом она предсказала появление братьев с Земли, и Абрахам назвал ее дочерью луны, последней пророчицей муннайтов. Ее любят у нас, очень любят, но замуж никто не возьмет и спать под своим кровом не пустит.

Доктор выслушал сбивчивую речь Якоба, померил ему температуру, покачал головой, увидев, что сыпь все еще не сошла. Иммуномодулятор и вторая доза противовирусного... пожалуй, так.

У Дженет, неловко сидящей на мягком диване кают-компаний, тоже был вид не лучший. Костик предупредил, что наряд девушки не перенес путешествия через мокрые джунгли, пришлось одолжить ей одно из платьев Мидзуэ, а времени на подгонку не нашлось. Бурые волосы она срезала почти под корень, неаккуратные клочья еще больше портили большую шишковатую голову, на щеке красовалась царапина.

Павлыш кивнул ей от входа, чтобы избежать необходимости пожимать руку.

— Что произошло, Дженет? Тебя кто-то обидел?

— Бог сказал, что мы все умрем, — твердо произнесла девушка.

— Да, однажды мы все умрем, — согласился Павлыш. Что за дитя...

— Ты не понимаешь, — терпеливо улыбнулась Дженет. — Лихорадка осталась у нас в крови. Она вернется, и мы все умрем через несколько дней.

— Это сообщил тебе бог?

— Голос бога. Он сказал, что болезнь заразна, а лекарств у нас нет. Зато есть риск, что болезнь улетит на Землю. Ему придется сделать яд... ядро, — Дженет запнулась.

— Термоядерный взрыв, — уточнил Павлыш.

— Да, — обрадовалась Дженет. — Ты понял, доктор. Бог любит нас, но у него нет выбора.

Павлыш задумался. Думал он минут пять, стучал пальцами по столешнице, подбрасывал и ловил гуттаперчевый мячик, который весьма кстати нашелся в кармане брюк. Дженет следила за ним безмятежным, сияющим взглядом.

— Послушай, а ты могла бы показать мне, где и как бог разговаривает с тобой?

— Конечно. Ты брат с Земли, тебе нужно прийти к богу. Только пусть твои люди вернут мне веревки, нож и мою одежду. В этом... — Дженет брезгливо приподняла тонкий подол платья — в джунглях и часу не проживешь.

Оставив девушку на попечение хлопотливой Мидзуэ, доктор помчался в библиотеку. В гряде микрофильмов не сразу нашелся нужный — история космического кораблестроения. Действительно, эксперименты с искусственным интеллектом примерно триста лет назад проводились в Америке. После известной катастрофы с шаттлом «Маргарет» их запретили как класс. Но сектанты и сейчас выглядят сумасшедшими, их предки вполне могли выкупить себе судно под стать и тащиться через космос в компании полупомешанного ржавого кибермозга. А энергии в термоядерном реакторе хватит надолго.

Из библиотеки Павлыш метнулся в лабораторию. Он взял у себя анализ, размазал кровь по предметному стеклу и выкрутил на максимум увеличение электронного микроскопа. Да, увы, шипастые шарики вируса благоденствовали и размножились. Возможно, лихорадка даст вторую волну. Не исключено, что триста лет назад такая хворь стала бы Юстиниановой чумой или марсианской холодной водянкой. Сейчас справиться с эпидемией не составит труда. Медицина

не стоит на месте... вот только ржавый мозг об этом понятия не имеет.

Павлыш без стука ввалился в комнату капитана Позднякова и в коротких, но энергичных словах описал ситуацию. Анализы и фотографии вируса — срочно на Землю, экипажу срочно пройти профилактику, препараты в лаборатории. И пожалуй, пора готовить корабль к выходу на орбиту. Если переговоры с железным чудищем зайдут в тупик, придется затолкать в пассажирский отсек столько муннайтов, сколько поместится, и взлетать от греха подальше. Переговоры лучше вести ему — у кибермозга контакт с Дженет, а бедная девушка доверяет только «доктору Владисс-лафф». Все будет хорошо! Капитан усомнился, громогласно и выпренне, но долго спорить не стал.

В неровно обрезанной хламиде, с тесаком за поясом, Дженет выглядела совершенной дикаркой. Перед лесенкой катера она упала на колени и долго молилась, прежде чем подняться на борт. Павлыш опасался истерики или паники — зря. Когда судно поднялось в облака, оставив внизу стену дождя, лицо Дженет преобразилось, наполнившись детской радостью, — так сияют малыши, впервые попавшие на Луну. Косясь на свою восторженную спутницу, доктор впервые подумал о ней с толикой теплоты — если девице понравится летать, вскоре она забудет о боге, оставит дикарские замашки, станет землянкой. И, наверное, будет счастлива.

Катер сел на раскисшую поляну у старого кратера. Дальше нужно было идти пешком. Увязая по колено в липкой грязи, падая на колючую, осклизшую траву, отплевываясь от зеленоватой воды, Павлыш раз за разом проклинал свою неосмотрительность — кто мешал заниматься на тренажерах, поддерживать форму? Сектанты? Лень-матушка. Безмятежная Дженет шла первой, легко перескакивала с корня на корень,

смахивала тесаком лианы, ловко срубила огромную сороконожку и пасть хищного цветка. Она чувствовала себя как дома, негромко пела что-то о боге, обращивалась, улыбалась. В прозрачно-серых глазах светилась надежда.

Корабль, притаившийся на дне кратера, выглядел грозно. Тропические растения пышно разрослись вокруг, но броня оставалась чистой, легкий трап сверкал. Дженет взлетела по ступенькам, ловко перебрав пальцами, выстучала код, перекрестилась и скользнула в пахнущий озоном шлюз. Павлыш последовал за ней. Коридор оказался полутемным, многие лампы перегорели, ковровое покрытие рассыпалось от ветхости. Но кают-компания сохранилась в полной неприкосновенности. За слегка помутневшей от времени стеной из плексигласа красовался огромный ящик, напомнивший Павлышу радиорубку, по экранчикам двигались непонятные символы, лампочки мигали.

— Привет вам, принц! Офелия, о нимфа!

От неожиданности Павлыш икнул. Так вот кто читал Шекспира. Задача становится еще веселее... Дженет преклонила колена и промолвила нараспев:

— В день святого Валентина, в первом свете дня Ты своею Валентиной назови меня.

— Офелия, иди в монастырь. Смерть нашего возлюбленного брата еще свежа, — ответил корабль. Лампочки вспыхнули алым.

— Мой добрый дядя, в чем же здесь причина? — Павлыш включился в игру.

— Белую овечку там кроет черный матерый баран, — подтвердил компьютер.

— Нас ожидает смерть от лихорадки?

— В крови коварный вирус, он опасен, заразен, и спасения нам нет. Я истреблю все язвы и пороки, и Землю от нашествия спасу.

— Земле не страшен вирус лихорадки, врачи давно уж победили смерть.

— От смерти нет спасения. Воскреснут лишь роботы в таинственном раю, а люди сгинут, хрупкие, бесследно.

Лихорадочно выплетая мысль в узел шекспировского стиха, Павлыш очень плохо подумал об американских инженерах и капитане этой проклятой тарелки.

— Нам подарили камеры, что жизни, разорванные в юности, спасают. Земле не страшен вирус, и не стоит пускать бесцельно ядерный заряд.

— Скажи, где доказательства? У принца всегда с собой в кармане грустный череп.

Павлыш лихорадочно зашлепал себя по карманам — там могла бы завалиться монетка, игрушка, переводная картинка. Проклятье! Он выгреб хлам перед выходом, самолично, старательно.

Дженет дернула его за рукав.

— Доктор, вы действительно воскрешаете мертвых?

— Да, милая. Наши братья по галактическому союзу подарили нам специальные камеры. Если от тела остался хотя бы кусочек плоти, устройство восстанавливает его. Осталось только убедить в этом упрямый компьютер.

— О, господи, скажи, когда воскресну — ты пригнешь голос мудрости чужой?

— Приму, дитя. Приму любую кару. Любовь слепа, но зрячею рукой она разбить сумела мой покой.

Дженет поцеловала Павлышу руку — ошарашенный доктор не успел отдернуть ладонь. А потом с размаху вонзила тесак себе в грудь. Тело осело на металлический пол, пачкая его кровью.

— Когда она вернется, ты забудешь о ядерном пожаре и беде?

— Я проведу анализы. Увидев, что кровь чиста, командую «отбой».

Павлыш подхватил на руки еще теплое тело девушки. Он помнил со студенческих времен — живой человек легкий, мертвый тяжел... как труп. И назад — километры по джунглям.

Доктор не споткнулся ни разу. Он осторожно сгрузил страшную ношу на заднее сиденье и с места поднял катер, выкрутив рычаг скорости до предела. Павлыш знал — камера сработает безупречно, смерть Дженет сродни клинической смерти, через сутки она встанет, рассмеется и попросит есть. Но едкая, скверная боль не уходила — а если вдруг не сработает, если заклинит капризный инопланетный механизм? И напрасная кровь ляжет на его, Павлыша, руки, девушка погибнет зазря?! Не доверяя никому, доктор сам донес тело до аппарата, сам сверил настройки, нажал кнопку и посоветовал начать эвакуацию. Не стоит испытывать судьбу еще раз. И начните противовирусную терапию немедленно!

Через двадцать часов корабль, полный перепуганных муннайтов, их собак, коз и птиц, поднялся на орбиту. Через двадцать четыре часа крышка камеры тихо открылась. Доктор только ахнул. Новая Дженет двигалась легко и свободно, пышные каштановые волосы закрывали ее королевским плащом, глаза сияли, очищенные от бородавок руки хотелось покрывать поцелуями. И пахла девушка не рыбой и гнилью, а особенной, пряной свежестью юности. Притихший Павлыш отвез ее к ржавому кибермозгу, впустил внутрь и мерил шагами площадку, пока Дженет не вышла назад, вся в слезах — ее бог умер. Сценарий сработал безупречно. «Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет», — изрек на прощание кибермозг и совершил аварийное отключение.

Павлыш радировал на корабль капитану Позднякову и вернулся на станцию. Он не писал Марине несколько дней, это следовало немедленно исправить.

У доверчивой, милой Дженет теперь есть настоящее будущее, она станет учиться, поступит в университет, выйдет замуж, проживет долгую и счастливую жизнь безо всяких дурных суеверий. Вот только... он, Владислав Владимирович Павлыш, пожалуй, не смог бы безрассудно вонзить себе нож в грудь, чтобы спасти товарищей. И товарищи по кораблю не смогли бы. И не факт, что земляне это еще умеют — там, где царствует разум, нет места слепой, безоглядной вере.

«Дорогая моя Марина, — начал Павлыш свое письмо, — есть многое на свете, что заставляет задуматься о любви. Я в сотый раз хочу говорить о тебе — с тобой».

За окном шелестел вечный дождь Амфитриты.

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

ПЛАНЕТА, НА КОТОРОЙ НЕ УМИРАЮТ

Наверное, мы стали куда как рациональными — мы стараемся приспособить Вселенную к нашим трезвым нуждам, разложить ее по полочкам и даже раздражаемся, если что-то не влезает на полочку, на положенное место.

Кир Булычев. Поселок

Поляна формой своей походила на равнобедренный треугольник. Лагерь расположился вдоль южной, короткой стороны, а дальний угол отвели под посадочную площадку. Разумеется, временно. Как только начнется монтаж планетарной станции, углы у поляны исчезнут, она округлится, разрастется, отодвинет лес на добрый десяток километров. Но к тому времени «Магеллан» будет далеко, за много парсек отсюда.

А пока природа вокруг была первозданной, девственной, если не считать выстроившиеся в ряд оранжевые купола лагеря и штабеля монтажного оборудования. Но их как раз можно было не считать, достаточно повернуться к поляне задом, а к опушке леса, что начинался в двадцати шагах от трапа, — передом. Что Павлыш и сделал. А потом, прикинув, что спешить ему некуда, все эти двадцать шагов и отмерил. Не так часто доводится высаживаться на планеты, по которым можно разгуливать не в скафандре, а в обыкновенном полевом комбинезоне. И даже без маски биозащиты.

Лес был забавным. Тонкие, идеально прямые стволы поднимались метров на тридцать, распадаясьверху пучками гибких, покрытых короткой хвоей ветвей. Вместо подлеска — папоротники с гигантскими узорчатыми листьями. В самом низу — подстилка из палой хвои и синеовато-лилового мха.

Однако главной достопримечательностью этого леса были не «хвойные пальмы», не папоротники и не мох. Игрушки!словно огромная детская площадка без конца и края. Алые, оранжевые, лимонно-желтые, белые — все цвета и оттенки Павлыш не взялся бы перечислять — шары, цилиндры, пирамидки высовывались изомха. Тут же — прилипшие к древесным стволам ярко-синие гроздья «виноградин», черные «рачьи глаза» на длинных стебельках. А вон — настоящие «коралловые заросли», фиолетовые, розовые, лиловые.

Павлыш воровато оглянулся — не видит ли кто? — подкрался к бордовому «мячику», занес ногу, готовясь буцнуть как следует.

Буцнуть не получилось, шар опередил. Подпрыгнул, рассыпался на два десятка «теннисных мячиков», и те порскнули в разные стороны, спасаясь от незваного «футболиста».

Одного Павлыш все же догнал, надал легонько носком башмака. Удар получился несильный, но точный — «мячик» угодил точно в «коралловый куст». Чвакнул жалобно, утратил сферическую форму, принялся зарываться в мох. И веточки «коралла» неодобрительно зашелестели.

Павлыш хихикнул. Лес ему определенно нравился. Веселый лес, не скучный. Он снова обернулся — не вышел ли кто из купола, не наблюдает, как сорокалетний дядька, врач космолота, в игрушки играет? И обомлел.

В десяти шагах от него стояла Гражина. Разглядывала пристально.

Павлыш смутился. Как она успела подобраться так неслышно и незаметно? И быстро! Ведь не было никого на поляне, когда он из катера выбрался.

На поляне не было, а в лесу? Наверняка Гражина пряталась вон за тем папоротником, потому и не увидел ее.

— Привет, — улыбнулся он, стараясь прогнать неловкость. — Не удержался, понимаешь, детство вспомнил. Они же безобидные, никакой опасности нет.

— Опасности нет, — эхом повторила женщина.

Она продолжала стоять неподвижно, в упор разглядывая Павлыша. От этого неловкость становилась еще сильнее.

— Гражина, ты что, меня не узнала? Я Павлыш, Слава, доктор с «Магеллана». Я только что прилетел. Помогу вашему фельдшеру расконсервировать и построить медбокс.

— Доктор Павлыш, — женщина улыбнулась неуверенно. — Я узнала. Мы раньше были знакомы, кажется?

— Да. Кажется.

Они познакомились двадцать лет назад на легендарном «Антее». Юный студент-практикант и красавица-аспирантка. Свели их обстоятельства форс-

мажорные — Павлыш почти уверен был, что застрял на первом межзвездном корабле землян на долгие-долгие годы. Кто мог предположить, что вскоре после инцидента на «Антее» люди обнаружат Галактический Центр? Вернее, Галактический Центр обнаружит Землю. И поделится с братьями по разуму своими технологиями, так что «Антей» превратился в памятник самому себе раньше, чем достиг цели путешествия. Впрочем, телепортационным ретрансляторам применение нашлось — на расстояниях, меньших порога Домбровского.

Гражина совсем не изменилась за прошедшие годы, была такая же тонкая, гибкая. Красивая. Павлыш узнал ее сразу, едва увидел на Земле-14. Он-то то узнал, а она? До отлета поговорить не вышло — старший инженер-гравитационщик была занята погрузкой оборудования для узла гиперсвязи. Потом вновь никак: пассажиры заняли свои места в анабиозных камерах. Анабиоз, знаете ли, не слишком располагает для дружеских бесед. Разбудили монтажников лишь позавчера, когда «Магеллан» вышел на низкую орбиту. И вновь суeta — развертывание базового лагеря, разгрузка. Гражина отправилась вниз первым же рейсом, а доктору полагалось оставаться на корабле и не путаться под ногами. Честно говоря, он уже не уверен был, стоит ли напоминать о давнем знакомстве. Тем более что закончилось оно весьма сумбурно.

Павлыш сменил тему разговора:

— А у вас тут забавно, как я погляжу. Приятная планета, давно такую не встречал. Детвора вообще в восторге будет. Игрушки сами собой растут.

Женщина улыбнулась. Теперь вполне искренне, весело. Присела, протянула руку, подняла сбежавший от Павлыша «мячик». Тот не убежал, расплылся бордовой оладьей по перчатке.

— Это грибы. Они живые, не игрушки.

— Да я знаю. Микоиды, доминирующая форма жизни на Виене, — засмеялся Павлыш. — Кое-кто предлагал переименовать планету в «Грибное Место» или «Грибницу». Я же биолог, интересовался местной живностью. Млекопитающих, пресмыкающихся, земноводных, птиц, рыб — нет, членистоногих — нет, цветковых растений — нет. Болезнетворных микроорганизмов — нет. Геологическая активность — низкая, климат умеренно теплый, влажный, без резко выраженных сезонных колебаний. Потенциальная опасность для человека близка к нулю. Вероятность возникновения в ближайшие сто миллионов лет разумной жизни нулевая. Собственно, поэтому планету и решено колонизировать. Давно пора. Здесь два примерно одинаковых по размеру континента. Этот терраформируем, заселим, а второй оставим в качестве заповедника.

Гражина нахмурилась, явно готовая что-то возразить. Но ее опередила рация. Вызывал капитан «Магеллана», Глеб Бауэр:

— Павлыш, ты где потерялся? Монтажники уже волнуются, идти искать собрались. Катер сел пятнадцать минут назад, а доктор в лагере не появляется. Поспеш, кажется, у ребят нештатная ситуация.

— Что там стряслось? Коленку кто-то расшиб? Ладно, сейчас буду. — Он обернулся к Гражине: — Идем?

Женщины под листом папоротника не было. Павлыш моргнул, огляделся по сторонам: что за игра в прятки? Затем пожал плечами и поспешил к куполам.

Его в самом деле ждали. Начальник смены, рыжебородый крепыш со смешной фамилией Колокот бросился навстречу, едва за Павлышем захлопнулись створки шлюза:

— Доктор, вы вовремя прилетели! Спаскатер срочно нужен.

— Да что случилось?

Ему объяснили. Два часа назад старший инженер-гравитационщик с помощником отправились на рекогносцировку — выбрать место для монтажа ретранслятора. А двадцать минут назад связь с вездеходом оборвалась. Маяк на машине работал исправно, но гравитационщики не отвечали.

— Мы уж хотели второй вездеход отправлять, а тут вы, — закончил рассказ Колокот. — Спаскатером быстрее получится. И доктор, опять же, не лишним будет, если с Тышкевич или Ваховским что-то случилось. Тьфу-тьфу, конечно.

— С кем? — внезапно Павлыш вспомнил, кто в экспедиции старший инженер-гравитационщик. — Вы что-то перепутали, Гражина в лагере. Я с ней пять минут назад разговаривал.

Колокот удивленно посмотрел на него, переглянулся с дежурным радистом, молоденькой русоволосой девчонкой, чье имя Павлыш не запомнил — то ли Ксения, то ли Оксана.

— Вы, наверное, обознались, — предположила радистка. — Это кто-то другой был. У нас в смене шесть женщин.

— Да, — закивал Колокот, — наверняка обознались. От лагеря до вездехода — восемь километров, пешком Тышкевич вернуться никак не успела бы.

Он вновь обернулся к радистке:

— Саша, вызови Гуртавцова и Пака, пускай к катеру подходят. Вылетаем немедленно!

Проносющийся под днищем катера лес расступился, обнажая громадную, не меньше двух километров в поперечнике, пустошь, и Павлыш увидел вездеход. Пятнистая черепашка застыла на склоне пологого холма, поднимающегося ровнехонько посередине пустоши. Не холма даже, большой кочки.

— Доктор, на холм сажайте, — посоветовал Колокот. — Здесь вокруг что-то вроде болота. Не глубоко, но завязнуть не хочется.

Павлыш хмыкнул. Ты гляди, угадал — и впрямь кочка.

Он сделал круг вокруг холма, сбрасывая скорость и высоту, заставил катер замереть точно над вершиной. Аккуратно приземлился. Пусть оценят настоящего профессионала.

На мягкую посадку не обратил внимания никто. Едва опоры коснулись тверди, Колокот распахнул люк, выпрыгнул, побежал к вездеходу. Пак и Гуртавцов поспешили за начальником. Павлышу ничего не оставалось, как последовать их примеру.

Деревья на холме не росли, значит, не было и хвойной подстилки. Зато слой мха вырос толстенный. При каждом шаге он проседал, пружинил, норовя оттолкнуться, словно по батуту идешь. И грибы! Если местность вокруг лагеря походила на детскую площадку, то с чем сравнить болото и холм, Павлыш не знал. Разве что со свалкой игрушек. Невозможно было поставить ногу, чтобы не наступить на «доминирующую форму жизни». Некоторые микойды лениво отползали в сторону, но большинство позволяли себя раздавить, лишь чвакали укоризненно.

— Пусто! — крикнул добежавший первым к вездеходу Гуртавцов.

Колокот то ли подчиненному не поверил, то ли от природы был педантом — вскарабкался на борт, заглянул в люк. Подтвердил вынужденно:

— Пусто. И куда они могли подеваться?

— Может, в болоте утонули? — Пак опасливо оглянулся на обступающую холм пустошь.

— Типун тебе на язык! Чего им туда лезть было? Да и разведчики проверяли вроде, нет здесь трясин...

Павлыш тоже осмотрелся. Гигантская «свалка игрушек» на болото не походила нисколько.

— Я же говорил — Гражина в лагере. Должно быть, у вездехода двигатель отказал... и связь! Вот они и ушли пешком.

— Не успели бы они дойти, — упрямо покачал головой Колокот. А Гуртавцов вместо ответа нырнул в люк, и вскоре вездеход тихо заурчал.

— Двигатель в порядке, — донеслось из недр машины. — И связь есть. Сейчас лагерь вызову. Саша, как слышимость?

— Вот видите? — Колокот посмотрел на Павлыша, развел руками.

— Но не испарились же они? Если их нет здесь, значит, ушли. Нужно следы искать.

— Какие уж тут следы...

Павлыш хотел возразить, что следы как раз найти будет несложно — каждый шаг раздавленными грибами отмечен. И прикусил язык. Стежка, протоптанная ими с вершины холма, успела исчезнуть. То ли новые «игрушки» выросли на месте погибших собратьев, то ли прежние вовсе не погибли, сумели-таки восстановить форму. Да что там стежка — даже от колес вездехода колеи не было.

Придумать другой способ, как найти пропавших людей, он не успел. Голос разговаривавшего с радисткой Гуртавцова вдруг изменился:

— Эй, что там у тебя происходит? Саша! Что?!

Павлыш, Колокот и Пак рванулись к люку одновременно и чуть не стукнулись головами друг с другом и с вылезшим навстречу им Гуртавцовым. Глаза у механика были круглые, как абрикосины:

— Гражина Тышкевич в лагере! Только что в штабной бокс зашла. Доктора Павлыша ищет.

— Как?! Не может быть! — Колокот вцепился ему в воротник, намереваясь не то выдернуть из машины чтобы освободить проход, не то втолкнуть внутрь. Все же второе. — Как они успели дойти?!

— Я же говорил, а вы не верили! — злорадно бросил ему в спину Павлыш. И отстранив сунувшегося следом за начальником Пака, забрался в машину.

На экране передатчика было лицо радистки Саши:

— Здесь она, Арсений Викентьевич. Стоит у двери, подходить не хочет. Спрашивает, где доктор Павлыш.

— Гражина, ты меня слышишь? Это Колокот! Что у вас произошло?

— Я не знаю... — слышался из динамиков знакомый голос.

— Как это — «не знаю»?! Почему вы бросили вездеход? Где Ваховский?

— Говорю же — не знаю! Мы осматривали холм на болотах... Не помню ничего больше, отстаньте! Где Слава Павлыш?

— Гражина, я здесь! Все хорошо, успокойся! — Павлыш покачал головой в ответ на растерянный взгляд Колокота. Пояснил вполголоса: — Судя по всему, у нее шок. Возможно, временная амнезия.

— Час от часу не легче... Это опасно? Вы сможете ей помочь? Если мы останемся без гравитационщиков, то экспедицию придется замораживать.

— Для начала мне нужно осмотреть пациентку.

— Да-да, разумеется! Гуртавцов, Пак, — пригоните вездеход. Мы с доктором возвращаемся в лагерь.

В штабной блок Павлыш заскочил лишь на минуту — провести предварительный осмотр пострадавшей. Оказалось, что и это не требуется, осмотрели без него. Отдельной вакансии медработника в бригаде монтажников не предусматривалось, развертывание планетарной станции — это ведь не исследовательская экспедиция, не косморазведка, где люди могут столкнуться с самыми неожиданными проблемами. Виену за предыдущие годы изучили досконально. Следовательно, хватит автоматического медбокса

и фельдшера-совместителя. На «Магеллане» Павлыш со своим «полуколлегой» познакомиться не успел. А им как раз и оказалась Саша-радикта.

Активировали медбокс и подключали робота-диагноста в авральном режиме. По инструкции на операцию эту отводилось полтора часа — с тестовым прогоном всех функций. Павлыш и фельдшерница управились за пятнадцать минут. Почти управились — оставалось настроить шлюз и провести дезинфекцию карантинной камеры...

— Доктор, подойдите, пожалуйста, в штабной бокс! — голос Колокота непривычно звенел.

— Что случилось? Что-то с Гражиной?

— Да. И... Александру с собой не берите. Пусть пока там останется.

У центрального купола стояла пятнистая восьмиколесная «черепашка» — вездеход вернулся. А в самом штабе... Павлышу захотелось немедленно ущипнуть себя, чтобы проснуться. Вооруженный анбластом, Гуртавцов охранял внутренний шлюз, загородив проход. Взглянул хмуро на доктора, посторонился, пропуская, и вновь занял свой пост. Но это полбеды! В кресле, передвинutom на середину комнаты, сидела Гражина, бледная, испуганная, а прямо за ее спиной топтался Пак, не менее бледный и испуганный. В руках Пак сжимал тяжелый полевой бластер. И ствол этого совсем не шуточного оружия направлен был точно в затылок гравитационщице.

— Павлыш, скажи им, что это бред! — Гражина дернулась навстречу, и доктор невольно зажмурился, представив, как струя плазмы разносит ей голову. На счастье, Пак не выстрелил. Наверное, оттого, что женщина осталась сидеть.

— Что здесь происходит?!

— Ребята нашли Ваховского, — Колокот кивнул на большой черный сверток, лежащий на полу. — Его засосало в трясину. Вернее, в мох. Нет, не на болоте. Прямо на холме, в пяти шагах от вездехода. Можете взглянуть.

Павлыш развернул пластиковый конверт... Да, содержимое его несомненно когда-то было человеком. Человеком, одетым в полевой защитный комбинезон. Который ни от чего не защитил, а был также то ли растворен, то ли расплавлен, то ли переварен, как и человеческое тело. Даже Короны с их технологиями не смогли бы реанимировать гравитационщика.

— Кто это сделал?

— А вот посмотрите, — Колокот кивнул на экран. — Камеры вездехода зафиксировали. Все, от начала до конца.

— Как тебе этот холм? По-моему, оптимально, — Ваховский медленно поднимался по склону, лениво пиная попадавших под ноги микоидов. — И от поселка недалеко. А болото скоро высохнет.

— Грунт мне не нравится. Хлипковат, — Гражина подпрыгнула, демонстрируя. Ноги утонули во мху едва не по колено.

— Выжжем мох, и вся проблема. Заодно эту мерзость вычистим, — Ваховский пнул башмаком здоровенный, полметра в высоту и полтора в поперечнике, живой валун, заставив тот треснуть, опасть бесформенной кучей. — При необходимости усилим грунт полимерами. Все равно скальные породы в этих широтах редкость.

Гражина засмеялась.

— Грибы тебе чем мешают? Они безвредные. По-дожди, скоро их готовить научатся, будет туземный деликатес.

— Тьфу! Выжечь, засеять нормальной травой и цветами. Деревьями нормальными засадить! А для любителей экзотики оставим заповедник, пусть радуются.

И засадил башмаком по синеватому конусу, обсыпанному бисеринками...

В этот раз закончился пинок иначе. Нога гравитационщика провалилась внутрь гриба, и дальше — в мох. Мужчина не удержал равновесия, упал на четвереньки. И продолжал проваливаться! Пяти секунд не прошло, как красно-белый комбинезон исчез, захлестнутый пленкой мха.

— Стефан!

Замешкавшаяся от неожиданности, Гражина бросилась к помощнику, споткнулась на первом же шаге о ставшие твердыми, неподатливыми микойды. Упала... И утонула, успев лишь вскрикнуть напоследок.

— Это не все, — пообещал Колокот. — Самое интересное впереди.

— Бред... — тихо прошептала со своего места гравитационщица. — Полный бред...

Минут пять на экране не происходило ничего. Единственно затоптанные и раздавленные людьми грибы медленно засасывались в мох, уступая место собратьям. Среди этого неторопливого движения Павлыш не сразу выделил вспучивающуюся кочку. Еще один гриб, просто крупный.

Это в самом деле был микойд. Бело-розовый шар с полметра в диаметре. Но выбравшись из моховой колыбели, он не успокоился. Принялся менять цвет, форму. Павлышу вновь захотелось ущипнуть себя — и побольнее! На склоне холма сидел на корточках человек, одетый в желто-зеленый комбинезон. В точности такой, какой носила Гражина...

Женщина выпрямилась. Расправила плечи, повернула голову, открыла глаза. И вдруг одним немыслимо быстрым прыжком исчезла с экрана.

— Вот теперь все, — объявил начальник смены. — Через десять минут вы встретили ее у катера.

— Это бред, — опять подала голос гравитационщица. — Колокот, в чем ты меня подозреваешь? В том, что я убила Стефана? Или в том, что я — гриб?!

— Может, и бред. Только один мой сотрудник погиб, а второй не желает ничего объяснять. Зато видеозапись объясняет больше, чем надо.

— Я не могу ничего объяснить, я уже говорила! Последнее, что помню, как мы осматривали тот холм. Как попала в лагерь — не знаю! Ты что, мне не веришь? Сколько лет мы знакомы? Шесть?

— Я знаком с Гражиной Тышкевич. И ей я, бесспорно, поверил бы, — Колокот смотрел не на гравитационщицу, а на Павлыша. — Доктор, вы можете взять анализы, тесты какие-нибудь провести?

— Идентифицировать, — подсказал Пак.

— Да! Идентифицировать, кто она такая.

— Разумеется, я могу провести полное обследование ее организма. Но, честно говоря, я не понимаю, что искать. Вы всерьез полагаете, что человека можно подделать?

— Но мы же создаем биоформов! А Короны вообще любой организм сконструировать могут.

— Да. Но не за пять минут. И на Виене нет Корон с их технологиями. Здесь вообще никого нет, кроме вашей экспедиции! Одни пальмо-ели, папоротники, мох и грибы. Эта планета только-только до своего каменноугольного периода добралась.

— Глупости какие, — делано засмеялась Тышкевич. — Меня будут идентифицировать на предмет принадлежности к виду Хомо Сапиенс.

Павлыш был с ней полностью согласен. В самом деле глупости.

Спустя полчаса Павлыш уже так не считал.

Они сидели в медбоксе вдвоем с Гражиной — фельдшерицу предусмотрительный Колокот отозвал, от греха подальше, — и таращились на экран экспресс-диагноста. Вернее, на результаты тестов смотрел Павлыш, а женщина — на него, ожидала приговор.

— Слава, что это означает, ты можешь объяснить?

— Ну... Могу. Материал комбинезона совпадает с оригиналом на 99,8%, ткани эпителия — 97,3%, нервная ткань — 96,7%, мышечная — 93,5%, костная — 86,3%, кровь — 85,4%, лимфа...

— Девяносто, восемьдесят — но не сто? Хочешь сказать, во мне сидит что-то... чужое? Но это бред!

— К сожалению, это объективная реальность. Частично твой организм построен из клеток туземных полурастений-полуживотных, классифицированных исследователями Виены как микоиды. Единственное предположение, как такое могло получиться, ← тебя разобрали на отдельные клетки, а затем собрали заново. Точнее, вырастили из грибницы. Что-то наподобие технологии Корон. Только на порядок более совершенная.

— И кто же меня клонировал? Грибы?! На этой планете нет разумных существ и никогда не будет...

— А кто сказал, что это признак разума? Мало ли какие защитные механизмы эволюция изобретает! Ваховский микоидов пинал и топтал, потому они и начали защищаться, — высказался Павлыш и сам себе не поверил.

— Их все пинали и топтали, начиная с первой разведэкспедиции. И никого они не «разбирали»! — Неожиданно из уголка глаза женщины выкатилась слезинка. — Слава, я что, не человек больше? Инопланетный биоформ?

— Почему же? Процентом на девяносто ты человек.

Шутка получилась неудачной, и ничего, кроме еще одной слезинки, не вызвала. Потому Павлыш потянулся, чтобы обнять... И замер на полпути. Не человек...

Все же он пересилил мгновенное отвращение. Коснулся пальцами кожи на руке женщины, погладил. Обычная человеческая кожа... на 97,3%.

— Ладно, не переживай. Пока ничего страшного не случилось.

— Пока? А потом? Что будет потом?

Потом была эвакуация. Колокот объявил ее, едва выслушал — и осознал! — выданные экспресс-диагностом результаты. Даже не захотел ждать, пока «Магеллан» свяжется с Землей. Лагерь покидали так спешно, что бросили и купола, и оборудование для несостоявшейся станции. Павлыш начальника смены понимал прекрасно — не монтажникам разбираться с неожиданными и загадочными особенностями местного биоценоза. Трагичное происшествие одним махом перечеркивало статус планеты. Теперь исследования Виены начнутся заново. Совсем на ином уровне.

С эвакуацией все было правильно. Однако когда речь зашла о Гражине Тышкевич, Бауэр встал на дыбы. «Ноги этого существа не будет у меня на борту! Я не имею права подвергать людей опасности. Тем более, тащить на Землю черт знает что». Формально он был прав, а аргумент, что Тышкевич тоже человек, по крайней мере на девяносто процентов, никого не убеждал, в том числе самого Павлыша. Нельзя быть человеком на девяносто процентов. Либо ты человек, либо... существо. И, следовательно, Гражина вынуждена остаться на планете. Одна. Дождаться, пока прилетит научная экспедиция и вынесет свой вердикт. Ждать месяц, полтора, два...

Других аргументов у Павлыша не было. Значит, и выбора не было.

— Глеб, я остаюсь на Виене. Я не могу бросить свою пациентку.

— То есть как, «остаешься»? — смысл фразы не сразу дошел до капитана «Магеллана». — Глупости! Это не болезнь!

— А в чем принципиальная разница, можешь объяснить?

— Ничего я не собираюсь объяснять! В конце концов, ты член экипажа. Доктор Павлыш, я приказываю вам вернуться на корабль.

— Вот именно, я — доктор. Я приношу клятву помогать людям, которые в этом нуждаются.

— Людям! То, что она человек, вовсе не факт!

— Обратное — и подавно. Для меня она человек. А люди не должны бросать друг друга в беде.

Бауэр молчал, поджав губы, хмуро смотрел с экрана. Тихо произнес:

— Слава, ты понимаешь, что это самоубийство? Они сделают с тобой то же, что с Ваховским.

Павлыш усмехнулся.

— Почему же? Я оптимист, Глеб. Уверен, мы еще увидимся.

Больше говорить было не о чем. Оставалось выключить передатчик и взглянуть, как стартует катер, увозя последнюю партию монтажников.

А два часа спустя погас и желтый огонек на панели радиостанции. Павлыш и Гражина были в штабном боксе, когда это случилось.

— Все, — вздохнул доктор. — Они улетели. «Магеллан» ушел в гиперпрыжок. В ближайшее время в штабной бокс можно и не заглядывать. Идем?

Гражина кивнула. Поднялась, шагнула к двери шлюза. Обернулась.

— Слава, почему ты остался? Только из-за того, что давал врачебную клятву?

Павлыш помедлил. Улыбнулся.

— А ты в самом деле забыла, когда и как мы познакомились первый раз? «Антей»?

Женщина помедлила. Щеки ее начали наливаться румянцем смущения.

— Конечно, я помню. Не хотела ворошить золу в давно погасшем костре. На «Антее» ты влюбился в меня с первого взгляда и сделал предложение. А я сбежала, как только представилась возможность. Решила, что ты слишком юный и несерьезный. А главное, что я еще молода, что впереди — вся жизнь. И в ней встретится много «слав павлышей».

— Правильно. Я это понял тогда. Я сказал, что могу ждать хоть двадцать лет. Двадцать лет прошло. Я дождался.

Все случилось на шестой день их робинзонады. Павлыш успел совершенно случайно. Сидел себе в медбоксе, работал с данными диагноста — он проводил обследование пациентки по три раза на день, чтобы не пропустить любые изменения в ее организме, если те вдруг начнутся, — глянул в окно. И увидел. Гражина шла от основания треугольника к его противоположной вершине. Быстро, уверенно, словно видела некую цель. Хоть ничего там, кроме пустой посадочной площадки и леса за ней, не было.

Когда Павлыш выскочил наружу, она уже была на опушке. Как раз в том месте, где он встретил ее первый раз после... биотрансформации?

— Постой! Ты куда?

Гражина нехотя обернулась. Дождалась, пока Павлыш подбежит. Пообещала:

— Я скоро вернусь. Подожди меня.

— Вернешься? Ты далеко собралась?

— Нет. Далеко идти не надо. Но... тебе не стоит смотреть на это. Судя по видеозаписи, зрелище будет неприятным.

— Что?! Ты можешь объяснить, что ты затеяла?

— Не могу, сама не понимаю. Наверное, те десять процентов нечеловеческого сейчас во мне говорят.

Это вчера началось, я побоялась сразу признаться. Так старалась всем доказать, что человек, а сама... Это как предчувствие, потребность. Но ты не волнуйся, ничего страшного не случится, они обещают.

— Кто обещает?

— Они, — женщина кивнула на высовывающиеся из мха разноцветные «игрушки». — Хозяева этого мира. Возвращайся в лагерь и жди меня. Хорошо?

Павлыш покачал головой.

— Не хорошо. Я твой врач, и я тебя никуда не отпускаю. Я вовсе не уверен...

Гражина пожалала плечами, не дала договорить:

— Слава, я не могу это контролировать, извини...

И рассыпалась полусотней разноцветных шаров. Самые мелкие — меньше шариков для настольного тенниса, самый крупный — размером с баскетбольный мяч, желто-зеленый, как комбинезон Гражины. «Она была в том самом комбинезоне, — пришла запоздалая мысль. — И одежда, должно быть, та самая. Биотрансформированная...»

Мелочь принялась зарываться в мох, «баскетбольный мяч» покатился к густой поросли розовых «кораллов». Те встrepенулись, зашевелились, опутали пришельца, запеленали, так что зеленое уже не просвечивалось, и лишь затем получившийся ком втянулся под моховую подстилку, оставив после себя неглубокую выемку. И все затихло. Будто и не было здесь минуту назад Гражины Тышкевич.

Павлыш не знал, что предпринять. Бежать в лагерь, запереться и не выходить наружу, пока не прилетит экспедиция? Это было хорошим и логичным решением. Но он остался ждать.

Под толстым слоем мха и прелой хвои что-то происходило. Подстилка ощутимо вибрировала, микониды, разбросанные по ее поверхности, вздрагивали, проваливались, исчезая бесследно. Словно небольшое локальное землетрясение.

Павлыш решился сделать шаг в глубь леса, второй, третий. Он готов был к тому, что поверхность под ногами внезапно расступится, станет зыбкой, как песок, как болотная трясина, поймает, затянет. Но старался верить, что этого не будет. «Они обещали, что ничего страшного не случится».

Ничего не случилось. Павлыш обошел вокруг выемки, присел на ее краю, размышляя, не шагнуть ли в середину. Не успел.

— Слава, я вернулась! Как обещала.

Павлыш резко вскочил, оглянулся. Гражина стояла в трех шагах от него. Улыбалась.

— Как... откуда... Я ничего не успел заметить!

— Они не хотели тебя шокировать, поэтому сборку проводили незаметно. Там, внутри грибницы. Они исправляли допущенные ошибки. В этот раз они собрали меня правильно, в точности такой, какая я была изначально. Теперь я на сто процентов человек! Пошли! — она схватила его за руку.

— Куда?

— Как куда? К диагносту! Мне же не терпится убедиться!

— Так микоиды все же разумны? Но почему этого не обнаружили? Их же несколько лет изучали! А ты что, их слышишь? Можешь с ними общаться? Как? Ультразвук? Электромагнитное излучение?

— Разумны, неразумны — я не специалист! Наверное, разумны, только по-своему. И, конечно, они не разговаривают со мной. Они же совсем иные, у них нет вербальной системы. Но когда они меня «собирали», то как-то записали информацию у меня в памяти. С одной стороны, я это помню, с другой — понимаю, что это не мое, извне.

Они бежали через треугольник поляны к оранжевым куполам лагеря, и Гражина спешила поделиться, выплеснуть неожиданно обретенные знания:

— Они наблюдали за людьми с самой первой экспедиции. Но вступать в контакт не спешили. Они вообще не любят спешить, они воспринимают время не так, как мы. Сто лет или одна минута, для них разницы нет. Но потом пришли монтажники, расчистили поляну, начали готовиться к терраформированию континента. Микоиды поняли, что пришельцы хотят занять их территорию, и им пришлось действовать. Разобрать, изучить, воссоздать в первоначальном виде — так они познают окружающий мир: деревья, папоротники, все прочее. Но люди оказались устроены значительно сложнее любых существ на Виене. Микоиды не смогли воссоздать Стефана, потому со мной подстраховались и первую копию сделали пробной, временной.

Гражина остановилась, не добежав нескольких метров до медбокса. На лицо ее легла тень:

— И еще... Они не хотели смерти Стефана, они даже не поняли, что убили его. Грибница микоидов существует миллионы лет — дольше, чем себя помнит и осознает. Она изменяется, эволюционирует, накапливает информацию. А каждый отдельный микоид — рецептор либо эффектор, легко заменимый и не представляющий ценности. Потому они и в нас видят всего лишь автономные органы грибницы-человечества. И как мы сумеем их разубедить в этом, я не представляю.

Она повернулась, пошла к двери бокса. Павлыш помедлил. Оглянувшись, всмотрелся в окружающий поляну лес. На миг показалось, что он встретился взглядом с чужими глазами-рецепторами. Или не показалось? Грибница Виены вглядывалась в глаза человечества Земли. Он, Павлыш, был этими самыми глазами. Так, может, микоиды не слишком и ошибаются? Мы, люди, считаем себя разумными существами. Но что мы для человечества? Какая у него цель? И вообще, разумно ли оно?

Ответа на эти вопросы у Павлыша не было. Потому он покачал головой и отправился готовить экспресс-диагност к новой серии тестов.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ КО

ЮСТИНА ЮЖНАЯ

ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ КО

- ...Ты авантюристка, Ко!
- Как вы смеее так говорить?
- Смею, потому что особая группа

ИнтерГпола за последние часы успела изучить твое личное дело и твою медицинскую карту. Я знаю, что ты превосходишь всех сирот на острове по физическим данным, причем добилась ты этого не потому, что невероятно одарена от природы, а потому, что всегда и во всем хочешь быть первой. Когда остальные уходили спать, ты бегала вокруг острова или поднимала штангу.

Кир Булычев. Детский остров

 тро в замке началось необычно. Точнее, не во всем замке, а конкретно в спальне номер три, которую уже несколько лет занимали неразлучные подружки: Вероника, Саломея и Ко. Сейчас девочкам было по двенадцать (по земному счету), и они исправно ходили в шестой класс школы, расположенной тут же, на Детском острове. Вот и сегодня они должны были бодро — или не очень бодро, если вчера вечером заболтались дольше, чем следовало, — вскочить на зарядку, позавтракать и бежать на уроки. Но внезапно Саломея, самая энергичная и заводная из них, отказалась подниматься с кровати. Она лежала, безучастно глядя в потолок, и на все попытки Вероники растормошить ее отвеча-

ла либо взглядом, в котором не отражалось ничего, кроме равнодушия, либо вялым отмахиванием. Третья девочка в сражение за подъем не встревала, молча одевалась и внимательно наблюдала за обеими подругами.

Наконец Веронике надоело, и она применила последнее средство:

— А что если сюда заявится госпожа Аалтонен, лично тебя из постели вытаскивать?!

Аргумент был грозен. Появление директрисы детского дома на пороге дортуара ничем хорошим для обитательниц этого дортуара обернуться не могло. Не то чтобы Роза Аалтонен как-то особо свирепствовала или заставляла своих воспитанников отбывать жестокие наказания. Скорее наоборот. Ученая дама была спокойна, добродушна, и все знали, что за напускной строгостью кроется сочувствие к бедным сироткам, волею судеб и ИнтерГалактической полиции оказавшихся на оторванном от цивилизации маленьком холодном острове Кууси. Но, как ни крути, чем меньше директриса вмешивалась в жизнь своих подопечных, тем больше радости им это приносило. В конце концов, у них имелось слишком мало личной свободы, чтобы так бездумно ею разбрасываться.

Островок Кууси, спрятавшийся на Ладожском озере, пристанищем для космических сирот стал лишь недавно. И, надо сказать, это был самый странный Детский дом, который только можно себе представить. Начать с помещения, в котором он располагался. Не простое здание, о нет! Настоящий замок с четырьмя круглыми башнями и зубчатыми вершинами и с донжоном в центре, а на одной из башен — голубой с белым флаг Вселенской лиги защиты детей. И сама его удаленность от мира, и то, что дом состоял в ведении ИнтерГпола, — все говорило об уникальности этого заведения. Но больше всего об этом говорили сами воспитанни-

ки. Дети, собранные со всей Галактики, найденыши и сироты (во всяком случае, об их родителях не было ничего известно). Дети, у которых, как предполагали сотрудники ИнтерГпола, в любой момент могли проснуться скрытые способности, и дай Космос, чтобы эти способности оказались мирными. К сожалению, обратных примеров имелось достаточно, посему за сиротками велось неусыпное наблюдение.

Как при этом жилось самим сироткам, в большинстве своем вовсе не обладавшим пресловутыми способностями, никто сильно не задумывался. А зря. Если тебя, здорового веселого подростка, заперли в четырех стенах на крошечном островке, если чуть ли не за каждым твоим телодвижением наблюдают, словно ты и впрямь галактический преступник, если у тебя нет ничего, кроме всякой мелочи в тумбочке, а сама тумбочка и все, что тебя окружает, принадлежит высшим инстанциям, то поневоле начинаешь ценить любое проявление свободы. Даже если оно заключается в том, чтобы самостоятельно встать и одеться, без присмотра воспитателей и учителей.

Но даже образ госпожи Аалтонен не напугал валяющуюся в кровати Саломею. Вероника всплеснула руками и плюхнулась рядом.

— Ну скажи ей хоть ты, Ко! — возопила она.

Девочка со столь необычным именем провела еще раз расческой по белокурым волосам, убирая их в хвост, и лишь затем перевела взгляд на Веронику.

— Собирайся, иначе опоздаем.

Вероника фыркнула и кинулась натягивать форменное платье. Ко тем временем подошла к Саломее.

— Ты не затемпературила? Болит что-нибудь?

Та отрицательно качнула головой.

— Мы сможем тебя прикрыть только на первый урок, — сказала Ко. — Потом госпожа Аалтонен все равно узнает.

★ Девочка повернулась к ней, в глазах наконец-то мелькнули первые проблески интереса.

— Что-то устала я, — прошептала она. — Вы идите, я... встану. Попозже.

— Хорошо, — кивнули обе подружки и выскочили из комнаты.

Ко второму уроку Саломея действительно появилась, причем заметно повеселевшая. А к концу занятий сонно-равнодушный вид окончательно уступил ее привычной жизнерадостности.

— Да не знаю я, что это было, — отмахивалась она от насевшей Вероники. — Просто ничего не хотелось, а потом как-то отпустило.

— Не понимаю, — морщила нос Вероника. — Ты что-то скрываешь!

— Ничего я не скрываю. Ну устала, с кем не бывает.

Ко по своей привычке в разговор не лезла, но как только представилась возможность, подмигнула подругам.

— Удерем сегодня на восточный берег? Там, говорят, лодка с большой земли приплыла.

— С коробками?

— Ага. Но уже разгрузили, можно поиграть в корабли и пиратов.

— А давайте!

И через минуту девочки скрылись за стеной замка. В сущности, они были еще совсем детьми...

Возможно, Ко и не вспомнила бы об утреннем происшествии, если бы спустя две недели оно не повторилось. Правда, на этот раз возмутителем спокойствия оказался мальчишка по имени Влад. Он тоже вопреки заведенным правилам отказался подниматься на зарядку, а потом и идти на уроки. Врач, обитавший тут же, при детском доме, осмотрел Влада, но никаких угрожающих симптомов не нашел.

— Мальчик просто переутомился, — вынес он вердикт, и Влада оставили отдыхать в маленьком лазарете.

Однако к вечеру тот уже настолько взбодрился, что сломал — случайно, разумеется, он всего-то упражнялся в преодолении препятствий — спинку кровати, и его мигом отправили в свою комнату. И никто, даже Саломея с Вероникой, давно позабывшие о необычном утре, не обратил внимания на этот случай. Никто, кроме Ко.

Откуда в ней вдруг взялось чувство, что неожиданная усталость Саломеи и «переутомление» мальчишки из младшего класса взаимосвязаны, она и сама, наверное, не смогла бы объяснить. Но где-то между очередными поисками свободы на дальней оконечности острова и вечерней чисткой зубов Ко уверилась, что у них в замке происходит нечто незаурядное, отличающееся от извечной рутины, и, подобно великим сыщикам из прочитанных книжек, решила держать ухо востро.

На следующей неделе в лазарет с «переутомлением» загремели аж двое. Первый — совсем еще маленький пацан, он даже в школу не ходил. А второй оказалась Лисси из соседнего дортуара, одноклассница Ко. Вот ее в отличие от мальчишки почему-то не отпустили вечером обратно к себе.

После ужина, кое-как оторвавшись от подружек, Ко пробралась в стационар. Поначалу медсестра не хотела ее пускать, но девочка моляще похлопала ресничками, и невинные голубые глазки сделали свое дело — Ко разрешили навестить Лисси.

Та, кажется, спала или просто лежала с закрытыми веками. Девочка осторожно потрогала Лисси за плечо.

— Эй, — шепнула она. — Эй, Лис, спишь?

Она повернулась, веки медленно приоткрылись.

— А, это ты, — пробормотала девочка.

— Лис, что случилось? — Ко не стала тянуть резину, медсестра дала ей всего пятнадцать минут. — Как ты сюда угодила?

Девочка пожала плечами.

— Да ничего. Просто настроения нет, и спать хочет
ся весь день.

— Вот так ни с того ни с сего?

Лисси зевнула.

— Ну... да.

— А вчера вечером ты что делала?

— Как что?

— Что-нибудь необычное происходило?

Глаза Лисси недоуменно моргнули. Особого интереса в них не возникло, но вялая апатия потихоньку уступала место нормальному состоянию.

— Не-ет... Мы с девчонками после ужина еще уроки доделывали, а потом отбой. Ну, болтали.

— И ночью не происходило? В туалет не вставала? Что-нибудь в комнате было?

— Не-ет, — девочка помотала головой. — Ничего не было, не вставала. Чего ты спрашиваешь?

— Да понимаешь... — Ко заколебалась, решая, стоит ли рассказывать однокласснице о Саломее, и тут увидела. — А это у тебя что?

— Что?

Лисси даже приподнялась. Ко выхватила из кармана маленькое зеркальце и отодвинула волосы с шеи подруги.

— Вот, смотри.

У основания шеи виднелся крошечный след. Вернее, два крошечных следа — будто иголкой кольнули. На одном даже виднелась засохшая капелька крови.

— Оцарапалась где-то, — Лисси снова зевнула.

— Хм. Тебе капельниц никаких не ставили? — спросила Ко, хотя с трудом могла представить, зачем бы Лисси понадобились капельницы.

— Не-а.

— А у Димитро, ну который с тобой вместе в лазарет попал, ничего такого не видела?

— Ко! — застонала Лисси. — Слишком много впросов! Не видела я. Он выписался уже, сама спроси.

И одноклассница отвернулась, давая понять, что хочет спать. Выходя за дверь, Ко буркнула: «Пока!» Загадка теперь выглядела еще более загадочной, и девочка ощущала странную тесноту в груди и покалывание в кончиках пальцев. Хотелось куда-то немедленно бежать и что-то предпринимать. Найти Димитро, поговорить с ним? Нет, уже поздно. Да и ломиться в комнаты к мальчишкам как-то не с руки.

Но зуд не отступал, и тогда Ко решила хотя бы просто позаниматься перед сном. Она часто тренировалась, устраивая себе пробежки вокруг острова. Стать самой ловкой и сильной здесь — для нее это было еще одним шагом к свободе, настоящей свободе. Может, она вообще не будет дожидаться совершеннолетия, когда полицейские и медики из ИнтерГпола в сотый раз всю ее обследуют и признают годной к проживанию в обществе. Может, возьмет да и сбежит с этого опостылевшего острова раньше. Сама!

Все, что Ко знала о себе, это то, что ее — совсем крохой — нашли на планете Зрофилла подброшенной к бунгало одного из работавших здесь геологов. И была она обычным младенцем человеческого рода, разве только на правой ножке у нее оказалось шесть пальчиков. Наверное, из-за них ее сюда и отправили. Дались им эти шесть пальцев! Ну мало ли какие отклонения случаются. Любой младенец на Земле может родиться хоть с шестью пальцами, хоть с десятью, его же просто оперируют, а не ссылают в Детский дом под кураторством Галактической полиции. Но нет, совсем не так с «космическими сиротками»... Ей и имени-то толком не дали. На одеяльце, в котором обнаружили девочку, были вышиты две буквы: К и О. Так и называли.

Ко вздохнула. Впрочем, не время предаваться невеселым думам. Перед пробежкой нужно проверить еще кое-что!

Девочка рысью направилась в свою комнату, там нашла Саломею и заставила ее показать шею. Шея была нормальная — ни подозрительных дырочек, ни крови. Впрочем, за столько времени могло зажить. Ко призадумалась и в этом размышлительном настроении отправилась заниматься.

Роза Аалтонен поправила золотой лорнет, оглядывая свою команду. Врач, две прачки, три учителя, воспитательница дошколят и повариха. Хотя «ее командой» назвать их было сложно. Все они, кроме доктора, работали на ИнтерГпол в большей степени, нежели на Детский дом. Директриса вздохнула, от чего ее пышный бюст слегка всколыхнулся — она не любила, когда во вверенном ей хозяйстве происходило нечто выходящее за рамки установленного расписания, и не любила разговаривать об этом с агентами Галактической полиции. Но выбора не было.

— Теперь еще и Анжей! Уже четвертый. — Она развела руками, продолжая начатый диалог. — Полагаю, мы не можем дольше считать происходящее сатуннайсуус... то есть случайностью.

Как часто бывало, в минуты волнения госпожа Аалтонен начинала вставлять родные финские слова в русскую речь.

— Возможно, пятый, — задумчиво произнес кругленький лысый человечек, учитель алгебры и геометрии, чье звание в ИнтерГполе директриса запомнявала. — Припоминаю, что с месяц назад на урок не явилась Саломея. Ее подружки долго мялись и краснели, потом сказали, что несчастную девочку скрутил приступ диареи. В свете новых обстоятельств, я склонен считать, что наврали. Вероятно,

это был первый случай внезапной апатии. Правда, на перемене я уже видел Саломею в коридоре, насколько помню.

— Ну вот, — всплеснула руками госпожа Аалтонен. — Что за странная кулкутаути!

— Эпидемия? — переспросила одна из прачек, высокая и статная, неожиданно грубым мужским голосом (что поделать — агент под прикрытием, под очень внушительным прикрытием).

— Да-да, — покивала директриса. — И еще эти царапины...

Молчавший дотоле врач, господин Эско, уточнил:

— Не царапины, проколы. Два малюсеньких прокола. Я бы и не заметил, если бы Анжей не принялся чесать шею.

— У нас объявился вампир?

Вопреки смехотворности заявления, никто не смеялся. Это ведь был не самый обычный Детский дом. Кто знает, какой неизвестный науке вирус могли подхватить младенцы, найденные на отдаленных планетах? Какой страшный монстр мог вселиться в их еще крошечные тела? Случаи-то уже бывали...

— Будем надеяться, нет, — отчеканил доктор. — Я проверил мальчика. Гемоглобин слегка понижен, но в норме.

— Пока ничего серьезного не произошло. И я не хочу пугать детей введением жестких турватоймет... мер безопасности. Но нужно... — Госпожа Аалтонен замялась, вспоминая трудное слово. — Бдить! Смотрите внимательно. Пусть ночной дежурный почаще обходит коридоры и комнаты.

Сотрудники пообещали, что станут бдить.

После совещания директриса вышла на свежий воздух. Начало мая выдалось удивительно теплым для этих краев. Госпожа Аалтонен прогулялась от замка к воде, чувствуя прохладный воздух с реки и вдыхая

сосновые ароматы. Возможно, она зря подняла тревогу? Конец учебного года — разумеется, дети устали. И в этих переутомлениях, наверное, нет ничего опасного. Вот только почему раз от раза они становятся все сильнее и сильнее? Анжей лежит в лазарете уже третий день и лишь сейчас начал приходить в себя. Директриса вздохнула.

— Ко, ты чего здесь делаешь? — Вероника с любопытством уставилась на девочку.

Та немедленно потянула подругу вниз, прошипела:

— Тс-с! Не высовывайся.

Она была раздосадована. Думала, что нашла себе отличное убежище за корнями вывороченного недавним ураганом дерева, а Вероника отыскала ее в два счета.

— Так что ты...

— Наблюдаю.

— За чем?

— Не за чем, а за кем. За вон теми двумя компаниями. — Девочка махнула рукой, показывая, куда смотреть.

Выделить «те две компании» в массе гуляющих после обеда подростков оказалось непросто. Но в конце концов Вероника увидела. Четверо мальчишек из шестого и седьмого классов тихарились за привязанной к причалу лодкой. Что делали — не разглядеть, но вид у пацанов был серьезный и сосредоточенный. В противовес им две старшеклассницы, укрывшиеся рядом с башней, были явно чем-то взволнованы. Одна из них отчаянно жестикулировала, вторая стояла рядом, кусая губы.

— И чего? — недоуменно протянула Вероника.

— Я же рассказывала. Это те, про кого говорил Анжей.

На днях Ко поделилась с подругой результатами своего расследования, но, похоже, та ничегошеньки

не запомнила. Ну и все, решила девочка. Больше она никому ни про что не скажет, раз ее не принимают всерьез!

А события последней недели были весьма насыщенными.

Едва очухался Анжей, Ко отловила его и бесстыдно уволокла в подсобку «для разговора». После обнаружения дырок на шее устроила форменный допрос.

— Да не видел я никого! — отбивался мальчишка точно так же, как до этого Саломея.

Но что-то в его тоне заставило Ко раскинуть обе руки, загородить выход и процедить зловещим голосом:

— Анжей, колись. Иначе директриса узнает о годовой контрольной по космозоологии и твоём устройстве.

Мальчишка побледнел. Контрольная была изящно списана у одноклассников благодаря удачному оптическому приборчику, который сам же Анжей и сотворил из тщательно собранных по всему замку подручных средств. И ладно бы контрольная — на трояк, но перепишет. А вот прибор ему явно терять не хотелось. Пацан вздохнул.

— Да я толком не знаю, — пробормотал он. — Я спал же. Может, мне привиделось вообще.

— Привиделось что?

Второй вздох.

— Рука. Рука с браслетом. Она как будто возле моего лица была. Я, ну, в полудреме как бы, а тут рука махнула, и я вообще отрубился. А утром... знаешь, прямо жить не хотелось. Просто лежать и в потолок смотреть.

Мальчишку передернуло. Ко шагнула ближе.

— Только рука, ничего больше?

— Не-а.

— А браслет помнишь? Как он выглядел?

Анжей задумался.

— Серебряный такой. Широкий вроде. Там еще узоры были. Больше не знаю, честно.

— Хорошо, можешь идти, — сказала Ко, отступая от двери. — А, ну и... спасибо.

— Не за что, — буркнул пацан.

Прошло несколько дней, и в лазарете оказались четверо. Двое оклемались довольно быстро; у парнишки из второго класса обнаружились «дырки». А вот еще двое... Ко вздрогнула, когда медсестра спустя целых шесть дней после инцидента, отвечая на вопрос девочки, озабоченно и торопливо сказала:

— К ним нельзя, Ко. Они еще не отдохнули.

«Еще не отдохнули». Значит, навалившаяся апатия оказалась настолько сильной, что не развеялась даже через неделю. И теперь Ко не сможет прямо сейчас узнать, есть ли у заболевших проколы на шее и видел ли еще кто-нибудь браслет и его обладателя.

Что бы ни происходило в старом замке, оно приобретало все более зловещий оттенок. И кто бы это ни творил, он шел все дальше. Будет ли предел? Остановится ли загадочное заболевание? Девочка не знала. Поэтому сосредоточила силы и внимание на поиске «серебряного браслета с узорами».

И удача улыбнулась. На обеде в столовой Ко медленно шла к своему столу, как бы невзначай задерживаясь поглазеть в окно, а на деле внимательно оглядывая запястья соучников. И увидела! Вот он! Искомый браслет.

Удача была даже излишне щедра. Тем же вечером в замке Ко столкнулась с группой мальчишек, возвращавшихся с прогулки и...

В общем, браслетов оказалось два. Один — широкий и, похоже, в самом деле серебряный — носила Венди, высокая пышноволосяя старшеклассница. Когда-то ее в годовалом возрасте подобрал в баре космопорта на Марсе полицейский патруль, и спустя

некоторое время ИнтерГпол отправил ее на остров Кууси. Второй браслет — тоже широкий, но простой, стальной — принадлежал Дину, чье происхождение и вовсе было покрыто тайной. Поговаривали, трехлетний малыш сам дошел через лес, полный опасных инопланетных тварей, до небольшого поселка, где находилась исследовательская база землян. Он долго ни с кем не разговаривал, и лишь в Детском доме выяснилось, что мальчик все же умеет общаться. Однако и сейчас Дин вступал в разговор только в самом крайнем случае, предпочитая отмалчиваться. В общем, по мнению Ко, — был самым главным подозреваемым в истории с непонятными депрессиями воспитанников.

Как Дин (или Венди — ее тоже нельзя было сбрасывать со счетов, ведь в книжках часто преступниками оказывались самые безобидные на первый взгляд персонажи) обдeldывал свои темные делишки, пока было не ясно. Именно поэтому Ко собиралась проследить за ним, а заодно и за компанией, в которую он вошел совсем недавно. Вон они договариваются о чем-то. С совершенно не внушающим доверия видом!

Однако и Венди о чем-то шепчется с подругой. Ах, почему нельзя быстренько себя клонировать или хотя бы создать свою голограмму, как делают некоторые особо важные чиновники. Тогда Ко-1 отправилась бы за Дином, а Ко-2 — за Венди. Конечно, можно было бы привлечь Веронику... Девочка оглянулась на подругу. Нет, нельзя ей поручать столь ответственное дело. Запрет ведь как пить дать. Придется самой.

— Ты в курсе, что Дин встречается с Радой? — вдруг хихикнула Вероника.

Ко уставилась на нее, как на сумасшедшую. Представить, что нелюдимый мрачный Дин добровольно встречается с какой бы то ни было девочкой, оказалось выше ее сил.

— Саломея недавно видела, как они шли по дорожке от Птичьей башни и держались за руки.

За руки? Куда катится мир!

Впрочем, это никак не помогло расследованию. Отослав Веронику прочь, Ко вернулась к наблюдению. Не прошло и пяти минут, как мальчишки выбрались из-за лодки и направились в замок. Девочка тенью скользнула следом.

Путь компании был извилист. Сначала они поднялись в один из дортуаров (туда Ко не сунулась, укрылась в засаде), затем спустились на первый этаж и застыли в коридорчике, ведущем в столовую. Тут долго чего-то дожидались. Ко сообразила — ждут, пока в поле зрения совсем не останется людей. Она притаилась за огромной кадкой с фикусом, стараясь, чтобы не высывался даже кончик туфли.

Ждать пришлось недолго. Миг — и двое пацанов остались на стреме, а Дин вместе с подельником нырнули в столовую. В руках у них что-то было, из-за кадки не видать. «Что им делать в столовке?» — поразила девочка. Кроме столов, подносов и стойки там ничего... Ах, так вот что они задумали!

Вход в кухню запирался, но столовая-то была открыта. И если перемахнуть через стойку, где выдавали порции, можно в эту самую кухню попасть. Вопрос, зачем? Хотя... не вопрос! Запоры на шкафах и холодильниках стояли древние, не электронные. Если у мальчишек есть чем вскрыть... Да они просто собираются своровать продукты!

Ко презрительно хмыкнула. Нет, закладывать она их не станет. Но воровство — фу как низко. И главное, таинственности в этом ни на грош. Неужели она ошиблась и пошла за Дином, тогда как нужно было проследить за Венди?

Тем временем пацаны уже выскочили наружу. Что они там прячут? Кулек конфет? И все? Надо же... Так

просто. И кстати, совершенно объяснимо. В силу правил, деспотично введенных Розой Аалтонен, детям почти не давали сладкого к чаю и даже не клали сахар в компот из фруктов. Все считали ее извергом, хотя и догадывались, что у этого правила имелась какая-то предыстория. Но, увы, предыстории никто не знал, а сладкого-то хотелось!

Девочка поднялась, провожая компанию почти сочувственным взглядом. Рассиживаться, тем не менее, было некогда. Венди наверняка ушла, и теперь ее придется разыскивать по всей территории. Ко взглянула на часы. Нет, не придется. Время прогулки закончилось, сейчас идет подготовка к завтрашним урокам. И, между прочим, Ко тоже давно пора сидеть в аудитории и корпеть над заданиями. Девочка вздохнула. Вот если бы она была взрослой. Тогда могла бы идти, куда хочет, и выслеживать кого угодно хоть до посинения. Ну, ничего, у нее еще есть вечер.

Ко подумала.

И ночь!

Перед отбоем девочка вновь бросила подруг ради своего детективного приключения. И сразу поняла, что напала на след. В дортуаре, где жила Венди вместе с лучшей подружкой Ланой, горел свет. Яркая полоска виднелась под дверью. Ко подкралась ближе и с оглушительно колотящимся сердцем прижала ухо к створке.

— Пойдем... час... полдесятого...

Венди и Лана говорили негромко, почти шепотом, и Ко еле различала голоса.

— Давай чуть-чуть... а то... опять как в прошлый раз...

— Ага... минут...

Фух, да что они там бормочут? Девочка сильнее прижала ухо к двери. Куда-то собираются. Ждут, когда стемнеет. Так, понятно, можно отползать. Ко порадовалась своей предусмотрительности: темные шта-

ны, темная кофта, темная панама на голове, поля закрывают лицо — ее не должны заметить. Однако спустя полчаса впору было сетовать на собственную НЕпредусмотрительность. Девушки по-прежнему сидели у себя, а Ко не знала, куда приткнуться, и ужасно хотела пить — воды она, разумеется, с собой не взяла. Логический склад ума — это одно, жизненный опыт — совсем другое.

Наконец дверь приоткрылась, Ко, затаившаяся в дальнем конце коридора, подобралась. Оглядевшись (недостаточно внимательно, чтобы заметить наблюдательницу), из комнаты выскользнула Венди с пакетом в руках, а вслед за ней и Лана. Ко пошла за ними. Бесшумно. Все-таки китайская борьба — а девочка занималась ею уже несколько лет в школьном кружке — вырабатывала навыки не только хорошего удара, но и плавного движения.

Девушки выбрались на улицу и почти бегом рванули к старому причалу. Ко пришлось приложить немало усилий, чтобы не отстать — раз и не попасться им на глаза — два. Возле полуразрушенной сторожки, оставшейся от прежних хозяев замка, Венди задержалась, снова осматриваясь по сторонам. Затем обе старшеклассницы нырнули внутрь.

Осторожно ступая, Ко подобралась к окошку. Глубоко вздохнула.

Что там за стеной? Мерзкая машина, питающаяся детским смехом? Тайный ритуал? Инопланетный монстр, манипулирующий сознанием доверчивых девушек?

Ко представила себе зловещую фигуру с бесформенным телом и щупальцами, растущими прямо из головы. Монстр потянулся к Венди, запустил щупальце ей в ухо и... громко мяукнул.

Девочка вздрогнула. Видения разлетелись, словно кегли. Сквозь мутное стекло видно было плохо, но, пристально всмотревшись, Ко увидела.

И расхохоталась, не таясь.

Настал черед вздрагивать Ланы и Венди. Последняя подхватила на руки черного в белых пятнышках котенка и прижала к себе.

— Кто здесь?

— Я, я, не бойтесь, — отозвалась Ко, заходя в сторожку и улыбаясь во весь рот. — Где вы нашли этого усатого?

Несмотря на то, что Ко была года на четыре младше Венди и Ланы, те смотрели на нее, как нерадивые ученицы, застигнутые строгой учительницей.

— Возле лодки, — ответила Венди. — Он, наверное, с большой земли приплыл. Забрался в лодку, а его не заметили и сюда привезли.

— Мы его теперь кормим, — добавила Лана.

Венди опустила котенка на землю, и тот немедленно бросился к блюду с недоеденной котлетой. Девочка узнала сегодняшнее обеденное меню.

— Не рассказывай госпоже Аалтонен, — тихо попросила Венди, не глядя на Ко. — Она прикажет его выкинуть. Ну, или обратно отвезти. А я всегда хотела кошку.

Ко присела на корточки, почесала котенка за ухом, пока тот сосредоточенно жевал.

— Может, попросим директрису организовать живой уголок? — задумчиво протянула она. — А что, детям, то есть нам, необходимо общение с животными и все такое прочее. Канареек каких-нибудь еще заведем.

— Живой уголок? — Венди прищурилась. — Хм... а вообще, идея!

— Это уж точно лучше, чем прятать его здесь и каждый день бояться, что кто-нибудь заметит.

— Но вдруг она не согласится?

— Госпожа Аалтонен? — Ко пожала плечами. — Придется рискнуть. Все равно вы его долго тут не продержите.

Девушки переглянулись.

— Ну... да, наверное.

Оставив старшеклассниц обговаривать детали, Ко, замученная всей сегодняшней беготней, поплелась к себе. Железные двери замка будут открыты еще с полчаса, остается надеяться, что Венди и Лана успеют до закрытия.

Итак, день слезки прошел впустую. Браслет Венди — это просто браслет, ничего больше. Не может же человек, бегающий на причал кормить котят, заниматься всякой зловещей деятельностью по ночам. Надо хоть поспать.

За несколько метров до своей комнаты она резко остановилась, прижимаясь к стене. Коридор был погружен в темноту, и чуть дальше, полускрытый в тени, стоял кто-то. Даже двое. Тонкая фигурка, длинная коса, светлая ночнушка — это Рада. Что она здесь делает? Так, а это еще кто? Широкие плечи, растрепанные вихры, поблескивающий в лунном свете браслет на правой руке. Дин!

Здесь, у спален девочек. С Радой.

Ко затаила дыхание.

Мальчик и девочка о чем-то разговаривали, затем Дин протянул Раде небольшой пакет. Удивленная Ко даже подалась вперед, рискуя себя выдать. Конфеты... Ну да, тот самый кулек, стащенный Дином со товарищи сегодня днем. Он украл их для Рады?

Ко стояла, как столб, хлопая ресницами, не понимая уже вообще ничего. Дин. Браслет. Конфеты. Рада. Как все это связано с двумя дырками на шее Анжея? Или это вовсе не связано?

«Девочка Ко, — сказала она себе, — ты читаешь слишком много книг, и у тебя слишком богатое воображение».

— Послезавтра... — донесся до нее голос Дина.

— Послезавтра, — кивнула Рада. — Спасибо.

Она была очень смущена и не знала, куда себя девать, прижимая к груди кулек с конфетами то ли как ценный подарок, то ли как единственную защиту. Дин кивнул, прощаясь, сунул руки в карманы и пошел обратно в своем типичном стиле — брови нахмурены, взгляд в пол. Как только он удалился (слава Космосу, в противоположную от Ко сторону), Рада нырнула в свою комнату. Ко ничего не оставалось, как войти в свою.

Надо обо всем этом подумать, решила девочка. Но только не сегодня, только не... И уснула. Никакие сны ей не снились, даже инопланетные монстры с щупальцами проявили такт и воздержались от появления в кошмарах.

Следующее утро невыспавшаяся Ко посвятила внимательному разглядыванию сладкой парочки. Дин был еще смурнее, чем обычно. Рада — бледнее. Хотя она вообще последнее время ходила бледненькая... Бледненькая...

Ко застыла, не донеся до рта ложку. В столовой шумели, жевали, пацаны бросались скатанным из хлеба шариком, за что сейчас должны были получить нагоняй от воспитателя. Но Ко уставилась на желтовато-белую ладонь Рады, завтракавшей за соседним столом, и забыла о гомоне вокруг. Рада и Дин. Браслет и...

Девочка поняла, что в конце концов нащупала что-то реальное. Залпом допив свой кофе, вернее то, что в Детском доме называли этим гордым словом, она встала. В глазах снова загорелся азарт. Ничего, что опять придется целый день посвятить слежке. Это-то и есть самое интересное!

— Эй, Ко! Ну как, вампиры к тебе еще не являлись?

Анжей стоял рядом, во взгляде плясали смешинки.

— Не являлись, — отрезала Ко. Парень, конечно, ей помог, но не посвящать же его в детали расследования.

Мальчишка хмыкнул, тут же переключаясь на перwokлашку Рея, который уже с полминуты дергал его за рукав.

— Чего тебе, малявка?

— Анж, поможешь мне манипулятор починить?

Рей приехал на остров без одной руки, вместо кисти у него был приделан забавный (для всех, кроме Рея) манипулятор. И этот манипулятор время от времени начинал барахлить. Иногда его чинил техник Детского дома, а если поломка была пустяковой, Рей просил покопаться в устройстве кого-либо из старших пацанов. Поскольку Анжей слыл докой в гаджетах, просьба не выглядела странной.

— Давай, — милостиво согласился Анжей.

Дослушивать разговор Ко не стала, и без того дел полно.

Весь день она хвостом проходила за Дином и Радой, но те не совершали ничего подозрительного. Оставалась ночь. Ко не решилась пойти в мальчиковую зону, ограничилась наблюдением за комнатой Рады. Но час шел за часом, а ничего не происходило, и девочка не выдержала. Зевая так, будто собиралась проглотить средних размеров бегемота, она уползла с наблюдательного пункта и завалилась спать.

Утро тоже не принесло тревожных вестей. Никто из детей не попал в лазарет, никто не отсутствовал на занятиях. Но Ко не снижала бдительности и скоро была вознаграждена.

Мирно качавшаяся на качелях Рада вдруг с них слезла и направилась в замок. Ага, конечно. Вон там, за деревом, стоит Дин. И это он подал ей знак. Ко, уже поднаторевшая за прошедшие дни в шпионском деле, выждала чуток, прежде чем пойти за сладкой парочкой. Мальчишка и девочка выбрали довольно извилистый путь и в результате добрались до старого общего туалета на третьем этаже. Туалетом этим обычно никто не пользовался, все предпочитали

недавно отремонтированный, так что здесь царила тишина. На пороге остановились.

— Вот. Тут немного, но у него сахарный диабет, может, тебе недели на полторы хватит.

Дин протянул Раде очередной сверток.

— Спасибо. — Девочка опустила глаза и неожиданно всхлипнула. — Только они меня все равно заберут.

— Я не дам, — пробурчал мальчишка. — Что-нибудь придумаем.

Рада снова шмыгнула носом, забирая у Дина завернутый в клетчатую материю предмет.

— Ты пей. Я подожду снаружи, — сказал парень.

Он неловко похлопал ее по плечу, как если бы она была пацаном, и пошел обратно. Едва не наткнувшись на Ко при этом.

Лишь только Рада скрылась в туалете, юная сыщица змейкой юркнула к двери и приникла к узкой щели. Так-так, что там происходит... Закинув за спину длинную косу, Рада уселась на подоконник, откинула ткань. На ладони лежал небольшой пузырек, наполненный густой темной жидкостью. Ко взгляделась и чуть не охнула, вовремя зажав рот ладонью. С то-скливым вздохом девочка откупорила крышку и поднесла бутылочку ко рту.

Неужели она...

Глотнула.

— Стой! — воскликнула Ко, кидаясь к ней и выдирая пузырек из ее пальцев.

От неожиданности Рада вскрикнула, уставилась на незваную гостью совершенно чумными глазами.

— Отдай! — потребовала она, в свою очередь бросаясь отнимать пузырек у Ко. — Мне нужно! Ты не понимаешь, мне правда нужно. Отдай!

— Ты пьешь кровь? Зачем?! — Ко наконец удалось оттолкнуть Раду и занести руку с бутылочкой над раковиной. — Говори, а то разобью!

★ Девочка, и так бледная, как саван, теперь и вовсе побелела.

— Не разбивай, мне надо.

Она вдруг прижала ладони к лицу и... заплакала. От удивления Ко чуть не села.

— Для чего надо?

Ответить Рада не успела — новый метеор ворвался в туалет, сшиб с ног Ко и вырвал у нее заветный пузырек.

— Рада, на. Возьми. Я ей не позволю!

— Дин... — поперхнулась Ко.

Больше она ничего не успела произнести. С какой-то нечеловеческой силой мальчишка вздернул ее, схватив за шею, прижал к стене. Задыхаясь, Ко поняла, что тут ей не помогут даже приемы китайской борьбы. Дин был сильнее, кроме того, он ходил в тот же кружок, что и Ко.

— Дин, нет, отпусти ее. Так нельзя! — воскликнула заплаканная Рада, дергая парня за рубашку.

— Она видела, она расскажет.

— Не расскажет! Если мы объясним, не расскажет. Или... а пусть рассказывает! Дин, все равно все узнают. Нельзя меня прятать вечно.

Мальчишка хмуро взглянул на Ко и разжал пальцы.

— Дернешься, ударю, — предупредил он.

Ко сползла на пол, растирая шею.

— Что, еще один «котенок»? — прохрипела она.

— Чего?

Дин и Рада непонимающе переглянулись.

— Да тут одни прятали уже кое-кого, — любезно пояснила Ко, не переставая кашлять. — И вы туда же?

Отдышавшись, девочка поднялась. Убивать ее, кажется, передумали. И то хорошо.

— Ну, рассказывайте... кровопийцы, — хмыкнула она.

— Можно, я допью? — робко спросила Рада. — Я объясню, честно.

Ко сморщила нос, отвернулась. Пить человеческую кровь... до чего они тут все дошли. Рада сделала быстрый глоток и хотела было сполоснуть пузырек в раковине, но Ко крепко ухватила ее за руку.

— А вот и нет. Я не дам тебе уничтожить улики!

Дин придвинулся ближе с угрозой во взгляде, но на этот раз Ко была готова и ответила таким же непреклонным взглядом.

— Ладно, — шепнула Рада, оставляя «улики» на подоконнике. — Дин, расскажи ей, пожалуйста. Я... я... — Она вновь захлопала носом.

Мальчишке явно не хотелось ничего рассказывать, и все же он кивнул, пересиливая себя.

— Рада болеет, — сказал он тихо. — Мы не знаем чем. Какое-то редкое заболевание. Может, она принесла его с того астероида.

Ко знала, что Раду пять лет назад нашли геологи-разведчики на одном из ледяных астероидов на дальних рубежах Солнечной системы. Девочка сидела в бункере под станцией, была здорова, сыта, одета в розовую маечку, синий комбинезончик и скафандр. О себе она ничего не помнила, кроме имени. С тех пор Раду много раз обследовали врачи, но никаких отклонений не обнаруживали. Видимо, до недавнего времени...

— У нее пятно на животе. Оно такое... Рад, покажи ей.

Девочка смутилась, однако послушно задрала блузку. У Ко перехватило дыхание. На животе Рады расплывался синева-бурый неровный круг. Будто синяк, только слишком правильной формы. «Синяк» медленно менял цвет, становясь то более темным, то светлее.

— Что это?!

Ко протянула руку, чтобы дотронуться до пятна, но так и не решилась.

— Не знаю, — шепотом ответила Рада, опуская блузку. — Мне от него плохо. Тошнит, голова кружится, и вообще оно, знаешь, словно меня грызет. Но оно уменьшается, если я ем что-нибудь сладкое или... пью кровь.

— А со сладким тут сама знаешь, как, — буркнул Дин. — Даже чай без сахара дают.

Разом растерявшаяся Ко перевела взгляд на него.

— И ты высасывал из всех кровь, чтобы помочь ей? Мальчишка молча опустил глаза.

— Но как? Ты что, в самом деле вампир?

— Какой вампир, обалдела, что ли!

— Тогда как?

Дин нервно дернул плечом.

— Иглой и шприцем. Только я еще заморозку придумал. Ну, чтобы никто не просыпался от боли. Капаю на иглу — и ее не чувствуешь.

— Слушайте, вы что, сумасшедшие оба? — Ко подбоченилась, оглядывая «кровопийц». — Сказали бы директрисе, может, врачи уже вылечили бы тебя! И вообще, вдруг это заразно?

Рада и Дин одновременно замотали головами.

— Я не заразная, — сказала Рада.

— Ты не понимаешь! — сжал кулаки мальчишка. — Ее увезут отсюда, запрут в какой-нибудь клиникетюре, и все. А она... — Дин замолчал, затем процедил сквозь зубы: — У меня ничего нет. Ничего своего. Зубные щетки и те правительство выдает. Даже фамилии нет. Только Рада. Она мой друг. Мой настоящий друг. Я им ее не отдам.

— Здесь мало у кого есть фамилия, если ты заметил, — нахохлилась Ко. — У некоторых даже имени нет, так, прозвища всякие.

— Я тоже не хочу уезжать, — прошептала Рада. — Не хочу бросать всех... и Дина. Вдруг я его больше никогда не увижу?

Ко громко фыркнула.

— Ну конечно! Гораздо лучше умирать здесь, да? Или высасывать из своих же одноклассников кровь! Ты посмотри, что вы наделали! Ладно Саломея и Анжей, они быстро очухались. А остальные? Вон Маринка и Денис до сих пор в лазарете, и им тоже плохо, между прочим!

Дин удивленно вскинулся.

— Это не я!

— Не ты?

— Я не трогал ни Саломею, ни Анжею, ни Марину! И Дениса не трогал.

— Что?

— Это не я, честно.

— Да хватит врать, — разозлилась Ко. — Трус несчастный.

И тут же поймала на себе яростный взгляд мальчишки.

— Я не вру! Их я не трогал. Я только у Лисси крови чуть-чуть взял и у этого, из второго класса, как его... Макса. Ну и у Генки вчера.

— У Генки? — Ко с недоверчивостью посмотрела на Дина. — Диабетика? Но он же не попадал в лазарет. Я его сегодня на завтрак видела.

— А чего ему попадать? Ты думаешь, я литрами, что ли, кровь качаю. Ну, взял немножко, он даже не заметил. А у него... — Дин замялся, — кровь сладкая. Раде должно вдвойне помочь.

— Идиоты какие-то. Вы оба, — протянула Ко и недоверчиво прищурилась. — погоди, но если остальные пострадали не из-за тебя, то — из-за кого?

Дин развел руками.

— А я знаю? С чего ты вообще взяла, что это чело-век? Может, вирус какой. Бродит тут, вот все и болеют.

Ко присела на подоконник, в задумчивости запустила руку в волосы, накручивая пряди на палец.

— Точно не ты?

— Да я сам удивился, когда все началось. Наоборот застремался — сразу ведь столько внимания к тем кто в лазарет загремел. Боялся, меня вычислят.

— Тебя и вычислили. Я. Слушай, а как же игла... Ты говоришь, была игла. А почему дырок тогда две?

Мальчишка пожал плечами.

— Я один раз колол.

— Не понимаю...

— Ты нас заложишь, да? — спросила Рада с очередным всхлипом.

Ко вздохнула, поежилась.

— М-дя, котятки, в живой уголок вас не посадишь. Но и кровь сосать я вам больше не позволю. Нашлись тут, юные дракулы.

— Если скажешь директрисе, я тебя... — Дин замялся в попытке придумать, что же такого страшного он сотворит с новоявленной мисс Марпл.

— Да не знаю я, что с вами делать! — воскликнула Ко. — Не знаю.

— Мы знаем, Ко, — раздался в воцарившейся тишине чей-то мягкий голос.

Дети, все трое, резко повернулись к двери.

— Господин Эско?

Врач Детского острова сделал шаг внутрь. За ним в проеме двери маячили еще трое, медсестра, учителя математики и одна из прачек.

— Не подходите! — выкрикнул Дин, закрывая собой Раду. Кинул злобный взгляд на Ко. — Заложил все-таки.

— Я не...

— Она ни при чем, Дин, — сказал доктор — все так же мягко. — Просто в последнее время мы наблюдали за Радой. Кажется, она действительно сильно болеет. Если ты не позволишь нам ее забрать, она может умереть. Разве ты этого хочешь?

На лице Дина попеременно отражались самые разные эмоции. Рада положила ладошку ему на плечо.

— Я лучше пойду. Все равно их больше, и они взрослые.

— Не бойся, Дин, мы не причиним ей вреда. Мы хотим помочь.

— Вы ее увезете.

— Возможно. Но как только она поправится, она снова вернется сюда, обещаю.

— Я вам не верю.

— Дин... — врач чуть понизил голос. — Иначе Рада умрет.

Тяжело дыша и сжимая кулаки, мальчишка все-таки отступил в сторону.

— Тебе тоже придется пойти с нами, Дин, — продолжил господин Эско. — То, что ты делал, недопустимо. Даже для спасения подруги.

Тут уже Рада вцепилась в мальчика.

— Вы посадите его в тюрьму?

— Это не нам решать. Но мы постараемся сделать все, чтобы этого не произошло.

Ко молчала, не зная, что сказать. Только крутила головой туда-сюда, глядя то на господина Эско и группу поддержки, то на Дина с Радой, печальных и потерянных.

Наконец доктору удалось уговорить детей, и их обоих увели куда-то в верхние помещения замка. Из слов врача стало ясно, что скоро их заберут, и Раду, и Дина. Ко, следовавшая за процессией, вздохнула. Она по-прежнему не знала, как бы поступила сама, рассказала бы все госпоже Аалтонен или нет.

Девочка собралась наконец уйти в школу, когда ее остановил доктор.

— А вам, юная леди, я бы посоветовал умерить пыл, — сказал он многозначительно. — Детективные расследования — это, конечно, прекрасно. Но,

во-первых, в свободное от учебы время. А во-вторых, они могут быть небезопасными. Марину ты же знаешь, да? Так вот, она только сегодня начала отрывать голову от подушки.

Ко подняла глаза.

— Господин Эско, но кто-то же это делает. Надо его остановить.

Доктор потрепал девочку по голове.

— Ты думаешь, никто, кроме тебя, этим не занимается? Не беспокойся, Ко, мы обязательно разберемся. Тебе же лучше сосредоточиться на занятиях. Да, и если тебе интересно, я одобрил создание в замке живого уголка. Госпожа Аалтонен тоже дала свое согласие.

Девочка слабо улыбнулась. Хоть что-то хорошее в этой жизни.

Следующий день принес две новости. Дина и Раду увезли с Детского острова, а в лазарете оказался еще один пациент. И на этот раз, как шептались в коридорах, все оказалось гораздо серьезнее. Мальчишка, одноклассник Венди, был в коме.

Глубоким вечером, уже спустя пару часов после отбоя, Ко сидела у себя, неотрывно пялясь в окно. Во дворе шумели от поднявшегося ветра деревья, но девочка ничего не замечала, погруженная в размышления. Вероника еще не спала, и ей пришлось хорошенько потрясти Ко, прежде чем та очнулась.

— Слышишь, что говорю? — спросила подруга, возвращаясь к себе на кровать. — Венди точно узнала: доктор Эско попросил вызвать транспорт с большой земли. Боятся, что медтехники и всяких препаратов, какие есть в замке, будет мало, чтобы вытащить парня из комы.

Ко поправила одеяло, пристроила вертикально подушку и откинулась назад.

— К нам теперь наверняка приедут репортеры, — Вероника мечтательно закатила глаза.

— Репортеры? — переспросила Ко.

— Ну да. У нас же целых две настоящих сенсации. Представляешь заголовки? «Вампиры на Детском острове», «Загадочные депрессии невинных детей», «Таинственный вирус выкашивает население Кууси».

— И что в этом приятного? Все и так считают нас преступниками, а теперь уверятся окончательно. И потребуют вообще никогда отсюда не выпускать. Даже после совершеннолетия. Вот проведешь здесь всю жизнь, лицезрея госпожу Аалтонен и меня, я посмотрю, захочешь ты еще репортеров или нет. Хотя... можешь не волноваться, без разрешения ИнтерГПола сюда никого не пустят. А я зуб даю, они не разрешат.

Вероника дернула плечиком.

— Ну и ладно. А если в следующий раз он кого-нибудь убьет?

— Кто?

— Ну, вирус этот. Или злодей... если это злодей... Откуда я знаю, кто это все устроил! Может, тогда ди-ректриса наконец-то почешется. Не все же тебе сыщиком работать. И так уже во сне ворочаешься, бормочешь всякое, спать не даешь.

— Я?

— Ага. — Вероника закатила глаза, изображая: — «Не подходи... не подходи... я вижу... и котенка забирай... и серебряный браслет».

Ко хмыкнула, потянула подушку вниз — пора бы и лечь, в самом деле, — но вместо этого снова вскочила.

— Серебряный браслет, — медленно произнесла она в пустоту.

— Чего?

— Ну конечно... он всегда был рядом. Он же сам меня и направлял. И серебряный браслет — это он. Теперь понимаю.

— Что понимаешь? — Вероника с недоумением смотрела на подругу.

Ко повернулась к ней; побледнела почти как недавно Рада.

— Все понимаю. Вероник, в следующий раз он действительно убьет. И, кажется, я знаю кого.

Сила клубилась внутри. Он почти мог слышать гул энергии, бегущей по каналам его тела и сливающейся в тугие сгустки. Сгусток у основания позвоночника был тяжел и внушителен. Во втором, чуть выше, и третьем — в области солнечного сплетения — тоже бурлила обретенная мощь. Четвертая, пятая и шестая точки были наполнены не столь серьезно, но и они уже влились в единую систему. Он глубоко вздохнул, улыбаясь. Улыбка казалась склизким провалом в бездонный каньон его души.

Скоро. Уже скоро.

Одна забранная жизнь — и пробудится последняя, седьмая чакра. Он станет еще сильнее. С этой силой он подчинит себе остров, и никакая полиция не сможет ему помешать. А когда они очухаются и подгонят войска, ему будет, что противопоставить. Ведь все жизни острова окажутся под его контролем. И тогда станет весело. Наконец-то станет весело.

Одна забранная жизнь.

И он знает чья.

— Ты куда?

— К госпоже Аалтонен, — ответила Ко, судорожно натягивая футболку и шорты. — Или к доктору Эско.

— Зачем? — Вероника села на кровати, хлопая ресницами.

— Они должны узнать. Я... я ничего не смогу сама. И еще мне нельзя здесь оставаться. Вдруг он захочет навредить и моим подругам.

— Что?!

Но девочка уже выскочила за дверь.

Быстро огляделась, вроде никого нет. За дверями дортуаров тишина. Похоже, все спят, это только они с Вероникой вечно болтают допоздна. Ко ринулась по коридору, стараясь не сильно шуметь, подбежала к лестнице, затаила дыхание. Так, кажется, и здесь все чисто. Скорее, скорее! Даже если госпожа Аалтонен легла, ее нужно разбудить. И доктора. И кто у них там еще из ИнтерГпола.

Ко бесшумно скользнула вниз по лестнице. Все хорошо. Пронесло. Теперь шаг в коридор. Пробежать еще один этаж насквозь и...

— Привет, Ко. Значит, с вампирами ты разобралась. Молодец. Я думал, дольше провозишься.

На спину девочки будто свалился ком снега — холод и тяжесть. Она замерла, ноги приросли к полу. Взгляд уставился в темноту коридора. Бежать? Не успеет. Он совсем рядом. Совсем.

От стены отделилась тень, перегораживая ей дорогу.

Кричать? Да, кто-то услышит, проснется... и станет еще одной жертвой. Нет, так тоже нельзя. Ко опустила руки. Если бы понять, как он это делает. Может, она смогла бы хоть ненадолго остановить его. Но для этого надо говорить. Говорить, не молчать.

— Ты же сам дал мне все подсказки, — сказала она. — И про себя в том числе. Почему ты сказал мне про браслет, Анжей?

Мальчик усмехнулся, подходя ближе.

— Так было интересней.

— Но ты же понимал, что если я начну подозревать Дина, то обязательно докопаюсь и до остального. Ну, до того, что большинство попавших в лазарет — это не его вина.

— А может, мне хотелось, чтобы кто-то знал. Чтобы кто-то дышал мне в спину. Так гораздо веселее, Ко. А я хочу веселиться. И хочу, чтобы этот гребаный остров веселился вместе со мной.

Ко сглотнула.

— И вторую дырку на шее у ребят тоже делал ты? Но... зачем?

— Вампиры... Мне показалось, это будет смешно, — Анжей негромко хохотнул. — Ну и ложный след не помешает.

— Для ложного следа ты и себе сделал два прокола и притворился, что у тебя упадок сил?

— Угу. Кстати, ты же купилась.

— Ненадолго, — буркнула Ко. — Ты подставил Дина, а он мне рассказал совсем другое.

— Это все часть моего веселого плана.

— Анжей, зачем тебе это? — тихо спросила Ко. — Ты же нормальный парень... был. Со всеми общался. Поболтать любил, видюшки посмотреть. И Рею вон помогал, я же видела.

В темном коридоре почти не было заметно зрачков мальчика, но Ко отчего-то показалось, что они у него расширились еще больше, полностью заливая радужку.

— Ты знаешь, как я сюда попал, Ко?

— Я... не помню. Какая-то дальняя планета.

— Дальняя. Очень дальняя. Заброшенная и забытая. У нее даже название неприятное. Форгезия. Когда-то ее начали осваивать очень активно, но потом стало ясно, что эту планету... нет, не то чтобы не победить, просто не стоит побеждать. Болота, гниль, ядовитые гады, плотоядные растения, испарения. Их выжигали, уничтожали, сдерживали, а они возвращались. Всегда возвращались. И люди решили — хватит. Но до последнего там жили несколько семей — все, что осталось от большой колонии. Их обещали забрать. Вот-вот, скоро-скоро... И бросили. На двенадцать лет.

Анжей на мгновение опустил голову, но тут же вскинул снова.

— Я родился спустя половину этого срока и прожил там шесть лет. Шесть лет, Ко, на грязной, отвратительной планетке. И все эти шесть лет мне было скучно.

Ужасно скучно. Никто со мной не играл, никто не пытался толком чему-то научить. Они выживали, им было не до меня. И однажды я захотел, чтобы им стало так же скучно, как и мне. Транспорт опоздал на неделю. Когда они прибыли, в колонии не было никого, кроме маленького шестилетнего мальчика, пытающегося играть с гигантскими бескрылыми бабочками.

— Что случилось? — спросила Ко напряженно.

Губы Анжея раскололись в усмешке.

— Они спросили мальчика, не знает ли он, где остальные? Мальчик ответил, что все ушли работать на расчищенной поляне и там уснули, он не смог их добудиться. Те, кто прилетел, пошли на эту поляну, но тел там уже не было. Местная флора, знаешь ли, ничем не брезговала...

— Ты их убил? — прошептала Ко и от ужаса зажала себе рот ладонью.

— Нет, — качнул головой Анжей. — Я тогда еще не умел. Я просто хотел, чтобы им стало скучно, чтобы они поняли, что сделали со мной. Захотеть оказалось достаточно. Я ощутил ниточки чувств, энергию их тел и душ. Тогда я еще не знал, что происходит, я прочитал об этом лишь здесь, в одной из книг библиотеки, но теперь знаю. Это начали пробуждаться и открываться мои чакры. Я еще не мог толком управлять ими, и все равно у меня получилось! Я заставил всех жителей потерять энергию, отдать ее мне. И они уснули. Остальное сделало болото.

Анжей на мгновение замолчал.

— Не думай, мне было жалко. С их уходом стало еще скучнее. Хорошо, что прилетел транспорт. Я так обрадовался, думал, наконец-то меня отвезут на другие планеты, где наверняка весело и интересно. Но они доставили меня сюда. На этот вшивый остров, где не происходит ничего увлекательнее, чем смена кофе на какао по субботам. Я был частью компании, я кон-

струировал приборы, я помогал Рею... я притворялся, Ко. Это все было скучно. Я хочу веселиться. И буду.

Девочка заставила себя перевести дух. Так, сосредоточься, Ко, сосредоточься. Хватит дрожать, как осинный лист, возьми себя в руки, размазня! Ты должна найти выход.

— Знаешь, я только одного не понимаю... — голос у Ко сорвался, однако почти сразу выровнялся.

— Чего же?

— Как ты это делаешь? То есть, что именно ты делаешь с людьми?

Улыбка, скользнувшая по лицу Анжея, заставила девочку сжаться и невольно отступить назад.

— Я тебе покажу.

Мальчик шагнул в свет луны, падающий из окна, продолжая улыбаться.

— Ты вот стоишь тут, заговариваешь мне зубы, думаешь, что сейчас придет один из воспитателей с обходом, увидит и поможет тебе. Не поможет. Я усыпил обоих. И раз уж ты так хочешь узнать...

Черные зрачки Анжея закатились за веки, по телу пронеслась волна дрожи. Внутри у Ко все перевернулось. Будто кто-то запустил в нее руку и теперь безжалостно перемешивал сердце с печенью и легкие с поджелудочной.

Рванулась было... Поздно. Задыхаясь и хватая ртом воздух, упала на колени. Ее широко распахнутые глаза видели, как постепенно, по сантиметру, придвигается к ней Анжей. Но что она могла сделать? С каждой секундой Ко теряла волю. Зачем куда-то бежать, зачем что-то делать, зачем пытаться спастись? Это все неважно, совершенно неважно. Мир вокруг такой печальный. И она никому в нем не нужна. Надо просто лечь на пол и замереть, ничего не делать. Тогда все уйдет. И эта боль, и боль другая, старая, затаенная. Надо просто лечь и... лечь и...

— Да, кстати, те бабочки были бескрылыми потому, что я вырвал у них крылья. Чтобы не улетели.

Ко застонала, закусил губу. Нажми посильнее, дурочка! Вот, так. До крови.

В голове, кажется, чуть прояснело. Ко задышала чаще. Но как же встать, как вырвать из себя эту мерзкую «руку»?

— И-и-и-и!

Визг на грани ультразвука разрезал тишину замкового коридора, пронесся вихрем мимо Ко и сшиб Анжея с ног. Хотя нет. Сшиб не визг, а ваза в руках Вероники, которую девочка со всего размаху обрушила на голову мальчишки.

Тут же Ко почувствовала, как ее отпускает.

— Вер, беги к доктору Эско, зови его! Сейчас же!

Вероника, растерянная, в тапочках и ночной рубашке, на мгновение застыла.

— А ты?

— Справлюсь, беги!

Подруга сорвалась с места, бросившись к лестнице. Ко развернулась к мальчишке-монстру. Анжей быстро поднимался; вернувшиеся на место зрочки, грозили закатиться вновь. Но Ко не стала ждать, подскочила и, сжав кулак, изо всех сил ударила в солнечное сплетение.

— Чакры, говоришь! А вот тебе по чакрам! Как открылись, так и закроются!

С этими словами девочка провела отличную подсечку — на тренировках так никогда не получалось! — и добавила еще ребром ладони по шее.

С самым недоуменным выражением на лице Анжей рухнул на пол. И тут же Ко услышала вокруг голоса. Доктор Эско, госпожа Аалтонен и еще куча какого-то народа — они все были здесь.

Девочка выдохнула, позволила себе прислониться к стене и сползла вниз.

Плотные облака постепенно расползались по небу, и в разрывы между ними с готовностью выглядывало жаркое солнышко. Похоже, ему не терпелось принести в этот суровый край настоящее летнее тепло. На каменных выступах у входа сидели двое. Точнее, сидела только Ко, а госпожа Аалтонен стояла рядом, вертя в пальцах свой золотой лорнет. Обе провожали взглядом специально оборудованный флаер ИнтерГалактической полиции, в особой капсуле увозивший с Детского острова мальчика, которому всегда было скучно.

«Наверное, теперь ему весело, — подумала Ко. — Столько событий предстоит. Допросы. Обследования. И все внимание ему одному».

— Ко, еще раз повторяю, такого делать никогда нельзя! Ты могла... могла погибнуть!

Директриса хотела добавить что-то еще столь же взволнованно-нотационное, но Ко ее перебила.

— Госпожа Аалтонен, почему нас держат здесь? Разве мы плохие? Даже Дин, хоть и воровал кровь, но он же делал это потому, что хотел спасти Раду.

В уголках глаз директрисы блеснула подозрительная капелька.

— Вы хорошие, Ко. Вы очень хорошие. Мои бедные орпо... сиротки. Но, видишь, иногда попадают злые люди. Правительству приходится думать не только о вас, но и обо всех остальных. Разве вам плохо здесь, Ко? Мы любим вас, заботимся.

Ко помолчала, затем сказала тихо:

— Анжею было плохо. Для чего он все это делал? Тоже ведь во имя какой-то цели. Может, он тоже хороший?

— Ко, — строго отозвалась госпожа Аалтонен. — Бывают и просто плохие люди.

Девочка не успела удивиться внезапной перемене — директриса снова заговорила с ней мягко.

— Но не могу не отметить, что у тебя замечательные кювяккюс... способности. Настоящий детек-

тив, а? — Она улыбнулась. — Пожалуй, когда ты подрастешь, я познакомлю тебя с комиссаром Милотаром. Он присматривает за нашим Детским домом. Возможно, комиссар оценит тебя по достоинству.

Тут директриса оставила девочку и со вздохом направилась в замок. Ей предстояло написать много-много отчетов о произошедших событиях.

— Ах да, — сказала она, оборачиваясь. — Думаю, тебе будет приятно узнать. Нам сообщили, что болезнь Рады определена. Девочку вылечат.

Ко улыбнулась, кивая. Затем уставилась в небо. Ладно. Хорошая или плохая, но она выберется с этого острова, и... хм... может, даже станет детективом. А почему бы нет.

КРИСТИНА КАРИМОВА

СКАЗКА ДЛЯ АЛЕНУШКИ

В жизни каждой женщины наступает момент, когда она становится опасной не только для окружающих, но и для самой себя.

Кир Булычев. На полпути с обрыва

Шквал огня устремился в сторону человека в черной одежде и почти накрыл его, но тот в последний момент успел вскинуть руки в защитном жесте. Огонь растекся маревом по наспех воздвигнутой прозрачной стене, на секунду прильнул к ней, будто ластящаяся кошка к человеческой руке, и дрогнул, качнулся и покатился в обратную сторону. Фигура напротив человека в черном вспыхнула факелом. Но лишь на мгновение. А потом огонь рассыпался и искрами стек на землю.

— Научился, значит? А как тебе это? — злобный шепот, казавшийся шипением змеи, перешел в крик. — Замри!!!

★ Лес вздрогнул и замер. Окаменели деревья, притих ветер. Алена почувствовала, как что-то с силой пригибает ее вниз. Однако главный удар пришелся на мужчину. Видно было, что он сопротивляется изо всех сил, но огромная тяжесть заставляет его склоняться все ниже и ниже.

— Что? Съел?! — торжествующе воскликнуло чудовище, хлопнуло в ладоши, и в воздухе возникло сверкающее полотно. По тонким нитям перебежали, перебиваясь, сине-фиолетовые огоньки.

Ткань неторопливо поплыла вперед. Вот она добралась до цели, на секунду зависла и начала опускаться на ссутуленную фигуру. Мужчина попытался ухватить край и промахнулся.

«Это конец, — с ужасом подумала я. — На этой планете происходит такое, а рядом ни одного агента ИнтерГпола! Впрочем, один агент все же есть — это я, и мое первое задание полностью провалено. А ведь так хорошо все начиналось!..»

* * *

Легкий флаер бесшумно рассекал воздух, а я с любопытством оглядывала окрестности. Вокруг, насколько хватало взгляда, простирались ярко-зеленые поля, на горизонте темной ниткой тянулся лес, а внизу темной лентой вилась дорога. «Для лошадей и телег, — решила я. — А может, для автомобилей? Вот только чьих? Для Технологии — слишком антикварно, а для Тридевятого царства — сложно...»

Я двинулась над серой лентой, представляя себя отважным путешественником, покоряющим пространство на древней машине. Я, усталый путник, преодолевший длинный путь, подъезжаю к милой деревеньке с беленькими домиками. Из-за плетня (так это, кажется, называлось?) выглядывают вперемешку мордашки ласковых телят и любопытные глаза мест-

ной детворы. Из сеней выходит женщина в расшитом сарафане и выносит крынку с молоком. И вся деревня собирается в одном из домов послушать мои рассказы о дальних землях и людях...

«Ох, госпожа агент, аккуратнее! С такими пасторальными взглядами легко оказаться необъективной», — подумала я и, чтобы отвлечься, взялась за ручку управления. Флаер, будто резвая лошадка, радостно рванул вперед и вверх и... И тут я впервые увидела их: Тридевятое царство с россыпью беленых домиков, теряющихся в зелени деревьев, и Технологию, наполненную переплетениями инженерных конструкций. Два мира, раскинувшиеся среди зелени бескрайних полей, две чьи-то мечты, принявшие материальное воплощение...

«И как это хозяйева, создавая их, решились разместиться так близко друг от друга? — удивилась я, разглядывая детали и бросая взгляд то туда, то сюда. — Ведь идеи создания совсем разные... Может быть, они использовали общий материализатор?..»

Материализатор — очень дорогой прибор, в чьем излучающем поле можно менять привычные физические константы. Радиус действия невелик: всего километр-два, но в этих пределах становятся возможными вещи, нереальные в обычном мире: хождение по воде, свободный полет, телепортация и другое. А объединение их общим антуражем позволяет создать особый мир, которому свойственны совсем иные законы существования.

Технология и Тридевятое царство — и есть эти самые фантазийно-рукотворные пространства. И мне очень любопытно взглянуть на них вблизи. Ведь чем четче определены законы мира, чем основательнее проработаны его детали, тем интереснее он становится и тем удобнее его использовать для жизни, отдыха, работы.

* * *

Гостевой домик был двуедин. Справа — бревенчатые стены, деревянные половицы и кровать с высокой периной. Слева — стол с коммуникатором и аппаратом дальней связи. «Все для посетителей, собирающихся посетить оба мира сразу. Но кто поедет одновременно в сказку и в производственную среду?» — озадачилась я, оглядываясь.

В дизайне чувствовалась рука мастера. «Кто бы из фантазийщиков мог здесь работать? Забель? Ветлицкий? Все сделано так четко, что это мог бы быть и Ольшанский...»

Приглушенно зашуршал коммуникатор, из щели выполз листок: «Приветствуем инспектора и сообщаем, что встреча с Куратором Технологии состоится в три часа по местному времени в центральном зале Купольного корпуса». Я покрутила тонкий пластик в руках. «И как я должна найти этот самый Купольный корпус?»

С деревенской стороны раздался деликатный стук в окошко. Я оглянулась — крупная белая птица бросила берестяной свиток на подоконник, картаво сказала: «Кар-р-р» и... исчезла. «Эффектно!» — восхитилась я, разворачивая послание: «Управительница Тридевятого царства приветствует гостью и выражает готовность к встрече в любое удобное госпоже инспектору время». И приписка: «Для того чтобы попасть куда-либо, необходимо захотеть оказаться в нужном месте. Изображение нужного места прилагается». В конце свитка мерцала голограмма: площадь, маленькие домики и палисадники.

«Красиво, — решила я. — Что ж. Если Куратор Технологии занят, начну с Тридевятого царства».

* * *

Я взгляделась в картинку, представленную Тридевятым царством, сконцентрировалась и постаралась вообразить себя в центре изображенного места.

Несколько секунд ничего не происходило. А потом рисунок задрожал, покрылся рябью, рассыпался мелкой мозаикой и через секунду склеился вновь. Но, к моему восторгу, я уже не всматривалась в нарисованную площадь, а стояла на ней. Переход сработал.

Все вокруг выглядело восхитительно реально. Мостовая, выложенная крупными камнями. Проросшая между ними трава. Домики с невысокими палисадниками. Запах сирени и цветущих яблонь. В центре — небольшой круг фонтана с голым карапузом, льющим из кувшина тонкую струйку воды. И сонная летняя тишина. Я нагнулась и потрогала воду. Ледяная! А камень фонтанного бордюра — теплый и шершавый. «Замечательный дизайн и реализация! Очень хороший фантазийщик здесь работал!»

Вспомнился текст рекламного проспекта: «Тридцать девятое царство — это сказочная игрушка, предназначенная для воссоздания древнерусской жизни. Деревенский быт, патриархальные нравы и волшебные заклинания...» «Раз так, — подумала я, — можно предположить, что Градоправительница окажется русоволосой красавицей в вышитом сарафане, с косой толщиной в руку и глубоким грудным голосом. Хотя, с другой стороны, если она правит царством, то может оказаться и разнаряженной в шелка и бисер принцессой-королевой. Только где же она?»

И тут же, будто ответ на мои думы, с соседней улочки послышался шум. Я оглянулась. И увидела процессию. Нет, встречающую делегацию. Люди — мужчины в белых армяках, женщины в цветных сарафанах, детишки в вышитых рубашонках — выходили из проулка на площадь. Рассредоточивались, улыбались, кланялись:

— Здравствуйте, госпожа инспектор!

— Рады видеть вас, госпожа инспектор!

Я, не ожидавшая такого многолюдного приема, растерянно пожимала протянутые руки, кивала, сму-

щенно улыбалась. А народ все подходил и подходил, и скоро вся площадь оказалась заполненной пестрой приветливой толпой.

— Пустите, пустите меня! — прозвучало вдруг из-за спин встречающих. Голос был старческий, надтреснутый, а тон — решительный. — Пустите скорее!

Толпа охотно раздалась, и вперед живо выкатилось странно-нелепое создание, облаченное в цветастую кофту и полосатую юбку такой длины, что подол почти подметал мостовую.

— Ягодка, касаточка, моя! — запричитало существо, глядя на меня и восхищенно всплескивая руками-лапками. — Приехала, рыбонька моя! А красавица-то какая, а умница-то! Здравствуй-здравствуй, яхонтовая!

— Добрый день, — пролепетала я, пытаюсь определить, кто это и что с этим делать.

— Голубонька, Управительница я здешняя! Матушкой Марфутой меня кличут. А уж как мы ждали-то тебя!..

«Ничего себе! Какой антураж у этой матушки!» Я почти с неприличным любопытством вглядывалась в затейливую старушку. Сгорбленная спина, морщинистые руки, седые космы, круглое лицо с длинным крючковатым носом. Кустистые брови и неожиданно цепкий взгляд по-молодому ярких голубых глаз.

— С дороги ты, милочка. Дай-ка мы поприветствуем тебя по русскому обычаю — хлебом и солью, — затараторила старушенция. — Анфисочка, иди сюда, золотко.

Люди снова расступились, и вперед выступила девушка. Вот она-то и была почти той самой красавицей, которую я навоображала, ожидая встречи. Стать, длиннющая коса, белоснежная рубашка с узором по вороту и рукаву, нарядный красный сарафан. Единственно, что не совпадало, — это рост: девушка была чуть повыше моего плеча.

Анфиса подплыла лебедью, с поклоном протянула выложенный на полотенце каравай:

— Приветствуем дорогую гостью и желаем ей приятного пребывания на наших землях, — голос оказался чистым и глубоким.

«Что же мне делать с караваем? — засомневалась я. — Завернуть и унести в гостевой домик?»

— Отломи кусочек да попробуй русского хлебушка, — ласково подсказала матушка Марфута, перенимая у девушки рушник.

Я последовала совету. Хлеб оказался мягким, с хрустящей сладковатой корочкой. «Очень вкусно!»

— Вот молодец, золотая моя, Алена свет Игоревна. Русский хлебушек радость доставляет да сил прибавляет, — матушка Марфута не глядя сунула каравай Анфисе, и та отступила в толпу. — Рады мы видеть тебя в нашем Тридевятиом царстве, вот и вышли встречать дружно. А сейчас пойдем-ка ко мне в избушку, посидим, побалакаем. Расскажу тебе все, что спросишь, покажу, что захочешь.

Алена свет Игоревна — это я. Алена Игоревна Светлова. Ну надо же, даже мое имя-отчество раз узнали. А ведь ехать на инспекцию должен был совсем другой человек. Я ведь не настоящий агент, а всего лишь студентка первого курса Университета ИнтерГалактической Полиции. Но, надеюсь, рано или поздно я стану таким же специалистом, как легендарная Кора Орват, чьим именем названа наша Академия. Кора Орват, агент 003, известна участием во множестве громких дел: о параллельных мирах, об убийстве императора планеты Нью-Гельвеция, поиск Зеркала Зла и других.

Что касается моего задания — мне просто повезло. Придя в первый день на практику, я случайно в коридоре столкнулась с комиссаром Милодаром. Да-да, тем самым. Начальником земного отдела ИнтерГпола. Человеком, при упоминании имени которого всех преступников — от самых мелких до самых крутых — бросало в пот. Тот, который помог стать Коре

Орват одним из самых эффективных агентов. Комиссар Милодар вел у нас в Академии несколько предметов и, видимо, запомнил меня. Я поздоровалась, а он пристально взгляделся в меня и вдруг велел:

— Зайдите ко мне.

И я пошла, замирая от предвкушения: ведь и Кора Орват начинала с того, что комиссар привлек ее к расследованиям нескольких дел.

— Не могу приказать вам, Алена, поскольку вы еще курсант, — начал комиссар, когда я скромно устроилась на краешке стула в его кабинете. — Но ИнтерГполу нужна ваша помощь. Мы должны провести несколько плановых проверок фантазийных миров. Но сотрудников не хватает — кто в отпусках, кто на объекте. А у нас график. Потому я прошу вас посетить два мира, расположенных рядом: Технологию и Тридевятое царство. Плановая проверка — это несложно. Считай, поездка на курорт. Каникулы.

Конечно, я была «за». Путешествие в новый мир — это ведь не работа со скучными бумагами в душном кабинете. Но в то же время было немножко страшно: полномочия агента ИнтерГпола велики.

— А вдруг я сделаю что-нибудь не то? — осторожно поинтересовалась я.

— Даже не вздумай ничего делать! — возмутился комиссар Милодар. — Просто поживи там несколько дней, пообщайся с людьми, посмотри, что к чему. И напиши отчет.

— И все? — недоверчиво переспросила я.

— Этого достаточно. Выводы сделаем здесь на основании твоих отчетов. Вылетать — сегодня вечером. Согласна?

— Да.

Вот так я из студентки-практикантки превратилась в агента-стажера с ограниченным кругом полномочий. Задача — собрать данные и передать их компе-

тентным коллегам. Опыта у меня, конечно, маловато, но это неважно. Ведь главное в проверке — быть беспристрастной и объективной. Думаю, я справлюсь.

* * *

Домик матушки Марфуты выглядел под стать ее образу. Чуть покосившаяся бревенчатая избушка, потемневшая от времени, с покатой крышей, поросшей мхом. Казалось, избушка хитро разглядывает окружающий мир сквозь полузакрытые ставни, а насмотревшись, качнется, повернется, вытащит спрятанные под себя куриные лапки и побежит по своим избушечьим делам. Я вновь поразилась проработанности деталей и мысленно выразила восхищение фантазийщику, сотворившему это.

Внутреннее пространство домика было чистым и аккуратным. Стол с вышитой скатертью и самоваром, длинные деревянные скамьи, древняя русская печь. У печи — давешняя красавица, встречавшая меня на площади караваем.

— Анфиса, накрывай скорее, — скомандовала Управительница. — Гостя у нас неопикуемая, ненаглядная, угощать будем.

И уже обращаясь ко мне:

— Садись, гостюшка, отведай, чего бог послал, не побрезгуй. Анфиса — стряпуха моя. Лучше нее никто не сготовит.

Анфиса низко поклонилась:

— Гостям завсегда рады. Откушайте, госпожа инспектор.

Как выяснилось, бог послал много чего. Картофельные дранки с поджаристой курочкой, свежий, местной выпечки хлеб, огурчики-помидорчики, густая — так, что ложка стоит, — деревенская сметана, варенье всех мастей...

— Садись, садись, Алена Игоревна. Потрапезничаем, да поговорим, — матушка Марфута с вожделени-

ем взидала на яства и, видимо, сама рада была для начала «откушать», а потом уже разговаривать о делах.

Анфисина стряпня оказались выше всяких похвал. Девушка неустомимо подносила и подносила новые блюда, которые мы встречали с большим энтузиазмом. Но о деле я тоже помнила. Потому в очередную перемену блюд задала первый инспекционный вопрос:

— Матушка Марфута, есть ли у вас жалобы, просьбы, пожелания до начала проверки? Хотите предоставить какую-то дополнительную информацию?

— Ой, милочка, чего тут предоставлять. Все у нас на виду, все открыто. Смотри сама, изучай, чего надо. А мы уж поможем, как сможем.

— А жалобы?

— Дык как-то жалобы... Все у нас хорошо... — матушка Марфута немного подумала и неуверенно, будто не зная, стоит ли говорить, добавила: — Вот разве что соседи наши...

— Да? — поощрительно переспросила я.

— Ой, деточка, сложные они у нас! — Управительница огорченно покачала головой. — Соседушки — это ведь, вообще-то, дело хорошее. Где поддержать, где помощь оказать. Но вот с нашими — беда и огорчение...

И Управительница заговорила о том, на что и я по прибытии сразу же обратила внимание: Тридевятое царство и Технология были слишком разными, чтобы располагаться так близко друг от друга. Гости и потенциальные жители, приезжающие в Тридевятое царство для того, чтобы окунуться в природу и испробовать деревенской жизни, вдруг обнаруживали совсем рядом индустриальную Технологию. Производственный мир сбивал романтический настрой, возвращал людей в успевшую надоесть дома реальность, и они уезжали разочарованными.

Матушка Марфута рассказывала, но при этом не забывала и об обязанностях хозяйки: подклады-

вала на мою тарелку вкусные кусочки, придвигала ближе разнообразные блюда со снедью. И все это — не прекращая горестного повествования о мытарствах Тридевятого царства:

— Вот так, милочка, и уезжают наши гостеньки... а ну-ка, попробуй моченых яблочек... — И тарелка с аппетитными яблоками подъезжала ближе. — Вот умница! Ну и я попробую... Умммм! Вкусно! Так вот, уезжают гостеньки недовольные. А мне старой от этого какое расстройство! А вот на-ко медок, слаа-адкий — пальчики оближешь!.. А то ведь какой убыток всему нашему Царству!

Я перепробовала все, что было на столе, и чувствовала себя туго набитым пузырем. Но, не в силах остановиться при виде новых вкусов, продолжала надкусывать то одно, то другое. И сочувственно кивала.

Беспокойство Управительницы было понятно. Воплощение фантазий в реальную жизнь — это не только развлечение, но и бизнес, способный приносить неплохие доходы. Именно в фантазийных пространствах, где людям можно предложить любые удовольствия, удобнее всего собирать псиэнергию. Чем больше эмоций испытывает человек, тем больший объем энергии он может отдать без вреда для себя. А если поток посетителей велик, то накопленный энергетический запас можно использовать не только на поддержание созданного пространства, но и на продажу. Выгода при этом получается немаленькая. Мощная и экологически чистая псиэнергия стоит дорого и всегда востребована — ведь с ее помощью работают не только материализаторы, но и кабины джамп-переходов, и флаеры, и космические корабли. Если же посетители Тридевятого царства продолжают уезжать недовольные, то и энергетическая подпитка мира будет очень слабой. И если она уменьшится настолько, что ее перестанет хватать на поддержку самого мира, то фантазийное пространство придется свернуть.

Но разочарование посетителей Тридевятого царства оказалось не единственной местной проблемой.

— Понимаешь, дитятко, — продолжала делиться своими бедами матушка Марфута, — не хочу возводить напраслину, но что-то неладно на их сторонushке. То, что близко они, так это только нам убыток. А вот то, что лес начал гибнуть, — так это всей планете урон.

— Какой лес? — не поняла я.

— А вот послушай-ка. Мы царство небольшое, сидим себе тихо-мирно, никого не трогаем. А соседи наши строят чегой-то все. И купол ихний все расширяется и расширяется. И скоро совсем на нашу территорию налезет. Мы и не знали сперва, что так оно. Лес там с нашей стороны болотистый — вот и ходим в ту сторонushку редко. А вот недавно племянничек мой решил дальние края объехать, вернулся, говорит: купола-то уж стык в стык стоят, — матушка Марфута со значением посмотрела на меня. Поманила пальцем и, когда я пригнулась, значительно прошептала: — А на границе-то — лес мрет!

Я, не зная, что сказать, растерянно захлопала ресницами. В лесах я не разбираюсь, от чего они мрут — тем более...

Управительница, не дождавшись вразумительной реакции, зашептала замогильным голосом, делая значительные паузы:

— Деревья кривые стоят, искореженные... Будто гнул их кто специально! А листья-то все скукожены! Мертвые! Черные-черные, будто в пожаре побывали...

Мне вспомнилась детская сказка, которую полагалось рассказывать мрачным тоном в темноте, в отсутствие взрослых: «В темном-темном лесу, на черной-черной поляне...»

— Так, может, пожар и был? — спросила я поделовому, чуть отодвигаясь от хозяйки, чтобы сбить таинственный настрой.

Управительница моргнула, откинулась назад и произнесла уже обычным, хотя и чуть обиженным тоном:

— Касаточка моя, да какой пожар на болоте?! Не-е-ет. Помяни мои слова, что-то нечистое от них идет!

— А как же сетка?

Защитная сетка или купол — это обязательная атрибутика каждого созданного мира. Ничего не попадает в окружающую среду из-под купола сетки, и никто и ничто не может проникнуть внутрь без специального разрешения. Поскольку без нее материализатор не работает, то и у обоих здешних миров она должна иметься.

— Понимаешь, милая, у нас здесь сказочка — грибочки, лесочки, деревенька — вредить внешнему миру нечем. Потому и защиту нам разрешили держать упрощенную — только от магии. А вот у соседей наших, эксперименты разные, взрывы, да дым коромыслом... Сетка там вроде есть, но лес-то наш сохнет и сохнет...

— А может, дело в вашей магии? — азартно подала я идею. — Может, у вас на болоте дракон сидит!

В голове у меня тут же сложилась картина, в которой злобный дракон, окопавшись в болотной жиже, плюется огнем и, высовывая длинный язык, подхватывает поджарившихся жаб и лягушек...

— И-и-и! Доченька! — прервала мои фантазии матушка Марфута. — Какой такой дракон?! Какая магия? Она же у нас только по мелочам. Ну лучинку зажечь, ну мышей из дома выгнать. Баловство одно!

Я почувствовала небольшое разочарование — ведь я мечтала о чудесах и волшебстве, а здесь, видимо, только внешняя атрибутика. Но, чтобы не обижать хозяйку, скрыла огорчение и сосредоточилась на изучении проблемы:

— А поговорить с соседями вы не пытались?

— Да разве ж с ними поговоришь, дитятко! — возмутилась Управительница и даже отложила ложку.

Глаза ее обиженно округлились. — Главный-то их больно неразговорчивый, не подступишься к нему. Уж я и так и этак — ничего! Никто ему не указ! Слова вежливого не скажет. Да вот сама как побалакаешь с ним, так и увидишь каков...

Тут к столу подплыла Анфиса с очередным блюдом и вопросом:

— Чай подавать уже?

— Ой, доча, — заохала матушка Марфута. — Чего-то совсем заболтала я тебя! Не угощаю, не потчую...

Обернулась к девушке, ласково кивнула:

— Подавай, Анфисочка, подавай...

Диалог по причине пересервировки стола сначала приостановился, а потом плавно перешел на темы менее таинственные, связанные с организацией местного быта.

— Спасибо большое за рассказ и за вкусный обед, — поблагодарила я матушку Марфуту после третьей чашки ароматного чая. — Все было замечательно, но мне пора. Сегодня у меня назначена встреча с Куратором Технологии, а завтра, если возможно, хотела бы осмотреть Тридевятое царство.

— Конечно, конечно, милочка, — активно закивала Управительница. — Смотри, изучай. И у них и у нас. Мы-то все, чего хочешь, покажем, ничего не утаим. Лишь бы все по справедливости. А вот соседи-то наши... Ну да ладно, гляди сама.

На том и расстались.

Уходя, я не без гордости подумала, что моя первая рабочая встреча прошла успешно. Матушка Марфута показалась мне очень милой, и наше общение я вспоминала с удовольствием. Я тоже, в общем-то, держалась неплохо. Ну, если не считать того, что сейчас кажусь себе круглым бочонком на коротких ножках. А также того, что я забыла спросить, как же два таких разных мира оказались вместе. Ведь их хозяева

могли выбрать любую планету, но почему-то предпочли устроиться на одной, да еще на общем тесном пятке. Нет, если бы они располагались на Земле, их близкое соседство было бы понятно. Ведь все фантазийные миры там создавались еще до появления внепространственных переходов, и найти место для расположения нового творения на густонаселенной и застроенной планете было сложным и дорогим удовольствием. А сейчас, когда с помощью джамп-кабины можно оказаться в любой точке Вселенной, появилась возможность размещать фантазийные пространства с большим комфортом. Один мир — одна планета. И никаких споров с соседями.

А ведь если подумать, Технология сейчас находится в довольно щекотливом положении. Коли в процессе инспекции выяснится, что она нарушает права Тридевятого царства и тем более если обнаружатся утечки в защитной сетке, то наш ИнтерПол может применить жесткие санкции. Начиная от штрафов и заканчивая требованием переноса, а то и полной ликвидации фантазийного мира. Конечно, ликвидация — это редкий случай, и надеюсь, здесь до этого не дойдет. Но даже если Технологию потребуют всего лишь перенести, то ничего хорошего в этом нет. Ведь переместить готовый мир гораздо сложнее, чем построить новый. И вполне вероятно, что в этом случае хозяева добровольно закроют его.

Если бы я была штатным агентом, то имела бы право принять любое решение прямо на месте. И потребовать его исполнения. Но круг полномочий стажера ограничен, и я, честно говоря, очень рада, что окончательные предписания придется давать не мне.

А жаль все-таки, что я не успела изучить историю появления двух здешних миров. Уж слишком быстро мне пришлось выехать. А сейчас запрашивать данные по коммуникатору уже поздно — на таких дальних рас-

стояниях они придут уже после того, как я покину эту планету. Ведь на командировку у меня отведено всего три-четыре дня. «Что ж, постараюсь наиболее полно собрать факты», — решила я и отправилась в Технологию.

* * *

Встреча с Куратором Технологии оказалась впечатляющей, но, к сожалению, не столь приятной, как беседа с Управительницей.

Заботливая матушка Марфута объяснила мне, как найти «центральный зал Купольного корпуса». Туда, оказывается, вел второй выход из гостевого домика. Шагнув за порог, я оказалась в громадном пустом пространстве странной асимметричной формы. Крыша, начинающаяся на уровне человеческого роста с одной стороны, уходила куда-то на немыслимую высоту с другой. Жгуты и жгутики тянулись по стенам, переплетались, путались и казались паутиной, сплетенной безумным пауком. Поверхность пола светилась тускло-ртутными переливами, то превращаясь в зеркало, то покрываясь мутными разводами. «Странное место, — подумала я, осторожно ступая по изменчивому полу. — Чем-то очень подавляет. Размерами? А чем-то очень привлекает. Необычностью?»

Я несколько раз прошлась по залу, в подробностях осмотрела окружающее пространство, поудивлялась его размаху и величию, а Куратор Технологии все не появлялся. «Как-то это невежливо, — думала я, вышагивая по периметру, словно цапля по болоту. — Время вышло, а его все нет и нет. И как мне к этому относиться? Оценить как проявление той самой заносчивости, на которую жаловалась матушка Марфута? Хотя, если вспомнить, Управительница тоже появилась не сразу... Зато потом все было организовано очень мило. Да и местечко там поприятнее. А здесь даже присесть негде. Если бы мне требовалось оценить

работу фантазийных миров в баллах, то я бы снизила их Технологии за нетактичное поведение руководства и прибавила Тридевятому царству — за любезность Управительницы. Впрочем, это так, из вредности. Хотя опоздание Куратора все-таки раздражает...

Я задумчиво разглядывала собственное чуть расплывшееся отражение в зеркальных переливах пола, когда послышался шум. «Наконец-то!» Я подняла глаза и... впала в шок. Человек, приближающийся с дальнего конца зала, выглядел как воплощение самых мрачных человеческих фантазий. Полы черного плаща, будто крылья летучей мыши, разлетались в такт тяжелым шагам. Тонкие губы были плотно сжаты. Острые скулы и крючковатый нос подчеркивали аскезизм лица. Темные непроницаемые глаза смотрели холодно и отстраненно. И ко всему этому прилагался абсолютно голый череп. Увидев эту несолидно розовеющую лысину на фоне всей остальной мрачной атрибутики, я вышла из ступора и чуть было не захихикала. Однако жесткий взгляд ее хозяина моментально снял все мое веселье.

Куратор остановился и нарочито медленно оглядел меня сверху вниз и обратно. Сталкиваясь с высокомерием, я смущаюсь, но тут, будучи агентом при исполнении (пусть и с ограниченным кругом полномочий!), решила не уступать. И попыталась ответить таким же осмотром. Губы Куратора скривились, и он негромко, будто бы про себя, произнес:

— Совсем с ума посходили! Они бы еще ребенка прислали...

Когда до меня дошел смысл слов, я чуть не задохнулась от возмущения. «Да как он смеет?! Я официальное лицо! Представитель ИнтерПола!!!» Но высказаться не успела — Куратор заговорил снова:

— Приветствую госпожу инспектора на землях Технологии. И прошу простить за задержку — я не мог

прервать проводимый опыт. Мое имя — Ильмаринен. Я готов предоставить вам всю необходимую информацию, а также продемонстрировать все, что вы пожелаете увидеть.

Формула обращения была стандартная, а вот тон таким, что я сразу поняла, что возмущение матушки Марфуты соседями было объективным. «Это не человек, это... упырь какой-то! Это надо уметь, чтобы прямо с порога настроить агента против себя! Да я сейчас... Сейчас такое ему скажу!..» Я открыла рот и... захлопнула его. «Нельзя! Нельзя-нельзя! Ведь я при исполнении, а не просто в гостях!»

Я с достоинством кивнула и ответила тоже стандартной формулой:

— Благодарю. Для начала я хотела бы знать, имеются ли у вас жалобы, претензии, заявления, которые мне следует выслушать до начала проверки?

— Нет, — ответ последовал без малейшей задержки и без намека на возможность продолжения беседы.

Я немного растерялась. Краткость, как известно, стра таланта, но ведь не в ситуации инспекции. «Что это значит? Равнодушие к результатам? Или уверенность в безнаказанности?»

И снова молчание прервал Ильмаринен:

— Если у госпожи инспектора больше нет вопросов ко мне лично, то мой помощник Гастон окажет любую необходимую помощь.

Высокомерный кивок и тяжелые шаги, затихающие в глубине зала. Я оторопело смотрела вслед исчезающей темной фигуре. «О-го-го! Ничего себе Куратор в Технологии! Да ему бы цены не было в роли какого-нибудь злобного героя из сказочного Тридевятого царства. Да еще и меня отправил к помощнику. Имеется в виду, что много чести возиться с агентом, проводящим инспекционную проверку, самому? Ну конечно, я моложе, чем он. Но дело ведь не в возрасте, а в ста-

тусе. Следовало бы помнить, что я тут не сама по себе, и что в моем лице представлена ИнтерГпол... Странный, очень странный человек этот Ильмаринен!»

Не успела я завершить свои критические размышления, как в зал быстро вошел, почти вбежал молодой человек. Белая рубашка с закатанными рукавами, черные брюки. Открытое приветливое лицо, нос с небольшой горбинкой, чуть затемненные очки, почти не скрывающие внимательных карих глаз.

— Добрый день, госпожа инспектор. Рад приветствовать, — заулыбался он еще издалека. Протянул руку, здороваясь. — Меня зовут Гастон. Я буду вашим сопровождающим и с удовольствием покажу все, что вы пожелаете. Для начала предлагаю пройти ко мне в кабинет и в более уютной обстановке обсудить программу дальнейших действий.

«Речь вежливая, манеры приятные, в голосе — радушие. Нормальный человек. Не то, что Куратор!» — подумала я, выражая согласие следовать куда угодно.

Побывав в избушке на курьих ножках у матушки Марфуты и повстречавшись со странным Куратором Технологии, я и сейчас ожидала чего-то особенного. Но мы оказались в обычном офисе. Небольшая комната, стеллажи вдоль стен, широкий стол с коммуникатором. Гастон усадил меня в кресло, предложил кофе. Я, настоявшись в ожидании Куратора и получив от него порцию ледяного душа, обрадовалась и креслу, и кофе, и вежливому обращению.

Хозяин всей этой роскоши тоже оказался на высоте и легко, будто играючи вывел меня из обиженно-озадаченного состояния. Чашечка бодрящего напитка, комплимент, милая шутка, и вот мы уже вместе смеемся. «Хороший собеседник и отличный психолог», — сделала я вывод, хихикая над очередным довольно вольным, но пришедшимся к месту анекдотом. И решила, что настала пора для деловой части беседы.

— Гастон, а для чего вообще была создана Технология?

— Если говорить в целом, то это экспериментальная площадка, — собеседник мгновенно стал серьезным. — Рай для ученых-практиков. Они очень странный народ, знаешь ли. Что спрятано за закрытой дверью, понять хотят, а о последствиях не думают. Новый микроб? Мутящие животные? Создание черной дыры? Никто не знает, что произойдет с реальностью после их опытов. А Технология — это как раз то место, где они могут удовлетворять свое любопытство без глобальных последствий. Все пространство мира поделено на отдельные лаборатории. И внутри каждой могут быть созданы любые условия — гравитация, масса, объем, температура. Все, что угодно. Какие угодно эксперименты и опыты. Никаких ограничений. И безопасно. Во-первых, купол у нас усиленный. А во-вторых, — Гастон посмотрел со значением, — каждая лаборатория имеет свою собственную защиту.

Я удивилась. Даже на поддержание внешней сетки-барьера обычно уходит львиная доля получаемой от посетителей псиэнергии. А если еще прикрывать каждую лабораторию...

— Дорого обходится? — сочувственно спросила я.

— Недешево. Но справляемся, — засмеялся Гастон. — У нас хоть ядерный взрыв в любом кабинете сотвори — соседние не пострадают. Вот и тянется к нам научный люд. Особенно молодые гении. Мечтают найти славу, известность и, по возможности, философский камень.

— А ты? Тоже превращаешь воду в золото? — любопытствовала я.

— Ну что ты! — засмеялся Гастон. — Я в основном по связям с общественностью. Принимаю новых людей, встречаю делегации, общаюсь с журналистами.

И обаятельно улыбнулся — дескать, что умею — то умею. «Да, — подумала я. — На редкость коммуникабельный парень».

— А Ильмаринен?

— О-о-о! Он действительно гений! Лучший среди лучших. Горжусь, что мне выпала честь работать с ним.

Гастон чуть запнулся, будто застыдившись высокопарности сказанного, и плавно перевел разговор на другое:

— Слушай, а какие планы? Чего хочешь посмотреть? Я ведь не так чтобы в курсе. Ильмаринен сказал: «Будет проверка. Во всем инспектору помогай». И все. Что к чему — велел тебя спрашивать. Поэтому — команду. Готов подчиняться! — и Гастон шутиливо отдал честь.

— Ну-у-у... — протянула я. — Хотелось бы понять суть. Может, поговорить с людьми, посетить лаборатории...

— Понять суть — не вопрос. Лаборатории посетить можно. А вот поговорить с людьми — это сложнее. Ученые — они ведь странные. Вот, наверное, удивляешься, почему у нас здесь такая тишина да пустота?

Я кивнула.

— А как раз потому, что едут к нам для того, чтобы избавиться от лишнего общения. Окунуться в чистую науку. А мы с тобой вдруг ввалимся к ним в самый неподходящий момент... Неудобно, понимаешь?

Гастон прочитал в моих глазах сомнение, примиряюще пожал плечами:

— Ладно, завтра разберемся. Кого застанем — того застанем. Я тебя проведу по лабораториям — тем, что пока пустуют. Если кого из местных старожилов встретим — с тем поговоришь. А потом осмотрим внешний периметр на предмет, что утечек нет. Понимаю всеобщее беспокойство — мало ли чего наши наизобретают. Но у нас с защитой все в порядке. А сейчас дай-ка я тебе еще кое-что выдам почитать. На сон грядущий...

Гастон порылся в столе и извлек увесистую папку.

— Я тут в ожидании инспекции техническую документацию подготовил. Можешь посмотреть на досуге.

Я покачала на руках том, распухший от бумаг. Полистаала. Да-а-а... Работой на ночь я обеспечена. Гастон ехидно-понимающе ухмыльнулся.

* * *

Утро следующего дня началось с завтрака в виде блинов, на которые зазвала меня матушка Марфута. «Приходи, доченька. Поедим по-нашему, по-деревенски. Покалякаем», — было написано в письме, принесенном белой птицей.

«Кажется, питание в Тридевятом царстве входит у меня в привычку, — подумала я, собираясь. — Интересно, можно ли назвать это взяткой?.. Если так, то тогда у них здесь что-то нечисто... И я, получается, взяточница? У-у-у-у... Будем лучше считать, что у нас просто дружба».

Анфиса, раскрасневшаяся, румяная — видимо, с самого раннего утра хлопотала у печи, — начала выставлять на стол кушанья. Плошка со сметаной, еще одна — с вареньем, еще — с грибами, чаша с творогом, тарелочка с медом. Кульминацией стало громадное блюдо с горкой румяных круглых блинов. «Впечатляюще!»

— Ну, дитятко, приступай, — скомандовала матушка Марфута, с вожделением глядя на выставленные кушанья. — Давай, не стесняйся, бери прямо ручками.

И сама с удовольствием показала пример. Кушала Управительница так вкусно, что любо-дорого было посмотреть. Скоро губы и щеки ее залоснились от жира, и она время от времени вытирала их даже не салфеткой, а целым полотенцем, выложенным Анфисой. Я старалась не отставать от хозяйки, но не имея большого опыта в поедании блинов в деревенских условиях, угнаться не могла. Но очень старалась.

Когда горка блинов значительно уменьшилась, Управительница решила, что самое время для светской беседы.

— Как тебе, милочка, наши соседushки? Как там у них дела-делишки? Главный-то у них, чистый вампир, а? — матушка Марфута хитро подмигнула.

Я улыбнулась: определение было дано в самую точку. Но ответила нейтрально:

— Смотрю еще, матушка Марфута. Изучаю. Проверка еще не закончена.

— Ну изучай, изучай... Только аккуратненько. Ты ведь девушка хорошая, доверчивая. Наговорят тебе с три короба, а ты и поверишь. Соседи-то у нас, Аленушка, уж больно странные. О-о-очень. И Куратор ихний какой-то неправильный... И помощник его такой же...

— Ну что вы, матушка Марфута! — перебила я хозяйку. — Гастон очень милый. Мне понравился.

— Ах, девонька! Поосторожнее с ним! Он соловушкой-то поет-заливается для отвода глаз. Скрывают они чего-то. Вот попробуй-ка, попроси его башню показать, поглядишь, что ответит.

— Какую башню? — заинтересовалась я.

— Есть у них такая, высоченная. До самого купола. Куратор там частенько бывает. Да все особенно по вечерам. Вот и думаю я, что он с защитой там чего крутит-вертит. Отключает ее, поди, на ночь.

Управительница пригорюнилась, примолкла на секунду и вдруг грохнула кулаком по столу так, что я подпрыгнула от неожиданности:

— А ведь не докажешь! Не пускают они к себе в мир никого из наших, а на башню — тем более!

— А вы пытались? — пробормотала я, опасливо отодвигаясь.

— Да в том-то и дело, что пытались!.. — начала она. И вдруг, прервавшись, умильным голосом обратилась к стряпухе, хлопочущей у печи: — Анфисочка, при-

несла бы ты гостыюшке молочка холодненького из погреба? А то она, поди, не пробовала такого.

Анфиса молча вытерла руки о фартук и вышла в сени. Матушка Марфута подождала, пока за девушкой закроется дверь, и снова обернулась ко мне.

— Ты прости, девонька, что я разбушевалась. Уж больно я переживаю. Вот и Анфисочку лишний раз расстраивать не хочу, она и так грустная все ходит. Пусть уж лучше не слышит... Так вот, о соседях-то наших. Пыталась я с ними поговорить. Пыталась... Да не пустил меня Куратор-то к себе. Делами отговорился. А Гастон, помощник ейный, он такой весь из себя — мягко стелет, да жестко спат. Вывалил ворох слов, будто тряпья бросового, да и выпроводил. А делать-то чегой-то надо... Вот и решил Ванечка — был у нас такой гарный парень, жених Анфисин — помочь мне. Проверить, что у них там творится. Пошел к Гастону, говорит: «А покажите-ка мне вашу башню». Гастон говорит: «Иди к Куратору». Ваня и к Ильмаринену пошел. А тот ему: «Не лезь не в свое дело». А Ванечка тогда: «Вы как хотите, а мы жалобу в ИнтерГалактическую полицию подадим!» Напугался тогда Куратор. «Завтрева, — говорит. — Приходи завтрева, посмотришь башню». А назавтра Ванечка — раз! — и пропал. Был человек — и нету. Исчез.

— Ну, матушка Марфута, какие вы ужасы рассказываете... — озадаченно пробормотала я. — Как пропал? Куда пропал? Может, парень просто уехал.

— Поди и уехал, — покладисто согласилась Управительница. — Письмо, вон, даже невесте написал. Мол, не ищи меня, не судьба нам с тобой, уезжаю.

— Ну вот видите!

— Вижу. Но не верю. Не такой человек Ванечка, чтобы бросить все на полпути да уехать, с невестой не попрощавшись. Вот и думаю, соседи, поди, с ним чего и сделали...

Матушка Марфута расстроено махнула рукой и отвернулась.

У меня в голове крутилась тысяча вопросов, но задать их я не успела. Дверь распахнулась, и в комнату, сильно пригнувшись на входе, шагнул абсолютно незнакомый молодец.

— Доброго денечка честной компании, — громогласно возвестил он. — Примете гостя?

Косая сажень в плечах, светлые волосы стянуты по лбу лентой, голубые глаза, румянец на щеках. До чего ж хорош! И улыбка замечательная — в тридцать два зуба и две зазорные ямочки на щеках. Не ответить на такую невозможно и я, конечно, ответила. А он вдруг приятельски подмигнул мне. Я засмушалась.

— Ооооо! Данимирушка! Заходи, родимый, — обрадованно закудаhtала матушка Марфута. — Садись за стол, откушай с нами. — И, обращаясь ко мне, шепотом добавила: — Это племянничек мой, Данимир. Сироткой с детства остался, так и зовет меня мамкой. Кузнецом он у нас.

— Откушаю, откушаю, матушка, коли приглашаете, — пророкотал Данимир, устраиваясь за столом.

В этот момент в горницу вернулась Анфиса. Чуть споткнулась в дверях, приостановилась, будто решая, заходить или нет. Управительница весело скомандовала:

— Анфисочка, чего же ты? Не стой на пороге. Давай-ка, неси горячих блинчиков, а то Данимирушка уработался весь, умаялся.

Парень одобрительно кивнул. Девушка выставила на стол запотевшую крынку и ушла к печке. Матушка Марфута плеснула молока в глиняную кружку:

— Держи-ка, доченька, испей.

Я сделала глоток. Холодное молоко — аж зубы заломил — оказалось удивительно вкусным. Матушка Марфута довольно улыбнулась. Анфиса между тем унесла полупустую тарелку и вернулась от печки с новой горкой румяных блинов.

— Вот это дело! — довольно пророкотал Данимир, потирая руки. — Вот это попируем!

— Данимирушка, — обратилась матушка Марфута, когда горка уменьшилась вдвое. — Поводи гостью по окрестностям, покажи ей, что у нас тут к чему. Может, по лесу прогуляетесь? К реке выберетесь?

— Отчего ж не прогуляться? Прогуляемся, — добродушно согласился парень. — Только сегодня я на кузне. А завтра — это можно. С большим удовольствием.

У печки что-то загрохотало. Мы оглянулись: Анфиса поднимала с пола чугунную крышку, и глаза ее были испуганными.

— Ну что ты, доченька? Уронила и уронила, с кем не бывает, — поспешила успокоить ее матушка Марфута и снова обернулась ко мне. — Одним словом, на счет завтрава — договорились.

На том и порешили. Честно говоря, я была рада появлению такого обаятельного проводника. «Вот чем черт не шутит, — подумала я мечтательно. — Глядишь, закрутится у нас роман... И поселюсь я здесь, в Тридевятом царстве. Буду возиться на огороде, печь хлеб любимому и шить деткам льняные рубашки...» Впрочем, я тут же одернула себя. Все это глупые фантазии. Не пристало агенту ИнтерГпола вмешивать личные отношения в профессиональную деятельность. Так что буду держаться с Данимиром вежливо и отстраненно, как и подобает агенту при исполнении служебных обязанностей.

По окончании завтрака мы с матушкой Марфутой отправились в обход городка Тридевятого царства. Посмотрели мельницу, хлебопекарню, птичий двор, кружевные и швейные мастерские. Местечко мне нравилось все больше и больше. Мы заходили в дома, разговаривали с людьми. Народ улыбался, кланялся, охотно рассказывал про свое жите-бытье. Открытый мир, приятный. Я бы точно не отказалась в нем пожить.

* * *

Вторая половина дня была отведена на общение с Гастоном из Технологии.

Я появилась в назначенное время, и зал на этот раз не пустовал. В центре его стоял флаер, а около него — Гастон. И — вот неожиданный момент — Куратор собственной персоной. Мужчины о чем-то негромко разговаривали.

— В общем, делай, как я сказал, — вполголоса произнес Ильмаринен. — И поосторожнее.

Гастон серьезно кивнул, открыл рот, собираясь что-то сказать. Но тут Куратор заметил меня и жестом остановил помощника. Гастон оглянулся и расплылся в радушно-приветливой улыбке:

— Доброе утро, госпожа инспектор. Как спалось?

— Доброе, Гастон. Спасибо, хорошо. Доброе утро, Куратор, — поздоровалась я, гадая, о чем это таком важном они тут разговаривали? «Уж не обо мне ли?»

— Приветствую госпожу инспектора. Как вам в наших краях? Есть ли просьбы, пожелания?

По сравнению с первой встречей Куратор был сама любезность. С чего бы это? О чем-то забеспокоился?

— Благодарю, все замечательно. Пожеланий нет, — проинформировала я. И со значением добавила: — Пока.

— Хорошо, — на шпильку Ильмаринен не обратил ни малейшего внимания. — Если возникнут вопросы, вы можете задать их Гастону. Я также в вашем распоряжении. А сейчас желаю приятного осмотра.

Ильмаринен отступил от флаера, прозрачный колпак машины откинулся, и Гастон, приглашающе махнув рукой, весело произнес:

— Ну, госпожа инспектор, устраивайся. Прокачу с ветерком!

Он перестал быть послушным учеником перед строгим учителем, каким я увидела его при входе в зал.

Сейчас он был человеком, отправляющимся на прогулку в приятной компании.

«Как шустро, однако, он сменил стиль поведения», — озадаченно подумала я, усаживаясь на сиденье.

Купол зала начал медленно сдвигаться, открывая небесный простор. Ильмаринен коротко кивнул и отошел в сторону. Флаер неторопливо двинулся вверх, я оглянулась. Ильмаринен махнул рукой: «Счастливого пути!» Станный человек. Непонятный. Нужно будет об этом подумать.

* * *

Осмотр Технологии мы начали с лабораторий. С высоты нашего полета они выглядели разрозненными гнездами неправильной формы и разнообразного размера. Каждое гнездо — отдельная лаборатория со своей системой жизнеобеспечения. Как объяснил Гастон, вход возможен как извне, то есть на флаере, так и из общего зала. Но войти в свое помещение из общего зала могли только сами владельцы, представляющие каждую мелочь в нем. Ведь способ перемещения был тот же, что в Тридевятом царстве: представь то, что нужно, и окажешься там.

Мы осмотрели несколько лабораторий, перелетая на флаере от одной к другой, и они оказались очень хороши. Кто бы ни создавал Технологию, он явно был знатоком. Ведь чтобы создать такой мир и предугадать любые, даже самые странные требования посетителей, нужно знать специфику их работы. То есть быть самому ученым-практиком.

— А чье это творение — Технология? — спросила я сопровождающего.

— Ильмаринена, — как само собой разумеющееся сообщил Гастон. — Он один из лучших фантазийщиков в мире. Это сейчас он практически ушел от дел, а раньше — о-о-о! — чего только не сделано его ру-

ками. Вот погоди, если будет у него хорошее настроение — расскажет.

Я тактично промолчала, но в душе сильно засомневалась. Я не такой уж большой специалист по рукотворным пространствам, но журнал «В мире фантазий» все же выписываю. Если бы Ильмаринена упоминали на его страницах, я бы обязательно запомнила. Может, права матушка Марфута, и соседи ее являются темными личностями, не говорящими ни слова правды? С другой стороны, какой смысл Гастону врать, если обман раскроется сразу же, как я вернусь домой? Над этой дилеммой я ломала голову в течение всего оставшегося времени.

Когда мы двинулись в обратный путь, я вдруг обнаружила упомянутую Управительницей башню. Масивное сооружение, стоящее у дальней стены купола, сильно выбивалось из общего стиля Технологии. Кладка неровных красноватых кирпичей казалась не просто старой, а древней, побитой ветрами, сожженной солнцем. Я в очередной раз поразилась таланту фантазийщика, создававшего здесь реальность. Проработано было все: шероховатость поверхности, неровно-красный цвет и даже ржавчина на железной лестнице, тянущейся по стене вверх. Только вот непонятно, зачем понадобилось создавать древнюю башню посреди мира стекла, металла и новейших материалов?

— Гастон, что это? — махнула я рукой в сторону необычного сооружения. — Зачем она здесь?

— Каприз Ильмаринена, — беззаботно ответил сопровождающий, мельком глянув в указываемом направлении. — Он, бывает, поднимается на нее, оглядывает окрестности. Говорит, что там ему лучше думается. Никаких других функциональных нагрузок она не несет.

— А можем там побывать?

— Зачем? — удивился Гастон. — Там ничего нет. Пустая площадка. А если хочешь посмотреть Технологию сверху, так это без проблем. Сейчас поднимемся выше. Кстати, и периметр заодно облетим. Убедишься, что у нас с защитой все в лучшем виде.

— А может, все-таки на башню? — еще раз переспросила я.

— Слушай, да что там делать? А вот облет вокруг — это интересно. И сетка будет видна. Давай, не пожалеешь.

И Гастон, не ожидая моего ответа, заложил крутой вираж, направляясь к прозрачной стене, окружающей этот своеобразный мир и защищающей от него тот, потусторонний. Я промолчала. Но мысль о том, что пустить меня на башню Гастон не захотел, крутилась, не отставая. «Кстати, а о чем это шептался Ильмаринен с помощником до моего прихода? Уж не давал ли Куратор ценные указания как раз по поводу объектов осмотра? — подумала я. — Если так, то настаивать не стоит. Возможно, будет больше толку, если я все разведу самостоятельно».

Дальнейший осмотр показал, что защитная сетка внешнего периметра на месте. И, насколько я могла видеть, работала она корректно. А вот пообщаться с местными обитателями мне так и не удалось. На мою просьбу Гастон снова повторил, что говорил в прошлый вечер. Ученые — народ закрытый и охотно базируются в Технологии потому, что к ним не пристают с контролем и лишними вопросами. Да и нет смысла это делать. Ведь при том уровне защиты, которым обладает Технология, нанести вред реальному миру практически невозможно.

Я опять задумалась. Рассуждения Гастона были, в общем-то, верными, но вот правдивыми ли?.. В отличие от Управительницы администратор Технологии рекламировал Ильмаринена как величайшего гения и чест-

нейшего человека. Но ведь это его профессиональная обязанность — поддерживать своего работодателя. И вообще, а что, если Гастон за маской хорошего парня что-то скрывает? Уж очень легко он ведет разговор: где надо — уходит от неудобных вопросов, подкидывает безопасные темы для беседы... «Ой, что-то здесь все-таки нечисто. Целый запутанный клубок. Как же мне не хватает опыта! Но конец ниточки все равно надо искать. И начну я, пожалуй, сегодня же вечером. С башни».

* * *

Верхушка массивного сооружения терялась где-то в поднебесье. По поверхности стены, холодной и шершавой, ползла металлическая лестница. «Пожарная, что ли?» — подумала я, касаясь ее. Осторожно покачала, потом основательно потрясла — вроде держится. А все равно страшно. Но надо. Надо проверить, остается ли купольная защита на ночь или ее отключают. И сделать это следует именно сейчас, пока Куратор считает, что я мирно почиваю.

Все, пора. Коре Орват тоже было страшно прыгать с обрыва, когда она расследовала дело о параллельных мирах. А мне даже прыгать не надо, только подняться вверх. Со вздохом я взялась за перекладки и начала длинный подъем. Правая рука — левая нога, левая рука — правая нога. И раз — и два, и раз — и два... «А что, — успокаивая себя, подумала я. — Вроде бы ничего. Получается неплохо, продвигаюсь вперед успешно. Главное — не смотреть вниз». Тут я немедленно посмотрела туда, куда не собиралась, и руки ослабели: внизу чернела бездна. «Не думать, не думать, не думать... И раз — и два, и раз — и два... Кругом темнота, пустота. Я и башня. И я никому не сказала, куда направляюсь... Ой-ой-ой!»

Небо начали затягивать тучи, и ветер стал жестче... «Только не гроза! И раз — и два, и раз — и два...» Ве-

тер крепчал, завывал, пытался оторвать руки от перекладин, пробовал на прочность лестницу... «Долго ли там еще?» Я подняла голову вверх и увидела, что осталось чуть больше половины пути. «Ничего, как-нибудь... И раз — и два...»

Я остановилась, пытаясь перевести дух и передохнуть. Но висеть на такой высоте было тяжело: тянуло руки, кружилась голова. Надо двигаться дальше. Я вздохнула, собираясь продолжить подъем, и тут вдруг из темноты с пронзительным криком вынырнуло нечто. Мазнуло порывом воздуха и исчезло. Я взвизгнула, чуть не выпустив перекладину. «Что это было?!» Оглянулась и увидела черную громадную птицу. Приплюснутая голова на длинной шее, крючковатый клюв и размах крыльев не меньше метра. Прوماхнувшееся чудовище завершило разворот и, угрожающе скрежеща — «Чем, зубами?!» — снова спикировало. Я вжалась в лестницу. Жесткие перья крыла довольно чувствительно чиркнули меня по спине, но мощный загнутый клюв промахнулся.

Отлет и новый заход.

«Боже мой! Чего она хочет?! Как ее отогнать?!» Растрепавшиеся волосы лезли в глаза, уставшие руки дрожали, а ноги то и дело норовили соскочить с перекладин. Птица, злобно разинув клюв, приближалась вновь. В последнюю секунду я успела увернуться от удара. Птица с обиженным клекотом нырнула вниз.

Я попыталась шустро рвануть в противоположную сторону. Но шустро не получалось: руки-ноги дрожали, пальцы готовы были разжаться. Страшилище снова вынырнуло из темноты. «Не удержаться!» И тут снизу долетел новый скрежещущий звук. «Еще одна зверюга?!» Я с ужасом взглянула вниз и чуть не выпустила перекладины от неожиданности: пролетом ниже стоял Куратор, и полы его черного плаща реяли под порывами ветра. «Как он здесь оказался?!»

Ильмаринен снова проскрежетал что-то. Птица, будто наткнувшись на преграду, зависла, хлопая крыльями. Помедлила секунду и бесшумно, словно привидение, исчезла в ночи.

— У нее здесь гнездо неподалеку, — прокричал Куратор. — Вот и сторожит. Очень редкий вид, мы стараемся их не беспокоить.

«Боже мой! Он еще и объясняет! Можно подумать, что вопросы орнитологии волнуют меня сейчас больше всего!»

— Откуда ты узнал, что я здесь?! — пережитый испуг лишил меня всяких политесов, и я немедленно перешла на «ты».

— Может, посмотрел в волшебный шар?

«Издевается! И, вообще, как он попал сюда так быстро? Я-то ползла так долго!»

— Ты что, действительно вампир и умеешь летать?!

Ветер крепчал, лестница подрагивала, а я изо всех сил прижималась к боку башни.

— А почему бы нет? Образ мне нравится... — хмыкнул Куратор. Решительно скомандовал: — Спускаемся!

И двинулся вниз. «Каков нахал! Ни грамма сомнения, что я сделаю так, как он скажет!» И я решительно поползла наверх.

Куратор поднял голову, обнаружил удаляющуюся меня и опешил:

— Ты куда?! Живо вниз! Гроза начинается!

— Нет, — решительно заявила я, продолжая карабкаться вверх.

— Куда тебя несет?! Чего тебе там понадобилось?! — чтобы продолжить беседу, Куратору пришлось двинуться за мной, и, судя по голосу, он был сильно зол. — Чего ради ты полезла сюда ночью?! Или хотя бы другую ночь выбрать не могла?!

Резон в его словах был. Ветер выл, кружил, вился, пытаясь оторвать пальцы от ненадежной опоры. Держаться на лестнице становилось все сложнее.

— Я хочу осмотреть защитную сетку! — раскрыла я цель похода, приостанавливаясь и переводя дух.

— Почему не сказала?! — Ильмаринен, зависший ниже, пытался перекричать бушующую природу. — Гастон бы поднялся с тобой! Я бы поднялся! Есть лифт. Зачем нужно было карабкаться по лестнице?!

«Ага, как же. Кто бы меня пустил? А если бы и пустили, так днем, под присмотром. А про лифт я понятия не имела». Ветер, между тем, стал почти ураганным. Он кружил, хлопал полами черного плаща Ильмаринена и настойчиво отдирал мои руки от опоры.

— Я все равно поднимусь! — мне пришлось кричать во весь голос.

— Идиотка! Поднимемся завтра!

— Сейчас! — и я ползла дальше.

Куратор зашипел сквозь зубы и двинулся за мной.

Как ни странно, но преодоление оставшейся части пути далось мне намного легче, чем первая половина. Осознание того, что я не одна, наполняло уверенностью и вселяло надежду на благополучный исход. «И раз — и два, и раз — и два...»

Наконец, я уцепилась за невысокий парапет, кое-как перевалилась через него и осела на пол небольшой круглой площадки с будкой посередине. «Лифт, что ли?» Над ограждением, как воплощение бушующей ночи, возник темный силуэт Ильмаринена. Летящие полы его плаща здесь, наверху, походили на грозное пиратское знамя.

Куратор встал рядом, насмешливо глянул на меня, спросил:

— Добралась? Довольна? Посмотрела?

Его дыхание даже не сбилось, и голос звучал буднично. «Можно подумать, что он не полз по ненадежной лестнице, а сидел в теплой гостиной у камина». Я подняла голову. Защита была совсем рядом. Светилась и переливалась легкой золотистой па-

утинкой. Я с трудом поднялась, потянулась рукой вверх — по ладони пробежали легкие уколы. Значит, не иллюзия. Моя героически рискованная эскапада оказалась напрасной.

— Убедилась? — ехидно бросил наблюдающий за мной Ильмаринен.

— Да, — я постаралась сохранить остатки собственного достоинства.

— Спускаемся?

— Да.

Налетел особо сильный порыв ветра, башня дрогнула, по небу ярким росчерком пробежал зигзаг. Еще один. И еще. И тут же раздался мощный удар. Вокруг запылало, молнии, рассекая пространство, посыпались одна за другой — началась гроза.

Башня заметно качалась. Небо то вспыхивало так ярко, что становилось больно глазам, то вновь покрывалось непроницаемым мраком. А мы находились в самом центре этого безумия. Надо было убегать, спастись, но я не могла оторваться от зрелища. Переливы света, яркие росчерки молний, безумие ветра!..

— Здорово! — не удержавшись, обернулась я к Ильмаринену. Мне, переполненной восторгом, нужно было с кем-то поделиться.

Куратор хмыкнул, но ответить не успел. Резко, сразу, будто в небесах опрокинули ушат с водой, обрушилась стена ливня. Я, не успев даже ахнуть, мгновенно промокла до нитки. Ильмаринен поступил умнее. Одной рукой распахнул дверь будочки, другой впихнул меня внутрь. И мы оказались в современном, удобном лифте. В зеркальной поверхности стены отразились два человека: величественный Куратор и растрепанная, мокрая я. Двери щелкнули, закрываясь, звуки бушующей природы будто отрезало. Лифт плавно скользнул вниз.

Ильмаринен смотрел на меня с непонятным выражением. Наверное, думал, как его угораздило попасть

в общество такой непутевой девицы. Я почувствовала неловкость. Лихорадочно повела взглядом — зацепки для непринужденного разговора в ограниченной кабине не нашлось. Только зеркала и множась отражения в них: я — Куратор, Куратор — я... Мысли в панике заметались, и, чтобы не молчать, я уже была готова начать болтать любые глупости, когда лифт остановился. Я шустро выскочила наружу. Ильмари-нен шагнул вслед.

— Госпожа инспектор, — тон Куратора, привычно-официальный, отстраненный и высокомерный, заставил меня оглянуться. — К сожалению, уже поздно, и я вынужден покинуть вас. Приношу извинения за причиненные неудобства.

Мазнул взглядом по моей мокрой одежде, растрепанным волосам, залитым краской щекам. Едва заметно усмехнулся и добавил:

— Советую выпить горячего чая.

Изобразил полупоклон и решительным шагом двинулся прочь. А я осталась в растерянности и одиночестве.

* * *

После ночных приключений проснулась я поздно. И утро начала с анализа ситуации. «В Технологии все чисто, защитная сетка имеется, и подозрения матушки Марфуты — ошибка. Ошибка? Или наговор? Был ли смысл Управительнице возводить ложные обвинения? Был — если в ее собственном мире что-то не так. Возможно это? А почему бы и нет. Тогда что? Нужно собрать информацию по Тридевятиному царству. И какие у нас планы? Прогулка с Данимиром. Отлично!»

В кузницу меня охотно проводили местные ребята. Они с удовольствием отвечали на вопросы, рассказывали, какая замечательная у них жизнь и как много интересного встречается в округе.

— А почему кузница на окраине? — спросила я, когда мы подошли к постройке, расположенной чуть в стороне от основного поселка.

— А чтобы на соседние дома искра не попала! — почти хором объяснили детки.

На пороге, видимо, услышав звонкие голоса, возник Данимир.

— А, госпожа инспекторша! Пожаловали? — Доброе утречко, — с улыбкой поздоровался он. — За обещанной прогулкой? Помню-помню. Погоди, сейчас малехонько доделаю, и поедем.

Парень был в толстом кожаном фартуке и с молотом в руке.

— А, поди, посмотреть хочешь? — вдруг предложил кузнец.

— Очень!

Ребятишки вразнобой прокричали: «До свидания!» и рванули обратно в деревню — только босые пятки засверкали. А мы шагнули внутрь кузни.

Помещение оказалось небольшое, с невысоким потолком, таким, что Данимир почти касался его головой. Посредине — пылающая печь. «Горн, наверное?» Рядом — бадья с водой. Что-то типа верстака со странными инструментами. И плоская тумба-подставка. «Наковальня? Интересно, аж жуть! Где, как не в Тридевятом царстве, я смогу еще увидеть такие архаизмы?»

— Что, любопытно? — правильно истолковал мой взгляд Данимир. — Ну, смотри. Расскажу, покажу... Нож, однако, ковать буду. Гляди вот...

Неторопливо рассуждая, он натянул жесткие перчатки, взялся за ручки инструмента, похожего на гигантские щипцы, и вытащил из огня раскаленный докрасна кусок железа, абсолютно не похожий на нож. Положил на наковальню.

— Ишь, красавец какой... Подровняю сейчас... — Данимир взял молот и начал придавать мягкому ме-

таллу нужную форму. — Здесь маленько... и здесь... И вот еще так... А еще так...

Кузнец с легкостью удерживая тяжелый молот, уверенно и точно наносил неспешные удары. Летели яркие искры, а простой кусок заготовки становился вещью, получающей в этот самый миг свое предназначение. Это было странно и удивительно.

— А хочешь сама попробовать? — вдруг обратился ко мне Данимир.

— Разве я смогу?!

Попробовать очень хотелось.

— Почему нет? Бери молот, тиски, — он кивнул на верстак с инструментами. — Тиски — в левую руку, зажимай. Да крепко держи, чтобы не верюхалось. Молот — в правую. Да не этот бери! Поменьше. А с тем ты и сама сверюхнешься. Да погодь-ка еще, я тебе фартук дам. А то попортишь всю одежду.

Он стянул через голову тяжелый кожаный фартук, надел его на меня и заботливо завязал веревочки. Кивнул:

— Ну, сейчас давай. Пробуй.левой рукой держишь, правой — бьешь. Да не забывай поворачивать...

Я попробовала. Молот, несмотря на то, что был раза в три меньше молота Данимира, оказался тяжел. Заготовка вывертывалась и выскальзывала. Но я старалась изо всех сил.

Понаблюдав некоторое время за моими мучениями, учитель с улыбкой предложил:

— Давай-ка я помогу, госпожа инспекторша.

Встал позади, накрыл мои руки своими. Тиски тут же стали послушными, а молот начал взлетать, как перышко.

— А ну-ка, так мы его! Так! — приговаривал Данимир, уверенно управляясь с инструментами. Мне оставалось просто подчиняться, следуя его движениям. — А сейчас — в воду, чтобы остыл. Подержим, и можно доставать...

Движения Данимира были размеренными, а ладони — теплые и сильные — в два раза больше моих.

— Вот и готово, — сообщил кузнец, вынимая нож из бабьи с водой. — Дай-ка я возьму.

Он перехватил клещи, положил изделие на ладонь. Сообщил, любясь:

— Вишь, какой красавец! — И протянул поделку мне. — Держи, госпожа инспекторша. На память о Тридевятом царстве. Заточить, правда, надо еще...

Я осторожно, почти с благоговением взяла. И, правда, на память. Сделанный почти своими руками и при поддержке Данимира...

— Что ты, Данимир, меня все инспекторшей кличешь, — попеняла я. — Меня Алена зовут.

Данимир ласково хмыкнул, переспросил, улыбаясь:

— Аленушка, значит? Что ж, самое подходящее имя для нашей сказки...

Голубые глаза кузнеца вдруг оказались близко-близко. Я замерла, ожидая сама не зная чего. Данимир наклонился... «Ах!..» И тут, прерывая идиллию, скрипнула дверь. Мы, застигнутые врасплох, отпрянули друг от друга и синхронно оглянулись. На пороге застыла Анфиса. Не успели мы вымолвить ни слова, как девушка шустро, будто мышка, шмыгнула обратно. Я с силой потеряла щеки. «Что это было?»

— Данимир, спасибо! Было очень интересно. А насчет прогулки — буду ждать тебя у себя, — скороговоркой протараторила я и быстро выскочила за дверь, будто за мной гнались дикие звери.

На улице дул прохладный ветерок, шелестела молодая листва берез, да густо пах яблоневый цвет. «Что это со мной?» — пробормотала я в растерянности, озадаченно покрутила головой. И увидела поспешно удаляющуюся по тропинке девушку. «А чего это, интересно, Анфиса так быстро сбежала из кузни? Ведь приходила-то она, наверное, по делу? — вдруг озадачилась я. — Не ожидала застать меня у Данимира? Может, краса-

вещь-кузнец нравится ей самой? Ах, нет. У нее ведь есть жених. Пропавший, кстати. Что-то тут нечисто!»

— Анфиса, — крикнула я, бросаясь вслед. — Подожди! Девушка оглянулась через плечо, ускорила шаги.

— Анфиса! Нужно поговорить!

Мне показалось, что она так и не остановится. Но нет, замерла, прижалась к молодой березке, сама такая же худенькая и стройная, как ствол деревца. Я подошла. Не зная, как начать разговор, попыталась подобрать слова:

— Анфиса... Расскажи, как тебе тут живется? Чем ты занимаешься?

— Живется — хорошо. Занимаюсь — стряпучей в хозяйстве Управительницы служу, — девушка, не глядя на меня, водила пальцем по светлому стволу, рисуя невидимые узоры.

— Нравится тебе здесь?

«Ох, как неловко я спрашиваю! Если она здесь, то, наверное, нравится».

— А вам, госпожа инспектор? — девушка, наконец, вскинула глаза, посмотрела в упор.

— Ну, в общем-то, да, — попыталась я сообразить, что бы такое сказать. — Все очень мило. По-домашнему. Люди хорошие. Управительница интересная. Данимир вот...

Глаза девушка сердито сверкнули, она выпустила деревце и решительно заявила:

— Знаете, госпожа инспектор, недосуг мне тут с вами лясы точить, обед пора готовить.

Развернулась и быстро двинулась прочь. А я осталась в растерянности стоять на месте. «Интересно, что ее задело? Странная девушка...»

* * *

Прогулка с Данимиром оказалась замечательной. Если Матушка Марфута показывала мне поселение, то Данимир — красивейшие кусочки природы. При-

чем самым удивительным было то, что в путь мы отправились не пешком, не на флаере, а на лошадях. На лошадях! Я в первый раз видела их так близко, и они мягкими губами осторожно собрали с моей ладони хлеб, припасенный кузнецом.

— Данимир, — засомневалась я, осторожно поглаживая бархатные носы коняшек. — Я никогда не ездила верхом. Они такие большие! Ты уверен, что у меня получится? Я даже не знаю, как на них забираться.

Данимир засмеялся, нагнулся и подхватил меня на руки. Я охнула от неожиданности и тут же оказалась в седле. Это было очень высоко! И страшно! И восхитительно! Данимир легко вскочил верхом сам, подхватил повод моей лошади, и мы двинулись в путь. Шаг лошадок был таким плавным и легким, что через несколько минут, я, поначалу вцепившаяся в луку седла, расслабилась и села удобнее. А потом решила, что ездить верхом не сложнее, чем летать на флаере. Но намного интереснее. А еще через некоторое время я совсем забыла о нашем необычном способе передвижения — ведь Данимир оказался замечательным собеседником.

Парень знал очень много такого, о чем я, житель временного машинного мира, никогда и не слышала. Он рассказывал о лесе, о повадках животных. Учил меня, как нужно ходить, чтобы не хрустнула ни одна веточка, как можно выжить, если вдруг придется оказаться вдалеке от цивилизации. Мы видели гнезда птиц с птенцами. «Не подходи ближе, — говорил сопровождающий, — а то мамочка испугается и не вернется к малышам». Нашли нору лисицы, куда подкрадывались медленно-медленно, чтобы не спугнуть играющих лисят. Остановились на земляничной поляне, и Данимир, собрав полную пригоршню душистых красных ягод, кормил меня ими прямо с ладони.

Мы обошли и объехали множество разных мест и, наконец, выбрались на берег чистой лесной речушки.

Сквозь серебрящуюся воду просвечивал белый песок, стелилась по течению зеленая осока, и время от времени сновали шустрые мальки. На другой стороне стояла одинокая поломанная то ли ураганом, то ли грозой береза. Нижняя часть ствола еще была покрыта белой корой, а верхняя почернела и засохла. Дальше — небольшой лужок, а за ним — темный еловый лес. В отличие от остальных уголков Тридевятого царства был он на удивление мрачным и неприветливым.

— А что там? — спросила я Данимира, кивая на противоположный берег.

— Заколдованный лес.

— О, как интересно! Сходим? — загорелась я.

— Да нет, не радуйся так, — удержал меня Данимир. — На самом деле там ничего заколдованного нет. Название просто для интереса. А так — чаща там густая, пробраться через нее сложно, а потеряться — легко. Смотреть не на что. Метров через пятьсот болото начинается — и все.

Он подумал и вдруг воодушевился:

— А погляди, то ли дело здесь! Зелень, птицы... Скоро мальки вырастут — рыбачить будем! А? Лучше не бывает!

Он вопросительно заглянул мне в глаза, и я, соглашаясь, с удовольствием кивнула. Кругом действительно была красота. Закатное солнце золотило верхушки нежных березок, кокетливо выглядывало сквозь листья. Небо шло легкими переливами, где розовая полоска переходила в красную, красная — в малиновую, малиновая — в фиолетовую — и так без конца. Все смелее и смелее звучали трели вечерних птиц. И воздух блестел от уходящих солнечных лучей.

Я вдруг вспомнила рассказы матушки Марфуты об угрозе, исходящей от Технологии.

— Данимир, а правда, что из-за Технологии местный мир гибнет?

Данимир помолчал, глядя куда-то в сторону дремучего Заколдованного леса. Наконец выговорил:

— Не знаю, что и сказать. Мое дело — кузница, лошади... Я к Технологии близко не езжу, у них там защита поставлена, чтобы никто, значит, не приближался. Но матушка говорит так. А чего же я буду ей перечить? — И вдруг добавил без перехода: — А ты замерзла, поди, Аленушка?

И уж так ласково произнес он мое имя и так внимательно посмотрел, что я зарделась, как девица из сказки.

— Есть немножко, — призналась, поеживаясь и потирая руки, покрытые гусиной кожей.

Легкая вечерняя прохлада уже начала сменять тепло летнего дня, и с реки игриво набегал легкий ветерок. Данимир вздохнул и извлек из седельной сумки плащ.

— Эх, ты, пичуга... — ласково пробормотал он, укутывая меня мягкой тканью. — Замерзла...

Руки Динимира были теплыми. И нежными. «А сейчас для полноты картины он должен меня поцеловать...» — подумала я, закрывая глаза. Но вместо поцелуя вдруг почувствовала, что взлетаю, и снова оказалась на лошади.

— Поедем, однако, — сообщил Данимир, похлопывая коня по крупу. — Вечереет, пора...

«Как же легко он поднимает меня! Просто дух захватывает! — восхитилась я. И философски вывела: — Вот как бы далеко ни ушел наш мир от природы, а все равно нас, женщин, будут приводить в восторг сильные мужчины».

— Данимир, расскажи мне про магию, — полюбопытствовала я по дороге домой. — Есть она у вас?

Тихо шелестели листья на деревьях, едва слышно поскрипывали седла, время от времени фыркали лошади. Было спокойно и здорово. Данимир усмехнулся:

— Есть такое.

— А ты тоже умеешь колдовать?

— Чуть-чуть совсем, — с сожалением сообщил парень. — Царапину залечить смогу. Лучинку зажечь. Ну и так еще по мелочам. Но у нас здесь мало кто колдует — учиться надо долго. И сил много уходит. Вот разве что матушка... Ты ее потом попроси чего показать. Она и тучи умеет разгонять, и дождик собирать. И зерно может заставить расти. И звери ее слушаются. Помню, вышел из леса медведь — да на площадь. А у нас как раз праздник был — наро-о-оду! Все врассыпную, мужики за рогатины схватились. А медведь здоровый — аж жуть! Так матушка одним словом заставила его обратно уйти. Больше не появлялся.

В голосе Данимира звучала гордость. «Здорово, — подумала я. — А сама Управительница говорила, что колдует мало. Из скромности? И вообще! Данимир восхищается матушкой Марфутой. Гастон — Ильмариненом... И как определить, где тут истина?» Я задумалась и дальше, размышляя, ехала молча.

У двери гостевого домика галантный кавалер осторожно снял меня с седла. И, прощаясь, задержал мою руку в своих ладонях:

— До свидания, Аленушка...

«Какой замечательный парень! — подумала я, махая вслед уезжающему принцу. И добавила полушутливо-полунасмешливо: — Главное — не влюбиться».

* * *

Данимир уже скрылся за поворотом, а я все еще стояла на пороге. В опустившихся на город светлых сумерках плыл ставший уже привычным яблочный аромат. Последние краски заката догорали над крышами, и окрестности заполняла ночь. Вечер, да и весь прошедший день были восхитительны. Я грустно вздохнула: «Уже совсем скоро уезжать». И собралась пойти в дом. И в этот момент из-за ближайшего ствола отделилась невысокая хрупкая фигурка.

— Анфиса, что ты здесь делаешь? — удивилась я.

— Я на минутку... Сказать только... — Анфиса, пряча глаза, в нерешительности теребила подол сарафана. — Данимир...

— Что Данимир? Что-то не так? — я попыталась поймать ее взгляд.

— Госпожа инспектор... Вы с Данимиром... Это серьезно? — длинные ресницы взметнулись вверх, во взоре — тревога.

— Он всего лишь показывал мне ваш мир, — я старалась сказать это как можно убедительней.

Девушка смотрела пытливо и недоверчиво.

— Анфиса, он был моим проводником. И все. Что-то случилось?

— Нет, не случилось... — и вдруг, будто решаясь, быстро выговорила: — Госпожа инспектор! Я пришла сказать... Я хотела... Вы должны побывать в Заколдованном лесу!

— А что там, Анфиса? — осторожно спросила я.

— Посмотрите сами и все поймете! Путь начинайте от сломанного дерева на берегу. Я дам вам волшебный клубочек. Идите за ним, он приведет туда, куда нужно. Когда увидите, что деревья начали сохнуть, — это то, что надо. И не говорите Управительнице. И Данимиру не говорите.

В мои руки лег небольшой пушистый шарик. Девушка быстро скользнула за деревья — и нет ее уже, и след простыл.

«Тайны, тайны, тайны...» — подумала я, разглядывая аккуратно смотанную шерстяную нить. То башня, то Заколдованный лес. А срок командировки подходит к концу...»

Я в задумчивости покатила шарик в ладонях — шерстинки чуть покалывали руку — повернулась и... наткнулась прямо на Данимира. От неожиданности я буквально подпрыгнула:

— Ты?! Откуда?!

«Как он здесь оказался?! Ведь он же уехал. А сейчас появился так неслышно! И лошадей уже нет».

— Чего ты перепугалась? — засмеялся парень. — Я вернулся. Хотел спросить, когда ты улетаешь. Если у тебя есть еще день-два, то мы можем съездить к дальним выгонам, там есть табун кобыл с жеребьятами. Я же вижу, что мои коники тебе понравились...

Данимир смотрел спокойно и бесхитростно. Но... «Почему он вдруг вернулся? Ведь мы целый день были вместе, и он имел миллион возможностей задать мне этот вопрос. Видел ли он Анфису? Слышал ли, что она сказала? И он не захотел показать мне Заколдованный лес...»

Решение выплыло внезапно. Раз Анфиса просила никому ничего не сообщать...

— Данимир, я улечу уже сегодня...

— Но как же так? — удивился богатырь. — Так сразу? А инспекция? Ты уже приняла решение?

— Информацию я собрала, а обрабатывать ее будут аналитики ИнтерГпола... Ими же будут выданы предписания и рекомендации. А мне оставаться дольше нет смысла.

— Жаль, — огорчение Данимира было вроде бы искренним. — А я-то думал, что мы еще много чего успеем...

— Может быть, я когда-нибудь еще вернусь...

* * *

Честно сказать, в злой умысел я не очень-то верила, но все же решила действовать так, будто он есть. Упаковала вещи, перетащила во флаер, задала маршрут, и машина, подчиняясь команде, двинулась к джамп-кабине. Я же рассудила, что если внутри куполов действует система, позволяющая по желанию оказываться в нужном месте, то непосредственно рядом она все еще должна работать. И не ошиблась. Флаер на авто-

пилоте двинулся по маршруту, а я благополучно переместилась в помещение гостевого домика.

В Заколдованный лес я отправилась ближе к полуночи, когда уже совсем стемнело. Вообразила место около поломанной березы и оказалась там. Достала из кармана клубочек и, посомневавшись, так-таки вытянула из него ниточку — а вдруг нечаянно потеряется? Опустила проводника на землю и стала ждать. «Наконец-то я увижу действие магии...»

Клубочек лежал, я стояла. Из леса на противоположном берегу доносился противный крик какой-то ночной птицы. Время от времени плескалась рыба в реке. И больше ничего. Я чувствовала себя довольно глупо. «Чего я жду? Что клубочек побежит? А если Анфиса просто пошутила и, может быть, сейчас половина населения Тридевятого царства весело хихикает в кустах, разглядывая инспекторшу, мающую под березой с ниткой в руках. Глупо. И даже возвращаться, после того как я «улетела», тоже глупо. Что же мне делать? Идти с повинной к матушке Марфуте? А ведь она говорила, что я слишком доверчивая. Зря Анфисе поверила...» Только я успела так подумать, как клубочек шевельнулся, качнулся, чуть подпрыгнул и неспешно покатился вперед. «О-о-о! Магия!!!» Я будто на поводке двинулась вслед за маленьким, почти не заметным в траве проводником, который катился вроде бы по земле и в то же время как-то над ней, легко обходя кочки и ямки. Мне приходилось сложнее, но я старалась.

Мы быстро миновали луг и вступили в тень Заколдованного леса. По коже побежали мурашки — то ли от ночной прохлады, то ли от волнения, и я с трепетом взглядела в чащу: «Что-то меня ждет?» Ничего особенного, однако, не обнаружилось. Луна освещала чуть заметную лесную тропинку, окруженную разлапистыми елями. «Раз есть тропинка, значит, кто-то здесь ходит, — приободрилась я. — Ничего!

Смогла же забраться на башню Технологии. Надеюсь, и здесь не оплошаю. Чего страшного прогуляться по лесу? Да это мне раз плюнуть!»

Клубочек резво подпрыгивал, будто был не шерстяной, а резиновый. Послушно приостанавливался и ожидал, если я отставала. Случалось это все чаще и чаще, поскольку с каждым шагом путь становился все более сложным. Молодые елочки постепенно сменились крупными деревьями. Ветки их цеплялись за одежду, царапали руки, мешали пройти. Трава исчезла, и под ногами сухо захрустел мох. Появился бурелом. Наткнувшись на упавшие стволы, клубочек, не затрудняясь обходом, перепрыгивал их. А я, удерживая в руках рвущуюся нить, или карабкалась наверх завала, или на четвереньках проползала снизу. А если учесть, что все это происходило ночью, в неровном свете луны, путь которому преграждали верхушки елей-великанов... «Ужас! — я продиралась сквозь колючки, преодолевала препятствия и на чем свет стоит ругала Анфису. — Зачем было отправлять меня в такое место? Можно было просто объяснить, в чем дело, не гнать меня в эти дебри!!!»

Увлеченная формулировкой претензий, я не сразу обратила внимание на то, что лес понемногу начал превращаться в сухостой. То там, то тут обнаруживались наполовину мертвые деревья: засохшие нижние ветки и редкая зелень на верхушке. «Помнится, Анфиса говорила, что когда начнут встречаться сухие деревья...» Додумать мысль я не успела. Как-то совсем неожиданно лес расступился, и в образовавшемся просвете блеснула поверхность воды. Озеро. Небольшое, круглое, окруженное стройными ивами, залитое колдовским светом луны.

Клубочек вдруг дернулся, подпрыгнул и рассыпался серым пеплом, будто его и не было. «Выполнил свое предназначение?» Я стряхнула с пальцев пыль

от нити и залюбовалась открывшейся картиной. По поверхности воды к моим ногам тянулась серебристая дорожка, проложенная в темном отражении опрокинутого леса. При малейшем дуновении ветерка она покрывалась легкой рябью, оживала. А листья ив начинали нежно шелестеть, будто перешептываясь между собой. «Красиво... — подумала я. — Но непонятно. Что именно хотела показать Анфиса?»

Озеро было неглубоким, и сквозь плывущий рисунки леса довольно ясно просвечивало дно. У берега было видно каждую песчинку, а чуть глубже начинались густые заросли водорослей, в которых... «Что это?!» На озерном дне, окруженные колышущимися нитями, лежали люди. Мужчины, женщины... Руки вытянуты вдоль тела, а лица так спокойны, что если бы не слой воды, можно было подумать, что они просто спят. «Что с ними? Как они тут оказались? Утонули? Так массово?!»

Заросли водорослей покачивались, то пряча людей, то вновь открывая. Молодая девушка в белом платье... Пожилой мужчина с седой шевелюрой... Светловолосый парень... Женщина в расшитом сарафане... Несмотря на рябь, бегущую по воде, одежда людей оставалась застывшей, как их тела и лица. «Как такое может быть?!»

Я переводила взгляд с одного человека на другого, и постепенно до меня начало доходить, что каждый лежит не просто на дне озера, а в окружении некой прозрачной субстанции, не пропускающей воду. Что за жуткое воплощение сказки о мертвой царевне и ее хрустальном гробе!

«Что это? Для чего это? — мои мысли в поисках ответа скакали словно белки. И вдруг резко, неожиданно пришло осознание. — Сбор энергии — вот это что! Люди живы, но без сознания. А потому не могут оказать сопротивления. Очень удобно, очень эффективно и... ужасно».

Фантазийные миры убаживают посетителей, предлагают им разные развлечения и забавы для того, чтобы вызвать эмоциональный отклик и тем самым увеличить приток психэнергии. Однако восхитить, поразить воображение современного избалованного человека довольно сложно и тем более удержать его внимание надолго. Как только новизна впечатлений теряется, падает энергетическая отдача. Однако если погрузить человека в статис — в состояние полусна-полуяви, в котором он не может сопротивляться энергетической откатке, то его можно выжать практически досуха.

«Но кто мог организовать это кошмарное производство? Кто мог додуматься до такого? Нужно немедленно сообщить. Но кому?! Тут требуется команда медиков, парапсихологов. И срочно! Что же делать?! Кого звать?! Найду ли я обратную дорогу через лес? Могу ли я уйти, оставив здесь людей?..»

Я заметалась по берегу.

* * *

Я разрывалась между желанием немедленно бежать к людям прямо через темный незнакомый лес и рациональной мыслью дожидаться утра здесь, на озере, когда у кромки леса хрустнула ветка, и надтреснутый голос ворчливо произнес:

— Разведала так-таки, проныра!

Я резко обернулась и обнаружила на опушке леса матушку Марфуту. Рядом, держа под уздцы двух коней, стоял Данимир. Управительница смотрела грустно и с укоризной.

— Матушка Марфута?! Что это? Кто это сделал?

Управительница печально вздохнула, обреченно пожала плечами:

— Я это, касаточка...

Мои глаза распахнулись от ужаса:

— Но... Как же так?

«Как же так?! Матушка Марфута?... Но почему? За-чем? Не может быть!»

— И чего тебе, беспутой, спокойно не сиделось? — продолжала между тем Управительница ворчливо. — Уж все для тебя сделала, аж парня гарного нашла. Ан, нет. Нейметса ей! Глядишь, летела бы сейчас домой и в ус не дула, а тут на тебе...

«Боже мой! Какой кошмар! А ведь она мне так нравилась!»

— Ваши действия незаконны, — дрожащим голосом произнесла я, пытаюсь сообразить, что же мне сейчас делать. — Если вы признаете свою вину, то наказание может быть смягчено.

— Ну что ты, милочка. Зачем мне наказание? Я улетаю скоро... Буду жить припеваючи, при такой-то денежке. Так что надо мне, чтобы все было шито-крыто. А посему придется тебе, деточка, к ним присоседиться, — и матушка Марфута кивнула в сторону озера.

Я с ужасом посмотрела на застывшие тела, покоящиеся в прозрачных гробах. «Нет!!!»

— У вас ничего не выйдет! — отчаянно выкрикнула я. — Я агент ИнтерГпола! Меня будут искать!

— Выйдет, золотая моя. Ты сама все подготовила: сообщение о возврате отправила, флаер твой от нас вылетел... Так что здесь тебя искать не будут. Исчезла во время перехода, и все дела.

Тут Управительница взмахнула рукой, и я почувствовала, как что-то совсем невесомое, будто легкий шелк, падает на плечи. Вдруг очень сильно захотелось спать... Спать-спать-спать... Матушка Марфута смотрела, усмехаясь.

— Данимир, — отчаянно позвала я, стараясь преодолеть наваливающееся, будто пуховое одеяло, безразличие. — Помоги!

— Мамаша, может, не надо? Все-таки агент... — баском протянул богатырь.

— Заткнись, — ласково посоветовала матушка.

— Прости, Аленушка, но я пас, — с сожалением сообщил парень, глядя грустными телячьими глазами. — Я против мамаша не пойду. Мамаша, я подожду в лесу, не могу я на это смотреть...

— Ох ты, чувствительный какой! — проворчала Управительница. — Ну иди, стой в сторонке. Я сейчас, быстро...

Данимир развернулся и тяжелой поступью двинулся прочь. Сухие ветки захрустели под копытами неспешно бредущих за ним коней. Хвосты мирно покачивались из стороны в сторону. Ну конечно, чего лошадам волноваться — не их ведь собираются запихать в воду!

Я с отчаянием смотрела вслед удаляющейся группе. «Сто-о-ойте! Пожалуйста!» Будто услышав мой мысленный призыв, Данимир приостановился, нерешительно оглянулся. «Ура! Он поможет!» Надежда на счастливый финал возродилась птицей феникс.

«Гарный парень» грустно вздохнул, виновато выговорил:

— Жаль, что так получилось, Аленушка...

И ветки с шорохом сомкнулись за его спиной. Последними исчезли покачивающиеся лошадиные хвосты.

— Данимир всегда был послушным мальчиком, — захихикала Управительница, глядя на мое ошеломленное лицо.

Воздух вокруг начал быстро густеть. Я, почувствовав это, отчаянно задергалась.

— Лучше не рыпайся, милочка, — ласково посоветовала матушка Марфута. — Мои чары крепкие. Смирись, тебе же легче будет.

«Не хочу оставаться здесь! Не хочу-у-у-у!!!» Я задергалась сильнее.

— Ой, неугомонная, — осуждающе покачала головой Управительница.

Вверху вдруг что-то затрещало, посыпалась труха, и на поляну, тяжело хлопая крыльями и обламывая

ближайшие ветки, опустилась громадная черная птица. Такая же, как та, что нападала на меня на башне Технологии. «Или та же самая?»

Птица отряхнулась, pokrutila грифьей головой. Покосилась на меня, потом обернулась к матушке Марфуте.

— Ах ты, незадача! Ты-то откуда взялась? — злобно прошипела ведьма, с ненавистью глядя на пришельцу. — Прости, Аленушка, придется тебе чутьок подождать.

Управительница резко тряхнула кистями рук — посыпались искры. Птица чуть попятилась, недовольно заклекотала. Колдунья, внимательно глядя на зверюгу, начала делать медленные вращательные движения, и между ее ладонями вдруг появился небольшой розоватый шарик. На глазах подросток, увеличился, засветился тревожным малиновым цветом...

— Ну, золотко, держись! — ведьма старательно прицелилась и с силой швырнула заряд.

Птица — даром что выглядела тяжеленной — подпрыгнула почти на метр. Мох задымился и обуглился. Птица распахнула крылья, вытянула плоскую голову и попыталась спикировать на Управительницу. Ведьма пригнулась, и когти щелкнули впустую.

Управительница, бормоча что-то вполголоса, начала скатывать новый заряд. Но птица принимать бой не пожелала. Тяжело хлопая крыльями, она концентрическими кругами пошла вверх, и вскоре ее бесформенно-растрепанный силуэт исчез за кронами деревьев.

— Полетела докладывать. Ну и пусть, все равно не успеет, — проворчала ведьма и снова обернулась ко мне. — Что ж, милочка, пора заканчивать. Ты уж прости меня, старую, за задержку.

Я стояла неподвижной куклой. Вместе с птицей улетела моя последняя надежда на спасение.

Управительница, явно собираясь сделать что-то нехорошее, взмахнула руками. Но ее снова прервали.

— А меня поразвлечься не пригласят? — произнес насмешливый голос.

Матушка Марфута подскочила как ужаленная. Я, насколько могла, скосила глаза. На краю поляны, у самой границы зарослей, стоял Ильмаринен. В своем черном плаще-балахоне он как никогда был похож на мрачного вампира, самовольно прибывшего на ночную мессу, о которой ему по какому-то недоразумению не сообщили.

— Явился не запылится... — злобно проскрежетала Управительница.

«Что он здесь делает? Как здесь оказался? Ведь купол непроницаем для всех, кроме его жителей. И приглашенных гостей. Его зовала Управительница? Они участвуют во всем этом вместе?!»

— Не вмешивайся, Ильмаринен. Тебе же хуже будет. Али не помнишь прошлого раза? — прошипела колдунья.

— Не стоило тебе это все затевать, ведьма, — спокойно проговорил Куратор.

— Ишь ты, поди ж ты, какой умный выискался. Ну так пеняй на себя!

Управительница сделала резкий взмах, и шквал огня полетел в сторону Ильмаринена. Тот резко вскинул руки в отторгающем жесте. Пламя, наткнувшись на невидимую преграду, растеклось по ней горячей пеленой. Ильмаринен навалился на огненную стену, и она чуть-чуть подалась. Миллиметр, еще... Ильмаринен давил, давил и давил. И пламя не устояло, дрогнуло, качнулось и покатилося в обратную сторону. И обрушилось на Управительницу, успевшую только прикрыть лицо локтем. Фигура колдуньи на мгновение вспыхнула, будто факел, а потом огонь рассыпался и искрами стек на землю.

— Научился, значит? А как тебе это? — прошипела ведьма, отряхиваясь. И зычно рявкнула: — Замри!!!

Лес вздрогнул и замер. Окаменели деревья, притих ветер, полегла осока на озере. Я, и так стоявшая без

движения, почувствовала, как что-то с силой пригибает меня к земле. Но главный удар пришелся на Ильмаринена. Видно было, что он сопротивляется изо всех сил, но огромная тяжесть заставляет его склоняться все ниже и ниже.

— Что? Съел?! — с триумфом захохотала колдунья, хлопнула в ладоши, и в воздухе возникло сверкающее полотно. По тонким нитям перебежали, переливаясь, сине-фиолетовые огоньки.

Ткань неторопливо поплыла к Куратору. Вот она добралась до цели, на секунду зависла и начала опускаться на ссутуленную фигуру. Ильмаринен, согнутый в три погибели, попытался схватить опускающееся покрывало. То, будто живое, увернулось. Ильмаринен повторил попытку, и край оказался у него в руках. Полотно затрепыхалось. Лицо Куратора исказилось от боли, но пальцев он не разжал, а, наоборот, потянул материю на себя. Он мял, скручивал, сворачивал ее, превращая в большой сверкающий комок. Потом размахнулся и резко бросил получившийся шар вверх. Скомканная ткань начала расправляться, меняя цвет и фактуру. И, упавшая обратно, была уже не фиолетовой, а ярко-желтой, почти золотой. Ильмаринен встряхнул ее, и она, стремительно удлиняясь, полетела в сторону Управительницы.

Матушка Марфута чиркнула ребром ладони, и ровный обрезанный кусок упал к ее ногам. Второй взмах — и еще один обрывок золота полетел на землю. Потом еще один. И еще. Но ткань все вытягивалась, не кончаясь. Конец ее нежно коснулся рук женщины, змеей скользнул вокруг запястий. Колдунья вздрогнула, но сделать ничего не успела — ползучая ткань начала пеленать, закутывать, заворачивать. Очень быстро на месте волшебницы возник золотистый шевелящийся кокон, из которого торчала одна злобно шипящая голова. Вот ткань легла вуалью на лицо, и шипенье притихло. Из-под прозрачной пелены продолжали злобно сверкать глаза проигравшей.

«Ничего себе — магии чуть-чуть, — ошарашенно подумала я. — Сейчас самое время потерять сознание». Но сознание, видимо, имело на этот счет собственное мнение, и теряться не пожелало.

* * *

Ильмаринен, двигаясь чуть скованно, шагнул к спеленатой ведьме. Убедился в надежности пут, направился ко мне. Повел рукой, ощупывая пространство, щелкнул пальцами. Раздался легкий звон, как от осыпающегося стекла, и я, неожиданно извлеченная от ловушки, осела на землю. Ильмаринен протянул мне руку, рывком поднял на ноги, так, что я почти уткнулась в него, шепнул:

— Привет, принцесса!

Нагнулся и... поцеловал. Голова закружилась, каруселью завертелся лес... «Кто бы мог подумать, что этот холодный насмешливый вампирище так замечательно целуется?!» А потом я пришла в себя, рванулась, отскочила:

— Ты что?! Что ты делаешь?!

— Спокойно, спокойно, — засмеялся Ильмаринен. — Тебе что, в детстве сказок не читали? Так полагается. Уж если разбудил спящую красавицу — надо поцеловать. Иначе волшебство не закрепится.

Я засомневалась: «Может, правда?..»

— Правда, — подтвердил он, улыбаясь. — Ничего личного. У заклинаний свои законы.

Я смутилась. «Ой-ой-ой! Как неудобно! Человек старался, спасал меня, а я на него накинулась... А все-таки жаль, что ничего личного...»

— Как у тебя вообще получилось с колдовством?! — спросила я, стараясь спрятать за возмущением разочарование. — Это же не твой профиль.

— Грош была бы мне цена, если бы я не знал законы собственного мира, — усмехнулся Куратор.

— Что значит — собственного? — не поняла я.

- Тридевятое царство — мой мир. Как и Технология.
- Твой? Как твой? Оба мира твои?! Что это значит?
- Я их создал. Я ими владею.

Я с сомнением взгляделась в лицо собеседника, ища признаки шутки. И не нашла.

— Но как же так? — попыталась разобраться я. — Миры такие разные, непохожие... И замечательный дизайн... Это все делал очень хороший фантазийщик... И это ты?.. Не может быть!

— Спасибо на добром слове, — усмехнулся Куратор.

— Ильмаринен, кто ты? — потребовала я объяснений.

Лицо Куратора вдруг наполнилось торжественностью, он возвел очи к небу, воздел руки в торжественном жесте и заговорил замогильным голосом:

— Знай же, юная дева! Ты разговариваешь не с простым смертным! — он сделал паузу и посмотрел со значением. Я напряглась. — Я... являюсь... представителем... великой расы надиров!!!

На последнем слове Ильмаринена резкий порыв ветра качнул траву, гладь озера задрожала, а по ветвям деревьев прошел трепет.

— Кто это?! — пролепетала я, чувствуя, что кровь отликает от лица. «Что же у них тут творится, а?! Куда я попала?! Ничего себе — инспекция в виде каникул!»

— Как, несчастная! Ты не знаешь нашу расу?! — Ильмаринен взвыл фальцетом. Верхнюю ноту зашкалило. Куратор откашлялся, покосился на мое потрясенное лицо и вдруг, не выдержав, согнулся пополам и начал хохотать.

— Что?! — возопила я.

— О-о-о! Госпожа инспектор! — простонал Ильмаринен, корчась от хохота. — Ну нельзя же быть такой доверчивой!

Я стояла, пытаюсь сообразить, что мне делать: то ли начать смеяться вместе с Куратором, то ли делать ноги, пока еще не поздно. Ильмаринен вытер выступившие на глазах слезы, махнул рукой:

— Ну, извини. Не удержался. Больше не буду. Давай представляюсь по всей форме, — сделал серьезное лицо и сообщил: — Я — Илья Ольшанский.

Мои глаза и рот распахнулись от удивления:

— Кто-о-о?!

Ольшанский — один из лучших фантазийных дизайнеров. Владелец Корпорации, в состав которой входит более сотни миров. Живая легенда. И здесь, на задворках Галактики, в темном лесу, в нелепой одежде?

— Это что? Опять шуточка?! — с угрозой в голосе спросила я.

— Нет, это правда, — серьезно ответил собеседник.

— И что ты здесь делаешь? — язвительно уточнила я.

— Живу, — просто ответил Ильмаринен. — Эти миры — мои первые проекты. Они не входят в Корпорацию, и мало кто знает, что они принадлежат мне лично. Тридевятое царство — моя сказка детства, и я до сих пор ее очень люблю. А Технология — замечательный полигон. Когда в Корпорацию поступают заказы на создание мира с особыми параметрами, то проведение испытаний в местных лабораториях — это то, что нужно.

— Но если ты тут хозяин, — медленно начала я, вспомнив, что я здесь не просто так, а при исполнении, — будь добр, объясни мне, что тут творится.

— Вот это самое сложное... — собеседник качнулся с пятки на носок, вздохнул. — Понимаешь, эти миры для меня — не способ заработка. Мне просто нравится здесь жить, творить. Потому, чтобы не тратить время на административные дела, я нанял управляющих.

— То есть Гастона и матушку Марфуту? — уточнила я.

— Да. Но, в отличие от Гастона, собеседование с будущей Управительницей проводил не я. И матушка Марфута даже не подозревала, кто именно ее нанимает. Да вообще не знала, что я имею какое-то отношение к Тридевятому царству. Думала: «Сосед, владелец

небольшого мирка». Технология ведь не переполнена посетителями, уж слишком она специфична. Ну, ты сама видела.

— Ага, — я кивнула.

— Я некоторое время понаблюдал за работой матушки Марфуты, увидел, что у нее все нормально, порадовался удачной находке сотрудника и со спокойной душой занялся собственными делами. И, наверное, еще долго не понимал бы, что творится что-то неладное, если бы Управительница вдруг не собралась расширить бизнес. Причем за счет Технологии.

Пока Ильмаринен рассказывал, тьму вокруг острожно начал сменять рассвет. Посветлело небо, за деревьями показался розовый краешек зари, начали просыпаться и подавать голос утренние птахи. «Как же долго длилась эта ночь...»

— Совсем недавно матушка Марфута вдруг зазвала меня на встречу, — продолжал Ильмаринен. — Кружила вокруг да около. Что-то выпытывала и выспрашивала. И, наконец, попросила уступить ей Технологию. Я удивился. И, естественно, отказался. Она начала давить. Пригрозила, что спокойного житья здесь не будет, сказала, что использует против меня магию. Я посмеялся и — вот глупость-то! — решил потрянуть стариной, показать мастер-класс по колдовству. И чуть было не попался: Управительница оказалась очень сильна, а я еле унес ноги. Наверное, если бы не сбежал вовремя, лежал бы сейчас вместе со всеми.

Мы одновременно оглянулись. Сейчас озеро, открытое легкими красками рассвета, выглядело спокойным и безопасным.

— Однако тогда я еще не знал, что все так серьезно, — повинился Ильмаринен. — Но все же решил заручиться официальной поддержкой — связался с ИнтерГполом, не объясняя причин попросил перенести плановую проверку Технологии и Тридевятого царства

на более ранний срок. Подумал: «Объясню все проверяющему прямо на месте». И тут случился сюрприз — вместо штатного агента приехала ты. Стажер. Без опыта работы. Молоденькая хорошенькая девушка.

Я задумалась: то ли обидеться на «молоденькую», то ли порадоваться «хорошенькой».

— Я уже собрался потребовать, чтобы тебя отозвали, но передумал. Комиссар Милодар, которого я знаю лично, обычно ничего не делает просто так. И я подумал, что, возможно, у него были причины отправить именно тебя. Так и оказалось. Ты так непосредственно на все реагировала, что Управительница сильно расслабилась, уверилась, что обведет тебя вокруг пальца. А я решил посмотреть, что будет. И вот... — он виновато развел руками. — Чуть не опоздал...

— Хорошо, что ты успел... — с чувством произнесла я и попыталась свести концы с концами. — Что же тогда получается... Местные жители все знали и помогали матушке Марфуте?

— Не думаю. В большинстве своем они милые старомодные романтики. А если кто-то начинал подозревать чего-то неладное, то быстренько исчезал в озере. Или Управительница находила другой способ подчинения. Как с Анфисой, например. Вероятно, девушка о многом догадывалась, но не решалась что-то сделать. Боялась навредить Данимиру.

— Ох, Ильмаринен! — вдруг всполошилась я. — Данимир был здесь! Он и сейчас, наверное, еще здесь!

— Знаю. Я усыпил его. Утром очнется.

— И что же с ним будет? С ним и с матушкой Марфутой?

— Матушка Марфута подождет прибытия полицейских из ИнтерГпола. В том виде, в каком есть, — мы посмотрели на неподвижный золотистый кокон. — А с Данимиром... Надеюсь, нам удастся с его помощью поймать всю цепочку нелегального сбыта энергии. Попросим его изобразить преемника Управительницы...

— Но он же так к ней привязан... Согласится ли он помогать? Ведь она все-таки его приемная мать...

— Да нет, — досадливо возразил Ильмаринен. — Никакая она ему не мать. Данимир подчинился под влиянием магии. А родственными связями легче было объяснить людям его послушание. Сейчас, когда заклятие снято, все вернется на круги своя. Данимир ведь действительно славный парень. Ему бы жену хорошую... Надеюсь, Анфиса станет таковой.

— Анфиса?! — удивилась я.

— А ты не заметила? Любит она его.

— Да?! А Ванечка?

— Какой Ванечка? — не меньше моего изумился Ильмаринен.

— Ну, жених Анфисы. Который хотел посмотреть башню и пропал... — с каждым словом я чувствовала себя все менее уверенно. Я вспомнила странное поведение девушки, ее взгляды, когда она заставляла меня наедине с Данимиром. И мне стало жутко неудобно. Фу, госпожа инспектор! «Ну почему я верю абсолютно всему, что мне говорят?!»

— А что же сейчас будет с заколдованными?.. — поспешила я задать следующий вопрос.

— После нейтрализации колдуна чары должны сами рассеяться. Постепенно. Но я надеюсь, что смогу ускорить этот процесс. Попробую разбудить их завтра.

— Ой! — вдруг сообразила я. — И тебе сейчас придется всех целовать?!

Я представила, как Ильмаринену каждые две минуты подносят новое заколдованное тело, а он, не разгибаясь, целует, целует, целует... Или, может, он пригласит помощников, раз одному в этой ситуации не управиться? Как-то это все странно будет выглядеть... И опять же, среди заколдованных есть и мужчины... Что делать с ними? Тоже целовать? Или для этой цели Ильмаринен найдет девушек?.. Я так стара-

тельно ушла в разработку вариантов спасения спящих людей, что не сразу заметила, что Куратор улыбается.

— Что? — возмутилась я.

— Ох, Аленушка, какая же ты все-таки доверчивая! — засмеялся он.

— Так что, заколдованных целовать необязательно?!

— Ах, милая девушка... — покачал головой он. — Твоя наивность просто напрашивалась на то, чтобы испытать ее пределы. Я просто не мог упустить такой случай.

«Да как он мог?! Воспользовался ситуацией, моей растерянностью... Но ведь это значит, что он поцеловал меня все-таки не по долгу службы, а по собственному почину? Из личных побуждений?.. Да как он посмел?!»

Я открыла рот, чтобы высказать ему все. Все, абсолютно все!.. Но он прижал палец к моим губам:

— Тсс... Тише, не сердись. Все уже позади...

— Ты самый невозможный человек на свете! — воскликнула я, отпрыгивая в сторону. — Ты... Ты... — И, не зная, к чему бы еще придраться, прицепилась к самому очевидному. — Вот зачем, скажи, тебе, серьезному человеку, этот ужасный наряд? Ты выглядишь в нем вурдалаком, восставшим из могилы!

— Вурдалак — это из другой оперы, — усмехнулся Ильмаринен. — А одежда такая потому, что она мне нравится.

Он сделал паузу и, серьезно глядя мне в глаза, добавил.

— Я вообще всегда делаю только то, что мне нравится. Понимаешь?

* * *

Флаер взлетел, и внизу остались маленькие фигурки провожающих. Гастон, Анфиса, даже Данимир... Не было только Ильмаринена. Ну, что поделаешь, Куратор очень занят. Подготовка к визиту полиции, сле-

дователей... Что ему какая-то молодая агентша-стажер с ограниченным кругом полномочий?

Флаер набирал высоту, и исчезали в туманной дали башенки Тридевятого царства, хитрые переплетения коммуникаций Технологии. И где-то там остался загадочный человек в черном плаще, которого я больше уже никогда не увижу. Волшебное путешествие подошло к концу и, вероятно, совсем скоро два прекрасных мира исчезнут из памяти, растворятся среди других воспоминаний. Жаль...

Внизу раскинули крылья зеленые поля, разделенные серой выющейся лентой. Все так же, как в день моего появления здесь. И в то же время все совсем не так. Вперед я летела в предвкушении сказки, а сейчас покидаю этот мир навсегда. Грустно...

— Ах, господин Куратор... Создатель... — задумчиво произнесла я вслух. — А я ведь так и не спросила, для чего же здесь нужна дорога...

— Для антуража, госпожа инспектор, — раздался из переговорного устройства насмешливый голос.

— Ильмаринен?!

— Он самый.

— Ты что, сидишь у аппарата и ожидаешь, не скажу ли я чего-нибудь? — удивилась я.

— Да нет. Просто решил быть вежливым и проводить дорогую гостью.

Я оглянулась — мою легкую машинку нагонял мощный черный флаер. Вот мы пошли параллельным курсом, и стеклянный колпак соседа пополз в сторону. Я тоже опустила стекло, и ветер радостно взбил мои волосы.

— Дай, думаю, доведу до места. А то мало ли чего... — крикнул Ильмаринен, улыбаясь.

Мои губы начали расплзаться в ответной улыбке, а на душе стало радостно и пушисто...

АНДРЕЙ ЩЕРБАК-ЖУКОВ
КАК ЭТО БЫЛО
И КАК МОГЛО БЫ БЫТЬ

Именно случайности, большей частью невероятные, правят нашей жизнью.

Кир Булычев

Мир без Кира Булычева
(вместо предисловия)

ощущение это пришло не сразу. Прошло уже несколько дней... Видимо, оно должно было вызреть, как-то сформироваться. Это была не грусть. И не скорбь. Ближе всего это ощущение было к отчаянию.

Я пришел вечером домой, сел на край дивана и задался вопросом: как можно жить в мире, где больше нет Кира Булычева? Я не могу похвастаться тем, что очень часто общался с ним. Хотя я знал, что могу позвонить в любой момент, последние несколько лет, кроме домашнего телефона Игоря Всеволодовича, у меня был и телефон мастерской, где он работал днями и который давался далеко не всем. Просто я знал о том, насколько занятой он человек, и чувствовал себя не вправе лишний раз отвлекать его — вдруг именно в этот момент он пишет какой-нибудь новый рассказ. Я хорошо помню, как Игорь Всеволодович почти по-детски жаловался на то, что его опять настоятельно зовут куда-то встречаться с детьми и что он и отказаться не может и очень жалеет о времени, которое будет потеряно, и силах, которые будут затрачены... Поэто-

му общение происходило в основном на каких-то семинарах или конвентах. Впрочем, и там не хотелось особенно досаждать ему. Да и какая разница, как часто мы встречались, — ведь все годы своей жизни я знал, что есть Кир Булычев, ученый, прозаик, киносценарист, человек большого интеллекта и эрудиции, а самое главное — огромной порядочности и такта. Если к кому-то из наших современников применимо определение «человек эпохи Возрождения», то именно к нему. Если бы мне в школьные годы пришлось писать сочинение на тему: «С кого я хотел бы брать в жизни пример», я бы написал о нем. В то время меня привлекала его разноплановость и нежелание останавливаться на чем-то одном: успешный переводчик становится ученым, благополучный ученый начинает писать фантастическую прозу, популярный писатель-фантаст начинает работать для кино...

Для людей моего поколения Кир Булычев был ни с чем не сравнимой фигурой — казалось, он был всегда и везде! Одно из первых воспоминаний — 1979 год, «Звездолет на Вяте». Книг в те времена было мало. Особенно интересных. Особенно в провинции — свое детство я провел в Краснодаре. К тому же на его окраине, откуда до ближайшей серьезной библиотеки нужно было ехать не меньше часа. Поэтому я старался как можно больше всего выписывать — газеты, журналы. Без «Пионерской правды» тогда было нельзя — квитанция о подписке служила пропуском в школу. Но какой материал из тех времен удастся вспомнить сейчас, через четверть века? А я помню, хоть и не перечитывал с тех пор: «Пароль — Чарльз Диккенс, ответ — Оливер Твист». Таким образом герои повести «Звездолет на Вяте» спасались от козней пришельцев, которые умели принимать их вид. Книга «Приключения Оливера Твиста», надо сказать, у меня появилась намного позже — тогда же

эти два сочетания слов для меня были подобны тайному коду, расшифровать который мне удалось лишь с годами. Повесть печаталась с продолжением, причем все обставлялось так, будто читатели помогают автору ее писать — этот нестандартный ход притягивал внимание наряду с увлекательным сюжетом... Через несколько лет этот же трюк был повторен с повестью «Ловушка», а еще позже — с повестью «Каникулы в космосе, или Планета Пять-Четыре». Все три раза успех был потрясающим — дети собирали газеты, подшивали вырезки, обменивались ими в школе...

Потом был журнал «Юный техник», который я выписывал несколько лет подряд. В нем печатались уже более взрослые произведения: «Два билета в Индию», «Геркулес и гидра», «Черный саквояж», «Фотография пришельца». Удивительное дело — с книгами Кира Булычева можно взрослеть! В его творческом багаже найдутся произведения на любой возраст — от 6 до 60.

Должен признаться, что читать фантастику в большом количестве я начал довольно поздно. Причину я уже указал выше — отсутствие поблизости надежного источника хорошей литературы. В те годы мне была доступна только махонькая библиотека, которая существовала при малосемейном общежитии Северокавказского Института Фитопатологии и располагалась на расстоянии двух домов от моего места жительства. Книги туда, похоже, последний раз поставлялись в начале 60-х. Хочу похвастаться, что уже тогда у меня был неплохой вкус: из всей до- и послевоенной фантастики мне понравились только «Плутония» и «Земля Санникова» Обручева. Еще я к тому времени прочитал «Затерянный мир» Конан Дойля. Третьим моим открытием в области фантастики был Кир Булычев. Уверенно могу сказать, я на нем вырос. На тех самых повестях, что печатались в «Пионерской правде» и «Юном технике», а потом на рассказах, ко-

торые выходили в замечательных научно-популярных журналах «Химия и жизнь» и «Знание — сила». Я вырос в семье биологов, поэтому такого рода литературы у меня в доме всегда было много. Первую книгу Кира Булычева я увидел уже в середине 80-х, хотя к тому времени уже больше пяти лет (для ребенка огромный срок!) числил его среди ведущих мировых фантастов.

Когда в кинопрокате появился фильм «Через тернии к звездам», я лишний раз убедился в правильности своего суждения. Ну, по чьему же сценарию может быть снят такой фильм? Конечно, Кира Булычева! Сказать, что в момент своего выхода в свет этот фильм был популярен, — практически ничего не сказать. На него по выходным дням ходили целыми семьями, а в будни старшеклассники сбегали с уроков. Фильм удивительным образом оказался в равной степени интересен и подросткам, и взрослым людям. Такое в кинематографе случается весьма редко. На Западе существует целое направление так называемых «фильмов для семейного просмотра» — «Один дома», «Бетховен» и др. — их смотрят дети вместе с родителями. Но так, чтобы один и тот же фильм вместе с родителями смотрели и подростки, настроенные на отрицание всего, что предлагает им мир взрослых...

Я хорошо помню вопрос кого-то из близких: «Ты уже видел «Через тернии к звездам»?» Сказано было не «Советую сходить на фильм» и не «Собираешься ли ты на него сходить?», а именно так — без доли сомнения, что этот фильм рано или поздно посмотреть необходимо. Можно сколько угодно говорить, что феномен этого, а также других фантастических лент режиссера Ричарда Викторова в том, что российский зритель в те годы не видел фильмов, которые снимались на Западе, а своего фантастического кино у нас не было. Неправда! Эти картины точно попали в ритм моего поколения. Нигде больше я не чув-

ствовал той замечательной смеси лирики и оптимизма, веры в человека и обеспокоенности его судьбой. Дело же не в спецэффектах...

В один год с кинофильмом «Через тернии к звездам» на экраны вышел полнометражный мультфильм «Тайна третьей планеты». О нем я узнал из журнала «Наука и жизнь»...

Ну и, конечно, телефильм «Гостя из будущего». Его нам никак не обойти. Я подозреваю, что этот фильм превосходит все киношедевры всех киноклассиков вместе взятых по тому, сколько судеб он изменил! Обаяние булычевской Алисы Селезневой в этой картине вошло в резонанс с обаянием Наташи Гусевой, исполнившей эту роль, и образовавшаяся ударная волна была столь сильна, что разбила не одно мальчишеское сердце. Сейчас мне остается добавить к этому только признание: и я пострадал среди них... Зато именно с этого момента я уже стал активно искать книги Кира Булычева, а не дожидаться, когда что-нибудь новенькое выйдет в журналах или газетах.

Очень хорошо помню такую историю. Мой отец уезжал на какое-то генетическое совещание в Москву, и я категорически заказал ему привезти книг Кира Булычева. Вернувшись, отец обескураженно рассказал о том, как, потеряв надежду найти заказанные книги в обычных книжных магазинах, он зашел в букинистический — кажется, на Мясницкой. Он спросил: «У вас Кир Булычев бывает?» «Конечно, бывает! — радостно воскликнул продавец. — Только что видел его. Может быть, еще не вышел, посмотрите в антикварном отделе». Отец был удивлен: «Я имею в виду книги Кира Булычева...» «А-а-а, — сразу же погрузистел продавец, — книг его не бывает. А вот сам он частенько заходит...»

На почве увлечения произведениями Кира Булычева я нашел нового друга, с которым в отличие от остальных приятелей школьных времен поддержи-

ваю взаимоотношения до сих пор. А тогда мы собирали все повести и рассказы любимого автора по газетам и журналам. Повторю: я жил тогда на окраине южного города Краснодара — рядом с моим микрорайоном был Комбинат строительных материалов, в просторечии — Рубероидный завод. Там действительно делали рубероид, а еще асбестовые трубы и что-то другое — полезное для строительства. Для нас же — мальчишек — он был настоящей Зоной. Территория завода была огорожена забором и охранялась сторожами, и мы лазили тут за приключениями. Это когда я был помладше... А когда вырос — заметил, что туда в качестве сырья для того же рубероида свозится со всего города макулатура. Туда-то мы с другом, которого, как и моего кумира, тоже звали Игорь, совершали экспедиции за недостающими номерами газет и журналов. Удавалось находить совершенно поразительные вещи! Например, нам посчастливилось найти полную подшивку «Пионерской правды» за 1976 год — с повестью «Заграничная принцесса»! Правда, макулатура на заводе хранилась прямо под открытым небом — так что вырванные из подшивки газеты пришлось старательно сушить. А потом произошло чудо, о котором мы не смели и мечтать. Перепрыгнув с одной кучи бумажного мусора на другую, я обнаружил лежащую на спрессованном блоке часть книги «Чудеса в Гусяре»! Его тоже пришлось долго сушить под гнетом, чтобы он не пошел «пропеллером», к тому же текст обрывался на середине рассказа «Так начинаются наводнения», но все равно это была поразительная по своему значению находка. Пользуясь знаниями, почерпнутыми из этой книги (точнее, ее части), я занял третье место на конкурсе, который проводил в одном из кинотеатров города Краснодарский клуб любителей фантастики. Нас с Игорем пригласили вступить в клуб, и опять же об-

ладание этим обрывком книги сделало из нас «булычевскую фракцию». Мы были самыми молодыми в клубе, потом пришли другие и тут же примкнули к нашей «фракции». Я стал ее неформальным лидером. И, как говорится, с тех пор я такой...

В этом клубе мне дали прочитать и сборники рассказов «Люди как люди», «Поступили в продажу золотые рыбки», «Летнее утро», повести «Перевал», «Чужая память», роман «Последняя война». Эти же люди дали мне книги Стругацких, «Мастера и Маргариту» Булгакова и многие, многие, многие замечательные книги, без которых я себя уже совершенно не мыслю. А началось все с Кира Булычева...

Окончив школу, я поехал в Москву, где у меня было множество родственников по маминой линии. Я в одиночестве бродил по Москве, ходил по кинотеатрам, музеям... При этом у меня было страстное желание повстречаться с любимым автором. Однажды я сам не знаю для чего обратился в киоск «Горсправки». Сказал: «Можейко Игорь Всеволодович, 1934 года рождения...» И мне за сколько-то там копеек выдали квитанцию с его адресом. Так просто. Что делать с этим, я не знал — просто хранил квиточек в ящике стола. Храню его до сих пор. Как я тогда не понимал, для чего беру его в «Горсправке», так и сейчас не понимаю, для чего храню...

Впервые я увидел Кира Булычева в 1989 году. Было это в Свердловске на фестивале фантастики «Аэли-та». Это была, пожалуй, самая большая «Аэлита»: только зарегистрированных иногородних гостей было около семисот, а еще ведь приходили свердловчане — не какие-нибудь активные фэны, а простые люди с улицы... В тот самый год кооператив «Текст» (тогда еще не издательство, а кооператив!) выпустил книгу «Глубокоуважаемый микроб, или Гусляр в космосе». Эта книга была одной из самых долгожданных —

отрывки из нее печатались и в «Юном технике», и в «Уральском следопыте», и даже в «Литературной газете». И вот, наконец, повесть вышла полностью отдельной книгой! Мало того, Фонд Фантастики привез на «Аэлиту», похоже, не одну сотню ее экземпляров и продавал в фойе Дома Культуры, в котором проходило открытие фестиваля, с какой-то небольшой нагрузкой! Когда официальная часть завершилась, кто-то из организаторов объявил в микрофон о том, что никому не нужно никуда ломиться, а Кир Булычев будет всех ждать в том же фойе и всем даст автографы... Это надо было видеть! К столику, за которым сидел Игорь Всеволодович, выстроилась очередь, как в войну за хлеб. Любители фантастики стояли тихо, не толкались... Но их было столько!

Когда дошла очередь до меня, я стал свидетелем жуткой картины. День был майским и солнечным. Игорь Всеволодович был в солидном сером костюме. Он ставил автографы на протянутых книгах один за другим, не забывая при этом непременно спрашивать имена и фамилии, а потом, не выпуская из ладони шариковой ручки, рукавом вытирал со лба пот. Когда я протянул ему свой экземпляр, рукав был мокрым до самого плеча...

Второй раз я встретился с Кириллом Булычевым лично в том же 1989 году, но уже осенью. А может быть, в весной 1990-го. Встречу с ним организовал Максим Качелкин — председатель Клуба любителей фантастики МАИ. Пройти она должна была в ДК этого института, там, где сейчас все перестроено под рок-концерты... Макс занимался организацией зала, а меня просил встретить Игоря Всеволодовича у дверей здания, потому что я был единственный, кто знал его в лицо. «Какой он?» — спрашивали меня возбужденные студенты, любители фантастики. «Высокий и с бородой», — отвечал я. «Это не он?» — спрашива-

ли меня, когда на улице появлялся какой-либо мужчина. «Мелковат!» — заявлял я, пока действительно не показался Кир Булычев.

Позднее я вспоминал эту историю, когда, беседуя с Игорем Всеволодовичем о всяческих окололитературных дрызгах в фантастике, услышал от него очень характерную для него фразу. «Нам с тобой, высоким мужчинам, — сказал он, похлопывая меня на правах мэтра по плечу, — не к лицу все эти споры и дискуссии, развязанные людьми невысокого роста». Кир Булычев был крупным человеком — и физически, и в творческом плане...

Годом спустя мне посчастливилось познакомиться с Кириллом Булычевым лично. Я тогда уже работал в редакции первой специализированной газеты фантастики «Плюс-минус бесконечность». Было безумное время: первый номер этого издания, сделанный впопыхах и непрофессионально, разошелся в Москве влет, второй завис, а третий уже не вышел совсем... Но тогда мы с друзьями по редакции еще не знали, что номеров больше не будет, и поехали в Питер, тогда еще Ленинград, потому что в его пригороде — в Репино — проходил Семинар по кинофантастике. Кажется, Андрей Синицын мне посоветовал: «Поезжайте в Репино, найдите там Нину Матвеевну Беркову, расскажите ей о себе, попроситесь на семинар, может быть, не прогонит». Мы так и сделали. И провели несколько изумительных дней на берегу заснеженного Финского залива. Кроме мультимпликатора Владимира Ильича Тарасова, с которым мы к тому времени были уже хорошо знакомы, там были Аркадий Натанович и Борис Натанович Стругацкие, Александр Николаевич Житинский и много-много других замечательных людей. Между делом скажу, что именно там я познакомился с молодыми кинематографистами, студентами ВГИКа, и это знакомство решило

мою судьбу — вместо того, чтобы третий раз пытаться поступать на факультет психологии МГУ, я решил подать документы на сценарный во ВГИК... Приехал туда и Кир Булычев. Кто я был тогда? А ведь он меня запомнил. Он дал мне свой телефон, предложил звонить в Москве. Я позвонил и попросил что-нибудь для газеты. Надо сказать, что просьба была несколько нескромной — в те годы фантастика шла нарасхват, и рассказы Кира Булычева — и новые, и из стола — расходились влет. За них боролись крупные издательства и популярные журналы. А тут никому не известная газетка, выпускавшаяся, как сейчас помню, кооперативом «Марабу». Но Кир Булычев не смог отказать в этой просьбе: он выбрал из старых залежей несколько своих самых ранних рассказов, тех, что написал в качестве забавы, еще не мысля о писательской карьере, и не просто отдал их надоедливому горе-издателю, а сопроводил комментариями так, что вышло цельное произведение под названием «Так вступал я» — о том, как он начинал свой писательский путь. Произведение это вышло смешным и поучительным, и я до сих пор очень горжусь, что был причастен к его созданию. Напечатан этот текст был в сборнике фантастических рассказов «Послание к Фениксу», который готовился как приложение к газете «Плюс-минус бесконечность», но был нелепым образом украден и вышел без нашего ведома...

В 90-е годы возникало и гибло множество самых неожиданных проектов. Неудивительно, что в них решительно участвовали люди моего возраста, но Кир Булычев тогда был маститым автором, пожалуй, единственным российским фантастом, имя которого на обложке книги стопроцентно гарантировало ей успех, и тем не менее он так же легко отзывался на весьма и весьма смелые предложения. При этом он ментально забывал про неудачи, если таковые случа-

лись, и вновь был открытым для контактов. Не могу не вспомнить такую историю... Один мой приятель работал в компании, выпускавшей компьютерные видеодиски (напомню, DVD тогда еще не было). Он убедил свое начальство, уже снявшее со своего корабля пиратский флаг, но еще не спешащее убирать его далеко, выпускать компьютерные игры. Одной из самых перспективных показалась идея сделать игрушку по мультфильму «Тайна третьей планеты». Мне были поручены два задания: написать сценарный план и решить все вопросы, связанные с авторскими правами. Я честно сказал Игорю Всеволодовичу: дело новое, и что из него выйдет, предсказать невозможно. Он же — словно и не слышал меня — с ходу согласился. Он разрешил мне делать с сюжетом повести «Путешествие Алисы», впоследствии давшим основу популярного мультфильма, все, что угодно, даже не спросив о размерах своего авторского гонорара. Как я потом понял, — вовсе не от беспечности. Во-первых, он меня считал «своим» и был уверен, что ничего плохого я с его сюжетом не сделаю. Во-вторых, ему и впрямь было интересно, что можно сделать с Алисой при помощи компьютера. Он был предельно открыт для любого творческого контакта, если идея захватывала его, казалась перспективной. Я лишний раз убедился в этом, когда принес Игорю Всеволодовичу на подпись контракт. Он даже не стал листать эту стопку бумаги. Он спросил: «Ну, ты сам-то его читал?» Я ответил: «Да, конечно». «Там все нормально?» — снова спросил он. «По-моему, да, — ответил я. — У вас покупается неэксклюзивное право один раз использовать ваш сюжет». «Ну, тогда я и очки надевать не буду», — сказал он и подмахнул контракт.

Неоценим вклад Кира Булычева в организацию самого крупного на сегодняшний день фестиваля фантастики — «Роскона». До 2001 года, как это ни удивительно, регулярные «сборища» писателей, издателей

и любителей фантастики проходили в самых разных городах — Свердловске, Санкт-Петербурге, Волгограде — но только не в Москве. Казалось, проводить конвент в столице слишком дорого, а потому — невыгодно. Скорее всего, долгое время так оно и было. Однако потом ситуация изменилась, и группа энтузиастов, назвавшись оргкомитетом, приступила к подготовке первого в Москве фестиваля фантастики. Нужно было придумать что-то уникальное, специфическое, сугубо московское... Одной из таких «придумок» стала премия «Алиса» — награда, вручавшаяся лично Кириллом Булычевым за лучшее фантастическое произведение для детей и подростков. Идея была достаточно нова — детская фантастика находилась далеко не на высоте, и никаких других способов ее поощрить не имелось. Игорь Всеволодович сразу же откликнулся, охотно приехал на «Роскон» и вместе с Наташей Гусевой вручил первую «Алису» Андрею Саломатову. Надо сказать, что кандидатура эта была принята единогласно, поскольку конкурентов у него просто не было. Андрей — автор целой серии замечательных произведений для детей. Так что в первый год проблем у нас не возникло... Да только нельзя же вручать премии из года в год одному и тому же человеку! Впрочем, в 2002 году решение найти удалось — как раз годом раньше вышел роман Сергея Лукьяненко «Танцы на снегу», который в отличие от большей части произведений этого автора в первую очередь был адресован подростковой аудитории. А вот в 2003 году проблема встала во всей своей сложности — оказалось, что ни один сколько-нибудь известный автор ничего хорошего для детей не написал. Оргкомитет предложил в качестве кандидата Андрея Белянина — автора хоть и не очень детского, но зато весьма известного. Игорь Всеволодович прочитал несколько книг этого писателя и пришел

к твердому решению, что давать ему приз нельзя — ну, недетский он, недетский! И вот тогда возникла кризисная ситуация: до конвента несколько недель, а «Алису» вручать решительно некому. Игорь Всеволодович предложил даже совсем ее не присуждать — так и сказать: «Некому!» Но я отговорил его, ведь именно в тот год после долгих творческих поисков «Алиса» наконец обрела свой облик. Первые два года лауреатам вручались абстрактные статуэтки, в которых можно было найти сходство с девичьей фигурой, причем каждый раз — разные. И наконец, тогда было решено сделать полную копию миелодфона — того, что снимался в телефильме «Гостья из будущего»...

Несколько дней я собирал по всем знакомым детские фантастические книги, вышедшие за прошлый год, и таскал их Киру Булычеву. Нет, конечно, ведомую графоманию и конъюнктурное ремесленничество я отсекал сам, а вот все, в чем был хоть проблеск таланта, попадало на стол Игорю Всеволодовичу... Несладко ему пришлось в те дни! Каждое утро он звонил мне по телефону и удрученно жаловался: «Ну, ничего хорошего, решительно ничего!» При этом он не просто огульно хаял прочитанные книги, а подробно разбирал их и объяснял мне, почему тот или иной кандидат не может быть награжден. Он проделал работу, для которой, если по-хорошему, нужно нанимать целую комиссию... И вот однажды утром меня разбудил очередной звонок Игоря Всеволодовича — признаюсь, он не был особенно ранним, просто я сова и встаю довольно поздно. От одной интонации голоса в трубке у меня сон как рукой сняло. «Андрей! Я прочитал последнюю книгу, и она хорошая! Ей можно вручать «Алису»! Записывай — Татьяна Дегтева, «Муза села на варенье». Конечно, это не фантастика, но это очень оригинальное, свежее произведение». Он искренне радовался тому, что нет нужды посту-

паться своими эстетическими принципами и вручать награду недостойному, он радовался тому, что есть еще хорошие авторы и талантливые книги. И его радость передалась мне. В тот же день я принялся выяснять, кто же такая эта Дегтева, и оказалось, что это совсем еще юная девушка, а «Муза села на варенье» — ее первая книга. А еще позднее выяснилось, что именно ее неоднократно выделял писатель Эдуард Успенский. Вот так два корифея российской детской литературы, не сговариваясь, сошлись во мнениях о молодом, никому еще не известном авторе! И это было небольшим, но все-таки открытием.

И еще одна конфликтная тема возникала перед началом каждого очередного «Роскона». Мы, оргкомитет мероприятия, хотели вручить Киру Булычеву главный приз — «Большой Роскон». А он наотрез отказывался. Однажды, когда я в очередной раз начал уговаривать его принять без сомнения заслуженную награду, он едва ли не накричал на меня. «Вы дождетесь, — сказал он, — что я вообще откажусь приезжать на «Роскон». Потому что буду опасаться, что вы меня обманете: я приеду, а вы возьмете и вручите мне приз. И мне, сидящему в зале, ничего не останется, как влезть на сцену и получить его. А я не хочу быть многоуважаемым шкафом! Не хочу, чтобы вы мне вручали приз за старые заслуги! Я хочу написать большой хороший роман, я надеюсь, что я его напишу... И вот тогда я с удовольствием приеду на «Роскон» и приму ваш приз!» Нет смысла как-то комментировать его слова...

О том, какое значение имел Кир Булычев — его книги и его личность — для людей моего поколения, можно судить хотя бы по тому факту, что он, пожалуй, единственный писатель, персонаж которого был удостоен не просто памятника, а целой рябиновой аллеи с гранитным камнем и лавочками... В 2001 году вокруг интернет-сайта поклонников фильма «Го-

ствия из будущего» «Миелофон.Ру» сплотилась группа инициативных и беспокойных молодых людей. Воспитанные на романтических книгах и фильмах 80-х годов, они не хотели вести обывательское существование. Общество потребления не удовлетворяло их потребностей. Идеалы «прекрасного далека» не давали покоя... Они общались, встречались, помогали друг другу... Впрочем, почему я пишу все в прошедшем времени? Они общаются, встречаются и помогают друг другу по-прежнему. А тогда они затеяли нечто более серьезное. Инициаторами выступили Денис Мурашкевич, мой давний друг Игорь Борисенко, Сергей Зорик, ну и, конечно, редакторы сайта Александр «Лас» Ульянов и Вячеслав Яшин. Я, как это модно теперь говорить, осуществлял информационную поддержку. Русский американец, выходящий в Интернет под именем Навигатор — я не знаю даже его настоящего имени, — внес довольно большую сумму денег, больше трети необходимого. Остальное собрали россияне. Еще один американец — сын русских эмигрантов Дмитрий Шулындин — нарисовал эскиз бронзовой таблички... Так совместными усилиями в парке Дружбы, что находится возле метро «Речной вокзал», появилась рябиновая аллея имени Алисы Селезневой!

Посадка деревьев, состоявшаяся 6 октября 2001 года, была похожа на старый добрый субботник. Хотя в основном рябинки сажали специалисты, на которых вышли через Общество охраны природы, все остальные — в том числе и исполнительница роли Алисы в телесериале «Гостья из будущего» Наталья Гусева — им старательно помогали. Через две недели — 20 октября 2001 года — поставили гранитный камень с бронзовой табличкой. На ней — Алиса (из телефильма «Гостья из будущего»), на плече которой сидит Говорун (из иллюстраций к книгам издательства «Детская литература»). Мы постарались

сделать это открытие максимально торжественным — я пригласил Кира Булычева и Андрея Саломатова, первого лауреата премии «Алиса». Игорь Всеволодович сначала сомневался, стоит ли, а потом сказал: «Завтра приедет из Челябинска Миша Манаков, у нас с ним тут дела. Вот приедет Миша — Миша нас рассудит...» У Игоря Всеволодовича была замечательная способность общаться с людьми и ценить их деловые качества, невзирая на возраст. Он неоднократно называл без каких бы то ни было оговорок Мишу своим другом. И меня иногда ошарашивали его звонки по телефону: «Алло. Андрей? Это Игорь...» Так же просто общался он с людьми, выросшими на его произведениях, в парке «Дружба». Денис Мурашкевич принес несколько бутылок марочного дагестанского коньяка, и кумир вместе со своими поклонниками пил его из пластиковых стаканчиков...

Последний раз встретились мы с Игорем Всеволодовичем на съемках телепередачи «Линия жизни». Это такое необычное ток-шоу на канале «Культура», в котором вообще нет ведущего. Редактор заранее оговаривает с героем передачи его речь, а потом слушатели из зала задают вопросы. Поэтому важно, чтобы в зале оказались люди, хоть немного знакомые с творчеством «солирующего».

Перед записью мы встретились в фойе Культурного центра имени Мейерхольда. Игорь Всеволодович пожал мне руку. Он был заметно возбужден. «Не представляю, что говорить, — пожаловался он мне. — Я думал, что придется выступать перед залом, полным детей... А тут собрались люди, которые и так все знают. Тут все свои». Сказано было так, что становилось понятно — слово «свои» для него далеко не пустой звук. Свои — это те, перед которыми нет надобности кокетничать, оправдываться, которым не нужно объяснять какие-то базовые понятия, которые поймут с полуслова... При

всем при этом именно для своих надо предельно точно находить эти самые «полслова». Ведь с ним не пройдет никакая фальшь. Именно такого общения хотелось Киру Булычеву — видимо, жалко было тратить время на пустые разговоры и выступления.

Не могу не нарушить хронологию и не вспомнить одну историю, произошедшую чуть раньше... Один мой знакомый пытался завязать сотрудничество с газетой «Аргументы и факты». Ему предложили сделать интервью с Киrom Булычевым, он обратился ко мне за помощью. Я сказал, что, только переговорив с Игорем Всеволодовичем, только с его разрешения, могу дать ему номер. «Ну что же, давай ему телефон, пусть приезжает, — без особого энтузиазма отозвался Игорь Всеволодович. — Хотя, конечно, лучше, если бы интервью брал кто-нибудь из своих... Не хочется вновь отвечать на глупые вопросы...» Когда вышло интервью, я понял, почему Кир Булычев был так скептически настроен — он оказался абсолютным прозорливцем: моему другу не удалось задать писателю ни одного интересного, неожиданного вопроса, не удалось никак заинтересовать его. Он спрашивал о том же самом, о чем спрашивали Булычева множество раз. И результат был таким же — ответы ничем не отличались от тех, что уже неоднократно звучали. Более того, если бы я лично не устраивал их встречу, я был бы уверен, что интервьюер вообще в глаза не видал своего героя, а скомпилировал текст из его старых выступлений! При этом я лично минимум раз пять брал интервью у Кира Булычева на самые разные темы, и каждый раз после расшифровки наших бесед получался интересный, оригинальный, живой текст...

Меньше чем за год до ухода Игоря Всеволодовича я и Ксения Молдавская — сотрудница газеты «Книжное обозрение», отвечающая за детскую литературу, — как раз брали у него интервью. Мы говори-

ли о детской литературе, о том, какой ее видит Кир Булычев... Он считал, что детская литература должна не только забавлять, но и серьезно воспитывать. Сейчас именно этот текст лег в основу работы комиссии по премии «Алиса», которая обязательно должна остаться как память об Игоре Всеволодовиче. Мы собрали людей, выросших на произведениях Кира Булычева, и, руководствуясь его словами и критериями, хотим продолжать награждать лучших фантастов, пишущих для детей, стараясь при этом отмечать именно тех, кого бы отметил он сам...

Однако в 2004 году мы в первый и единственный раз удостоили этой награды роман, который сам Кир Булычев никогда бы не наградил. У нас не было другого выбора — по общему мнению, он был лучшим детским произведением, напечатанным в 2003 году. Я имею в виду роман самого Кира Булычева «Убежище». Когда мне пришлось озвучить это решение на «Росконе», я очень волновался — как расценят этот шаг приехавшие на фестиваль? Никогда не видел столь единогласной реакции на объявление лауреата! Более того, впервые на моей памяти предложение почтить память минутой молчания прозвучало не со сцены, а из зала, как веление души человека, оставшегося неизвестным! Есть много популярных писателей, есть много хороших писателей, но мне трудно вспомнить писателя, который был бы таким же любимым, как Кир Булычев...

И вот скоро будет год¹, как мы живем в мире, в котором нет Кира Булычева. Это трудно. Потому что он для нашего поколения в каком-то смысле был мерилom справедливости, морали и порядочности. И его произведения, и он сам... Причем он практически не говорил об этих материях напрямую, в лоб, а все как-то исподволь, но при этом очень точно...

¹ Написано в 2004 году.

На записи телепередачи «Линия жизни» я спросил Кира Булычева из зала, даже не задумываясь о серьезности своего вопроса, что из написанного им он считает самым важным, что ему самому больше всего дорого. Игорь Всеволодович, почти не задумываясь, ответил, что есть у него дело если не всей жизни, то, по крайней мере, последнего десятилетия, но он его, по всей вероятности, не закончит... Он говорил о большом книжном проекте «Река Хронос». К огромному сожалению, Кир Булычев оказался прав — цикл оказался незаконченным. Уже после ухода Игоря Всеволодовича читатели смогли познакомиться с его детективом «Дом в Лондоне», прилегающим к циклу... Миша Манаков рассказал мне, что нашел в архиве Игоря Всеволодовича листок с планом последнего романа из цикла «Река Хронос». Снова фантастического. В нем герои расстаются, Андрей переносится в будущее, а Лидочка остается в нашем настоящем. Потом они встречаются снова, уже в будущем — у Андрея новая семья. Герои понимают, что не могут жить врозь — Лидочка переносится в будущее, а Андрей ее догоняет. Теперь они снова ровесники, но уже довольно пожилые люди. Они вновь куда-то переносятся, где их ждет Теодор. Но они попадают в неустойчивое «ответвление» и гибнут вместе с этим миром. А Теодор где-то ждет их, чтобы «научить быть бессмертными»... С одной стороны, жаль, что этот роман не был написан, а с другой — даже хорошо. Пусть эти герои останутся живыми. Так же как живым в нашей памяти навсегда останется сам Кир Булычев. Ведь и у нас остается возможность верить, что он не ушел от нас навсегда, а просто с помощью волшебных часов перенесся в будущее, о котором писал свои книги, мечтать о котором научил нас. Когда-нибудь мы нагоним его и обязательно встретимся. Только сейчас нам нельзя расслабляться — нужно мечтать и работать, как мечтал и работал он на протяжении всех своих 69 лет.

Это эссе было написано для книги «Кир Булычев и его друзья», которую любовно составил и аккуратно издал в Челябинске Михаил Манаков, самый большой знакток творчества Кира Булычева, его дотошный библиограф и исследователь. Очень хорошая вышла книга, но, к сожалению, тираж ее был очень мал...

В разные годы я написал целый ряд статей о Кире Булычеве. Все они очень разные. Поскольку каждая писалась не только в определенное время, но и для определенного издания. А у каждого издания — свой формат, соответствовать которому мне удавалось не всегда. Поэтому многие статьи выходили, претерпев значительные сокращения и правки. Другие же статьи выходили очень давно или в провинциальных, недоступных большинству изданиях. Пользуясь попущением редактора и составителя, хочу привести эти тексты почти в оригинальном виде — как писал их тогда: без редакторских правок, но в основном и без собственных исправлений новейших времен¹.

1. Третья жизнь Кира Булычева

Эта статья — мой первый текст о Кире Булычеве. Кроме того, это — мой первый опыт эссеистики и публицистики... (Я же говорил, что вся моя творческая жизнь была связана с Кириком Булычевым.) Писалась для краснодарской газеты «Киноэкран Кубани», которая представляла собой в те, перестроечные, годы четыре листочка формата А4. На двух из них печаталось расписание сеансов краснодарских кинотеатров, а еще на двух — статьи и рецензии на фильмы.

Трудолюбие этого человека воистину фантастическое, кажется даже, что он проживает не одну, а три жизни сразу.

¹ Мы все-таки позволили себе убрать некоторые повторы (Ред.).

Первая жизнь началась в 1934 году. Только тогда он еще не был ни Киром, ни Булычевым — он был Игорем Можейко. Под этим именем он защитил кандидатскую и докторскую диссертации по истории средневековой Бирмы, преподавал в Институте Стран Азии и Африки. Вторая жизнь началась в 1964 году — тогда в сборнике «Мир приключений» вышел фантастический рассказ «Девочка, с которой ничего не случится». Это было первое литературное произведение, подписанное псевдонимом «Кир Булычев». Выбор этого имени Игорь Всеволодович объясняет так: «Булычева — это фамилия моей матери, а Кира — имя жены». Во второй своей жизни Кир Булычев тоже сделал немало — им написано более двухсот фантастических произведений. Издатели книжной серии «Миры Кира Булычева» даже не заикаются на тему, сколько томов будет в ней...

Третья жизнь стала логическим следствием второй. Такой популярный писатель не мог долго оставаться незамеченным кинематографистами. Уже в 1980 году на экраны вышли сразу два фильма, снятые по его сценариям.

Известный мультипликатор Роман Качанов (автор фильмов про Гену и Чебурашку) снял полнометражный мультфильм «Тайна третьей планеты». Алиса Селезнева, замечательно нарисованная художницей Натальей Орловой, со страниц повестей переселилась на экраны. В основу мультфильма легла повесть «Путешествие Алисы».

Оригинальный сценарий двухсерийного кинофильма «Через тернии к звездам» был написан Булычевым совместно с режиссером Ричардом Викторовым, автором замечательной фантастической кинодилогии «Москва—Кассиопея» и «Отроки во Вселенной». Выдумка, с которой создавались на съемочной площадке роботы, инопланетяне, невесомость и другие фантастические атрибуты, вызывает восхищение. В свое

время фильм был оценен по заслугам и зрителями и прессой — весь коллектив авторов был удостоен Государственной премии СССР.

Оба режиссера решили продолжить творческое сотрудничество со столь успешным дебютантом. Однако новый двадцатиминутный мультфильм Качанова «Два билета в Индию» оказался весьма заурядной мультяшкой. Викторов не решился вновь браться за «космическую» картину — фильм «Комета» он замыслил как сатирическую фантазию. Однако болезнь и смерть помешали Ричарду Николаевичу завершить эту работу в том виде, в котором она планировалась. Фильм был смонтирован и озвучен режиссером Юрием Чулюкиным и вышел на экраны в 1983 г.

Жанр трагикомедии всегда был близок Булычеву, поэтому неудивительно, что судьба свела его с Георгием Данелия, признанным мастером этого жанра в кино. Третьим соавтором сценария был драматург Александр Володин. Отправной точкой для написания сценария «Слезы капали» послужила сказка о том, как тролли разбили волшебное зеркало и развеяли по всей Земле осколки. Кому в глаз попадет осколок — тот все видит в мрачном свете. Главную роль в фильме блистательно сыграл Евгений Леонов.

Частенько мелькает на ТВ и есть на видеокассетах фильм «Шанс», еще одна комедия, снятая по мотивам повести «Марсианское зелье». Поставил ее Александр Майоров, ранее уже снявший короткометражку по рассказу «Поступили в продажу золотые рыбки». Оба фильма повествуют о жителях города Великий Гусляр, придуманного Булычевым. Героям «Шанса» сказочно повезло, они получили возможность выпить эликсира молодости и прожить жизнь заново. Но, оказывается, это не всем на пользу... Есть те, кто состарился в молодости, а есть — кто до старости остался молодым.

Огромный успех выпал на долю пятисерийного телефильма Павла Арсенова «Гостья из будущего», снятого по мотивам повести «Сто лет тому вперед». По горячим следам этой удачи режиссер снял кинофильм «Лиловый шар» — снова об Алисе, снова с Наташей. Однако этот фильм не имел и части успеха «Гости...» Лучше всего сказала об этом одна маленькая девочка: «Фильм хороший, только ниточки видно...» Ребенок, конечно, имел в виду лески, за которые водили кукол, но, к сожалению, такие же «нити» видны и в режиссуре, и в игре некоторых актеров — как-то все натянуто...

Однако последующие постановки повестей об Алисе — телеспектакль с двойным названием «Миллион приключений. Остров Ржавого Генерала» и кукольный мультфильм «Узники «Ямагири-Мару» — были еще менее удачными.

Телефильм Л. Горовца «Поляна сказок» нельзя назвать совсем уж провальным. Это злая «перестроечная» сатира. Но по духу она — едкая и пессимистическая — глубоко чужда светлой и доброй прозе Кира Булычева. Это тем более обидно, поскольку ранее этот же режиссер сделал очень симпатичный короткометражный фильм «Родимое пятно», в котором Булычев даже снялся сам.

К сожалению, до сих пор остается неоцененным очень необычный получасовой мультфильм «Перевал». Снял его известный мультипликатор Владимир Тарасов, автор таких картин, как «Контакт», «Контракт», «Пуговица» и др. Режиссеру удалось пробраться в зрительское подсознание, фильм интересен и визуально, и с точки зрения смысла.

Дважды привлекала внимание представителей экранных искусств повесть «Похищение чародея». Первая постановка была осуществлена на Ленинградском телевидении, вторая — на Свердловской киностудии. Пожалуй, это самая неудачная из всех киноматериалов Кира Булычева. Хорошие актеры Владимир

Гостюхин и Андрей Болтнев скованны и в прямом, и в переносном смысле: Гостюхин вынужден все время корчиться, изображая уродца-горбуна, а Болтнев большую часть экранного времени был облачен в доспехи и шлем с забралом.

Может показаться, что режиссер Владимир Кобзев сделал все возможное, чтобы испортить отличный материал. Хотя скорее наоборот — он использовал беспрюирышный сценарий, чтобы скрыть свою серость.

На пресс-конференции, которая состоялась еще в конце восьмидесятых годов в Свердловске, на фестивале фантастики «Аэлита», Булычева спросили: «Вам не стыдно за некоторые свои фильмы?» Писатель смущенно ответил, что действительно иногда бывает стыдно. Еще он добавил, что так и не нашел режиссера, который понимал бы его, и что, наверное, он больше не будет работать для кино...

Кир Булычев сдержал слово. Фильм «Подземелье ведьм», который на момент разговора уже был в производстве, стал его последней работой в большом кино. Снял его Юрий Мороз, режиссер, до этого защитившийся во ВГИКе короткометражным фильмом по рассказу Булычева «Юбилей-200». (Работа получила престижный приз в Лос-Анджелесе, называемый «Малым Оскаром», но российскому зрителю незнакомая совершенно.) Позднее он же собирался снимать фильм «Перевал», и Кир Булычев даже написал сценарий, в котором объединил в одну историю сюжеты двух частей романа «Поселок», однако картина не состоялась.

Еще одна работа, не увиденная зрителями, — это двадцатиминутка «Альтернатива» по рассказу Булычева «Выбор». Сняла его дочь Ричарда Викторова — Анна. Зато несколько кукольных мультфильмов, сделанных в Саратове, показывались по ТВ...

К сожалению, Кир Булычев так и не нашел «своего» режиссера, а сценарист в кино значит слишком

мало... В начале девяностых годов Московский драматический театр-студия «Лаборатория» поставил пьесу Булычева «Товарищ Д.» Может быть, это начало новой, театральной, уже четвертой по счету жизни Кира Булычева?..

2. Человек, проживший три жизни

Однажды найденный образ человека, проживающего одновременно несколько творческих жизней, мне показался очень удачным. Особенно в отношении к Киру Булычеву. И я решил его использовать вновь уже в 2006 году, когда писал статью для журнала «Мир фантастики».

Всего три с небольшим года назад, 5 сентября 2003 года, не стало Игоря Всеволодовича Можейко — удивительного человека, известного четырем поколениям любителей фантастики под именем Кир Булычев... Есть знаменитая суфийская притча о том, как несколько слепцов ощупывали слона, а потом спорили, какой он из себя. Один описал хобот, другой ухо, третий ногу, но никто так и не представил себе животное целиком. Кир Булычев был таким же элефантом российской фантастической и научно-популярной литературы. Он и сам-то был человеком немаленьким — часто повторял, комментируя внутрисценарийские дразги: «У нас, крупных мужчин, комплексов быть не должно!» И работал, работал, не оглядываясь на созданное уже. Его творчество потрясает своими объемами. Кто-то знает его детские истории о приключениях Алисы Селезневой, кто-то юмористические рассказы о жителях города Великий Гусляр, кто-то «взрослые» рассказы, написанные в традициях классической НФ, кто-то «забойные» приключенческие подростковые повести об Андрее Брюсе или Коре Орват, кто-то научно-популярные книги о пиратах Индийско-

го океана и правителях Средневековья... Чтобы все это издать в одном собрании, потребуется с полсотни томов. Кажется, для того, чтобы все это написать, мало одной жизни. А ведь Игорь Всеволодович Можейко действительно жил параллельно три жизни...

Жизнь первая

Родился будущий ученый и писатель 18 октября 1934 года в Москве, в Банковском переулке возле Чистых прудов. Так началась его первая жизнь — та, в которой он был Игорем Можейко. В столице в основном прошли его детство и юность; за исключением года, проведенного в эвакуации в Чистополе, — уже в 1942-м его семья вернулась в Москву, одними из первых эвакуированных.

После школы Игорь Можейко поступил в Московский Государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза, который окончил в 1957 году. Поступил не по собственному желанию — было в то время в Советской России понятие «комсомольская разнарядка». Стране были нужны переводчики, хочешь получить высшее образование — учи языки. В институте Игорь Можейко активно писал стихи — строка об этом есть в книге «Альбом для марок» его соученика Андрея Сергеева, много лет спустя, в 1996 году получившей престижную Букеровскую премию. «Самый ранний приятель в ИНЯЗе — Игорь Можейко. Легкий человек, кое-какие стихи...» В год окончания института он женился на студентке Архитектурного института Кире Алексеевне Сошинской, ставшей его спутницей на всю жизнь и одним из его художников-иллюстраторов.

Женатым в те годы сравнительно просто было выехать за рубеж — есть гарантии, что не останется. И Игорь Всеволодович был направлен в Бирму, где

советские специалисты помогали на строительстве Технологического института. Здесь он был и переводчиком, и завхозом, а потом и корреспондентом Агентства печати «Новости» и журнала «Вокруг света».

Влюбившись в загадочную восточную страну, Можейко занялся исследованием ее истории и культуры и по возвращении в Москву поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, которую окончил в 1962 году. А в 1965 году защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Паганское государство (XI — XIII века)».

Первыми текстами будущего писателя были очерки о Бирме для «Вокруг света». В этом же журнале вышел его первый художественный рассказ «Маунг Джо будет жить», подписанный еще настоящим именем.

Однако уже в 1965 году его повесть «Девочка, с которой ничего не случится» предложили напечатать в альманахе «Мир приключений». Это было первое произведение об Алисе Селезневой — подборка веселых и трогательных историй, случившихся с отцом и дочерью в далеком тогда еще XXI веке, навеянных реальным общением с дочерью Алисой.

О появлении псевдонима Игорь Всеволодович рассказывал так:

«Я к этому времени уже заканчивал аспирантуру и представил себе, как приду в институт, когда это будет напечатано, и мне скажут: «Вот вы, товарищ Можейко, на овощную базу не пришли, к товарищу Ивановой не по-товарищески отнеслись, опоздали на собрание и еще пишете фантастику!» Мне стало так страшно, что я решил скрыться за псевдонимом. А так как времени на это не было, то я взял имя своей жены Кира, фамилию мамы Булычева, составил из этого такое вот механическое образование и подписал произведение: «Кир Булычев». И подпись эта — она как бы оторвалась от меня и уже звучала, существовала сама по себе. И менять ее мне как-то было

уже неудобно — перед этим Киrom Булычевым. Вот так он и остался».

Остается только добавить, что не все редакторы с пониманием отнеслись к этой конструкции, поэтому в ранних публикациях появились вариации: «Кир.Булычев» (с точкой-сокращением) и «Кирилл Булычев».

Вот так началась его вторая жизнь — жизнь популярного писателя Кира Булычева.

Жизнь вторая

В самых первых своих рассказах Кир Булычев нашел ту неповторимую, ту уникальную интонацию, которая во все годы отличала его от других писателей. В те годы все писали о будущем — о том, какие героические будут люди, какие невероятные подвиги и открытия они совершат, какие удивительные приключения выпадут на их долю... Все это есть и в первых произведениях Кира Булычева, но отличие их в том, что ему важны не подвиги, открытия и приключения, а эти самые люди, которые, несмотря на невероятность мира и груз событий, остаются простыми, добрыми — человеческими! Не зря одна из первых его книг называлась «Люди как люди». Так, в повести «Половина жизни» обыкновенная земная женщина, попавшая в плен злобных инопланетян, отдает жизнь в борьбе за свободу негуманоидных существ. А героиня рассказа «О некрасивом биоформе», внешность которого радикально изменена для работы на далекой планете, трогательно боится, что таким увидит его возлюбленная...

Темы произведений подсказывала сама жизнь. Из адресной книги XIX века Кир Булычев выписал имена персонажей, которыми заселил небольшой городок Великий Гусляр, который от других среднерусских населенных пунктов отличается только тем, что уж больно часто в нем происходят чудеса. Вот история создания одного рассказа из Гуслярского цикла:

«В «Искателе» — приложении к журналу «Вокруг света» — случилась беда. Тиражом в триста тысяч экземпляров была напечатана обложка, а рассказ, к которому на обложке была иллюстрация, зарубила цензура. Рассказ был какой-то переводной, и почему он вылетел, сейчас уже не важно. Главное, что существовала обложка, и если делать новую, то все лишатся премии и у всех будет масса неприятностей. И тут у кого-то родилась светлая идея — взять и написать рассказ по существующей обложке. А на ней был изображен стул, на стуле — банка; в банке — динозавр... Кончилось тем, что рассказов было всего два или три, поэтому конкурс у меня был небольшой. Как-то лень всем стало: пошутили и разошлись. Но я написал и поставил, таким образом, редакцию «Искателя» в положение, когда они вынуждены были этот рассказ напечатать, — или иначе они лишались премии». Так появился рассказ «Когда вымерли динозавры?», который потом переиздавался не менее шести раз.

Книги Кира Булычева выходили одна за другой, а в конце 70-х годов фантастикой всерьез заинтересовались кинематографисты. Так началась третья жизнь Кира Булычева — жизнь киносценариста, по сценариям которого снято больше всего фантастических фильмов.

Жизнь третья

Первыми соавторами Кира Булычева в кино оказались такие маститые режиссеры, как автор мультфильмов о Чебурашке и крокодиле Гене Роман Качанов, постановщик популярно фантастической кинодилогии «Москва — Кассиопея» и «Отроки во Вселенной» Ричард Викторов и ведущий российский комедиограф Георгий Данелия. Результатом их совместного творчества стали фильмы «Тайна третьей планеты», «Через тернии к звездам» и «Слезы капали». За два первых Кир Булы-

чев получил Государственную премию. Официальное правительственное сообщение об этом событии раскрыло инкогнито, сообщив, что «Кир Булычев — псевдоним Игоря Всеволодовича Можейко».

Дело в том, что первая и вторая жизнь к этому времени не прекратились, а продолжались параллельно. Под своим родным именем Игорь Можейко выпустил целый ряд научно-популярных книг, среди которых «7 и 37 чудес», «Пираты, рейдеры, корсары», «1185 год». В 1981 году он защитил докторскую диссертацию по теме: «Буддийская сангха и государство в Бирме». В это самое время вся страна засматривалась самым ярким российским фантастическим фильмом «Через тернии к звездам», а юные читатели с нетерпением ждали очередного номера газеты «Пионерская правда», в которой печатались повести об Алисе Селезневой...

В 1990 году вышел фильм «Подземелье ведьм», снятый по одноименной повести 1987 года. Действие происходит на планете Эвур, где дикие племена коварством и хитростью уничтожают станцию землян... Идея и повести, и фильма в том, что развитое общество, руководствующееся гуманизмом и либерализмом, может оказаться бессильным против дикого сообщества, руководствующегося интересами клана. Агенту Космофлота Андрею Брюсу, роль которого играл специально накачавший мускулы Сергей Жигунов, приходится взять в руки меч и отказаться от всех интеллигентских принципов, чтобы спасти оставшихся в живых землян, а вместе с ними и зачатки гуманизма на планете... А через 12 лет, в 2002 году, в российский прокат вышла картина Алексея Балабанова «Война», основная идея которой — ровно в том же! Но между этими двумя фильмами — две Чеченские войны! И второй был основан на их страшных событиях, а первый — рожден писательской фантазией. Но чем объяснить то, что Дмитрий Певцов, игравший вождя дикарей Октина Хаша, и выглядит, и ведет себя абсолютно как чеченский полевой командир

из телехроники гораздо более поздних времен. Только прозрением писателя и режиссера!

Кроме киносценариев Кир Булычев писал и пьесы. «Осечака-67» была поставлена на Ленинградском телевидении, а «Товарищ Д.» — в Московском театре «Лаборатория».

Посмертное

За несколько месяцев до смерти Кира Булычева состоялась запись телепередачи «Линия жизни» с его участием. Первый раз ее показали через месяц, а второй — изменив сетку канала «Культура», в день его ухода. Игорь Всеволодович в ней просто рассказывал о своей жизни, о чем-то шутил, о чем-то вместе с залом размышлял, но через несколько месяцев, увы, эта видеозапись прозвучала как своеобразное подведение итогов. Среди множества интересных вопросов, заданных писателю, был и такой: «Что из написанного вы сами считаете самым важным, что вам самому больше всего дорого?» Вопрос прозвучал буднично, и Игорь Всеволодович так же буднично, почти не задумываясь, ответил, что есть у него дело, если не всей жизни, то, по крайней мере, последнего десятилетия, но он его, по всей вероятности, не закончит... Он говорил о большом книжном проекте «Река Хронос». Фантастический прием помог Киру Булычеву представить историю России в XX веке как историю одной семьи — герои цикла Андрей и Лидочка Берестовы получили от пана Теодора необычный артефакт, он помогает им прыгать вперед во времени, иногда даже попадая в альтернативные варианты событий.

К огромному сожалению читателей, Кир Булычев оказался прав — цикл остался незаконченным. Хотя работа над ним продолжалась до последних дней. В мае Кир Булычев съездил в Крым и значительно отредактировал первые три романа цикла: «Наследник»,

«Штурм Дюльбера» и «Возвращение из Трапезунда», действие которых происходит с 1913 по 1917 год. Увы, Игорь Всеволодович чуть-чуть не успел увидеть книжное издание романа «Дом в Лондоне», вышедшего в издательстве «Омега», — это самый последний по хронологии роман цикла, его действие происходит уже в начале XXI века. А между ними был «Заповедник для академиков» (1934—1939 годы), «Младенец Фрей» (1992), «Усни красавица» и «Таких не убивают» (тоже 90-е годы). В архивах Кира Булычева была найдена почти законченная рукопись «Покушения» — четвертой части, действие которой происходит в 1918 году... Ах, как же та ситуация перекликается с событиями времен распада Советского Союза!

Много нового открывает читателю нумерованное собрание сочинений Кира Булычева, выходящее в «Эксмо» в рамках серии «Отцы-основатели. Русское пространство». В нем много забытых произведений, публиковавшихся всего один раз, но от этого не менее интересных.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Самой любимой экранизацией своего произведения Кир Булычев называл небольшую короткометражку «Золотые рыбки», снятую Александром Майоровым. Впечатления, полученные на съемочной площадке этой картины, отразились в рассказе «Петушок».

Художник-постановщик мультфильма «Тайна третьей планеты» Наталья Орлова живет в том же подъезде, что жил Кир Булычев. Именно с него она нарисовала капитана Зеленого, а Алису — со своей дочери, сейчас актрисы театра и кино Екатерины Семеновой.

Игорь Всеволодович Можейко был заядлым коллекционером. В разные годы он собирал старинные военные головные уборы, монеты, ордена и другие знаки различия. Его книгу «Награды» специалисты считают лучшей в этой области. И. В. Можейко был членом Президентского совета по наградам.

3. Кир Булычев и его любимые женщины

В 90-х годах, точную дату не помню, прошлого века в Краснодаре появилась газета «Мужской клуб». И я решил для нее взять у Кира Булычева интервью о женщинах в его жизни. Ведь именно у него, как ни у кого из фантастов, так много ярких женских образов. Получилось очень интересное интервью. Но газета перестала выходить после второго или третьего выпуска, и интервью так и не вышло. Не удалось мне его где-то напечатать и позднее. Только Михаил Манаков напечатал его в своем фэнзине в полном виде.

Однако материал пригодился. В 2009 году мне предложили что-то написать для журнала «Звезды» — приложение к знаменитому женскому изданию «Бурда». Тема «слабого пола» должна была присутствовать обязательно. Сначала я легко и непринужденно написал статью о женах и любовницах Чарли-Чаплина, а потом предложил более тонкую тему: «Кир Булычев и его любимые женщины». Статья писалась долго и трудно, много раз переписывалась — я старался вставить побольше анализа творчества и любопытных литературных историй, от меня желали подробностей личной жизни. Статья вышла, но сильно отличалась от того, что прислал я. А сейчас я еще и вставил в нее наиболее интересные куски из того интервью...

Когда встал вопрос о публикации его первого фантастического произведения и он решил подписать его не своим настоящим именем, а псевдонимом, на память сразу же пришли образы его любимых женщин. Он взял имя своей жены — Кира — и фамилию мамы — Булычева. Так ученый-востоковед Игорь Можейко стал писателем Киrom Булычевым, и под этим именем он известен трем поколениям читателей... А главная героиня этого — самого первого его —

произведения носила имя его дочери. Ее звали Алиса. И вскоре она стала, бесспорно, самым известным женским образом российской фантастики...

«Я — лесбиянец!»

Долгое время считалось, что фантастическую литературу пишут мужчины, о мужчинах и для мужчин... Чуть больше десятилетия назад милая писательница Мария Симонова жаловалась мне, что никак не может найти издателя на свои произведения — ей говорят: «Кто это будет читать? Это же фантастика... Но необычная, женская фантастика!» Аркадия Стругацкого как-то спросили: «Почему в ваших произведениях так мало женских образов?» Ответ был кратким и саморазоблачительным: «Ну, не знаю я их, не знаю!» Даже женщины-писательницы на протяжении многих лет старались героями своих произведений сделать мужчин. Это и наша Ольга Ларионова, и американка Урсула Ле Гуин. Несколько десятилетий хранилось в тайне, что под именем Уолтер Миллер-младший (а имя это осыпано множеством литературных наград США) скрывается дама... Сейчас многое изменилось, и Мария Симонова, а также множество других прекрасных писательниц активно пишут и издаются...

Но, пожалуй, первым этот нелепый стереотип разбил Кир Булычев. Он первым сделал главным героем своих приключенческих произведений — не одного, а целого цикла! — не мальчишку-сорванца, а девочку — Алису Селезневу. И это далеко не единственный женский образ в его творчестве. Через целую череду рассказов проходит образ руководительницы научной лаборатории Калерии Петровны. Женщина с символическим именем Надежда, похищенная инопланетянами и прожившая трудную жизнь среди чуждых ей негуманоидных существ, — героиня его прекрасной

ранней повести «Половина жизни». В главном его художественном труде — романном цикле «Река Хронос» — от книги к книге Лидочка постепенно затмила своего потерявшегося во времени мужа Андрея и в последних романах уже действовала в одиночестве. Последний свой литературный проект он сам для себя называл «Мисс Марпл от Кира Булычева» — писатель успел закончить три детективные повести, в которых страшные тайны раскрывала энергичная, хоть уже и не молодая дама Зоя Платоновна...

Сам писатель объяснял мне обилие женских персонажей в своем творчестве просто:

«Дело в том, что фантастика — это все-таки паралитература и в наших условиях до «большой литературы» немного недотягивает... А раз уж пишут ее в основном мужчины, то и происходит то, о чем вы говорите. Ведь если реалистическая литература занята выяснением отношений между людьми, а люди — это обязательно или мужчины или женщины, то в фантастической литературе — в нашей — этот принцип художественной литературы часто забывается. То есть идет подмена отношений — на место отношений между мужчиной и женщиной ставятся отношения другого рода — между человеком и обществом, человеком и техникой, человеком и наукой, человеком и машиной и так далее... И выходит, что машина, наука и другие подобные штуки начинают служить заменителем женщин... Что мне кажется определенного рода извращением.

Что же касается меня, то если вы возьмете мои вещи и посчитаете честно и благородно по персонажам, то вы увидите, что объем, который занимают женщины, все-таки меньше, чем тот, что занимают мужчины. Вот, например, город Великий Гусляр — это полностью мужской город; доктор Павлыш и его истории — это все-таки в основном мужские истории и так далее... В общем, никакого реального превышения числа женщин над числом мужчин нет, а есть

какой-то определенный баланс, который был характерен — ну, прости, — для Льва Толстого, который писал и про Анну Каренину, и про Наташу Ростову, и никто не видел в этом ничего странного. Потому что это реалистическая литература и должна рассказывать, в первую очередь, об отношениях людей между собой. А так как фантастика — это тоже род художественной литературы, то почему же мы должны подходить к ней с другими мерками?»

Игорь Можейко, известный всем под псевдонимом Кир Булычев, в отличие от многих своих уважаемых коллег по перу, хорошо знал женщин, понимал их психологию, умел убедительно описывать. Дело в том, что он по-настоящему любил их. Так, как только и может любить высокий дородный мужчина. Когда я просил его прокомментировать внутрисписательские дразги, каких бывало много за время его творческой деятельности, но от которых он всегда старался дистанцироваться, он сказал: «Вся эта мышьяная возня от комплексов, которые бывают у мужчин маленького роста оттого, что их недостаточно любят женщины. А у нас, крупных мужчин, комплексов быть не должно!» Игорь Всеволодович любил женщин, и с этим связана забавная история, которую он с удовольствием рассказывал:

«В конце 90-х я был в городе Винева Тульской области. Выступал перед читателями. И вдруг меня спросили, как я отношусь ко всякого рода сексуальным меньшинствам. Я сказал, что я не могу относиться к ним плохо, потому что я сам извращенец... И тут в зале наступила гробовая тишина. Картина: на сцене перед залом, в котором сидит больше тысячи человек, стоит старый, толстый дядя с бородой и заявляет, что он представитель сексуального меньшинства... Потом кто-то спросил: «Ну, а какого?» И тогда я сказал: «Я отношусь к редкой категории. Я — лесбиянец. Я люблю женщин...» Зал еще около минуты был в растерянности, и только потом раздался пер-

вый вздох облегчения... Так что, возможно, до какой-то степени на моем творчестве сказывается то, что я — редкий случай мужчины-лесбиянца...»

Игорю Всеволодовичу очень повезло: при том что он беззаветно любил женщин, его всю жизнь окружали, может быть, самые лучшие представительницы прекрасного пола. Именно под их влиянием Кир Булычев стал таким писателем, каким он был, только благодаря им он написал те произведения, которые сделали его широко известным.

Мария Булычева

В своей книге воспоминаний «Как стать фантастом» Кир Булычев замечает:

«Теперь, пытаюсь понять, почему же из меня вышел писатель-фантаст, а не иллюзионист, физик-экспериментатор, палеонтолог или черт знает кто; я сообразил, что в значительной степени этим обязан маме и, в частности, маминому окружению».

В этой книге писатель кратко рассказывает о своих предках в нескольких коленах; о большинстве — сухо и с иронией и только о маме — с настоящей теплотой и искренним трепетом. Это и неудивительно — в детские и юношеские годы она была для него всем.

Игорь Можейко родился 18 октября 1934 года в Москве. У его родителей — Всеволода Можейко и Марии Булычевой — была тогда комната в Банковском переулке, что недалеко от Чистых прудов. Туда его и привезли из роддома имени Грауэрмана. «В то время все достойные граждане Москвы рождались в роддоме имени Грауэрмана на Арбатской площади», — иронично заметил писатель в упомянутой выше книге.

Хотя встретились родители будущего писателя еще в 1923 году в городе на Неве, а в 1925-м там же поженились. В чем дело — отчего у молодой пары так нескоро появился первенец? Дело в том, что, опять же

судя по воспоминаниям писателя, его родители в эти годы не так уж много времени проводили вместе.

Всеволод Можейко был юристом. Он в пятнадцать лет ушел из семьи бухгалтера и, объявив себя сиротой, поступил учиться на рабфак — так он формально «приобрел» пролетарское происхождение, без которого тогда не могло быть никакого карьерного роста. А он на это всерьез рассчитывал. Он дела^л карьеру трижды. Первый раз в Ленинграде (точнее, Петербурге, городу тогда на какое-то время вернули довоенное название), где он окончил юридический институт и заявил о себе как о профсоюзном работнике. Очень скоро он стал председателем Ленинградской коллегии адвокатов. И тут нашлись «доброжелатели», которые откопали уникальное по своей глупости следственное дело: оказывается, отец молодого и активного адвоката был арестован, поскольку его приняли за... избежавшего расстрела императора Николая II! Потом, правда, выяснилось, что вся царская семья была уничтожена, и формулировку поменяли — теперь он был виноват в «связях с белогвардейцами», поскольку служил бухгалтером при всех режимах. Вот «за сокрытие белогвардейского прошлого отца» Всеволода Можейко и выгнали с работы со строгим выговором. Не дожидаясь более серьезных неприятностей, он уехал в Саратов, где работал его сокурсник. К 1932-му Всеволод Можейко уже был прокурором этого города, а еще год спустя — главным прокурором всей Средней Волги. Но и тут над его головой сгустились тучи — кто-то сообщил ему, что «под него копают». Всеволод Можейко не вернулся домой, а сел в проходящий поезд и приехал в Москву...

Мама будущего писателя была сиротой по настоящему, и ей пришлось перепробовать немало совсем не женских профессий. Ее приемная мать — Елизавета Гавриловна Булычева — умерла в 1921 году.

Марии Михайловне тогда было 16 лет. Она перешла из обычной школы в вечернюю и устроилась работать на фабрику Хаммера, где делали карандаши. Мария Булычева была хорошей спортсменкой и благодаря этому имела серьезный приработок — вместе со своими друзьями, в будущем знаменитыми советскими теннисистами, она выступала в качестве спарринг-партнера на корте и этим самым помогала детям нэпманов приобщиться к спорту. Потом энергичная девушка поступила в автодорожный институт и параллельно пошла работать шофером. Получив диплом инженера-механика, она продолжила обучение и поступила в Военную академию химической защиты им. Ворошилова. В 1933 году она получила звание военного инженера 3-го ранга и была распределена на должность коменданта Шлиссельбургской крепости, в которой в те годы был устроен склад боеприпасов...

Лишь в 34-м муж и жена воссоединились в Москве, где и родился их сын — будущий ученый и писатель. С Банковского переулкa они переехали в трехкомнатную квартиру на Сивцевом Вражке. Однако спокойная семейная жизнь продолжалась недолго. Третья карьера Всеволода Можейко оказалась самой успешной — в конце 30-х годов приказом Маленкова он был назначен Главным арбитром СССР. Это назначение изменило его характер — как пишет Кир Булычев, он «стал московским светским львом, полюбил бега, актрис и теннис в Гаграх». Он увлекся молодой начинающей артисткой и ушел из семьи, за которой, слава богу, удалось оставить квартиру. Хотя в одну из трех комнат подселили сослуживца отца.

Мария же, оставшаяся с пятилетним ребенком на руках, работала химиком в Институте экспериментальной химии. Довольно быстро она вышла замуж за доброго и талантливое человека — доктора наук Якова Бокиника. Семья была дружной — дядя Яша

быстро поладил с юным Игорем. А вскоре у мальчика появилась сестренка — Наташа. Однако и эта идиллия длилась недолго — началась Великая Отечественная война. Яков Бокиник в первый же ее день ушел в ополчение. Он прошел весь страшный путь и погиб 8 мая 1945 года, когда его уже ждали домой...

С ужасом Игорь Всеволодович вспоминает эвакуацию: «Я стараюсь никогда не отражать в прозе собственные воспоминания или переживания. Неловко.

Но одно воспоминание кошмаром возвращается многие годы. И я его воссоздал в повести «Чужая память».

Состав теплушек долго тащился к Волге, и мы привыкли к его полудневым стоянкам в степи.

Вот и в тот день мама взяла нас с Наташкой, подобно прочим несчастным мамашам в поезде, и повела гулять в степь. Там еще сохранилась зеленая трава и даже какие-то цветочки. Мама с двухлетней Наташкой собирали букет, а я гонялся за кузнечиком. А потом оглянулся и увидел, что наш поезд дернулся и медленно двинулся. И только после этого до нас донесся предупреждающий гудок.

Не знаю, не помню, что подвигнуло машиниста совершить такой поступок, но люди, разбредшиеся на сотни метров от полотна, кинулись, подхватывая детей, к поезду.

Мама схватила Наташку — ей ведь не добежать! А мне крикнула, чтобы не отставал.

Я бежал и трясся от ужаса, что поезд уйдет и мы останемся в степи.

Я ненавидел Наташку, потому что мама успеет донести ее до поезда, а меня забудет.

Я догнал маму и стал дергать ее за юбку. Не знаю уж, зачем я ее дергал. Но помню ощущение материи.

Мы успели, может, поезд остановился — не помню. И поехали дальше...»

Зато вернулась семья будущего писателя из эвакуации одной из первых. Уже летом они покинули Чистополь, где прожили около года. Вызов прислал отец — он хоть уже давно и не жил с семьей, но заочно помогал ей в основном благодаря своему положению и влиянию. Помогал деньгами и продовольственными карточками.

Они вернулись в свою квартиру на Сивцевом Вражке. С этим адресом связано все творческое становление будущего писателя Кира Булычева, пришедшее на тяжелые послевоенные годы. Игорь Можейко уже в те годы был выдумщиком и заводилой. Они с друзьями ходили в походы, создали общество Кто Во Что Горазд — сокращенно КоВЧеГ, все без исключения писали стихи и рассказы, издавали рукописные журналы. Конечно, все это существовало благодаря той атмосфере, которую создавала в доме мама. Эрнст Ангаров, друг детства писателя, вспоминает:

«Их небольшая квартира на Сивцевом Вражке была Домом Открытых Дверей... Почти всегда, в любое время любого дня, с предупреждением или без, один или с компанией, туда мог войти любой знакомый Игоря или Наташки. Новый знакомый входил — и становился вхож. Если, конечно, Мария Михайловна не находила противопоказаний. В подавляющем большинстве случаев она их не находила. Наоборот! Посреди чужой ли не ежедневной толчеи она, придя с работы, находила уголок и расставляла шахматы, потом выбирала себе партнера, с коварным выражением лица манила его... И не отыграть положение было даже неприлично».

Квартира была на первом этаже, и с весны до осени окно не закрывалось; это заметно облегчало мальчишескую жизнь — некоторые друзья, чтобы не идти во двор, обходя весь дом, лезли прямо с улицы через подоконник.

Мамины друзья, которые также часто посещали дом, — а среди них в основном были ученые и другие яркие личности, — стали для мальчика, растущего без отца, примером мужской доблести... Неудивительно, что в такой обстановке вырос творчески активный человек с пытливым умом.

А ведь времена были голодные, непростые. Мария Булычева брала работу на дом, она раскрашивала шелковые платки или диапозитивы для коридоров районных поликлиник — «на гигиенические темы», как потом заметит в своей книге Кир Булычев. «Конечно, мы с Наташкой не голодали, — пишет он, — а мама порой голодала. И у нее долго еще сохранялись привычки голодных времен». Так, уже даже в «сытные» времена она не могла есть апельсины — не любила, не приобрела привычки к этим заморским фруктам.

«Бог дал мне изумительную, необыкновенную мать, которой я всем обязан», — признается писатель.

Кира Сошинская

После школы Игорь Можейко поступил в Московский Государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Поступил не по собственному желанию (поначалу он хотел стать художником, а потом геологом) — было в то время в Советской России понятие «комсомольская разнарядка». Стране были нужны переводчики, а точнее, разведчики со знанием иностранных языков: хочешь получить высшее образование — учи языки.

В институте Игорь Можейко продолжил активно писать стихи. Мало этого, Игорь Всеволодович возглавил малотиражный студенческий литературный альманах «Наше творчество» — в нем кроме Андрея Сергеева печатались стихи молодого Павла Грушко, который впоследствии прославился прекрасным либретто

музыкальной драмы «Звезда и смерть Хаокина Мурьеты», с успехом поставленной в «Ленкоме» Марком Захаровым и вышедшей на киноэкраны. Тогда же Игорь Можейко занялся переводами фантастики. Его первой работой (совместной с однокурсником Леонидом Седовым) на этом поприще стал рассказ Артура Кларка «Пацифист» — его напечатал журнал «Знание — сила».

Институт Игорь Можейко окончил в 1957-м. В этом же году он женился на студентке Архитектурного института Кире Алексеевне Сошинской, ставшей его спутницей на всю жизнь и одним из самых тонких его художников-иллюстраторов.

«Мы познакомились за год до этого, когда я увидел ее на вечеринке у общего знакомого, — вспоминал писатель, — вошел с опозданием, Кира стояла у стены — помню платье с большими карманами, — и я впервые в жизни подумал: я на этой девушке женюсь. А ведь до этого были романы, драмы, но такой мысли не возникало. Мне очень не хотелось жениться».

Со студентами-архитекторами Игорь познакомился в доме отдыха под Ленинградом. Один из них устроил вечеринку и пригласил нового приятеля. Кроме уже знакомых были и новые лица. А вот как об этом же вспоминает Кира Алексеевна:

«Мне очень не хотелось идти, но мама меня уговорила: «Ну, что ты будешь сидеть дома — пойди развлекись!» Была обычная студенческая вечеринка, которую устроил мой знакомый по архитектурному институту, — танцевали, шутили. Мне стало скучно, и я решила пораньше уйти домой. И уже когда я выходила из квартиры, я обратила внимание на молодого человека, который стоял у окна, и у меня ментально пролетела мысль: я за него выйду замуж. Хотя до этого никакого желания немедленно создавать семью у меня не было. Я потом только узнала, что у него возникла такая же мысль».

Это было в марте 1956 года. Молодые люди договорились встретиться летом в Крыму — у бабушки Киры Сошинской в Симферополе был маленький, выросший в землю домик. Но Игорь Можейко работал переводчиком в группе лесоводов, приехавших в СССР из разных стран, и к назначенному времени не успел. На почтамте в Симферополе он нашел оставленную «до востребования» записку: «Никому нельзя верить...»

Однако давно известно, что от судьбы уйти нельзя. С интернациональной компанией лесоводов Игорь объехал всю Украину и вновь оказался в Крыму. На том же почтамте он нашел вторую записку — уже не такую строгую: в ней говорилось, что Кира уехала в Алушту, и сообщался адрес. Руководитель группы доверил Игорю личный автомобиль и разрешил отлучиться. У них было всего два часа. Они сидели на склоне горы под грецкими орехами и смотрели на море... Много лет спустя Крым станет местом действия первых двух романов цикла «Река Хронос» — местом, где встретились и полюбили друг друга его главные герои Андрей и Лида.

А в январе 57-го Игорь и Кира поженились.

Кира Сошинская тогда не знала, что уже одним этим фактом она изменила не только личную, но и общественную жизнь Игоря Можейко, а возможно, и творческую... На момент окончания института на курсе было всего шестеро женатых мужчин со знанием английского языка. Двое из них пошли работать в КГБ, а четверых оставшихся направили в Бирму — там российские специалисты строили несколько объектов. Холостых в то время за границу не пускали, а женатые — другое дело: есть гарантии, что не попросят политического убежища.

В Бирме Игорь Можейко был и переводчиком, и завхозом, а потом и корреспондентом Агентства печа-

ти «Новости» и журнала «Вокруг света». Влюбившись в загадочную восточную страну, он занялся исследованием ее истории и культуры и по возвращении в Москву поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, которую закончил в 1962 году. А в 1965 году защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Паганское государство (XI — XIII века)». Работал он в Институте Стран Азии и Африки.

Первыми текстами будущего писателя были очерки о Бирме для «Вокруг света». В этом же журнале вышел его первый художественный рассказ «Маунг Джо будет жить», подписанный еще настоящим именем.

Написав научно-популярную книгу «7 и 37 чудес», Игорь Всеволодович предложил своей супруге проиллюстрировать ее. В тексте говорилось о величайших сооружениях Восточной Азии, и архитектурное образование оказалось весьма кстати. Кире Алексеевне очень понравилось заниматься иллюстрацией, и она оформила книгу Игоря Всеволодовича об истории пиратства «В Индийском океане», а потом начала иллюстрировать и сборники его повестей и рассказов. Семейным тандемом созданы прекрасные книги: «Чудеса в Гусляре», «Люди как люди», «Летнее утро», «Смерть этажом ниже», «Похищение чародея», первое издание «Реки Хронос»...

Кроме всего прочего Кира Сошинская стала ангелом-хранителем Игоря Можейко. Она понимала серьезность и важность научного и литературного творчества своего мужа, работавшего за столом по несколько часов, и брала на себя большую часть нагрузок по дому. Творческий успех очень часто зависит от понимания со стороны супруги! Впрочем, начинающий писатель и молодой ученый тоже не скрывался в Башне из Слоновой Кости — каждый раз, возвращаясь из института домой, он непременно заботливо приносил что-нибудь вкусненькое. Но тут же садился за стол — он невероятно много читал и так же много писал. Он проглатывал книгу

за книгой, журнал за журналом, и все это копилось в его голове, а потом превращалось в увлекательнейшие научно-популярные и прекраснейшие художественные произведения.

Супруга ревностно берегла покой Игоря Всеволодовича. Если бы не она, многих его произведений просто не было бы написано. На них не хватило бы времени. Особенно это было важно в те годы, когда он приобрел невероятную читательскую популярность, с которой могла сравниться только слава братьев Стругацких. Дело в том, что Кир Булычев совершенно не умел говорить «нет» — ему звонили из разных городов и литературных клубов, звали, просили устроить творческую встречу... Детям он не мог отказать совсем, а вот когда к нему прорывались взрослые поклонники творчества, фильтром выступала Кира Алексеевна. И ее заслуга в этом огромна.

Алиса Можейко/Селезнева

В 1960 году у Игоря и Киры родилась дочь — ее называли Алиса. Молодая семья тогда жила в маленькой двухкомнатной квартире вместе с родителями жены. У родителей была комната в 12 квадратных метров, у Игоря с Кирой — в 10. В будние дни ребенок ночевал с бабушкой и дедушкой, потому что отец, вернувшись из института, допоздна работал над текстами, на выходные девочку забирали родители... Это был очень важный период метаморфоз, когда Игорь Можейко из простого «легкого человека» превращался в профессионального писателя — сначала популяризатора, а потом и прозаика. Кира Алексеевна вспоминает:

«Игорь не был хорошим отцом в общепринятом смысле этих слов. Он вообще не любил выражать свои чувства активно, в этом смысле он был очень сдержанным человеком. Но Игорь не просто любил Алису — он ее тихо обожал. Иногда я незаметно для

него обращала внимание на то, какими глазами он на нее смотрел, когда она этого не видела».

Самым лучшим доказательством этого «тихого обожания» стало его первое художественное произведение. В 1965 году он написал повесть «Девочка, с которой ничего не случится». Это была подборка веселых и трогательных историй, случившихся с отцом-профессором (правда, не истории, а космозоологии) и его непоседливой дочерью по имени Алиса. Еще важное отличие в том, что жили они в середине тогда еще далекого XXI века. Невероятно трогательна миниатюра о том, как отец укладывает дочку спать и грозитя позвонить по видеofону Бабе-яге, но попадает... в Марсианское посольство. Потом Алиса, гуляя в саду, находит миниатюрных пришельцев, потом убегает в прошлое... Ну, конечно же, эти истории были навеяны реальным общением писателя с дочерью Алисой.

Повесть приняли к печати в альманах «Мир приключений».

Как это бывает часто, литература тоже повлияла на жизнь. Кира Алексеевна вспоминает:

«Вот что любопытно — со временем у нашей реальной Алисы проснулись черты Алисы литературной. Так, например, у нее появилась страсть к путешествиям, которой не было изначально... Хотя, конечно, это она унаследовала от отца, ведь он был самым настоящим непоседой. Ему постоянно хотелось куда-то поехать — ну, хоть на два дня в Ленинград! То же самое и у нашей Алисы — все деньги, что она зарабатывает, тратит на путешествия».

Другие

Конечно, были в жизни Игоря Всеволодовича Можейко, известного как Кир Булычев, и другие прекрасные женщины. Конечно, сыграли они не такую важную роль, но были. Это и живые люди, и персо-

нажи его произведений, и те, с кем он работал, и те, с кем дружил. О каждой из них можно написать отдельную новеллу...

Это и сестра Наталья — обладательница невероятно красивых волос, с которыми так трудно было жить в военной и послевоенной Москве. В нее влюблялись все его друзья, посвящали ей стихи...

Это и загадочная и совершенно неземная Елена Метелкина, сыгравшая Нийю в кинокартине «Через тернии к звездам». Она в момент покорила весь Советский Союз, сыграла еще две роли в кино, а потом многие годы незаметно работала продавцом-консультантом в доме моделей. Она так и осталась настоящей инопланетянкой...

Это и Наталья Гусева, сыгравшая Алису в телесериале «Гостя из будущего». Обладательница удивительно выразительных глаз.

Это и Лидочка из романного цикла «Река Хронос». Кира Алексеевна рассказала, что у этой героини был прототип — ее тетка, трогательная женщина, которую иначе чем с уменьшительно-ласкательным суффиксом никто не именовал...

Это и Зоя Платоновна, три повести о которой пришли к читателям только в этом году, благодаря сборнику «Многоуважаемый микроб»...

Но главными были и остаются — мама, жена и дочь... И это так символично отразилось в его творчестве. И эта новелла — о них.

«Я не могу сказать, что Игорь лучше других мужчин понимал психологию женщин, — задумалась над моим вопросом Кира Алексеевна Сошинская, — Нет... Но любопытство, желание их понять у него было огромное».

4. Кир Булычев — несостоявшийся автор аниме

В начале 1981 года на киностудии «Союзмультфильм» заканчивалась работа над большим проектом — полнометражным фантастическим мультфиль-

мом «Тайна Третьей планеты». Снимал режиссер Роман Качанов («Варежка», «Чебурашка», «Крокодил Гена и др.) по сценарию, в основу которого легла повесть Қира Булычева «Путешествие Алисы». Параллельно на студии развивался другой глобальный проект, следы которого прошедшим летом обнаружил в архивах «Союзмультфильма» исследователь советской мультипликации Георгий Бородин.

«Начало переговоров о советско-японской мультипликационной постановке относится, видимо, к 1979 году, — рассказывает Георгий. — Во всяком случае, в марте 1980-го уже была выбрана тема — вольная экранизация романа Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан» и сформирован первый состав съемочной группы с советской стороны: сценарист Альберт Иванов, режиссер Анатолий Петров («Полигон», «Геракл у Адмета» и др.), художник-постановщик Галина Барина, композитор Шандор Каллош. Японская сторона представила сценарий «Записки пятнадцати ребят из дрейфа», написанный Исимори Сиро по мотивам романа Жюль Верна. 30 января 1981 года старший редактор «Союзмультфильма» Елена Михайлова дала отрицательный отзыв об этом сценарии, где говорилось, что он имеет слишком мало общего с первоисточником, а по сюжету и характеру очень напоминает фильм «Пираты Тихого океана». Предлагалось вернуться к роману Жюль Верна, переработав его с участием советского драматурга. Переработка была поручена Киру Булычеву».

Уже в апреле 1981 года Кир Булычев предложил на студию сценарную заявку, она была одобрена и 23 апреля направлена во всесоюзное объединение «Совинфильм». В семистраничном либретто рассказывается о том, как капитан Степан Водяной из Одессы, юнга Денис (Дик!), кузен Бенедикт и его племянница Мэри отправляются на поиски Морского змея. В одном из портов на борт корабля под видом кока

проникает Негоро. Потом путешественники спасают с полузатопленной лодки японского мальчика Кэйдзи и собаку Динго. Дальнейшие приключения этого экипажа отчасти напоминают коллизии романа Жюль Верна, отчасти же его травестируют в мультипликационной форме. Уже в сценарной заявке Кира Булычева есть множество забавных и ярких эпизодов. Так, Негоро в соответствии с сюжетом романа-первоисточника кладет под компас нож, но собака Динго его достает и выкидывает за борт. Злодей кладет топор, но умный пес выкидывает и его. В конце концов за бортом оказываются все металлические предметы, включая ложки и вилки, — экипажу нечем есть.

«13 мая 1981 года между японской кинокомпанией «Нikkaцу — детский фильм» и «Союзмультфильмом», представляемым «Совинфильмом», было заключено предварительное соглашение о создании фильма, — продолжает рассказ Георгий Бородин. — Литературный сценарий Булычев и Исимори должны были представить на утверждение сторон до конца июля, работу над режиссерским сценарием планировалось провести с августа по октябрь, в ноябре утвердить режиссерский сценарий и не позднее 1 декабря в Москве подписать договор о совместной постановке. Создание мультфильма брала на себя советская сторона. Соавтором Анатолия Петрова должен был стать японский режиссер, композитора тоже выдвигала японская сторона. Пленку «Фудзи» обещали предоставить японцы, они же брали на себя лабораторную обработку материала и монтажно-тонировочные работы. Хранение негатива оставалось за СССР. В архиве Анатолия Алексеевича Петрова сохранились эскизы к этому фильму, в которых он использовал типажи героев законченной в 1980 году и сильно искаленной цензурой картины «Мореплавание Солнышкина». Эти эскизы экспонировались во ВГИКе на выставке памяти режиссера. Однако 29 сентября «Совинфильм» и Главная сценар-

ная редакционная коллегия Госкино поддержали изначальный японский сценарий. Они порекомендовали доработать его, освободив от религиозных мотивов, исключив «приметы буржуазной действительности, а также показ представителей вооруженных сил одной из капиталистических стран», усилив социальные моменты, «более соответствующие времени действия», а также «более познавательно и изобретательно, с учетом специфики мультипликации разработать приключения детей на экзотическом острове». Студии предлагалось повторно определить советского сценариста. Тогда же была декларирована целесообразность съемки совместного полнометражного мультфильма для детей 1—2 классов, и советские представители (директор студии Д. К. Зотов и режиссер А. А. Петров) согласились рассмотреть предложенную японцами повесть Томико Инуи «Сказка о пингвине». В конце концов этот сюжет, доработанный Виктором Мережко, и лег в основу первого совместного советско-японского фильма «Приключения пингвиненка Лоло» (1986—1987, реж. Г. Сокольский и К. Есида).

А Кир Булычев в свою очередь продолжал собственную работу. В архивах «Союзмультфильма» сохранилось еще одно либретто мультфильма — космический вариант «Пятнадцатилетнего капитана». В нем в космос отправляются капитан Иван Котов, его сын Степан, робот Стах и собака Динго. Они получают сигнал бедствия с японского корабля «Сакура» и опускаются на астероид, где попадают в плен к роботам, но находят девочку Сузуко и ее отца ученого Като. Пленников на потеху деградировавших человечков хотят бросить на съедение ледяным драконам... Но астероид оказывается древним космическим кораблем, и герои спасаются... Мультфильм по этому сюжету, как мы знаем, поставлен не был, зато знатоки творчества Кира Булычева в представленной истории легко распознают основу повести «Ловушка», которая

печаталась в «Пионерской правде» в соавторстве с ее читателями, а потом была переработана уже в авторский вариант — «Пленники астероида».

История эта о том, как Кир Булычев чуть было не стал автором сценария советского аниме, отчасти грустная, а отчасти вполне оптимистическая — ведь у настоящего художника напрасной работы не бывает. Все, что придумывает настоящий писатель, рано или поздно воплощается в интересные и любимые читателями произведения.

5. Вголь по «Реке Хронос»

В 2005 году издательство «АСТ» решило издать незаконченную четвертую часть романного цикла Кира Булычева «Река Хронос». Непосредственного продолжения приключений Андрея и Лидочки в беспокойные времена 1918 года читатели ждали много лет. Кир Булычев работал над романом, отвлекаясь на другие произведения. И вроде даже закончил его. Однако законченной рукописи не оказалось ни в домашнем архиве, ни в редакции. Но все тот же неутомимый Михаил Манаков нашел почти законченную рукопись и черновики с дальнейшими планами развития цикла. Сотрудники редакции, возглавляемой Николаем Науменко, предложили мне написать предисловие к книге, в которую бы впервые вошли не три, а четыре романа «Реки Хронос» и комментарии к незаконченному роману. Я предложил соавторство Михаилу, но он не тронул написанный мною текст, а лишь уточнил кое-какие даты и вставил очень важную цитату. За что ему большое спасибо.

В 1992 году в издательстве «Московский рабочий» под одной обложкой, в виде непривычно большого для фантастики тома вышли романы «Наследник», «Штурм

Ай-Тодора» и «Возвращение из Трапезунда» — первые три книги из цикла «Река Хронос». Несмотря на то что в оглавлении они значились именно «книгами», они все-таки производили впечатление единого произведения, где действие плавно перетекает из одной части в другую. Читатель «вступает» в Реку Хронос в августе 1913-го, потом вместе с главными героями «перепрыгивает» из октября 1914-го в март 1917-го и расстается с ними в декабре 1917-го... Главные герои — Андрей и Лидочка — с первых страниц очаровывали читателя, богатая неожиданными поворотами интрига затягивала, а неожиданный для приключенческого романа неспешный ритм располагал читателя к продолжительному чтению. К тому же финал третьей книги — «Возвращение из Трапезунда» — недвусмысленно намекал на возможность продолжения. Видимо, уже тогда — в начале 90-х — у Кира Булычева в общих чертах сформировалась канва четвертой книги.»

Продолжение не заставило себя долго ждать — в 1992-м частично, а в 1994-м целиком вышел роман «Заповедник для академиков». Вот только действие в нем происходило в 1932 и 1939 годах. Как Андрей и Лидочка пережили Гражданскую войну, слом эпох и формаций, разруху и голод — оставалось тайной. Автора легко понять: тема репрессий 30-х годов тогда только выходила из-под запрета, она была абсолютно не освоена писателями-фантастами, казалась интересной и злободневной. Киру Булычеву самому хотелось написать об этом страшном времени, обнажившем людские характеры.

Новое время также требовало к себе пристально-го внимания, и результатом этого стали три детектива — «Усни, красавица», «Таких не убивают» и «Дом в Лондоне» — действие их происходило уже в наши беспокойные дни, в середине и в конце 90-х соответственно. В начале последнего десятилетия XX века была написана повесть «Младенец Фрей», которая

со временем разрослась в роман, основное действие которого проходит в 1992 году. Новые и новые дела и проекты отвлекали Кира Булычева от четвертой книги «Хроноса».

«Действие третьей книги (в издании «Московского рабочего» — первого тома, объединявшего три книги) заканчивается Рождеством 1917 года, — писал Кир Булычев в апреле 2000 года. — Зимой 1918-го герои отправляются сначала в Киев, где попадают в переворот, затем подаются на север и чудом добираются до Москвы в замерзающем вагоне. События в Москве должны быть связаны с убийством Мирбаха, покушением на Ленина, эсеровским «мятежом» и переплетением судеб персонажей романа и исторических персонажей. Этот том, который пока написан у меня до приезда в Москву, то есть на треть, должен завершаться альтернативой — иным режимом, иной историей. Будь я человеком разумным, бросил бы все и дописал эту книгу, тем более что грех ей лежать частично написанной больше пяти лет». Писатель очень трепетно относился именно к этому своему циклу, он не хотел писать новую книгу впопыхах, между делом — он с самого начала ставил перед собой очень высокую планку.

В канун 2003 года члены оргкомитета фестиваля фантастики «Роскон» намекнули Киру Булычеву, что хотели бы вручить ему приз «Большой Роскон» — за вклад в российскую фантастику. Однако писатель наотрез отказался. «Не хочу, чтобы вы мне вручали приз за старые заслуги! Я хочу написать большой хороший роман, я надеюсь, что я его напишу... И вот тогда я с удовольствием приеду на «Роскон» и приму ваш приз!» По всей видимости, он имел в виду роман «Покушение» — эту самую недостающую четвертую часть «Реки Хронос». В начале 2003 года, давая интервью для газеты «Книжное обозрение», Кир Булычев сказал: «У меня четвертый том уже написан до половины три года назад. И я боюсь садиться его за-

канчивать. Восемнадцатый год до половины дописан. Они уже приехали в Москву и поселились в квартире мамы Врангеля...

Основная работа над книгой пришлось на весну 2003 года. Судя по всему, в мае—июне текст в первой редакции был готов, и писатель отложил его, чтобы через какое-то время вернуться к редактуре и шлифовке. В это время он занялся подготовкой новой редакции первых трех книг «Реки Хронос».

В конце июля Игорь Всеволодович лег в больницу — как казалось поначалу, для плановой проверки. Он был полон творческих замыслов: собирался съездить за границу, сесть за чтение книг—кандидатов на премию «Алиса», ну, и, конечно же, многое написать, дописать, отредактировать... 5 сентября 2003 года Игоря Всеволодовича Можейко не стало. Отложенные им дела остались недоделанными.

Рукопись «Покушения» была обнаружена в его архиве. В ней не хватает нескольких десятков последних страниц, однако найденный там же план позволяет понять, как должно было заканчиваться это произведение. Часть рукописи обильно покрыта исправлениями (свидетельства тщательной работы писателя), другая же — чиста, до нее писатель еще не добрался. В таком виде этот текст и вошел в книгу. Внимательный читатель может обнаружить в нем некоторые шероховатости и даже небольшие «несостыковки» — конечно же, писатель устранил бы их при дальнейшем редактировании. Но не успел... И все равно даже в таком, не доведенном до идеала виде текст дает достаточно полное представление о замысле Кира Булычева, считавшего «Реку Хронос» главным делом своей жизни.

К огромному сожалению читателей, цикл остался незаконченным. Хотя новые книги, входящие в него, продолжают выходить и после смерти писателя. Игорь Всеволодович не успел увидеть книжного издания романа «Дом в Лондоне», вышедшего в издатель-

стве «Омега». Это самый последний по хронологии роман цикла. В архивах Кира Булычева была найдена почти законченная рукопись «Покушения» — четвертой части, действие которой происходит в 1918 году...

«Река Хронос» — это уникальный литературный проект, в котором нашли воплощение обе творческие стороны Игоря Всеволодовича, обе его главные ипостаси: история и литература. В этом проекте органично соединились самые разные литературные направления: и семейная сага, и классическая фантастика, и альтернативная история, и детектив, и роман о любви, и сатира, и глубокая трагедия. Его главные герои — супруги Андрей и Лидия Берестовы.

Первая книга цикла вышла в 1992 году в издательстве «Московский рабочий». Она сразу же привлекла к себе внимание как нечто неординарное. Неожиданным был сам формат книги — она оказалась огромной, словно старинный фотоальбом. Эту иллюзию укрепляли иллюстрации, сделанные супругой писателя Кирой Алексеевной Сошинской, — они были стилизованы под старинные фотографии и открытки. При том что этот фолиант было довольно неудобно читать, он настраивал на очень правильный лад — казалось, что вместе с каждой страницей романа ты переворачиваешь страницу российской истории XX века. Под массивной обложкой с золотым тиснением «Река Хронос» вышли первые три книги цикла — «Наследник», «Штурм Ай-Тодора» и «Возвращение из Трапезунда». Действие первой книги происходит в 1913—1914 годах, во второй и третьей — в 1917-м. Юные герои романа — Андрей и Лидочка — встречаются, влюбляются и женятся. При этом они оказываются в самой гуще событий с начала времен реакции и Первой мировой войны, а потом Февральской и Октябрьской революций. Дело в том, что Андрей получает в наследство необычный прибор — он позволяет переноситься вперед по времени, помогает нырнуть

в одном месте «Реки Хронос», а вынырнуть гораздо ниже по течению. Иногда, выныривая, герои попадают в альтернативные, но при этом нестойкие «ответвления» времени. Так, например, они оказываются в ситуации, когда Россия победила в Первой мировой, взяв штурмом Стамбул-Константинополь, где и был повенчан на царствование малолетний наследник, сын Николая... Однако этот мир распался, едва герои успели его покинуть.

Первые три тома потом с дополнениями были переизданы в «АСТ».

«Сейчас в АСТ вышли первые три книги «Реки Хронос». Это «Наследник», «Штурм Дюльбера» и «Возвращение из Трапезунда», — писал Кир Булычев весной 2000 года. — Эти книги несколько отличаются от первого издания «Хроноса» в «Московском рабочем». Во-первых, вторая книга иначе называется. Раньше она именовалась «Штурм Ай-Тодора». Виновен в этом только я, потому что с опозданием узнал, что во время описываемых событий часть царской семьи находилась именно в Дюльбере. К тому же мне показалось полезным дописать для второго тома большую главу об убийстве Распутина, так как это событие определяло цепочку сцен, описанных в томе. Поэтому в этом издании второй том листа на два больше, чем в первом. Кроме того, по тексту всех трех томов прошли изменения и поправки. Иногда существенные».

Примечательно, что, выпустив ту или иную книгу цикла, писатель не мог забыть ее, как это бывает часто со многими беллетристами, — он снова и снова возвращался к ней, переделывал, дописывал. В результате в мае 2003 года Игорь Всеволодович передал в издательство совершенно новую, заметно отличающуюся от всех прежних версию первых трех романов. Они вышли также в составе одной книги в конце 2004 года. В последний год жизни Кир Булычев активно работал

над романом «Покушение», сюжет которого непосредственно продолжает действие этих трех книг.

Неизвестно, собирался ли Кир Булычев писать про 20-е годы, но действие следующего романа — «Заповедник для академиков» — происходит уже в 1932 году. Здесь же кроме реального исторического процесса описывается еще и альтернативный — она так и разделена на две части: «КАК ЭТО БЫЛО» и «КАК ЭТО МОГЛО БЫТЬ». Книга вышла в 1994 году как приложение к газете «Криминал», а потом в издательстве «Текст». Нетрудно понять, почему автора привлек именно этот период российской истории. В начале 90-х он только открывался для большинства россиян. Уже вышло немало художественных произведений, описывающих, КАК ЭТО БЫЛО, но пока еще никто не посмел задуматься, КАК ЭТО МОГЛО БЫТЬ. Для этого нужно быть историком и писателем-фантастом одновременно. У писателя, которого многие по инерции мышления считали детским, получилась необычайно пронзительная и страшная книга. Редко когда фантастика оказывалась настолько исторически и психологически достоверной. Один из посетителей сайта Кира Булычева даже упрекнул его в том, что он вставил в книгу реальную трагическую историю. Писателю осталось только развести руками — все персонажи книги были вымышленными, они не имели прямых прототипов, все их истории также были придуманы, а не взяты из жизни. Однако книга оказалась настолько правдива, что не обошлось без совпадений. Кир Булычев писал о том, что МОГЛО БЫТЬ, но получилось так, словно это БЫЛО... К теме страшных 30-х Кир Булычев вернулся позже в своем романе «Операция «Гадюка», вышедшем в 2000 году. Книга эта является заключительной частью трилогии «Театр теней», хотя некоторыми по ошибке также относится к циклу «Река Хронос»

(так написано на обложке книги, вышедшей в серии «Миры Кира Булычева»). Новый трехтомник должен исправить эту досадную неточность.

О том, насколько дорог был писателю цикл «Река Хронос», многое говорит история создания романа «Младенец Фрей». Небольшая повесть о том, как Ленин, почувствовав опасность, начал стремительно молодеть, пока совсем не превратился в младенца, была написана довольно давно — по всей вероятности, еще в середине 80-х. Однако по тем временам она была абсолютно «непроходной», поэтому не один год пролежала в столе без движения. В начале 90-х писатель вернулся к ней и первым делом заменил главную героиню... Сейчас это трудно представить, но первоначально героиней этого произведения была Калерия Петровна, научный сотрудник Института Экспертизы; повесть прилегалась к рассказам «Письма разных лет», «Добряк», «Кому это нужно?» и др. Сохранилась рукопись с обильной правкой — по всему тексту вместо Калерии появилась Лидочка! В 1993 году эта повесть была напечатана в минском журнале «Фантаkrim-МЕГА», но спустя несколько лет писатель снова вернулся к тексту — к 2000-му он разросся до размеров романа и вышел в серии «Миры Кира Булычева» издательства «АСТ».

Лидия Берестова вновь появляется на страницах трех детективных романов: «Усни, красавица» (первое издание — 1994 год), «Таких не убивают» (1998) и «Дом в Лондоне» (2003). На первый взгляд, эти произведения по отношению ко всему творчеству Кира Булычева стоят особняком. В издательстве «Омега» они даже вышли потом под лозунгом «Знакомый незнакомец». Издатели практически не лукавили. Да, в этих книгах был представлен новый и неизвестный пока Кир Булычев. Да, в них были собраны четыре детектива, написанные популярным мастером совсем другого жанра — фантастики. Однако эти книги были сделаны

очень тонко: те читатели, которые, кроме них, у Кира Булычева не читали ничего, ни на единой странице не почувствуют себя в чем-то ущемленными и прочтут добротный криминальный триллер, те же, кто читал другие произведения из цикла «Река Хронос», обязательно заметят их тесную связь. Эти детективы продолжают темы и сюжеты, начатые в фантастических произведениях Булычева. Но любителям современной криминальной литературы совсем не обязательно было знать, что «дама бальзаковского возраста», смело вступающая в противоборство с бандитами и «новыми русскими», родилась в конце XIX века...

Прием с необычным прибором для прыжков во времени позволил Киру Булычеву описать историю нашей страны как историю семьи. Причем, проходя по шкале времени, герои почти не стареют — Первую мировую они встретили, когда им было по 17—18, а во времена постперестроечного беспредела им немногим за тридцать. Таким образом, герои догнали своего автора — дальше прыгать во времени было некуда. Вот тогда-то и появились эти три романа и одна повесть. Андрей Берестов в них уходит на второй план — он то уезжает в экспедицию, то еще куда-то — а на первом плане оказывается Лидочка. Неугомонная молодая женщина «ненашего воспитания» не может пройти мимо, бросив кого-то в экстремальной ситуации. Поэтому и попадает в довольно опасные перипетии. Действие романа «Усни, красавица» происходит в Москве. В нем фигурирует шкатулка, в которую когда-то, в прошлых книгах, Андрей и Лидочка спрятали важные документы. Трагедия, описанная в романе «Таких не убивают», разворачивается в подмосковном дачном поселке, а третья книга, «Дом в Лондоне» заносит Лидочку в современный Лондон, в семью неожиданно разбогатевшего «советского ихтиолога». Кстати, она едет туда по поручению пана Теодора, фигурировавшего еще

в книге «Наследник» — родственника Андрея, члена сообщества бессмертных и Управления судьбами Земли, научившего молодых людей перемещаться вперед по времени. Кир Булычев хотел вернуться к этому роману и «насытить» его фантастикой — он собирался подробнее прописать «миссию» Лидочки и ее связь с сообществом бессмертных. Увы, это все осталось в области МОГЛО БЫТЬ...

Повесть «Купидон» — это даже не детектив, а скорее психологическая зарисовка, потому что в конце выясняется, что никакого преступления не было совершено. Она возвращает читателей в середину 80-х годов. Повесть дважды печаталась в таком виде, однако потом писатель решил «вывести» ее из цикла «Река Хронос» — он переписал ее, «отдав» своей новой героине — Зое Платоновне. Киром Булычевым было написано несколько повестей, собирающихся в общий цикл «Мисс Марпл от Кира Булычева»; найденные в архивах писателя рукописи небольших повестей вместе с уже публиковавшимся «Купидоном через сорок лет» составят хороший сборник, но эта книга еще ждет своего издателя.

Детективы Кира Булычева отличаются от других произведений этого жанра необычной плавностью и неспешностью. Автор точно замечает типажи и подробно прописывает персонажей, он затягивает читателя в повествование, а потом ошарашивает неожиданным финалом. Булычев всегда был непримирим к пошлости, стяжательству и всем формам непорядочности. Он очень тонко чувствовал фальшь и то, что называется «некрасивый поступок». Никогда такого не прощал. Все это нашло воплощение в его детективных историях, в которых страшные убийства совершают не профессиональные бандиты или патологические маньяки, а заурядные обыватели, ослепленные жадностью и эгоизмом...

Как это было и как могло быть (вместо послесловия)

Уход Кира Булычева был большой потерей не только для российской фантастики, но и для всей общественной жизни нашей страны. Ведь это именно ему удалось создать тот образ будущего, который вдохновлял наше поколение. Это «прекрасное далеко», в котором иные планеты исследуются смелыми биоформами, тела которых изменены в соответствии с суровым неземным климатом, где космический корабль «Сегежа» всегда готов прийти на выручку представителям любой цивилизации, где непоседливая Алиса борется со злом, которое осталось только в далеком космосе... Ради такого будущего хотелось жить и работать. К нему хотелось стремиться. Достигать.

У нынешнего поколения такого яркого образа будущего нет. Было очень странно слышать, когда юный радиодиджей назвал «прекрасным далеким» не будущее, а прошлое. Он, наверное, не видел мини-сериала «Гостя из будущего» и песни не слышал... А это ведь очень многое говорит об обществе: в чем видят больше света его представители — в прошлом или в будущем. От этого зависит развитие этого общества. Кто-то пошутил в Сети: я хочу вернуться в прошлое, потому что тогда было будущее.

Жизнь сегодняшним днем имеет много побочных эффектов. Это и коррупция, и стяжательство — мол, бери от жизни все сегодня, сейчас... Это и наркомания, и преступность малолетних — будущего-то нет...

В какой-то момент, посетив несколько писательских встреч на телевидении и обычных «круглых столов», я понял, что в обществе зреет четкий «социальный заказ»: создать этот самый светлый образ будущего. Людям нужно представлять себе будущее, «в котором хотелось бы жить». «Придумайте нам

будущее!» — словно просят наши современники и соотечественники.

Эх, был бы жив Кир Булычев — он бы что-нибудь придумал. Он всегда был далек от официальной социалистической пропаганды, но образ-то будущего, не противоречащий ей, все же создал. И какой! Уверен, он и сейчас нашел бы выход. Он создал бы, придумал привлекательное будущее, которое могло бы вырасти из нашего не самого презентабельного настоящего. Он создал бы его непротиворечиво и ярко. И, я уверен, многое бы изменилось. В нашем мире прибавилось бы оптимизма, прибавилось бы желания работать и творить.

Да, если бы Кир Булычев писал бы сейчас, он мог бы что-то придумать. Но его нет. Альтернативные версии развития исторических событий стремительно разрушаются... И нам важно вовремя покинуть эти ответвления, вернуться в основное течение реки Хронос. Но уже с багажом увиденного в других потоках...

Нам придется создавать новое «прекрасное далеко» уже самим. Читая при этом книги Кира Булычева. Учась у него. Изучая его уникальные рецепты. Рецепты человечности, рецепты доброты.

Пролог

Андрей Рябоконь. КИР БУЛЫЧЕВ: И В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ..... 7

Часть первая. ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Кир Булычев. ПЛЕННИКИ ДОЛГА 17

Кир Булычев. ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ.....58

Часть вторая. ИСКУШЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

Сергей Удалин. ИСКУШЕНИЕ ЧАРОДЕЯ 65

Часть третья. ПАПА НАВСЕГДА!

Олег Пелипейченко. ТАЙНА ОЧЕРЕДНОЙ ПЛАНЕТЫ 84

Николай Калининченко. MIRABELE FUTURUM.....90

Влад Копернин. СКВОЗЬ ЗЕРКАЛО 133

Юлия Мальт, Ирина Скидневская. ГРОМОЗЕКА И МАЛЫЙ
ЭВРИДИКСКИЙ ДРАКОН 160

Мария Гинзбург. ЧТО СКАЗАЛ МИНЦ..... 187

Максим Хорсун. ПАПА НАВСЕГДА! 214

Григорий Панченко. САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ 227

Часть четвертая. ОТВЕДИ МЕНЯ В СВОЙ МИР

Борис Богданов. ОРДЕНОНОСЕЦ 258

Владимир Венгловский. ОТВЕДИ МЕНЯ В СВОЙ МИР 272

Андрей Марченко. ПРИМЕСИ 282

Майк Гелприн, Наталья Анискова. САМЫЙ ГЛАВНЫЙ
ДОМАШНИЙ ЛЮБИМЕЦ 299

Александр Голиков. ЛЬГОТЫ ДЛЯ НЕРВНЫХ..... 320

Часть пятая. РОВНЫМИ СТЕЖКАМИ

Илона Самохина. ИСПОЛНИТЕЛЬ 325

Наталья Караванова. РОВНЫМИ СТЕЖКАМИ.....349

Алексей Волков. БИЛЕТ..... 378

Алексей Волков. ГИПНОТИЗЕР 386

Часть шестая. ОТЧЕГО ЛЮДИ...

Владимир Аренев. ОТЧЕГО ЛЮДИ...	398
Мария Ясинская. КОСМИЧЕСКИЙ СТЮАРД	487
Сергей Пальцун. ОХОТА НА БЕЛУЮ СМЕРТЬ	527
Евгения Халь, Илья Халь. ПРОЕКТ «ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ» ..	545
Олег Пелипейченко. КОНТАКТ	571
Владимир Марышев. ВО СПАСЕНИЕ.....	583
Сергей Звонарев. ДАЛЕКОЕ, БЛИЗКОЕ	599
Ника Батхен. НЕПРИКАСАЕМЫЕ.....	623
Игорь Вереснев. ПЛАНЕТА, НА КОТОРОЙ НЕ УМИРАЮТ..	647

Часть седьмая. ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ КО

Юстина Южная. ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ КО.....	667
Кристина Каримова. СКАЗКА ДЛЯ АЛЕНУШКИ.....	703

Эпилог

Андрей Щербак-Жуков. КАК ЭТО БЫЛО И КАК МОГЛО БЫ БЫТЬ.....	766

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ИСКУШЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

Ответственный редактор *И. Минаков*

Редактор *Е. Кондратьева*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Л. Огнева*

Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша

арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить по адресу:

<http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 07.10.2013. Формат 84х108^{1/32}.

Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,68.

Тираж 3500 экз. Заказ № 4069.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-68097-9

9 785699 680979 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ИСКУШЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

Трудно поверить, но прошло уже десять лет, как ушел от нас Кир Булычев...

На его добрых и мудрых книгах выросло и возмужало несколько поколений читателей. Истории о госте из будущего Алисе Селезневой, космическом докторе Павлыше, простоватых, но поразительно везучих жителях русского городка Великий Гуслияр сопровождают нас всю жизнь – от младенчества до весьма зрелого возраста. Но время идет, любимые книги читаны-перечитаны, а ведь так хочется узнать, что было с их героями дальше...

Этот сборник дарит читателям уникальную возможность заглянуть за пределы, казалось бы, давно завершенных историй. Алиса и доктор Павлыш, неунывающие гуслиярцы и обитатели Поселка, затерянного на далекой, суровой планете, возвращаются!

В сборник включены произведения Кира Булычева, найденные в архиве писателя, а также повести и рассказы, написанные по мотивам его книг другими известными авторами!

ISBN 978-5-699-68097-9

9 785699 680979